История
человечества
т. 9

1896

Исторія человѣчества.

Томъ девятый.

Исторія человѣчества.

Всемірная исторія.

Составили

профессора: Г. Адлеръ, К. Арендтъ, Т. Ахелисъ, К. Г. Брандисъ, М. ф.-Брандтъ, Б. Бретгольцъ, В. Вальтеръ, К. Вейле, † Э. гр. Вильчекъ, Г. Винклеръ, Г. ф. Влислоцкій, Э. Гейкъ, К. Гэблеръ, А. Клейншмидтъ, К. Клейнъ, I. Колеръ, Ф. ф. Лушанъ, Р. Майръ, Р. Маренгольцъ, В. Милковичъ, К. Нибуръ, К. Паули, I. Ранке, Ф. Ратцель, К. Сете, Р. ф. Скала, Ал. Тилле, Ар. Тилле, Г. Фридъюнгъ, Г. ф. Цвидинекъ-Зюденгорстъ, Э. Шмидтъ, Г. Шіётъ, Г. Шурцъ, Г. Эгельгаафъ, Ю. Юнгъ и др.

подъ общей редакціей д-ра **Г. Гельмольта.**

Полный переводъ съ нѣмецкаго съ значительными дополненіями для Россіи извѣстныхъ русскихъ ученыхъ.

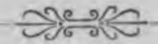
Составленіе дополненій къ переводу, сдѣланному **Б. Ф. Адлеромъ, А. И. Браудо, А. А. Вейнбергомъ, М. Е. Ліономъ, Я. А. Лурье, Е. Л. Петри, М. В. Чепинскою, Л. Я. Штернбергомъ, П. Е. Щеголевымъ,** взяли на себя проф. **В. В. Бартольдъ,** проф. **А. А. Кизеветтеръ, † Д. А. Коропчевскій,** проф. **А. Л. Погодинъ,** академикъ **В. В. Радловъ,** проф. **Е. В. Тарле** и др.

---

*1-й томъ **одобренъ** Учебнымъ Комитетомъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи;*

***рекомендованъ** Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній для подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній.*

260 отдѣльныхъ приложеній, изъ нихъ 60 хромолитографій, 55 картъ въ краскахъ и 145 черныхъ иллюстрацій.



С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",

Забалканскій просп., с. д. № 75.

Исторія человѣчества.

Всемірная исторія.

Девятый томъ (дополнительный).

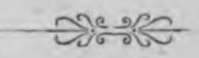
Дополненія. — Общій указатель.

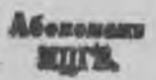
Статьи:

Д-ра **А. Тилле**, проф. **Р. Майра**, д-ра **В. Ганцша** и проф **Т. Ахелиса.**

Переводъ съ нѣмецкаго **П. А. Казанскаго** и **Я. А. Лурье.**

Приложенія: 1 карта и 2 гравюры.





С.-Петербургъ.
Типо-литографія Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., с. д. № 75.

18 96
Т-ВО ПРОСВѢЩЕНІЕ

Предисловіе.

Какъ это уже было указано въ предисловіи редактора къ VI тому (послѣднему по порядку выхода въ свѣть), этимъ томомъ закончилась „Исторія человѣчества“, соотвѣтственно первоначальному плану этого изданія.

Однако Библіографическій Институтъ нашелъ нужнымъ выпустить еще лежащій передъ нами дополнительный IX томъ, заключающій въ себѣ статью Ал. Тилле „Великобританія послѣ смерти Георга III (какъ земледѣльческое и промышленное государство)“, являющуюся дополненіемъ къ его же статьѣ „Великобританія и Ирландія“, помѣщенной въ VI томѣ. Далѣе слѣдуютъ три главы Рих. Майра о развитіи въ XIX столѣтіи образовательныхъ искусствъ и естественныхъ и гуманитарныхъ наукъ, являющіяся дополненіемъ къ его статьѣ „Наука, искусство и народное просвѣщеніе въ Западной Европѣ отъ XVI вѣка до настоящаго времени“, помѣщенной въ VIII томѣ

Чрезвычайно интереснымъ дополненіемъ является статья Виктора Гапцша. На примѣрѣ нѣмцевъ авторъ демонстрируетъ предъ нами картину современнаго переселенія народовъ и показываетъ, какъ подъ вліяніемъ различныхъ, преимущественно экономическихъ, факторовъ, падаютъ условныя оффиціальныя границы государствъ.

Далѣе слѣдуетъ статья проф. Томаса Ахелиса „Методологическое резюме выводовъ „Всемірной исторіи“ и составленный нашей редакціей общій алфавитный указатель именъ и предметовъ ко всѣмъ 9 томамъ.

Заканчивая свои многолѣтнія работы по настоящему изданію, считаемъ пріятнымъ долгомъ принести искреннюю признательность нашимъ постояннымъ сотрудникамъ и редакторамъ, такъ много потратившимъ силъ и времени, чтобы довести до конца нашу многотомную „Исторію человѣчества“.

Т-во „Просвѣщеніе“

Оглавленіе.

I. Великобританія послѣ смерти Георга III.

(Д-ра Александра Тилле.)

II. Наука, искусство и образованность Западной Европы отъ XVI вѣка до настоящаго времени.

(Проф. д-ра Рихарда Майра.)

III. Разселеніе нѣмцевъ по земному шару.

(Виктора Ганцща.)

IV. Методологическое резюме выводовъ „Всемірной исторіи".

(Проф. Томаса Ахелиса.)

Приложенія.

I. Великобританія и Ирландія послѣ смерти Георга III.

Сочиненіе д-ра **Александра Тилле.**

1. Великобританія, какъ земледѣльческое и промышленное государство (1815—1848).

А. Экономическая жизнь.

Войны, которыя велись Великобританіей и Ирландіей противъ Наполеона, стоили болѣе 8 милліардовъ руб., включая сюда и полмилліарда, уплаченные съ 1792 до 1817 года въ качествѣ субсидій; изъ этихъ денегъ только около 2 милліардовъ было получено изъ нормальныхъ налоговыхъ источниковъ. Болѣе 6 милліардовъ прибавилось къ государственному долгу. При этомъ налоговое бремя въ годы войны составляло въ среднемъ три четверти милліарда руб. въ годъ. Питтъ обложилъ налогами спиртные напитки, строительные матеріалы, стекло, жесть; къ этимъ налогамъ онъ присоединилъ еще налоги на чай, кофе, фрукты, пудру, шляпы, лошадей и собакъ; дѣлая все болѣе выгодными для кредиторовъ условія государственныхъ займовъ, онъ привлекъ къ участію въ нихъ всѣхъ имущихъ; такимъ образомъ, съ 1793 до 1801 г. за полученные имъ наличными 2 милліарда 20 милліоновъ руб. онъ выдалъ государственныхъ обязательствъ на 3 милліарда 140 милліоновъ. Въ 1798 году къ этому присоединился еще 10-типроцентный подоходный налогъ, и скоро въ странѣ не было почти товаровъ, не обложенныхъ налогами. Въ 1841 году ввозныя пошлины взимались еще съ 1,200 различныхъ товаровъ. Однако, одновременно повышались и цѣны на пшеницу: съ 49 шиллинговъ за англійскую четверть (quarter) въ 1793 году до 67 шиллинговъ въ 1799 г., до 113 шиллинговъ въ 1800 году, и къ 1810 году цѣна упала лишь до 106 шиллинговъ; поэтому обложеніе продуктовъ промышленности для народа, который на восемь десятыхъ все еще состоялъ изъ земледѣльцевъ, не вызывало еще слишкомъ большого измѣненія въ покупательной силѣ денегъ.

Страна могла доставить такія суммы только потому, что вывозъ къ 1815 году возросъ до цифры полумилліарда руб. въ годъ. Какъ прямые налоги, такъ и займы въ большей своей части ложились на имущіе классы, благосостояніе которыхъ значительно увеличилось. Земледѣльцы получали болѣе высокіе доходы благодаря высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ; торговцы съ каждымъ годомъ пріобрѣтали новыя области для сбыта внѣ Европы; самою доходною изъ нихъ была Южная Америка. Не только испанскія колоніи съ упадкомъ испанскаго могущества стали совершенно самостоятельными въ торговомъ отношеніи, но и португальская Бразилія сдѣлалась обширнымъ рынкомъ для британскихъ товаровъ, когда въ 1808 году туда переселилось португальское правительство. Съ 1811 года вся торговля съ Португаліей принадлежала Англіи; исключая время съ 1812 по 1814 годъ, британская торговля съ Соединенными Штатами росла еще быстрѣе, чѣмъ населеніе послѣднихъ. Но еще важнѣе, чѣмъ абсолютный ростъ британской торговли, былъ ея относительный ростъ. Въ то самое время, какъ Англія обезпечивала за собою этотъ громадный вывозъ, всѣ остальныя европейскія страны потеряли почти весь свой морской вывозъ,

и эта потеря имѣла большое значеніе при несовершенствѣ сухопутныхъ путей сообщенія. Такимъ образомъ получилось, что въ 1815 году при заключеніи мира Соединенное королевство, и прежде всего Англія, представляло единственное государство, ведущее крупную торговлю и вывозящее произведенія промышленности.

Съ окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ наступило, однако, значительное измѣненіе. Въ 1815 году англійская промышленность испытала сильное паденіе цѣнъ. Покупательныя силы внѣ Англіи замѣтно истощились. Чтобы оправиться, всѣ воздерживались отъ покупокъ. Цѣлыя страны оградили себя таможенными границами. Другія страны съ наступленіемъ мира взялись за возстановленіе собственной промышленности. Притокъ денегъ отъ торговли внезапно остановился. Хотя въ то же время прекратился и платежъ субсидій и ссудъ за границу, все-таки неурожаи 1816 и 1817 годовъ сдѣлали необходимымъ ввозъ большихъ количествъ хлѣба съ континента; поэтому туда отлили большія денежныя суммы. Съ 1815 года ввозъ хлѣба вообще не допускался, если цѣна не достигала 80 шиллинговъ за англійскую четверть. Когда достигнута была эта цѣна, въ страну сталъ ввозиться иностранный хлѣбъ за эту цѣну, а пшеница по болѣе низкой цѣнѣ; несмотря на пошлину, цѣны на хлѣбъ упали; поэтому доходы землевладѣльцевъ испытали еще болѣе быстрое паденіе, чѣмъ доходы торговцевъ. Паденіе доходовъ было такъ сильно, что въ 1816 году парламентъ вопреки желанію правительства настоялъ на отмѣнѣ подоходнаго налога. Съ 1816 по 1819 г. число ежегодныхъ банковыхъ краховъ сильно возросло. Въ 1819 г. въ одной Англіи лопнуло не менѣе 3,552 предпріятій. Во время самаго сильнаго упадка (въ 1821 г.), когда покупательная сила денегъ нѣсколько повысилась, Англійскій Банкъ возобновилъ платежи золотомъ и этимъ содѣйствовалъ оживленію промышленности. Но послѣ небольшого подъема въ слѣдующіе годы англійская промышленность второй разъ испытала упадокъ.

Въ 1823 году достигли политической независимости Средняя и Южная Америка. Съ страстью завоевателя бросился англійскій капиталъ на это новое поле приложенія и новый рынокъ для сбыта; но тропическое солнце и разслабленное смѣшанное населеніе осудили этотъ рынокъ лишь на очень медленное развитіе. Чрезмѣрная спекуляція, опиравшаяся на это открытіе новыхъ областей, привела къ хозяйственному кризису 1825 года. Хотя этотъ кризисъ и былъ осиленъ въ нѣсколько лѣтъ, но вслѣдствіе колебанія цѣнъ на сырые матеріалы англійская промышленность и въ слѣдующее десятилѣтіе не достигла обезпеченнаго положенія. Съ 1821 по 1830 г. внѣшняя торговля Англіи оставалась почти неподвижной, между тѣмъ какъ до 1821 года она все еще росла, хотя съ 1816 года ростъ ея отставалъ отъ роста населенія. При этомъ цѣнность ввоза выросла съ 30 милліоновъ фунт. стерл. до 46 милліоновъ, между тѣмъ какъ цѣнность вывоза только съ 40 милліоновъ до 60 милліоновъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Соединенныхъ Штатахъ имѣлъ мѣсто значительный подъемъ; тамъ открывались такія же перспективы, какія раньше рисовались на американскомъ югѣ, и англійскій капиталъ съ еще большею страстностью бросился на покупку земель въ Союзѣ. Рядъ хорошихъ урожаевъ избавилъ Англію отъ необходимости посылать за границу наличныя деньги за хлѣбъ; количество орудія обращенія такъ возросло на Британскихъ островахъ, что изъ-за помѣщенія денегъ въ восточныхъ американскихъ штатахъ развилась настоящая гонка. Достаточно было союзнаго закона 1836 года, чтобы остановить это движеніе. Обезцѣненіе американскихъ земель было отмѣчено крахомъ большого числа англійскихъ банковъ. Новые неурожаи, отливъ большихъ количествъ звонкой монеты за границу въ уплату за хлѣбъ въ періодъ денежнаго стѣсненія, угнетенное состояніе въ Соединенныхъ Штатахъ, сильно ограничившее сбытъ за Ат-

лантическій океанъ — создавали все болѣе трудное положеніе. Чтобы вызвать полный денежный кризисъ, понадобился еще только крахъ Бельгійскаго банка въ 1839 году.

Въ 1841 году, послѣ пяти крайне тяжелыхъ годовъ, опять наступилъ подъемъ. Новыя силы стали пробуждаться въ народѣ. Къ нѣсколькимъ богатымъ урожаямъ всюду въ странѣ присоединилось новое возбужденіе духа предпріимчивости въ связи съ желѣзно-дорожнымъ строительствомъ. Въ 1814 году Джорджъ Стивенсонъ построилъ первый паровозъ; въ 1829 году была открыта для пассажирскаго движенія первая правильно дѣйствующая желѣзная дорога между Манчестеромъ и Ливерпулемъ; десять лѣтъ спустя послѣдовало пониженіе почтовой платы до одного пенни за простое письмо, имѣвшее въ свою очередь слѣдствіемъ увеличеніе сношеній, какого нельзя было предвидѣть; въ 1841 году къ этому присоединился электрическій телеграфъ. Съ 1838 года пароходы начали пересѣкать океанъ, и Англія — родина паровой машины — своимъ первымъ въ мірѣ паровымъ флотомъ далеко опередила всѣ остальныя страны. Англійскій народъ въ немного лѣтъ затратилъ милліардъ руб. на устройство дорогъ для того, чтобы въ будущемъ извлекать сто милліоновъ годового дохода. Даже картофельная болѣзнь, которая съ 1847 года вызвала голодъ въ Ирландіи, не могла остановить потока барышей. Но англійскій рынокъ долго не могъ приспособиться къ ввозу хлѣба, ставшему необходимымъ благодаря нуждѣ въ Ирландіи и постояннымъ плохимъ урожаямъ. Одна хлѣбная фирма падала за другой. Въ 1847 году имѣлъ мѣсто хозяйственный кризисъ, какого еще не переживали Британскіе острова. Это былъ уже не спекулятивный кризисъ, какъ въ 1836 году, когда однимъ ударомъ были уничтожены цѣнности, въ сущности мнимыя; это не былъ и чисто денежный кризисъ, какъ въ 1839 году; это былъ хозяйственный крахъ самаго тяжелаго свойства. Длительное сокращеніе потребленія, бывшее слѣдствіемъ неблагопріятнаго экономическаго положенія, сдѣлало, въ концѣ концовъ, излишнею большую часть британскаго товарнаго производства. Эта остановка хозяйственной жизни тяжело отразилась на ростѣ населенія. Въ тридцатыхъ годахъ населеніе возрастало въ среднемъ на 268,000 въ годъ; въ сороковыхъ — лишь на 80,000. Эмиграція и внѣшній рынокъ оставались въ нуждѣ единственнымъ спасеніемъ. Но міровой коньюнктуры еще не было. Каждое государство въ существенномъ жило еще, до извѣстной степени, собственною хозяйственною жизнью. Среди своихъ кризисовъ Англія могла еще найти опору въ менѣе форсированномъ развитіи. Этому обстоятельству она обязана толчкомъ къ ускоренію своего развитія въ первое вывозящее государство большого стиля на земномъ шарѣ и къ уничтоженію своего земледѣлія.

B. Промышленное и соціальное развитіе.

Англійская промышленность въ нѣсколько десятилѣтій завоевала рынки всего міра, потому что не встрѣчала, вообще, никакой конкурренціи; но при всемъ томъ она стояла на глиняныхъ ногахъ. Восемь десятыхъ британскаго народа еще крѣпко держалось за землю, за земледѣліе и скотоводство. Отбившіеся отъ земли сильные и смышленые люди шли на интересную службу въ торговомъ и военномъ флотѣ или поступали въ армію. Но даже для арміи едва можно было набрать въ странѣ достаточное количество способныхъ носить оружіе людей, — такъ что Англія вела американскую войну за независимость, въ сущности, съ помощью нѣмецкихъ наемниковъ. Кромѣ того, тысячи по двѣ предпріимчивыхъ молодыхъ людей ежегодно выселялось въ Соединенные Штаты въ качествѣ эмигрантовъ. Такимъ образомъ, для англійской промышленности, для ея фабрикъ еще на порогѣ XIX столѣтія оставались только подонки народа: слабо-

сильные, лѣнивые и неспособные, а другими силами она на первыхъ порахъ пользоваться не могла. Въ 18 вѣкѣ шатающаяся и скрипящая „машина“, которая хоть и знала команду: „влѣво“, „вправо“, „вверхъ“, „внизъ“, но не умѣла еще работать съ головокружительной быстротой, отняла у ремесленниковъ болѣе тяжелыя работы. Она стоила въ нѣсколько разъ дороже ручного инструмента. Ея производительная сила была больше, но не въ такой степени. Поэтому недоборъ приходилось покрывать на заработной платѣ. Машина была построена прежде всего съ тою цѣлью, чтобы замѣнить человѣческую силу при самыхъ тяжелыхъ физическихъ работахъ. Непосредственнымъ результатомъ была возможность пользоваться менѣе дорогими рабочими силами. На первыхъ фабрикахъ работали самые слабые мужчины, а съ ними женщины и дѣти. Во время наполеоновскихъ войнъ фабричное производство лишило хлѣба незначительную часть прежнихъ ремесленниковъ. Англійская промышленность должна была довольствоваться этими наличными условіями; она и довольствовалась ими и привлекала къ себѣ на службу отребье городовъ и сосѣднихъ сельскихъ округовъ; количество людей, нужныхъ для работы при одной машинѣ, было довольно невелико; производительность отдѣльнаго рабочаго была невысока. Мужчины, работавшіе на англійскихъ фабрикахъ въ 1800 году, были въ среднемъ слабѣе женщинъ и подростковъ обычнаго тѣлосложенія и работали несомнѣнно медленнѣе, чѣмъ двѣ послѣднія категоріи рабочихъ. Отсюда получалось, что бумагопрядильни въ Іоркширѣ и Ланкаширѣ находили выгоднымъ примѣнять въ качествѣ рабочихъ цѣлыя полчища дѣтей. Естественнымъ результатомъ ничтожной производительности труда и большой медленности работы было очень продолжительное рабочее время. Чтобы извлечь изъ этихъ медлительныхъ рабочихъ то количество труда, которое они могли выполнить между двумя періодами сна, нуженъ былъ рабочій день въ 14—16 часовъ. А работа, которую они должны были выполнять, была простою механическою работой, безъ всякаго участія мысли, сводилась къ простому механическому повторенію самыхъ простыхъ движеній. Длинное рабочее время идетъ рука объ руку съ низкою производительностью. То и другое сильно удорожаетъ производство товаровъ; дорогія машины при малой производительности рабочаго даютъ мало продукта; длинное рабочее время обозначаетъ продолжительность потребленія механической силы; поэтому въ качествѣ третьяго союзника сюда присоединяется низкая заработная плата; для низшаго по производительности слоя всякаго народа плата эта часто стоитъ непосредственно на границѣ голоданія.

Экономической связи этихъ явленій въ то время еще не понимали, но объ ихъ наличности свидѣтельствуютъ многочисленныя жалобы современниковъ. Самымъ тяжелымъ послѣдствіемъ этого стѣснительнаго положенія для англійской промышленности была почти полная остановка изобрѣтательности. Всюду, гдѣ появлялись новыя изобрѣтенія, противъ нихъ обращался ограниченный фанатизмъ рабочихъ и, кромѣ того, примѣненіе въ промышленности малоцѣннаго человѣческаго матерьяла устраняло всякую надежду на введеніе улучшеній. Сотни упрощеній, которыя съ успѣхомъ были бы примѣнены, имѣйся налицо расторопные, ловкіе, смышленые рабочіе, по недостатку послѣднихъ должны были остаться безъ приложенія. Въ концѣ концовъ, нѣкоторые фабриканты нашли выгоднымъ привлекать къ себѣ повышенной платой лучшихъ рабочихъ и начали это дѣлать. Достигнутое этимъ повышеніе производительности труда щедро вознаградило ихъ за издержки на плату; но по свойственному тому времени экономическому недомыслію тогда не понимали, что работодатель, дающій высшую плату, всегда обладаетъ привилегіей находить лучшихъ рабочихъ, такъ какъ всякій рабочій прежде всего обращается къ нему; увеличеніе производительности приписывали повышенію платы и думали,

что добьются того же и отъ остальныхъ рабочихъ, оплачивая ихъ трудъ такъ же хорошо. То же самое съ рабочимъ временемъ. Проворный рабочій въ десять часовъ дѣлаетъ гораздо большее количество работы, чѣмъ мѣшкотный въ шестнадцать; естественно, онъ скорѣе и утомляется. Было бы невыгодно, какъ показываетъ самый простой опытъ, заставлять расторопныхъ рабочихъ работать такъ же долго, какъ и медлительныхъ; расторопные рабочіе, чтобы выдержать столько же времени, должны были бы замедлить темпъ своей работы, и поэтому выигрышъ отъ ихъ труда частью былъ бы опять потерянъ. Такимъ образомъ изъ примѣненія лучшихъ рабочихъ вытекало не только повышеніе заработной платы, но и сокращеніе рабочаго времени, и все же предприниматели находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ при пользованіи въ качествѣ рабочихъ самымъ низкимъ по производительности слоемъ народа. До окончанія наполеоновскихъ войнъ число промышленныхъ рабочихъ съ высокой производительностью было крайне ничтожно. Жалобы на это едва ли были преувеличены. Выше всѣхъ стояли прядильщики. Но съ прекращеніемъ войнъ все стало иначе. Около пятидесяти тысячъ солдатъ вернулись сразу на родину; много матросовъ, служившихъ въ военномъ флотѣ, было уволено. Война съ Соединенными Штатами въ то же время остановила почти на четыре года потокъ переселенцевъ, уѣзжавшихъ въ Америку; обстоятельства, бывшія слѣдствіемъ заключенія мира, оставили безъ дѣла часть англійской промышленности. При такихъ обстоятельствахъ въ странѣ получился избытокъ предложенія рабочихъ рукъ и притомъ такихъ, производительность которыхъ далеко превосходила обычную мѣру и для примѣненія которыхъ не было машинъ соотвѣтствующаго качества. Со времени введенія послѣ бунтовъ 1797 г. новыхъ правилъ относительно жалованья матросамъ, матросы военнаго флота получали плату, позволявшую имъ жить довольно хорошо. Хотя теперь, съ уменьшеніемъ риска, они и готовы были продавать свой трудъ нѣсколько дешевле, но все-таки не за ту плату, которую получала самая слабая и неспособная часть мужского населенія страны и которая равнялась лишь трети ихъ прежняго жалованья. Съ другой стороны, предприниматели были совершенно не въ состояніи сильному человѣку платишь втрое больше, чѣмъ чахоточному ткачу; при медленномъ ходѣ машины сильный работникъ не могъ производить существенно больше, чѣмъ слабый. Такимъ образомъ получился странный фактъ: 100,000 сильныхъ мужчинъ скитались, какъ бродяги, по англійскимъ графствамъ, а отбросы населенія выполняли на фабрикахъ механическую рабскую работу. Хуже всего было то, что въ то время не знали причинъ этого несчастія и вслѣдствіе этого не находили средствъ для его устраненія.

Если можно было излѣчить это зло, то только такимъ усовершенствованіемъ машинъ, чтобы онѣ въ среднемъ требовали примѣненія полной мужской силы, какъ раньше это дѣлало самостоятельное ремесло. Когда техника разрѣшила этотъ вопросъ, зло само собою исчезло, и исчезновеніе это было ускорено еще цѣлымъ рядомъ законодательныхъ актовъ, дѣйствовавшихъ въ томъ же направленіи, хотя имѣвшихъ совершенно иную цѣль. Люди того времени вѣрили во всемогущество законодательства и думали, что можно смягчить участь работающихъ на фабрикахъ женщинъ и дѣтей, сокративъ закономъ ихъ рабочее время. Но сокращеніемъ рабочаго времени этихъ малоцѣнныхъ рабочихъ силъ ихъ примѣненіе во многихъ случаяхъ было сдѣлано невыгоднымъ для фабрикантовъ. Такъ какъ нельзя было занимать дешевыя рабочія руки долѣе 10 часовъ въ день, то фабриканту не оставалось ничего, кромѣ полнаго отказа отъ ихъ употребленія и перехода къ примѣненію болѣе дорогихъ рабочихъ. Для того, чтобы имѣть выгоду отъ ихъ работы, нужно было дать имъ возможность вполнѣ использовать свои физическія и духовныя силы. Это было достигнуто улучшеніемъ машинъ и ускореніемъ ихъ хода, средствомъ

къ чему послужила сила пара. Пятидесятилѣтній прогрессъ на этомъ пути привелъ къ тому, что работа при машинахъ не только опять требуетъ полной мужской силы, но еще и значительнаго количества мысли: это положило конецъ примѣненію мало-производительныхъ узкогрудыхъ рабочихъ, со впалыми щеками. Сокращеніе рабочаго времени имѣло цѣлью защиту работающихъ на фабрикахъ женщинъ и дѣтей отъ избыточнаго напряженія; но дѣйствительнымъ результатомъ его было устраненіе охраняемыхъ съ фабрикъ и оттѣсненіе ихъ къ другимъ занятіямъ. Еще хуже пришлось низшему слою взрослыхъ рабочихъ мужского пола. Одна фабрика за другою расчитывала ихъ, такъ какъ оставлять ихъ при старыхъ, медленныхъ машинахъ было невыгодно, а новыя, болѣе быстрыя и сложныя, требовали болѣе высоко стоящихъ рабочихъ силъ. Такимъ образомъ рабочіе низшаго разряда были выброшены въ среду неквалифицированныхъ рабочихъ, не знающихъ мастерства и съ непостояннымъ заработкомъ. Это затрудняло для нихъ заключеніе браковъ, устройство собственнаго домашняго очага и въ еще большей степени воспитаніе значительнаго числа дѣтей. Такимъ образомъ тысячи ихъ пали жертвою соціальнаго отбора, а съ вымираніемъ низшаго слоя росли средняя сила, здоровье и трудоспособность англійскаго народа. Увеличеніе числа соціальныхъ отбросовъ всегда связано съ тяжелыми общественными потрясеніями, какъ и измѣненіе въ распредѣленіи труда между различными общественными группами. Та группа, которая теряетъ средства къ существованію, не удовлетворяя техническимъ требованіямъ своего времени, легко склоняется къ кровавому насилію; конечно, результатомъ бываетъ лишь утрата ею и того, что на короткое время можно было бы еще сохранить.

Уже въ 1816 году въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ дѣло дошло до открытаго бунта ручныхъ рабочихъ, подавить которое можно было лишь военной силой. Характерно то, что возстаніе это было направлено противъ машинъ и предпринимателей, равно неповинныхъ въ господствовавшихъ отношеніяхъ, или противъ политическаго строя, предоставлявшаго право выбирать въ парламентъ однимъ собственникамъ. Въ Лондонѣ дѣло дошло до уличнаго боя, а послѣ образовалось большое число тайныхъ рабочихъ обществъ. Противъ послѣднихъ парламентъ направилъ всю защитительную силу исключительныхъ законовъ и установилъ смертную казнь за сопротивленіе полиціи при распущеніи ею народнаго собранія. Рабочіе выборные и рабочія массы принялись за петиціи и за вооруженныя возстанія. Но возстанія были повсюду подавлены. Чтобы занять недовольныхъ рабочихъ, многіе фабриканты перешли къ систематическому перепроизводству; естественнымъ результатомъ его явился въ 1819 году внезапный кризисъ и увеличеніе безработицы. Въ Манчестерѣ, чтобы разогнать собраніе, на которое сошлось пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, пришлось пустить въ ходъ полкъ. Смерть короля Георга III, котораго уже съ 1811 года замѣщалъ его сынъ, въ качествѣ постояннаго регента, не измѣнила боевого положенія, занятаго правительствомъ по отношенію къ мятежникамъ; вслѣдствіе этого была сдѣлана попытка убить всѣхъ министровъ. Но заговорщики были открыты и казнены. Однако, хотя мятежниковъ сурово карали, наказанія за уголовныя преступленія были въ 1823 году значительно смягчены; число преступленій, караемыхъ смертною казнью — а таковыхъ значилось нѣсколько сотъ — было уменьшено наполовину. Въ 1824 году закономъ были признаны запрещавшіеся раньше профессіональные союзы, хотя и въ 1825 г. ихъ дѣятельность ограничивалась стремленіемъ къ повышенію заработной платы. Ихъ дѣятельность имѣла три острыхъ ребра, и всѣ эти ребра врѣзывались, главнымъ образомъ, въ тѣло рабочаго. Они достигли извѣстнаго классового значенія въ качествѣ обществъ взаимнаго страхованія для покрытія издержекъ

на погребеніе, для поддержки въ случаѣ болѣзни и даже для поддержанія безработныхъ, — хоть и брали чудовищныя страховыя преміи, съ которыми соединялась еще и чудовищная неувѣренность въ полученіи страхового вознагражденія. Добиваясь повышенія заработной платы, они, съ одной стороны, вынуждали предпринимателей употреблять рабочихъ съ болѣе высокой производительностью и такимъ образомъ невольно содѣйствовали промышленному прогрессу; съ другой стороны, они уничтожали цѣлыя отрасли промышленности, дѣлая неспособными выдерживать конкуренцію тѣ изъ нихъ, въ которыхъ несовершенство машинъ недопускало примѣненія лучшихъ рабочихъ. Въ качествѣ союзовъ борьбы и защитниковъ коллективнаго рабочаго договора они часто вызывали тяжелыя потрясенія на рабочемъ рынкѣ Англіи и дѣлали почти невозможнымъ учетъ фактическихъ отношеній спроса и предложенія на немъ. Въ концѣ концовъ, они перешли къ систематической борьбѣ съ непринадлежащими къ нимъ рабочими; ограничивая число учениковъ и насильственно устраняя часть предложенія труда, они пытались создать искусственный рабочій рынокъ, основанный на чисто соціалистическихъ требованіяхъ: на установленіи минимума заработной платы и максимума рабочаго времени безъ одновременнаго фиксированія минимальной производительности труда; тутъ они перегнули лукъ, и послѣдній сломался.

Іеремія Бентамъ пытался выразить общественныя стремленія своего времени въ соціальной философіи; кульминаціоннымъ пунктомъ послѣдней было положеніе, что задача политики — наибольшее счастье наибольшаго числа людей; формулировка его, впрочемъ, не принадлежитъ Бентаму. Однако, смерть Бентама, послѣдовавшая въ 1832 году, помѣшала ему дать своимъ воззрѣніямъ ту научную основу, безъ которой нѣтъ соціальной философіи. Среди мрака того времени мерцали лишь блуждающіе огоньки вродѣ Бернса, Байрона и Шелли, не понимавшихъ серьезности современнаго имъ общественнаго развитія, и міръ въ смерти лорда-поэта въ Миссолунгахъ усматривалъ болѣе важное событіе, чѣмъ въ одновременныхъ рабочихъ волненіяхъ; между тѣмъ перестройка общественныхъ отношеній на основѣ личныхъ различій трудоспособности неудержимо продолжала свой ходъ. Въ міръ вступилъ либеральный общественный порядокъ съ его свободною игрою наличныхъ экономическихъ силъ. Тысячи различій въ трудоспособности, существовавшія въ населеніи, благодаря машинѣ впервые выступили наружу. Прежде положеніе индивида опредѣлялось во всемъ существенномъ его происхожденіемъ; съ освобожденіемъ человѣческой рабочей силы отъ земли и отъ путъ, связанныхъ съ происхожденіемъ, мѣсто унаслѣдованнаго положенія заняло положеніе, которое индивидъ самъ себѣ доставилъ собственнымъ трудомъ; мѣсто положенія по происхожденію заняло положеніе по профессіи. Уже не состояніе, а доходъ указывалъ человѣку его мѣсто въ обществѣ. Правда, значительная доля политической власти оставалась еще въ рукахъ наслѣдственныхъ законодателей, такъ какъ англійская верхняя палата состояла, какъ и раньше, изъ наслѣдственныхъ лордовъ; но рѣшеніе экономическихъ судебъ страны все-таки перешло въ руки носителей труда, сначала торговцевъ и фабрикантовъ, а потомъ и большинства взрослыхъ мужчинъ.

Внутренняя политическая борьба вращалась около политическихъ правъ и обязанностей въ Ирландіи и перестройки мѣстныхъ учрежденій въ либеральномъ смыслѣ. Послѣ того какъ среднее сословіе благодаря избирательному закону 1832 г. достигло въ Англіи политическаго всемогущества, оно старалось преобразовать законодательство въ либеральномъ направленіи. Въ области муниципальной жизни это было достигнуто великобританскимъ городовымъ положеніемъ (9 сентября 1835 г.), связавшимъ избирательное право съ платежемъ налоговъ (на Ирландію это положеніе распространено не было); въ области финансовъ — введеніемъ

вновь въ 1842 г. подоходнаго налога (въ 1842 г. онъ былъ опредѣленъ въ три процента); въ области денежнаго обращенія — закономъ 1844 года о банкахъ, который установилъ опредѣленное соотношеніе между количествомъ бумажныхъ денегъ и золотой наличностью въ банкахъ; въ области народнаго образованія — введеніемъ народныхъ школъ; въ области уголовнаго права — отмѣной ссылки преступниковъ въ Австралію (1846 г.).

Въ 1830 году во Франціи произошла іюльская революція. Она такъ напугала руководящіе круги Англіи, что они съ слѣпой поспѣшностью рѣшились на нѣкоторыя мѣропріятія, послѣдствій которыхъ они не могли учесть. Они взялись за фабричное законодательство. Первый фабричный законъ 1833 года былъ настоящимъ прыжкомъ въ неизвѣстность; онъ ограничивалъ рабочее время дѣтей ниже 13 лѣтъ 8-ью часами и дѣтей отъ 13 до 18 лѣтъ 12-ью часами. Такъ какъ дѣти эти большею частью исполняли вспомогательныя работы, безъ которыхъ не могло идти и все производство, то слѣдствіемъ была очень быстрая и сильная убыль занятыхъ въ производствѣ дѣтей ниже 13 лѣтъ; рабочій день взрослыхъ свелся также къ 12 часамъ. Чтобы возмѣстить потерянное время, предприниматели должны были ускорить ходъ машинъ, а гдѣ наличные рабочіе не были приспособлены къ такому ускоренію — замѣнить ихъ болѣе способными. Такимъ образомъ многіе рабочіе низшихъ разрядовъ поплатились своимъ заработкомъ. Плохо оплачиваемые рабочіе ложились бременемъ на учрежденія для призрѣнія бѣдныхъ, которыя съ конца 18 вѣка запутались въ сентиментальной безхозяйственности. Произошло огромное увеличеніе числа бѣдныхъ, а забота о нихъ по закону лежала на приходѣ; сборы на бѣдныхъ во многихъ мѣстахъ въ это время увеличились въ десять и двадцать разъ. Новый фабричный законъ еще увеличилъ число бѣдныхъ, и положеніе стало настолько вопіющимъ, что потребовало вмѣшательства. Совершенно въ духѣ моральныхъ воззрѣній того времени въ праздности этихъ неспособныхъ людей было усмотрѣно злостное нежеланіе трудиться; и противъ нихъ были приняты мѣры крайней строгости. Были построены работные дома, въ которые заключали каждаго, обращавшагося за поддержкой. Это тотчасъ повело къ отдѣленію овецъ отъ козлищъ. Одни, обладавшіе еще нѣкоторою трудоспособностью, избѣгая работныхъ домовъ и спасая свой домашній очагъ, ревностно искали работы, хотя бы и за самую скудную плату; другіе охотнѣе шли на голодъ и холодъ, чѣмъ на подчиненіе ненавистной дисциплинѣ работныхъ домовъ, такъ какъ всего тяжелѣе для нихъ было именно то, что тамъ требовалось, т. е. трудъ. Въ рабочіе дома шли лишь немногіе. То, что можно было спасти изъ рабочихъ силъ населенія, было такимъ образомъ спасено; окончательно пропащіе были низвергнуты въ бездну. Это было тѣмъ неизбѣжнѣе, что съ 1836 года начался рядъ неурожаевъ, и къ 1839 году цѣна на пшеницу почти удвоилась. Нищета опустившейся десятой доли народа представляла порою ужасную картину. Въ Манчестерѣ десятая часть жителей жила въ вонючихъ подвалахъ; въ Бэтналь-Гринѣ и другихъ частяхъ Восточнаго Лондона было еще хуже. Соціальный отборъ въ результатѣ фабричнаго закона и закона о призрѣніи бѣдныхъ началъ дѣйствовать еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

Современники, писавшіе исторію того времени, конечно, умалчиваютъ о томъ, что тогда же отъ этихъ жертвъ соціальнаго отбора началъ отдѣляться классъ фабричныхъ рабочихъ съ достаточными средствами существованія. Однако, именно, это загадочное сословіе и выставило въ 1837 г. народную хартію (Peoplés Charter), по имени которой рабочая партія потомъ получила названіе чартистовъ. Такъ какъ причины тяжелыхъ обстоятельствъ искали въ политическомъ законодательствѣ страны, то и устранить эти обстоятельства думали при помощи законодательныхъ измѣненій. Вѣрили въ возможность устранить зло при помощи

ежегодныхъ парламентовъ, всеобщаго голосованія, тайной подачи голосовъ, равенства избирательныхъ округовъ, распространенія пассивнаго избирательнаго права на всѣхъ и назначенія жалованья народнымъ представителямъ. Послѣ неудачи массовой петиціи въ парламентъ, рабочими былъ разграбленъ Бирмингамъ и Ньюпортъ былъ взятъ вооруженной силой; но въ 1840 году вожди движенія были приговорены къ смерти, а послѣ помилованія отправлены правительствомъ въ пожизненное изгнаніе. Для изслѣдованія существующаго положенія въ 1842 году была назначена первая соціальная комиссія. Она занималась изученіемъ условій труда въ горномъ дѣлѣ. Выводы изъ ея изслѣдованій надъ трудомъ занятыхъ въ этомъ дѣлѣ рабочихъ были прямо-таки печальные. Дѣлалась лишь низкая механическая работа безъ всякаго проблеска мысли; работа эта, перевозка тачекъ, выполнялась съ ропотомъ и съ безсмысленной тратой силъ и являлась единственною работой, на которую принимались женщины и большинство дѣтей. Но соціальная слѣдственная комиссія видѣла только, какъ женщины и дѣти страдали, и не видѣла, какъ мало они производили. Законъ, основанный на ея отчетѣ, запрещалъ заставлять женщинъ и дѣтей ниже 10 лѣтъ работать подъ землею, а дѣтей отъ 10 до 13 лѣтъ — работать подъ землей болѣе 3 дней въ недѣлю. Въ 1844 г. подобный же законъ запретилъ работу дѣтей моложе 9 лѣтъ на хлопчато-бумажныхъ и шелковыхъ фабрикахъ; въ 1847 году новый законъ установилъ для всѣхъ женщинъ и дѣтей на всѣхъ фабрикахъ десятичасовой день. Вслѣдствіе этого ограниченія рабочій день мужчинъ тотчасъ обнаружилъ тенденцію также уменьшиться до 10 часовъ; результатомъ этого было дальнѣйшее стремленіе къ усовершенствованію машинъ и ускоренію ихъ хода и новое изгнаніе болѣе плохихъ работниковъ изъ фабрикъ. Новое усиленіе соціальнаго отбора поставило тысячи людей въ отчаянное положеніе; въ революціонный 1848 годъ явился замыселъ представить 10 апрѣля въ парламентъ петицію, подписанную 6 милліонами рабочихъ; двѣсти тысячъ рабочихъ должны были передать ее лично. Упорный дождь и сосредоточеніе 200,000 полицейскихъ разстроили, однако, этотъ планъ.

C. **Партійная политика либераловъ и консерваторовъ.**

Успѣхи Англіи въ сферѣ міровой торговли и въ промышленномъ и соціальномъ развитіи стояли въ связи съ опредѣленнымъ направленіемъ ея внѣшней политики и сильно отражались на послѣдней; политическіе успѣхи дѣйствовали благопріятно на торговлю. Внутренняя политическая борьба въ Англіи въ 19 вѣкѣ представляла постоянное чередованіе у власти двухъ партій: либеральной и консервативной, замѣстившихъ виговъ и торіевъ. Всякое смѣлое движеніе либераловъ въ сторону демократіи, космополитизма, чрезмѣрной личной свободы, соціализма и созданія преимуществъ для рабочаго населенія стоило имъ нѣкотораго числа сторонниковъ; пріобрѣтая послѣднихъ, консервативная партія достигала власти; и всякій разъ, когда консервативная партія слишкомъ отставала отъ требованій вѣка въ уголовномъ и гражданскомъ правѣ, въ избирательномъ правѣ, въ соціальной и торговой политикѣ, слишкомъ подчеркивала права наслѣдственной собственности или легкомысленно впутывала народъ въ кровавыя войны, она неизбѣжно лишалась стольких сторонниковъ въ пользу либеральной партіи, что послѣдняя оказывалась въ большинствѣ. Англія 19 вѣка не создала ни одного великаго государственнаго человѣка, хотя и имѣла нѣсколько талантливыхъ. Ни герцогъ Вашингтонъ, ни Робертъ Пиль, ни лордъ Солсбери, ни Гладстонъ не могутъ претендовать на названіе великихъ. Несмотря на равнодушіе низшихъ слоевъ народа ко всякимъ новшествамъ въ міровоззрѣніи, въ нихъ образовались крайняго характера убѣжденія относительно желательной общественной формы;

убѣжденія эти частью стояли въ связи съ современными событіями, но въ цѣломъ опирались на ложное представленіе о силахъ экономическаго развитія.

Вмѣсто того, чтобы видѣть причину низкаго дохода рабочаго въ малой производительности его труда, искали ее въ государственномъ устройствѣ и въ мнимомъ господствѣ средняго класса; вмѣсто того, чтобы признать все большее усовершенствованіе машинъ, постройку путей сообщенія и желѣзныхъ дорогъ, ускоренный круговоротъ средствъ существованія такими средствами, которыя почти безошибочно ставятъ сильнаго человѣка на то мѣсто, до котораго онъ можетъ возвыситься своимъ трудомъ, — противъ этихъ пріобрѣтеній вели борьбу.

Въ самой тѣсной связи съ возможностью быстраго обмѣна мыслями между самыми далекими другъ отъ друга частями страны находилось возникновеніе и ростъ вліянія общественнаго мнѣнія по политическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Послѣ долгой борьбы съ короной и верхней палатой оно добилось въ 1832 году измѣненія избирательнаго права въ парламентъ; 41 маленькій городъ лишились права выбирать двухъ представителей въ парламентъ; 30 другихъ потеряли, по крайней мѣрѣ, одного изъ своихъ двухъ представителей; избирательное право было распространено, помимо земельныхъ собственниковъ, еще и на крупныхъ фермеровъ и болѣе крупныхъ домохозяевъ въ городахъ. Корона съ начала 19 вѣка совершенно отступила на задній планъ; коронованный глава народа обратился въ простую декорацію; предъ этой декораціей еще отвѣшивались обычные поклоны, но въ государственной жизни ея присутствіе сказывалось лишь изрѣдка въ мелкихъ министерскихъ интригахъ.

Такая роль за королевской властью окончательно утвердилась послѣ помѣшательства Георга III. Сынъ его Георгъ IV, который наслѣдовалъ отцу съ 1811 года въ качествѣ регента и съ 1820 до 1830 въ качествѣ короля, былъ распутнымъ человѣкомъ безъ всякаго личнаго вліянія. Отъ Каролины Брауншвейгской, съ которой онъ послѣ 1801 года жилъ раздѣльно, онъ имѣлъ дочь Шарлотту; эта послѣдняя вышла замужъ за Леопольда герцога Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургскаго (позднѣе короля Бельгіи) и умерла въ 1817 году, оставивъ дочь Викторію. Послѣ смерти Георга IV ему наслѣдовалъ подъ именемъ Вильгельма IV самый старшій изъ его оставшихся въ живыхъ братьевъ, — человѣкъ съ нѣсколько странными склонностями; національзмъ въ немъ господствовалъ надъ всѣмъ, но онъ былъ человѣкомъ безвреднымъ и царствовалъ лишь до 1837 года. Ему наслѣдовала его восемнадцатилѣтняя племянница Александрина **Викторія**, которой досталось на долю шестидесятичетырехлѣтнее царствованіе. Бракъ ея съ двоюроднымъ братомъ Альбертомъ (Альбертъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, 1840 г.) привелъ Кобургскій домъ въ его мужской линіи къ наслѣдованію англійскаго престола; происшедшія отъ этого брака многочисленныя дѣти, внуки и правнуки надолго обезпечили непрерывность престолонаслѣдія въ одной династіи, тогда какъ прежнія династіи часто держались на одномъ лицѣ и почти такъ же часто совсѣмъ прекращались.

Послѣ смерти Викторіи 22 января 1901 года ей наслѣдовалъ родившійся 9 ноября 1841 года сынъ ея Альбертъ-Эдуардъ, подъ именемъ Эдуарда VII.

Уже во время наполеоновскихъ войнъ Соединенное королевство избрало для себя политику **веденія войны чужими руками**. Оно платило денежныя субсидіи врагамъ самаго сильнаго изъ европейскихъ государствъ, но никогда не выставляло противъ Франціи большой національной арміи. Свои войны въ Португаліи и Соединенныхъ Штатахъ оно вело въ значительной степени при помощи чужеземныхъ наемниковъ. Такимъ путемъ оно спасало силы своего собственнаго народа и охраняло

свое населеніе отъ обратнаго естественнаго отбора, т. е. отъ гибели самыхъ сильныхъ его элементовъ. Съ этого времени главнымъ принципомъ англійской внѣшней политики было — никогда не вмѣшиваться въ европейскія осложненія съ собственнымъ войскомъ. Благодаря своему господству надъ морями Англія имѣла то, что ей было нужно; столѣтняя безплодная война изъ-за части французскаго континента убѣдила Англію, что здѣсь она не можетъ пріобрѣсти мѣста для бритовъ, а только растеряетъ драгоцѣнную народную силу. Иногда Англія посылкой военныхъ судовъ предотвращала еще кровавыя столкновенія; иной разъ эти суда позволяли втянуть себя въ сраженіе, какъ въ 1827 г. близъ Наварина, но въ большихъ европейскихъ войнахъ Англія уже не участвовала. Однако, она не перестала обращать вниманіе на европейскую политику; напротивъ, она очень зорко слѣдила за измѣненіями европейскаго равновѣсія и старалась заблаговременно бросить камень подъ ноги всякой державѣ, которая грозила сдѣлаться слишкомъ могущественной.

Д. **Ирландія.**

Въ Ирландіи все еще преобладало населеніе, занимавшееся земледѣліемъ и скотоводствомъ; при крайне ничтожной личной производительности обитателей (каталиковъ кельто-иберскаго происхожденія), представлявшей результатъ тысячелѣтняго обратнаго отбора среди племени, явившагося продуктомъ неудачнаго скрещиванія, — здѣсь господствовала крайняя бѣдность. Въ то время не думали о томъ, что источникомъ дохода является трудъ, и что отъ личнаго труда можно получить даже высокій доходъ. Увеличенія средняго дохода въ Ирландіи ждали сначала отъ эмансипаціи католиковъ и потомъ отъ всевозможныхъ другихъ мѣропріятій; но всѣ они не могли измѣнить ирландской расы, которая можетъ подняться до кроваваго насилія, но не до постояннаго правильнаго труда. Когда съ ирландцевъ было снято бремя десятины, они захотѣли отмѣны арендныхъ платежей; а когда въ этомъ имъ было отказано, они принялись за убійства и мятежи. Арендаторы, неспособные извлечь пользу изъ прогресса земледѣлія, впадали все въ бо́льшую нищету, а когда землевладѣльцы отказывали имъ въ возобновленіи аренды, они жаловались на насиліе и кричали о мести. Болѣе энергичное ульстерское племя легко устояло, несмотря на всѣ тяжелыя времена, и достигло благосостоянія посредствомъ улучшенія сельскаго хозяйства, тогда какъ въ остальной Ирландіи средній уровень дохода отъ земледѣлія остался неизмѣннымъ. Крупные землевладѣльцы Ульстера при прекращеніи аренды должны были платить своимъ трудолюбивымъ арендаторамъ большія суммы въ вознагражденіе за сдѣланныя улучшенія, въ остальной же Ирландіи землевладѣльцы получали свою землю отъ арендаторовъ все въ худшемъ состояніи.

Неурожай картофеля въ 1845 и 1846 гг. довелъ до голода отбросы ирландскаго населенія. Всѣ тѣ, кто не былъ способенъ ни къ чему, кромѣ воздѣлыванія въ теченіе года пары акровъ картофеля, потеряли большую часть своихъ средствъ существованія. Спасенія отъ нужды они искали въ убійствахъ и мятежахъ. Англійское правительство организовало для голодающихъ общественныя работы въ формѣ проведенія и починки дорогъ; но, вынужденный такимъ образомъ работать, сбродъ вмѣсто улучшенія дорогъ только портилъ ихъ и не заботился уже о пріисканіи другого заработка, надѣясь получать отъ государства за самый ничтожный трудъ значительную плату. Тогдашній глава министерства лордъ Джонъ Россель безуспѣшно старался заставить подонки ирландскаго племени работать. Самыя остроумныя средства приводили ни къ чему. Въ концѣ концовъ, энергія лорда ослабла, и, отчаявшись въ исправленіи этихъ людей, онъ опять ввелъ систему выдачи бѣднымъ пособій, которыми они

кормились, не неся никакого труда. Голодъ, грязь и пороки опустошали ряды низшаго слоя населенія и освобождали Ирландію, по крайней мѣрѣ, отъ худшей части ея обитателей. Въ то же время многіе, имѣвшіе средства на переселеніе за океанъ и необходимую для такого шага энергію, эмигрировали въ Америку.

Многія тысячи изъ нихъ погибли, потому что не доросли до требованій американской жизни; нѣсколько тысячъ нашли въ Новомъ Свѣтѣ свое счастіе и достигли богатства и вліянія. Съ 1845 по 1847 г. ирландское населеніе уменьшилось съ 8 до 5 милліоновъ, но и передъ такимъ массовымъ явленіемъ люди того времени останавливались безпомощно. Основываясь на благосостояніи небольшого числа энергичныхъ ирландцевъ въ Америкѣ, заключали, что единственно общественный строй виновенъ въ томъ, что милліоны слабыхъ не пользуются въ Ирландіи благосостояніемъ, и дѣлали съ ними наугадъ всевозможные опыты. Въ 1848 году надъ имѣніями, обремененными гипотечными долгами, нависла опасность принудительной продажи; по ничтожнымъ поводамъ владѣльцы такихъ имѣній лишались своей собственности. Во многихъ случаяхъ это совершенно разрушало старыя патріархальныя отношенія; арендаторы, приспособившіеся исключительно къ нимъ, окончательно погибали. Слѣдствіемъ было новое возстаніе, на которое упалъ отблескъ мартовской революціи на континентѣ. Теперь ирландцы начали хвататься за соціалистическіе взгляды и ждали спасенія отъ національзаціи земли. Пусть не будетъ арендной платы — и процвѣтетъ всеобщее благосостояніе. Американскіе ирландцы раздували пламя и посылали деньги подонкамъ населенія родины. Образовалось общество феніевъ, которое добивалось ни больше, ни меньше, какъ разрушенія либеральнаго общественнаго порядка.

Кромѣ эмиграціи лучшихъ элементовъ народа въ Америку, положеніе ирландскаго сельскаго хозяйства ухудшалось еще тѣмъ, что обосновавшаяся въ Ирландіи промышленность отвлекала отъ земледѣлія лучшія силы. Всякій крестьянинъ, чувствовавшій себя сколько-нибудь способнымъ добиться бо́льшаго, чѣмъ давала ему земля, тянулся въ городъ, прельщаемый высокой заработной платой въ промышленности; такимъ образомъ въ Ирландіи образовалось городское населеніе, средняя производительная сила котораго была выше, чѣмъ у сельскаго. Это былъ тотъ же переворотъ, который нѣсколько раньше совершился въ Англіи и Шотландіи и который неудачно пыталось взять подъ свою опеку англійское фабричное законодательство.

E. Міровоззрѣніе.

Англія дала своимъ гражданамъ свободу міровоззрѣнія позднѣе всѣхъ западныхъ цивилизованныхъ странъ, да и то не въ полной мѣрѣ. Въ 1828 году палъ такъ называемый корпораціонный актъ 1661 года, по которому никто не могъ занять должности на муниципальной службѣ, если онъ не причащался по англиканскому обряду; тогда же палъ „актъ о присягѣ“ 1673 года, устанавливавшій то же условіе для государственной службы. Такимъ образомъ всѣ диссиденты были допущены къ муниципальнымъ и государственнымъ должностямъ; католики были исключены, такъ какъ отрицаніе чудодѣйственности причастной формулы оставалось условіемъ допущенія къ этимъ должностямъ. Въ 1829 году къ муниципальнымъ и государственнымъ должностямъ, за исключеніемъ немногихъ особенно важныхъ, были допущены, наконецъ, и католики; этимъ были устранены, по крайней мѣрѣ, самыя существенныя политическія слѣдствія кризиса міровоззрѣнія, бывшаго въ 16 вѣкѣ, хотя въ духовной области разногласія еще сохранились. Но духовный прогрессъ вѣка и сюда внесъ измѣненіе. Образованные люди всѣхъ вѣроисповѣданій все болѣе примыкали къ естественно-научному міровоззрѣнію; медленно накоп-

лявшіеся, но твердо обоснованные результаты его создали почву, на которой прогрессивные умы вѣка достигали взаимнаго пониманія независимо отъ стараго церковнаго ученія. Послѣ того какъ Коперникъ отвелъ землѣ болѣе скромное положеніе въ солнечной системѣ, и Кеплеръ открылъ законы движенія планетъ, шагъ за шагомъ ограничивалось царство произвола, въ которомъ по прежнимъ воззрѣніямъ господствовали безплотныя силы или духи. Сначала Ньютонъ (см. фиг. 3 на табл. при 646 стр. VI т.) низвергъ spiritum rectorem (духа управителя) планетъ, замѣстивъ его силой тяготѣнія и Гервей свелъ область „жизненнаго духа" къ такъ называемой душевной жизни человѣка, открывъ кровообращеніе. Съ Канто-Лапласовской теоріей происхожденія міра картина вселенной получила единство и связность, поскольку дѣло касается неорганической природы вплоть до условій происхожденія земли включительно.

Въ 1830 году Ляйелль, устранивъ въ своихъ „Основаніяхъ геологіи" теорію катастрофъ, вдвинулъ въ рамки этой картины и исторію земли; въ 1859 г. Чарльзъ Дарвинъ въ своемъ „Происхожденіи видовъ" доказалъ фактъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе и такимъ образомъ распространилъ теорію естественнаго развитія на органическій міръ.

Установленіе принциповъ сохраненія энергіи и неуничтожаемости матеріи дало философскій ореолъ этой выведенной изъ опыта картинѣ міра; успѣхи психофизики окончательно изгнали изъ міра „жизненнаго духа"; въ то же время философія попыталась заполнить пропасть между понятіями матеріи и силы, объясняя и ту, и другую, какъ формы проявленія неизвѣстнаго „нѣчто", стоящаго за предѣлами міра явленій и, какъ субстратъ чувственнаго воспріятія, недоступнаго послѣднему. Постоянная популяризація главныхъ результатовъ этихъ положеній и ученій внѣдрила это міровоззрѣніе въ верхній слой средняго класса; въ Англіи, однако, тверже чѣмъ гдѣ-либо, классъ этотъ держится церковныхъ догматовъ. Такимъ образомъ возникъ новый кризисъ міровоззрѣнія, разрѣшающійся, однако, мирно, такъ какъ носители естественно-научнаго міровоззрѣнія, полагаясь на побѣдоносную силу науки, отказываются призывать на помощь государственную власть; въ Англіи власть эта послѣ уничтоженія законовъ противъ католиковъ и не имѣла, впрочемъ, закономѣрнаго повода вмѣшиваться въ споръ міровоззрѣній. Въ умахъ средняго класса произошло нѣчто въ родѣ раздвоенія міровоззрѣнія; въ теченіе шести рабочихъ дней онъ пользуется естественно-научнымъ міропониманіемъ, какъ основой дѣятельности, по воскресеньямъ онъ продолжаетъ выражать почтеніе къ формамъ прежняго церковнаго ученія; низшіе классы, поскольку они, вообще, способны имѣть міросозерцаніе, большею частью, остались во власти церковнаго ученія.

F. Внѣшняя политика и колоніальныя владѣнія.

Тяжелое бремя долговъ легло на Соединенное королевство благодаря наполеоновскимъ войнамъ; поэтому неудивительно, что Джорджъ Каннингъ въ 1822 г. настаивалъ, чтобы Англія держалась нѣкоторое время подальше отъ всякихъ европейскихъ и заокеанскихъ осложненій. Однако, онъ призналъ за самостоятельныя государства отдѣлившіяся отъ Испаніи южно-американскія колоніи ея и принялъ сторону Греціи, когда послѣдняя стремилась освободиться отъ турецкаго господства. Но лишь съ 1834 г., при Пальмерстонѣ, Англія снова начала ближе входить въ политическія дѣла на континентѣ, заключивъ (22 апрѣля 1834 г.) четверной союзъ съ Испаніей, Португаліей и Франціей, имѣвшій цѣлью защиту демократическихъ конституцій Пиренейскаго полуострова. Георгъ IV не могъ бы вести энергичной внѣшней политики; его братъ Вильгельмъ IV имѣлъ склонность къ тому, но умеръ прежде, чѣмъ началъ осуществлять свои

планы. Его племянница Викторія, имѣвшая при своемъ вступленіи на престолъ 18 лѣтъ, скоро также была вынуждена къ дѣятельности, благодаря колоніальнымъ отношеніямъ. Британская Индія ввозила въ Китай большія количества опіума; китайское правительство не хотѣло допускать этого ввоза. Оно (13 марта 1839 г.) вытребовало весь опіумъ, находившійся на британскихъ судахъ и въ британскихъ складахъ, и сожгло его. Англійскій флотъ заставилъ Китай уступить; англичанамъ былъ открытъ рядъ портовъ и уступленъ Гонгконгъ (26 августа 1842 г.). Еще раньше (15 іюля 1840 г.) Соединенное королевство заключило союзъ съ Россіей, Пруссіей и Австріей, чтобы помѣшать поддерживаемому Франціей Египту сдѣлаться самостоятельнымъ государствомъ и грозить могуществу султана. Морская демонстрація привела къ миру 13 февраля 1841 г. (см. т. V, стр. 180).

При антагонизмѣ съ Россіей, который началъ постепенно господствовать въ британской внѣшней политикѣ, главнымъ нервомъ послѣдней была колоніальная ея сторона; на ней Соединенное королевство сосредоточило все свое вниманіе послѣ потери своихъ старыхъ американскихъ колоній. Оно внушало всѣмъ остальнымъ народамъ Европы догматъ сохраненія европейскаго равновѣсія, но само истолковывало это равновѣсіе, какъ равновѣсіе только на континентѣ; сама Англія съ успѣхомъ нарушала дѣйствительное равновѣсіе между народами Стараго Свѣта, пріобрѣтая себѣ огромныя колоніальныя владѣнія и расширяя ихъ путемъ безчисленныхъ мелкихъ войнъ (см. карту: „Развитіе британскихъ колоніальныхъ владѣній“, стр. 676, т. VI).

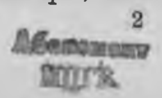
Джонъ Робертъ Сили въ своей книгѣ: „Expansion of England“ („Расширеніе Англіи“), говоритъ: „Англійскій народъ какъ бы по разсѣянности завоевалъ и заселилъ полміра“; эта фраза звучитъ странно, но въ основѣ своей содержитъ зерно глубокой истины. Тотъ народъ, который идетъ по пути къ своему величію вслѣдствіе слѣпого влеченія, самъ того не сознавая, идетъ болѣе увѣренной поступью, чѣмъ тотъ народъ, котораго должны звать на этотъ путь его поэты и государственные люди. И если Англія когда-либо шла своимъ путемъ, не заботясь о мірѣ и безъ сознанной цѣли, то это въ своей колоніальной политикѣ въ XIX вѣкѣ. При этомъ она не отступала передъ разрѣшеніемъ важныхъ принципіальныхъ вопросовъ даже тогда, когда къ ихъ разрѣшенію побуждали одни лишь идеальные мотивы. Къ характернымъ свойствамъ британской расы относится то, что она охотно дѣлаетъ изъ необходимости добродѣтель. Это подчиненіе съ веселой душой непреодолимой силѣ обстоятельствъ доставило Англіи много полезныхъ нововведеній, противъ которыхъ другіе напрасно боролись, чтобы потомъ нехотя подчиниться имъ. Такъ называемая декларація правъ человѣка уже во время первой французской революціи нашла себѣ громкій откликъ въ Англіи. За одно поколѣніе она прочно вкоренилась въ умы англичанъ, и нуженъ былъ только внѣшній толчекъ для того, чтобы она стала поводомъ къ важному общественному преобразованію. Толчекъ дала іюльская революція, и въ 1833 г. Англія рѣшилась выкупить за 400 милліоновъ марокъ всѣхъ рабовъ въ своихъ колоніяхъ и такимъ образомъ уничтожить рабство. Цѣлью при этомъ было сдѣлать изъ рабовъ полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества, и для этой цѣли они были на двѣнадцать лѣтъ отданы въ ученье къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ. Опытъ, впрочемъ, показалъ, что преобладающее большинство рабовъ осталось рабами, т. е. они не могли добиться посредствомъ труда хозяйственной самостоятельности и какого-нибудь благосостоянія.

Парижскій миръ (10 февраля 1763 г.) окончательно отдалъ Англіи Канаду, которая фактически была англійскимъ владѣніемъ уже съ 1760 г. Канада была главною резиденціей французскаго католицизма и феодализма. Поэтому завоеваніе страны англичанами перевернуло всѣ ея учрежденія. Въ частности, введены были англійскіе законы съ ихъ суровыми постано-

вленіями, направленными противъ приверженцевъ римско-католическаго міровоззрѣнія. Но эти мѣропріятія создали такое опасное броженіе, что Георгъ III въ Квебекскомъ актѣ 1774 г. отступилъ къ нѣкоторому среднему положенію. Онъ возвратилъ католическому духовенству десятину и объявилъ свободу совѣсти. Онъ образовалъ канадское войско и, сохранивъ въ колоніи англійское уголовное право, возстановилъ въ ней французскіе гражданскіе законы. Пользуясь хозяйственнымъ благополучіемъ, даже французское населеніе стало мало-по-малу свыкаться съ британскимъ владычествомъ. Для метрополіи было важно поддерживать миръ и спокойствіе на сѣверѣ Сѣверной Америки; поэтому въ 1791 г. она пошла еще дальше навстрѣчу нуждамъ колоніи, и Канада была раздѣлена, согласно составу населенія, на двѣ самостоятельныя провинціи: Верхнюю Канаду съ городомъ Онтаріо, съ англійскимъ населеніемъ, и Нижнюю Канаду съ гор. Квебекомъ — съ французскимъ. Каждая провинція получила свое выборное народное представительство; британская корона назначала въ провинцію губернатора и членовъ совѣта, который являлся верхней палатой. Въ Верхней Канадѣ, благодаря общности языка и обычаевъ, развились дружественныя отношенія къ метрополіи. Нижняя Канада, напротивъ, никогда не была спокойна, а это представляло постоянную опасность для англійскаго владычества. Съ 1812 по 1814 г., во время войны съ Англіей, Соединенные Штаты дѣлали повторныя завоевательныя экспедиціи въ Канаду, но рѣдко населенная страна представляла для нихъ такія затрудненія, что завоеваніе не удалось, хотя населеніе Нижней Канады и желало сильно выйти изъ-подъ англійскаго владычества. Въ Англіи этого не пугались и въ 1822 г. хотѣли даже отнять сдѣланныя въ 1791 г. уступки. Дѣйствительно, въ 1826 г. ленный актъ прекратилъ господство сеньеріальнаго землевладѣнія, тѣснѣйшимъ образомъ сросшагося со всѣмъ общественнымъ устройствомъ Нижней Канады. Тогда все недовольство вылилось въ политическую программу, которая быстро пріобрѣла большинство въ нижней палатѣ.

Собраніе нѣсколько разъ обращалось къ англійскому правительству съ просьбою вновь возстановить уже невозможныя отношенія, но всегда получало уклончивый отвѣтъ; наконецъ, въ 1836 г. оно назначило британской коронѣ полугодовой срокъ. Оно вотировало налоги только на полгода и объявило, что затѣмъ откажетъ въ нихъ, если избраніе членовъ верхней палаты не будетъ также предоставлено народу и если исполнительная власть не будетъ сдѣлана отвѣтственной передъ народомъ. Это означало по тогдашнему полную политическую автономію. Когда въ 1837 г. губернаторъ распустилъ собраніе, дѣло дошло до вооруженнаго возстанія, центромъ котораго былъ Монреаль. Волненія перекинулись и въ Верхнюю Канаду. Тѣ же требованія были выдвинуты и въ тамошнемъ собраніи, а когда англійскій парламентъ ихъ отклонилъ, въ Квебекѣ дѣло дошло до уличнаго боя, не имѣвшаго, впрочемъ, серьезныхъ послѣдствій. Инсургенты имѣли тамъ за себя лишь небольшую часть населенія. Эти событія лишь показали, что раздѣленіе Канады было ошибкой. Оно отняло у многочисленныхъ умѣренныхъ элементовъ населенія Верхней Канады всякую возможность путемъ рѣшеній большинства обуздывать гораздо менѣе многочисленныхъ, лишенныхъ чувства мѣры французовъ Нижней Канады. Сообразно этому, новая конституція соединила Верхнюю и Нижнюю Канаду въ одну страну съ однимъ генералъ-губернаторомъ; въ военныхъ вопросахъ ему были подчинены вице-губернаторы остальныхъ четырехъ сѣверо-американскихъ колоній Англіи.

Такъ какъ исполнительная власть была организована по образцу англійской, то вліяніе народа значительно усилилось и помогло ему добиться и дальнѣйшихъ уступокъ. Вначалѣ отвѣтственными передъ народнымъ представительствомъ были только министры, но не гене-



ралъ-губернаторъ. Въ 1847 году англійская корона признала, однако, отвѣтственность и этого послѣдняго, приказавъ ему дѣйствовать согласно совѣтамъ министровъ. Непосредственнымъ результатомъ этихъ мѣръ было то, что въ 1848 г. англійскій парламентъ отмѣнилъ постановленіе, по которому въ оффиціальныхъ сношеніяхъ долженъ былъ примѣняться исключительно англійскій языкъ. Волненія революціоннаго 1848 года вызвали все-таки въ 1849 г. подражаніе и въ Канадѣ. Въ Торонто и Монреалѣ произошли возстанія, примыкавшія къ волненіямъ 1836—37 гг., причемъ сгорѣло зданіе собранія. Цѣлью этихъ возстаній было присоединеніе Канады къ Соединеннымъ Штатамъ. Однако, единственнымъ результатомъ ихъ было то, что резиденція правительства стала каждые четыре года переноситься изъ Торонто въ Квебекъ и обратно.

Послѣ того, какъ въ 1805 году Уэльслей (впослѣдствіи герцогъ Веллингтонъ) покинулъ Индію, въ ней опять началъ господствовать дикій безпорядокъ. Мелкіе царьки возстали, и въ ихъ владѣніяхъ начали совершаться разбойничьи набѣги на англійскія колоніи. Лишь послѣ продолжительныхъ войнъ маркизъ Гастингсъ возстановилъ порядокъ; когда въ 1823 г. онъ вернулся на родину, мелкія войны еще не прекратились, но остъ-индская компанія стала уже господствующей силой въ странѣ. На сѣверѣ англійскія владѣнія были защищены Гиммалаями; на сѣверозападѣ губернаторамъ удалось найти оплотъ противъ воинственныхъ афганцевъ въ одномъ воинственномъ пенджабскомъ племени, которое не примыкало ни къ магометанскому, ни къ буддистскому вѣроисповѣданію. Когда въ 1837 г. затронутая русскимъ вліяніемъ Персія попыталась распространить свою власть на Афганистанъ, Англія стала стремиться пріобрѣсти дружбу афганцевъ. Но такъ какъ она не держала своихъ обѣщаній, то ея сторонники перешли на сторону персовъ. Въ Афганистанъ двинулось англійское войско, но единственнымъ результатомъ было, въ концѣ концовъ, полное его уничтоженіе, такъ что вернулся изъ похода только одинъ человѣкъ. Второй походъ того же года также не достигъ желанной цѣли. За этими походами послѣдовало завоеваніе Синда и въ 1845—49 гг. подчиненіе племенъ сиковъ, послѣ чего весь Пенджабъ очутился во власти Англіи.

Послѣ многократныхъ попытокъ завести колоніи на западномъ берегу Африки Англія въ 1806 г. окончательно завладѣла Капской колоніей. Но она оставалась простымъ завоеваніемъ. Только полъ-поколѣнія спустя началъ осѣдать здѣсь слабый потокъ англійскихъ поселенцевъ, которымъ послѣ 1834 года приходилось въ многочисленныхъ войнахъ защищаться на сѣверѣ противъ кафровъ. Наталь, какъ бѣлая колонія, былъ основанъ Капской колоніей въ 1824 году, а въ 1837 году пріобрѣлъ населеніе въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, благодаря сильной эмиграціи голландскихъ буровъ изъ Капской колоніи. Постоянныя войны съ зулусами мѣшали все-таки быстрому хозяйственному развитію. Несмотря на всѣ попытки Капской колоніи (1840 и 1843 гг.) третировать Наталь, какъ свое владѣніе, послѣдній развился въ самостоятельную колонію; въ 1848 году онъ получилъ отъ англійской короны самоуправленіе и право имѣть собственное законодательное собраніе.

Австралійскія колоніи дѣлились на двѣ группы: группу Австраліи и группу Новой Зеландіи. Изъ основаннаго въ 1788 г. въ Портѣ Джаксонѣ, на австралійскомъ континентѣ, поселенія преступниковъ развилась цвѣтущая колонія Новый Южный Уэльсъ; населеніе его въ 1821 г. достигало 30,000 человѣкъ, изъ которыхъ ссыльныхъ было болѣе 22,000. Производство шерсти быстро принесло ему благосостояніе. Въ 1825 г. прибавилась еще Вандименова Земля или Тасманія и ссыльная колонія — Западная Австралія; въ 1836 году возникла новая колонія — Южная Австралія (см. объ этомъ во II-мъ томѣ).

2. Развитіе Великобританіи въ промышленное государство (1849—73).

А. Экономическая политика.

Страна, вывозъ которой превышаетъ ввозъ, естественно, сильно заинтересована въ устраненіи всякихъ стѣсненій для торговли; поэтому съ 1820 года Англія стала центромъ движенія въ пользу свободы торговли. Разрушая устарѣлыя преграды, затруднявшія обмѣнъ, движеніе это принесло такую же пользу, какъ демократія разрушеніемъ наслѣдственныхъ сословныхъ различій; но демократія не могла уравнять людей, какъ производителей, и создать такимъ образомъ основу для дѣйствительно демократической экономической жизни; точно такъ же и отрицательное равенство, на которое опиралась свободная торговля, не могло помѣшать возникновенію новыхъ перегородокъ на основѣ раздѣленія труда между націями и національной экономической политики. Руководящіе торговые круги Британіи уже въ 1820 г. видѣли, что существующія стѣсненія торговли не выгодны для британскаго товарнаго обмѣна съ другими странами. Это убѣжденіе явилось почти одновременно въ Лондонѣ и Эдинбургѣ, и спеціально наряженная комиссія въ своемъ отчетѣ высказалась въ пользу свободы торговли. По иниціативѣ министерства торговли были отмѣнены ограниченія, касавшіяся мореплаванія. Былъ предоставленъ свободный доступъ въ Англію судамъ тѣхъ странъ, которыя предоставятъ то же самое англійскимъ судамъ. Очевидно, это могло быть только выгодно для островного государства, господствующаго на моряхъ; такимъ путемъ передъ его многочисленными судами открывались чужіе порты и въ то же время нечего было опасаться, чтобы маленькіе торговые флоты другихъ государствъ наводнили британскіе порты. Въ 1838 г. Ричардъ Кобденъ основалъ „Лигу противъ хлѣбнаго закона" („Anti-Cornlaw-League"). Ввозныя пошлины были уменьшены, и для хлѣба была установлена подвижная скала обложенія; наконецъ, въ 1846 г. при сэрѣ Робертѣ Пилѣ было рѣшено съ 1849 г. почти совершенно отмѣнить пошлины на хлѣбъ.

Это рѣшеніе означало для Англіи вступленіе на путь, съ котораго уже не было возврата. Оно обозначало уничтоженіе возможности сохранить Британскіе острова въ качествѣ самостоятельной хозяйственной области. При гораздо болѣе низкихъ издержкахъ производства хлѣба на всемъ западно-европейскомъ континентѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ сохраненіе британскаго производства хлѣба безъ таможенной охраны было невозможно. Конечно, удешевленіе хлѣба, бывшее результатомъ постепеннаго проведенія названной мѣры, тотчасъ принесло пользу англійской промышленности; оно понижало ея издержки производства и такимъ образомъ усиливало способность къ конкурренціи на міровомъ рынкѣ. Но, съ другой стороны, оно уничтожало сословіе земледѣльцевъ, которое, впрочемъ, при господствѣ арендной системы не имѣло большого значенія. Оно вынудило Соединенное королевство содержать сильнѣйшій въ мірѣ флотъ, хотя бы уже для того, чтобы обезпечить безпрепятственный подвозъ хлѣба и пшеницы къ своимъ берегамъ. Во всякомъ случаѣ, за открытіе пути для мощнаго промышленнаго развитія пришлось заплатить разрушеніемъ британскаго сельскаго хозяйства. Съ 1849 года Британскіе острова уже не были самодовлѣющею хозяйственною областью, а лишь частью таковой. Отъ другихъ частей ихъ отдѣляло море. Какъ и слѣдовало ожидать, торговля при такихъ условіяхъ испытала сильный подъемъ. Всѣ силы, прикрѣпленныя до того къ сельскому хозяйству, которое было выгодно лишь благодаря таможенной охранѣ, были освобо-

ждены для гораздо болѣе выгодной промышленности; послѣдняя получила новый притокъ сильныхъ и прилежныхъ рабочихъ, безъ которыхъ было бы невозможно непрерывное расширеніе машиннаго производства. Ростъ капиталовъ въ странѣ сдѣлалъ возможными самыя крупныя затраты и способствовалъ тѣмъ развитію массового производства и постоянному удешевленію продуктовъ. Первая всемірная выставка въ Лондонѣ въ 1851 г. показала превосходство англійской промышленности въ области добыванія и обработки минераловъ, хотя французская шелковая промышленность оказалась выше англійской. Но въ производствѣ хлопчатобумажныхъ матерій Англія была выше всѣхъ странъ. Уже передъ 1800 г. вывозъ хлопчатобумажныхъ матерій достигалъ по цѣнности половины вывоза шерстяныхъ, въ 1802 г. превысилъ, его а въ 1814 г. составлялъ по цѣнности почти половину всего англійскаго вывоза; остальной вывозъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ произведеній горной промышленности, шерсти, стекла и бумаги. Однако, съ середины XIX вѣка англійская хлопчатобумажная промышленность встрѣчала серьезную конкурренцію на европейскомъ континентѣ, а съ 1860 г. и въ Америкѣ. Но шерсть, желѣзо, сталь и уголь, льняныя издѣлія и очищенный сахаръ держались твердо, обработка же сырого шелка оставалась почти въ неподвижномъ состояніи. Въ первой половинѣ XIX вѣка главнымъ англійскимъ покупателемъ была Европа; около 1850 г. Европа покупала еще столько же, сколько и остальныя части свѣта, но съ 1860 г. Европа покупала лишь треть, а съ 1880 г. уже только четверть англійскаго вывоза. Такимъ образомъ существенныя части того цѣлаго, съ которымъ Британскіе острова составляли одну хозяйственную область, отодвинулись за океанъ. Однако, даже британскій колоніальный завоевательный духъ не могъ сдѣлать метрополію при посредствѣ колоніальныхъ пріобрѣтеній экономически самодовлѣющей. Среди англійскихъ колоній не было такой, гдѣ росъ бы хлопокъ съ достаточно длиннымъ волокномъ, пригодный для изготовленія тонкой англійской пряжи. Тутъ Англія продолжала зависѣть отъ Соединенныхъ Штатовъ и Южной Америки. Уже это ей мѣшало вести совершенно самостоятельную таможенную политику. Точно также лишь часть хлѣба, потребляемаго метрополіей, производилась англійскими колоніями.

B. **Высокое развитіе общаго вывоза.**

Блестящую сторону развитія Англіи съ 1848 до 1873 г. представляютъ ея промышленность и торговля. Однако, имѣющіяся статистическія данныя не позволяютъ нарисовать точную картину роста англійскаго вывоза до 1854 г., такъ какъ отчеты до этого года даютъ цифры или всецѣло вычисленныя, или же съ примѣсью вычисленныхъ, слѣдовательно, не представляютъ достаточной основы для послѣдовательнаго историческаго изученія. Для спеціальнаго англійскаго вывоза, т. е. для тѣхъ товаровъ, которые производились въ Англіи и были вывезены оттуда за границу, нѣтъ особой статистики и послѣ 1854 года; существуетъ только общая статистика вывоза, не выдѣляющая особо тѣхъ вывезенныхъ изъ Англіи товаровъ, которые были раньше ввезены въ нее изъ-за границы; товары эти являются предметами англійской торговли, но не представляютъ продуктовъ британскаго труда. Но хотя цифры, относящіяся къ періоду послѣ 1854 г., и не показываютъ, какъ росла сама англійская промышленность, все же онѣ могутъ служить основой для сужденій о ростѣ британской промышленности вмѣстѣ съ британской торговлей, поскольку послѣдняя шла черезъ Англію. Развитіе британскаго общаго вывоза съ 1855 до 1873 гг. было таково, что никогда ни одинъ народъ не достигалъ чего-либо подобнаго. Это самый мощный ростъ вывоза, извѣстный въ исторіи человѣчества. Съ 1855 до 1873 гг. цѣнность англійскаго общаго

вывоза возростала, въ среднемъ, на 9 милліоновъ фунт. стерл. въ годъ. Въ 1854 году она достигла 118,3 милліоновъ ф. ст., въ 1873 году 317.2 милліоновъ. Вотъ данныя по годамъ:

1854	118,3	милл. фунт. стерл.	1861	163,2	милл. фунт. стерл.	1868	232,5	милл. фунт. стерл.
1855	119,3	„ „ „	1862	169,3	„ „ „	1869	241,7	„ „ „
1856	141,8	„ „ „	1863	200,9	„ „ „	1870	248,9	„ „ „
1857	148,9	„ „ „	1864	218,2	„ „ „	1871	289,7	„ „ „
1858	142,8	„ „ „	1865	223,4	„ „ „	1872	321,3	„ „ „
1859	159,1	„ „ „	1866	243,8	„ „ „	1873	317,2	„ „ „
1860	168,3	„ „ „	1867	230,5	„ „ „			

Толчекъ къ этому новому высокому развитію исходилъ опять изъ Америки. Фантазія опять преувеличивала дѣйствительность. Были открыты калифорнскія золотыя розсыпи. Полился золотой потокъ, какого раньше не видывали. Въ Соединенныхъ Штатахъ, куда ежегодно переселялось по сто тысячъ англичанъ, имѣлъ мѣсто быстрый промышленный подъемъ и еще болѣе быстрый ростъ потребностей. Массы англійскаго народа, денегъ и товаровъ устремились тогда въ Новый Свѣтъ. Но емкость этого экономически все еще сильно отсталаго государства была очень переоцѣнена. Внезапно всякій сбытъ остановился. 1857 годъ наносилъ хозяйственной жизни одинъ уничтожающій ударъ за другимъ. Міровое хозяйство за предшествовавшее десятилѣтіе развилось достаточно, чтобы принять крещеніе перваго всемірнаго экономическаго кризиса. Началась американская междоусобная война и оставила англійскихъ прядильщиковъ безъ хлопка. За кризисомъ въ текстильной промышленности послѣдовалъ торговый кризисъ и кредитный кризисъ; много крупныхъ предпріятій рухнуло. Но при мощномъ развитіи англійской промышленности и торговли кризисъ вызвалъ лишь временную заминку. Остановить движеніе времени онъ не могъ. Промышленное развитіе Англіи, несмотря на кризисъ быстро и увѣренно шло впередъ; Англія была самой большой страной въ Европѣ, съ самымъ густымъ населеніемъ, страной, которая, разрушивъ экономическія основы своего сельскаго хозяйства, ежегодно отрывала отъ земли и стягивала на фабрики сотни тысячъ людей. Англія имѣла тогда какъ бы монополію на приложеніе машинъ къ производству цѣлаго рядъ товаровъ массового потребленія. Всѣ новыя изобрѣтенія въ области машинъ дѣлались въ ней, или въ ней впервые примѣнялись къ производству товаровъ въ крупныхъ размѣрахъ. Англія обладала новѣйшими и самыми совершенными машинами въ мірѣ и ежегодно вкладывала милліарды въ промышленность, между тѣмъ какъ производительныя силы другихъ народовъ ютились еще около ремесла. Результатомъ было такое экономическое развитіе, аналогіи которому нѣтъ въ исторіи народовъ. Это обозначало полное избавленіе англійскаго народа отъ ремесленнаго производства новыхъ товаровъ массового потребленія. Всюду перешли къ крупному машинному производству, съ рѣзко выраженнымъ раздѣленіемъ и частью тонко проведеннымъ расчлененіемъ труда. Всюду безостановочно шло удешевленіе продуктовъ промышленности, устранявшее въ корнѣ иностранную конкурренцію, сбытъ на внутреннемъ рынкѣ возросъ, какъ никогда, и вывозъ увеличивался съ каждымъ годомъ. Вліяніе на ростъ населенія сказывалось лишь постепенно, но съ неослабною силой. Въ 50-хъ годахъ британское населеніе увеличивалось уже на 155,000 въ годъ, тогда какъ въ 40-хъ — лишь на 80,000. Въ 60-хъ годахъ средній годовой приростъ населенія дошелъ до 255,000. И хотя число дѣтей теперь было втрое больше, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ, тѣмъ не менѣе, избытокъ дохода отъ труда надъ потребленіемъ, создаваемый каждымъ поколѣніемъ и передаваемый имъ слѣдующему, былъ такъ значителенъ, что состоятельность населенія почти удваивалась съ каждымъ поколѣніемъ. Это опять благопріятствовало постоянному усиленію крупнаго товарнаго про-

изводства. Лишь при такихъ условіяхъ было возможно вкладывать все новые милліарды въ фабрики, машины и суда.

C. Промышленно-соціальное развитіе.

Грандіозное развитіе британской промышленности опиралось на продолженіе того внутренняго промышленно-соціальнаго развитія, которое явственно начало обнаруживаться съ 1840 года. Ростъ заработной платы въ промышленности привлекалъ на фабрики все болѣе высокіе, все болѣе производительные слои народа. По мѣрѣ усложненія машинъ и ускоренія съ улучшеніемъ ихъ конструкціи ихъ хода повышались и требованія, которыя онѣ ставили рабочимъ. Чтобы получить рабочихъ, удовлетворяющихъ этимъ требованіямъ, фабриканты должны были платить болѣе высокую заработную плату и не оставались въ накладѣ, благодаря значительно большей производительности новыхъ машинъ. Такимъ образомъ съ начала 50-хъ годовъ на фабрики вошелъ совершенно новый классъ населенія, особенно сильно возросшій съ начала 60-хъ годовъ. Классъ этотъ вербовался преимущественно среди крестьянъ, но втягивалъ въ свои ряды еще моряковъ и ремесленниковъ. Они шли въ самыя прогрессивныя производства, стоявшія на высшемъ техническомъ уровнѣ. Отбросу населенія, женщинамъ и дѣтямъ оставались отсталыя производства. Лучшія веретена уже дѣлали тогда 4—5,000 оборотовъ въ минуту; теперь самыя быстрыя американскія веретена движутся втрое быстрѣе.

Около 60-хъ годовъ въ англійской промышленности началъ принимать все болѣе широкіе размѣры переходъ къ современному крупному производству. Фабрики съ старомодными машинами и отбросами народа въ качествѣ рабочихъ становились все рѣже. Прогрессивное удешевленіе производства товаровъ благодаря техническимъ вспомогательнымъ средствамъ дѣлало такія фабрики неспособными къ конкурренціи и вынуждало ихъ переходить къ новымъ методамъ, требующимъ рабочихъ болѣе высокаго типа, или же исчезать съ лица земли. Такимъ образомъ слабосильные, чахоточные рабочіе постепенно перевелись на фабрикахъ или же на ихъ долю осталась лишь ничтожная часть области труда; ихъ замѣнили болѣе производительные рабочіе, которые въ качествѣ фабричныхъ (working man) зарабатывали не меньше мелкихъ буржуа; заработокъ фабричнаго, имѣвшаго постоянную работу, поднялся въ началѣ до 75, а потомъ до 100 фунт. стерл. въ годъ. Однако, даровитые и менѣе производительные рабочіе не исчезли совсѣмъ; они образовали ниже четвертаго сословія квалифицированныхъ промышленныхъ рабочихъ пятое сословіе неквалифицированныхъ рабочихъ иля чернорабочихъ (labourers). Ихъ неспособность сосредоточенно слѣдить за работой машины въ ходу и направлять ее въ надлежащій моментъ не позволяла имъ пріобрѣсти спеціальность въ молодости; такимъ образомъ они оставались безъ спеціальности. Но соціальнымъ признакомъ ихъ было не отсутствіе спеціальности, а то, что они получили отъ природы недостаточно данныхъ для пріобрѣтенія таковой.

Но производительность британскихъ квалифицированныхъ рабочихъ не достигла еще высшей точки. Постоянно прогрессирующая техника предъявляла ко всѣмъ квалифицированнымъ рабочимъ все болѣе высокія требованія; требованіямъ этимъ могли удовлетворить лишь высшіе слои ремесленниковъ. Лишь съ начала 70-хъ годовъ достигшая небывалой высоты заработная плата была въ состояніи завоевать для фабрики эти круги населенія. Этому привлеченію высшихъ ремесленныхъ круговъ къ работѣ на фабрикахъ содѣйствовало еще то, что фабрики начали производить предметы, которые до сихъ поръ изготовлялись ремесленнымъ способомъ; это обстоятельство съ теченіемъ времени необ-

ходимо должно было оставить безъ заработка ремесленниковъ, работавшихъ самостоятельно. Но характерною чертою совершавшагося процесса развитія было то, что втягиваніе ремесленниковъ фабрикою совершалось быстрѣе, чѣмъ отнятіе у нихъ заработка машиною. Благодаря притягательной силѣ безпримѣрнаго промышленнаго подъема 70-хъ годовъ это соціальное перемѣщеніе совершалось съ наивозможной легкостью, такъ какъ вело къ увеличенію дохода перемѣнившихъ свое положеніе. Если уже въ теченіе двухъ десятилѣтій сотни тысячъ сельскихъ жителей ежегодно устремлялись въ города, то въ 1870—73 гг. это движеніе обратилось въ дикій потокъ. Сначала потянулись на фабрику поденщики и сельскіе рабочіе; потомъ низшій слой ремесленниковъ; затѣмъ средній и высшій слои ремесленниковъ; затѣмъ, наконецъ, часть торговаго слоя ремесленниковъ, тѣхъ, которые держали при своихъ мастерскихъ лавки для продажи своихъ издѣлій; теперь за ними послѣдовала мелкая буржуазія, сельскіе домохозяева, мелкіе служащіе, мелкіе торговцы, моряки. Промышленность притягивала къ себѣ всѣ наличныя силы.

D. Внутренняя и внѣшняя политика.

Враждебное отношеніе большинства великобританскаго населенія къ католицизму получило новую пищу благодаря учрежденію на британской территоріи новыхъ епархій римской церкви и назначенію кардинала Уайзмэна архіепископомъ вестминстерскимъ (бреве, 30 сентября 1850 года). Это враждебное отношеніе выразилось въ законѣ о церковныхъ титулахъ (7 февраля 1851 года), предоставлявшемъ право носить епископскій титулъ только духовнымъ лицамъ господствующей церкви. Что дѣло здѣсь шло только объ отраженіи римскаго нападенія, показало послѣдовавшее вскорѣ (въ іюлѣ 1858 г.) допущеніе евреевъ въ парламентъ. Среднее сословіе, ставъ руководителемъ судебъ страны, необходимо должно было столкнуться съ верхней палатой. Конфликтъ съ палатой лордовъ по вопросу объ установленіи налоговъ (1860 г.) закончилося заявленіемъ этой палаты, которымъ послѣдняя отказывалась отъ всякаго воздѣйствія на обложеніе. 15 августа 1867 г. было предпринято измѣненіе избирательнаго права въ парламентъ, причемъ послѣднее было распространено еще на болѣе широкіе круги. Былъ предоставленъ голосъ всякому имѣющему самостоятельное домашнее обзаведеніе въ городѣ безотносительно къ уплатѣ налоговъ; это усилило либеральную партію. 18 іюля 1872 г. послѣдовало введеніе тайной подачи голосовъ (Ballotbill). Тутъ демократическая волна достигла своей высшей точки. Вскорѣ (17 февраля 1874 года) либеральное министерство Гладстона пало, уступивъ мѣсто консервативному министерству Дизраэли.

Въ Ирландіи британское правительство долго было занято борьбой съ преслѣдовавшими анархическія цѣли заговорами феніевъ. Въ 1866 г. пришлось ввести военное положеніе въ городѣ и графствѣ Дублинѣ и пріостановить дѣйствіе закона о личной неприкосновенности. 26 іюля 1869 г. Гладстонъ произвелъ отдѣленіе отъ государства англиканской церкви въ Ирландіи и обратилъ на общеполезныя цѣли часть ея доходовъ. 1 августа онъ провелъ законъ о вознагражденіи ирландскихъ арендаторовъ и облегченіи имъ пріобрѣтенія земли; однако, 12 марта 1873 г. провалился его билль объ учрежденіи ирландскаго университета (стр. 32); билль этотъ былъ принятъ лишь въ 1879 г. при консервативномъ правительствѣ.

Надъ внѣшнею политикой Британскаго островного государства уже съ конца наполеоновскихъ войнъ нависла тѣнь колоніальнаго антагонизма съ Россіей. Уступчивость и требовательность по отношенію къ послѣдней смѣняли другъ друга, смотря по тому, либеральное или консервативное министерство было у власти. Чтобы расположить къ себѣ могущественнаго противника, который могъ угрожать Индіи, Пальмерстонъ

уступилъ настоятельнымъ желаніямъ царя относительно Шлезвигъ-Гольштейна (лондонскіе протоколы 4 іюля и 2 августа 1850 г.); но антагонизмъ съ Россіей отъ этого не ослабѣлъ. Когда раздраженная Россіей Турція въ 1853 году объявила ей войну, Англія быстро соединилась съ Франціей, которая со 2 декабря 1851 г. опять сдѣлалась имперіей. Англо-французскій флотъ отправился въ Дарданеллы и проникъ въ Черное море. Заключивъ между собою (12 марта 1854 г.) формальный союзный договоръ, Англія и Франція 28 марта 1854 г. объявили Россіи войну. Англійскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ подъ начальствомъ Нэпира не имѣлъ никакого успѣха; на югѣ была одержана (20 сентября 1854 г.) побѣда при Альмѣ; затѣмъ послѣдовала осада Севастополя, который палъ (8 сентября 1855 г.), главнымъ образомъ, благодаря дѣйствіямъ французскихъ войскъ. Парижскій миръ (30 марта 1856 г.) ограничилъ могущество Россіи въ Европѣ, обезпечивъ независимость Турціи и поставивъ тѣсные предѣлы свободѣ движеній русскаго военнаго флота. Россія зато подстрекнула Персію къ занятію Герата, который та очистила лишь послѣ нѣсколькихъ пораженій по миру 4 марта 1857 года. Одновременно съ этими войнами оскорбленье британскаго флага вызвало войну съ Китаемъ; Франція при этомъ опять стала на сторону Англіи (20 мая 1858 г.; взятіе Таку). Миръ 26 іюня 1858 г. открылъ для европейскихъ судовъ новые китайскіе порты. Непосредственной пользы для европейскаго судоходства отсюда, однако, не послѣдовало, такъ какъ Китай не соблюдалъ договора. Нуженъ былъ новый штурмъ Таку (21 августа 1860 г.) и занятіе Пекина (13 октября 1860 г.), чтобы окончательно побудить Китай къ миру (24 октября 1860 г.).

Когда сѣверные штаты Сѣверно-американскаго Союза въ 1861—65 гг. вели гражданскую войну съ южными штатами, Англія открыто стала на сторону южныхъ штатовъ, отъ которыхъ она получала хлопокъ; она признала послѣдніе воюющей стороной. Сѣверные штаты заставили англійскій почтовый пароходъ „Тріентъ“ выдать двухъ эмиссаровъ, посланныхъ южными штатами въ Англію; Англія начала вооружаться и добилась освобожденія плѣнниковъ. Война такимъ образомъ была избѣгнута. Еще прежде лондонской всемірной выставки 1862 года во время военнаго осложненія съ Мексикой скончался (14 декабря 1861 года) принцъ Альбертъ Кобургскій; Мексика начала притѣснять живущихъ въ ней европейцевъ. Англія заключила (31 октября 1861 г.) союзъ съ Франціей и Испаніей для общей защиты гражданъ всѣхъ трехъ государствъ, и снарядила совмѣстно съ ними военную экспедицію. Однако, когда Наполеонъ III открыто обнаружилъ завоевательныя намѣренія, его союзники отпали отъ него, и Англія урегулировала положеніе британцевъ въ Мексикѣ договоромъ 28 апрѣля 1862 г. Англія, добровольно отказалась отъ протектората надъ Іоническими островами, когда Греція избрала королемъ (30 марта 1863 г.) зятя королевы Викторіи Георга Датскаго: — архаическое воздѣйствіе династическихъ интересовъ на британскую міровую политику. Осенью 1867 года захватъ въ плѣнъ англійскихъ подданныхъ привелъ къ войнѣ съ Абиссиніей; война эта закончилась завоеваніемъ Магдаласа (13 апрѣля 1868 г.). Зато Россія воспользовалась Лондонской конференціей (съ 17 января до 31 августа 1871 г.), чтобы добиться уничтоженія нейтралитета Чернаго моря.

E. **Колоніальныя владѣнія.**

Система свободной торовли, т. е. отреченія отъ національной экономической политики въ какой бы то ни было формѣ, господствовала на Британскихъ островахъ съ 1849 года; но приложеніе ея принциповъ не ограничилось однимъ Соединеннымъ королевствомъ; свѣтлыя и тѣневыя стороны ея сказались на всѣхъ британскихъ колоніальныхъ владѣніяхъ. Кобденъ считалъ скорое отпаденіе британскихъ колоній отъ метрополіи

фатально неизбѣжнымъ; поэтому въ началѣ 60-хъ годовъ основнымъ принципомъ британской таможенной политики было, что Великобританія и Ирландія съ таможенной точки зрѣнія представляютъ для колоній какъ бы иностранное государство. Поэтому въ торговый договоръ между Соединеннымъ королевствомъ и германскимъ таможеннымъ союзомъ (30 мая 1865 г.) было включено постановленіе, что продукты германскаго союза не могутъ облагаться въ англійскихъ колоніяхъ и владѣніяхъ болѣе высокими ввозными пошлинами, чѣмъ такіе же продукты Британскихъ острововъ. Такое же постановленіе содержится въ торговомъ договорѣ съ Бельгіей. Пользуясь привилегіей дешеваго изготовленія товаровъ, Великобританія не встрѣчала тогда ни въ Канадѣ, ни въ Южной Америкѣ, ни въ Австраліи, ни въ Индіи серьезной конкурренціи со стороны Германіи и Бельгіи. Эта статья договора получила практическое значеніе лишь спустя два десятилѣтія, когда пришелъ конецъ быстрому росту британской вывозной промышленности. Въ теченіе двадцати лѣтъ статья эта имѣла лишь идеальное значеніе, свидѣтельствуя, что британское государство является убѣжищемъ свободы на землѣ, включая сюда и свободу производства и обмѣна; другія страны, между тѣмъ, не могли подняться до такого возвышеннаго абстрактнаго пониманія экономической политики. Это было особенно важно по отношенію къ Канадѣ.

Канада по своему географическому положенію и всѣмъ своимъ хозяйственнымъ отношеніямъ тѣснѣйшимъ образомъ примыкала къ Соединеннымъ Штатамъ. Эти послѣдніе съ 1775 года дѣлали попытки простереть свою руку на Канаду. Въ 1837 г. „сыны свободы“ возвѣстили конецъ британскаго господства въ Канадѣ и выпустили воззваніе къ юношеству свободной Сѣверной Америки. Когда въ 1838 г. англійское правительство протестовало противъ ввоза изъ Соединенныхъ Штатовъ оружія для инсургентовъ, Соединенные Штаты были готовы объявить войну Великобританіи. Въ 1850 г. въ Канадѣ были сдѣланы публичныя заявленія въ пользу присоединенія къ Соединеннымъ Штатамъ, покрытыя тысячами подписей. Всѣ чиновники, принимавшіе въ этомъ участіе, получили отставку; генералъ-губернаторъ объявилъ новому парламенту въ Торонто, что всѣ попытки отдѣлить Канаду отъ англійской короны будутъ подавлены силою оружія; но эти мѣры не помогли привязать канадцевъ къ Англіи. Привязанность явилась лишь тогда, когда обнаружились результаты эмиграціонной политики, которой Англія слѣдовала съ 1847 г. Если до того ежегодно эмигрировало въ Канаду только 20,000 британцевъ, то съ тѣхъ поръ стараніями государства это число было доведено до 100,000, изъ которыхъ, впрочемъ, не малая часть эмигрировала затѣмъ въ Соединенные Штаты. Введеніе въ крупныхъ размѣрахъ воздѣлыванія пшеницы, возникновеніе промышленности на востокѣ, постройка желѣзныхъ дорогъ съ 1856 г. и вызванное этимъ увеличеніе торговли и перемѣщеніе людей отвлекли вниманіе населенія отъ политическихъ вопросовъ къ экономическимъ. Опасность быть вовлеченными въ сѣверно-американскую междоусобную войну испугала даже прежнихъ сторонниковъ присоединенія къ Соединеннымъ Штатамъ. Но несмотря на это, чувство британскаго патріотизма въ Канадѣ не развивалось. Когда въ 1857 г. Оттава была сдѣлана постоянной столицей, страна снова получила постоянный правительственный центръ; но это обстоятельство пріобрѣло значеніе лишь тогда, когда около 1 іюля 1867 года въ составъ Канады вошли Новая Шотландія и Новый Брауншвейгъ. Эта федерація колоній получила названіе Dominion of Canada. Къ ней скоро присоединились и остальныя владѣнія Великобританіи въ Сѣверной Америкѣ за исключеніемъ Ньюфаундленда и Бермудскихъ острововъ: въ 1869 году была куплена территорія, принадлежавшая компаніи Хэдсонова (Гудзонова) залива. Въ 1871 году присоединилась по собственному почину Британская Колумбія и въ 1872 г. — острова принца Эдуарда. Такимъ образомъ получилась страна,

пространство которой лишь на полмилліона квадр. километровъ было меньше Соединенныхъ Штатовъ вмѣстѣ съ Аляской и на 800,000 квадр. километровъ больше, чѣмъ Соединенные Штаты безъ Аляски. Населеніе Канады въ 1871 году превышало $3^1/_2$ милліона; почти все оно, за исключеніемъ немногочисленныхъ монголовъ (большею частью китайцевъ), было европейскаго происхожденія. Опасность со стороны метисовъ территоріи Хэдсонова залива, которая вошла въ Канадскія владѣнія подъ именемъ провинціи Манитоба, была устранена въ 1870 году силою оружія. Заселеніе Манитобы британскими переселенцами оттѣснило метисовъ на сѣверозападъ. Ирландскіе феніи въ Соединенныхъ Штатахъ употребили всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти для Союза область Красной рѣки, но ихъ майскія нападенія были такъ основательно отбиты, что они надолго отказались отъ повторенія своихъ попытокъ. Такимъ образомъ съ 1873 года Канада могла считаться обезпеченнымъ владѣніемъ англійской короны.

Въ Южной Африкѣ всего непрерывнѣе и всего успѣшнѣе шло развитіе Капской колоніи, благодаря правильнымъ морскимъ сношеніямъ съ Британскими островами. Наталь въ 1856 году былъ сдѣланъ коронной колоніей, и поэтому его политическая связь съ Капской колоніей совершенно порвалась. Но при независимомъ духѣ населенія онъ этимъ положеніемъ удовлетворялся недолго. Благодаря постояннымъ войнамъ съ зулусами, голландскіе буры Наталя сохранили свою военную силу, и въ Наталѣ образовался значительный политическій антагонизмъ къ Англіи, съ которой его населеніе было лишь въ очень отдаленномъ родствѣ. Развитіе Австраліи также безостановочно подвигалось впередъ. Впрочемъ, конфликты были и здѣсь; такъ, въ 1851 г. Викторія отдѣлилась отъ Новаго Южнаго Уэльса. Въ 1851 г. вслѣдствіе противодѣйствія населенія была прекращена ссылка преступниковъ въ болѣе населенныя колоніи, такъ что для этой цѣли оставалась одна западная Австралія. Вновь открытыя золотоносныя пространства привлекли такой потокъ эмигрантовъ въ нѣкоторыя мѣстности, что въ 1859 г. Квинслэндъ могъ сдѣлаться самостоятельной колоніей.

Въ Индіи въ періодъ съ 1849 по 1856 годъ была завоевана Саттара, Нагпуръ, Нижняя Барма и Ода. Хотя въ Индіи никогда не было болѣе 250,000 англичанъ, англійское господство держалось тамъ твердо, потому что англійское правительство умѣло довольствоваться почти исключительно туземными войсками, сражавшимися подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ. Однако, случались и мятежи, какъ, напримѣръ, возстаніе сипаевъ 1857 г. Лишь послѣ того, какъ Англія перестала оскорблять міровоззрѣніе индійцевъ, установился внутри страны миръ, хотя пограничныя войны съ сосѣдями и продолжались. Результатомъ кровавой борьбы за обладаніе Индіей въ 1857 и 1858 гг. было распущеніе Остъ-Индской компаніи. Новый законъ объ управленіи Индіей (2 августа 1858 года) передалъ правленіе фактически въ руки королевы Великобританіи и Ирландіи съ 1 ноября 1858 г. Генералъ-губернаторъ носилъ съ тѣхъ поръ титулъ вице-короля. Хотя съ 1858 г. и началось развитіе естественныхъ рессурсовъ Индіи, въ 1866 г. послѣдовалъ страшный голодъ. Но, несмотря на голодъ, развитіе средствъ сообщенія продолжало прогрессировать. Были построены желѣзныя дороги, каналы и телеграфы; росло воздѣлываніе риса, хлѣбовъ и пшеницы, разведеніе шелковичныхъ червей и разведеніе чая; слабая производительность труда индусовъ болѣе чѣмъ уравновѣшивалась слабымъ потребленіемъ, и Индія со своимъ 270-милліоннымъ населеніемъ стала скоро богатѣйшимъ англійскимъ владѣніемъ. Въ прибрежныхъ большихъ городахъ развилась цвѣтущая промышленность, и многія англійскія фирмы основали здѣсь свои филіальныя отдѣленія.

3. Промышленное государство и міровое хозяйство.

А. Экономическій застой.

Послѣ долгихъ годовъ экономическаго процвѣтанія въ 1873 году въ Великобританіи разразился послѣдній большой экономическій кризисъ новаго времени; съ этого кризиса все прогрессивное развитіе Англіи, какъ типически промышленнаго государства, понемногу стало останавливаться. Съ 1873 г. періоды упадка и подъема мірового хозяйства проходили для Англіи гладко и малозамѣтно. Конечно, зарвавшіеся спекулянты и иные легкомысленные банки терпѣли крахъ. Но о глубокихъ экономическихъ кризисахъ въ Англіи съ 1873 г. не можетъ быть и рѣчи. Зато, съ другой стороны, нельзя было отмѣтить такихъ періодовъ подъема, какъ въ Германіи въ 80-хъ и 90-хъ гг. и на порогѣ 20-го вѣка. Англія была вынуждена вступить въ борьбу за свое положеніе на міровомъ рынкѣ. Парламентская комиссія, которой въ 1886 г. было поручено изслѣдовать причины тогдашняго угнетеннаго экономическаго состоянія, не безъ основанія записала въ свой отчетъ слѣдующее положеніе: „теперешнія затрудненія заключаются не въ недостаткѣ или дороговизнѣ предметовъ необходимости и комфорта, но въ борьбѣ за возможность участія во всемірномъ трудѣ; это участіе для огромнаго большинства британскаго населенія есть единственное средство пріобрѣтенія предметовъ необходимости и комфорта, какъ бы они ни были изобильны и дешевы".

Съ 1879 г. стала являться серьезнымъ конкуррентомъ Британскихъ острововъ въ области промышленности молодая Германская имперія. Скоро можно было уже говорить о нѣкоторой отсталости британской промышленности. Со времени сильнаго удешевленія желѣза оборудованіе фабрикъ по англійскому обычаю дѣлалось крайне обременительнымъ для производства. Техническій прогрессъ въ Германіи, а скоро и въ Америкѣ съ году на годъ дѣлалъ его устарѣлымъ. Но англичане оставались при своихъ старыхъ тяжелыхъ машинахъ, за исключеніемъ прядильной и частью ткацкой промышленности. За границей всякая новая машина уменьшала издержки производства; въ Великобританіи эти издержки во многихъ случаяхъ оставались неизмѣнными или уменьшались не въ такой степени, какъ за границей. Въ новыхъ отрасляхъ производства, появившихся сравнительно позднѣе, какъ-то: въ электрической, химической и электрохимической промышленности, Англія почти не участвовала. За исключеніемъ пряденія, хлопчатобумажнаго ткачества, постройки машинъ для двухъ послѣднихъ отраслей производства и судостроенія, всѣ отрасли крупной британской промышленности испытали нѣкоторый застой. Жестоко отомстило за себя пренебреженіе систематическимъ естественнонаучнымъ и техническимъ образованіемъ на Британскихъ островахъ. Въ теченіе всего 19 вѣка въ Великобританіи не было ни одной высшей технической школы.

Этому способствовали еще особые обычаи англійской торговли. Въ первой половинѣ 19 вѣка Англія не знала серьезныхъ конкуррентовъ въ міровой торговлѣ. Даже въ третьей четверти 19 вѣка ея господство никѣмъ еще серьезно не оспаривалось. Поэтому англійскій купецъ привыкъ къ нѣкоторому высокомѣрію и самъ диктовалъ своимъ покупателямъ условія покупки. Пока покупатели были связаны необходимостью покупать исключительно англійскіе товары, это льстило англійской торговлѣ; но дѣло измѣнилось, когда у нея явились конкурренты, обгоняющіе ее. Привыкнувъ къ крупнымъ оборотамъ, британскій купецъ не бралъ мелкихъ пробныхъ заказовъ. Онъ не считался съ тѣмъ, какія единицы мѣры и вѣса въ ходу за границей, не заботился ни о пошлинахъ и фрахтахъ, ни о посылкѣ расторопныхъ коммивояжеровъ, ни о приспособленіи продук-

товъ къ иностраннымъ вкусамъ и потребностямъ. Сюда прибавилась еще таможенная политика всѣхъ большихъ иностранныхъ государствъ. Франція и Австрія всегда держались протекціонизма. Германская имперія и Соединенные Штаты ввели покровительственную политику. Только Великобританія и Ирландія думали, что смогутъ повернуть назадъ колесо міровыхъ экономическихъ отношеній, въ то время какъ всюду національное государство создавало и политику національнаго производства.

Далѣе, Англія сама создавала себѣ иностранную конкурренцію. Съ 1874 г. приложеніе денегъ въ отечественной промышленности не повышало барышей, и милліарды британскихъ денегъ потекли за границу. Особенно заманчивое помѣщеніе для нихъ представляли иностранные пути сообщенія и горнопромышленныя предпріятія. Съ середины 70-хъ годовъ англійскія общества конножелѣзныхъ дорогъ наводнили континентъ. Желѣзныя дороги, мосты, портовыя сооруженія, телеграфныя и кабельныя линіи, газовые заводы во всемъ цивилизованномъ мірѣ строились на англійскія деньги; космополитическій характеръ этихъ денегъ развивался рука объ руку съ ихъ оторванностью отъ отечества. Англія ссужала наличныя деньги городамъ и государствамъ. Благодаря этому у англійской промышленности отнимались колоссальныя суммы: во второй половинѣ 70-хъ годовъ около 35 милліоновъ фунт. стерл. въ годъ, въ 80-хъ годахъ около 50 милліоновъ, въ 90-хъ годахъ около 60 милліоновъ фунт. стерл. въ годъ. Всего ушло за границу до 1,25 милліард. фунт. стерл. Не было понудительной причины искать приложенія этой суммѣ на отечественномъ промышленномъ рынкѣ, что при всякихъ обстоятельствахъ поощряло бы промышленность. На ряду съ этимъ шло финансированіе крупныхъ иностранныхъ промышленныхъ предпріятій, сильно поощряемое распространеніемъ акціонерныхъ компаній. Когда Германія пріобрѣла рядъ колоній въ Африкѣ, значительныя суммы англійскихъ денегъ искали себѣ тамъ приложенія.

B. **Промышленно-соціальный застой.**

Если съ 1874 г. до конца 19 вѣка промышленное развитіе Соединеннаго королевства находилось въ застоѣ, рѣшающая причина этого лежала въ области соціальнаго развитія. Въ 1874 году остановился ходъ внутренняго промышленно-соціальнаго развитія Англіи. Въ теченіе полустолѣтія рабочія силы отливали изъ земледѣлія и ремесла и притекали въ промышленность. Въ началѣ 70-хъ годовъ этотъ рабочій потокъ, привлекаемый силою мощнаго промышленнаго подъема, достигъ такой силы, какъ никогда. Въ 1871 и 1872 гг. онъ такъ усилился, что пробѣлы, оставленные имъ позади себя, возбудили общественную тревогу. Но этими годами онъ исчерпалъ свою силу. Всѣ, кого ростъ заработной платы могъ привлечь на фабрику изъ среды ручныхъ рабочихъ, были привлечены. Такимъ образомъ англійскія фабрики могли впредь разсчитывать только на приростъ населенія; но приростъ этотъ тогда какъ разъ доставлялъ мало рабочихъ, такъ какъ вслѣдствіе массовой эмиграціи цѣлыхъ семействъ изъ Ирландіи въ 40-хъ и 50-хъ годахъ онъ былъ крайне ничтоженъ. Населеніе въ 40-хъ годахъ возростало въ среднемъ лишь на 80,000, въ 50-хъ годахъ — на 155,000 въ годъ. Дѣйствіе 60-хъ годовъ съ ихъ среднимъ годовымъ приростомъ въ 255,000 человѣкъ на рабочій рынокъ начало сказываться лишь въ 80-хъ гг. Въ 70-хъ гг. ростъ населенія достигъ своей высшей точки въ 19 вѣкѣ — 340,000 человѣкъ. Въ 80-хъ годахъ прибывало въ годъ въ среднемъ лишь 287,000 и въ 90-хъ годахъ — 290,000; въ нынѣшнемъ столѣтіи годовой приростъ достигъ опять 400,000 человѣкъ.

За время промышленнаго подъема до 1873 г. заработная плата квалифицированныхъ промышленныхъ рабочихъ чрезвычайно возросла. Когда

затѣмъ наступилъ кризисъ, и положеніе всей промышленности стало дѣлаться все неблагопріятнѣе, квалифицированные рабочіе старались сохранить искусственными средствами высокую плату, доставленную имъ благопріятной коньюнктурой. Среди этихъ средствъ самымъ главнымъ было превращеніе прежняго профессіональнаго союзнаго движенія въ новый трэдъ-юніонизмъ. Благодаря ему профессіональные союзы пріобрѣли значеніе органовъ чистой классовой борьбы. Существеннымъ средствомъ къ сохраненію и улучшенію экономическаго положенія рабочихъ считалось сокращеніе рабочаго времени; полагали, что это сокращеніе, ограничивая ежедневную производительность одного индивида, можетъ обезпечить въ плохія времена для всѣхъ наличныхъ рабочихъ работу въ промышленности. Для среднихъ слоевъ квалифицированныхъ рабочихъ это оказалось вѣрнымъ, хотя и здѣсь сокращеніе рабочаго времени повлекло соотвѣтственное пониженіе заработной платы. Но для слоя населенія самыхъ способныхъ рабочихъ это оказалось невѣрнымъ. Сокращеніе рабочаго времени только помогло этому слою развернуть вполнѣ свою производительную силу; профессіональнымъ союзамъ пришлось искусственно понижать производительность отдѣльныхъ лицъ чтобы уменьшить производительность труда (движеніе ca'canny; см. т. VII).

Другимъ средствомъ искусственнаго поддержанія высокой заработной платы было устраненіе новаго предложенія труда снизу. Отсюда ограниченіе числа учениковъ и массовыя забастовки на фабрикахъ, гдѣ дѣлались попытки поставить на простѣйшую работу при машинахъ чернорабочихъ. Вплоть до конца 80-хъ годовъ удавалось почти совершенно отстранять неквалифицированныхъ рабочихъ отъ работы при машинахъ. Лишь съ этого времени отдѣльныя группы этихъ рабочихъ завоевали себѣ доступъ къ послѣднимъ. Но для класса working men (мастеровыхъ) борьба противъ labourers (простыхъ рабочихъ) была собственно роковою. Они привыкали видѣть свое спасеніе во все болѣе широкомъ примѣненіи искусственныхъ мѣропріятій, въ запрещеніи работать вмѣстѣ съ необученными рабочими, въ коллективныхъ рабочихъ договорахъ, въ подвижныхъ скалахъ заработной платы, которыя связываютъ высоту этой платы не съ способностями рабочаго и положеніемъ рынка, а съ продажной цѣной продукта; строй мысли, усвоенный ими, все болѣе и болѣе приближался къ соціалистическому воззрѣнію на общество. Сюда же относилось требованіе восьмичасового дня для самыхъ медлительныхъ рабочихъ; требованіе минимума заработной платы безъ установленія минимума производительности, требованіе подчиненія работодателей рѣшеніямъ рабочихъ. При либеральномъ правительствѣ государственныя предпріятія нѣкоторое время даже примѣняли эти требованія на практикѣ; но законодательная власть пока еще отклоняла всякую замѣну естественныхъ отношеній искусственными.

Въ самыхъ прогрессивныхъ предпріятіяхъ съ самымъ лучшимъ контингентомъ рабочихъ установилась сорока-восьмичасовая рабочая недѣля, и если положеніе рабочихъ дальше не улучшалось, то причина лежала въ самихъ рабочихъ. Массовыя стачки не только отнимали у отечественныхъ предпринимателей большія суммы, которыя иначе искали бы себѣ приложенія въ промышленности и тѣмъ увеличивали бы спросъ на трудъ, а съ нимъ и заработную плату, но и привлекали зачастую въ соотвѣтствующія отрасли рабочихъ изъ родственныхъ отраслей промышленности и даже изъ-за границы и, увеличивая предложеніе труда, понижали такимъ образомъ заработную плату. Далѣе, внося большую неопредѣленность въ дѣло выполненія работы, стачки во многихъ случаяхъ заставляли мѣстныхъ и иностранныхъ заказчиковъ обращаться съ своими заказами къ промышленникамъ другихъ странъ, гдѣ своевременность выполненія заказа не дѣлалась сомнительной изъ-за стачекъ. При этомъ еще яснѣе,

чѣмъ во время американской гражданской войны, обнаружилось, насколько англійская промышленность зависитъ отъ чужихъ странъ. Эти нарушенія рабочаго рынка болѣе чѣмъ уравновѣсили мелкія уступки, которыхъ удалось добиться отъ отдѣльныхъ предпринимателей путемъ устрашенія ихъ мѣстными забастовками; статистика заработной платы обнаружила фактъ, что въ производствахъ, слабо страдавшихъ отъ забастовокъ, плата повысилась всего болѣе, а жалованье домашней прислуги, за которой не числилось никакихъ забастовокъ, показываетъ самое значительное повышеніе. Небольшое общее возростаніе заработной платы вызвано только тѣмъ, что вслѣдствіе гигантскаго техническаго прогресса количество средствъ существованія въ Англіи возрастало быстрѣе, чѣмъ населеніе. Благодаря этому жизнь нѣсколько улучшилась, и обычный процентъ упалъ до цифры $2^1/_2$. Въ 1851 г. населеніе Великобританіи достигло 21 милліона, а Ирландіи — 5 милліоновъ человѣкъ. При почти полной остановкѣ роста населенія Ирландіи съ 1851 года все населеніе Британскихъ острововъ въ 1890 г. достигло 38 милліоновъ, въ 1898—40 милліоновъ и въ 1896 г. почти 43 милліоновъ человѣкъ. Изъ этой цифры только на Англію и Уэльсъ приходился 31 милліонъ, т. е. почти 200 жителей на квадр. километръ.

Быстрый ростъ британской промышленности и британскаго общаго вывоза былъ возможенъ только потому, что сотни тысячъ самыхъ производительныхъ рабочихъ ежегодно переходили въ промышленность изъ другихъ занятій; само собою разумѣется, что когда былъ исчерпанъ запасъ свободныхъ рабочихъ силъ, которыя могли еще быть приставлены къ токарнымъ станкамъ и веретенамъ, прогрессъ долженъ былъ замедлиться. Однако, въ 1879 г. притокъ въ города опять понемногу возобновился; но теперь онъ едва достигалъ десятой доли притока 1873 года. Лучшія мѣста въ фабричныхъ мастерскихъ и теперь еще занимали мелкіе и средніе мастера-ремесленники. Однако, въ 1884 г. и эти послѣдыши тяги на фабрики истощились и до 1887 г., вообще, не было никакого увеличенія числа британскихъ промышленныхъ рабочихъ. Оно началось опять лишь въ 1888 г., но было уже совсѣмъ иного характера. Въ 1888 г. возникло нѣсколько новыхъ пунктовъ для приложенія капитала въ области промышленности, и потребовались новые рабочіе; положеніе дѣлъ, однако, не допускало повышенія заработной платы, которое могло бы отнять у высшихъ слоевъ самостоятельнаго ремесла ихъ послѣднія рабочія силы; тогда вмѣсто того, чтобы вербовать рабочихъ въ верхахъ, пришлось вербовать ихъ въ низахъ. Теперь-то началось рѣшительное примѣненіе неквалифицированныхъ рабочихъ, и верхній слой ихъ такимъ образомъ поднялся на одну ступень по соціальной лѣстницѣ.

Этотъ шагъ былъ также дѣломъ техники. Чѣмъ совершеннѣе становилась современная машина, чѣмъ полнѣе удавалось возложить на нее все производство продукта, тѣмъ болѣе измѣнялось положеніе рабочаго по отношенію къ машинѣ. За старымъ токарнымъ станкомъ могъ работать лишь обученный слесарь, усовершенствованный станокъ довольствовался и необученнымъ чернорабочимъ. Этотъ процессъ, впрочемъ, ограничивался тѣми отраслями промышленности, которыя производятъ свои продукты изъ прочнаго матерьяла, какъ металлургическая, кожевенная и отчасти дерево-обдѣлочная промышленность. Но эти отрасли составляли уже значительную часть крупнаго производства. Эта эволюція породила новую упорную борьбу между организованными въ профессіональные союзы квалифицированными фабричными рабочими и простыми чернорабочими, изъ которыхъ лишь отдѣльныя группы образовывали время отъ времени собственныя организаціи. Но эта борьба мѣшала британской промышленности вполнѣ использовать свои машины, увеличивала такимъ образомъ издержки производства и ослабляла способность ея конкуррировать на міровомъ рынкѣ.

C. Уменьшеніе общаго вывоза.

Совокупность этихъ обстоятельствъ ясно выразилась въ числовой убыли британскаго общаго вывоза съ 1874 до 1901 г. До 1873 года онъ возросталъ, съ 1874 началъ уменьшаться. Съ 1874 до 1901 г. не только остановился его ростъ, но и средняя величина его все время держалась на цифрѣ, на 21,5 милліоновъ фунт. стерл. меньшей, чѣмъ достигнутая въ 1873 г. Въ среднемъ, съ 1874 до 1901 г. англійскій вывозъ каждый годъ падалъ на 1,5 милліоновъ фунт. стерл. по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, несмотря на то, что съ 1899 по 1901 г. въ него были включены большія массы военныхъ матерьяловъ, отправлявшихся Англіей въ Южную Африку[1].

Періоду подъема до 1873 г. противостоитъ періодъ пониженія съ 1874 до 1901 г., который, несмотря на всѣ колебанія коньюнктуры, обнаруживаетъ по сравненію съ 1873 г. постоянную среднюю убыль. Цифры для этого второго періода будутъ слѣдующія:

1874	303,9 милл. фунт. стерл.	1884	301,9 милл. фунт. стерл.	1894	273,8 милл. фунт. стерл.
1875	281,6 „ „ „	1885	271,4 „ „ „	1895	235,8 „ „ „
1876	262,1 „ „ „	1886	274,4 „ „ „	1896	296,4 „ „ „
1877	257,0 „ „ „	1887	281,3 „ „ „	1897	294,2 „ „ „
1878	249,9 „ „ „	1888	305,0 „ „ „	1898	294,0 „ „ „
1879	254,0 „ „ „	1889	315,6 „ „ „	1899	329,5 „ „ „
1880	286,4 „ „ „	1890	328,2 „ „ „	1900	354,3 „ „ „
1881	302,9 „ „ „	1891	309,1 „ „ „	1901	347,8 „ „ „
1882	313,1 „ „ „	1892	291,6 „ „ „		
1883	311,1 „ „ „	1893	277,1 „ „ „		

D. Демократія и господство насилія.

Несмотря на ростъ различій трудоспособности, обнаруживаемый современнымъ экономическимъ развитіемъ, въ политической жизни демократія и уравненіе прогрессировали все болѣе; въ 1867 г. въ городахъ было предоставлено равное избирательное право всѣмъ плательщикамъ налоговъ и нѣкоторое расширеніе избирательныхъ правъ было сдѣлано и въ сельскихъ округахъ. Въ 1872 г. къ этому прибавилась тайная подача голосовъ (см. стр. 23); въ 1884 г. были уравнены городъ и деревня; въ 1885 г. страна была раздѣлена на избирательные округа по числу жителей, хотя при этомъ и были сохранены еще нѣкоторыя привилегіи. Такимъ образомъ подавляющее большинство налогоплательщиковъ получили равныя избирательныя права; однако, англійскій народъ не былъ настолько неразсудителенъ, чтобы при распредѣленіи политическихъ правъ совершенно не считаться съ работой для государства и предоставить избирательное право всякому неопороченному мужчинѣ старше извѣстнаго возраста; послѣдующія реформаторскія стремленія ограничивались устраненіемъ множественнаго голосованія. Однако, съ увеличеніемъ числа сельскихъ рабочихъ, имѣющихъ домашнее образованіе, рѣшающая власть надъ судьбами народа и безъ такого крайняго расширенія избирательнаго права попала въ руки находящихся въ большинствѣ рабочихъ классовъ; поэтому эти послѣдніе, въ концѣ-концовъ, могли бы приводить законодательную машину въ дѣйствіе исключительно для своей пользы. Только сила политической партійной традиціи до 1905 года помогала избѣгнуть этого. Но потомъ и на Британскихъ островахъ среди рабочихъ начало обнаруживаться сознаніе, что они могутъ, захвативъ политическую власть, преобразовать въ своихъ интересахъ либеральное общественное устройство.

[1] Если каждую изъ приведенныхъ цифръ вывоза вычесть изъ цифры вывоза за 1873 годъ, равной 6,344 милліонамъ марокъ, разности сложить и сумму ихъ раздѣлить на 1+2+3+4 и т. д. до +28=406. — то мы получимъ среднюю годовую убыль, которая равна 29,76 милліонамъ марокъ. Причины этого страннаго хода развитія изложены точнѣе въ послѣдней главѣ моей книги „Aus Englands Flegeljahren“ (Dresden, 1901).

Въ 1888 г. послѣдовало преобразованіе общинной и окружной администраціи. Мѣсто назначавшихся правительствомъ мировыхъ судей заняли окружные совѣты (County Councils), которые выбирались гражданами, платящими налоги. На этихъ же началахъ была организована городская и сельская администрація. Въ 1889 г. такой же строй общинной и окружной администраціи былъ распространенъ на Шотландію; распространеніе его на Ирландію послѣдовало лишь въ 1892 г.

Предоставленіе великобританскаго сельскаго хозяйства собственнымъ силамъ съ 1849 г. давало тѣмъ болѣе тяжелые результаты, чѣмъ больше въ концѣ 70-хъ годовъ росла конкурренція Соединенныхъ Штатовъ на пшеничномъ рынкѣ. Въ Ирландіи каждый неурожай приводилъ къ голоду. Въ Великобританіи образовался союзъ сельскихъ хозяевъ, который требовалъ королевской комиссіи для изслѣдованія причинъ нужды; въ Ирландіи подъ руководствомъ Парнелля и Дэвитта образовалась ирландская „земельная лига“, которая, имѣя лозунгомъ: „ирландская земля для ирландскаго народа“, вначалѣ боролась противъ крупной земельной собственности, а потомъ за національизацію земли.

Уже въ 1869 году въ Ирландіи дѣло дошло до народнаго возмущенія, которое стремилось разъ навсегда покончить съ англійскимъ владычествомъ. Были пущены въ ходъ кинжалы, порохъ, бомбы; но веревка англійскихъ судовъ оказалась сильнѣе, и пламя мятежа погасло съ казнью его вождей. Въ 1869 г. Гладстонъ произвелъ отдѣленіе отъ государства протестантской церкви въ Ирландіи, чтобы избавить католиковъ-ирландцевъ отъ тяжелой обязанности платить налоги въ пользу чужой церкви; въ 1870 г. онъ провелъ земельный законъ, который давалъ арендаторамъ возможность получить государственную ссуду въ случаѣ, если бы они пожелали пріобрѣсти въ собственность землю. Но мѣра эта осталась недѣйствительной, такъ какъ въ народѣ отсутствовала предпосылка, необходимая для пріобрѣтенія земли, а именно — склонность работать больше, чѣмъ необходимо для утоленія голода.

Когда въ 1873 г. Гладстонъ вознамѣрился подарить ирландцамъ университетъ, въ которомъ было бы запрещено читать теологію, философію и исторію, даже въ гуманной Англіи поднялась буря веселости, которая смела его либеральное министерство. На парламентскихъ выборахъ 1880 г. въ нижнюю палату прошло 60 сторонниковъ политической автономіи Ирландіи (гомрулеровъ), которые стремились къ созданію самостоятельнаго дублинскаго парламента. Но уже въ 1881 г. пришлось опять направить противъ Ирландіи исключительные законы. Гомрулеры дѣлали невозможными правильныя парламентскія занятія, пока не былъ измѣненъ парламентскій регламентъ. Гладстонъ провелъ — билль объ усиленной охранѣ для подавленія господствовавшей анархіи; билль, запрещавшій ношеніе оружія и храненіе снарядовъ; земельный билль, регулировавшій арендныя отношенія, и билль о ссудахъ для облегченія эмиграціи и покупки арендаторами арендуемыхъ ими участковъ. 16 августа 1881 г. законы эти вошли въ силу. Ирландскіе вожди, призывавшіе къ сопротивленію, были арестованы, а „Земельная лига“ запрещена закономъ 18 октября 1881 г. Тогда опять возобновилось движеніе феніевъ, которое поддерживали присылкой большихъ денежныхъ суммъ ирландцы Канады и Соединенныхъ Штатовъ. Оно привело къ убійству министра по ирландскимъ дѣламъ, лорда Фредерика Кавендиша, и его помощника В. Берка въ Фениксъ-паркѣ въ Дублинѣ (6 мая 1882 г.). Тогда въ мятежныхъ округахъ было введено формальное осадное положеніе съ запрещеніемъ феніанскихъ газетъ, введеніемъ военныхъ судовъ и отмѣной права собраній. Судъ надъ убійцами обнаружилъ заговоры динамитчиковъ въ Лондонѣ и Бирмингэмѣ; это привело къ законодательному запрещенію храненія взрывчатыхъ веществъ.

Несмотря на это, спокойствіе въ Ирландіи не наступало; тогда сдѣлана

была опять попытка утишить волненіе кротостью. Гладстонъ принялъ сторону гомруля и попытался въ 1886 году дать Ирландіи парламентъ въ Дублинѣ, компетенція котораго должна была ограничиваться чисто ирландскими вопросами. Но его предложеніе не только не достигло цѣли, но и раскололо либеральную партію и привело къ паденію самого Гладстона. Либералы, для которыхъ государственное единство было важнѣе либерализма, получили названіе либераловъ-уніонистовъ и образовали надолго рѣшающій центръ парламента. Въ Ирландіи можно было поддерживать порядокъ только исключительными законами. Въ 1887 г. вице-королю Ирландіи закономъ было предоставлено право объявлять отдѣльные округа на военномъ положеніи, запрещать разныя сообщества, союзы и предоставлять произнесеніе приговоровъ спеціальнымъ судьямъ. Несмотря на это, лѣтомъ 1887 г. дѣло дошло до новыхъ волненій и кровопролитія. Лишь послѣ того, какъ въ 1893 г. окончательно провалилось предложеніе Гладстона о гомрулѣ и оказалось, что никакой надежды на автономію Ирландіи нѣтъ, стало нѣсколько спокойнѣе. Хотя предложеніе Гладстона и прошло благополучно (1 сентября 1893 г.) въ нижней палатѣ, но верхняя палата отклонила его такимъ крупнымъ большинствомъ, что безъ устраненія верхней палаты проведеніе его было безнадежно. Хотя въ Ирландіи и развивались нѣкоторыя второстепенныя отрасли промышленности, однако масса ея сельскаго населенія держалась за землю; но земледѣліе сильно, уменьшилось, а воздѣлываніе хлѣба почти прекратилось. Мѣсто его заняло скотоводство, которое, потворствуя лѣности ирландскаго населенія, еще уменьшило его производительную силу. Внѣ Ирландіи гибель британскаго сельскаго хозяйства также тяжело отразилась на заинтересованныхъ кругахъ. 7 декабря 1892 г. британскіе сельскіе хозяева собрались въ Сэнъ Джэмсъ Голлѣ въ Лондонѣ на національную конференцію и добивались возобновленія таможенной защиты ихъ продуктовъ и устраненія золотой валюты; послѣднюю они стремились замѣнить введеніемъ фиксированнаго закономъ отношенія цѣнностей золота и серебра.

E. Великобританская восточная политика.

На востокѣ Англія вела двуличную политику. 30 мая 1878 г. она заключила съ Россіей договоръ, по которому соглашалась на раздѣлъ Турціи, а 4 іюня 1878 г. заключила договоръ съ Турціей, по которому за уступку Кипра гарантировала султану сохраненіе его азіатскихъ владѣній. Берлинскій конгрессъ (13 іюня 1878 г.) гарантировалъ цѣлость Турціи и 14 іюля 1878 г. лишилъ Англію обладанія Кипромъ. Россія, раздраженная поведеніемъ Англіи, стала подстрекать противъ нея афганскаго эмира, а сама двинулась на Оксусъ (Аму-Дарья). Когда эмиръ отказался принять англійское посольство, дѣло (20 ноября 1878 г.) дошло до войны, которая окончилась миромъ въ Гандамакѣ 26 мая 1879 г. По этому миру Англія пріобрѣла южные проходы Афганистана, право надзора за его внѣшней политикой и согласіе на допущеніе въ Кабулъ англійскаго агента. Однако, англійскій посланникъ и его свита были умерщвлены (4 сентября 1879 г.). Послѣдовала новая война. 9 октября 1879 г. генералъ Робертсъ завоевалъ Кабулъ; 23 декабря онъ, будучи запертъ въ городѣ афганцами, съ успѣхомъ отразилъ ихъ штурмъ; 3 сентября онъ побѣдилъ у Кандагара сына эмира. Несмотря на это Англія опять оставила Афганистанъ.

Такимъ же образомъ поведеніемъ Англіи былъ нарушенъ миръ въ Турціи. 11 іюня 1882 г. въ Александріи было умерщвлено множество европейцевъ. Конференція въ Константинополѣ (23 іюня) осталась безрезультатной. Тогда 11 іюля англійскому флоту былъ отданъ приказъ бомбардировать Александрію. Англія высадила войска, одержала 13 сентября побѣду при Тель-Эль-Кабирѣ и, такимъ образомъ, заняла Египетъ.

Но въ томъ же году въ египетскомъ Суданѣ возсталъ духовный вождь Махди и 3 ноября 1883 г. уничтожилъ англо-египетскія войска, бывшія подъ начальствомъ Гикса. Бэкеръ также потерпѣлъ пораженіе. Генералъ Гордонъ былъ осажденъ Махди въ Хартумѣ и палъ при взятіи этого города. Шедшее на выручку войско опоздало на два дня (28 января 1885 г., см. т. III, стр. 543). Съ этого времени Англія ограничивалась защитой своихъ владѣній. 22 мая 1888 г. она заключила съ Турціей договоръ, по которому обѣщала очистить Египетъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Однако, этотъ договоръ не былъ утвержденъ султаномъ. Франція была удовлетворена объявленіемъ нейтральности Суэзскаго канала (октябрь 1887 г.). Въ 1896 г. была отправлена подъ начальствомъ генерала Китчинера побѣдоносная экспедиція противъ Махди (битва при Атбарѣ, 8 апрѣля и при Омдурманѣ, 2 сентября 1898 г.). Затѣмъ были раздѣлены между Англіей, Франціей, Италіей и государствомъ Конго представляющія интересъ области по верхнему Нилу.

Въ другихъ мѣстахъ земного шара англійскія владѣнія также расширялись. Въ 1874 г. Великобританія овладѣла островами Фиджи. Въ 1885 г. послѣ кратковременнаго похода она завоевала Барму и включила ее въ составъ Британской Индіи.

Въ Китаѣ Англіи принадлежитъ заслуга открытія цѣлаго ряда портовъ для европейской торговли. Вмѣшательство Германіи, Франціи и Россіи въ пользу Китая послѣ заключенія Шимоносекскаго мира (1895), которымъ кончилась китайско-японская война, привело къ тому, что вышеупомянутыя три государства получили отъ Китая особыя привилегіи; тогда Англія провозгласила политику „открытыхъ дверей“, согласно которой всѣ народы должны имѣть въ Китаѣ одинаковыя торговыя права, добилась гарантіи своихъ преимущественныхъ правъ на долину Янъ-тсе-Кіанга и заарендовала Вейхайвей. Кромѣ того она расширила значительно свои владѣнія вокругъ Гонгконга.

F. Колоніи.

а) Сѣверно-американскія колоніи.

Хотя въ общемъ Канада и была отграничена отъ Соединенныхъ Штатовъ, но при огромномъ протяженіи пограничной линіи границы во многихъ мѣстахъ не были фиксированы; это вело къ постояннымъ препирательствамъ съ большимъ сосѣднимъ государствомъ; однако, препирательства эти, въ концѣ-концовъ, всегда устранялись путемъ третейскаго суда. Хотя англійское населеніе Канады такъ умножилось, что въ 1881 г. изъ 4.300,000 человѣкъ на 1.600,000 англичанъ и 1 милліонъ ирландцевъ приходилось лишь 1.300,000 французовъ, тѣмъ не менѣе, французскіе канадцы, въ которыхъ текла смѣшанная французско-индѣйская кровь, стремились занять обособленное положеніе. Въ 1885 г. въ Онтаріо и Манитобѣ дѣло дошло до вооруженнаго возстанія, которое, однако, скоро было подавлено. Между тѣмъ, торговля Канады съ Соединенными Штатами такъ развилась, что оставила далеко позади всю остальную внѣшнюю торговлю Канады. Казалось, было положено основаніе общности торговыхъ интересовъ Канады и Союза, и канадскіе демократы уже отмѣчали эту общность, какъ мирное средство для соединенія съ Союзомъ. Но эти интересы не во всемъ своемъ объемѣ были обоюдными; при обширности всей торговли Соединенныхъ Штатовъ торговыя сношенія съ Канадой для первыхъ значили сравнительно мало; для Канады же торговля съ Соединенными Штатами составляла все. Поэтому Соединенные Штаты могли пренебречь этими интересами, чтобы дать Канадѣ почувствовать, что она погибнетъ экономически, если не присоединится къ Соединеннымъ Штатамъ. Это и было сдѣлано, произвольнымъ таможеннымъ тарифомъ Макъ Кинлея (6 октября 1890 г.),

обложившимъ высокими пошлинами бóльшую часть ввоза изъ Канады. Этотъ тарифъ крайне тяжело отозвался на Канадѣ и былъ для нея побудительнымъ мотивомъ къ самостоятельной экономической политикѣ. Вся внѣшняя политика Канады съ 1890 г. вращается около этого пункта.

Въ то время, какъ либеральная партія открыто выступала за таможенное, по крайней мѣрѣ, объединеніе съ Соединенными Штатами, консервативная партія искала спасенія въ самыхъ разнообразныхъ торговыхъ договорахъ. Но рѣшенія не было найдено. Изгнанная съ мощнаго рынка Союза, Канада при консервативномъ министерствѣ 1892 искала помощи у Великобританіи. Великобританія все еще находилась съ Германіей и Бельгіей въ отношеніяхъ наибольшаго благопріятствованія въ торговой политикѣ. Договоры съ послѣдними служили препятствіемъ къ тому, чтобы Англія предоставила канадской пшеницѣ, мясу, сыру и другимъ канадскимъ товарамъ привилегированное положеніе на британскомъ рынкѣ. Канадскій парламентъ въ 1892 г. обратился въ Лондонъ съ просьбой объ устраненіи этой помѣхи. Но Великобританія тогда еще была слишкомъ погружена въ фритрэдерскія грезы, чтобы увидѣть значеніе этого предложенія для британскаго мірового государства. Англійскій парламентъ въ апрѣлѣ 1892 г. рѣшительно отклонилъ это предложеніе. Хотя отказъ касался только канадскихъ консерваторовъ, однако, дѣйствіе его также хорошо чувствовали и либералы. Изгнаніе съ рынка Соединенныхъ Штатовъ и отказъ въ просьбѣ о привилегированномъ положеніи на рынкѣ метрополіи! И это при значительномъ ростѣ воздѣлыванія пшеницы изъ года въ годъ. Въ 1892 г. къ Соединеннымъ Штатамъ прибавилась еще въ качествѣ производящей пшеницу страны Аргентина; производство пшеницы въ Канадѣ безусловно обходилось дороже, чѣмъ на благословенныхъ поляхъ Аргентины; шансы сбыта канадской пшеницы должны были значительно ухудшиться. Выходъ изъ затрудненія представился бы лишь въ томъ случаѣ, если бы британскіе острова предоставили канадской пшеницѣ на своемъ рынкѣ привилегированное положеніе, уравновѣсивъ путемъ взиманія съ канадской пшеницы пониженныхъ пошлинъ преимущества Аргентины. Но это было бы достижимо лишь при условіи, если бы Соединенное королевство, вообще, перешло къ пошлинамъ на хлѣбъ. Послѣдняго возможно было бы ожидать, если бы введеніе хлѣбныхъ пошлинъ было выгодно населенію самой Британіи. Но такой выгоды пока не было и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было никакой надежды на болѣе тѣсное торгово-политическое объединеніе колоній съ метрополіей.

Въ Канадѣ эта мрачная перспектива вызывала тяжелое чувство. Въ странѣ начало расти раздраженіе, и только сильная иммиграція изъ Великобританіи помѣшала враждебной Англіи партіи получить большинство въ парламентѣ. Въ 1891 г. населеніе достигло 4.800,000; къ 1901 г. оно возросло до 5.500,000. Французы въ 1901 г. составляли лишь немного болѣе четверти всего населенія. Несмотря на то, что для многихъ британскихъ переселенцевъ Канада служила лишь проходнымъ дворомъ для переселенія въ Соединенные Штаты, число дружественныхъ Англіи голосовъ постоянно увеличивалось благодаря иммиграціи; даже когда усилился притокъ жителей изъ Соединенныхъ Штатовъ, положеніе еще не измѣнилось. Въ 1897 г. англофильское настроеніе въ Канадѣ, наконецъ, настолько усилилось, что она могла попытаться собственными силами открыть для британскаго мірового государства новую эру самостоятельной экономической политики, которой суждено было наложить свой отпечатокъ на ближайшее десятилѣтіе. Канада создала свой собственный таможенный тарифъ, въ которомъ, несмотря на понесенную обиду со стороны Англіи, пошлины съ англійскихъ товаровъ были установлены на 12,5% ниже, чѣмъ съ товаровъ, ввозимыхъ изъ другихъ странъ, въ томъ числѣ и изъ Союза. Англія, которая договоромъ съ Германіей и Бельгіей о наибольшемъ бла-

гопріятствованіи была связана по отношенію ко всему своему міровому государству, не согласилась на немедленное введеніе въ дѣйствіе этого тарифа. Но она не рѣшилась и препятствовать его проведенію, такъ какъ сознавала, что попытка къ этому означала бы политическое отдѣленіе Канады отъ Соединеннаго королевства. Поэтому она отказалась продолжить дѣйствіе англо-бельгійскихъ торговыхъ договоровъ и въ 1898 г. согласилась на это новшество въ канадскихъ таможенныхъ отношеніяхъ. Когда послѣ прекращенія дѣйствія обоихъ торговыхъ договоровъ для Великобританіи наступила необходимость урегулировать товарный обмѣнъ съ Бельгіей и Германіей новымъ договоромъ, она въ первый разъ пожертвовала своимъ уже не разъ оспаривавшимся нѣкоторыми колоніями правомъ опредѣлять торговую договорную политику колоній; съ Германской имперіей Англія вела переговоры о договорѣ, постановленія котораго имѣли бы обязательную силу лишь для Британскихъ острововъ и коронныхъ колоній, автономнымъ же колоніямъ предоставлялась свобода — присоединяться къ нему или нѣтъ. Чужимъ странамъ такое дробленіе экономическихъ интересовъ британскаго мірового государства могло быть только выгодно. Нужно было только обезпечить себя отдѣльными торговыми договорами съ британскими колоніями. Поэтому на такой основѣ не могъ быть заключенъ торговый договоръ на долгій срокъ, а лишь временный договоръ, который нѣсколько разъ приходилось возобновлять.

Въ Ньюфаундлендѣ снисходительность британскаго правительства къ Соединеннымъ Штатамъ въ распряхъ изъ-за правъ рыболовства вызывала большое неудовольствіе. Только желаніе удержать за собою свои исключительныя рыболовныя привилегіи было причиной отказа Ньюфаундленда отъ присоединенія къ Соединеннымъ Штатамъ и отъ вступленія въ канадскую федерацію Dominion of Canada. Но разъ Соединенные Штаты добились мало-по-малу права ловить рыбу въ водахъ Ньюфаундленда, для послѣдняго уже не оставалось мотива отказываться отъ присоединенія къ Союзу. Такимъ образомъ окончательное рѣшеніе вопроса о рыболовныхъ правахъ должно лечь въ основу дальнѣйшихъ политическихъ судебъ Ньюфаундленда.

b) Африканская колоніальная политика.

Политическое развитіе колоній на сѣверно-американскомъ континентѣ было парализовано мощью Соединенныхъ Штатовъ; но на африканской почвѣ, гдѣ британское колоніальное могущество не встрѣчало серьезныхъ соперниковъ, оно подвигалось гигантскими шагами. Съ 1873 г. Африка играла первую роль въ колоніальныхъ осложненіяхъ Соединеннаго королевства. Посредствомъ военной экспедиціи Великобританія принудила султана занзибарскаго 3 іюня 1873 г. отказаться отъ торговли рабами. Въ февралѣ началась война съ ашантіями, которая окончилась тѣмъ, что сэръ Гарнэтъ Уольслей разрушилъ Кумасси. 15 февраля 1874 г. была создана колонія на Золотомъ Берегу. Въ 1879 г. генералъ-губернаторъ Южной Африки началъ съ недостаточными силами войну съ зулусами; война эта привела 22 января 1879 г. къ уничтоженію англійскаго войска близъ Исандулы и окончилась лишь послѣ того какъ зулусскій король Сетевайо былъ побѣжденъ близъ Улунды (4 іюля 1879 г.). Въ 1880 г. послѣдовало возстаніе базутовъ и въ связи съ нимъ возстаніе буровъ. Десять лѣтъ спустя колоніальныя владѣнія Германской имперіи достигли такой обширности, что Великобританіи пришлось отмежевать отъ нихъ свои. Это было сдѣлано 1 іюля 1890 г. Въ Восточной Африкѣ и Того колоніи той и другой стороны пріобрѣли твердо установленныя границы. Англія пріобрѣла опеку надъ Виту и областью Сомали и протекторатъ надъ Занзибаромъ. Германія получила Гельголандъ. Непосредственно за тѣмъ англійская

власть надъ Занзибаромъ была признана и Францiей. Англiя же въ свою очередь признала власть Францiи надъ Мадагаскаромъ и надъ страной, лежащей за Алжиромъ до озера Чадъ. 7 ноября былъ объявленъ англiйскимъ владѣнiемъ Занзибаръ, 25 ноября — Виту, Патта и Манда. Въ 1892 г. присоединена Уганда, окончательно ставшая британскимъ владѣнiемъ въ 1894 г.; въ 1893 г. были покорены Мотабеле, послѣ побѣды надъ королемъ Лобенгулой; въ 1895 г. была присоединена страна Амотонга, окончательно отрѣзавшая отъ моря Трансвааль; непосредственно затѣмъ британская корона завладѣла областями Англiйской восточно-африканской компанiи. Образованiе соединительнаго звена между Сѣверной Америкой и южно-африканскими колонiями посредствомъ арендного договора съ Конго въ 1894 г. не удалось въ силу протестовъ Германiи и Францiи. Несмотря на энергiю Англiи при разрѣшенiи побочнаго инцидента въ Фашодѣ, который, казалось, дѣлалъ неизбѣжной войну съ Францiей, ей пришлось согласиться на размежеванiе области ея интересовъ въ Суданѣ съ областью французскихъ интересовъ. Послѣ этого размежеванiя между обѣими великими державами установились дружественныя отношенiя (entente cordiale 8-го апрѣля 1904 г.), въ корнѣ которыхъ лежалъ общiй антагонизмъ ихъ къ болѣе молодой Германской имперiи, мощно развившей свою промышленность, вывозную торговлю и колонiальную политику. Въ концѣ 1895 г. были подчинены ашантiи и ихъ область включена въ колонiю Золотого Берега. Въ 1884 г. Англiя овладѣла Берберой на Сомалiйскомъ берегу; въ 1886 г. сюда прибавился Бенинъ, въ 1896 г. Британская Восточная Африка, въ 1902 г. Южная Родезiя. Съ 1885 г. Англiя стремится обосноваться въ странѣ бечуановъ.

c) Южно-африканскiя колонiи.

Съ 1873 г. экономическое развитiе коронной колонiи **Наталя** подвигалось лишь медленно; но когда въ 1887 г. Англiя завладѣла страной зулусовъ, для него открылся такой просторъ, какого раньше вслѣдствiе постоянныхъ войнъ съ зулусами не могло быть. Въ 1893 г. эта коронная колонiя была сдѣлана автономной колонiей съ отвѣтственнымъ министерствомъ; когда при этой конституцiи она доказала свою вѣрность Англiи, ей была передана въ 1897 г. во владѣнiе вся страна зулусовъ. Связь Наталя съ другими британскими владѣнiями выразилась въ сильномъ притокѣ переселенцевъ изъ Индiи; въ 1897 г. ихъ было уже 50,000. Индусы проникли во всѣ отрасли труда, отъ черной работы на плантацiяхъ до крупной торговли, и угрожали развитiю бѣлой средиземноморско-южноафриканской расы.

Маленькая **Капская колонiя** до средины 19 вѣка лишь съ большими потерями защищалась на сѣверѣ отъ кафрскихъ племенъ; въ 1853 г. она получила автономiю; съ поселенiемъ въ ней большей части набраннаго для Крымской войны иностраннаго нѣмецкаго легiона стало спокойнѣе, и земледѣлiе успѣшно развивалось. Направленiе экономическаго развитiя измѣнилось, когда въ 1867 г. въ странѣ Гриква былъ найденъ первый алмазъ, а въ 1868 г. золото. Это дало для британской короны поводъ простирать свои претензiи все дальше на сѣверъ; впрочемъ, золотоносныя и изобилующiя алмазами земли были расположены, главнымъ образомъ, на территорiи Оранжевой республики, признанной Англiей въ 1854 г; ихъ Великобританiя подѣлила съ Оранжевой республикой лишь 1876 г. Трансваальская республика, возникшая въ 1852 г. и получившая въ 1853 г. названiе Южно-африканской республики, въ 1858 г. значительно расширила свои границы и, благодаря переселенiямъ группъ бурскихъ семействъ, продолжала расширяться на сѣверъ. Но потребность въ расширенiи границъ англiйской Капской колонiи привела 12 апрѣля 1877 г. къ тому, что Соединенное ко-

ролевство овладѣло Трансваалемъ, — однако, лишь на короткое время. Въ 1880 г. Трансвааль опять освободился и 8 августа 1881 г. сдѣлался самостоятельнымъ свободнымъ государствомъ, обязаннымъ лишь во внѣшней политикѣ подчиняться Англіи. Затѣмъ Лондонской конвенціей 1884 г. Трансвааль былъ признанъ совершенно самостоятельнымъ государствомъ.

Тѣмъ самымъ расширенію англійскаго владычества въ Южной Африкѣ былъ положенъ предѣлъ, тѣмъ болѣе, что къ сѣверу отъ Наталя простиралась Португальская Восточная Африка съ бухтой Делагоа, а къ сѣверу отъ Намаланда образовалась Германская Восточная Африка; только для буровъ еще оставался путь къ внѣдренію внутрь африканскаго континента черезъ страну бечуановъ. Трансвааль построилъ желѣзную дорогу къ бухтѣ Делагоа, и эта дорога нигдѣ не касалась англійскихъ владѣній; открытіе золотыхъ розсыпей увеличивало населеніе Трансвааля притокомъ дѣятельныхъ, хотя и неспокойныхъ элементовъ. Въ Паулѣ Крюгерѣ Трансвааль нашелъ твердаго президента; его бурская хитрость не поддавалась даже ухищреніямъ Сесиля Родса, который, будучи съ 1890 г. первымъ министромъ Капской колоніи, пытался привязать политику послѣдней на буксиръ къ своей Британской Южно-африканской компаніи. Трансвааль отказывалъ иностраннымъ золотоискателямъ въ политическихъ правахъ, и у нихъ явилось стремленіе къ измѣненію конституціи. Казалось, что это измѣненіе будетъ достигнуто мирнымъ путемъ, какъ вдругъ 29 декабря 1895 года съ вѣдома британской колоніальной администраціи д-ръ Линдеръ Старръ Джемсонъ съ разбойничьей шайкой въ 800 человѣкъ вторгся изъ Капской колоніи въ Трансвааль и пытался захватить въ Трансваалѣ государственную власть. Но его британскіе друзья въ Іоганнесбургѣ не посмѣли помочь ему. Трансваальцы разбили у Крюгерсдорфа (1 января 1896 г.) его шайку и на слѣдующій день у Блакфонтейна вынудили его къ безусловной сдачѣ. Вмѣсто того, чтобы повѣсить его, какъ нарушителя мира въ странѣ и государственнаго измѣнника, трансваальцы передали его и его людей британскому правительству и за причиненные его разбойничьимъ набѣгомъ убытки удовлетворились денежнымъ вознагражденіемъ.

Это противное международному праву нарушеніе мира создало среди голландскихъ буровъ убѣжденіе, что Великобританія намѣревается ихъ покорить. Во главѣ Оранжевой республики всталъ чистокровный буръ Мартинъ Томасъ Штейнъ; Трансвааль пріобрѣлъ себѣ полную артиллерію, вооружилъ свое крестьянское войско ружьями новѣйшаго образца, укрѣпилъ столицу и образовалъ въ странѣ большіе военные запасы. Эти приготовленія дѣлались черезъ бухту Делагоа въ строгой тайнѣ отъ капскихъ британцевъ; вождь послѣднихъ Сесиль Родсъ частью изъ британскаго имперіализма, частью изъ денежныхъ интересовъ стремился къ войнѣ и нашелъ сочувствіе въ Лондонѣ у Джозефа Чемберлэна (стр. 47). Британское правительство, которому Трансвааль рисовался совершенно безоружнымъ, опираясь на свои очень сомнительныя „верховныя права“, потребовало, чтобы Трансвааль предоставилъ избирательныя права иностраннымъ подданнымъ британцамъ. Для подкрѣпленія этого требованія былъ отправленъ въ Южную Африку двухтысячный отрядъ. Но Крюгеръ 9 октября 1899 г. потребовалъ отозванія англійскихъ войскъ отъ границы, а черезъ два дня, когда британцы отказались исполнить его требованіе, самъ перешелъ границу. Оранжевая республика приняла сторону Трансвааля. Хотя военная организація и дисциплина буровъ стояли на весьма низкой ступени и хотя они не использовали своихъ многочисленныхъ первоначальныхъ успѣховъ, британцы испытали много безславныхъ пораженій (см. т. III, стр. 497). Только тогда, когда противъ 40,000 буровъ было собрано 300,000 солдатъ и во главѣ британскаго войска стали генералы Робертсъ и Китчинеръ, удалось въ началѣ 1900 г. частью взять въ плѣнъ, частью раз-

сѣять главныя силы буровъ. Тогда началась партизанская война, продолжавшаяся весь 1900, 1901 и часть 1902 г.; она кончилась лишь съ распущеніемъ послѣдняго организованнаго бурскаго отряда на довольно благопріятныхъ условіяхъ. Еще 28 мая 1900 г. британское государство присоединило Оранжевую республику. То же было сдѣлано съ Трансваалемъ 1 сентября того же года. Но лишь въ 1902 году британская власть надъ обѣими республиками стала фактомъ.

Съ подчиненіемъ обѣихъ республикъ открылся путь для объединенія британскихъ владѣній въ Южной Африкѣ, хотя это объединеніе и представляло еще нѣкоторыя затрудненія. Въ 1901 г. въ Капской колоніи числилось 230,000 голландцевъ и 152,000 другихъ бѣлыхъ; въ новой колоніи Оранжевой рѣки — 76,000 голландцевъ и 5,000 другихъ бѣлыхъ, въ Наталѣ — 5,000 голландцевъ и 40,000 другихъ бѣлыхъ, въ Трансваалѣ — 80,000 голландцевъ и 210,000 другихъ бѣлыхъ. Слѣдовательно, на 400,000 голландцевъ приходилось 400,000 другихъ бѣлыхъ. Война, по окончаніи которой была сдѣлана попытка поселить въ Южной Африкѣ большое количество британскихъ наемныхъ солдатъ, увеличила на 100,000 число британцевъ въ Южной Африкѣ и уменьшила на ту же цифру число другихъ бѣлыхъ. 300,000 голландцевъ противостояли теперь 500,000 британцевъ и другихъ бѣлыхъ. Обитатели Трансвааля и Колоніи Оранжевой рѣки были на первыхъ порахъ лишены политическихъ правъ; однако, въ 1905 г. Трансвааль получилъ ограниченную автономію (первый министръ: Луи Бота). Трансвааль попытался объединиться въ таможенный союзъ съ Капской колоніей, первымъ министромъ которой былъ съ 1904 г. д-ръ Джэмсонъ, съ Наталемъ, въ которомъ бѣлые играли все меньшую политическую роль, съ Колоніей Оранжевой рѣки, которая оставалась бурскимъ центромъ, и съ Южной Родезіей, гдѣ рѣшительно преобладали кафры; но союзъ этотъ былъ въ сущности фритрэдерскій и потому не могъ замѣтно повліять на общую экономическую политику остальныхъ британскихъ колоній; впрочемъ онъ вступилъ въ отношенія наибольшаго благопріятствованія съ метрополіей, Канадой, Австралійской Федераціей и въ 1906 г. съ Новой Зеландіей. Однако, несмотря на этотъ союзъ, Южная Африка лишь очень медленно оправлялась отъ ударовъ войны. Привлеченіе китайскихъ кули для работъ на золотыхъ рудникахъ прибавило къ кафрской язвѣ еще и китайскую; индійская иммиграція наводнила индусами земледѣліе, мелкую и крупную торговлю страны. Британская политика стремилась отвратить наплывъ въ Южную Африку бѣлыхъ неанглійскаго происхожденія, чтобы обезпечить за британцами численный перевѣсъ, пріобрѣтенный съ такимъ трудомъ. Эта цѣль была въ значительной степени достигнута. Зато наплывъ индусовъ грозилъ существованію бѣлаго населенія въ Южной Африкѣ вообще; и хотя тысячи ввезенныхъ китайцевъ скоро были отправлены назадъ, всетаки Великобританія бурской войной завоевала новую колоніальную территорію скорѣе для своихъ индійскихъ подданныхъ, чѣмъ для британцевъ.

Это дало расовому вопросу въ Южной Африкѣ новое направленіе. Правда, британская корона въ новой конституціи оставила за собой законодательство о цвѣтнокожихъ, и это на первыхъ порахъ мѣшало осуществленію расовыхъ желаній бѣлаго населенія Южной Африки; но 21 марта 1907 г. трансваальскій парламентъ принялъ законъ, ограничивающій права азіатцевъ, хотя бы они и были подданными Британской Индіи.

d) Австралійскія колоніи.

Гораздо прочнѣе, чѣмъ южно-африканскія колоніи, объединились австралійскія. Въ Австраліи было шесть колоній: Новый Южный Уэльсъ, Викторія, Южная Австралія, Тасманія, Квинслэндъ и Западная Австралія, къ которымъ примыкала еще сосѣдняя Новая Зеландія. Каждая ко-

лонія имѣла собственную конституцію, двѣ законодательныя палаты и собственное отвѣтственное министерство. Въ каждую метрополія назначала особаго губернатора, жалованье которому платила колонія. Даже въ законодательной области всѣ колоніи были самостоятельны. Въ сознательномъ антагонизмѣ съ британскимъ правомъ, всѣ колоніи допускали бракъ вдовца съ сестрою его умершей жены. Въ 1883 г. бѣлое населеніе Австраліи достигало 3 милліоновъ и въ 1890 г. почти 4 милліоновъ. Въ 1876 г. соединились въ одну колонію различныя части Новой Зеландіи; въ 1884 г. число жителей ея достигло полмилліона и въ 1890 г. — 600,000; но вслѣдствіе экономической политики въ духѣ государственнаго соціализма населеніе дальше не возрастало. На австралійскомъ континентѣ преобладающее положеніе занимала Викторія. Еще въ 1857 г. колоніи австралійскаго континента пытались объединиться подъ ея гегемоніей; но переговоры, которые велись въ 1860 г. въ Мельборнѣ между Викторіей, Новымъ Южнымъ Уэльсомъ, Южной Австраліей и Тасманіей, не привели ни къ какому результату. Двадцать-пять лѣтъ спустя вопросъ, однако, былъ поднятъ снова. Въ 1885 г. тѣ же четыре колоніи рѣшили въ Мельбурнѣ учредить Federal Council of Australia (Австралійскій союзный совѣтъ), въ которомъ должны были обсуждаться общіе вопросы. Но несмотря на всѣ понуканія, совѣтъ этотъ ни въ 1886, ни въ 1891, ни въ 1895 г. ничего не дѣлалъ. Тогда въ 1897 г. вопросомъ объединенія австралійскихъ колоніальныхъ государствъ занялись ихъ первые министры. Въ 1900 г. Новый Южный Уэльсъ, занимавшій тогда руководящее положеніе, Викторія, Южная Австралія, Тасманія и Квинслэндъ рѣшили объединиться въ Австралійскую Федерацію — Commonwealth of Australia; вскорѣ къ нимъ примкнула и Западная Австралія. Британская корона сочувствовала этому объединенію и кромѣ того нуждалась въ помощи Австраліи для бурской войны; Австралія воспользовалась такимъ положеніемъ вещей, чтобы заставить заплатить за свое объединеніе уступками. Она домогалась полной самостоятельности въ желѣзнодорожномъ законодательствѣ, торговой и таможенной политикѣ, въ вопросахъ иммиграціи и эмиграціи, въ финансовомъ законодательствѣ, въ валютномъ вопросѣ, въ почтовомъ дѣлѣ, въ законодательствѣ о патентахъ, банкахъ и страховыхъ учрежденіяхъ, въ судопроизводствѣ и въ организаціи обороны страны. Даже британскія военныя суда на будущее время должны были въ австралійскихъ водахъ подчиняться не британскимъ, а австралійскимъ законамъ. Наконецъ, Австралія потребовала полной свободы во внѣшней политикѣ, особенно по отношенію къ островамъ Южнаго океана. Послѣ отклоненія большинства этихъ домогательствъ австралійскія колоніи объявили, что безъ удовлетворенія ихъ не состоится и объединеніе. Тогда англійская корона начала уступать одинъ пунктъ за другимъ. Въ концѣ концовъ, Англія оспаривала лишь право Австраліи на самостоятельную внѣшнюю политику и на собственный верховный судъ — High Court of Australia. Но Австралія ловко воспользовалась труднымъ положеніемъ Англіи въ бурской войнѣ и, доставивъ 8,000 человѣкъ въ качествѣ вспомогательнаго отряда, вынудила, наконецъ, въ существенномъ и эти уступки (ср. т. II, стр. 291).

Австралія получила право самостоятельно опредѣлять свою внѣшнюю политику; Соединенное королевство пожертвовало даже своимъ верховнымъ судомъ и вмѣсто него образовало новое высшее судебное учрежденіе, въ которое назначали по одному судьѣ Австралія, Канада, Южная Африка и Индія; судьи эти получали званіе пэровъ, право пожизненно засѣдать въ лондонской верхней палатѣ и 120,000 марокъ содержанія изъ британскаго государственнаго казначейства. Сфера этого новаго суда была ограничена, однако, случаями споровъ между отдѣльными австралійскими штатами [1] и

---

[1] Вступившія въ федерацію колоніи получили названіе штатовъ.

между штатами и федеральнымъ правительствомъ, да и въ этихъ случаяхъ его рѣшенія имѣли силу лишь при согласіи на это обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ изъ сферы новаго имперскаго суда было устранено все уголовное и гражданское законодательство Австраліи, и самый судъ превратился въ добровольный третейскій судъ. Итакъ, Австралія не только сохранила свою судебную самостоятельность, но черезъ своего новаго судью участвовала въ имперскомъ судѣ. Столица Союза была въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, штатѣ съ преобладающимъ вліяніемъ. Въ союзномъ сенатѣ полагается по шести сенаторовъ отъ каждаго штата, въ палатѣ представителей — по одному депутату на каждыя 50,000 жителей и не менѣе пяти отъ одного штата. Въ началѣ первой сессіи Западная Австралія и Тасманія имѣли въ палатѣ представителей по 5 депутатовъ, Южная Австралія — 7, Квинслэндъ — 10, Викторія — 23, Новый Южный Уэльсъ — 26. Весь Союзъ къ 1 января 1901 г. заключалъ — 8 милліоновъ квадр. километровъ и 4 милліона бѣлыхъ жителей. Перваго генералъ-губернатора, графа Гоптауна, уже въ 1902 г. смѣнилъ Лордъ Галламъ Теннисонъ, котораго въ 1903 г. смѣнилъ баронъ Норткотъ.

Образованіе Союза знаменовало собою полную независимость Австраліи отъ британской короны; Союзъ тотчасъ началъ блюсти экономическіе интересы Австраліи противъ всего остального міра. До 1900 г. промышленная колонія Викторія была единственной опредѣленно протекціонистской колоніей Австраліи, а Новый Южный Уэльсъ, который больше вывозилъ, чѣмъ ввозилъ, — единственной фритрэдерской. Остальныя четыре колоніи, подобно Соединенному королевству, стояли, въ сущности, на почвѣ финансовыхъ пошлинъ, хотя, въ отличіе отъ метрополіи, все сильнѣе склонялись къ протекціонизму. Австралійскій Союзъ съ самаго начала сталъ на почву протекціонизма. Онъ былъ вынужденъ къ этому, такъ какъ съ соединеніемъ шести колоній рушились таможенныя перегородки между ними и вмѣстѣ съ ними исчезла бо́льшая часть государственныхъ доходовъ. Покрыть убыль ихъ можно было лишь усиленнымъ обложеніемъ заморскаго ввоза, а это послѣднее очень сильно затрагивало метрополію. Уже въ 1899 г. внѣшняя торговля Австраліи достигла 125 милліоновъ, и изъ нихъ почти половина приходилась на Британскіе острова. Въ этотъ годъ Соединенное королевство вывезло въ Австралію на 26 милліоновъ фунт. стерл. произведеній промышленности и вывезло изъ Австраліи на 33 милліона пищевыхъ продуктовъ и сырыхъ матеріаловъ. Слѣдовательно, пониженіе таможенныхъ ставокъ для англійскихъ товаровъ вызвало бы очень значительную убыль въ доходахъ. Тѣмъ не менѣе, австралійское союзное государство рѣшилось на это въ надеждѣ добиться въ качествѣ эквивалента привилегированнаго положенія для австралійскихъ произведеній въ Англіи.

Когда обнаружилось, что на это нѣтъ никакой надежды, стали связывать пониженіе пошлинъ съ выполненіемъ условія, противорѣчившаго демократическимъ идеаламъ населенія Британскихъ острововъ, но продиктованнаго австралійцамъ борьбою за сохраненіе чистоты своей расы. Требовалось, чтобы англійскіе товары, пользующіеся таможенными льготами, ввозились на британскихъ судахъ съ экипажемъ, состоящимъ исключительно изъ бѣлыхъ. Это постановленіе было направлено не только противъ малайцевъ и китайцевъ изъ Китая, не только противъ англійскихъ союзниковъ, японцевъ, но и противъ индійскихъ ласкаровъ и китайцевъ, которые были британскими подданными. Поэтому Англія настолько же рѣшительно боролась противъ этого постановленія, насколько упорно его отстаивали австралійцы. Въ этой борьбѣ призракъ мнимаго политическаго равенства людей противостоялъ факту неумолимой борьбы расъ за обладаніе земнымъ шаромъ. Окажется ли этотъ призракъ сильнѣе стремленія бѣлой расы къ неограниченному господству (ср. т. I, стр. 588) — покажетъ

исторія. Къ этому антагонизму въ расовомъ вопросѣ присоединился антагонизмъ въ вопросѣ о господствѣ на Южномъ океанѣ. 8 апрѣля 1904 г. (стр. 38) британская корона въ договорѣ съ Франціей согласилась на будущее время раздѣлить съ послѣдней власть надъ Новыми Гебридами. Несмотря на протестъ австралійскаго Союза, 20 октября 1906 года Англія признала указанные острова состоящими подъ общимъ протекторатомъ обѣихъ державъ. Это оскорбило австралійское національное чувство.

e) Индія.

Въ Индіи 1875—77 годы принесли съ собою большія голодовки, жертвою которыхъ пали сотни тысячъ туземцевъ. Въ это время въ Англіи созрѣвало рѣшеніе дать Индіи особое положеніе по сравненію съ другими колоніями, такъ какъ не было никакой надежды, чтобы изъ ея 60,000 европейцевъ выросло когда-либо населеніе, сколько-нибудь сравнимое съ 250.000,000 индусовъ. Путешествіе Альберта Эдуарда, тогдашняго принца Уэльскаго, завязавшаго многочисленныя личныя связи съ туземными князьями, послужило прологомъ къ этому шагу. 1 января 1877 года англійская королева была провозглашена въ Дели императрицей Индіи. Это сближеніе съ туземцами сдѣлало дальнѣйшіе успѣхи при маркизѣ Рипонѣ, который былъ вице-королемъ въ 1880—84 гг. и питалъ вѣру, что Индіи можно дать демократическое правительство, чѣмъ вызывалъ противъ себя раздраженіе индійскихъ британцевъ. Отсюда у индусовъ пробудилось стремленіе принять участіе въ управленіи, выразившееся въ 1885 г. въ первомъ индійскомъ народномъ конгрессѣ; въ немъ приняли участіе изнѣженные бенгальскіе и мараттскіе индусы, между тѣмъ какъ воинственныя сѣверныя племена, особенно сики и раджпуты, держались въ сторонѣ. Сдерживать это движеніе было тѣмъ труднѣе, что на сѣверѣ къ индійскимъ границамъ непрерывно подступала Россійская имперія, и Соединенному королевству приходилось считаться съ тѣмъ, что наступитъ, можетъ быть, день, когда индійскія войска придется вести противъ русскаго врага. Когда вслѣдствіе войны съ Афганистаномъ 1878 и 1879 гг., съ Египтомъ, 1882 г., и похода для завоеванія Верхней Бармы, 1885 г., сильно увеличилось податное бремя, въ населеніи начало расти постоянное недовольство. Далѣе, въ 1886 г. вражда между индусами и магометанами начала приводить къ кровавымъ столкновеніямъ, такъ какъ индійское правительство покровительствовало магометанамъ, чтобы сохранить съ султаномъ дружбу, которую приближеніе къ Индіи Россіи дѣлало желательной. Въ 1892 г., чтобы уравновѣсить занятіе Памира русскими, Англія была вынуждена овладѣть ханствомъ Читраломъ и его важными горными проходами. Въ 1896 г. Англіи пришлось согласиться на занятіе Франціей Восточнаго Сіама.

Индійская внѣшняя торговля была съ 1890 г. до того парализована обезцѣненіемъ серебра, что въ 1893 г. была пріостановлена свободная чеканка серебра, и серебряная валюта пала. Въ 1894 г. Индія вступила на путь самостоятельной внѣшней экономической политики и ввела новый таможенный тарифъ. Вслѣдствіе господства въ англійскомъ правительствѣ Индіи фритрэдерскихъ тенденцій этотъ новый таможенный тарифъ не обезпечивалъ за Индіей самостоятельнаго положенія на міровомъ рынкѣ и давалъ лишь умѣренные доходы; зато монополія на опіумъ давала правительству постоянно возрастающій доходъ. Господство четверти милліона британцевъ надъ 270 милліонами туземцевъ держалось лишь на раздробленіи населенія страны на многочисленные народы и племена. Но дѣло осложнилось, когда съ 1885 г. отдѣльные народы и племена начали собираться въ два лагеря, очень неравные по численности, но почти равноцѣнные, какъ общественныя силы. Со времени образованія индійскаго

народнаго собранія (Національный конгрессъ 1885 г.), которое поставило себѣ цѣлью общее представительство 207 милліоновъ индусовъ, а скоро и фактически могло считаться выразителемъ ихъ желаній, 62 милліона магометанъ также ощутили потребность въ созданіи политической организаціи. Хотя по численности они не равнялись и трети индусовъ, но состоятельныхъ и образованныхъ людей въ ихъ средѣ было никакъ не менѣе и въ экономической жизни страны они играли не меньшую роль. Въ то время, какъ изнѣженные бенгальскіе индусы относились къ британцамъ враждебно, магометане не только терпѣливо переносили британское господство, но и питали къ нему нѣкоторую симпатію. Они сознавали свое культурное превосходство надъ индусами и чувствовали, что британцы отдаютъ имъ предпочтеніе. Подобно тому, какъ Пруссія долго заботилась о благорасположеніи папы, чтобы найти въ своихъ католикахъ поддержку для своихъ государственныхъ плановъ, индійская корона долго ухаживала за султаномъ, чтобы сохранить расположеніе своихъ магометанскихъ подданныхъ. Это повело къ сближенію правящихъ британцевъ съ послѣдователями ислама. Въ поворотный моментъ величайшій вождь магометанъ Сеидъ Ахмедъ-ханъ въ своей рѣчи въ Лакнау сказалъ своимъ единовѣрцамъ: „Вспомните исторію своихъ предковъ! Не будьте несправедливы къ британскому правительству, которому Аллахъ даровалъ власть надъ Индіей! Будьте искренни, взвѣсьте, чего стоитъ британцамъ сохранять свою имперію и свою власть надъ Индіей. Вы можете оцѣнить необходимость, индусы не могутъ; они никогда не покоряли странъ и не одерживали побѣдъ“.

Антагонизмъ между индусами и магометанами всего острѣе сказывался въ провинціи Бенгаліи, въ которой насчитывалось 80 милліоновъ жителей и въ которой индусы, находясь въ большинствѣ, всячески тѣснили магометанъ. Отношенія сдѣлались невыносимыми. Тогда имперское правительство нашло выходъ въ томъ, что выдѣлило части страны, населенныя преимущественно магометанами, и образовало изъ нихъ новую провинцію, Восточную Бенгалію и Ассамъ, гдѣ магометане имѣли теперь большинство двухъ третей (16 октября 1905 г.). Индусы отвѣтили на эту мѣру упорной агитаціей въ пользу движенія „свадеши“, обозначавшаго бойкотъ англійскихъ товаровъ и вредившаго такимъ образомъ британской торговлѣ. День раздѣленія Бенгаліи сталъ днемъ національно-религіознаго траура. Магометане въ свою очередь были недовольны тѣмъ, что имперское правительство вскорѣ послѣ раздѣленія Бенгаліи отозвало расположеннаго къ нимъ перваго губернатора І. Б. Фуллера, такъ какъ его сильно ненавидѣли индусы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разграниченіе провинцій было болѣе благопріятно для магометанъ, послѣдніе также стали домогаться расширенія общиннаго и окружного самоуправленія. Этимъ было положено на индійской территоріи начало демократическому движенію, нашедшему себѣ хорошую почву благодаря побѣдамъ Японіи надъ Россіей въ 1904—05 гг. (см. т. V, стр. 590). Англійскій либерализмъ нисколько не враждебенъ этому движенію. Вопросъ лишь въ томъ, какъ согласовать его съ британскимъ имперіализмомъ. Уже въ 1896 г. Англія желала воспользоваться усиленіемъ Японіи, и 30 января 1902 года заключила съ восточно-азіатскимъ островнымъ государствомъ союзъ (см. т. II, стр. 50); его слѣдствіемъ были характерныя претензіи Японіи. 31 января 1906 года японскій военный министръ М. Тераучи объявилъ въ японскомъ парламентѣ, что онъ думаетъ, на основаніи статьи 7 союзнаго договора, оказать дипломатическое давленіе въ видахъ необходимой реформы англійской сухопутной арміи. Кромѣ того этотъ договоръ вынудилъ Великобританію занять въ вопросѣ о японской иммиграціи въ Австралію такое положеніе, которое оскорбляло бѣлое населеніе Австраліи и вызвало глубокій разладъ съ нею; это не останется безъ вліянія на исторію британской имперской федераціи.

4. Британская имперія, какъ хозяйственное цѣлое и какъ федеральное государство.

A. Великобританская экономическая политика.

Съ начала 1880-хъ гг. дѣйствіе покровительственной политики на континентѣ Европы стало проявляться въ усиленіи континентальной промышленности и въ увеличеніи вывоза; въ Англіи новая конкурренція чувствовалась все сильнѣе. Но теперь было уже не такъ просто перейти отъ свободной торговли къ протекціонизму. Едва ли даже это было возможно. Введеніе покровительственныхъ пошлинъ на продукты промышленности несомнѣнно увеличило бы временно доходы британскихъ промышленныхъ предпріятій. Но оно создало бы усиленіе спроса на промышленныхъ рабочихъ, и этотъ спросъ такъ поднялъ бы заработную плату, что увеличеніе дохода было бы болѣе чѣмъ уравновѣшено, а земледѣліе лишилось бы послѣднихъ своихъ рабочихъ, которыхъ еще оставалось у него нѣсколько десятковъ тысячъ. Это означало бы добровольное уничтоженіе послѣднихъ остатковъ британскаго земледѣлія, уцѣлѣвшихъ отъ полувѣковыхъ бѣдствій. Такое уничтоженіе земледѣлія представляло бы государственную опасность, дѣлая невозможнымъ для туземнаго населенія прокормиться собственными средствами хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ недѣль войны. Съ другой стороны, если бы и земледѣліе получило таможенную защиту на ряду съ промышленностью, то послѣдней былъ бы нанесенъ ущербъ. Протекціонизмъ въ земледѣліи не только вызвалъ бы вздорожаніе жизни, а, слѣдовательно, и рабочихъ рукъ, — что болѣе чѣмъ уравновѣсило бы выгоды промышленнаго протекціонизма, — но и создалъ бы спросъ на новыхъ рабочихъ со стороны земледѣлія; а этотъ спросъ долженъ былъ сдѣлать промышленный трудъ еще болѣе дорогимъ. Въ 1849 г. британское производство хлѣба было принесено въ жертву промышленности, теперь же къ промышленности было бы предъявлено требованіе возвратить земледѣлію рабочихъ. Рѣшиться на такой шагъ было невозможно. Въ 1849 г. британскому земледѣлію былъ произнесенъ смертный приговоръ; чтобы оно могло сколько-нибудь оправиться, понадобился бы самый тяжелый промышленный кризисъ. Однако, англійскія промышленныя произведенія нуждались въ покровительствѣ. Такое покровительство долженъ былъ доставить имъ з а к о н ъ о к л е й м е н і и т о в а р о в ъ (Merchandise Act), 1887 г., который предписывалъ, чтобы на всѣхъ товарахъ, ввозимыхъ въ Британскую имперію, обозначалось названіе страны или мѣста, гдѣ они сработаны. Этотъ законъ, однако, не достигъ своей цѣли. Надпись: „made in Germany“ (сдѣлано въ Германіи) скорѣе способствовала распространенію германскихъ товаровъ на территоріи Британіи и ея колоній.

Законъ о клейменіи товаровъ и запрещеніе иммиграціи бѣдныхъ иностранцевъ (alien paupers) остались единственными прочными государственными мѣропріятіями для защиты британскихъ производительныхъ силъ; ввозныя пошлины на пшеницу и сахаръ и ввозная пошлина на уголь были лишь временными налогами, вызванными войной. Но этотъ фактъ сохраненія свободной торговли на ряду съ финансовыми пошлинами не помѣшалъ тому, чтобы въ экономической политикѣ метрополіи по отношенію къ колоніямъ произошли сильныя измѣненія.

B. Распаденіе Британской имперіи на почвѣ экономической политики.

Постепенно перейдя около середины 19-го вѣка къ с в о б о д н о й т о р г о в л ѣ, Великобританія и Ирландія сохраняли, однако, рядъ фискальныхъ

пошлинъ. Случаю угодно было, чтобы товары, съ которыхъ взимались высокія ввозныя пошлины, были, по большей части, товарами, ввозимыми изъ колоній: такъ, были обложены чай изъ Индіи и Цейлона, вино изъ Капланда и Австраліи и табакъ изъ Вестъ-Индіи и Наталя. Напротивъ, земледѣльческія и промышленныя произведенія чужихъ европейскихъ и американскихъ государствъ оставались свободными отъ пошлинъ. Подобнымъ же образомъ обстояло дѣло и въ колоніяхъ. Но если на Британскихъ островахъ фритрэдерскія идеи были еще въ чести, хотя условій, породившихъ ихъ и дававшихъ имъ положительное значеніе, уже не существовало, то колоніи одна за другой видѣли себя вынужденными перейти къ протекціонизму, подобно тому, какъ крупныя европейскія державы и Сѣверно-Американскіе Штаты съ 1878 г. другъ за другомъ ввели у себя этотъ видъ косвеннаго обложенія съ задней мыслью обезпечить прочное положеніе на внутреннемъ рынкѣ своему товарному производству. Хотя въ колоніяхъ вначалѣ рѣчь шла исключительно о фискальныхъ пошлинахъ, вскорѣ въ частныхъ случаяхъ рядомъ съ фискальной точкой зрѣнія стала выступать и защита колоніальнаго товарнаго производства. Правда, при слабомъ развитіи промышленной дѣятельности въ колоніяхъ протекціонизмъ оставался вначалѣ на второмъ планѣ. Въ концѣ концовъ, въ большинствѣ колоній ввозныя пошлины составляли четыре пятыхъ государственныхъ доходовъ, а такъ какъ четыре пятыхъ обложеннаго ввоза приходилось на Англію, то обложеніе англійскихъ товаровъ при ввозѣ въ колоніи составляло почти двѣ трети государственныхъ доходовъ послѣднихъ. Слѣдовательно, сколько-нибудь значительное уменьшеніе ввозныхъ пошлинъ на британскіе товары было возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы передъ колоніями открылись другіе налоговые источники. Но для этого было необходимо введеніе прямого обложенія, а послѣднее встрѣчало въ населеніи различныхъ колоній самое рѣшительное противодѣйствіе.

Пока метрополія и колоніальныя государства въ области торговой политики обращались другъ съ другомъ суровѣе, чѣмъ съ чужестранными государствами, ихъ экономическія отношенія не могли стать болѣе тѣсными. Въ 1881—85 гг. Англія направляла въ колоніи треть своего вывоза, въ 1899 году уже только 26%. Въ 1881—85 гг. Англія ввозила изъ колоній 24% своего ввоза, въ 1895 г. уже только неполные 23%, въ 1899 г. только 22. Такимъ образомъ, за періодъ, равный половинѣ средней человѣческой жизни, ихъ взаимная заинтересованность въ торговлѣ другъ съ другомъ значительно упала. Другіе факты экономической политики обнаруживали ту же тенденцію. Къ прежнему праву колоній на самостоятельную таможенную политику присоединилась свобода въ заключеніи торговыхъ договоровъ, въ которой метрополія раньше имъ отказывала. Раньше метрополія заключала свои договоры о наибольшемъ благопріятствованіи всегда отъ имени всей Британской имперіи; при этомъ само собою предполагалось, что эти договоры будутъ соблюдаться и всѣми колоніями. Разъ метрополія предоставляла иностранному государству права наиболѣе благопріятствуемой державы, то они безпрекословно предоставлялись ему и всѣми колоніями. Этотъ принципъ впервые былъ нарушенъ при заключеніи торговаго договора между Соединеннымъ королевствомъ и Румыніей (1893 г.). Тутъ нѣкоторыя колоніи впервые выговорили себѣ право самостоятельно рѣшить, присоединятся онѣ къ заключенному договору или нѣтъ. Это были: Канада Ньюфаундлендъ, Тасманія, Новая Зеландія, Индія, Наталь и Капская колонія. Когда затѣмъ (1898 г.) Англія заключила торговый договоръ съ Парагваемъ, нѣкоторыя колоніи воспользовались этимъ правомъ на практикѣ. Такимъ образомъ единство Британской имперіи въ области торговой политики рушилось. Главныя составныя части имперіи пошли въ дѣлѣ регулированія своихъ торговыхъ отношеній

къ иностраннымъ государствамъ посредствомъ торговыхъ договоровъ своимъ собственнымъ путемъ. При переговорахъ съ Германіей въ 1898 г. Англія сама встала на эту почву. Но ея требованіе, чтобы заключаемый торговый договоръ, относясь потенціально ко всей Британской имперіи, оставлялъ бы колоніямъ свободу примыкать къ нему или нѣтъ, не было принято Германской имперіей. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ дѣйствовалъ лишь предварительный краткосрочный договоръ о наибольшемъ благопріятствованіи; онъ имѣлъ силу лишь для тѣхъ частей Британской имперіи, которыя фактически также предоставляли германскимъ товарамъ и судамъ условія наибольшаго благопріятствованія. Въ этомъ договорѣ была еще сохранена та точка зрѣнія, что метрополія является представительницей тѣхъ колоній, которыя не отказываютъ напрямикъ иностраннымъ государствамъ въ благопріятствованіи. Въ 1902 г. на Брюссельской сахарной конференціи пришлось подъ давленіемъ колоній отказаться и отъ этой точки зрѣнія. Соединенное королевство могло заключить этотъ договоръ только за себя и за коронныя колоніи, а автономнымъ колоніямъ было предоставлено право самимъ рѣшить, присоединяются ли онѣ къ этому договору или нѣтъ. Это указывало на распаденіе Британской имперіи въ сферѣ экономической политики.

C. Британская имперская федерація.

Въ началѣ 1890-хъ гг. въ Великобританіи было сознано, что ростъ населенія и экономическаго значенія колоній мощно влечетъ ихъ къ самостоятельности въ области экономической политики; колоніи становились какъ бы самостоятельными государствами; либеральное правительство, съ Гладстономъ во главѣ, предоставило свободу этому движенію. Отношенія между метрополіей и колоніями пришлось подвергнуть новому пересмотру. Тридцать лѣтъ назадъ англійскій либеральный кабинетъ сомнѣвался, слѣдуетъ ли, вообще, стремиться къ сохраненію колоній. Тогда рѣшеніе вопроса фактически зависѣло отъ Лондона. Къ концу XIX вѣка положеніе измѣнилось. Теперь дѣло шло уже о томъ, хотятъ ли сами колоніи сохранять свою политическую связь съ метрополіей. Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ столицъ колоній за Атлантическимъ и Индійскимъ океанами. Казалось несомнѣннымъ лишь одно: при растущей затруднительности сбыта англійскихъ товаровъ на европейскомъ континентѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ англійскій народъ не можетъ безъ дальнѣйшихъ околичностей предоставить колоніямъ независимость. Объ удержаніи послѣднихъ силою оружія, впрочемъ, нельзя было и думать. Было совершенно немыслимо, чтобы англійское войско могло держать въ покорности Канаду или австралійскія колоніи. О командованіи колоніями не могло быть рѣчи. Оставался лишь одинъ путь, а именно, — создать на Британскихъ островахъ и въ колоніяхъ народное движеніе, которое имѣло бы цѣлью новое объединеніе колоній съ метрополіей на почвѣ экономической политики, послѣ того, какъ старая связь на основѣ британскаго верховенства рушилась. Идею верховенства замѣнила идея имперской федераціи. Выразителемъ ея была Imperial federation league (лига имперской федераціи), совершенно правильно подчеркивавшая слово federation. Конечно, этотъ союзъ британскихъ поселеній на землѣ долженъ былъ лишь быть для британскаго племени средствомъ для подчиненія себѣ міра. Отсюда это движеніе получило имя имперіализма (Imperialism).

Сэръ Чарльзъ Дилькъ, авторъ изреченія: „The world is growing rapidly English“ („Міръ быстро становится англійскимъ“), написавшій книгу подъ заглавіемъ: „Greater Britain“ („Великая Британія“), въ своей Ольдгэмской рѣчи въ 1896 г. проповѣдывалъ: „Англійская кровь и англійскій языкъ должны съ Божьей помощью достигнуть навсегда господ-

ства на всемъ земномъ шарѣ. Морское положеніе Англіи и духовныя свойства ея народа дѣлаютъ изъ нея самую могучую силу на землѣ“. Это настроеніе встрѣтило громкій откликъ въ колоніяхъ, особенно въ Канадѣ; на Британскихъ островахъ носителемъ этой идеи сталъ крупный государственный человѣкъ Джозефъ Чемберлэнъ, который былъ прежде либераломъ, но не могъ слѣдовать за Гладстономъ до предоставленія Ирландіи автономіи. Та фракція, которая съ Чемберленомъ во главѣ, будучи либеральной, поставила, однако, единство Соединеннаго королевства выше проведенія ирландской автономіи, либералы-уніонисты (см. 33 стр.), поставила теперь единство племени выше британскаго верховенства въ колоніальной политикѣ; такъ изъ либераловъ-уніонистовъ развились имперіалисты. Занимая положеніе промежуточное между консерваторами и либералами, эта группа долго составляла собою рѣшающій центръ и пользовалась значительнымъ вліяніемъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ вождь ея, Чемберлэнъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ вошелъ въ консервативное министерство Сольсбери въ качествѣ министра колоній. Но эта группа не располагала и пятой долей голосовъ всѣхъ избирателей, хотя, во время возбужденія, вызваннаго войной, она занимала видное положеніе и называла своихъ противниковъ въ насмѣшку сторонниками умаленія Англіи — Little Englanders. Ея значеніе еще уменьшилось, когда промышленные рабочіе Соединеннаго королевства въ 1905 г. сдѣлали попытку объединиться по образцу германской соціалъ-демократіи въ особую рабочую партію, и политическій трэдъ-юніонизмъ выступилъ въ парламентѣ въ качествѣ четвертой партіи. Такимъ образомъ въ 1905 г. во главѣ страны стало либеральное министерство Кемпбелль-Баннермана, и вмѣстѣ съ тѣмъ пала мечта въ скоромъ времени сдѣлать имперіализмъ преобладающей идеей великобританской экономической политики.

На колоніальной конференціи въ Оттавѣ (29 іюня 1894 года) впервые было постановлено, что цѣлью британской экономической политики должно быть поставлено заключеніе колоніями съ Великобританіей и между собою соглашенія о взаимныхъ торговыхъ льготахъ, причемъ товары, ввозимые изъ иностранныхъ государствъ, должны облагаться болѣе высокими пошлинами, чѣмъ ввозимые изъ британскихъ поселеній. Далѣе, была принята резолюція, требовавшая устраненія изъ дѣйствовавшихъ договоровъ Соединеннаго королевства съ иностранными державами всѣхъ постановленій, мѣшавшихъ автономнымъ колоніямъ войти между собою и съ Британскими островами въ соглашенія о наибольшемъ благопріятствованіи. До 1897 г. эти пожеланія оставались безрезультатными. Въ іюнѣ 1897 года праздновалось шестидесятилѣтіе царствованія королевы Викторіи. Пользуясь этимъ случаемъ, первые министры всѣхъ британскихъ колоній устроили въ Лондонѣ совѣщаніе и обсуждали основанія для болѣе тѣснаго объединенія составныхъ частей Британской имперіи въ федерацію; результаты этого совѣщанія сказались лишь тогда, когда Канада взяла на себя иниціативу практическихъ таможенныхъ мѣропріятій. Маленькая таможенная скидка, предоставленная британскимъ товарамъ въ 1898 г., скоро дошла до четверти, затѣмъ до третьей части всей пошлины. А когда въ заключеніе были набавлены пошлины на товары, ввозимые изъ тѣхъ государствъ, которыя, какъ, напр., Германія, не предоставляли льготъ канадскимъ товарамъ, разница въ пользу англійскихъ товаровъ дошла до величины всей пошлины.

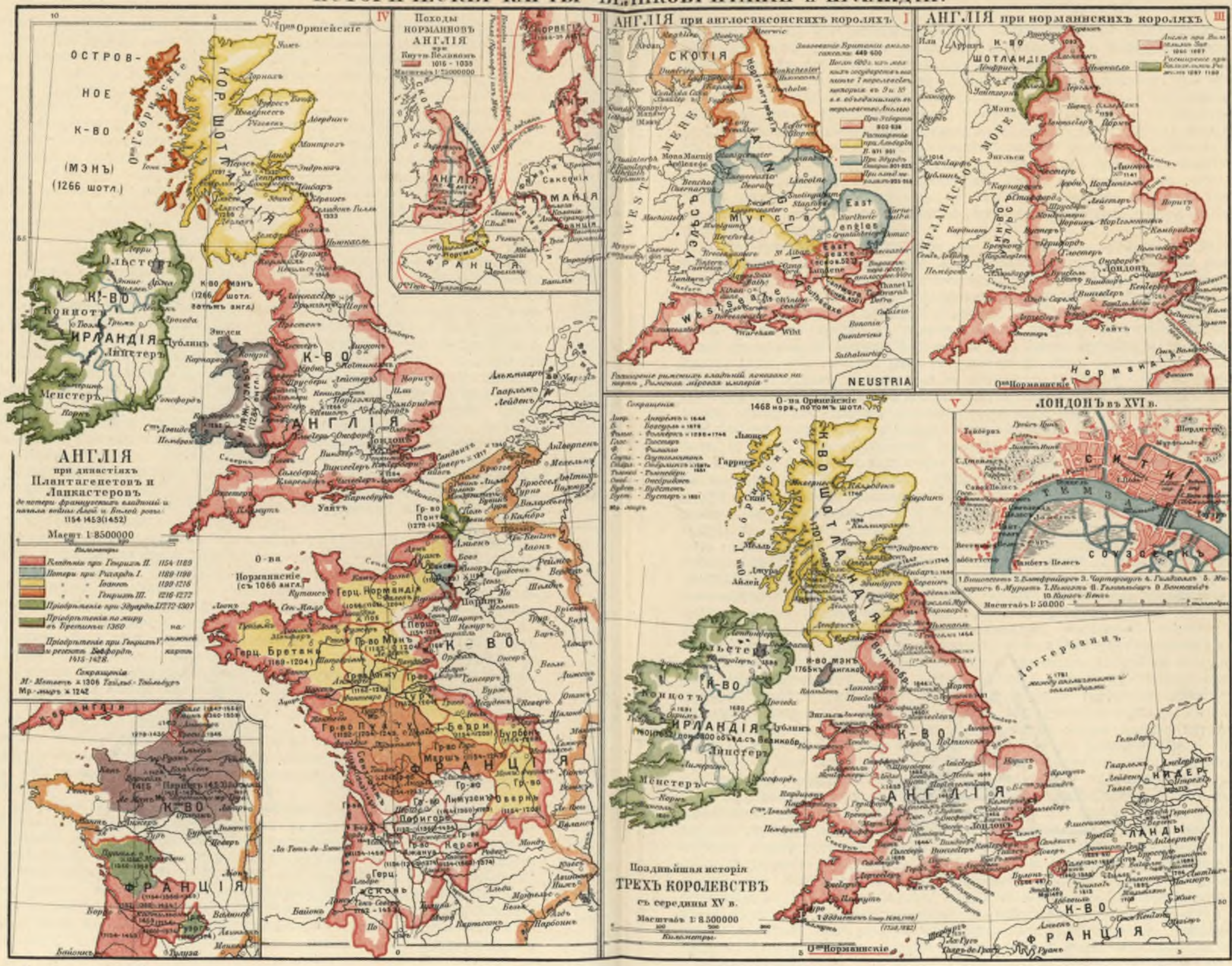
Подобныя же мѣропріятія подготовлялись въ Австраліи и Южной Африкѣ; и если бы съ теченіемъ времени таможенныя льготы для британскихъ товаровъ еще возрасли и съ ростомъ населенія колоній возрасло количество пользующихся ими товаровъ, то современемъ Великобританія оказалась бы сильно заинтересованной въ сохраненіи этихъ льготъ и сама была бы вынуждена пойти на подобныя же уступки колоніямъ. Эта цѣль

таможенной политики колоній, однако, не была достигнута. Когда въ 1905 г. Джозефъ Чемберлэнъ попробовалъ выставить переходъ Великобританіи къ охранительнымъ пошлинамъ главнымъ пунктомъ своей избирательной платформы, представитель имперіализма былъ побѣжденъ либерализмомъ и фритрэдерствомъ. Послѣ того, какъ въ 1849 г. англійское сельское хозяйство было обречено на медленную смерть и принесено въ жертву одностороннему промышленному развитію, которое въ свою очередь односторонне сосредоточилось на вывозѣ, на Британскихъ островахъ уже не существовало экономическихъ интересовъ, достаточно сильныхъ, для того, чтобы склонить чашку вѣсовъ въ сторону протекціонизма. Даже тѣ либералы-уніонисты, которые стояли за болѣе тѣсныя экономическія отношенія съ колоніями, отвергали мысль о таможенной стѣнѣ вокругъ британской имперской федераціи и шли за Чемберлэномъ лишь до того пункта включительно, который означалъ свободу торговли въ предѣлахъ всей Британской имперіи. Они были сторонниками уничтоженія всякихъ ввозныхъ пошлинъ на британскіе товары въ колоніяхъ; 20-ти, 30-ти и 40%-ныя таможенныя сбавки, предоставляемыя британскимъ товарамъ нѣкоторыми колоніями, разсматривались либералами-уніонистами, какъ плата, уплачиваемая Великобританіи колоніями за охрану отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Колоніи смотрѣли на дѣло совсѣмъ иначе. Если Великобританія впускала безпошлинно ихъ произведенія, то въ этомъ колоніи не усматривали еще эквивалента за преимущества, которыя онѣ предоставляли британскимъ товарамъ передъ небританскими. Онѣ добивались такого же привилегированнаго положенія на британскомъ рынкѣ. Этого можно было достигнуть безъ перехода къ протекціонизму лишь при помощи ввозныхъ премій на колоніальные товары, которыя уплачивались бы изъ британской казны. Но въ парламентѣ не составилось бы большинства въ пользу такихъ премій, такъ какъ послѣднія слишкомъ обременили бы британскихъ налогоплательщиковъ, не принеся экономической выгоды Британскимъ островамъ. Такимъ образомъ таможенное сближеніе метрополіи и колоній оставалось одностороннимъ.

Несмотря на это, съ начала 20-го вѣка товарный обмѣнъ между метрополіей и колоніальными владѣніями началъ опять увеличиваться. Особенно возросъ вывозъ съ Британскихъ острововъ въ колоніальныя государства. Однако, онъ былъ не такъ великъ, какъ можетъ показаться изъ статистическихъ отчетовъ, въ которыхъ въ рубрику вывоза занесены не только военные припасы, отправленные во время бурской войны въ Южную Африку, но и суда, проданныя въ 1899 г. Англіей колоніямъ, чего до сихъ поръ не дѣлалось. Во всякомъ случаѣ, къ 1906 г. британскій вывозъ въ колоніи поднялся до суммы, превышающей треть всего вывоза. Нѣкоторое время казалось, что отсюда возникнетъ болѣе тѣсная экономическая связь, а вмѣстѣ съ тѣмъ явится и основа для болѣе тѣсныхъ политическихъ федеративныхъ отношеній. Но и эта видимость исчезла, когда явился новый спорный пунктъ; онъ былъ связанъ, какъ и идея свободной торговли, съ демократическими идеалами британскаго населенія и вошелъ желѣзнымъ клиномъ въ тѣло молодого Всемірнаго Британскаго Государственнаго Союза.

Изъ римскаго права и іудейско-христіанскаго міровоззрѣнія 18 вѣкъ заимствовалъ ту идею, что, разсматривая людей, какъ политическія существа, должно отвлечься отъ всякихъ различій между ними по способностямъ, здоровью, характеру, образованію, умѣнью, собственности и доходамъ и представлять ихъ себѣ имѣющими для государства равное значеніе. Отсюда въ Англіи и другихъ мѣстахъ возникла идея всеобщаго равнаго политическаго избирательнаго права, хотя британцы, благодаря своему практическому смыслу, никогда не предоставляли избирательнаго права въ парламентъ всѣмъ мужчинамъ, достигшимъ опредѣленнаго возраста. Въ

ИСТОРИЧЕСКІЯ КАРТЫ ВЕЛИКОБРИТАНІИ и ИРЛАНДІИ.



Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Англіи, съ ея исторически глубоко вкоренившимся партійнымъ антагонизмомъ между вигами и тори, или либералами и консерваторами, въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ можно было избѣжать образованія новыхъ партій. Политическій смыслъ народа добровольно примѣнялся къ прежнимъ партійнымъ шаблонамъ. Въ результатѣ на Британскихъ островахъ сложилось воззрѣніе, будто на основѣ всеобщаго равнаго избирательнаго права возможно обезпечить широкую національную политику по отношенію къ внѣшнему міру и экономическую свободу внутри. До конца 19 вѣка сомнѣніе въ принципѣ политическаго равенства считалось политической ересью. Отдѣльные руководящіе умы стали относиться къ нему критически только тогда, когда въ началѣ 20 в. рабочіе стали пользоваться своимъ избирательнымъ правомъ по нѣмецкому образцу для односторонняго классового законодательства.

Съ уничтоженіемъ рабства въ британскихъ заморскихъ владѣніяхъ представленіе, что люди, какъ политическія существа, должны разсматриваться внѣ всѣхъ ихъ экономическихъ и соціальныхъ различій, начали распространять и на колоніи. Требовали для гражданъ Британской имперіи равныхъ правъ во всѣхъ колоніяхъ. Но колоніальному британцу никакъ не могло прійти въ голову считать за равнаго себѣ и надѣлить такими же правами, какими пользуется онъ самъ, негра или ласкара, китайскаго кули или японца, разъ онъ ежечасно могъ констатировать ихъ физическую и духовную отсталось во всякаго рода трудѣ. Въ то время, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ негры считаются въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи людьми низшаго разряда, а иммиграція китайцевъ даже воспрещена закономъ, въ Канадѣ вопросъ этотъ не является еще жгучимъ, хотя и здѣсь уже ополчаются противъ увеличенія китайской иммиграціи. Въ Южной Африкѣ англичане смотрятъ на негровъ такъ же, какъ янки на негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Когда начали ввозить въ Трансвааль для горно-промышленныхъ работъ китайцевъ, африканскіе британцы заняли по отношенію къ послѣднимъ такое же положеніе, какъ по отношенію къ кафрамъ. Въ Индіи съ ея 270,000 бѣлыхъ нельзя предоставить одинаковыя права бѣлымъ и индусамъ, иначе индусы будутъ властвовать надъ бѣлыми. Въ Австраліи съ 1890 г. наблюдался сильный наплывъ китайцевъ и японцевъ, грозившій возможностью образованія постояннаго монгольскаго населенія, которое могло бы достигнуть современемъ такого же значенія, какъ негры въ Соединенныхъ Штатахъ. Къ нимъ присоединяются ласкары, подданные индійской короны, и малайцы, служащіе, главнымъ образомъ, кочегарами на британскихъ судахъ въ Южномъ океанѣ. Маленькое бѣлое населеніе Австраліи твердо рѣшилось защищаться отъ этихъ пришельцевъ и сохранить чистоту своей средиземно-морской расы. Но англійская корона требовала предоставленія равныхъ правъ съ бѣлыми, по крайней мѣрѣ, тѣмъ индусамъ и китайцамъ, которые являются британскими подданными; когда Англія вступила въ 1902 г. въ болѣе тѣсныя союзныя отношенія съ Японіей, она потребовала того же и для японцевъ. Изъ этого антагонизма развились длительные политическіе конфликты между метрополіей и большинствомъ колоній; едва онѣ начинали немного сближаться на экономической почвѣ, какъ политическія распри отталкивали ихъ другъ отъ друга. Въ то время какъ Великобританія и Ирландія старались пріобрѣсти себѣ максимальное участіе въ хозяйственной жизни колоній, британская демократія вмѣшивалась въ расовые конфликты въ колоніяхъ и создавала въ послѣднихъ сознаніе, что Великобританія не понимаетъ условій жизни колоніальныхъ британцевъ. Нельзя допустить, чтобы въ колоніальныхъ британцахъ угасъ антагонизмъ къ курчавоволосымъ и монголамъ, такъ какъ этотъ антагонизмъ находитъ себѣ пищу въ повседневной дѣятельности. Скорѣе нужно думать, что пониманіе условій жизни каждой расы, особенно же соціаль-

наго отстраненія неспособнѣйшихъ, въ борьбѣ за средства существованія одержитъ и на территоріи Британскихъ острововъ побѣду надъ иллюзіей изократіи, политическаго равенства всѣхъ людей, тормозившей въ теченіе цѣлаго столѣтія развитіе политическихъ способностей большихъ народовъ.

Хотя родиною почти всѣхъ британскихъ колоніальныхъ народностей была вся Западная Европа, а вовсе не исключительно Британскіе острова, народности эти съ самаго начала чувствовали себя британцами; въ этомъ британскомъ національномъ чувствѣ выразилась вся гордость средиземно-морской расы по отношенію къ курчавоволосымъ и монголамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ концѣ 18 вѣка въ янки Соединенныхъ Штатовъ выработалось собственное національное чувство, часто довольно враждебное британскому, разсѣянные островками колоніальные британцы имѣли всѣ основанія сосредоточить свои силы, чтобы не раствориться въ смѣшанномъ населеніи. Въ 1906 г. въ колоніяхъ насчитывалось еще немного болѣе 10 милліоновъ человѣкъ. На 43 милліона британцевъ Соединеннаго королевства приходилось 5,5 милліоновъ британцевъ въ Канадѣ, включая сюда и канадцевъ французскаго происхожденія, 4 милліона въ Австраліи съ Новой Зеландіей и полмилліона въ Южной Африкѣ. Другихъ человѣческихъ поселеній съ выраженнымъ британскимъ національнымъ чувствомъ въ 1906 г. на землѣ не было. Вся Индія, съ населеніемъ въ 275 милліоновъ, содержала лишь 270,000 британцевъ, изъ остальныхъ британскихъ посеелній ни одно не заключало и 100,000 жителей средиземно-морской расы. Въ то время, какъ Германія только внутри своихъ границъ насчитывала 61 милліонъ нѣмцевъ, все британское племя заключало лишь 53 милліона людей, говорящихъ по-англійски и имѣющихъ британское національное чувство. Но эти 53 милліона господствовали надъ пятой частью земного шара и надъ четвертью человѣчества. Какъ извѣстно, уже въ началѣ 20 вѣка въ Канадѣ, Южной Африкѣ, а также въ Австраліи и Новой Зеландіи начало развиваться собственное національное чувство; основной тонъ его былъ все-таки британскій, но тембръ въ Канадѣ былъ американскій, въ Африкѣ африканскій, въ Австраліи австралійскій. „Америка—для американцевъ“, „Африка—для африканцевъ“, „Австралія—для австралійцевъ“: эти три лозунга встрѣтили мощный откликъ въ Канадѣ, на мысѣ Доброй Надежды и въ пятой части свѣта. Въ 1906 г. британскій основной тонъ еще преобладалъ надъ географическими оттѣнками; въ этомъ состоитъ самая прочная связь, поддерживающая единство Британской имперіи. Другія средиземно-морскія племена равны британскому племени по экономическимъ способностямъ; но ни одно племя никогда не превосходило британцевъ по силѣ національнаго чувства и по умѣнью превращать экономическую мощь въ политическое могущество.

Общебританское національное чувство въ британскихъ колоніальныхъ государствахъ всего упорнѣе выражается въ антагонизмѣ къ низшимъ человѣческимъ расамъ и въ сознаніи отвѣтственности за охраненіе чистоты собственной расы отъ смѣшенія съ этими низшими расами; поэтому всякая попытка европейскаго члена федераціи вмѣшаться въ эти расовыя отношенія вызываетъ въ колоніяхъ тяжелое недоумѣніе. Ростъ обособленности экономическихъ интересовъ колоній идетъ рука въ руку съ развитіемъ въ нихъ промышленности. Эта обособленность интересовъ при врожденномъ характерѣ британскаго племени представляетъ для Британской имперіи не связующую, а раздѣляющую силу. Объединяющая государство соціальная сила заключается только въ британскомъ національномъ чувствѣ, которое свойственно еще всѣмъ британскимъ выходцамъ внѣ сѣверно-американскаго Союза. Но такую же большую творческую соціальную силу представляетъ чувство долга сохранять чистоту расы, которое европейскій британецъ не можетъ пони-

мать, такъ какъ не имѣетъ случая его примѣнить, — и чувство превосходства средиземноморцевъ надъ курчавоволосыми и монголами. Характерной чертой колоніальныхъ британцевъ на земномъ шарѣ является то, что они до сихъ поръ еще не подарили землѣ никакихъ помѣсей, какъ испанцы въ Америкѣ; въ этомъ ихъ гордость, дающая имъ вѣру въ свое племя. Колоніальнобританское національное чувство связи съ европейскими британцами, особые экономическіе интересы колоній и рѣзкій антагонизмъ колоніальныхъ британцевъ къ тѣмъ человѣческимъ расамъ, у которыхъ они думаютъ отнять заселенныя ими земли: — вотъ три силы, творящія исторію британской имперской федераціи. Тѣ двѣ изъ нихъ, которымъ удастся заключить между собою прочный союзъ, наложатъ свой отпечатокъ на будущее Британской имперіи.

II. Наука, искусство и образованность Западной Европы отъ XVI вѣка до настоящаго времени.

(Продолженіе и окончаніе V-го отдѣла VIII тома.)

Профессора доктора **Рихарда Майра.**

1. Образовательныя искусства.

Въ концѣ XVIII вѣка европейское искусство стояло повсюду подъ знакомъ **классицизма**. Наскучивъ стилемъ рококо или Людовика XV, оно снова испытало стремленіе къ возрожденію, причемъ повивальными бабками ему служили — просвѣщеніе и исторія искусства. Послѣ того какъ было дознано, что греческое искусство было корнемъ римскаго, господствовавшая въ продолженіе трехсотъ лѣтъ римская коса превратилась въ подрѣзанное по-гречески головное украшеніе. Новое правовѣрно-греческое эстетическое поповство съ нетерпимостью обратилось противъ только что закончившагося прошлаго и противъ всякаго другого направленія. Само собою разумѣется, что на судейское кресло взобралась „эстетическая" критика филологовъ и поэтовъ Винкельмановской школы. Гете считалъ себя за непогрѣшимаго папу идеальной всемірной церкви, гдѣ задаютъ тонъ уже не покровители и вельможи, какъ прежде, а литературно образованные и владѣющіе перомъ знатоки, которые устанавливаютъ символъ вѣры и слѣдятъ за его выполненіемъ. Правда, для умозрительной философіи, которая съ наступленіемъ новаго столѣтія взяла на себя руководство умами, занимавшіеся критикой поэты калибра Гете и Шлегелей были все еще слишкомъ художниками; лишь себѣ одной она присвоила право отрывать образовательныя искусства отъ дѣйствительности и тащить ихъ на небо идеаловъ. Отъ этой трансцендентальной опеки хуже всего досталось живописи. Когда послѣ поэтовъ и мыслителей указаніе цѣлей искусства взяли на себя историческіе изслѣдователи, оно начало перебирать всѣ стили и вѣка для того, чтобы подобрать матеріалъ, мотивы, образцы и пріемы. При этомъ повторительномъ курсѣ всѣхъ отдѣловъ прошлаго оно открывало и настоящее. За гегемоніей поэтовъ, философовъ и историковъ послѣдовала гегемонія газетчиковъ. Послѣ того, какъ кончилась тираннія руководящихъ мыслей и принциповъ, начался хаосъ, эстетическая и этическая анархія, всеразлагающая безпринципность. Одного все-таки нельзя отнять у ежедневныхъ хроникеровъ, это — способности оцѣнить, сколько можно заработать на данномъ художникѣ или художественномъ произведеніи. Нельзя также оспаривать у нихъ извѣстной находчивости, остроумія и умѣнія пускать пыль въ глаза, а также таланта въ подходящихъ случаяхъ скрывать свое непониманіе за шутками и издѣвательствами.

Лишь съ середины 19 вѣка нѣкоторые художники, особенно живописцы, начали воспринимать міръ уже не черезъ поэтовъ, мыслителей, изслѣдователей и дѣльцовъ, а собственными своими органами, передавать его въ собственныхъ выраженіяхъ и населять его созданіями собственнаго воображенія. Но новое, оригинальное есть область, составляющая удѣлъ генія. Къ сожалѣнію, примѣръ избранныхъ влечетъ подражаніе со стороны менѣе одаренныхъ; отсюда возникъ прискорбный **расколъ между искусствомъ и внѣшнимъ міромъ**, между художниками и публикой, производителями и потребителями. Искусство, стремясь къ увеличенію своей силы и изобразительности, къ новому языку формъ, не

разсчитанному на общее употребленіе, видимо распадается на мелкія и мельчайшія группы и даже на отдѣльныхъ личностей, творящихъ для самихъ себя. Сверху и снизу все съ бо́льшей враждебностью выступали противъ этого искусства, которое не идетъ навстрѣчу никакимъ потребностямъ большинства и не существуетъ ни для кого, кромѣ себя. Если стремящіеся выдвинуться художники и объединяются между собою, то къ этому взаимному сближенію ихъ вынуждаетъ только практическое безсиліе отдѣльнаго лица; всякій изъ нихъ идетъ своимъ собственнымъ путемъ и самое бо́льшее, если дѣлится съ сосѣдями своими антипатіями; перескакиваетъ отъ одной якобы уже отсталой точки зрѣнія къ другой, не зная удержу, не испытывая живительнаго чувства, что его понимаютъ и цѣнятъ. Такое состояніе — свинцовая гиря на ногахъ искусства, ему угрожаетъ опасность разслабнуть отъ вялости и удрученности. Культурная разрозненность западно-европейскаго общества и отдѣльныхъ націй еще не такъ велика, чтобы не было возможно общее искусство, хотя бы двигающееся по нѣсколькимъ параллельнымъ направленіямъ.

A. **Англійское искусство.**

а) Архитектура и прикладное искусство.

Англійское искусство менѣе всего было затронуто вліяніями, которыя временно выбили изъ колеи художественную жизнь на континентѣ. За великими архитекторами стиля возрожденія и барокко — Иниго Джонсомъ (1572—1651), которому принадлежатъ планы уайтголльскаго дворца, и Христофоромъ Рэномъ (1632—1723), строителемъ лондонской церкви Св. Павла, слѣдовалъ, минуя рококо, рядъ строгихъ классиковъ, державшихся Палладіо и Виньолы; это были — Джемсъ Джиббсъ (1674—1754), Уилльямъ Кентъ (1684—1748), Робертъ Адамъ (1728—1792), Уилльямъ Чемберсъ (1726—1796) и другіе. Господство этого англійскаго классицизма, которому подражали и въ Германіи и который впослѣдствіи неправильно получилъ названіе стиля Имперіи, продолжалось долго и въ 19 вѣкѣ; даже въ Америкѣ болѣе старыя монументальныя постройки (Бѣлый Домъ и Капитолій въ Вашингтонѣ) обнаруживаютъ черты этого стиля. Впрочемъ, лучшее, что создала англійская архитектура, надо искать не среди монументальныхъ сооруженій, а среди домовъ типа за́мка или виллы. Въ этой области пріобрѣли раньше всего значеніе романтика и историзмъ, какъ показываютъ построенные уже между 1740 и 1760 гг. Уилльямомъ Адамомъ и Джономъ Моррисомъ въ Шотландіи готическіе за́мки (Дугласъ Касль и Инверари Касль). Одинъ изъ классиковъ, вышеупомянутый Кентъ, былъ родоначальникомъ „англійскаго" стиля садовъ съ ихъ храминами, развалинами, хижинами, китайскими павильонами и т. п.; стиль этотъ чрезвычайно хорошо соотвѣтствовалъ періоду естественности и сантиментализма, и ему подражали и по эту сторону канала. Въ первой половинѣ 19-го вѣка началъ господствовать готическій архитектурный стиль, чему содѣйствовало вліяніе литературнаго романтизма, особенно Вальтеръ Скотта. Самое величественное свѣтское готическое сооруженіе новаго времени — это зданіе парламента, построенное Чарльсомъ Барри (1795—1860). Послѣ готическаго у англичанъ вошелъ въ моду романскій (норманскій) стиль, который въ настоящее время предпочитается для монументальныхъ построекъ по обѣ стороны Атлантическаго океана. Дорогу этому стилю проложилъ въ Великобританіи Альфредъ Уотергаусъ (род. 1830 г.; Кенсингтонскій музей); въ Сѣверной Америкѣ иниціаторомъ архитектурнаго стиля, называемаго modern romanesque, является Генри Гобсонъ Ричардсонъ (1830—1886 г.). Первую попытку построить большое, отвѣчающее своимъ цѣлямъ зданіе изъ современныхъ матеріаловъ, желѣза и стекла, сдѣлалъ

Джозефъ Пакстонъ (1803—1865 гг.), строитель хрустальнаго дворца для всемірной выставки 1851 г. Впрочемъ, новые архитекторы тріединаго королевства, подобно архитекторамъ всего континента, опять вернулись къ стилю возрожденія, главнымъ образомъ, къ итальянскому, потому что историческая связь между сѣверно-германскимъ и южно-романскимъ искусствомъ такъ прочна, что выдержала удары времени и даже эксцессы національной кичливости.

Больше оригинальности, чѣмъ архитектура, обнаруживаютъ въ Англіи прикладныя искусства или художественныя ремесла; они развивались въ сторонѣ отъ континентальной моды и тѣмъ не менѣе недавно завоевали себѣ континентъ. Уже около середины 18 вѣка Томасъ Чипендэль, недавно опять вошедшій въ моду, придалъ мебели видъ, отличный отъ французскихъ образцовъ. Подобнымъ же образомъ во время господства стиля Людовика XVI братья Робертъ Адамъ (1728—1798 гг.) и Джемсъ Адамъ (ум. 1794 г.) придали особенный національный отпечатокъ домашней утвари. Еще ближе къ нашему времени Томасъ Шератонъ (1751—1806 гг.); отъ него ведетъ начало стройный, удобный, прочный и простой стиль мебели („плетеная мебель"); въ орнаментикѣ онъ, напротивъ, придерживался древнихъ образцовъ. Когда въ началѣ 19-го вѣка въ архитектурѣ получилъ преобладаніе готическій стиль, предметы обстановки, само собою разумѣется, были приспособлены къ готическому устройству комнатъ.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ въ наружномъ и внутреннемъ убранствѣ зданій наблюдались и другіе историческіе стили. На первой Лондонской выставкѣ (1851 г.) какъ весь міръ, такъ особенно англичане обнаружили разбросанность и отсутствіе стиля во всѣхъ образовательныхъ искусствахъ; особенно низко упало прикладное искусство; изъ этого англичане вывели заключеніе, что искусство это не можетъ быть поднято ни самими ремесленниками, ни свободно конкуррирующими художниками, а нуждается въ организованномъ попеченіи. Великому нѣмецкому архитектору Готфриду Земперу, который тогда жилъ въ Англіи въ качествѣ политическаго эмигранта, удалось заинтересовать этимъ дѣломъ принца Альберта; такъ было положено основаніе Кенсингтонскому музею. Но что Англія не остановилась на подражаніяхъ историческимъ образцамъ, а выработала въ прикладномъ искусствѣ собственное, соотвѣтствующее духу времени оригинальное направленіе, даже новый стиль, въ которомъ живетъ оплодотворяющая сила для настоящаго и будущаго, этимъ она обязана отнюдь не офиціальнымъ заботамъ. Почву для этого подготовилъ Джонъ Рескинъ (1819—1900 гг.), руководящій художественный критикъ, вліяніе котораго можно сравнить съ вліяніемъ Винкельмана сто лѣтъ назадъ. То, чего не могло сдѣлать слово, а только дѣло, было совершено человѣкомъ широкаго эстетическаго образованія, болѣе живописцемъ, чѣмъ архитекторомъ, членомъ кружка прерафаэлитовъ (см. стр. 59) Уильямомъ Моррисомъ (1834—1896 гг.); къ послѣднему примкнула скоро цѣлая толпа художниковъ, главнымъ образомъ живописцевъ. Побуждаемый Россетти, Берномъ Джонсомъ и Вальтеромъ Крэномъ, одушевленный идеей взаимодѣйствія всѣхъ образовательныхъ искусствъ, Моррисъ при постройкѣ собственнаго дома узналъ, что ему суждено съ помощью реформированныхъ въ своей основѣ отраслей искусства и полуискусства создать изъ жилища гармоническое художественное цѣлое. Отъ стремленія набивать комнаты старинными или принимаемыми за таковые предметами англійская реформа вела прикладное искусство къ его истинной цѣли, а именно — устройству удобной и уютной обстановки комнатъ, отвѣчающей нуждамъ нынѣ живущихъ людей норманно-англосаксонской расы; связь съ прошлымъ, однако, не порывалась, такъ какъ и Моррисъ, и Бернъ Джонсъ оставались по существу готиками. Съ самаго начала новый стиль обладалъ такой са-

мостоятельной силой въ гармоніи линій, растительныхъ орнаментовъ и красокъ, что могъ вполнѣ ассимилировать чуждыя ему включенія. Теперь мастерскія, союзы, выставочныя помѣщенія, журналы и лавки повсюду пользуются услугами массы изобрѣтательныхъ художниковъ новаго направленія. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ назвать маэстро современнаго зодчества, занятаго сооруженіемъ жилыхъ домовъ, — Роберта Нормана Шоу (род. 1831 г.); изъ простыхъ, сложенныхъ изъ камня построекъ 17 и 18-го вѣковъ онъ выработалъ свой собственный стиль, названный по имени королевы Анны (Queen Anne). Склонность разукрашивать гостиницы и дома пышными дворцовыми фасадами, любовь къ несоотвѣтствующимъ климату итальянскимъ вилламъ и къ заимствованной избитой орнаментикѣ — исчезаютъ и въ Англіи, и по ту сторону Атлантическаго океана, не безъ пользы для хорошаго вкуса.

b) Живопись.

Въ Англіи классицизмъ, слѣдовавшій за бароко и рококо, не принесъ съ собою такого упадка *живописи*, какъ на континентѣ. „Англія", говоритъ Р. Мутеръ, „была страною высокаго развитія живописи въ то время, когда въ другихъ мѣстахъ господствовали цвѣтовая слѣпота, или же убожество, или же грубость красокъ". Отдѣльныя школы, въ другихъ мѣстахъ зачахнувшія, здѣсь продолжали процвѣтать, хотя ихъ представителей и тянуло къ „высшему искусству". Джоффруа Рейнольдсъ (см. т. VIII, стр. 503) съ пренебреженіемъ относился къ своимъ мастерскимъ портретамъ (около 2,000) и ждалъ безсмертія отъ своихъ эклектическихъ историческихъ картинъ (Геркулесъ, Дидона, Сципіонъ, Клеопатра). Джорджъ Ромней (1734—1802 гг.), придворный портретистъ любовницы Нельсона, прекрасной леди Гамильтонъ, и неаполитанской королевской четы, чувствовалъ неудержимое влеченіе къ высшему искусству. Томасъ Лоренсъ (1764—1830 гг.), напротивъ, примирился со своею долей — быть самымъ дорогимъ портретистомъ эпохи конгрессовъ и реставраціи въ Англіи и внѣ ея. Главнымъ представителемъ классицизма въ монументальной живописи Англіи былъ Джемсъ Барри (1741—1806 гг.; стѣнная живопись въ Society of Arts). Какъ колористъ, онъ уступалъ Томасу Стгарду (1755—1834, „Купанье Діаны"). Въ точной передачѣ предметовъ и костюмовъ при изображеніи событій недавняго прошедшаго мѣстные живописцы уступали двумъ американцамъ: Бенджамэну Уэсту (1738—1820 гг.) и Джону Синглтону Коплею (1737—1815 гг.). Не осталась безъ разработки въ новомъ столѣтіи и *жанровая живопись*. Давидъ Уильки (1785—1841 гг.) пользовался такимъ вліяніемъ на международную жанровую живопись 19 вѣка, какъ никто другой. Иллюстраціи Джильберта Стюарта Ньютона (1795—1835 гг.) къ поэтическимъ произведеніямъ также носили жанровый характеръ. Въ противоположность мягкому характеру этихъ буржуазныхъ живописцевъ такіе художники, какъ Уильямъ Блэкъ (1757—1827) и Генри Фюсли (1741—1825 гг.) не отступали ни передъ какой дерзостью при изображеніи порожденій своей фантазіи. У Блека между замысломъ и исполненіемъ зіяла широкая пропасть; швейцарецъ Фюсли, талантъ котораго созрѣлъ въ Италіи и который натурализовался въ Англіи, дѣйствительно умѣлъ изображать призрачное („Кошмаръ", „Царь огня"), вѣщее („Сновидѣніе Ѥвы") и ужасное („Эдипъ", „Прокаженные"); онъ и изъ Шекспира выбиралъ себѣ лишь подходящіе сюжеты: „Буря", „Макбетъ", „Лиръ", „Гамлетъ". Иллюстраторъ шекспировскихъ историческихъ пьесъ Джемсъ Норзскотъ (1746—1831 гг.) обращалъ главное вниманіе на историческую вѣрность костюмировки и эффектность красокъ; его можно считать предшественникомъ Галле, Деляроша и Пилоти.

Въ портретной живописи англичане подвинулись отъ точнаго копи-

рованія оригинала къ полной свободѣ замысла; въ изображеніи животныхъ и въ пейзажѣ также обнаружилась ихъ характерная сила. Джемсъ Уордъ (1769—1859 гг.) рисовалъ животныхъ въ ихъ естественной обстановкѣ, съ окружающей ихъ природой и неживыми предметами, въ мощномъ стилѣ Рубенса. Превосходившій Уорда, какъ художникъ Эдвинъ Лендсиръ (1802—1873 гг.), пользовавшійся одобреніемъ современниковъ всѣхъ націй, предпочиталъ изображать веселыя проказы животныхъ, жанровыя картины, часто трогательныя сцены между человѣкомъ и животными, духовную сторону въ противоположность животно-матеріальной. Пейзажисты 18-го вѣка, типическимъ представителемъ которыхъ можетъ считаться Ричардъ Уильсонъ (1713—1782 гг.), слѣдовали стилю барокко; затѣмъ Томасъ Генсборо (1727—1788 гг.) изображалъ англійскую природу въ сантиментальномъ стилѣ рококо. Такъ называемая лондонская школа (Аугустъ Колькоттъ, 1779—1844 гг.) тоже удачно передавала привлекательность родной природы. Напротивъ, норичская школа съ Джономъ Кроу (1769—1821 гг.) во главѣ смотрѣла на англійскій пейзажъ глазами нидерландцевъ, особенно Рейсдаля, и залила этотъ пейзажъ знаменитымъ бурымъ соусомъ. Переходъ къ спасительной свѣтлой живописи подготовили акварелисты. Крупный новаторъ и предшественникъ импрессіонизма Джонъ Констебль (1776—1837 гг.) также учился у голландцевъ; но затѣмъ передъ нимъ открылась тайна искусства освѣщать пейзажъ небомъ и облаками и оживлять на немъ все, способное къ движенію. Его примѣру слѣдовалъ Давидъ Коксъ (1783—1859 гг.), также Ричардъ Парксъ Бонингтонъ (1801—1828 гг.), который пересадилъ новую методу въ Парижъ и такимъ образомъ далъ толчекъ къ образованію школы Фонтенебло. Всѣ они по своему абсолютному значенію и по своей роли въ искусствѣ далеко уступаютъ Джозефу Маллорду Уилльяму Тернеру (1775—1851). Для него отправной точкой также послужили классическіе пейзажи Пуссена и Клода Лоррена („Дидона"); но скоро линіи и фигуры на его живописи начинаютъ расплываться: мерцающій свѣтъ разливается надъ всѣми предметами, заполняетъ промежутки, окутываетъ землю и міръ, кажется сотканнымъ изъ тумана и лучей. Каждая картина Тернера представляетъ главу изъ феноменологіи свѣта.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ побѣдившая въ классовой борьбѣ буржуазія подчинила своей власти и искусство. То было время избирательной реформы, лиги противъ хлѣбныхъ пошлинъ, пилевскихъ законовъ. Манчестерство покрыло стѣны картинами, героемъ которыхъ было оно само; кровавыя событія героическихъ временъ оно желало разсматривать лишь какъ устрашающіе примѣры уже пережитой, къ счастью, низшей ступени развитія человѣчества; оно любило жанровыя картины, изображавшія на потѣху благовоспитаннымъ и просвѣщеннымъ людямъ грубость низшихъ классовъ и наивность дѣтскаго возраста; оно хотѣло, чтобы художники учились исторіи, литературѣ, землевѣдѣнію и народовѣдѣнію. Стираніе собственно художественнаго и идивидуальныхъ особенностей, гладкая работа, пріятная мягкость тоновъ, округленныя формы, свѣжія лица, шаблонность, благополучіе, „естественность" — характеризуютъ манчестерское искусство въ Англіи такъ же, какъ и во Франціи и Германіи. Самыми выдающимися его представителями были: Уилльямъ Мёльрэди (1786—1863), Уилльямъ Коллинсъ (1788—1847), Чарльзъ Истлекъ (1793—1865), Робертъ Лесли (1794—1859), Томасъ Уэбстеръ (1800—1886), Джонъ Фредерикъ Льюисъ (1805—1876), Даніель Маклизъ (1806—1870), Уилльямъ Мюллеръ (1812—1845), Эдуардъ Матью Уордъ (1816—1879), Поуэлль Фризсъ (род. 1819) и др.

Само собою разумѣется, здѣсь, какъ и повсюду и во всѣхъ областяхъ, наступила реакція. Въ 1848 г., когда на континентѣ бушевала буря, а на Британскихъ островахъ царилъ штиль, отъ признанныхъ художниковъ

откололся кружокъ молодыхъ революціонеровъ искусства. Этой еретической группѣ было дано названіе прерафаэлитовъ. Еще рѣшительнѣе, чѣмъ нѣмецкіе прерафаэлиты 1810 г., каждый изъ англійскихъ пошелъ своимъ собственнымъ путемъ. Впрочемъ, и на родинѣ они имѣли предшественника Уилльяма Дайса (1809—1864); къ послѣднему скоро примкнулъ Фордъ Медоксъ Броунъ (1821—1893). Въ Рескинѣ они нашли себѣ мужественнаго защитника. Всѣ они призывали на помощь противъ высокаго возрожденія и барокко 15-й вѣкъ. Они предпочитали другія линіи и формы, другіе тона и сочетанія: длинное, вертикальное, худощавое, бѣдное изгибами, бездѣятельное, мечтательное, глубокое и вялое. Они чувствовали отвращеніе къ шаблонному, общепринятому и стремились къ индивидуальному, особенному, неповторяющемуся, исключительному. По вліянію ни одинъ изъ современныхъ художниковъ не можетъ сравняться съ Эдуардомъ Берномъ Джонсомъ (1833—1896). Изъ живой сокровищницы формъ англосаксонской расы, изъ художественнаго наслѣдства 15 вѣка онъ вывелъ новыя нормы красоты. Но этотъ романтическій кудесникъ такъ же мало, какъ и литературные сепаратисты, понималъ и воплощалъ духъ своего времени, его силу, его дѣятельныя стремленія или его страданія. Онъ былъ эстетъ и рисовалъ для эстетовъ, для безучастныхъ, для существъ, которыя мечтаютъ о пребываніи среди безцѣльной красоты и проводятъ жизнь внѣ жизни. На всѣхъ его картинахъ лежитъ тѣнь цѣломудрія, отреченія и безсилія.

Происходившій изъ Италіи Данте Габріель Россетти (1828—1882) является противоположностью Берна Джонса. Онъ противопоставляетъ эстетизму безполости эротическій эстетизмъ. Если у Бернъ Джонса женщина побѣждаетъ мужчину тѣмъ, что заставляетъ его изнывать въ томленіи, то у Россети она изсушаетъ мозгъ мужчины ненасытной страстностью. Даже надъ „Salutatio Beatricis in Eden“ вѣетъ жгучее дыханіе чувственно-сверхчувственной страсти. Одинъ изъ прерафаэлитовъ попытался даже подновить миѳологію христіанства, почти угасшую даже и въ твердой въ библейскихъ традиціяхъ Англіи; это былъ Уильямъ Гольманъ Хентъ (род. 1827 г.). Нѣкоторое время онъ примыкалъ къ эфирной романтикѣ своихъ соратниковъ; затѣмъ воспламенился успѣхомъ своего изображенія Христа: „Свѣточъ міра“, и отправился на востокъ, чтобы скрупулезно-точной передачей ландшафтныхъ и этнографическихъ подробностей удовлетворить потребности современниковъ въ правдивости картинъ. И онъ дѣйствительно создалъ нѣсколько крупныхъ, несмотря на ихъ художественную чопорность, картинъ, и среди нихъ трогательное „Торжество невиннаго младенца“. По техникѣ всѣхъ членовъ братства превосходилъ Джонъ Эверетъ Миллесъ (1829—1866). Этотъ художникъ, проведшій жизнь среди превратностей счастья, пробовалъ свои силы во всѣхъ отрасляхъ живописи; лучшія его вещи относятся къ полному настроенія жанру („Сѣверозападный проходъ“) и портретной живописи.

На ряду съ прерафаэлитами на первый планъ выступилъ еще разъ академическій классицизмъ, помолодѣвшій и примѣнившійся къ англійскому народному духу. Главой этого направленія былъ Фредерикъ Лейтонъ (1830—1896), котораго красота и представительность дѣлали прирожденнымъ президентомъ англійской академіи художествъ. Въ качествѣ таковаго онъ руководилъ выставками съ самой узкой партійностью. Лишь послѣ его смерти могла быть организована настоящая международная выставка, свободная отъ оффиціальнаго эстетическаго принужденія. Рядомъ съ настоящимъ богомъ Лейтономъ пріобрѣли себѣ званіе полубоговъ классицизма Альбертъ Муръ (1841—1893), Лоренсъ Альма-Тадема (род. 1836 г.) и Эдуардъ Пойнтеръ (род. 1836 г.).

Одинъ лишь Джорджъ Фредерикъ Уаттсъ (1818—1904) держался равно далеко и отъ подновленнаго романтизма, и отъ классицизма. Уаттсъ

рисовалъ все, что запрещали учителя и судьи искусства: тенденціи, этическія и особенно соціально-этическія идеи, аллегоріи, символы и даже цѣлыя программы; и все-таки онъ былъ великимъ художникомъ, однимъ изъ величайшихъ художниковъ своего времени. Плоды своего творчества Уаттсъ подарилъ Тэтовской галлереѣ въ Лондонѣ; галлерея эта благодаря ему сдѣлалась священнымъ храмомъ, гдѣ не молились ни богамъ Греціи, ни средневѣковымъ святымъ, но не осмѣивалось, не подслащивалось и не осквернялось то, что должно остаться для человѣка неприкосновеннымъ. Изображая всякіе ужасы и мерзости бытія: корыстолюбіе, кровожадность („Минотавръ"), грѣхъ („Ева") и смерть, Уаттсъ въ то же время ведетъ человѣка черезъ всѣ формы преходящей любви въ царство вѣчнаго мира.

По мѣрѣ того, какъ сходили со сцены одинъ за другимъ крупные художники, англійская живопись опять упала до уровня 30-хъ годовъ. Только шотландцы, занявшіе съ самаго начала особое положеніе, въ 90-хъ годахъ привлекали къ себѣ вниманіе Европы своимъ превосходствомъ въ живописи. Болѣе старая Эдинбургская школа выросла изъ мѣстнаго литературнаго романтизма, но позднѣе обратилась къ современному жанру, портретамъ и пейзажу. Къ ней принадлежатъ Давидъ Скоттъ (1806—1849), Джонъ Петти (1839—1893), Джорджъ Ридъ (род. 1841 г.), Уильямъ Орчардсонъ (род. 1835 г.) и Гамильтонъ Макаллумъ (1841—1896). Въ новѣйшее время эдинбуржцевъ затмили Boys of Glasgow (гласговскіе ребята), которые привлекли къ себѣ вниманіе смѣлостью красокъ. Они находятся подъ вліяніемъ Уистлера. Къ Гласговской школѣ причисляются: Джонъ Лавери (род. 1858 г.), Артуръ Мельвиль (умеръ 1894 г.), Джемсъ Патерсонъ (род. 1854 г.), Уильямъ Іоркъ Макъ-Грегоръ (род. 1855.), Джемсъ Гетри (род. 1859 г.), Александръ Рочъ (род. 1863 г.), Томасъ Остенъ Броунъ, Гровеноръ Томасъ (род. 1859 г.), Эдуардъ Артуръ Уольтонъ (род. 1860 г), Джозефъ Кроуголлъ (род. 1860 г.) и другіе.

Въ Англіи, какъ уже было упомянуто, художественнымъ рынкомъ овладѣли эпигоны и представители компромисса. Въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ исторически выказавшимся характеромъ народа, предназначеннаго къ всемірному господству, англійское искусство отмѣчено робостью, унылостью, вялостью и дряблостью. Оно будто нарочно сторонится суровой дѣйствительности и стремится выразить настроенія, презираемыя въ жизни. Живописцами этого женственнаго разслабленнаго періода являются: Генри Муръ (1831—1895), Филиппъ Калдеронъ (1833—1898), Фредъ Уокеръ (1840—1875), Бритонъ Ривьеръ (род. 1840), Вальтеръ Крэнъ (род. 1845 г.) Франкъ Голлъ (1845—1888), Губертъ фонъ Геркомеръ (род. 1849 г. въ Баваріи), Джорджъ Клаузенъ (род. 1852 г.), Генри Гербертъ Ля-Тангъ и многіе другіе.

Величайшій художникъ, котораго произвела говорящая по-англійски Америка, Нейль Джемсъ Уистлеръ (1834—1903), является представителемъ симфоніи красокъ и живописи настроенія, измѣнившимъ своей родинѣ. Между живущими американцами наибольшей міровой извѣстностью пользуются Джонъ Зингеръ Сарджентъ (род. 1856 г.) и Джорджъ Гичкокъ (род. 1850 г.).

B. **Французское искусство.**

а) Архитектура и прикладное искусство.

Во Франціи реакція противъ рококо началась уже въ 1750 г., при Помпадуръ. Монументальная архитектура оставила излишнюю орнаментику и вернулась къ простымъ, чистымъ формамъ древности. Въ прикладномъ искусствѣ выработался новый стиль, названный стилемъ Людовика XVI-го; внѣ Франціи онъ продержался дольше, чѣмъ на своей родинѣ, гдѣ ему положила внезапный конецъ революція. Въ погонѣ за республиканской

древностью, безплодная въ художественномъ отношенiи революцiя обратилась опять къ строгимъ формамъ классицизма. Во всякомъ случаѣ, революцiя способствовала перевороту въ одеждѣ; сначала она отвергла короткiе штаны (culotte) и замѣнила ихъ длинными; затѣмъ породила Incroyables и Merveilleuses; наконецъ, между 1795—1880 гг., заставила женщинъ носить якобы греческiй костюмъ, который своею сложною системой вырѣзокъ не оставлялъ ничего желать ни въ смыслѣ безстыдства, ни въ смыслѣ климатической нецѣлесообразности. Около 1800 г. прикладнымъ искусствомъ овладѣлъ такъ называемый стиль имперiи, который въ своихъ деталяхъ еще обнаруживалъ свое классическое происхожденiе. Послѣ того, какъ обнаженныя революцiей модницы сознали, что въ общемъ имъ надо больше скрывать, чѣмъ обнажать, онѣ вернулись къ платьямъ, доходящимъ до ступней, и въ качествѣ воспоминанiя о республиканской греческой одеждѣ сохранилась только высокая талiя. Эта новая мода, распространившаяся по всей Европѣ, получила точно также названiе Empire; она продержалась до 1825 г., когда ей пришлось уступить всемогуществу соотвѣтствовавшаго духу времени респектабельнаго стиля.

Ни Первая имперiя, ни послѣдовавшая за ней Реставрацiя не ознаменовались новымъ расцвѣтомъ архитектуры. Французскiе архитекторы стремились подражать греческому и римскому духу, но не достигли, какъ нѣмцы, чистаго эллинизма. Оффицiальное и академическое преданiе сохраняло вѣрность древности; но на практикѣ приходилось возстановлять или достраивать существующiя постройки; поэтому практика уклонилась отъ общепринятаго ученiя и должна была постепенно освоиться со всѣми историческими стилями; такова ужъ была судьба 19 вѣка. Руководящими архитекторами временъ Имперiи и Реставрацiи были Пьеръ Фонтэнъ (1762—1855) и Шарль Персье (1764—1838); послѣднiй былъ истиннымъ творцомъ стиля имперiи въ прикладныхъ искусствахъ. При постройкѣ церквей классическiе мотивы дополнялись заимствованiями изъ стиля древне-христiанскихъ базиликъ. Изъ задачи сохраненiя и реставрированiя средневѣковыхъ построекъ выросло подогрѣваемое романтической литературой стремленiе примѣнять и для новыхъ сооруженiй готическiй и романскiй стили. Эженъ Эмануэль Вiолле-лё-Дюкъ (1814—1879) впервые показалъ, что готическiй стиль происходитъ изъ сѣверной Францiи и поэтому долженъ называться древне-французскимъ; по части средневѣковыхъ стилей онъ былъ авторитетомъ для всей Европы. Въ общемъ строители церквей предпочитали смѣшанный римско-византiйскiй стиль, какъ показываетъ каѳедральный соборъ въ Марсели (построенъ Водуайе) и недавно законченная церковь Сакрэ Кёръ на Монмартрѣ (построена Абади). При сооруженiи дворцовъ, гостиницъ и виллъ продолжали держаться привычныхъ типовъ; такимъ образомъ архитекторамъ предоставлялся выборъ между всѣми комбинацiями, отъ нацiональнаго стиля возрожденiя временъ Франциска I-го до ново-греческаго стиля Второй имперiи. Тамъ, гдѣ французская архитектура не связана опредѣленными стилями, она дѣлается жертвой податливаго синкретизма. Самый блестящiй примѣръ этого направленiя представляетъ Парижская Большая Опера построенная Шарлемъ Гарнье (1825—1898). Новѣйшими строительными матерiалами — стекломъ и желѣзомъ — пользовались во Францiи, главнымъ образомъ, при всемiрныхъ выставкахъ, повторявшихся каждыя 11 лѣтъ. Выставка 1889 года отмѣчаетъ собою высшую точку этой архитектуры, которая хотѣла побить рекордъ въ техническомъ отношенiи: она оставила потомству удивительную Эйфелеву башню; но архитектура всемiрной выставки 1900 года не пошла дальше по этому пути; напротивъ, она скрыла свои желѣзные остовы за каменными фасадами, которые на самомъ дѣлѣ представляли штукатурную работу и были скомбинированы изъ всѣхъ мыслимыхъ стилей.

Въ области прикладныхъ искусствъ законодательница модъ Францiя сохраняла свое превосходство въ изготовленiи изящныхъ предметовъ даже въ эпоху наибольшаго застоя, около середины 19-го вѣка; даже тогда она довольно сносно ограждала свою свободу отъ деспотизма исторической подражательности. Но французы твердо держались того ученiя, что жилища должны снабжаться предметами искусства, т. е. не предназначенными для обыденнаго употребленiя; любители роскоши одинаково во всѣхъ пяти частяхъ свѣта продолжали пользоваться бриллiантами, бронзой, мебелью, коврами, шелковыми матерiями съ береговъ Сены. Послѣ того, какъ въ 1870 г. былъ потрясенъ государственный „престижъ" „великой" нацiи, руководящая роль въ прикладныхъ искусствахъ, даже въ модной одеждѣ, перешла къ Великобританiи. Исходившiй оттуда переворотъ, захватилъ и Францiю, гдѣ теперь на службу прикладному искусству поступила изобрѣтательность архитекторовъ, скульпторовъ и живописцевъ, выдумывающихъ новыя формы украшенiй.

b) Скульптура.

Французская скульптура въ началѣ 19-го вѣка не примыкала ни къ пластикѣ стиля рококо слѣпого Жана Баптиста Пигалля (1714—1785) и Клода Мишеля, прозваннаго Клодiономъ (1738—1814), ни къ великому реалисту Жану Антуану Гудону (1741—1828), а подчинилась неограниченно господствовавшему со временъ революцiи классицизму, какъ показываютъ примѣры Клодiона и Огюстена Пажу (1730—1809), который также исходилъ изъ стиля рококо. Среди старшаго поколѣнiя скульпторовъ строго классическое направленiе не породило ни одного таланта. Среди мастеровъ, процвѣтавшихъ во время iюльской революцiи (1830), женевецъ Жанъ Прадье (1790—1862) продолжалъ работать въ античномъ направленiи, тогда какъ Пьеръ Жанъ Давидъ, прозванный Давидомъ Анжерскимъ (1788—1856), въ своихъ идеальныхъ фигурахъ слѣдовалъ театральнымъ манерамъ классиковъ, но въ качествѣ портретиста-скульптора былъ типичнымъ реалистомъ. Онъ отважился помѣщать на цоколѣ памятниковъ фигуры въ современной имъ одеждѣ. Его статуя великаго Конде представляла въ этомъ отношенiи „манифестъ новой школы". Чтобы скопировать живущихъ знаменитостей, онъ объѣхалъ Европу, хотя эпоха удобныхъ способовъ сообщенiя еще не наступила. Если Давидъ представлялъ въ искусствѣ умѣреннаго новатора, то Франсуа Рюдъ (1784—1855) является типичнымъ революцiонеромъ; потомство покрыло его могилу лавровыми вѣнками, въ которыхъ несправедливо отказывали ему его современники. Дѣйствительно, его „Марсельеза" на цоколѣ трiумфальной арки представляетъ бурный призывъ къ революцiи. Его статуя Нея, его Людовикъ XIII, Орлеанская дѣва, его бюсты, какъ бы живутъ. Но Рюдъ съ поражающей отчетливостью умѣлъ воспроизводить и противоположность жизни „вытянутую" смерть (надгробный памятникъ Кавеньяка). Только Антуанъ Луи Бари (1795—1875) могъ творить произведенiя подобной же силы и столь же правдивыя (львы въ Тюльерiйскомъ и ботаническомъ саду, кентавры и лапиты, Тезей и Минотавръ и мелкiя бронзовыя фигуры животныхъ). Даже въ самые безцвѣтные перiоды у французовъ никогда не было недостатка въ скульпторахъ, которые умѣли удовлетворять всѣмъ запросамъ частной и общественной жизни. Руководящимъ скульпторомъ Второй имперiи былъ Жанъ Баптистъ Карпо (1827—1875). Своимъ успѣхомъ онъ отчасти былъ обязанъ, какъ извѣстно, своей пронырлизости, но больше всего своей изумительной техникѣ. Его современники осуждали и порицали его, какъ натуралиста и развратителя, особенно съ тѣхъ поръ, какъ его царственный покровитель впалъ въ немилость у международной прессы.

Имперія Наполеона III оставила третьей республикѣ много превосходныхъ скульпторовъ. Въ общемъ, состояніе искусства измѣнилось лишь немного. Направленія, оффиціально признанныя критикой и публикой, сохраняли свое значеніе. Сохранились тѣ же національныя тенденціи, только культъ отечества и героевъ пріобрѣлъ привкусъ реванша. Представителями оффиціальнаго, академическаго, традиціоннаго искусства были: Франсуа Жуффруа (1806—1882), Жанъ Бонассье (1810—1892), Огюстъ Оттенъ (1811—1890), Жанъ Жозефъ Перро (1819—1877), Эженъ Луи Лекенъ (1815—1887), Жанъ Баптистъ Огюстъ Клезинже (1814—1883), Эме Милле (1816—1891), Жоржъ Жюль Тома (род. 1821 г.), Альбертъ Эрнстъ Каррье-Беллёзъ (1824—1887), Эмиль Шатрузъ (род. 1830 г.), Фредерикъ Огюстъ Бартольди (1834—1904). На ряду съ этими людьми стараго поколѣнія, каѳедрами, публичными лекціями, руководительствомъ на выставкахъ овладѣли болѣе молодые, болѣе свободно творящіе, любящіе современность, хотя не вполнѣ отрицающіе и прошлое скульпторы. Таковы: Александръ Фальгіеръ (1831—1900), Эженъ Деляплянисъ (1836—1891), Эрнестъ Луи Барріа (род. 1841 г.), Антоненъ Мерсье (род. 1845 г.), Рене де Сенъ-Марсо (род. 1845 г.), Жанъ Мари Антуанъ Идракъ (1849—1884), Феликсъ Шарпантье, Дени Пю (род. 1854 г.), Жакъ Перренъ, Эрнестъ-Дюбуа, Поль Дюбуа (род. 1829 г.), Анри Шапю (1833—1891) и другіе. Самымъ значительнымъ ваятелемъ животныхъ является Эманюэль Фреми (род. 1824 г.).

Цѣлую эпоху въ новѣйшее время создали французы въ мелкой пластикѣ, особенно въ медаляхъ и плакетахъ; они вызвали въ этой области искусства подъемъ, нашедшій отголосокъ во всемъ мірѣ. Самыми знаменитыми медальерами являются: Даніель Дюпюи (1849—1899), Жюль Клеманъ Шапленъ (род. 1839 г.) и превосходящій всѣхъ ихъ Оскаръ Роти (род. 1846 г.). На границѣ чистаго и прикладного искусства стоятъ нѣкоторые изъ самыхъ молодыхъ и самыхъ независимыхъ: прежде всего, Александръ Шарпантье (род. 1856 г., затѣмъ Жанъ Карье (1856—1894), Жанъ Баффье, Жюль Дебуа (род. 1851 г.), Жанъ Дампъ (род. 1858 г.) и Франсуа Робертъ Карабенъ (род. 1862 г.).

Свободными и дикими выросли три главныхъ свѣтила новѣйшей французской скульптуры: Жюль Далю (1838—1902), Огюстъ Роденъ (род. 1840 г.) и Альбертъ Бартоломэ (род. 1848 г.). Въ высшей степени добросовѣстный Далю вышелъ изъ школы Карпо и Дюре; онъ долго работалъ надъ ковкой изъ бронзы и золота и жилъ за границей, поэтому освободился отъ принудительныхъ академическихъ правилъ и выработалъ свой собственный суровый стиль; онъ умеръ, работая надъ исполинскимъ памятникомъ въ честь труда. Роденъ геніальностью и необузданностью еще превосходитъ Далю, котораго копировалъ. Стремленіе къ уродливому, мистическому и оскорбляющему чувства характеризуетъ безпримѣрныя творенія этого скульптора обоготворяемаго его приверженцами. Бартоломэ былъ первоначально живописцемъ и подобно Клингеру и Штукку самоучкой взялся за скульптуру. Благодаря своему Monument aux morts (памятникъ мертвымъ) на кладбищѣ Père Lachaise онъ сталъ однимъ изъ величайшихъ мастеровъ своего новаго цеха. Успѣхъ этого стоящаго особнякомъ художника естественно произвелъ сильное впечатлѣніе на молодежь и вызвалъ подражаніе и конкурренцію даже въ Англіи и Германіи.

c) Живопись во Франціи и Бельгіи.

Когда Наполеонъ I-й былъ императоромъ французовъ и стремился къ господству надъ міромъ, царство образовательныхъ искусствъ имѣло также своего императора въ лицѣ Жака Луи Давида (см. т. VIII, стр. 499). Еще при Людовикѣ XVI онъ противопоставилъ мягкому рококо свои изображенія суровой римской добродѣтели. Во время революціи онъ инсце-

пировалъ республиканскія празднества и старался такимъ образомъ вліять на массы въ революціонномъ духѣ. Когда республика превратилась въ имперію, прежній якобинецъ прославлялъ новаго цезаря на изобилующихъ фигурами картинахъ парадовъ. — Послѣ возвращенія Бурбоновъ ему, какъ цареубійцѣ, пришлось переселиться въ Брюссель; здѣсь его суровый воинственный стиль смягчился. Въ мастерской Давида воспиталось четыреста учениковъ, которые вынесли изъ нея самое важное, чему можно научить и научиться, именно — знаніе техники. Растяжимость давидизма особенно обнаружилась въ Аннѣ-Луи Жиродэ де Руси-Тріозонъ (1767—1824), который представляетъ собою переходъ къ романтизму, и въ Леопольдѣ Робертѣ (1794—1835); его картины изъ итальянской народной жизни нѣкогда вызывали мечтательное удивленіе; но позднѣйшимъ поколѣніямъ онѣ не нравятся тѣмъ, что слишкомъ ужъ „красивы“.

Хотя около 1830 г. классицизмъ былъ окончательно отвергнутъ, лучшій художникъ школы Давида, Жанъ Огюстъ Доминикъ Энгръ (1780—1867), до своей смерти твердо держался традиціонныхъ идеаловъ; онъ былъ человѣкъ баснословнаго мастерства и удивительнаго прилежанія; онъ не былъ художникомъ, созданія котораго характеризовались бы вдохновеніемъ и одухотворенностью, но онъ былъ прирожденнымъ проводникомъ и учителемъ; онъ превосходно писалъ портреты женщинъ, изображенія святыхъ; въ его исторической бытовой живописи ново было точное соотвѣтствіе аксессуаровъ изображаемому времени. Онъ отличался еще въ архитектурной живописи; въ смыслѣ красочности онъ былъ слабоватъ, но у него было много чутья, гармоніи и превосходства колорита; вообще, это былъ серьезный, суровый, мужественный, неумолимо правдивый рисовальщикъ.

Около 1820 г., когда классицизмъ стоялъ еще на высотѣ, въ область искусства ворвалась мятежная романтика, произведшая кромѣ того переворотъ въ литературѣ и музыкѣ. Она стояла въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ благодушнымъ идиллизмомъ, которымъ вполнѣ удовлетворялся господствовавшій буржуазный классъ. Поэтому на ряду съ романтическимъ направленіемъ въ искусство проникаетъ еще мирное буржуазное направленіе; это послѣднее не умерло вмѣстѣ съ идиллизмомъ 1820—1830 гг., но вѣчно зеленѣетъ.

Во всѣхъ сферахъ есть люди, принадлежащіе одновременно настоящему, прошедшему и будущему; они тащатся за былымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предвосхищаютъ грядущее. Такимъ человѣкомъ былъ Пьеръ-Поль-Прюдонъ (1758—1823); онъ исходилъ изъ рококо, приспособился къ классицизму и закончилъ романтизмомъ. Теодоръ Жерико (1791—1824), напротивъ, имѣлъ всѣ черты энтузіаста, прокладывающаго путь новому искусству. Его „Плотъ Медузы“ въ салонѣ 1819 г. представлялъ отказъ молодого поколѣнія отъ академическаго классицизма. По стопамъ предшественниковъ шелъ выдающійся представитель неоромантической школы живописи Эженъ Делякруа (1799—1863). Его навѣянная литературой „Барка Данта“ и историческая картина „Рѣзня на Хіосѣ“ поставили его во главѣ не только французскаго, но и европейскаго искусства. „Делякруа подобно Жерико рисовалъ все, что относится къ сраженіямъ, къ сильнымъ страстямъ, къ огню и краскѣ. Онъ слагаетъ драмы своей фантазіи изъ крови и пурпура сражающихся людей и сгнившихъ тѣлъ, изъ лобныхъ мѣстъ и знойныхъ пустынь“ (Мутеръ). При жизни этого художника ученики и стороннія лица раздѣлились по отдѣльнымъ отраслямъ его всеобъемлющаго дѣла. Но лишь очень немногіе изъ нихъ удержались въ его надземной сферѣ; остальные вошли въ компромиссъ съ модными общественными кругами, склонились передъ требованіями выставочной публики, передъ критиками, передъ покупателями, передъ толпой. Хотя такіе живописцы, какъ Феликсъ Трюта (1824—1848), Эженъ Изабей

(1804—1886), Теодоръ Шассеріо (1819—1856), Поль Шенаваръ (1808—1895), Огюстъ Глезъ (1807—1893) и Адольфъ Монтиселли (1824—1886), и были преисполнены духомъ Делякруа, внѣшній успѣхъ доставался лишь половинчатости.

Со времени завоеванія Алжира у живописцевъ и друзей искусства сталъ пользоваться благосклонностью Востокъ. Самымъ выдающимся живописцемъ-оріенталистомъ послѣ Делякруа былъ Александръ Деканъ (1803—1860), который въ то же время лучше всѣхъ рисовалъ собакъ и обезьянъ. Еще большею благосклонностью пользовались иллюстраціи поэтическихъ произведеній. Надушенное искусство Ари Шеффе (1795—1858) приводило въ восхищеніе салоны, въ которыхъ вращались Ламартинъ, Мюссе, Жоржъ Зандъ, Шопенъ, молодой Листъ, Ламменэ. Шеффе рисовалъ также по оффиціальному заказу историческія картины для Версальскаго музея, который былъ основанъ въ 1832 г. и посвященъ à toutes les gloires de la France. Теперь было найдено мѣсто для того рода живописи, который по рангу стоялъ выше всѣхъ другихъ,— для исторической живописи. Величайшими историческими живописцами почитались Поль Деларошъ (1797—1856) и Орасъ Вернэ (1789—1863), сынъ Шарля Вернэ (1758—1835), живописца, который примѣнилъ только что изобрѣтенное литографское искусство къ художественнымъ изображеніямъ изъ жизни знати. Кто любитъ размышлять объ измѣнчивости земной славы, тотъ пусть сравнитъ мнѣнія о Деларошѣ и Орасѣ Вернэ въ 1850 г. съ мнѣніями о нихъ же въ 1900 г. Какіе взрывы восторга вызывали нѣкогда деларошевскія изображенія историческихъ убійствъ и несчастій и яркія, хвастливыя, шовинистическія картины Вернэ! Послѣ 1870 года для нихъ наступило время поношенія и оплеванія. Но кто поручится за то, что презираемое теперь не станетъ предметомъ громогласнаго почитанія въ слѣдующее же пятилѣтіе? Нѣкоторые изъ менѣе значительныхъ историческихъ и батальныхъ живописцевъ благодаря своимъ художественнымъ достоинствамъ никогда не страдали отъ неблагосклонности измѣнчиваго вкуса. Таковы были: Эженъ Деверіа (1805—1865), Леонъ Куанье (1794—1880), Огюстъ Мари Рассе (1804—1860), Николя Туссенъ Шарле (1792—1845), Ипполитъ Бэлланже (1800—1866), Изидоръ Пилль (1815—1875) и другіе.

Въ то время, какъ историзмъ стоялъ на первомъ планѣ въ европейской художественной жизни, во Франціи подготовлялось новое направленіе, которое было свободно отъ историческаго балласта, не имѣло ни символа вѣры ни преданій, и обратило свое вниманіе на современность и на природу. Вдали отъ Парижа, въ оазисѣ съ нетронутыми красотами природы собрались люди, получившее общее названіе школы Фонтенебло. Жюль Дюпре (1811—1889) первый поселился въ Барбизонѣ на окраинѣ лѣса Фонтенебло. Онъ, однако, сохранялъ еще романтическія традиціонныя привычки. Образцовые примѣры новаго пейзажа, paysage intime принадлежатъ другимъ; таковы: Пьеръ Этьенъ Теодоръ Руссо (1812—1867), Жанъ Баптистъ Камилль Коро (1796—1875), Шарль Добиньи (1817—1878) и Нарциссъ Діазъ (1808—1876); къ нимъ присоединяется въ качествѣ отличнаго рисовальщика животныхъ Константенъ Труайонъ (1810—1865). Картины представителей школы Фонтенебло долго не привлекали вниманія толпы и встрѣчали дурной пріемъ со стороны выставочныхъ комиссій; эти картины, большею частью, отправлялись за границу, въ томъ числѣ и картины великаго живописца крестьянской жизни Жана Франсуа Милле (1814—1875). Милле жилъ и умеръ незамѣченнымъ и въ бѣдности. Его „Ангелъ“, который принесъ ему двѣ съ половиной тысячи франковъ, черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ его смерти былъ проданъ за полмилліона.

Громогласный спорщикъ Густавъ Курбе (1819—1877), величайшій

генiй натуралистической живописи, не могъ допустить, чтобы и онъ, подобно Милле, остался незамѣченнымъ, и заставилъ людей говорить о себѣ, неостанавливаясь даже передъ геростратовскими дѣйствiями (разрушенiе Вандомской колонны). Пролетарiй по происхожденiю, онъ выступалъ въ качествѣ защитника пролетарiата и восхищался, когда передъ его тенденцiозными картинами люди осѣняли себя крестнымъ знаменемъ. Кромѣ того онъ рисовалъ ландшафты, животныхъ, людей, самого себя на свѣтломъ и мрачномъ фонѣ во всѣхъ тонахъ красокъ; онъ пробудилъ къ жизни то, что является наиболѣе характернымъ для живописи конца 19 вѣка.

При Второй имперiи перевѣсъ оставался еще за старымъ родомъ искусства. Умѣнiе рисовать на манеръ старыхъ мастеровъ достигло небывалой высоты. Эрнестъ Мейсонье (1815—1891) пользовался всѣми прiемами нидерландцевъ, особенно въ мелкой и тонкой живописи; обыкновенно онъ занимался спокойнымъ, ровнымъ жанромъ въ стилѣ барокко и рококо, хотя служилъ въ то же время имперiи въ качествѣ баталиста; онъ держался вдали отъ современности, исключая случаи, когда онъ выступалъ въ качествѣ портретиста. Мейсонье рисовалъ икру для собравшихся гастрономовъ. Къ услугамъ выставокъ, салоновъ, торговцевъ художественными произведенiями и для украшенiя стѣнъ публичныхъ зданiй во второй половинѣ 19-го вѣка имѣлось много хорошо вышколенныхъ рукъ, далеко превосходившихъ мастерствомъ среднiй уровень художниковъ другихъ странъ; руки эти продолжали работать въ духѣ традицiй классицизма и романтизма, не впадая, однако, въ копированiе, формализмъ или архаичность. Переходъ отъ монархiи къ республикѣ не вызвалъ замѣтнаго измѣненiя въ области этого академически-выдержаннаго, прочно владѣющаго благосклонностью толпы искусства. Оно продолжало держаться сюжетовъ, отдаленныхъ во времени и пространствѣ, приправляло ихъ парижскимъ шикомъ и не жалѣло возбуждающихъ приправъ сладострастiя и жестокости. Иностранцы стекались въ Парижъ въ большемъ числѣ, чѣмъ когда-либо, садились опять за школьную скамью и старались научиться у мастеровъ ихъ тайнамъ. Какой блестящiй рядъ знаменитыхъ именъ тянется отъ февральской революцiи до нашихъ дней: Тома Кутюръ (1815—1879), Адольфъ Вильямъ Бугеро (род. 1830), Эли Делонэ (1828—1891), Александръ Кабанеля (1824—1889), Тони Робертъ Флери (род. 1837 г.), Жанъ Леонъ Жеромъ (1824—1903), который былъ кромѣ того скульпторомъ, подобно знаменитому иллюстратору Густаву Доре (1833—1883), Поль Жакъ Эме Бодри (1828—1886), Жанъ Жакъ Эннэ (1829—1905), Леонъ Бонна (род. 1833 г.), Фердинандъ Галльяръ (1834—1887, портреты, эстампы), Эмиль Огюстъ Каролюсъ-Дюранъ (род. 1838 г.), Гильонъ Регамэ (1837—1875, сраженiя), Альфонсъ де-Невиль (1838—1895, картины изъ нѣмецко-французской войны), Роза Бонёръ (1822—1899, животныя), Теодюль Рибо (1823—1891, мирная жизнь), Антуанъ Валлонъ (род. 1833, мирная жизнь), Густавъ Гильомэ (1840—1887, Востокъ), Анри Реньо (1843—1871, сцены изъ испанской жизни), Жанъ Жозефъ Бенжаменъ-Констанъ (род. 1845 г., картины Испанiи), Эдуардъ Детайль (род. 1848 г., парады, сраженiя), Жоржъ Рошгроссъ (род. 1859 г.), и т. д.

Послѣднiе изъ перечисленныхъ художниковъ стояли уже подъ лучами новаго солнца, которое всходило не изъ царства тѣней, не изъ галлерей и академiй; его заря уже проглянула въ лѣсу Фонтенебло и мастерской Курбе. Эдуардъ Манэ (1833—1883), руководящая величина импрессiонизма, исходилъ изъ Веласкеца и Гойи. На его болѣе позднихъ картинахъ форма, линiя, рисунокъ все более отступали на заднiй планъ передъ краской и свѣтомъ. „Теперь понятенъ", говоритъ Мутеръ, „тотъ ужасъ, который вызывали его картины 30 лѣтъ назадъ. Теперь чувствуютъ, что онъ открылъ двери новому взгляду на искусство, который долженъ былъ получить господство въ слѣдующемъ поколѣнiи... Онъ открылъ новые

цвѣта, новыя гармоніи и тоны. Разлагая призмой цвѣта, онъ училъ сообщать вещамъ свѣтовую силу. Въ то же время онъ училъ изображать вещи не въ видѣ отдѣльныхъ предметовъ и не въ состояніи покоя, но какъ части вселенной въ вѣчномъ потокѣ движенія... Главную часть его произведеній составляютъ сцены изъ современной изящной жизни... Еще поучительнѣе, пожалуй, тѣ его произведенія, въ которыхъ онъ заставляетъ мертвую природу оживать и свѣтиться подъ лучами солнца".

Къ Манэ примыкаютъ всѣ тѣ, кого называютъ импрессіонистами, пленеристами, люминистами, пуантиллистами, японистами, плакатистами. Во главѣ всѣхъ ихъ стоятъ Эдгаръ Дега (род. 1834 г.) и Клодъ Монэ (род. 1840 г.); первый, смертельный врагъ всякой композиціи, открылъ безконечное число никогда не наблюдавшихся движеній (балетъ, скачки); послѣдній изслѣдовалъ свѣтъ во всѣхъ направленіяхъ неба, во всѣ часы дня и времена года. Камиль Писсаро (1830—1903), основатель пуантиллистской техники, въ качествѣ пейзажиста воспроизводилъ неизвѣстныя дотолѣ явленія при помощи кисти и гравировальной иглы. Послѣдователей Монэ соединяютъ подъ именемъ „Батиньольской школы" или „неоимпрессіонистовъ". Чтобы избѣжать односторонности и изолированности, большинство импрессіонистовъ старались войти въ компромиссъ со старымъ искусствомъ; всего лучше это удалось рано умершему Жюлю Бастьену Лепажу (1848—1884). Во всякомъ случаѣ они должны были, мѣняя матерьялъ и пріемы передачи, поддерживать интересъ къ себѣ и предохранять себя и публику отъ скуки. На ряду съ представителями свободнаго свѣта и яркости въ живописи выступила группа живописцевъ облачности (нюажисты), которые покрывали природу и людей прозрачнымъ флёромъ. Во главѣ ихъ стоитъ Эженъ Карреръ (род. 1849 г.). Къ нимъ же перешелъ Шарль Коттэ (1833—1898), прославитель Бретани, а также Паскаль Адольфъ Даньянъ-Бувере (род. 1852 г.), который съ такимъ успѣхомъ умѣетъ приспособлять сцены изъ библіи и жизни пилигримовъ къ современной нервозной погонѣ за утраченными настроеніями.

Не въ одной Франціи и даже не въ ней первой рядомъ съ натуралистическими нововведеніями выросъ неакадемическій неоидеализмъ; онъ искалъ выхода не въ дѣйствіи свѣта и красокъ, а старался возстановить значеніе линіи, формы, рисунка и стилизаціи. Главные представители этого направленія: Густавъ Моро (1826—1898), Пьеръ Пюви де-Шаваннъ (1824—1898) и Анри Мартенъ (род. 1860 г.). Моро работалъ надъ своими произведеніями, удалившись отъ міра; вмѣстѣ съ своимъ домомъ онъ завѣщалъ отечеству 797 картинъ, 23 картона, 349 акварелей и 7,000 рисунковъ. На языкѣ линій и формъ, которыя онъ заимствовалъ у всѣхъ эпохъ, предпочитая, однако, первобытные періоды и періоды упадка, онъ изображалъ диковинное, извращенное и лукавое; всего охотнѣе онъ изображалъ дьявольскую, губительную, холодно жестокую женскую силу и аномаліи полового влеченія. Пюви де-Шаваннъ, напротивъ, рисуетъ предвѣчный міръ спокойствія и безстрастія. Въ его стѣнной живописи форма, лицо, поза получаютъ чисто декоративное значеніе; они служатъ для того, чтобы выразить достоинство и торжественность избраннаго для нихъ пространства, архитектурой котораго они обусловлены. Онъ нашелъ то, что нашли англійскіе прерафаэлиты: путь къ новому цѣлостному искусству, въ которомъ живопись представляетъ лишь одну струну, не выдвигаясь на счетъ цѣлаго, какъ на фрескахъ художниковъ, украшавшихъ стѣны до него и одновременно съ нимъ. Этотъ ансамбль и есть то, къ чему все время стремились неудовлетворенныя историзмомъ поколѣнія: истинно современное искусство, самостоятельный художественный стиль.

Во время расцвѣта свободомыслящей исторической живописи на сцену выступили опять фламандцы и брабантцы, или, какъ говорятъ теперь, бельгійцы. Давидъ, переселившись въ Брюссель (стр. 64), воспиталъ

здѣсь учениковъ, которые держались классическихъ ученій и послѣ смерти учителя. Скоро для Бельгіи наступило замѣчательное время. Отдѣлившись отъ Нидерландовъ и ставъ самостоятельнымъ государствомъ (1830—1831), она вспомнила о своей былой роли въ исторіи искусства и во всемірной исторіи. Густавъ Вапперъ (1803—1874) первый прославлялъ подвиги фламандцевъ на богатыхъ фигурами картинахъ. Его послѣдователи: Никезъ де Кейзеръ (1813—1887), Эдмондъ де Бьефръ (1809—1882) и особенно Луи Галле (1810—1887), достигли европейской извѣстности, но, что касается благосклонности публики, раздѣлили судьбу Деляроша и Вернэ (стр. 66). Среди нихъ выдѣлился Антуанъ Виртцъ (1806—1865), который подошелъ съ кистью и палитрой къ ужасному и загадочному въ человѣческой жизни. Его картины, большею частью, исполненныя въ исполинскихъ размѣрахъ, запечатлѣны вольнодумствомъ, гуманностью и фантастичностью; непонятными онѣ, однако, не дѣлались, такъ какъ живописецъ отчетливо подчеркивалъ свои цѣли.

Виртцъ не нашелъ себѣ подражателей. Руководителемъ младшаго поколѣнія бельгійскихъ живописцевъ былъ Гендрикъ Лейсъ (1815—1869), который заимствовалъ свои пріемы и свои сюжеты изъ грубой эпохи реформаціи Внѣ исторической живописи, въ жанрѣ, въ пейзажѣ, въ изображеніяхъ животныхъ побѣда осталась также за архаистами. Даже обрабатывая современные сюжеты — они дѣлали это въ краскахъ и тонахъ картинныхъ галлерей и пользовались вспомогательными средствами, которымъ научились у старыхъ мастеровъ. Шарль де Гру (1825—1876) одинъ изъ первыхъ началъ писать бѣдноту; онъ не ограничивался однимъ состраданіемъ, а придавалъ своимъ пролетаріямъ черты достоинства; Жозефъ Стефенсъ (1822—1892) прекрасно рисовалъ животныхъ, также какъ Эженъ Жозефъ Фербёкгофенъ (1798—1881) и юмористъ Шарль Верля (1824—1890); Альфредъ Стефенсъ (род. 1828 г.) одинъ изъ первыхъ прославилъ современную свѣтскую даму; Шарль Луи Фербёкгофенъ (1802—1889) славился, какъ маринистъ.

Въ пейзажѣ опять обнаружились признаки самостоятельнаго, полагающагося на собственные глаза пониманія природы. Тервюренскій лѣсъ былъ для бельгійцевъ тѣмъ же, чѣмъ Фонтенебло для французовъ. Яркія краски замѣнили сумракъ галлерей. Ознакомленію съ французскими пленеристами и импрессіонистами способствовалъ живописецъ-граверъ Фелисьенъ Ропъ (1833—1898); изъ Парижа слава о немъ распространилась по всему міру; онъ съ чрезвычайной смѣлостью изображалъ плотской грѣхъ. Въ 1870 г. Société libre des beaux-arts (вольное общество изящныхъ искусствъ) устроило первую выставку; въ 1871 г. общество это начало выпускать журналъ „Art libre“ („Свободное искусство“). Естественно, вначалѣ новая школа подвергалась горячимъ нападкамъ, но также естественно, что ея картины теперь уже висятъ въ галлереяхъ; таковы, напр., картины Эмиля Воте (род. 1846, исторія), Франсуа Куртана (род. 1850 г., пейзажи), Корнеля фанъ Леемпуттена (род. 1851 г., пейзажи), Франса фанъ Леемпуттена (род. 1853 г.), Леона Фредерика (род. 1856), Эдгара Фаразина (род. 1858 г., пейзажи), Анри Люйтена (род. 1859 г., картины изъ жизни рабочихъ), Тео фанъ Риссельберге (род. 1862 г., портреты, пейзажи), Эжена Лермана (род. 1864 г., картины изъ жизни рабочихъ), и т. д.

Величайшій бельгійскій художникъ Константенъ Мёнье (1831—1905) перешелъ отъ живописи къ скульптурѣ и открылъ невѣдомое царство красоты и нравственной силы. Его произведенія въ монументальномъ стилѣ прославляетъ трудъ и рабочихъ, особенно рудокоповъ. Въ Бельгіи отъ живого современнаго „модернъ“ отдѣлился идеалистическій новѣйшій романтизмъ, дѣтище стремленія къ чувственной живописи, услаждавшей міръ въ прежнія времена, но приспособленной къ характерной для современности возбудимости. Удивительною возвышенностью отличаются

вѣщія произведенія Леемпеля (род. 1867 г.) и загадочныя картины Фернанда Кнопфа (род. 1858 г.).

Изъ круга бельгійскихъ живописцевъ вышли вліятельные реформаторы прикладного искусства. Въ Брюсселѣ, какъ и повсюду, толчекъ дала Англія (Вильямъ Моррисъ). Первую побѣду бельгійское прикладное искусство одержало на колоніальной выставкѣ въ Тервюренѣ (1898 г.). Особую всемірную извѣстность пріобрѣлъ Анри Клеманъ фанъ де Вельде (род. 1863 г.), какъ изобрѣтатель совершенно особаго орнаментальнаго стиля. Бельгійцы, вообще, исходятъ изъ назначенія предмета и придаютъ ему самую цѣлесообразную форму; они заботятся о производствѣ предметовъ массового потребленія, а не дорогихъ вещей для любителей.

C. **Германское и австрійское искусство.**

a) Архитектура и прикладное искусство.

Съ тѣхъ поръ какъ были точнѣе изучены развалины Пестума и Акрополя, нѣмецкіе архитекторы отвернулись отъ палладіанизма (смотр. т. VIII, стр. 491), считая его слишкомъ вычурнымъ стилемъ, принялись усиленно упрощать простой дорическій стиль и впали въ дорическій пуризмъ. Главными дѣйствующими лицами этого эпилога вѣка париковъ и мушекъ были: Генрихъ Гентцъ (умеръ 1811 г.) и Фридрихъ Гилли (1771—1800) въ Берлинѣ, Фридрихъ Вейнбреннеръ (1766—1826) въ Карльсруэ, Петеръ фонъ Нобиле (1774—1854), строитель городскихъ воротъ и храма Тезея въ Вѣнѣ; напротивъ, Карлъ фонъ Фишеръ (1782—1820), строитель мюнхенскаго придворнаго театра, снова обратился къ Витрувію и Палладіо.

Изъ школы Гилли вышелъ Карлъ Фридрихъ Шинкель (1781—1841), который вмѣстѣ съ своими учениками наложилъ отпечатокъ на архитектуру добисмарковской Пруссіи. Шинкель разрѣшилъ неудававшуюся другимъ задачу согласованія вѣчнаго, идеальнаго эллинизма съ данными конкретными цѣлями. Того, что ему удалось по отношенію къ греческимъ стилямъ, онъ, по крайней мѣрѣ, пытался достигнуть и по отношенію къ послѣ-греческимъ. Дѣятельность Шинкеля совпадаетъ съ худыми временами царствованія Фридриха Вильгельма III-го, когда въ оправлявшемся послѣ болѣзни государствѣ царила скупость. По недостатку денегъ большинство плановъ Шинкеля осталось на бумагѣ, а если они и выполнялись, то съ отступленіями и изъ плохого матеріала. Лучшее произведеніе Шинкеля, Берлинскій театръ, было построено изъ цемента и лишь впослѣдствіи облицовано песчаникомъ. Въ качествѣ выдающагося мастера пейзажной архитектурной живописи онъ набросалъ многочисленныя декораціи для сцены. „Старый музей“ и гауптвахта Шинкеля представляютъ на ряду съ его театромъ самые крупные результаты достигнутаго имъ возрожденія эллинизма. Въ своей „Строительной академіи“ Шинкель опять ввелъ въ употребленіе кирпичъ и сырецъ, бывшіе въ ходу въ сѣверно-германской архитектурѣ; въ потсдамской церкви Николая онъ пытался облагородить греческими формами постройку, въ основѣ которой лежалъ древне-христіанскій стиль; въ виллѣ „Шарлоттенгофъ“ онъ подражалъ итальянскому стилю загородныхъ домовъ; плану Бабельсбергскаго замка онъ придалъ формы англійской готики. Но готическій стиль ему не давался, а его смѣлая попытка слить готику и эллинизмъ потерпѣла полное фіоско.

Хотя ученики Шинкеля держались эллинизма, они допускали и другіе стили; въ результатѣ иногда получались безплодныя, ублюдочныя произведенія. Послѣ ранней смерти строителя потсдамской церкви въ память заключенія мира Людвига Персіуса (1803—1845) въ Берлинѣ въ монументальной архитектурѣ первое мѣсто оффиціально отводилось Августу Штюлеру (1800—1865). Начатая имъ „національная галлерея“ была

закончена Іоганомъ Генрихомъ Штраккомъ (1805—1880). Къ ученикамъ Шинкеля принадлежали также строитель синагоги Эдуардъ Кноблау (1801—1865), Адольфъ Деммлеръ (1804—1886), которому принадлежитъ основной планъ Шверинскаго замка, Карлъ Теодоръ Оттмеръ (1800—1843), строитель Брауншвейгскаго замка, и др. Изъ современниковъ Шинкеля только молодой Лангансъ (Карлъ Фердинандъ, 1781—1869) соорудилъ рядъ самостоятельныхъ построекъ, представляющихъ переходъ отъ эллинизма къ итальянскому стилю возрожденія. Въ превращеніи Берлина въ міровой городъ руководящее участіе принималъ еще одинъ непосредственный ученикъ Шинкеля, Фридрихъ Гитцигъ (1811—1881). Остальными дѣятелями были, большею частью, ученики учениковъ стараго мастера или же художники, приглашенные изъ-за границы. Эти ученики выросли преимущественно подъ вліяніемъ ученаго Карла Бёттихера (1806—1889), автора „Тектоники древнихъ“; къ нимъ, между прочимъ, принадлежали: Рихардъ Люка (1829—1877), Мартинъ Гропіусъ (1824—1880), Августъ Ортъ (род. 1826 г.) и Фридрихъ Адлеръ (род. 1827 г.) Новѣйшій архитектурный періодъ отличается коммерческимъ характеромъ, что сказывается и въ именахъ архитекторовъ, соединенныхъ попарно и образующихъ какъ бы торговыя фирмы: Германнъ Энде (род. 1830 г.) и Вильгельмъ Бёкманнъ (род. 1832 г.), Вальтеръ Килльманнъ (род. 1837 г.) и Адольфъ Гейденъ (1838—1902), Генрихъ Кайзеръ (род. 1842 г.) и Карлъ фонъ Гроссгеймъ (род. 1841 г.) и т. д. Характерной является также распространяющаяся спеціализація. Строительная горячка въ растущей съ поразительной быстротою столицѣ на Шпрее привлекла также архитекторовъ изъ другихъ мѣстъ; таковы: Гансъ Гризебахъ (род. 1848 г.), мастеръ нѣмецкаго стиля возрожденія, Людвигъ Гоффманъ (род. 1852 г.), строитель зданія королевскаго суда въ Лейпцигѣ и теперешній берлинскій архитекторъ Юліусъ Рашдорффъ (род. 1823 г.), который покрылъ, наконецъ, крышей берлинскій соборъ. Съ періодомъ оживленнаго строительства, начавшимся около 1870 года, и надъ Берлиномъ пробѣжала волна историческаго стиля. Но ни въ одномъ городѣ послѣдовательно входившіе въ моду стили не прогорали такъ скоро. Пресыщеніе наступало тѣмъ быстрѣе, чѣмъ напыщеннѣе и крикливѣе выставлялась противоположность прежней простотѣ и сдержанности. Однако, попытки брать за основу, особенно при сооруженіи памятниковъ, древность были встрѣчены непониманіемъ и недоброжелательствомъ. Сколько злословія обрушилось на голову строителя зданія рейхстага Пауля Валло (род. 1842 г.)! Меньше нападокъ встрѣчали проекты Бруно Шмитца, врага всякихъ шаблоновъ (памятники на Киффгеузерѣ, у Вестфальскихъ воротъ, на полѣ Лейпцигской битвы народовъ, и т. д.).

Несмотря на Шинкеля, уже въ первыя десятилѣтія 19-го вѣка эстетической столицей Германіи сталъ не Берлинъ, а Мюнхенъ — и по отношенію не только къ зодчеству. Съ самаго начала мюнхенскіе архитекторы могли широко пользоваться содѣйствіемъ живописи и скульптуры. Только прикладныя искусства и въ Мюнхенѣ оставались въ застоѣ, такъ какъ высокое искусство было слишкомъ гордо, чтобы снизойти до ремеслъ и ихъ техники. Лишь послѣ 1870 подъ вліяніемъ школы Пилоти наступилъ поворотъ къ лучшему.

Баварская архитектура по сравненію съ прусской отличается прежде всего блестящей внѣшностью. Она была королевское дитя и притомъ еще дитя любви. Отцомъ ея былъ не нѣмецкій національный духъ, не баварскій племенной духъ, но виттельсбахецъ Людвигъ I.

Въ Мюнхенѣ повторительный курсъ стилей отъ древности до временъ бидермейерства начался хронологически правильно съ древне-греческаго стиля около того времени, когда школьное образованіе пребывало еще въ дебряхъ неогуманизма, а баварскій принцъ Отто вступилъ на только что воздвигнутый тронъ новогреческаго королевства. Для осуществленія мы-

слей Людвига I-го былъ избранъ школьный товарищъ Шинкеля Лео фонъ Кленце (1784—1864), который позднѣе работалъ въ Парижѣ у Персье и Дюрана. Глиптотека, построенная изъ благороднѣйшаго матеріала Валгалла близъ Регенсбурга, Храмъ славы, Пропилеи являются самыми выдающимися памятниками эллинскаго направленія этого мастера; напротивъ, Одеонъ, старая пинакотека, королевскія и праздничныя залы — построены въ стилѣ итальянскаго возрожденія.

Остальные архитекторы Людвига I должны были примѣняться къ романтическимъ и историческимъ наклонностямъ царственнаго повелителя архитектуры. Во главѣ ихъ стоитъ Фридрихъ фонъ Гертнеръ (1792—1847), строитель романской церкви Людвига, Придворной и государственной библіотекъ, университета, галлереи полководцевъ, готическаго Виттельсбахскаго дворца, Кельгеймской залы освобожденія, „Воротъ побѣды", и т. д. По желанію короля Даніель Іозефъ Ольмюллеръ (1791—1839) построилъ въ предмѣстьѣ Ау церковь въ готическомъ стилѣ, а Георгъ Фридрихъ Цибляндтъ (1800—1873) построилъ базилику Бонифація въ древне-христіанскомъ стилѣ. Изъ гертнеровскаго стиля круглой арки и изъ другихъ составныхъ частей Фридрихъ Бюрклинъ (1813—1872) создалъ неудачный „максимильяновскій стиль"; стиль этотъ былъ перенесенъ и въ другіе города. Къ концу 60-хъ гг. съ ростомъ строительной горячки въ Мюнхенъ хлынула волна современныхъ стилей; въ 70-хъ и 80-хъ годахъ появилось прикладное искусство и распространилась любовь къ пышному украшенію внутренности зданій. Но ни какому-нибудь изъ историческихъ стилей, ни воскрешенному Лоренцомъ Гедономъ нѣмецкому стилю возрожденія не удалось упрочиться надолго; поэтому остался просторъ для „сецессіонистскихъ" опытовъ съ новыми контурами, новыми средствами конструкціи, орнаментами, красками, и т. д. Послѣ смерти Максимиліана II-го (1864) иниціатива въ художественной области перешла отъ двора къ другимъ кругамъ общества. Поэтому декоративныя постройки Людвига II-го въ качествѣ плодовъ совершенно личнаго вкуса сооружались вдали отъ столицы (Герренхимзее, Линдергофъ, Неушванштейнъ).

Здѣсь не мѣсто давать хотя бы сжатый образъ того, что было построено и украшено въ нѣмецкихъ столицахъ, большихъ и маленькихъ городахъ, на минеральныхъ водахъ и въ лѣтнихъ курортахъ. Слѣдуетъ упомянуть только центры, откуда исходили болѣе значительные побудительные толчки.

Такъ, напр., Кёльнъ со времени реставраціи Кёльнскаго собора Эрнстомъ Фридрихомъ Цвирнеромъ (1802—1861) и Рихардомъ Фойгтелемъ (1829—1902) сталъ высшею школою „классической" готики. Съ этимъ стилемъ надолго связалось романтическое идолопоклонство, питаемое заблужденіемъ, будто готическое строительное искусство оригинальный продуктъ нѣмецкой почвы и потому должно поддерживаться на счетъ другихъ стилей. Особенно вліялъ своими сочиненіями Карлъ Александеръ Гейдельффъ (1788—1865) въ Нюрнбергѣ — этой сокровищницѣ реликвій и образцовъ стилей для архитектуры и вспомогательныхъ искусствъ отъ готики до вѣка париковъ. Мѣстомъ воскрешенія кирпичной готики сѣверно-нѣмецкой равнины былъ Ганноверъ, гдѣ работали Карлъ Вильгельмъ Газе (1818—1902) и Эдвинъ Опплеръ (1831—1880). Въ противоположность готикамъ величайшій нѣмецкій архитекторъ XIX вѣка Готтфридъ Земперъ (1803—1879) своимъ примѣромъ, сочиненіями и ученіемъ выступилъ въ защиту „пространственнаго искусства", развивавшагося органически изъ итальянскаго стиля возрожденія. Первымъ поприщемъ его дѣятельности былъ Дрезденъ; такъ какъ онъ, какъ и его другъ Рихардъ Вагнеръ, принималъ участіе въ майскомъ возстаніи 1849 г., то ему пришлось бѣжать, и онъ нашелъ себѣ убѣжище сначала въ Лондонѣ, затѣмъ въ Цюрихѣ. Жизненное поприще этого геніально одареннаго чело-

вѣка закончилось планами придворныхъ музеевъ, городского театра и перестройки императорскаго дворца въ Вѣнѣ. Гуго Лихтъ (род. 1842) сооружалъ, исходя изъ старыхъ стилей, постройки, которыя и теперь представляютъ лучшее украшеніе Лейпцига (ратуша).

Когда Земперъ вступалъ въ Вѣну, старая императорская столица уже занимала положеніе столицы архитектуры средней Европы. Правда, въ первой половинѣ XIX-го столѣтія она поотстала; у нея не было короля Людвига, не было Кленца или Шинкеля; вмѣсто того она находилась подъ деспотическою властью императорско-королевскаго придворнаго архитектурнаго совѣтника Пауля Шпренгера (1798—1854), который взялъ себѣ монополію на общественныя зданія и строилъ ихъ въ безукоризненно казарменномъ стилѣ. Лишь революція 1848 г. освободила Австрію отъ ея архитектурнаго тирана. Весна новаго художественнаго вѣка съ самыми радужными перспективами наступила съ постройкою романской Альтлерхенфельдской приходской церкви и арсенала; первая была произведеніемъ рано умершаго Іоганна Георга Мюллера (умеръ 1849 г.); второй въ большей своей части представлялъ общій трудъ неразлучныхъ профессоровъ архитектуры Эдуарда фанъ деръ Нюлля (1812—1868) и Августа Сиккарда фонъ Сиккардсбурга (1813—1868). Оба умерли съ горя, удрученные пріемомъ, какой ихъ произведенія встрѣтили со стороны знатной столичной толпы и достойной ея критики. Ихъ товарищи, къ счастью, были избавлены отъ такой судьбы, потому что явились на свѣтъ съ роговой шкурой Зигфрида или съ огненнымъ ядовитымъ дыханіемъ Фафнера, а также умѣли ладить съ вліятельными сферами. Это особенно относится къ главнымъ свѣтиламъ, четыремъ баронамъ-архитекторамъ: Теофиллю Эдуарду фонъ Гансену (1813—1891), Фридриху фонъ Шмидту (1825—1891), Генриху фонъ Ферстелю (1828--1883) и Карлу фонъ Газенауру (1833—1894). Габсбургская столица, обладая сферою вліянія, далеко простирающеюся за границы государства, имѣетъ удивительную способность ассимиляціи, устраняющей всѣ противоположности. Датчанинъ Гансенъ былъ, напр., убѣжденнымъ эллинистомъ и прибылъ въ Вѣну прямо изъ Греціи; но его греческій, а иногда византійскій стиль возрожденія, какъ земля отъ неба, далекъ отъ стиля Шинкеля. Можетъ быть, онъ не всегда могъ творить такъ свободно, какъ при постройкѣ вѣнскаго парламента или Аѳинской академіи; но и менѣе цѣннымъ своимъ произведеніямъ онъ придавалъ характеръ монументальности. Онъ умѣлъ монументализировать даже столичную гостиницу, какъ показываетъ его „Генрихсгофъ". Въ противоположность классику Гансену, Фридрихъ Шмидтъ былъ убѣжденный готикъ; онъ прошелъ школу при постройкѣ Кёльнскаго собора; такъ какъ онъ реставрировалъ также Вѣнскій соборъ Стефана, то его называютъ просто соборнымъ архитекторомъ. Среди его многочисленныхъ построекъ наиболѣе интересны по свободной обработкѣ готическаго стиля вѣнская ратуша, исправительная тюрьма, Фюнфгаузская купольная церковь. Изъ звѣздъ періода процвѣтанія архитектуры въ Вѣнѣ, вѣнецъ Генрихъ Ферстель былъ наименѣе привязанъ къ одному опредѣленному стилю. Онъ выступилъ на сцену съ мастерскимъ произведеніемъ романскаго стиля (биржа); построилъ, можетъ быть, самое удачное готическое зданіе XIX вѣка — Церковь Обѣтованій — и въ заключеніе перешелъ къ итальянскому возрожденію (Австрійскій музей, университетъ). Съ этими тремя Газенауэру было трудно держаться рядомъ; то обстоятельство, что сооруженіе императорскаго дворца было поручено именно ему, вызвало изумленіе. Тогда въ Вѣну былъ приглашенъ старикъ Земперъ; онъ работалъ вмѣстѣ съ Газенауэромъ, но умеръ раньше, и довершить дѣло довелось его товарищу.

Но и въ Вѣнѣ историческіе стили наскучили, послѣ того какъ они были использованы всѣ, включая сюда и барокко, и стиль имперіи. Появилась новая школа, которая на первый планъ ставила цѣль сооруженія

и къ ней подгоняла конструкцію; она пользовалась новѣйшими матеріалами, стекломъ и желѣзомъ; она презирала древнія колонны и пилястры, карнизы и украшенія и сознательно вступила въ союзъ съ обновленнымъ прикладнымъ искусствомъ. Вождемъ и главою новаторовъ является профессоръ академіи Отто Вагнеръ (род. 1841 г.), хладнокровно относящійся къ тому, что старики въ отчаяніи ломаютъ надъ нимъ руки. Вагнеровская школа окончательно упрочилась въ сферѣ частныхъ построекъ, особенно торговыхъ помѣщеній и жилыхъ домовъ. Іозефъ Ольбрихъ (род. 1867 г., переселился въ Дармштадтъ), Фридрихъ Оманнъ (род. 1853 г.) и др. являются выдающимися представителями новѣйшаго зодчества.

Рѣшительнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области образовательныхъ искусствъ, враждебное историзму направленіе взяло на себя руководительство въ прикладномъ искусствѣ. Вѣнскій художественно-промышленный музей вмѣстѣ съ соединенною съ нимъ школою прикладного искусства при основателѣ своемъ Рудольфѣ Эйтельбергерѣ (1817—1885) и его преемникахъ Якобѣ Фальке (1825—1897) и Бруно Бухерѣ (1826—1899) былъ цитаделью вѣры въ единоспасающее возрожденіе періода его процвѣтанія въ Италіи. Но еще при жизни этихъ людей нельзя было помѣшать проникновенію нѣмецкаго возрожденія и барокко; а потомъ наступило неожиданное торжество стиля имперіи и бидермейстерства. Новый директоръ Артуръ фонъ Скаля (род. 1844 г.) открылъ двери музея для англійской мебели и произвелъ настоящую революцію противъ исторически отживптаго стиля. Рядомъ съ нимъ въ качествѣ знаменоносцевъ новой партіи стояли: баронъ Фелиціанъ фонъ Мирбахъ (род. 1853 г.), Коломанъ Мозеръ, Артуръ Штрассеръ (род. 1854 г.) и Іозефъ Гофманъ. Теперь уже въ области прикладного искусства нѣтъ учрежденія, которому не приходилось бы считаться съ измѣнившимся вкусомъ публики.

b) Скульптура.

Римъ, который съ половины XVIII-го вѣка началъ все сильнѣе привлекать художниковъ всѣхъ странъ, особенно былъ любимъ скульпторами. Здѣсь провелъ большую часть своей славной жизни тревизанецъ Антоніо Канова (1757—1822). Въ античномъ идеальномъ стилѣ Кановы, все равно, ваялъ ли онъ изъ мрамора греческихъ боговъ и героевъ, или же современниковъ, или же памятники умершимъ знаменитостямъ, замѣтно было, что онъ исходилъ изъ рококо и сантиментализма. Всегда онъ оказывается ласковымъ, мягкимъ, граціознымъ, кокетливымъ, гладкимъ, безкостнымъ. Мужественно героическое удается ему только до нѣкоторой степени. Канова оказалъ вліяніе и на своихъ нѣмецкихъ и французскихъ товарищей по профессіи, напр., на вюртембержца Іоганна Генриха фонъ Даннекера (1758—1841), творца штуттгартскаго бюста Шиллера, черты котораго неизгладимо запечатлѣлись въ душѣ нѣмецкаго народа. Въ Римѣ жилъ также Александеръ Триппель (1744—1793), которому въ его зрѣлые годы мы обязаны идеально прекраснымъ бюстомъ Гёте. Всѣ они, а также шведъ Іоганнъ Тобіасъ Сергель (1740—1814), были лишь предтечами величайшаго изъ тѣхъ, которые дерзали соперничать съ древними, датчанина Альберта (Бертеля) Торвальдсена (1770—1844). Онъ работалъ безсознательно, по непосредственному влеченію, былъ невѣжественъ, не былъ ни мыслителемъ, ни писателемъ, ни ораторомъ. Поэтому онъ былъ, по выраженію Корнеліуса Гурлита, „загадкою для своего времени, такъ какъ тогда думали, что только разумъ и знаніе могутъ возвести на вершину человѣчества“. Созданное имъ можно видѣть въ копенгагенскомъ Торвальдсеновскомъ музеѣ, который содержитъ въ оригиналахъ или слѣпкахъ всѣ произведенія художника: античныхъ боговъ и героевъ обоего пола, жанровыя фигуры, аллегоріи, фронтоны и фризы, святыхъ, памятники, статуи, портреты, и т. д.

Среди учениковъ знаменитаго датчанина слѣдуетъ назвать: скандинавовъ Іенса Адольфа Ерихау (1816—1883) и Германа Фреунда (1799—1840), итальянца Піетро Тенерани (1798—1869), нѣмцевъ Рудольфа Шадова (1786—1822) и Эмиля Вольффа (1802—1879).

Къ счастью для нѣмецкой скульптуры, Іоганнъ Готфридъ Шадовъ (1764—1850), мастеръ, исходившій еще изъ барокко и рококо, противопоставилъ анахроническому идеализму свой индивидуальный реализмъ, хотя былъ превосходно знакомъ и съ античнымъ стилемъ. Его „Старый Фрицъ“, „Старый Дессауецъ“, „Старый Циттенъ“ являются пруссаками, солдатами, простыми людьми, съ совершенно не классическими лицами, не говоря уже о сапогахъ и брюкахъ. Его двойная статуя королевы Луизы и ея сестры соединяетъ въ себѣ сантиментальную привлекательность выдыхающагося рококо съ самой современной граціозностью. Естественно, что Шадову не удался Блюхеръ, сдѣланный соотвѣтственно классическимъ предписаніямъ Гёте.

Примѣръ Шадова мѣшалъ сѣверно-нѣмецкимъ скульпторамъ временъ Фридриха Вильгельма III и Фридриха Вильгельма IV погрузиться въ идеальный эллинизмъ. Это видно на самомъ выдающемся изъ нихъ, Христіанѣ Раухѣ (1777—1857), бывшемъ дежурномъ камердинерѣ королевы Луизы, изваявшемъ прекрасный могильный памятникъ послѣдней въ Шарлоттенбургѣ. Наиболѣе занятый монументалистъ и портретистъ своего времени, онъ долженъ былъ противъ воли дѣлать уступки реализму. Его сила заключалась въ формировкѣ головы; въ горькой необходимости давать своимъ изображеніямъ современный костюмъ онъ утѣшался античными складками на верхней одеждѣ. Въ главномъ своемъ произведеніи, статуѣ Фридриха II въ Берлинѣ, ему пришлось отступить отъ правила оставлять голову непокрытою; за это онъ съ лихвой вознаградилъ себя обнаженными головами массы цокольныхъ фигуръ, которыя должны были воплощать время и идеи царствованія Фридриха.

Ученики Рауха и ихъ послѣдователи до настоящаго времени высоко держатъ знамя античнаго идеализма, мирясь, однако, довольно успѣшно и съ современнымъ реализмомъ. Представителями этого тяготѣющаго влѣво направленія являются, напр., Густавъ Блезеръ (1813—1874), Рудольфъ Зимерингъ (род. 1835 г.), Фрицъ Шаперъ (род. 1841 г.), Отто Лессингъ (род. 1846 г.), Эмиль Гундризеръ (род. 1846 г.) и Эрнстъ Гертеръ (род. 1846 г.).

Изъ мастерской Рауха вышелъ также піонеръ натурализма въ современной скульптурѣ, Рейнгольдъ Бегасъ (род. 1831 г.). По поводу его кричали о новомъ Бернини; ибо мраморъ и бронза пробудились отъ своей античной дремоты, опять ожили и начали кипѣть темпераментомъ и страстью. Когда во всѣхъ углахъ Германской имперіи начали точно грибы расти памятники императора Вильгельма, Бисмарка, Мольтке, Побѣды и воиновъ, Бегасъ получилъ заказъ поставить передъ берлинскимъ дворцомъ памятникъ императора и передъ зданіемъ рейхстага Бисмарка въ шлемѣ. Съ такою же увѣренностью, какъ движенія и выдающіяся внѣшнія черты, Бегасъ умѣлъ передавать и самую интимную жизнь личности. Изъ мастерскихъ учениковъ Рауха вышли современные берлинскіе скульпторы: Карлъ Бегасъ (род. 1845 г.), Пауль Отто (род. 1846 г.), Густавъ Эберлейнъ (род. 1847 г.), Іозефъ Уфуэсъ (род. 1851 г.), Адольфъ Брюттъ (род. 1855 г.), Куно фонъ Юхтрицъ (род. 1856 г.), Людвигъ Манцель (род. 1858 г.), Вальтеръ Шоттъ (род. 1861 г.), Карлъ Зеффнеръ (род. 1861 г.), Луи Туайлльонъ (род. 1862 г.), Пауль Людвигъ Кауэръ (род. 1866 г.), Станиславъ Кауэръ (род. 1867 г.), Фрицъ Климшъ (род. 1870 г.) и др. Большая часть ихъ участвовала въ составленіи скульптурной исторіи бранденбургско-прусскихъ государей, получившей названіе „Аллеи Побѣды“.

Лучшій ученикъ Рауха, Эрнстъ Ритчель (1804—1861), пересадилъ въ

Дрезденъ берлинское компромиссное искусство, въ принципѣ идеалистическое, но приправленное реализмомъ въ качествѣ уступки требованіямъ нашего несовершеннаго міра; въ Дрезденѣ оно и теперь еще не вымерло. Среди учениковъ Ритчеля наибольшей извѣстности достигъ Іоганнесъ Шиллингъ (род. 1826 г.). Ему принадлежатъ „времена года“ на лѣстницѣ Брюлевской террасы въ Дрезденѣ, испорченныя тѣмъ, что они были сдѣланы изъ песчаника и покрыты позолотой; крайне неудачно помѣщенный памятникъ на Нидервальдѣ — тоже его работы. Самый даровитый ученикъ Шиллинга — Робертъ Діецъ (род. 1841 г.), вполнѣ примкнулъ къ реалистической лѣвой. Эрнстъ Юліусъ Генель (1811—1891), другъ Ритчеля, пріобрѣлъ вліяніе далеко за предѣлами Саксоніи, какъ представитель вымирающаго традиціоннаго идеальнаго стиля. Ученики Генеля, въ общемъ также примкнули къ реалистической партіи; таковы: Карлъ Эхтермейеръ (род. 1845 г.), Генрихъ Эплеръ (род. 1846 г.), Фридрихъ Офферманнъ (род. 1859 г.), Рихардъ Кенигъ (род. 1863 г.), и т. д.

Въ Мюнхенѣ при королѣ-художникѣ Людвигѣ I началось заселеніе площадей и садовъ скульптурными произведеніями, главнымъ образомъ статуями государей и „знаменитыхъ“ людей, позднѣе получившее эпидемическое распространеніе. Кромѣ того, понадобились для новыхъ публичныхъ зданій фронтоны, фризы, угловыя фигуры; поэтому работы было много и мѣстныхъ силъ не всегда хватало. На Мюнхенъ работали, напримѣръ, Раухъ и Ритчель. На мѣстѣ дѣйствовали: классикъ Мартинъ Вагнеръ (1775—1858), Людвигъ Михаэль Шванталеръ (1802—1848), съ которымъ никто не могъ сравниться въ плодовитости и гибкости, оба Фердинанда фонъ Мюллера (отецъ 1813—1887; сынъ род. 1842 г.), Максъ Видеманъ (1812—1895), Іоганнъ Гамбигъ (1814—1882), Іозефъ Кнабль (1819—1881), Конрадъ Кнолль (род. 1829 г.) и Каспаръ Цумбушъ (род. 1830 г.); послѣдній въ 1873 г. переселился въ Вѣну. Соотвѣтствовавшій духу времени поворотъ къ барокко, къ живописности и естественности былъ совершенъ на берегахъ Изара Михаэлемъ Вагмюллеромъ (1819—1881), работавшимъ по заказу Людвига II. Еще болѣе совершенный характеръ носитъ Рудольфъ Майзонъ (1854—1894). Адольфъ Гильдебрандъ (род. 1847 г.) украсилъ столицу Баваріи своимъ „Виттельсбахскимъ ключемъ“.

Что характеризуетъ новѣйшее искусство — такъ это, помимо равнодушія къ исторіи, литературѣ и философіи, высокая оцѣнка техники, какъ ядра всякаго искусства. Въ Англіи, Франціи, Бельгіи, такъ же какъ въ Германіи, художники, уже прославившіеся въ отдѣльныхъ областяхъ, выучиваются новымъ видамъ техники. Какое удивленіе вызвалъ прославившійся въ графическихъ искусствахъ и крупной живописи Максъ Клингеръ (род. 1857 г.), когда онъ выступилъ съ собственноручными скульптурными работами высокой самостоятельности и самой изысканной техники! А Францъ Штуккъ (род. 1863 г.), глава живописцевъ сецессіонистовъ, съ его пластическими фигурками! Это путь къ единству и согласованію отдѣльныхъ отраслей искусства, мыслимыхъ обособленными, но по природѣ своей нераздѣльныхъ. Въ Австріи въ теченіе многихъ вѣковъ существовала только религіозная пластика. Хотя въ періоды барокко и париковъ появилась и свѣтская пластика, но, главнымъ образомъ, лишь въ качествѣ вспомогательнаго искусства при сооруженіи дворцовъ и разбивкѣ садовъ. Свѣжимъ воздухомъ повѣяло въ австрійской художественной жизни лишь послѣ революціи 48-го года. Скульпторамъ давали работу монументальныя постройки, число которыхъ увеличивалось; кромѣ того и здѣсь пробудилось уже давно дѣйствовавшее въ Пруссіи и Баваріи стремленіе ставить памятники въ честь послужившихъ государству знаменитостей. Въ реакціонное время тутъ на первомъ планѣ были люди, заслужившіе милость царствующаго дома. Братья Іозефъ Максъ и Эммануэль Максъ (1810—1900) воздвигли въ Прагѣ памятникъ фельдмаршалу Радецкому. Въ Вѣнѣ ни-

когда не посѣщавшій академіи литейщикъ Антонъ Фернкорнъ (1813—1878) отлилъ смѣлыя конныя статуи эрцгерцога Карла и принца Евгенія. Уроженецъ Каринтіи Гансъ-Гассеръ (1817—1868) также мало заботился о школьной выучкѣ; однако, его работы удавались и нравились. Напротивъ, ученые скульпторы невсегда удовлетворяли предъявляющимся требованіямъ; такъ было съ Іоганномъ Прелеутнеромъ (1810—1898), Іоганномъ Мейкснеромъ (род. 1819 г.), Винценцомъ Пильцемъ (1816—1896) и Францомъ Бауеромъ (1797—1872). Монументальными скульпторами, украсившими Вѣну бароновъ-архитекторовъ соотвѣтственной пластикой, являются: Карлъ Кундманнъ (род. 1838 г.), Каспаръ Цумбушъ, Эдмундъ Гелльмеръ (род. 1850 г.), Рудольфъ Вейръ (род. 1847 г.), Іоганнъ Бенкъ (род 1844 г.), Генрихъ Наттеръ (1842—1892), и др. Подъемъ въ вѣнской пластикѣ вызвалъ Бегасъ Австріи — Викторъ Тильгнеръ (1844—1896), своимъ смѣлымъ реализмомъ, пониманіемъ живописности, наклонностью къ рококо и другимъ запрещеннымъ стилямъ. Тильгнеръ былъ прежде всего скульпторомъ-портретистомъ и до монументальнаго искусства дошелъ лишь постепенно. По оригинальности и силѣ замысла ближе всего къ нему стоитъ Артуръ Штрассеръ (род. 1854 г.). Къ нимъ примыкаютъ: Теодоръ Фридель (1842—1899), Эдмундъ Гофманнъ фонъ Аспернбруккъ (род. 1847 г.), Гансъ Биттерлихъ (род. 1860 г.), Людвигъ Дюрнбауеръ (1860—1895) и Францъ Фогель (род. 1861 г.). Кромѣ декоративной пластики, работавшей въ сотрудничествѣ съ прикладнымъ искусствомъ, въ Австріи процвѣтало медальное и плакетное искусство. За его родоначальниками, Даніэлемъ Бёмомъ (1794—1865) и Карломъ Радницкимъ (род. 1818 г.), слѣдовали во второмъ поколѣніи Іозефъ Таутенгайнъ (род. 1837 г.) и Антонъ Шарффъ (1845—1902) и въ третьемъ поколѣніи Францъ Павликъ (род. 1865 г.), Петеръ Брейтгутъ (род. 1867 г.) и Рудольфъ Маршалль (род 1873 г.).

c) Живопись.

Въ началѣ 19-го вѣка продолжали еще свою дѣятельность многіе изъ живописцевъ менговскаго направленія; таковы: Антонъ Граффъ (1736—1813), Ангелика Кауффманнъ (1741—1807), Іоганнъ Генрихъ Вильгельмъ и Іоганнъ Генрихъ Августъ Тишбейны (1751—1829 и 1750—1812), Гергардъ фонъ Кюгельгенъ (1772—1820), Фридрихъ Регбергъ (1758—1835), и др. Въ художественныхъ школахъ продолжалъ культивироваться эклектизмъ, напр., въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ, гдѣ во главѣ академій стояли Іоганнъ Генрихъ Фюгеръ (1751—1818) и Петеръ фонъ Лангеръ; это были педанты, но у нихъ все-таки можно было выучиться техникѣ. Между тѣмъ, выростало поколѣніе, которое отвергло старые принципы, стремилось къ очищенному эллинизму, какъ къ единственному спасенію для вырождающагося человѣчества и краеугольнымъ камнемъ своей системы сдѣлало пренебреженіе къ техникѣ искусства. Это поколѣніе извлекло изъ линій греческихъ статуй языкъ формъ, приложимый и къ живописи; оно вывело также изъ очертаній итальянскаго пейзажа рядъ правилъ, какъ улучшать несовершенную якобы природу и замѣнять ее композиціями собственнаго изобрѣтенія.

Литературно образованные прекраснодушные мечтатели, не удовольствуясь ролью критиковъ, принялись за творчество. Вождемъ этихъ охваченныхъ зудомъ творчества полузнаекъ былъ голштинецъ Якобъ Асмусъ Карстенсъ (1754—1898); однако, ему можно поставить въ заслугу то, что онъ умѣлъ мило изображать выдуманныя имъ самимъ миѳологическіе и аллегорическіе образы. Къ счастью, нѣкоторые изъ подпавшихъ на берегахъ Тибра подъ вліяніе эллинизирующихъ пуристовъ научились рисовать и писать въ другихъ мѣстахъ; напр., ученики Давида — Готтлибъ Шиккъ (1779—1812) и Эбергардъ Вехтеръ (1762—1852), оба вюртембюржцы. Тиролецъ Іозефъ

Антонъ Кохъ (1768—1839), возобновитель идеальнаго пейзажнаго стиля на манеръ Пуссена, также научился кое-чему: онъ обладалъ быстро схватывающимъ глазомъ и дѣятельнымъ, энергичнымъ характеромъ. „Старый Кохъ" былъ превзойденъ въ своей собственной области Фридрихомъ Преллеромъ (1804—1878), писавшимъ картины на сюжеты изъ Одиссеи, которыя онъ по нѣскольку разъ передѣлывалъ. Критика эпохи спекулятивной философіи ставила пейзажиста Карла Роттманна (1798—1850) выше всѣхъ его товарищей, какъ пейзажиста „въ себѣ". Въ своихъ итальянскихъ фресковыхъ пейзажахъ находящихся подъ аркадами мюнхенскаго дворцоваго сада, онъ изображалъ предметы неясно, схематично и блѣдно, какъ того требовала теорія, согласно которой нужно изображать только существенное, откидывая случайное. Не лучше его и Роттманнъ въ своихъ греческихъ пейзажахъ новой пинакотеки, которые ничего не выиграли ни отъ крикливости противоестественныхъ красокъ, ни отъ трескучихъ метеорологическихъ эффектовъ.

Изъ шедшихъ по стопамъ Карстенса и Торвальдсена одинъ Бонавентура Генелли (1798—1868) умѣлъ надѣлять кипучею жизнью созданія своего оплодотвореннаго эллинизмомъ воображенія. Этотъ титанъ смогъ бы покрыть стѣны цѣлыхъ городовъ исполинскими изображеніями, но былъ осужденъ высказываться на листкахъ бумаги и средней величины полотнахъ. Рядомъ рисунковъ, а также картинами, писанными масляными красками для величайшаго не коронованнаго мецената Германіи, графа Шакка, онъ показалъ, что внутренняя сила не зависитъ отъ формата.

a) Назареи и Корнеліусъ.

Волны романтики — реакціи противъ просвѣщенія и революціи въ началѣ 19 вѣка, прокатились и надъ образовательными искусствами. Романтики отказались и отъ покрытаго парикомъ классицизма и отъ греческаго пуризма. Пышный барокко и легкомысленный рококо, понятно, претили имъ. Хотя изъ церковныхъ соображеній они еще придавали значеніе Рафаэлю и Миккель-Анжело, но своихъ образцовъ они искали среди художниковъ до-рафаэлевской Италіи, XIV и XV вѣка, и, пожалуй, еще среди старыхъ нѣмцевъ. Романтически настроенные юноши, которымъ надоѣло толкаться въ Вѣнской академіи, образовали первую сецессію въ живописи; они паломничали въ Римъ, жили въ кельяхъ упраздненнаго монастыря св. Исидора, собираясь для общей работы въ Каза де Цукери, куда ихъ приглашалъ прусскій консулъ Якобъ Саломо Бартольди рисовать на стѣнѣ за незначительную плату исторію Іосифа въ Египтѣ, и на виллѣ Массимѣ, гдѣ они украсили нѣсколько комнатъ фресками на сюжеты изъ Данте, Тассо и Аріоста; они работали въ натянутомъ древнемъ стилѣ и безъ достаточной техники, такъ какъ фресковая живопись была забыта уже поколѣніе назадъ. Главою романтическихъ сецессіонистовъ или „назареевъ" былъ Фридрихъ Оффербеккъ (1789—1869); среди болѣе выдающихся изъ его товарищей слѣдуетъ назвать Филиппа Фейта (1793—1877), Фридриха Вильгельма фонъ Шадова (1789—1862), Петра фонъ Корнеліуса (1783—1867), Юліуса Шнорра фонъ Карольсфельда (1794—1872), Іозефа фонъ Фюриха (1800—1876) и Эдуарда Штейнле (1810—1886); всѣ они были католики отъ рожденія или перешли въ католичество, жили долго и оказывали большое вліяніе, поселившись въ различныхъ центрахъ. Оффербекъ большею частью пребывалъ въ Римѣ. Въ общемъ, его циклы раскрашенныхъ рисунковъ лучше его картинъ. Однако, и среди послѣднихъ есть глубокомысленныя произведенія, напр., „Магнификатъ искусствъ" и полныя цѣломудренной граціи изображенія святыхъ, которыя сдѣлались образцами для всѣхъ подобнаго рода изображеній. Фейтъ подвизался въ качествѣ директора и учителя Штедельскаго ин-

ститута во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ жилъ также его зять Штейнле, который имѣлъ склонность къ экскурсіямъ въ свѣтскую область. Вильгельмъ Шадовъ, обладавшій педагогическими наклонностями, былъ профессоромъ въ Берлинѣ, а съ 1826 г. директоромъ дюссельдорфской академіи, которая при немъ достигла всемірной извѣстности. Шноррь десять лѣтъ работалъ на Людвига I, расписалъ стѣны мюнхенскаго королевскаго двоца фресками изъ Нибелунговъ и стѣны залы фресками императоровъ; въ 1846 г. онъ взялъ на себя руководительство дрезденской академіей художествъ. Правдивый иллюстраторъ религіозной жизни, самый набожный, разсудительный и простодушный изъ назареевъ, Фюрихъ былъ въ то же время ихъ лучшимъ рисовальщикомъ; постояннымъ мѣстопребываніемъ онъ выбралъ себѣ Вѣну, гдѣ ему представился случай заняться стѣнной живописью. Лучшими его произведеніями являются циклы рисунковъ и масляныя картины въ мягкихъ тонахъ.

Когда Корнеліусъ прибылъ въ Италію и присоединился къ назареямъ, онъ уже привезъ съ собою начатый циклъ рисунковъ къ „Фаусту“ Гёте. Это произведеніе, даже въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя были исполнены на Тибрѣ, дышетъ духомъ Дюрера и рѣзчиковъ 16 вѣка. То же относится и къ слѣдовавшему непосредственно за нимъ циклу Нибелунговъ. Эта теперь уже исчерпанная область тогда была еще непочатымъ краемъ. Строгіе назареи уже въ Римѣ порицали Корнеліуса за его классическія наклонности. Исполненіе стѣнной живописи въ мюнхенской Глиптотекѣ дало ему возможность вполнѣ проявить свой классицизмъ. Здѣсь и въ церкви Людвига онъ обнаружилъ то, что ему въ глаза говорилъ его покровитель Людвигъ I, именно, что онъ, знаменитѣйшій живописецъ Германіи, не умѣетъ писать. Только его картоны показываютъ, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ могъ бы стать. Не сумѣвъ утвердиться ни въ Дюссельдорфѣ (1819—1825), ни въ Мюнхенѣ (1825—1841), Корнеліусъ перенесъ поле своей дѣятельности въ еще болѣе неудобный Берлинъ, куда его пригласилъ по собственной иниціативѣ романтически настроенный Фридрихъ Вильгельмъ IV. Главное произведеніе его берлинскаго періода — картоны для оставшагося лишь въ проектѣ Кампо Санто — висятъ въ комнатахъ Національной галлереи, куда публика не заходитъ. Корнеліусъ пропиталъ философскими идеями въ Мюнхенѣ греческую, а въ Берлинѣ христіанскую миѳологію. Когда Шеллингъ излагалъ философію откровенія, Корнеліусъ дѣлалъ то же на свой ладъ.

β) Дюссельдорфцы.

Въ Дюссельдорфѣ и Мюнхенѣ послѣ отъѣзда Корнеліуса пробило себѣ дорогу искусство для публики, успѣхъ котораго побуждалъ дѣятельнѣйшихъ художниковъ спускаться все глубже и глубже. Шадовъ, директоръ Дюссельдорфской академіи, не могъ добыть достаточно заказовъ на монументальныя работы для своихъ учениковъ; поэтому онъ старался при помощи созданнаго по его иниціативѣ перваго нѣмецкаго союза художниковъ Рейнской области и Вестфаліи (1829 г.) — устраивать выставки, для продажи картинъ и получать заказы на копіи. Примѣръ былъ заразителенъ. Самъ Шадовъ твердо держался своихъ идеаловъ и, идя противъ теченія, сдѣлался подъ конецъ большимъ назареемъ, чѣмъ былъ въ юности въ Римѣ; но воспитанная имъ толпа художниковъ заигрывала съ многоголовой толпой цѣнителей, которая желала видѣть свои чувства и мысли представленными подобающимъ образомъ. Романтика усвоила особый дюссельдорфскій покрой и въ этой формѣ сдѣлалась модной; это была плаксивая, расплывчатая, лишенная индивидуальности, пошлая прилизанная романтика, съ рыцарями, разбойниками и монастырями. Однако, въ пейзажѣ и въ жанрѣ пробило себѣ дорогу направленіе,

которое стремилось къ заботливому и точному воспроизведенію видѣннаго, напирая на характерность сюжета и технику; ему второе поколѣніе дюссельдорфцевъ обязано своей славой. Среди перваго сантиментально-романтическаго поколѣнія больше всѣхъ выдѣлялся Карлъ Фридрихъ Лессингъ (1808—1880), двоюродный племянникъ поэта. Онъ такъ же началъ съ трогательныхъ историй вродѣ „Королевской четы въ трауръ", „Разбойникъ и его сынъ", но въ своихъ пейзажахъ и въ своихъ противокатолическихъ тенденціозныхъ картинахъ онъ обнаружилъ мужество и отвагу, какихъ недоставало его товарищамъ. Однако, несмотря на всѣ достоинства натуральныхъ полныхъ настроенія лессинговскихъ видовъ Эйфеля, романтически настроенные современники настоящимъ витяземъ дюссельдорфской пейзажной живописи почитали Іоганна Вильгельма Ширмера (1807—1863); послѣдній началъ съ реализма, но затѣмъ перешелъ къ стилизованному пейзажу на итальянскіе мотивы, съ историческими, особенно же библейскими аксессуарами, въ густыхъ хорошо подобранныхъ тонахъ. Изъ его учениковъ самымъ выдающимся былъ Генрихъ Францъ Дреберъ (1822—1875). Своимъ собственнымъ путемъ пошла знаменитая дюссельдорфская жанровая живопись. Въ юмористической живописи стремились къ общепонятности симпатичный Адольфъ Шредтеръ (1805—1875), забавный Іоганнъ Петеръ Газенъ Клеферъ (1810—1853) и Фридрихъ Гиддеманнъ (1829—1892), а также слезливый Карлъ Гюбнеръ (1814—1879). Съ Якобомъ Беккеромъ (1810—1872) и Рудольфомъ Іорданомъ (1810—1887) получилъ доступъ въ академію и на рынокъ жанръ изъ крестьянской жизни.

Чѣмъ второе, вымирающее, и третье, еще живущее, поколѣніе дюссельдорфскихъ живописцевъ превосходило первое, такъ это болѣе высокой техникой, болѣе широкимъ кругозоромъ и болѣе сильнымъ темпераментомъ. Художники опять пошли въ ученье къ мертвымъ древнимъ, учились примѣнять забытые пріемы и смотрѣть глазами прошлаго. Они прилежнѣе посѣщали Парижъ, чѣмъ то дѣлалось въ эпоху непосредственно послѣ Давида. Вообще, они путешествовали по свѣту, который сталъ доступнѣе благодаря силѣ пара, и наполняли такимъ образомъ свои папки. Кромѣ того имъ довелось жить въ замѣчательную во всѣхъ отношеніяхъ вторую половину 19-го вѣка.

Болѣе новое поколѣніе дюссельдорфскихъ историческихъ живописцевъ не стоитъ ни въ какой связи съ Шадовымъ и его учениками. Только Германъ Вислиценусъ (1825—1899) примыкалъ къ предшественникамъ. Съ Эдуарда фонъ Гебгарда (род. 1838 г.) началось направленіе, стоящее совершенно въ сторонѣ отъ школьной традиціи. Гебгардтъ воспитался на нидерландскихъ и нѣмецкихъ мастерахъ 15-го и 16-го вѣковъ; имѣя въ виду органически развить дальше германское искусство, развитіе котораго внезапно прервалось въ вѣкъ Реформаціи, онъ написалъ цѣлый рядъ картинъ изъ Новаго Завѣта, проникнутыхъ протестантскимъ настроеніемъ; картины эти, такъ же какъ и историческія картины Гебгардта, переносятъ насъ въ эпоху Лютера и Гольбейна. Кромѣ Гебгардта и Альберта Баура (род. 1835 г.) исторической и монументальной живописью занимаются Петеръ Янсенъ (род. 1844 г.), Фритцъ Реберъ (род. 1851 г.) и Гуго Фогель (род. 1855 г.). Дюссельдорфскую особенность представляютъ живописцы, изображавшіе сраженія и солдатъ; вся всемірная исторія даетъ имъ сюжеты, а тутъ еще кстати подвернулась великая эпоха 1864—1871 годовъ. Превосходно писавшій всадниковъ Вильгельмъ Кампгаузенъ (1818—1885), Христіанъ Зелль (1831—1883), Луи Коллицъ (род. 1845 г.) и Теодоръ Рохолль (род. 1854 г.) могутъ быть поставлены рядомъ съ берлинскими баталистами.

Дюссельдорфскіе пейзажисты второго поколѣнія пріобрѣли міровую извѣстность; таковы особенно братья Ахенбаха, Андреасъ (род. 1815 г.) и Освальдъ (1827—1905). Черезчуръ плодовитый Андреасъ предпочиталъ

драматически подвижное: волнующееся море, бурю, дикія горныя картины и т. п. эксцессы природы, свидѣтельствуя тѣмъ, что вышелъ изъ романтики. Болѣе спокойный Освальдъ, картины котораго очень богаты красочными и свѣтовыми эффектами, заимствовалъ свои мотивы изъ неисчерпаемой Италіи, откуда классики взяли лишь стильныя отвлеченныя линіи. Альпійскіе пейзажисты: Августъ Леу (1819—1897), графъ Станиславъ Калькрейтъ (1820—1894) и Вильгельмъ Рифсталь (1827—1888), при выборѣ сюжетовъ руководились еще духомъ романтической школы. Лишь постепенно художники стали браться за близкое, простое и интимное; большинство еще считало такія темы непоэтичными, нехудожественными, непривлекательными. Онѣмечившійся норвежецъ Гансъ Гуде (1825—1903) изображалъ тихую интимную прелесть своей родины и другихъ странъ; особенно удивительнаго мастерства онъ достигъ въ изображеніи свѣта на зеркальной поверхности воды. Нѣжные пейзажи Валентина Рута (род. 1825 г.), Карла Ирмера (1834—1900) и охотничьи картины Христіана Кренера (род. 1838 г.) уже не гонятся за шумомъ и экзотичностью.

Дюссельдорфскіе жанристы соперничали съ пейзажистами въ извѣстности. Людвигъ Кнаусъ (1825—1900), самый знаменитый изъ нихъ, за восьмилѣтнее пребываніе въ Парижѣ пріобрѣлъ небывалую виртуозность въ живописи; какъ на Сенѣ, такъ и позднѣе на Шпре онъ оставался вѣрнымъ питомцемъ мѣста своего первоначальнаго обученія. Своими сюжетами, чистотою работы, своимъ юморомъ и праздничнымъ настроеніемъ онъ пріобрѣлъ благосклонность массы, которая ничего не понимала въ тонкостяхъ его кисти. Уроженецъ Ваадта Бенжаменъ Вотье (1829—1898), совершенно превратившійся въ дюссельдорфца, рисовалъ картины изъ народной жизни, не дѣлая, однако, уступокъ дурному тону. У Христіана Людвига Бокельмана (1844—1894) обнаруживается уже характерное для болѣе поздняго времени серьезное отношеніе къ низшимъ слоямъ народа; у Фердинанда Брютта (род. 1849 г.) уже совершенно незамѣтно тона покровительственнаго доброжелательства въ отношеніи къ нимъ.

γ) Ретель, Рихтеръ и Швиндъ.

Когда назареи и корнеліанцы бились надъ монументальнымъ историческимъ стилемъ, одинъ художникъ, близкій къ ихъ кружку черезъ своего учителя Фейта, своими собственными силами приблизился къ искомому идеалу; это былъ Альфредъ Ретель (1816—1859 гг.), безвременно угасшій геній (сошелъ съ ума). Изъ восьми картинъ изъ исторіи Карла Великаго, заказанныхъ для залы Аахенской ратуши, онъ успѣлъ выполнить самъ только четыре. „Такъ же величественны и богаты фантазіей, силой и движеніемъ его „Танецъ мертвыхъ“ и „Походъ Ганнибала“.

Совершенно въ другомъ родѣ разрабатывалъ романтику дрезденецъ Адріанъ Людвигъ Рихтеръ (1803—1884 гг.). Когда дюссельдорфцы достигли первыхъ своихъ успѣховъ въ не монументальныхъ родахъ живописи, въ пейзажѣ и жанрѣ, Рихтеръ съ своей буржуазной романтикой нашелъ дорогу къ широкимъ слоямъ неиспорченнаго, нечувствительнаго къ монументальному искусству народа; особенно повезло ему, когда онъ бросилъ никогда вполнѣ ему не дававшуюся кисть и выбралъ въ качествѣ своего главнаго орудія карандашъ. Отъ стильнаго пейзажа онъ перешелъ къ изображенію красотъ родной природы; благодаря романтической обстановкѣ у него развилась наклонность къ иллюстрированію поэтовъ и къ изображеніямъ современной и недавней жизни со всѣми ея семейными, мелко буржуазными, неуклюжими и забавными прелестями. Рихтеръ изображалъ счастье въ уголкѣ.

Никто, однако, не понималъ чарующей прелести романтики лучше, чѣмъ вѣнецъ Морицъ фонъ Швиндъ (1804—1871); онъ былъ почти тѣмъ

же въ живописи, чѣмъ въ вокальной музыкѣ его другъ и соотечественникъ Францъ Шубертъ. Хотя у него есть и превосходныя фрески, все-таки монументальное искусство и масляныя картины не были его настоящей сферой; Швиндъ, единственный, несравненный, живетъ въ своихъ частью некрашенныхъ, частью просто наведенныхъ акварелью рисункахъ, особенно въ циклахъ рисунковъ къ сказкамъ: „О семи воронахъ", о „Замарашкѣ" и „О прекрасной Мелузинѣ".

д) Мюнхенская живопись.

Когда Корнеліусъ прибылъ въ Мюнхенъ, директоръ академіи Лянгеръ, родившійся еще въ вѣкъ париковъ, только что далъ свое благословеніе современному направленію. Къ его ученикамъ принадлежали братья Гессъ: баталистъ Петеръ (1791—872) и историческій живописецъ Генрихъ Гессъ (1798—1863). Кромѣ нихъ въ кругъ старыхъ мюнхенскихъ художниковъ входили пейзажистъ Вильгельмъ фонъ Кобелль (1766—1855), живописецъ животныхъ Альбрехтъ Адамъ (1786—1862), сынъ котораго Францъ (1815—1886) поддержалъ семейную славу въ качествѣ баталиста, а внукъ Юлій (род. 1851 г.) въ качествѣ спеціалиста по изображенію кошекъ; далѣе жанристъ Генрихъ Бюркель (1802—1869), портретистъ Іозефъ Штилеръ (1781—1851), ученикъ котораго Францъ Ксаферъ Винтергальтеръ (1806—1873) въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій занималъ постъ интернаціональнаго придворнаго живописца, и многіе другіе.

Но славу Мюнхена создали не они, а корнеліанцы. Вильгельмъ Каульбахъ (1805—1876) былъ ученикомъ и помощникомъ Корнеліуса, но очень рано простился съ своимъ учителемъ. Его звѣзда взошла съ появленіемъ его картона „Битва гунновъ" (1834 г.), и было время, когда его считали величайшимъ представителемъ образовательныхъ искусствъ въ Германіи. Его историко-философскія фрески на лѣстницѣ берлинскаго Новаго музея и другія историческія картины встрѣтили радушный пріемъ; картины эти, такъ же какъ его „Рейнеке Лисъ" и „Женскіе типы Гёте", имѣлись въ хорошихъ снимкахъ у всѣхъ, считавшихъ себя образованными. Какъ дѣтища историческаго, философскаго и литературнаго вѣка, картины эти пали жертвою измѣнившейся эпохи; Каульбахъ впалъ въ немилость у научно образованнаго, враждебнаго традиціи, самостоятельнаго поколѣнія, которое понимало только то, что есть, а изъ кажущагося лишь то, что грезилось ему самому. Нѣкогда Каульбахъ осыпалъ въ стѣнахъ новой пинакотеки насмѣшками и презрѣніемъ своихъ собратьевъ по искусству; и эхо этого презрѣнія откликнулось съ удвоенной силою надъ его могилою.

Впрочемъ, еще при жизни творца „Битвы гунновъ" скипетръ историческаго живописца и учителя искусствъ былъ отнятъ изъ его рукъ Карломъ Теодоромъ фонъ Пилоти (1826—1886). Пилоти былъ ученикомъ Корнеліанской мюнхенской академіи; однако, онъ пошелъ по собственному пути, указанному ему впечатлѣніемъ, какое производила на всю Европу бельгійская и французская живопись съ Галле и Делярошемъ во главѣ около середины 19-го вѣка. Съ какимъ восторгомъ встрѣчали картины Пилоти! Теперь онѣ считаются „масляными и грязными", его фигуры — театральными, головы — лишенными выраженія, обстановка — докучливой, свѣтовые эффекты — искусственными, рисунокъ — небрежнымъ; однимъ словомъ, все считается поверхностнымъ, противнымъ и шаблоннымъ. Едва ли лучше относятся къ самымъ виднымъ изъ его учениковъ, хотя нѣкоторые изъ послѣднихъ еще живы и работаютъ. Этими учениками были: Бернардъ Плокгорстъ (род. 1825 г.), Францъ Дефреггеръ (род. 1835 г.), Маттіасъ Шмидъ (род. 1835 г.), Францъ фонъ Ленбахъ (1836—1904), Вильгельмъ Діецъ (род. 1839 г.), Александръ Лиценъ-Мейеръ (1839—1898), Габріель

Максъ (род. 1840 г.), Гансъ Макартъ (1840—1884), Эдуардъ Курцбауэръ (1840—1879), Николяусъ Гизисъ (род. 1842 г.), Вильгельмъ Лейбль (1844—1900), Германъ Каульбахъ (род. 1846 г.), Эдуардъ Грютцнеръ (род. 1846 г.), и т. д. Всѣхъ ихъ систематически травили и оплевывали; если молодые порицатели признавали талантъ за кѣмъ-нибудь изъ нихъ, какъ, напр., за Лейблемъ, то тѣмъ упорнѣе нападали на него раздраженные старики. Школа Пилоти цѣликомъ стоитъ еще на почвѣ историзма. При этомъ она питается уже не средними вѣками, а пышными картинами высокаго возрожденія и барокко, смотритъ на настоящее глазами старыхъ мастеровъ и усвоила себѣ ихъ краски, въ особенности прекрасный ровный галлерейный тонъ. Во всякомъ случаѣ она пишетъ вещи, которыя можно и слѣдуетъ писать. Макартъ сочиняетъ поэмы въ краскахъ, полныя декоративной торжественности, отзывающіяся возрожденіемъ, Тиціаномъ, Тіеполо и Рубенсомъ, проникнутыя чувственностью. Напротивъ Максъ, Бабріель плѣняетъ истерически нѣжной лирикой на полотнѣ, полной музыкальнаго настроенія и гипнотизирующей; если онъ не въ духѣ, то онъ пишетъ каррикатурныя изображенія обезьянъ. Дефреггеръ и Шмидъ, пользуясь методами большихъ историческихъ картинъ, но въ меньшемъ масштабѣ, изображаютъ исторію своего родного Тироля; даже фигурамъ своихъ неисторическихъ жанровыхъ картинъ они сообщаютъ героическія черты. Подобнымъ же образомъ подъ кистью Ленбаха изображенія знаменитыхъ или просто замѣчательныхъ современниковъ раздуваются въ историческія картины: пара глазъ, голова на темномъ фонѣ, чуть намѣченныя позы, одежда; вездѣ видна техника первоклассныхъ художниковъ прошедшаго; никто не умѣлъ лучше Ленбаха копировать послѣднихъ. Изъ школы Пилоти вышелъ также юмористъ Адольфъ Оберлендеръ (род. 1845 г.), одинъ изъ многочисленныхъ членовъ генеральнаго штаба „Fliegende Blätter“ (основан. въ 1845), въ которыхъ принимали участіе еще Каульбахъ и Швиндъ. У Линденшмита учился Эдмундъ Гарбургеръ (1846—1906), у Діеца — Лотаръ Меггендорферъ (род. 1847 г.), у Пиглейна — Рене Рейникке (род. 1860 г.). Мюнхенъ и „Fliegende Blätter“ породили также Вильгельма Буша (род. 1833 г.), самаго популярнаго нѣмецкаго каррикатуриста и юмористическаго поэта.

На ряду съ Пилоти въ мюнхенской академіи учили историческій живописецъ Вильгельмъ фонъ Линденшмитъ (1829—1895), салонный живописецъ Артуръ фонъ Рамбергъ (1819—1875), любимые иллюстраторы, Августъ фонъ Крелингъ (1819—1876), директоръ мюнхенской художественной школы, и живописецъ-граверъ Эвгенъ Неврейтеръ (1806—1882). Сюжеты картинъ Виктора Мюллера (1829—1871), ученика Кутюра, были также внушены литературой.

Послѣ смерти Пилоти наиболѣе вліятельными учителями были Вильгельмъ Діецъ (1840—1907), виртуозъ историческаго жанра, и Людвигъ фонъ Лёффтцъ (род. 1845 г.). Молодое поколѣніе справилось съ наслѣдственнымъ порокомъ нѣмецкаго искусства — неумѣніемъ писать; оно писало съ тою непринужденностью и съ тѣмъ свободнымъ мастерствомъ, которое знали и которому учили великія эпохи живописи. Когда было покончено съ вопросомъ, какъ писать, на сцену выступилъ вопросъ, что̀ писать, такъ какъ старые идеалы утратили свою цѣнность. Но скоро вопросъ о томъ, какъ писать, снова былъ поднятъ благодаря натуралистамъ, живописцамъ свободнаго свѣта и импрессіонистамъ, за которыми серьезный художникъ не можетъ не признать нѣкоторой правоты. Типическими представителями этого переходного времени являются: любимецъ женщинъ Фрицъ Августъ Каульбахъ (род. 1850 г.)., Альбертъ фонъ Келлеръ (род. 1845 г.), стоявшій во главѣ мюнхенскаго сецессіонизма и, подобно Гуго фонъ Габерманну (род. 1849 г.), блестящій изобразитель плѣнительности свѣтскихъ дамъ, Фердинандъ Келлеръ (род. 1842 г.), уроженецъ Карлсруэ, Бруно Пиглейнъ (1848—1894), живописецъ животныхъ Германъ Цюгель (род. 1850 г.),

жанристы Клаусъ Мейеръ (род. 1854 г.), Эрнстъ Циммерманъ (род. 1852 г.), и т. д.

Мюнхенская пейзажная живопись самостоятельно выучилась смотрѣть на природу безъ классическихъ и романтическихъ предразсудковъ. Христіанъ Моргенштернъ (1805—1867) писалъ „неизящныя“ окрестности Мюнхена еще тогда, когда роттманновскій классицизмъ и романтика, представленные братьями Альбертомъ и Рихардомъ Циммерманами (1808—1888 гг. и 1820—1875 гг.), задавали тонъ въ пейзажной живописи. Карлъ Шпитцвегъ (1808—1885) и Эдуардъ Шлейхъ-старшій (1812—1874) показали свѣтовыя и атмосферныя красоты окутаннаго влажнымъ туманомъ баварскаго плоскогорья. Въ такомъ же направленіи работалъ надъ пейзажнымъ фономъ своихъ изображеній животныхъ Фридрихъ Фольтцъ (1817—1876). Адольфъ Лиръ (1826—1882) пересадилъ paysage intime изъ Фонтенебло въ окрестности Мюнхена. Въ его направленіи работаютъ Людвигъ Вилльройдеръ (род. 1845 г.), Іозефъ Венглейнъ (род. 1845), Германъ Байшъ (1846—1894), Густавъ Шёнлеберъ (род. 1852 г.), Фридрихъ Калльморгенъ (род. 1856 г.), и Отто Рейнигеръ (род. 1863); Людвигъ Дилль (род. 1846 г.) основалъ общество живописцевъ въ Дахау.

ε) Берлинская живопись.

Полный и принципіальный разрывъ съ исторической и эклектической живописью исходилъ въ Германіи не изъ Дюссельдорфа и не изъ Мюнхена. Когда наступило время, мощно пробила себѣ путь англо-французская живопись яркости, свободнаго свѣта и импрессіи, и почва для нея всего лучше была подготовлена въ Берлинѣ. Въ городѣ Готтфрида Шадова даже при господствѣ классицизма и романтики существовали неисправимые реалисты, которые упрямо рисовали дѣйствительность въ томъ видѣ, какъ они ее видѣли. Даже воспитанный при Давидѣ и Гросѣ Карлъ Вильгельмъ Вахъ (1787—1845) занимался изученіемъ естествознанія; то же самое дѣлалъ Карлъ Бегасъ (1794—1854). Силою реализма обоихъ превосходилъ Францъ Крюгеръ (1797—1857), писавшій лошадей, парады и портреты. Однакоже, казалось, что берлинской живописи не было суждено пріобрѣсти оригинальности даже въ такой мѣрѣ, какъ мюнхенской. Уже въ 30-хъ и 40-хъ годахъ берлинская живопись потеряла свою индивидуальность, примкнувъ къ дюссельдорфцамъ и бельгійцамъ. За Эдуардомъ Писторіусомъ (1796—1862), Эдуардомъ Магнусомъ (1799—1872), Теодоромъ Гоземанномъ (1807—1875), Іоганномъ Георгомъ Мейеромъ изъ Бремена (1813—1886), Фридрихомъ Эдуардомъ Мейергеймомъ (1808—1879), Юліусомъ Шрадеромъ (1815—1900), Георгомъ Блейбтреу (1828—1892), слѣдовало поколѣніе, которое считаетъ необходимымъ паломничество въ парижскія мастерскія, соединяя съ нимъ еще экскурсію въ Антверпенъ. „Никогда, — говоритъ Корнеліусъ Гурлиттъ, — ни въ 17-мъ, ни въ 18-мъ вѣкѣ, парижскій вкусъ не господствовалъ въ Германіи такъ, какъ въ то время, когда должна была прославляться побѣда нѣмецкаго оружія надъ Франціей. Главными именами этой эпохи, предшествовавшей и одновременной натуралистически-импрессіонистскому грѣхопаденію, являются: Адольфъ Эйбель (1808—1882), Карлъ Штеффекъ (1818—1890), Отто Гейденъ (1820—1897), Карлъ Беккеръ (1820—1900), Вильгельмъ Гентцъ (1822—1890), Густавъ Рихтеръ (1823—1884), Людвигъ Бургеръ (1825—1884), Рудольфъ фонъ Геннебергъ (1825—1876), Августъ фонъ Гейденъ (1827—1867), Густавъ Шпангенбергъ (1828—1891), графъ Фердинандъ фонъ Гаррахъ (род. 1832 г.), Отто Книлле (род. 1832 г.), Эрнстъ Гильдебрантъ (род. 1833 г.), Пауль Туманнъ (род. 1834 г.), Пауль Мейергеймъ (род. 1842 г.), Карлъ Гуссовъ (1843—1907), Натаніель Зихель (род. 1844 г.), и т. д. Эдуардъ Гильдебрандтъ (1818—1868) развилъ свой талантъ колориста во Франціи. Онъ и оріенталистъ Карлъ Вернеръ (1808—1894), были главными представителями экзотической пейзажной живописи; надъ ихъ картинами

нѣмецкіе сотоварищи скептически покачивали головами, такъ какъ въ своихъ мастерскихъ они не видали такого чудеснаго свѣта и солнца. Антонъ фонъ Вернеръ (род. 1843 г.), бывшій съ 1875-го года директоромъ берлинской академіи художествъ, не былъ, вопреки его собственному о себѣ мнѣнію, такимъ человѣкомъ, который внесъ бы новую жизнь въ застоявшееся, берлинское искусство. Работы его, которыя онъ самъ считалъ за монументальныя, являются просто иллюстраціями, созданными только для даннаго момента; нельзя, впрочемъ, отрицать въ нихъ фактической точности и искуснаго построенія, обезпечивающаго имъ хорошій пріемъ. Берлину для своей монументальной живописи пришлось выписывать художниковъ изъ другихъ мѣстъ; такъ, были выписаны дюссельдорфецъ Фридрихъ Гезельшапъ (1835—1898, Залъ Славы) и дрезденецъ Германнъ Прелль (род. 1854 г.), самый любимый виртуозъ фресковой живописи на современныя темы; онъ, между прочимъ, украсилъ своими интересными картинами берлинскій Домъ Архитекторовъ.

Однако, и въ подражающемъ французамъ Берлинѣ приблизительно съ 1840 г. существовало самостоятельное искусство, прусское, нѣмецкое и индивидуальное: это было искусство Менцеля (1815—1905). Этотъ истинно историческій живописецъ карандашемъ, иглой, напослѣдокъ кистью въ сотняхъ картинъ и изящныхъ рисунковъ съ неумолимою правдивостью, съ массой энергіи въ исполненіи, на основаніи добросовѣстнаго изученія памятниковъ воскресилъ великую эпоху Фридриха II; его произведенія были утѣшеніемъ послѣ всей сантиментальной, театральной, безсодержательной, противной исторической истинѣ мазни, которая слыла исторической живописью. Затѣмъ онъ началъ заниматься современностью и воспроизводить ее въ своихъ живописныхъ произведеніяхъ, не поступаясь, однако, своими правилами; въ „Прокаткѣ желѣза“, первой картинѣ, изображающей работника за работой, онъ чисто фактически и конкретно воспроизвелъ дѣйствительность, безъ сантиментальности, остротъ и тенденціи. Менцель не создалъ школы въ обычномъ смыслѣ этого слова; его именемъ не прикрывается никакая клика; онъ не обращалъ вниманія на интриги и ссоры своихъ товарищей по профессіи. Несмотря на это, онъ пользуется высокимъ почетомъ.

ζ) Живопись свободнаго свѣта, сецессіонизмъ и неоидеализмъ.

Менцель и Лейбль являются истинными національными художниками Ходячіе роды живописи: живопись свободнаго свѣта и яркая живопись, старый и новый импрессіонизмъ, словомъ, всѣ мятежныя направленія, съ 80-хъ годовъ боровшіеся другъ съ другомъ за господство, являются, напротивъ, ввозными продуктами англо-французско-голландскаго происхожденія. Публика раздѣлилась на партіи, и художественной торговлѣ представился случай къ спекуляціи на почвѣ конкурренціи. Критика или насмѣхалась и бранилась, или, боясь оскандалиться, какъ въ случаѣ съ Вагнеромъ, не глядя ни на что, гналась за модой. Борьба между стариками и молодыми велась не только изъ-за идеальныхъ, но и изъ-за реальныхъ благъ, напр., изъ-за выставокъ и изъ-за справедливаго размѣщенія картинъ на послѣднихъ; поэтому новаторы отдѣлились отъ существующихъ художественныхъ обществъ и образовали особые союзы, получившіе названіе сецессій; сецессіи образовались въ 1893 г. въ Мюнхенѣ и Дрезденѣ, въ 1895 въ Карльсруэ, въ 1897 въ Вѣнѣ, въ 1898 въ Берлинѣ, въ 1899 въ Штуттгартѣ.

Первымъ, кто послѣдовательно работалъ надъ ввезенною изъ-за границы живописью свободнаго свѣта и натуралистическимъ воспроизведеніемъ самыхъ противныхъ для зрителей сюжетовъ, былъ берлинецъ Максъ Либерманнъ (род. въ 1847). Не всѣ натуралисты и импрессіонисты могли,

конечно, такъ огорашивать своихъ ближнихъ, какъ богатый Либерманнъ. Рядомъ съ авторомъ „Чинильщицы сѣтей", „Мюнхенскаго пивного сада", „Свиного хлѣва", „Человѣка съ корзинкой", Францъ Скарбина (род. 1849 г.) кинулся изображать берлинскую столичную жизнь и столичную женщину; онъ поразительно владѣлъ техникой. Къ числу импрессіонистовъ съ французско-голландскимъ образованіемъ, но въ отечествѣ вернувшихъ себѣ самостоятельность, слѣдуетъ отнести также Готтарда Кюля (род. 1850 г.), который теперь живетъ въ Дрезденѣ. Основатель сецессій въ Карльсруэ и Штутгартѣ графъ Леопольдъ фонъ Калькрейтъ (род. 1855 г.) стоялъ на мѣстной почвѣ, какъ въ своихъ изображеніяхъ крестьянъ во весь ростъ, такъ и въ своихъ пейзажахъ и портретахъ. Въ Парижѣ и Амстердамѣ учился также бывшій ротмистръ гвардіи Фрицъ (Германнъ Карлъ) фонъ Уде (род. 1848 г.). Картиною „Не мѣшайте дѣтямъ подходить ко мнѣ!" онъ началъ рядъ своихъ религіозныхъ картинъ, въ которыхъ онъ превзошелъ Гебгардта (стр. 80) въ презрѣніи къ традиціонному, пристойному и исторически вѣрному; онъ помолодилъ Спасителя на 2000 лѣтъ, перенеся его въ среду современныхъ нищихъ духомъ и тѣломъ. Вальтеръ Фирле (род. 1859 г.) также удачно работалъ надъ сюжетами изъ священнаго писанія, но въ покладистомъ компромиссномъ направленіи; Луи Коринтъ (род. 1858 г., „Распятіе") соединилъ суровость древнихъ германцевъ съ подчеркнутымъ натурализмомъ самаго новаго времени; въ этомъ его превзошелъ Максъ Слефогтъ (род. 1868 г.). Карлъ Марръ (1858 г.), картины котораго: „Бичующіеся" и „Лѣтомъ послѣ полудня" представляютъ примѣры перехода отъ галлерейнаго тона къ живописи на открытомъ воздухѣ, въ своей „Мадоннѣ" стремился примѣнить новое искусство къ старымъ общехристіанскимъ чувствованіямъ.

Но ни туземная, ни иностранная реалистическая живопись, ни подогрѣваніе старыхъ традиціонныхъ чувствованій не могли удовлетворить художественныхъ потребностей народной души. Стремленіе къ идеальному искусству оставалось. Это стремленіе могло быть удовлетворено только оригинальными личностями, которыя спокойно держались въ сторонѣ отъ большой дороги, уйдя отъ шума конкурренціи. Ансельмъ Фейербахъ (1829—1880) одинъ изъ первыхъ искалъ страны грезъ въ собственной душѣ; для него такою страною была еще страна грековъ; онъ бѣжалъ изъ своей нѣмецкой среды въ священную тишину Вѣчнаго города; здѣсь онъ изъ глубинъ собственнаго духа создалъ родъ искусства, который, несмотря на свою эллинистическую внѣшность является неподражаемымъ. Форма, фигура, группа, фабула были для него лишь изображеніемъ чего-то духовнаго, возвышеннаго настроенія, сообщаемаго при посредствѣ картины зрителю. Стремясь къ гармоніи подвижныхъ фигуръ въ состояніи наивысшаго страстнаго напряженія („Битва Амазонокъ", „Паденіе титановъ"), этотъ нѣжный, глубокій, но не титанически сложенный художникъ истощилъ свои силы.

Если въ многихъ законченныхъ художественныхъ произведеніяхъ Фейербаха силы его соотвѣтствовали его замысламъ, то Гансъ фонъ Маресъ (1837—1887 г.), обладая не менѣе высокими стремленіями, въ теченіе всей жизни не закончилъ ни одной работы соотвѣтственно своему плану. Несмотря на это, благодаря своей ораторской силѣ и убѣжденности, онъ пріобрѣлъ довольно прочный авторитетъ. Его эскизы въ краскахъ, большею частью, изображаютъ голыя человѣческія тѣла идеальной формы на идеальномъ фонѣ, обработанномъ въ видѣ пейзажа. Карлъ Штауферъ Бернъ (1857—1891) принадлежалъ также къ числу тѣхъ иниціаторовъ, дѣла которыхъ отставали отъ ихъ воли и знанія. Однако онъ создалъ кое-что выдающееся въ портретной живописи; кромѣ того онъ опять примѣнилъ гравировальную иглу къ собственноручному изображенію вымысловъ собственной фантазіи.

Базелецъ Арнольдъ Беклинъ (1827—1901), которому было предназначено закрѣпить творчески то, что у недостаточно одаренныхъ гибло на пути отъ мысли къ исполненію, не обладалъ ни медоточивыми устами, ни краснорѣчивымъ перомъ. Воспитаніе учениковъ также не было его дѣломъ. Онъ вышелъ изъ школы Ширмера и занимался сначала исторической пейзажной живописью. Онъ оживляетъ картину идеальными фигурами, которыя оказываютъ идеализирующее дѣйствіе на природу; такимъ путемъ получаются удивительныя произведенія; въ нихъ свободно созданная природа помѣщается въ идеальномъ пространствѣ съ идеальными красками и идеальнымъ свѣтомъ; эта природа сливается съ свободно выдуманными образами и ихъ дѣйствіемъ въ одно цѣлое никогда не воспроизводившихся раньше, чисто духовныхъ настроеній. Самъ Бёклинъ, большею частью, не давалъ названій тому, что писалъ, а писалъ онъ то, что само просилось на полотно, стояло передъ нимъ и загораживало путь другимъ переполнявшимъ его образамъ; названія давали за него торговцы, критики, покупатели. Онъ писалъ плохо, если картина должна была непремѣнно изображать нѣчто (напр., аллегорію республики).

Второй великій живописецъ-фантазеръ Гансъ Тома (род. 1839 г.) во всѣхъ произведеніяхъ оставался болѣе близкимъ германскому духу, чѣмъ Бёклинъ, хотя живалъ и во Франціи, и въ Италіи. Тома не придерживался никакой изъ обычныхъ школъ: свой миѳологическій міръ онъ выдумываетъ изъ себя; но его пейзажъ и его краски кажутся намъ родными. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ занялся литографіей, рисунокъ у него преобладаетъ надъ колоритомъ. Эпическимъ и историческимъ живописцемъ Тома былъ такъ же мало, какъ и Бёклинъ. Ему остаются чужды чувства и страсти массъ, создающія историческую жизнь. Онъ творитъ изъ собственнаго духа для людей, способныхъ углубляться въ себя и въ родственную имъ природу. Сродни ему являются Карлъ Гайдеръ (род. 1846 г.) и Вильгельмъ Штейнгаузенъ (род. 1846 г.).

Кто чурался красокъ и вернулся къ линіи и формѣ, — что́ послѣ представителей живописи на открытомъ воздухѣ и фанатиковъ красокъ, у которыхъ все расплывается, было необходимо, — для тѣхъ ареной дѣятельности, кромѣ картоновъ, являлась скульптура. Къ послѣдней перешли Максъ Клингеръ (род. 1857 г.) и Францъ Штуккъ (род 1863 г.). Клингеръ началъ свою дѣятельность въ качествѣ „художника грифеля" и рисовальщика. Его фантазія, уравновѣшенная острымъ умомъ, требуетъ точности въ линіяхъ и идеяхъ. Его фигуры носятъ такой же характеръ стальной твердости, какъ и музыкальныя произведенія его любимаго музыканта Брама, съ которымъ онъ соперничаетъ въ чопорности и отсутствіи пріятности и граціи. Отъ рисунка чернымъ по бѣлому Клингеръ требовалъ и красочности олеографіи, и рельефности скульптурнаго произведенія. Но красочное чутье было у него такъ же слабо, какъ и аналогичное музыкальное чувство у Брама. Его колоссальныя картины занимаютъ промежуточное положеніе между иллюминированнымъ картономъ и барельефомъ. Еще шагъ и Клингеръ пришелъ къ Корнеліусу, къ искусству, въ которомъ художественная мысль соединяется съ неумѣніемъ писать. Тѣмъ лучше повинуется рѣзцу мастера камень, и даже холодныя краски на камнѣ лучше удаются ему, чѣмъ свѣтовая сила и глубина живописи. Францъ Штуккъ началъ также съ рисунковъ, но онъ лучше освоился съ живописью, чѣмъ Клингеръ; онъ создалъ новый міръ аллегорій. Эти аллегоріи являются странными, полными противорѣчій съ оттѣнкомъ извращенности, расплывчатыми произведеніями. Они изображаютъ демоническія примитивныя стремленія, разрушительныя силы, которыя господствуютъ надъ общей жизнью человѣчества, до всякой исторіи и внѣ послѣдней, причемъ выраженія и позы въ высшей степени сильно дѣйствуютъ на зрителя: таковы его „Грѣхъ", „Любовь", „Месть", „Порокъ", „Война", „Смерть". Даже въ оригиналахъ своихъ

портретовъ Штуккъ находитъ демоническое или скорѣе вкладываетъ его въ нихъ. Въ мелкой пластикѣ самаго послѣдняго періода своей дѣятельности онъ, напротивъ, оказывается очень невиннымъ, какъ въ тѣ времена, когда онъ дѣлалъ наброски для цѣлей прикладного искусства.

Но пѣсня краски и ея великолѣпія еще не была спѣта. Людвигъ фонъ Гофманнъ (род. 1861 г.) въ своихъ фантастическихъ пейзажахъ и картинахъ показалъ новые цвѣтовые аккорды. Вальтеръ Лейстиковъ (род. 1865 г.) придавалъ своимъ картинамъ мощный тонъ, но заимствовалъ свои сюжеты изъ дѣйствительной природы и все стилизовалъ ихъ, пока не нашелъ декоративнаго языка формъ, который окончательно сдѣлалъ изъ него художественнаго ремесленника. Юліусъ Экстеръ (род. 1863 г.) въ своихъ фантастическихъ картинахъ стоитъ на почвѣ французскаго импрессіонизма. Напротивъ, Саша Шнейдеръ (род. 1870 г.) въ своихъ богатыхъ рисункахъ, заполненныхъ нагими фигурами изъ первобытнаго міра, является, главнымъ образомъ картонистомъ. Какъ граверъ и, конечно, какъ рисовальщикъ, во главѣ нѣмецкихъ художниковъ стоитъ теперь Отто Грейнеръ (род. 1871 г.).

Подобно Тома, Кюлю и Лейстикову, множество художниковъ рылось порознь и вмѣстѣ на какомъ-нибудь одномъ опредѣленномъ кусочкѣ природы, стараясь извлечь изъ него все художественно цѣнное. Такъ, напр., Гансъ Ольде (род. 1855 г.) облюбовалъ себѣ Гольштинію, Пауль Шульце Наумбургъ (род. 1869 г.) — Тюрингенъ. Наибольшую извѣстность пріобрѣли ворпсведцы, которые съ 1889 г. жили въ деревнѣ Ворпсведе, близъ Бремена. Въ 1902 г. образовалась группа эльбійцевъ, преимущественно изъ учениковъ Кюля.

η) Живопись въ Австріи.

Въ австрійскомъ образовательномъ искусствѣ, какъ въ поэзіи и музыкѣ, всегда было нѣчто своеобразное, особенное. Это замѣтно уже во времена романскаго и готическаго стиля и особенно въ эпоху барокко. Стиль имперіи и бидермейерства здѣсь также не совсѣмъ таковы, какъ въ другихъ мѣстахъ: они тутъ вѣнскіе и аристократическіе; тонъ задаетъ еще высшее дворянство, которое толпится въ столицѣ вокругъ двора.

Правда, въ началѣ 19 вѣка австрійское и особенно вѣнское искусство обнаруживаетъ еще мало своеобразнаго. Оно страдаетъ классическимъ эклектизмомъ, и даже ввезенный изъ-за границы романтизмъ не хочетъ процвѣтать здѣсь. Это показываютъ картины Іоганна Шеффера фонъ Леонартсгоффа (1795—1822 гг.) и Людвига Фердинанда Шнорра фонъ Карольсфельда (1788—1853). Самые даровитые романтики — Швиндъ и Штейнле — въ молодые годы стремятся за границу. Только Фюрихъ (см. стр. 79) обосновывается въ католической Австріи и собираетъ вокругъ себя группу церковныхъ живописцевъ; къ ней принадлежатъ Леопольдъ Купельвизеръ (1796—1862), Карлъ Мадьера (1828—1875), Августъ Верндле фонъ Адельсфридъ (1829) и др.

Свое родное, вѣнское, сказывается впервые въ портретной живописи. Стекавшіяся во время эпохи конгрессовъ иностранныя силы: Лоренсъ, Изабей, Жераръ, Скіовани не могли придать туземному искусству международнаго характера. Въ лицѣ обоихъ Лямпи (отецъ 1751—1830, сынъ 1775—1837), Морица Михаэля Даффингера (1790—1849 гг.) и Петера Фенди (1796—1842) столица имѣла портретистовъ, которые усвоили себѣ чистую технику въ миніатюрной живописи и умѣли передавать типы своего вѣка съ точностью историковъ. Когда прошло время бидермейерства, большинство портретистовъ утратили это чутье дѣйствительности; они льстили, приглаживали, украшали, можетъ быть, для удовлетворенія тѣхъ, кто разсчитывалъ такимъ способомъ нѣсколько выиграть. Во главѣ этихъ портретистовъ-украшате-

лей стояли: Фридрихъ фонъ Амерлингъ (1803—1887), Францъ Штротцбергъ (1811—1889) и Георгъ Раабъ (1821—1885). Только литографщикъ Іозефъ Кригуберъ (1801—1876) оставилъ намъ характерно вѣрныя изображенія своихъ современниковъ 40-хъ—60-хъ годовъ.

Вполнѣ австрійскими и вѣрными духу времени являлись жанристы. Во главѣ ихъ стоялъ Іоганнъ Петеръ Крафтъ (1780—1856) съ своими словно живыми картинами „Разлука" и „Возвращеніе ополченца". Іозефъ Дангаузеръ (1805—1845) подъ вліяніемъ Уильки (стр. 58) выступалъ съ морализирующими картинами, которыя были современны, но не всегда могли быть названы вѣнскими. Фердинандъ Георгъ Вальдмюлеръ (1793—1886 гг.) отмѣчаетъ собою блестящій моментъ староавстрійскаго жанра. Онъ находилъ свои сюжеты въ мѣщанской и крестьянской жизни, въ Альпахъ и ихъ предгорьяхъ; пейзажъ стоитъ у него наравнѣ съ фигурами; онъ предпочиталъ пріятное, трогательное, занимательное и поучительное, но всегда былъ живописцемъ и притомъ однимъ изъ первыхъ живописцевъ свободнаго свѣта во то время, когда и самаго термина этого еще не существовало. Вкусамъ въ воспроизведеніи людей, животныхъ и пейзажей горныхъ областей лучше всего отвѣчалъ Фридрихъ Гауэрманнъ (1807—1862). Вообще, для поколѣнія, прошедшаго черезъ романтику, высокія горы представляли всю сущность прекраснаго въ природѣ; только отдѣльные художники, дожившіе до времени Франца-Іосифа, цѣнили и другую природу кромѣ альпійской; такимъ былъ прежде всего Рудольфъ фонъ Альтъ (1812—1905 гг.), гросмейстеръ акварельной и въ особенности вѣнской архитектурной живописи.

Когда изъ Праги въ Вѣну прибылъ корнеліанецъ Христіанъ Рубенъ (1805—1875 гг.) съ нѣсколькими учениками, въ Вѣнѣ выросло поколѣніе академическихъ историческихъ живописцевъ; постройки при расширеніи города давали имъ случай проявить себя. Но многіе изъ нихъ, несмотря на этотъ удобный случай и на свою работоспособность, ничѣмъ опредѣленнымъ себя не заявили. Только одинъ изъ вѣнскихъ историческихъ живописцевъ, Карлъ Раль (1812—1865 гг.), имѣлъ нѣчто свое и могъ образовать школу; рѣдкая степень цинизма побѣждала его идеализмъ и мятежные порывы. Изъ древне-греческой формы и венеціанскихъ красокъ онъ создалъ собственный стиль, который передалъ и другимъ. Полотна Раля уступали его смѣшанной живописи, которая частью осталась въ видѣ проектовъ, частью была выполнена имъ самимъ и его учениками.

Въ то время, когда ученики Раля: Августъ Эйзенменгеръ (род. 1830 г.), Іозефъ Гоффманнъ (1831—1903), Карлъ Лотцъ (род. 1833 г. работаетъ въ Будапештѣ), Эдуардъ Биттерлихтъ (1834—1872), Христіанъ Грипенкерль (род. 1839 г.) и др., претендовали на исключительное обладаніе каѳедрами и выставками, въ Вѣну прибыли Фейербахъ, Ленбахъ и Макартъ. Фейербахъ, человѣкъ съ тонкими нервами, чувствовалъ себя въ Вѣнѣ нехорошо и скоро покинулъ ее. Ленбахъ также оставался въ Вѣнѣ только два года (1872—1774). Макартъ пробылъ здѣсь съ 1869 г. до своей преждевременной кончины (1884 г.). До сихъ поръ на Дунаѣ поклонялись только виртуозамъ музыки и театра; Макартъ былъ первымъ и единственнымъ представителемъ образовательныхъ искусствъ, котораго единодушно почитали и вельможи, и низшіе слои общества. При немъ потускнѣли всѣ свѣтила. Даже Ганса Канона (настоящее имя его Страширипка, 1829—1885) едва замѣчали, какъ ни умѣлъ онъ выдвигать себя. Лишь немногіе превосходили Канона въ искусствѣ писать картины такъ, какъ будто онѣ вышли изъ-подъ кисти прославленныхъ исторіей мастеровъ живописи. Онъ украсилъ потолокъ вестибюля вѣнскаго Естественно-историческаго музея фресковой картиной „Круговоротъ жизни".

Въ музеѣ Исторіи искусствъ аналогичную работу выполнилъ ученикъ Пилоти, Михаэль Мункачи (настоящее имя Либъ, 1844—1900). Мункачи такъ же

какъ и Канопъ, боролся съ техникой, которая даже для менѣе значительныхъ художниковъ эпохи барокко была дѣтской игрой, и не могъ овладѣть ею. Мункачи жилъ тогда еще въ Парижѣ и отсюда разсылалъ свои картины по всему свѣту. Какъ было и съ Макартомъ, такое поведенiе не содѣйствовало ни успѣху картинъ, ни успѣху ихъ обладателя. Для вестибюля придворнаго музея эскизы были приготовлены также Макартомъ; но выполнить ихъ ему уже не пришлось. Задачу эту взяли на себя братья Густавъ (род. 1862 г.) и Эрнстъ (1864—1892) Климты и ихъ сотрудникъ Францъ Матчъ (род. 1861 г.). Этотъ тройственный союзъ, которому досталась кромѣ того значительная часть работы по украшенiю новаго городского театра, распался послѣ смерти Эрнста Климта. Матчъ до настоящаго времени остается любимымъ стѣннымъ живописцемъ; напротивъ, Густавъ Климтъ сдѣлался главою и передовымъ бойцомъ вѣнской сецессiи, на котораго всего сильнѣе нападаютъ.

Крупное историческое искусство, между тѣмъ, торжествовало и въ иноязычныхъ областяхъ монархiи, благодаря притоку силъ, дѣйствующихъ еще и теперь. Уже въ 60-хъ годахъ Артуръ Гроттгеръ (1837—1867) въ рядѣ тяжелыхъ картинъ воспѣлъ несчастiя своей польской родины. Противоположность этому нѣжному живописцу представляетъ мощный, кипящiй страстью, роскошью красокъ и изобилiемъ образовъ Янъ Матейко (1838—1893). Подобную же пару имѣли и чехи: это были Ярославъ Чермакъ (1831—1878), ученикъ Галле, панславистскiй фанатикъ, предпочитавшiй брать сюжеты изъ Черногорiи, и Венцель Брожикъ (1851—1899), который вначалѣ писалъ французскихъ крестьянъ, а затѣмъ по примѣру Мункачи началъ рисовать и разсылать по свѣту большiя картины. Постройка государственныхъ зданiй не прекращалось, поэтому и историческiе живописцы получали все новые заказы на изображенiя достопамятныхъ событiй, особенно въ Венгрiи, гдѣ Джула Бенчуръ (род. 1844 г.), вышедшiй изъ школы Пилоти, собралъ вокругъ себя множество достойныхъ силъ.

Поскольку историческiе живописцы направили свою дѣятельность всецѣло или же отчасти на портреты, они оставались въ соприкосновенiи съ современностью, съ запросами настоящаго, съ дѣйствительностью. Среди вѣнскихъ портретныхъ живописцевъ конца 19-го вѣка наибольшую извѣстность прiобрѣлъ Генрихъ фонъ Ангели (род. 1840), придворный живописецъ по преимуществу. Влiянiе Мюнхена и Парижа замѣтно было въ исторической живописи, а еще болѣе въ жанрѣ. Картины полярнаго путешественника Юлiуса фонъ Пайера (род. 1842 г. „Заливъ Смерти“, „Никогда назадъ“) еще разъ показали, что содержанiе можетъ производить эффектъ, какого нельзя вызвать чисто техническими ухищренiями. Вѣнцы Людвигъ Пассини (род. 1832 г.) и Эвгенъ фонъ Блаасъ (род. 1843 г.) жили подъ горячимъ солнцемъ Венецiи; первый достигъ тамъ высшей степени техническаго совершенства, особенно въ акварели; послѣднiй выродился въ плоскаго копирователя удачно выхваченныхъ и гладко написанныхъ народныхъ типовъ. Для нѣкоторыхъ изъ австрiйцевъ, въ общемъ, столь неподвижныхъ, даль имѣла неотразимую притягательную силу. Понятно, что особенно привлекательнымъ для австрiйскихъ живописцевъ былъ врывающiйся черезъ границы въ Австрiйскую имперiю Востокъ. Карлъ Леопольдъ Мюллеръ (1835—1892), въ сопровожденiи котораго путешествовалъ по Египту Макартъ, является классикомъ среди австрiйскихъ орiенталистовъ; лишь лучшiе изъ французовъ приближаются къ нему. Алоисъ Шеннъ (1826—1897) и Карлъ Вильда (1854—1907) мастерски изображали великолѣпiе и причудливость природы и типовъ христiанскихъ и магометанскихъ средиземно-морскихъ странъ, открывающiяся глазу одареннаго художественнымъ чутьемъ зрителя. Даже одинъ эрцгерцогъ Людвигъ Сальваторъ (род. 1847 г.) рисун-

ками перомъ и карандашемъ вербовалъ поклонниковъ прелестей тайныхъ уголковъ богатаго островами морского бассейна.

При изобиліи объектовъ для художественнаго воспроизведенія въ Австро-Венгріи не было надобности ходить за ними въ далекія страны. Это показалъ величайшій австрійскій жанристъ, достойно оцѣненный лишь послѣ смерти — Августъ Карлъ фонъ Петтенкофенъ (1822—1889). Вначалѣ онъ писалъ солдатъ, затѣмъ специализировался на богатыхъ свѣтомъ и красками картинахъ восточной Венгріи. Способный къ превращеніямъ, какъ никто, онъ прошелъ всю лѣстницу отъ тонкой живописи въ стилѣ Мейсанье до красочныхъ пятенъ современнаго импрессіонизма. Въ его существѣ было стремиться все впередъ, не удовлетворяясь ничѣмъ, и на каждый ступени достигать совершенства.

Конецъ 19-го вѣка не былъ бѣденъ и представителями высокаго стиля искусства, умѣвшими соединять преимущества стараго идеализма съ техническими завоеваніями новыхъ направленій. Таковы Францъ Румплеръ (род. 1848 г.), Алоисъ Делюгъ (род. 1859 г.), Александеръ Гольтцъ (род. 1857 г.) и Адольфъ Гиршль (род. 1860 г.). Они большею частью впадаютъ въ интернаціонализмъ; отечественная нотка у нихъ отсутствуетъ. Въ этомъ отношеніи ихъ превосходятъ пейзажисты. Профессоръ академіи Эдуардъ Пейтнеръ фонъ Лихтенфельсъ (род. 1833 г.), директоръ галлереи Августъ Шефферъ (род. 1833 г.), Адольфъ Обермюлльнеръ (род. 1833 г.) и Антонъ Главачекъ (род. 1842 г.) работали еще на старый манеръ. Большей самостоятельности достигли тѣ художники, которые посредственно или непосредственно учились у французовъ; таковы Евгеній Уеттель (1845—1901), Робертъ Руссъ (род. 1847 г.), Рудольфъ Рибартцъ (1848—1905), Гуго Шарльмонъ (род. 1850 г.), Гуго Дарно (род. 1851 г.) и особенно Эмиль Якобъ Шиндлеръ (1842—1892) и Теодоръ фонъ Германнъ (1840—1895). Ни Шиндлеръ, ни Германнъ не были нынѣшними нервозными натурами: ни одинъ изъ нихъ не гонялся за раздражающими эффектами; они имѣли только претензію смотрѣть на міръ собственными глазами и писать такъ, какъ видѣли, избѣгая шаблоновъ, моды и лжи.

Въ 1897 г. приверженцы разныхъ направленій, несогласныхъ съ традиціями „Общества представителей образовательныхъ искусствъ", объединились въ союзъ, который зовется попросту сецессіей, оффиціальное же имя его: „Собраніе представителей образовательныхъ искусствъ Австріи". Собраніе это издавало журналъ „Ver Sacrum" и построило собственное зданіе для выставокъ. На ряду съ нимъ въ 1901 г. образовался менѣе радикальный „Гагеновскій союзъ" (Hagenbund), названный такъ не по имени злого великана въ „Пѣснѣ о Нибелунгахъ", а по имени почтеннаго содержателя кафе, гдѣ собирались раньше члены учредители союза. Главою вѣнской сецессіи является уже упомянутый (стр. 90) Густавъ Климтъ; его живопись на потолкѣ прихожей Вѣнскаго университета цѣлый годъ служила предметомъ страстныхъ споровъ, въ которыхъ принимали участіе публика, пресса, оффиціальныя учрежденія и самъ виновникъ всего этого шума. Къ числу передовыхъ бойцовъ сецессіи относятся еще: баронъ Феліціанъ фонъ Мирбахъ (род. 1853 г.), Вильгельмъ Бернатцигъ (род. 1853 г.), Гансъ Швайгеръ (род. 1854 г.), Карлъ Молль (род. 1861 г.), Рудольфъ Бахеръ (род. 1862 г.), Іозефъ Энгельгардтъ (род. 1864 г.), далѣе теперешній деректоръ придворной оперы по декоративной части Альфредъ Роллеръ (род. 1864 г.), Эрнстъ Штеръ (род. 1865 г.), Эмиль Орликъ (род. 1870 г.), Фердинандъ Андри (род. 1871 г.) и многіе др. Во главѣ гагеновскаго союза стоятъ живописецъ Генрихъ Леффлеръ (род. 1863 г.), который украсилъ подвалъ вѣнской ратуши, и архитекторъ Іозефъ Урбанъ (род. 1872 г.). Къ наиболѣе выдающимся членамъ союза принадлежатъ: Вальтеръ Гампель и Карлъ Конопа (род. 1864 г.), затѣмъ: Карлъ Медицъ, Людвигъ Фердинандъ Графъ, Вильгельмъ Гелда, Гансъ Ранцони, Раймундъ Гермела, которые всѣ родились въ 1868 г.

Въ заключеніе этого обзора укажемъ еще на такую художественную величину, какъ Джіованни Сегантини (1852—1899); онъ родился въ Арко, т. е. въ австрійскомъ Тиролѣ. Однако, по національности и эстетическому воспитанію онъ принадлежалъ къ итальянцамъ. Съ итальянскими же коллегами — Превіати и Транквилло — ему пришлось выдержать споръ изъ-за первенства въ примѣнявшейся имъ техникѣ штриховъ (расположеніе рядомъ штриховъ дополнительныхъ цвѣтовъ).

2. Естественныя науки.

А. Математика и науки о неорганической природѣ.

Къ началу 19-го вѣка въ математикѣ и естественныхъ наукахъ французамъ принадлежало преобладаніе, граничившее съ единовластіемъ; это соотвѣтствовало ихъ тогдашнему политическому и культурному превосходству. Въ естественныхъ наукахъ они сохраняли перевѣсъ до середины вѣка. Но англичане и нѣмцы незамѣтно догнали и даже перегнали ихъ, отчасти потому, что французы не принимали во вниманіе или цѣнили слишкомъ низко труды иностранцевъ. Всего труднѣе было угнаться за французами въ точныхъ наукахъ; въ этой области иностранцы всего дольше смотрѣли на французовъ, какъ на своихъ учителей, съ которыми имъ не сравняться. Нѣмцы сознали свою силу и оригинальность позднѣе англичанъ. Въ концѣ концовъ, во всѣхъ отрасляхъ знанія нѣмцы заняли первое мѣсто; этимъ они обязаны обстоятельствамъ, которыя раньше задерживали ихъ развитіе: меньшему самомнѣнію и отсутствію централизаціи. Нѣмцы никогда не переставали обращать вниманія на иностранную науку и долго даже переоцѣнивали ее. Многочисленность научныхъ центровъ помѣшала тому, чтобы одинъ изъ нихъ втянулъ въ себя все и своимъ подавляющимъ превосходствомъ превратилъ всю страну въ духовную пустыню. Потому нѣмцамъ было суждено не только выставить крупныхъ обобщателей и систематизаторовъ, но и многочисленную, хорошо вышколенную, тяжеловооруженную армію спеціалистовъ, которые разсыпались по неизмѣримой области науки и разрабатывали массу самыхъ незамѣтныхъ, самыхъ неблагодарныхъ деталей съ такой энергіей, какъ будто дѣло шло о самыхъ увлекательныхъ, самыхъ широкихъ, основныхъ вопросахъ знанія.

а) Математика.

Въ началѣ 19 вѣка были еще живы Лягранжъ (умеръ въ 1815 г., см. т. VIII, стр. 541) и Лапласъ (умеръ въ 1827 г., см. т. VIII, стр. 547). Долго не сходили со сцены также Адріанъ Мари Лежандръ (1752—1833 гг.), которому столь многимъ обязаны ученія о трансцендентныхъ функціяхъ, теорія чиселъ и интегральное исчисленіе, и Жанъ Баптистъ Фурье (1768—1830 гг.), развившій теорію рядовъ и обработавшій аналитически ученіе о теплотѣ. Былъ живъ еще и упомянутый Монжъ (ум. 1818 г., см. т. VIII, стр. 584); его величайшей заслугой было основаніе „начертательной геометріи“; онъ также очистилъ аналитическую геометрію отъ чуждыхъ ей примѣсей изъ Эвклида. За отцомъ начертательной геометріи уже въ 1813 г. слѣдовалъ съ своей оригинальной „Géométrie de position“ (геометрія положенія) Николя Карно (1753—1823), великій организаторъ якобинской арміи. Цѣлью его было создать противоположную аналитической, не вычислительную, но наглядную, конструктивную геометрію. Жанъ Викторъ Понселе (1788—1866 гг.) является творческимъ свѣточемъ „синтетической“ („новой“ или „проективной“) геометріи. Съ нимъ соперничалъ Мишель Шаль (1793—1880), который разработалъ кинематику или фороиомію (ученіе о движеніи), какъ чисто математическую апріорную отрасль знанія.

Объясненіе къ портретамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

---

1) Вильгельмъ Эдуардъ Веберъ (1804—1891).
Съ фотограф. снимка.

2) Карлъ Фридрихъ Гауссъ (1777—1855).
Съ портрета Хр. Іенсена, воспроизведеннаго въ соч. Вольдемара Зейдлица „Allgemeines historisches Porträtwerk“ (Мюнхенъ, 1889).

3) Германъ Гельмгольцъ (1821—1894).
Съ фотограф. снимка.

4) Вернеръ Сименсъ (1816—1892).
Съ фотограф. снимка.

5) Томасъ Альва Эдиссонъ (род. 1847).
Съ фотограф. снимка.

6) Вильгельмъ Конрадъ Рентгенъ (род. 1845).
Съ фотограф. снимка.

История человѣчества. IX.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Знаменитые естествоиспытатели и техники XIX-го столѣтія.

Вообще, виртуозы высшей математики старались перевести на языкѣ аналитическихъ формулъ по образцу статики и динамики всѣ отрасли физики; таковы особенно Симеонъ Дени Пуассонъ (1781—1840) и Огюстенъ Луи Коши (1789—1857), два необыкновенно усердныхъ виртуоза высшаго счисленія, грѣшившіе тѣмъ, что нерѣдко жертвовали фактической истиной изяществу математическаго выраженія. Къ ученію о машинахъ математическія формулы были впервые примѣнены Гаспаромъ Клеромъ Франсуа Прони (1755—1839). Затѣмъ пользующійся большимъ уваженіемъ Жанъ Мари Дюгашель (1797—1872) собралъ въ превосходныхъ руководствахъ то, что дала высшему анализу и теоретической механикѣ классическая эпоха французской математики. Среди теперешнихъ французскихъ математиковъ первое мѣсто занимаетъ Анри Пуанкарэ (род. 1854 г.).

Среди англійскихъ математиковъ первой половины 19-го вѣка прочную извѣстность пріобрѣли особенно Джорджъ Гринъ (1793—1841 гг.) и философъ Уилльямъ Гамильтонъ (1805—1865 гг.); первый въ качествѣ творца понятія потенціальной функціи, второй въ качествѣ изобрѣтателя счисленія кватерніоновъ.

До конца первой трети 19-го вѣка и даже далѣе преподаваніе математики въ нѣмецкихъ высшихъ школахъ было плохо поставлено. Математическая литература питалась отъ избытковъ сосѣдней Франціи. Но уже съ послѣднихъ годовъ 18-го вѣка въ Германіи дѣйствовалъ геніальный человѣкъ, которому суждено было создать нѣмецкую гегемонію въ области математики. Основательный астрономъ, геодезистъ и физикъ Карлъ Фридрихъ Гауссъ (1777—1855, см. приложенную таблицу: „Естествоиспытатели и проч.“ фиг. 2) занимался преимущественно теоріей чиселъ и потенціаловъ. Онъ обогатилъ счисленіе вѣроятностей и погрѣшностей методомъ наименьшихъ квадратовъ, необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ для исправленія неизбѣжныхъ ошибокъ наблюденія. Его интересовала также мысль о неэвклидовской или абсолютной геометріи.

Поле дѣятельности болѣе молодыхъ коллегъ геттингенскаго генія было болѣе ограниченное. Петеръ Густавъ Леженъ Дирихле (1805—1859) занимался теоріей чиселъ, опредѣленными интегралами и функціями. Созданное Лежандромъ ученіе о сферическихъ и эллиптическихъ функціяхъ было развито дальше норвежцемъ Нильсомъ Генрикомъ Абелемъ (1802—1829) и бранденбуржцемъ Карломъ Якоби (1804—1851) и дополнено гиперэллиптическими (абелевскими) мета-функціями. Нужно прибавить, что значеніе слѣдующаго поколѣнія нѣмецкихъ математиковъ также зиждется на ихъ работахъ по теоріи функцій и чиселъ. Къ нему принадлежатъ Эрнстъ Эдуардъ Куммеръ (1810—1893), Карлъ Вейерштрассъ (1815—1897) и Леопольдъ Кронеккеръ (1823—1891 гг.).

Значительная группа нѣмецкихъ математиковъ посвятила себя геометріи. Въ области аналитической геометріи отличались Августъ Фердинандъ Мебіусъ (1790—1868) и Юстусъ Плюккеръ (1801—1868). Задачу, поставленную французами — обосновать синтетическую геометрію на простой наглядности — разрѣшилъ Якобъ Штейнеръ (1796—1863) съ помощью своего пучка лучей. Къ этому же ряду оригинальныхъ мыслителей принадлежали Карлъ фонъ Штаудтъ (1798—1867, „Геометрія положенія“) и Германнъ Гюнтеръ Грассманнъ (1809—1877 гг., „Ученіе о притяженіи“). Кромѣ того успѣшно разрабатывали геометрію Людвигъ Отто Гессе (1811—1874), Оскаръ Шлемильхъ (1823—1901), Рудольфъ Клебшъ (1833—1870) и Теодоръ Рейе (род. 1838). Съ середины 19-го вѣка привлекала усиленное вниманіе мысль объ абсолютной геометріи. Ею занимались Гельмгольцъ и Бернгардъ Риманнъ (1826—1866); послѣдній установилъ понятіе n-кратнаго протяженія, въ которое какъ частный случай входитъ и наше пространство трехъ измѣреній. По Феликсу Клейну (род. 1849 г.) изъ проективной геометріи можно вывести эллиптическую, параболическую и гипербо-

лическую; первая изъ нихъ соотвѣтствуетъ сферическому, вторая эвклидовскому, третья псевдосферическому ученію о пространствѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ „мета-геометрія“ компрометировалась погоней сумасбродныхъ и упрямыхъ головъ за четвертымъ измѣреніемъ. Но были и серьезныя попытки создать геометрію нѣсколькихъ измѣреній.

Къ сожалѣнію, не существуетъ никакихъ спеціальныхъ работъ по исторіи математики за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, если не считать отдѣльныхъ изслѣдованій. Даже исторія математической науки въ первую половину 19 вѣка плохо разработана. Лучше дѣло обстоитъ съ 18-мъ и предшествовавшими вѣками. Даже самая новѣйшая исторія математики — Морица Кантора (род. 1829 г.) — останавливается на томъ же мѣстѣ, гдѣ оборвались работы прежнихъ историковъ: Монтуклы, Либри и Шаля.

b) Физика.

Въ началѣ 19-го вѣка въ аудиторіяхъ, лабораторіяхъ и въ литературѣ господствовало ньютоновское ученіе о природѣ, правда, не въ томъ видѣ, какъ изложилъ его великій англійскій ученый, а въ томъ, какой придали ему французы эпохи просвѣщенія, враждебные схоластической и картезіанской традиціи. Вольтеръ хвалился, что онъ первый познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ „философіей Ньютона“. Она была составною частью общаго образованія, твердыней міровоззрѣнія. Однако, ньютоніанство не давало полнаго удовлетворенія. Великіе математики, отъ Бернулли до Лапласа, также не могли заполнить пропасти между физикой вѣсомаго и невѣсомаго. Подозрѣвалась связь, существенное единство разнообразныхъ явленій природы; разумъ требовалъ объединенія этихъ явленій; но пока и въ ученіи о теплотѣ, и въ оптикѣ, и въ теоріи магнетизма и электричества не могли обходиться безъ допущенія существованія особыхъ тепловой и свѣтовой матерій, особыхъ магнитной и электрической жидкостей.

Даже философія, которая по своей сущности является объединительницей, не могла связать этихъ отдѣльныхъ частей. Теорія познанія Канта не встрѣтила никакого отклика среди тогдашняго поколѣнія естествоиспытателей: его „Метафизическіе принципы естествознанія“ были едва замѣчены; его главный натурфилософскій трудъ, надъ которымъ онъ работалъ въ старости, остался неоконченнымъ. Впослѣдствіи же, когда Шеллингъ и Гегель начали ослѣплять и запутывать умы своими натурфилософскими измышленіями, естествознаніе съ ужасомъ отшатнулось и прокляло всю философію. Что между натурфилософами были такіе люди, какъ Орштедъ, Окенъ, Бурдахъ и Карусъ, осталось незамѣченнымъ. Не было нужды даже въ тѣхъ рѣзкихъ словахъ, какія были направлены противъ натурфилософіи Гумбольдтомъ, Берцеліусомъ, Іоганнесомъ Мюллеромъ и позднѣйшими учеными. Натурфилософія не пустила корней и скоро зачахла. Однако, это взаимное отчужденіе естествознанія и философіи не было окончательнымъ; обѣ отрасли опять начали незамѣтно сближаться. Во Франціи и Англіи никогда не переставали просто по традиціи говорить о натурфилософіи, о философіи химіи, и т. п.; логики, психологи, метафизики въ смежныхъ областяхъ работали вмѣстѣ съ физиками, астрономами, химиками, біологами. Но и въ этихъ странахъ большинство ученыхъ относились къ дѣлу такъ же, какъ нѣмцы: ихъ безусловнымъ довѣріемъ пользовались только опытъ и наблюденіе; мимо трудныхъ понятій, мимо темныхъ пунктовъ теоріи они проходили, пожимая плечами. Но по отношенію къ самымъ необходимымъ понятіямъ, какъ матерія и энергія, пространство и время, молекула и атомъ, въ кругахъ естествоиспытателей въ качествѣ средняго убѣжденія господствовалъ некритическій матеріализмъ. Какъ разъ тогда, когда Робертъ Майеръ и

Германъ Гельмгольцъ дали отдѣльнымъ отраслямъ естествознанія объединяющій центръ въ принципѣ сохраненія энергіи, матеріалистическое ученіе пріобрѣло себѣ дѣятельныхъ защитниковъ въ лицѣ Карла Фогта, Молешотта и Бюхнера; къ нимъ присоединилась крайняя лѣвая гегелевской школы: Фейербахъ, Штраусъ и Марксъ. Новое подкрѣпленіе пришло съ первыми миссіонерами дарвинизма. Между тѣмъ, снова пробудилось пониманіе кантовскаго критицизма. Послѣдняго придерживались такіе люди, какъ Гельмгольцъ и Рокитанскій; рядъ философствующихъ неокантіанцевъ открылъ собою Фридрихъ Альбертъ Ланге, историкъ матеріализма. Изъ школы Гербарта, незапятнанной натурфилософскими фантазіями, вышли Лотце и Фехнеръ, которые формально принудили естествоиспытателей опять относиться съ уваженіемъ къ философіи. Случилась даже невѣроятная вещь: профессоръ психологіи Вильгельмъ Вундтъ и профессоръ физики Эрнстъ Махъ промѣняли свои каѳедры на каѳедры гонимой философіи. Въ то же время примѣры физика Крукса и астронома Целльнера показали, что точное естествознаніе не предохраняетъ отъ спиритическихъ заблужденій. И изслѣдователи — утверждали ли они вмѣстѣ съ Эмилемъ Дю Буа-Реймономъ, что „міровая загадка" неразрѣшима, или же вѣрили вмѣстѣ съ Эрнстомъ Геккелемъ въ возможность ея разрѣшенія — были согласны, что стремленіе ее разрѣшить относится къ той области, которую уже болѣе 2000 лѣтъ называютъ философіей. И что мы видимъ! Знаменитый физико-химикъ Вильгельмъ Оствальдъ имѣлъ мужество выпустить „Vorlesungen über Naturphilosophie" (Лекціи натурфилософіи) и даже издавать журналъ „Annalen der Naturphilosophie" („Лѣтописи натурфилософіи").

Въ началѣ 19 вѣка механика почти цѣликомъ была въ рукахъ математиковъ; они продолжали работать надъ усовершенствованіемъ ея аналитическаго одѣянія, и главной заботой ихъ была теорія машинъ, столь важная въ техникѣ промышленности и путей сообщенія. Новое было сдѣлано, главнымъ образомъ, въ ученіи о свойствахъ жидкостей и газовъ. Теоріей капиллярности (восхожденіе жидкостей въ тонкихъ трубкахъ) занимались такія величины, какъ Лапласъ, Гауссъ и Пуассонъ. Жозефъ Антонъ Фердинандъ Плато (1801—1883) разъяснилъ сущность поверхностнаго натяженія. Осмозомъ занимались Николяусъ Вольфгангъ Фишеръ (1782—1850), Репе, Жоакимъ Анри Дютроше (1776—1847), который ввелъ термины: эндосмосъ и экзосмосъ, и Генрихъ Муставъ Магнусъ (1802—1870), который связалъ осмозъ съ капиллярностью. Томасъ Грэмъ (1805—1869) установилъ законъ, управляющій диффузіей газовъ и жидкостей. Опыты надъ соотношеніями объема, упругости, температуры и молекулярнаго состоянія газовъ дали одинаково важные результаты и для физики, и для химіи. Жозефъ Луи Гей-Люссакъ (1788—1850) индуктивнымъ путемъ открылъ законъ, что всѣ газы и пары при одной и той же температурѣ и прочихъ равныхъ условіяхъ расширяются въ одинаковой степени. Къ его изслѣдованіямъ примыкали изслѣдованія Джона Дальтона (1766—1844), такъ что обыкновенно говорятъ о законѣ Гей-Люссака-Дальтона. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ былъ нанесенъ ударъ прежнему ученію о состояніяхъ аггрегаціи, какъ „о первичныхъ, болѣе или менѣе независимыхъ формахъ вещества". Великому экспериментатору 19-го вѣка Майкелю Фарадею (1791—1867) удалось обратить въ жидкость хлоръ; вскорѣ за нимъ не стяжавшій извѣстности Тилорье осуществилъ превращеніе углекислоты въ жидкость и въ твердое тѣло, а Іоганнъ Августъ Наттереръ (1813—1901) получилъ твердую и жидкую закись азота. При томъ высокомъ давленіи, которое необходимо для превращенія газовъ въ жидкости, теряютъ значеніе законы Маріотта и Гей-Люссака. Было установлено, что „состоянія аггрегаціи являются скорѣе случайными, зависящими отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, переходящими другъ въ друга формами матеріи" (Розенбергеръ).

Теоріей волнообразнаго движенія до третьяго десятилѣтія 19-го вѣка занимались, большею частью, только математики. Братья Веберы, Вильгельмъ Эдуардъ (1804--1891; см. табл. при стр. 93 фиг. 1) и Эрнстъ Генрихъ (1795—1878) вступили на путь опыта. Ихъ „Wellenlehre" (ученіе о волнахъ) является классическимъ основнымъ трудомъ, термины котораго пріобрѣли прочное право гражданства въ физикѣ, ибо вскорѣ затѣмъ ученіе о волнахъ пріобрѣло неожиданное значеніе для всего естествознанія. Прежде всего извлекла изъ него пользу акустика. Дѣлались попытки опредѣлить скорость распространенія звука, и были найдены числа колебаній для разныхъ тоновъ съ помощью „сирены", аппарата, изобрѣтеннаго Шарлемъ Каньяръ-Латуромъ (1777—1859) и усовершенствованнаго Феликсомъ Саваромъ (1791—1841).

Физики, въ среднемъ. еще удовлетворялись ньютоновской теоріей истеченія или эманаціи свѣта, и неоднократныя попытки поколебать ея значеніе вначалѣ отвергались. Установленная уже Гюйгенсомъ и Эйлеромъ теорія колебательнаго или вибраціоннаго движенія лишь медленно пробивала себѣ дорогу; противъ нея боролись такіе люди, какъ Лапласъ и Жанъ Баптистъ Біо (1774—1862). Среди противниковъ теоріи истеченія Томасъ Юнгъ (1773—1829) произвелъ мало впечатлѣнія своимъ объясненіемъ двойного преломленія поперечными, а не продольными (какъ принималъ Гюйгенсъ) колебаніями. Его ученіе объ отклоненіи и интерференціи свѣтовыхъ лучей вначалѣ едва было замѣчено. Когда затѣмъ Этьенъ Луи Малюсъ (1775—1812) открылъ поляризацію свѣта отъ отраженія, Доминикъ Франсуа Араго (1786—1853) — круговую поляризацію и Даніель Брьюстеръ (1781—1868) — эллиптическую поляризацію, за эти открытія ухватились ньютоніанцы, тотчасъ выступившіе съ готовыми объясненіями, между тѣмъ какъ Юнгъ сомнѣвался въ возможности объяснить поляризацію колебательнымъ движеніемъ. Но всѣ затрудненія, на которыя наталкивалось ученіе о свѣтовыхъ волнахъ, разрѣшилъ превосходный экспериментаторъ и аналитикъ Огюстенъ Жанъ Френель (1788—1827), который нашелъ себѣ сотрудниковъ и продолжателей въ Доминикѣ Франсуа Араго и Огюстенѣ Луи Коши (1789—1857). Затѣмъ англійскій математикъ Уильямъ Роуанъ Гамильтонъ (1805—1865) дѣйствительно открылъ предсказанное теоретически Френелемъ коническое преломленіе.

Если теорія волнообразнаго движенія лишь постепенно одерживала верхъ надъ ньютоновской, то нападенія Гёте на ученіе о цвѣтахъ англійскаго законодателя природы совсѣмъ не удались. Почитатели великаго поэта должны довольствоваться его заслугами по отношенію къ физіологической и субъективной сторонамъ оптики. Въ смежной области физіологической оптики цѣнныя открытія приходятся на первую половину 19 вѣка. Размышленіе о единичномъ зрѣніи двумя глазами привело Чарльса Уитсона (1802—1880) къ изобрѣтенію зеркальнаго стереоскопа; рядомъ съ послѣднимъ стоитъ линзовый стереоскопъ Брустера, изобрѣтателя калейдоскопа. Стробоскопическій дискъ получилъ свою теперешнюю форму отъ Симона фонъ Штампфера (1792—1864), хотя, можетъ быть, былъ изобрѣтенъ другими.

Связь оптики съ химіей въ первой половинѣ 19-го вѣка проявилась съ двухъ сторонъ. Уже въ 1800 г. Фридрихъ Вильгельмъ Гершель замѣтилъ невидимые тепловые лучи на красномъ концѣ солнечнаго спектра. Ультрафіолетовыми химически дѣятельными лучами занимался, между прочимъ, Жакъ Этьеннъ Бераръ (1789—1816). Послѣ того, какъ уже были замѣчены другими темныя линіи въ видимомъ спектрѣ, оптикъ Іозефъ Фраунгоферъ (1787—1826) установилъ постоянство положенія этихъ линій, названныхъ по его имени. Онъ изслѣдовалъ спектры различныхъ источниковъ свѣта и получилъ отклоненія, заставляя свѣтъ проходить черезъ сѣтку тончайшихъ линій.

Уже въ 18-мъ вѣкѣ было замѣчено химическое дѣйствіе свѣта на свѣточувствительныя субстанціи, напр., на хлористое серебро. Нисефоръ Ніепсъ (1765—1833) впервые попытался закрѣпить на спеціально приготовленныхъ пластинкахъ изображенія камеръ-обскуры. Съ 1829 г. онъ работалъ вмѣстѣ съ Луи Жакомъ Мандомъ Дагерромъ (1789—1851), который проявилъ изображеніе на посеребренныхъ и покрытыхъ іодомъ пластинкахъ, дѣйствуя на нихъ ртутными парами. Ульямъ Генри Фоксъ Тальботъ (1800—1877) получилъ на бумажкѣ, пропитанной хлористымъ и азотнокислымъ серебромъ, негативъ, съ котораго можно было снять произвольное число позитивныхъ изображеній. Когда возникшая изъ сочетанія оптики съ химіей фотографія достигла зрѣлости, она заняла первое мѣсто среди множительныхъ искусствъ.

Со времени открытія гальванизма ученіе объ электричествѣ въ отношеніи научнаго и техническаго интереса стояло на первомъ планѣ. Однако, вольтовъ столбъ не давалъ ни сильныхъ, ни постоянныхъ токовъ. Гемфри Дэви (1778—1829) первому удалось съ помощью 2,000 элементовъ получить свѣтовую дугу между двумя угольными остріями въ пространствѣ съ разрѣженнымъ воздухомъ. Задача полученія постоянныхъ токовъ разрѣшалась съ 1829 г. посредствомъ разнообразныхъ баттарей, названныхъ по именамъ ихъ изобрѣтателей.

Въ 1800 г. Антоній Карлейль (1768—1840) и Уильямъ Никольсонъ (1753—1815) наблюдали разложеніе гальваническимъ токомъ воды на ея элементы; Іоганнъ Вильгельмъ Риттеръ, производя самостоятельно опыты, получилъ оба газа отдѣльно и выдѣлилъ гальваническимъ путемъ мѣдь изъ мѣднаго купороса. Великіе химики Дэви и Берцеліусъ усердно взялись за электрохимію, которая послужила имъ основою для сложныхъ построеній. Но всестороннее освѣщеніе электролиза было сдѣлано лишь Фарадеемъ, бывшимъ ученикомъ переплетчика. То, чего этотъ незнакомый съ анализомъ самоучка не могъ представить математически, позднѣе облекли въ соотвѣтствующія формулы другіе, особенно Джемсъ Клеркъ Максуэлль (1831—1879). Техническимъ придаткомъ электролиза является гальванопластика, изобрѣтенная въ 1837 г. Морицемъ Германномъ фонъ Якоби (1801—1874), съ ея развѣтвленіями: гальванотипіей, гальванографіей и гальваностегіей.

Наиболѣе замѣчательнымъ открытіемъ начала 19-го вѣка было открытіе электромагнетизма, сдѣланное Гансомъ Христіаномъ Ёрстедомъ (1777—1851). Такимъ образомъ была разрушена перегородка между двумя до сихъ поръ обособленными силами, и кромѣ того найденъ путь для превращенія одной изъ нихъ въ другую. Араго открылъ магнетизмъ вращенія, Іоганнъ Швейггеръ (1779—1857) и Іоганнъ Христіанъ Поггендорффъ (1796—1877) изобрѣли мультипликаторъ, Андре Мари Амперъ (1775—1836) — соленоидъ и Леопольдъ Нобили (1784—1835) — гальванометръ съ астатическою парою иглъ. Амперъ, основатель теоретической электродинамики, и Жоржъ Симонъ Омъ (1787—1854) могутъ считаться законодателями гальванизма. Томасъ Зеебекъ (1770—1831) открылъ новую область термоэлектричества и термомагнетизма; Нобили сдѣлалъ термоэлектрическій столбикъ изъ полосокъ висмута и сурьмы. Особенно богатые результаты дало открытіе магнитоэлектрической индукціи, сдѣланное Фарадеемъ; послѣдній связалъ это открытіе съ своей теоріей силовыхъ линій, которая была развита дальше физиками - математиками. Ульямъ Ричи (умеръ 1837 г.) и Пикси построили первыя индукціонныя машины (1832 г.). Но это поле физической техники еще долго оставалось невоздѣланнымъ; плохо подвигалось и построеніе пригодныхъ электромоторовъ; ихъ дали Якоби и Нееффъ.

Электрическая телеграфія вначалѣ тоже какъ будто остановилась въ стадіи слабой практической примѣнимости. Самуэль Томасъ фонъ

Земмерингъ (1755—1830) пытался примѣнить для цѣлей телеграфіи разложеніе воды гальваническимъ токомъ. Амперъ предложилъ вмѣсто электролиза электромагнетизмъ. Гауссъ и Вильгельмъ Веберъ соединили въ 1833 г. свои лабораторіи въ Геттингенѣ проволокой и передавали другъ другу депеши; поэтому 1833-й годъ и считается годомъ рожденія электрическаго телеграфа. Благодаря практическимъ изобрѣтеніямъ Уитстона (игольчатый телеграфъ), Карла Августа Штейнгельса (1801—1870 г.; пропусканіе тока черезъ землю), Самуэля Финли Бриза Морза (1791—1872; пишущій аппаратъ и алфавитъ), телеграфъ уже въ 40-хъ годахъ сталъ служить для общественныхъ цѣлей и могъ вступить въ союзъ съ еще молодыми желѣзными дорогами.

Большой прогрессъ въ основныхъ воззрѣніяхъ физики, имѣвшій мѣсто около середины 19-го вѣка, исходилъ не отъ ученія объ электричествѣ, а отъ ученія о теплотѣ (калорики). Американецъ Бенжаменъ Томсонъ (1753—1814), который въ Баваріи былъ возведенъ въ званіе графа фонъ Румфорда, уже на исходѣ 18-го вѣка показалъ на опытѣ, что теплота есть лишь родъ движенія, и что лучистая теплота подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ и свѣтовые лучи. Гансъ Гемфри Деви уже предвосхитилъ великую мысль, что различныя силы природы представляютъ лишь формы дѣятельности единой превращающейся энергіи; за тождественность теплоты и движенія высказался и Томасъ Юнгъ (стр. 96). Но эти ученія не произвели никакого впечатлѣнія на разсудочное поколѣніе первой половины 19-го вѣка, предвзято настроенное противъ всего, что было похоже на философію.

Противъ того же равнодушія пришлось бороться гейльброннскому врачу Юліуссу Роберту Майеру (1814—1878), когда онъ въ 1842 году опубликовалъ свое первое сочиненіе: „Bemerkungen über die Kräfte der unbelebten Natur“ („Замѣтки о силахъ неодушевленной природы“). Второе и важнѣйшее сочиненіе Майера: „Die organische Bewegung in ihrem Zusammenhange mit dem Stoffwechsel“ („Органическое движеніе въ связи съ обмѣномъ веществъ“; 1845 г.), также не обратило на себя вниманія спеціалистовъ-физиковъ уже благодаря своему физіологическому заглавію. Въ первыхъ сочиненіяхъ этого не принадлежавшаго ни къ какому цеху тихаго, хотя и раздражительнаго человѣка, появившихся въ теченіе короткаго промежутка времени между 1842 и 1848 годами, содержатся фундаментальныя и вмѣстѣ съ тѣмъ революціонныя ученія, на которыхъ съ тѣхъ поръ зиждется естествознаніе: о превращеніи движенія въ теплоту и обратно, о тепловомъ эквивалентѣ, какъ спеціальномъ примѣрѣ постоянства того отношенія, въ которомъ отдѣльныя такъ называемыя силы природы превращаются другъ въ друга, о происхожденіи всей жизни на землѣ отъ солнечной теплоты, о питаніи солнца низвергающимися на него массами космическаго вещества и т. д. Около того же времени (1843 г.) богатый англійскій пивоваръ Джемсъ Прескотъ Джоуль (1818—1889) началъ свои опыты съ опредѣленіемъ механическаго эквивалента теплоты, которые успѣшно закончилъ въ 1849 году. Онъ сразу встрѣтилъ сочувствіе, такъ что шансы Майера получить признаніе и достойную оцѣнку, еще упали. Впрочемъ, къ этимъ конкуррентамъ изъ-за права первенства скоро прибавился еще датчанинъ Людвигъ Августъ Кольдингъ (1815—1888), который независимо отъ Майера и Джоуля и около того же самаго времени (1843 г.) изслѣдовалъ превращеніе силъ и получилъ числовое выраженіе для отношенія между повышеніемъ температуры и работой.

Въ 1847 г. берлинскій врачъ Германъ Гельмгольцъ (1821—1894 гг.; см. табл. при стр. 93, фиг. 3) прочелъ строго научную лекцію „О сохраненіи силы“ (не смѣшивать съ популярной лекціей въ Карльсруэ, 1863 г.); въ этой лекціи онъ не только разъяснилъ ея заглавіе, но еще изложилъ важное различіе между силой въ состояніи напряженія и живой силой.

По его воззрѣнію, сохраненіе силы означаетъ лишь постоянство суммы всѣхъ наличныхъ силъ обоего рода. Позднѣе вмѣсто выраженій: „сила въ состояніи напряженія“ и „живая сила“ вошли въ употребленіе заимствованныя изъ аристотелевски-схоластическаго языка выраженія „потенціальная“ и „актуальная энергіи“; теперь вмѣсто сохраненія силы говорятъ о „сохраненіи энергіи“ или „работы“.

Гельмгольцъ въ своей лекціи 1847 года не упоминалъ имени Роберта Майера, такъ же, какъ и Уильямъ Томсонъ (лордъ Кельвинъ, род. 1824 г.) въ своихъ статьяхъ 50-хъ годовъ, касавшихся ученія о теплотѣ. Когда все заговорили о Майерѣ, Питеръ Гемфри Тэтъ (род. 1831 г.) оспаривалъ притязанія нѣмецкаго піонера въ пользу своего соотечественника Джоуля. Лишь авторитетное вмѣшательство Джона Тиндаля (1820—1893) указало нѣмецкимъ ученымъ на первенство и заслуги Майера, и ученый, долго ждавшій признанія, теперь сталъ получать чрезмѣрныя похвалы и поклоненіе со стороны профановъ. Тѣмъ временемъ непризнанность и другія непріятности погубили его умъ. Правда, онъ вернулся къ гражданской жизни изъ лѣчебницы, въ которой лѣчили очень неумѣло, но уже не могъ работать попрежнему.

Привели въ систему и дали математическое облаченіе ученію о теплотѣ Уильямъ Томсонъ и Рудольфъ Клаузіусъ (1822—1888). Оба они связали съ тогдашними представленіями рядъ мыслей, высказанныхъ впервые французскими технологами особенно Сади Карно (1796—1832) и Бенуа Пьеромъ Эмилемъ Кляпейрономъ (1799—1864). Карно стоялъ еще на старой точкѣ зрѣнія ученія о теплородѣ и его склонностяхъ; но онъ открылъ круговые процессы и замѣтилъ, что теплота переходитъ отъ теплаго тѣла къ холодному, но не наоборотъ. Благодаря Карно Клазіусъ пришелъ ко второму главному закону ученія о теплотѣ; первый законъ есть принципъ сохраненія силы, второй законъ касается эквивалентности превращеній энергіи и принимаетъ въ разсчетъ тотъ фактъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ превращеніе теплоты въ работу уже не происходитъ и не можетъ происходить. Непревратимую уже далѣе часть энергіи Клазіусъ называетъ „энтропіей“ и формулируетъ сообразно этому второй законъ ученія о теплотѣ слѣдующимъ образомъ: „энтропія вселенной стремится къ максимуму“. Томсонъ также исходитъ изъ Карно; такъ какъ при всѣхъ превращеніяхъ энергіи часть силы превращается въ теплоту, а эта послѣдняя при извѣстныхъ обстоятельствахъ теряетъ свою способность превращаться, то, заключаетъ Томсонъ, всѣ тепловыя различія должны постепенно исчезнуть, и тогда наступитъ состояніе неспособности къ работѣ, „разсѣяніе энергіи“, обозначающее вѣчную неподвижность, конецъ всѣхъ вещей, конецъ міра.

Привыкнувъ разсматривать теплоту, какъ родъ движенія, физики старались свести къ тому же всѣ физическія явленія, т. е. объяснять ихъ механически или, собственно говоря, кинетически. Образецъ представляетъ кинетическая теорія газовъ, разработанная до послѣднихъ деталей Максуэллемъ, Клаузіусомъ, Августомъ Карломъ Крёнигомъ (1822—1879), Людвигомъ Больцманномъ (1844—1906) и другими; эта теорія окончательно ввела въ физику проводимое въ химіи различеніе между молекулами и атомами. Говоря словами І. Г. фанъ т'Гоффа, „кинетическое воззрѣніе сводится къ тому, что въ окружающей насъ средѣ слѣдуетъ различать матерію и эѳиръ; первая состоитъ изъ крайне мелкихъ совершенно упругихъ частицъ, различныхъ въ различныхъ тѣлахъ; второй представляетъ находящуюся всюду, все проникающую среду. Молекулы являются носительницами всеобщаго тяготѣнія, которое обнаруживается, между прочимъ, какъ сила тяжести; кромѣ того онѣ совершаютъ небольшія прерываемыя матеріей движенія, что соотвѣтствуетъ нашему понятію теплоты. Эѳиръ производитъ явленія излученія, напр., свѣтъ“. Благоразумные фи-

зики нисколько не обманываются относительно гипотетическаго характера своихъ основныхъ понятій: матеріи, эфира и т. д., но все же сохраняютъ эти пріобрѣвшія себѣ право гражданства допущенія, потому что послѣднія пригодны для приведенія теоріи въ согласіе съ фактами, короче являются полезными и рабочими гипотезами.

Со времени подъема, имѣвшаго мѣсто около половины 19-го вѣка, физика сдѣлала грандіозные успѣхи, едва поддающіеся обозрѣнію. Идя рука въ руку съ блестящимъ развитіемъ техники, она приблизилась къ жизни ближе, чѣмъ когда-либо, какъ и ея сестра химія. Несмотря на это, наклонность къ чисто теоретической, не преслѣдующей практическихъ цѣлей разработкѣ проблемъ физики не уменьшилась.

Изъ отраслей механики меньше всего измѣнилась статика и не особенно много динамика. Съ Ампера вошло въ обычай чистую кинематику (ученіе о движеніи) ставить рядомъ съ теоретической динамикой. Новыми, важными для техники вѣтвями прежней механики являются графическая статика, основанная Карломъ Кульманномъ (1821—1881 г.) и разработанная, главнымъ образомъ, Іоганномъ Баушингеромъ (1834—1893 г.), и графическая динамика (Робертъ Прёлль). Францъ Рёло (1829—1905) и Францъ Грасгофъ (1826—1893) примѣнили выраженіе „теоретическая кинематика" (не кинетика) для обозначенія ученія о движеніи машинъ.

Не принесло никакой матерьяльной пользы, но все же произвело глубокое впечатлѣніе то, что Леонъ Фуко (1819—1868) посредствомъ поставленнаго впервые въ 1851 г. и потомъ часто повторявшагося опыта съ маятникомъ, сдѣлалъ доступнымъ непосредственному чувственному воспріятію вращеніе земли вокругъ оси, установленное Коперникомъ. Гироскопъ Фуко (подобно вращательному аппарату Фридриха фонъ Бонеберга [1765—1831]) иллюстрировалъ параллелизмъ осей вращенія и движеніе прецессіи небесныхъ тѣлъ. Выдающуюся техническую важность имѣютъ новыя изслѣдованія о треніи (стоитъ вспомнить только объ аппаратахъ Брема), о сопротивленіи всевозможныхъ матеріаловъ, объ эластичности и пластодинамикѣ. Самымъ тѣснымъ образомъ соприкасаются съ техникой, а частью и съ физической географіей, гидромеханическія изслѣдованія. Въ области математической разработки физики слѣдуетъ отмѣтить вихревыя теоріи (Максуелль, Гельмгольцъ, Тэтъ). Въ связи съ техникой стоитъ все, что относится къ аэромеханикѣ. Барометрія пріобрѣла цѣнные инструменты въ анероидахъ (Фиди, 1844; Бурдонъ, 1850). Мѣсто насосовъ для разрѣженія воздуха съ клапаннымъ запоромъ и краномъ занялъ ртутный воздушный насосъ, построенный боннскимъ механикомъ Генрихомъ Гейсслеромъ (1814—1874). Отрасль аэродинамики — воздухоплаваніе, несмотря на свое несовершенство, оказала уже цѣнныя услуги метеорологіи и военному искусству. Отрасль военной науки — баллистика извлекла пользу изъ изслѣдованій сопротивленія воздуха и траэкторіи ядеръ (Генрихъ Густавъ Магнусъ 1802—1870). На аэродинамической основѣ покоится также пневматическая техника (пневматическія приспособленія для пневматической почты, буренія туннелей и мелкихъ работъ). Въ изслѣдованіяхъ о состояніяхъ аггрегаціи тѣлъ кое-что многое пригодилось для фабрикацій искусственнаго льда и охладительныхъ смѣсей. Лишь немногое такъ поражало современниковъ, какъ успѣхъ опытовъ надъ превращеніемъ посредствомъ давленія и низкихъ температуръ въ жидкое и твердое состояніе самыхъ постоянныхъ газовъ и газовыхъ смѣсей (Джемсъ Дьюаръ [род. 1842 г.], Карлъ фонъ Линде [род. 1842 г.]; самая низкая изъ достигнутыхъ температуръ —271°).

Ученіе о звукѣ (акустика) значительно подвинулось впередъ благодаря согласному съ существомъ дѣла соединенію физической и физіологической сторонъ изслѣдованія. Этотъ прогрессъ начинается съ появленіемъ

книги Гельмгольца: „Ученіе о воспріятіи тоновъ“ (1863 г.). Позднѣе содержательныя сочиненія, охватывающія всю область акустики, были выпущены Джономъ Тиндаллемъ (1820—1893) и Францемъ Мельде (1832—1901). Результаты были использованы для теоріи и практики музыки, включая сюда и фабрикацію инструментовъ. Среди акустическихъ аппаратовъ возбудилъ вниманіе серьезной науки, особенно лингвистики, фонографъ Томаса Альвы Эдисона (род. 1847 г.; см. табл. при стр. 93, фиг. 5-я); вѣнская академія наукъ рѣшила устроить архивъ фонограммъ живыхъ языковъ и нарѣчій.

Вѣнцомъ всѣхъ завоеваній физики въ 19 вѣкѣ является спектральный анализъ. Послѣдній также не вышелъ готовымъ изъ головъ своихъ творцовъ: Густава Роберта Кирхгоффа (1824—1887) и Роберта Вильгельма Бунзена (1811—1899); у нихъ также была толпа предшественниковъ (Миллеръ, Брьюстеръ, Сванъ, Фуко, Ангстрёмъ, Плюккеръ и др.), которые выравняли имъ путь; поэтому и здѣсь не обошлось безъ споровъ о первенствѣ. Заслугу иниціативы здѣсь опять оспариваютъ у нѣмцевъ англичане съ Тэтомъ во главѣ. Однако, претензіи чужеземцевъ блѣднѣютъ предъ занимающимъ лишь двѣ страницы въ одну восьмую сочиненіемъ Кирхгоффа, вышедшимъ въ 1859 году, который считается годомъ рожденія спектральнаго анализа. Послѣ спектрально-аналитическія изслѣдованія подвинули впередъ и обогатили, кромѣ физики и аналитической химіи, еще технологію (напр., приготовленіе бессемеровской стали), астрономію (астрофизика), геологію и минералогію, физіологію и судебную медицину (открытіе слѣдовъ крови и ядовъ).

Физическая оптика въ 50-хъ годахъ была поставлена въ надлежащую связь съ физіологіей Гельмгольцемъ, изобрѣтателемъ глазного зеркала (1851 г.). Гельмгольцъ, а также Эрнстъ Аббе (1840—1905), установили предѣлы работоспособности микроскопа, который пріобрѣлъ новое вспомогательное средство въ иммерсіонныхъ линзахъ Джованни Баттиста Амичи (1786—1863). Широкая область діоптрики разрабатывалась частью математиками, частью руководителями и служащими большихъ оптическихъ институтовъ — напр., Аббе, который работалъ у Цейсса въ Іенѣ. Фотометрія, теорія которой была вновь обработана Евгеніемъ фонъ Ломмелемъ (1837—1899), обладаетъ теперь цѣлымъ арсеналомъ остроумныхъ приборовъ. Всѣ знаютъ, а частью видѣли воочію, какой прогрессъ сдѣлало за послѣднія сто лѣтъ освѣщеніе, послѣдовательно переходя отъ стеариновой свѣчки и спичекъ къ лампѣ съ регуляторомъ и керосиновой лампѣ, къ газовому свѣту и газо-калильному свѣту (импрегнированныя калильныя горѣлки Карла Ауэра фонъ Вельсбаха [род. 1858 г.], къ ацетиленовому и магнезіальному свѣту; однако, всѣ эти виды освѣщенія были превзойдены электрическимъ освѣщеніемъ въ его двухъ главныхъ видахъ: изобрѣтенной уже Дэви вольтовой дуги (Грамме, Сименсъ, Брусъ, Павелъ Яблочковъ [1847—1894] и лампочки накаливанія (Эдисонъ, Гирамъ Максимъ [род. 1840 г.], Вальтеръ Нернстъ [род. 1864 г.] и Ауэръ).

Подобно освѣщенію, фотографія также развилась въ отрасль промышленности съ ежегоднымъ оборотомъ въ сотни милліоновъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ рядъ упрощающихъ процессъ полученія снимковъ изобрѣтеній сдѣлалъ ее предметомъ забавы. Едва ли существуетъ какая-либо отрасль образовательныхъ искусствъ или преподаванія, которымъ фотографія не оказала бы неожиданныхъ услугъ. Будущее принадлежитъ находящейся еще въ стадіи возникновенія цвѣтной фотографіи. Среди теоретиковъ и усовершенствователей фотографическаго искусства первое мѣсто занимаютъ Германнъ Вильгельмъ Фогель (род. 1834 г.) и Іозефъ Марія Эдеръ (род. 1855 г.). Изобрѣтательному Эдисону человѣчество обязано кинематографомъ, который сообщаетъ видимую жизнь мертвымъ моментальнымъ фотографіямъ и начинаетъ оспаривать мѣсто у волшебнаго фонаря. Столь важное въ теоретическомъ и экспериментальномъ отношеніяхъ

ученіе о поляризаціи также дало мимоходомъ полезный инструментъ — сахариметръ (Солейль, Вильдъ, Лоранъ), служащій для опредѣленія содержанія сахара въ жидкостяхъ. Изученіе замѣченной уже раньше флуоресценціи пріобрѣло важность благодаря связи съ ученіемъ объ электричествѣ (гейслеровскія трубки). Въ тѣсномъ родствѣ съ нею стоитъ фосфоресценція, которая старательно изучалась П. Генрихомъ (1758—1825), Джономъ Уильямомъ Дреперомъ (1811—1882) и Александромъ Эдмондомъ Беккерелемъ (1820—1891 гг.; фосфороскопъ). Оба явленія толкуются, какъ оптическій резонансъ (отдача поглощенныхъ свѣтовыхъ колебаній эѳиру.)

Особенно усердно и съ наибольшими результатами для науки и техники изучаютъ въ настоящее время электричество; оно обѣщаетъ поглотить не только магнетизмъ и ученіе о свѣтѣ — это уже почти совершившійся фактъ, — но и всю физику и химію. Теорія волнъ и эѳира, повидимому, утрачиваетъ свое значеніе, и возстановляется напоминающая ньютоновское ученіе объ истеченіи корпускулярная теорія, которая хвалится, что открыла первоначальное вещество и первоначальную силу мірозданія.

Въ послѣдней половинѣ 19-го вѣка всего менѣе пріумножило свое наслѣдіе электричество отъ тренія. Существенный прогресъ въ этой области составили только изобрѣтенныя Августомъ Теплеромъ (род. 1836 г.) и Вильгельмомъ Гольцомъ (род. 1836 г.) электромашины; по сравненію съ прежними электризаціонными машинами сила ихъ дѣйствія вызывала удивленіе, но онѣ далеко отставали отъ вошедшихъ скоро въ употребленіе динамомашинъ. По той же причинѣ термо- и пироэлектричество также скромно оставались на заднемъ планѣ (Вильгельмъ Готтлибъ Ганкель; 1814—1899).

Современная электротехника великолѣпно разрѣшила обѣ задачи, связывающія физическую науку и хозяйственную жизнь: превращеніе и передачу силы. Электротехническій аппаратъ для превращенія силы состоитъ изъ трехъ необходимыхъ частей: начальной машины, работающей при помощи силы, данной природою, динамоэлектрической промежуточной машины, превращающей механическую работу въ токъ, и динамоэлектрической конечной машины, „посредствомъ которой энергія тока проявляется въ измѣненной формѣ механической работы“ (Гюнтеръ). Годомъ рожденія электротехники можно принять 1847 годъ, въ которомъ Эрнстъ Вернеръ Сименсъ (1816—1892 гг.; см. табл. при стр. 93, фиг. 4-ая) и Іоганнъ Георгъ Гальске (1814—1890) основали свои всемірно извѣстныя мастерскія, или 1866 г., когда Сименсъ построилъ названную по его имени электромагнитную машину, дававшую сначала перемѣнные токи. Затѣмъ вмѣсто прежнихъ коммутаторовъ былъ введенъ изобрѣтенный Антоніо Пачинотти (род. 1841 г.) и усовершенствованный Зенобомъ Теофилемъ Граммомъ (1826—1901) кольцеобразный индукторъ (1871 г.), и перемѣнный токъ превратился въ постоянный; для той же цѣли служитъ также барабанный якорь Гефнера-Альтенекка. Для передачи силы позднѣе предпочитался перемѣнный токъ. Первый примѣръ передачи силы на большое разстояніе дала Франкфуртская выставка (передача двухсотъ лошадиныхъ силъ отъ Неккара близъ Ляуффена на 175 километровъ до Франкфурта). Въ 1879 г. Сименсъ и Гальске построили первую электрическую желѣзную дорогу. Съ тѣхъ поръ электричество получило доступъ во всѣ возможныя отрасли производства, кругъ которыхъ постоянно расширяется.

Телеграфъ, который появился въ первой половинѣ 19-го вѣка, во второй былъ усовершенствованъ (самопишущій аппаратъ Давида Эдуарда Хьюиса, 1831—1900; двойная телеграфія Юліуса Вильгельма Гинтля, 1804—1883 и т. д.); къ воздушному телеграфу присоединился подводный (Сапрасъ Вестъ Фильдъ, 1819—1892), послѣ того, какъ Вернеръ Сименсъ далъ конструкцію прочныхъ кабелей.

Въ связи съ телеграфомъ стоитъ **телефонъ**. Среди прежнихъ опытовъ съ передачей звуковъ на разстояніе при помощи проволоки выдаются опыты Филиппа Рейса (1834—1874). Телефонъ началъ свое путешествіе по землѣ съ 1874 г.; его творцомъ является Александръ Грэмъ Белль (род. 1847 г.), изобрѣтатель фотофона. Дѣйствіе телефона было усилено при помощи изобрѣтеннаго Хьюисомъ микрофона.

Еще не вполнѣ созрѣвшая безпроволочная или **искровая телеграфія** опирается на рядъ открытій и изобрѣтеній, представляющихъ крайній предѣлъ современной науки и техники. Каждый производившій самостоятельные опыты надъ безпроволочной телеграфіей лишь комбинировалъ болѣе или менѣе искусно уже имѣющіяся данныя. Это относится и къ Гильельмо **Маркони** (род. 1875 г.), который имѣлъ счастье или искусство возбудить вниманіе міра въ бо́льшей степени, чѣмъ его конкурренты (система Сляби-Арко и Брауна-Сименса). Знатокамъ физики эѳира уже давно было хорошо извѣстно, что свѣтъ и электричество одно и то же, т. е. простыя видоизмѣненія колебаній эѳира. Генрихъ Герцъ (1857—1894) въ 1888 г. далъ опытное доказательство этого, показавъ, что свѣтовыя и электрическія волны распространяются съ одинаковою скоростью 300,000 кил. въ секунду, подчиняются одинаковымъ законамъ отраженія и преломленія, и т. д.. Но электрическія волны имѣютъ большую длину, доходящую до 50 и даже до 300 метровъ, между тѣмъ какъ свѣтовыя и тепловыя волны измѣряются тысячными долями микрона. Длинныя волны, распространяющіяся по всѣмъ направленіямъ въ пространствѣ, указанныя еще Николя Тесля (род. 1856 г.), и были примѣнены къ безпроволочной телеграфіи; волны эти получаются посредствомъ шарового осциллятора, изобрѣтеннаго Августо Риги (род. 1850 г.). Маркони соединилъ съ осцилляторомъ изобрѣтенный Эдуардомъ Бранлеемъ (род. 1844 г.) соединитель и разъединитель Оливера Лоджа (род. 1851 г.). „Даже идея согласованія двухъ аппаратовъ другъ съ другомъ, какъ пары однозвучныхъ камертоновъ, принадлежитъ не ему (Маркони). Лишь это дало возможность предупредить перехватываніе и расшифровку депешъ". (Карлъ Снидеръ).

Послѣ новѣйшихъ открытій въ области **лучистой энергіи** чувствуется, будто почва уходитъ изъ-подъ ногъ. Хотя, быть можетъ, дѣло и не дойдетъ до полнаго крушенія прежнихъ теорій, все-таки придется тщательно пересмотрѣть допущенія, гипотетическій характеръ которыхъ забывали вслѣдствіе привычки постоянно работать съ ними. Іоганнъ Вильгельмъ Гитторфъ (род. 1824 г.), много сдѣлавшій для теоріи іоновъ, въ 1869 г. наблюдалъ, что внутренность гейслеровыхъ трубокъ освѣщается чудеснымъ свѣтомъ подъ вліяніемъ электрическаго тока даже тогда, когда въ ней нѣтъ никакого вещества. Уильямъ **Круксъ** (род. 1832 г.), изобрѣтатель радіометра, изучалъ эти лучи въ получившихъ его имя трубкахъ, совершенно лишенныхъ воздуха. Для самихъ лучей вошло въ употребленіе названіе „катодныхъ лучей". Лучи это обнаружили столь замѣчательныя свойства, что Круксъ производилъ ихъ не отъ колебаній эѳира, а отъ особаго состоянія аггрегаціи матеріи. Многіе физики уже обсуждали вопросъ, не слѣдуетъ ли замѣнить господствующія теоріи эѳира корпускулярной теоріей (движеніе мельчайшихъ частицъ вещества), похожей на ньютоновскую гипотезу истеченія, или хотя бы согласовать эти теоріи. Наблюденія надъ катодными лучами подвигались. Было установлено, что лучи эти отклоняются магнитомъ, не задерживаются твердыми тѣлами и несутъ съ собою электрическій зарядъ; наконецъ, Филиппъ фонъ Ленардъ (род. 1862 г.) при помощи алюминіеваго окошечка открылъ имъ путь изъ трубки на свободу. Идя по этому пути, Вильгельмъ Конрадъ **Рентгенъ** (род. 1845 г.; см. табл. при стр. 93, фиг. 6) пришелъ къ открытію Х-лучей (1895 г.), отличныхъ отъ катодныхъ. Къ нимъ присоединились еще

урановые или беккерелевскіе лучи (въ 1896 г. открытые Генри Беккерелемъ, род. 1852 г.), испускаемые многими фосфоресцирующими веществами, и лучи радія, открытые супругами Кюри (Пьеръ Кюри, 1859—1906; Мари Кюри, род. 1867 г.).

Джозефъ Джонъ Томсонъ (род. 1856 г.) и Генрикъ Антонъ Лоренцъ (род. 1853 г.) обосновали на многочисленныхъ явленіяхъ лучистой энергіи свои корпускулярныя теоріи. Свѣтъ вызывается раскаленными до бѣла частицами, пролетающими пространство со скоростью, доходящею до трети скорости свѣта. Заряженныя электричествомъ тѣльца поддаются измѣренію, подобно молекуламъ или атомамъ; послѣдніе повидимому являются комплексами такихъ тѣлецъ, можетъ быть, въ тысячи разъ меньшихъ, чѣмъ атомы. Стоней назвалъ эти гипотетическія тѣльца электронами. Предполагается, что изъ нихъ построена вселенная. Если это такъ, то эѳиръ не нуженъ, и приписывавшіяся ему до сихъ поръ явленія можно свести къ прямолинейно пробѣгающимъ пространство электронамъ.

c) Химія.

За прежними великими химиками Бойлемъ, Сталемъ, Шееле, Пристлеемъ, Кавендишемъ, Блекомъ къ концу 18-го вѣка слѣдовалъ Лавуазье; съ нимъ химія вышла изъ періода дѣтства и вступила въ эпоху своего обоснованія, установленія законовъ и завоеваній (т. VIII, стр. 545). Свѣтлый умъ Лавуазье сказался не только въ томъ, что онъ окончательно разсѣялъ призракъ флогистона, но, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ рядомъ съ качественнымъ анализомъ поставилъ на подобающее мѣсто количественный. Онъ удержалъ до сихъ поръ не поколебленное различеніе элементовъ и соединеній, принадлежащее Бойлю и составилъ списокъ 33 элементовъ, среди которыхъ, кромѣ устраненныхъ впослѣдствій свѣторода и теплорода, находились и такіе, которые онъ самъ считалъ разложимыми, хотя разложить ихъ и не могъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе четырехъ раздѣленныхъ между собою промежутками времени періодовъ открытій число элементовъ возрасло до 80. Перечень ихъ уже считался законченнымъ, когда Кирхгоффъ и Бунзенъ при помощи изобрѣтеннаго ими спектральнаго анализа открыли цезій и рубидій (1860 г.), къ которымъ потомъ присоединились таллій и индій. Вскорѣ послѣ этого Дмитрій Менделѣевъ (1834—1907 гг.) сгруппировалъ элементы на основаніи ихъ атомныхъ вѣсовъ въ періодическую систему, и, исходя изъ пробѣловъ въ этой системѣ, отважился предсказать существованіе еще не открытыхъ элементовъ (экаалюминій, экасилицій и экаборъ); позднѣе предсказанные элементы были дѣйствительно открыты, только получили другія названія: галлій, германій и скандій. Вскорѣ послѣ этого сталъ предметомъ изученія элементъ, который не доказанъ на землѣ, но былъ открытъ, посредствомъ спектральнаго анализа, на солнцѣ („гелій“). Лордъ Джонъ Уильямъ Струттъ Рейлей (род. 1842 г.) и Уильямъ Рамсей (род. 1852 г.) нашли послѣ этого гелій въ рѣдкихъ минералахъ и открыли содержащійся въ атмосферномъ воздухѣ „аргонъ“. Гелій и аргонъ вмѣстѣ съ открытыми Рамсеемъ элементами, криптономъ, неономъ и ксенономъ, образуютъ группу, неукладывающуюся въ рамки періодической системы. Еще болѣе непослушнымъ является радій, полученный супругами Кюри изъ ураново-смоляной руды.

Съ Лавуазье химія вступила подъ знакъ вѣсовъ. Плодотворное стремленіе все измѣрить и вычислить овладѣло химиками. Наступилъ первый періодъ расцвѣта физической химіи, давшій принципіальныя истины универсальнаго значенія. Такою давно уже извѣстною и нѣсколько разъ забывавшеюся истиной является неразрушимость или постоянство матеріи. Въ работахъ поколѣнія, слѣдовавшаго за Лавуазье, истина эта предполагается уже признанною

Къ современникамъ Лавуазье, слѣдовавшимъ его направленію, принадлежатъ во Франціи графъ Клодъ Луи де-Бертолле (1748—1822), выдающійся изслѣдователь и въ области химической технологіи, и Луи Воkеленъ (1763—1829), открывшій, между прочимъ, хромъ. Въ Германіи піонеромъ количественнаго метода былъ Мартинъ Генрихъ Кляпротъ (1743—1817). Скромный горнозаводскій рабочій Іеремія Веніаминъ Рихтеръ (1762—1807) изслѣдовалъ вѣсовыя отношенія, въ которыхъ кислоты и основанія соединяются въ соли и сдѣлался основателемъ стехіометріи (1794 г.). Но онъ былъ нѣмецъ, а нѣмцы тогда не считались за границей компетентными въ естественно-научныхъ вопросахъ; заслуга Рихтера не была признана ни Бертолле, ни его противникомъ Жозефомъ Луи Пру (1754—1826), хотя оба послѣдніе и стремились найти законы, которые управляютъ химическими соединеніями. Въ противоположность Бертолле, принимающему, что отношеніе, въ которомъ соединяются два вещества, зависитъ отъ ихъ массы и, слѣдовательно, измѣнчиво, Пру высказался за постоянство состава химическихъ соединеній. Къ закону постоянства состава Дальтонъ (см. стр. 95) около 1805 г. присоединилъ „законъ кратныхъ отношеній“: если одинъ элементъ соединяется съ другимъ въ нѣсколькихъ пропорціяхъ, то его количества стоятъ другъ къ другу въ простыхъ раціональныхъ отношеніяхъ (1:2:3 и т. д.). Знаніе этого привело Дальтона къ его величайшему научному дѣянію — возстановленію древней атомистики и нахожденію относительныхъ вѣсовъ недѣлимыхъ болѣе частицъ или атомовъ, изъ которыхъ состоятъ элементы (см. стр. 95). Отъ столь важной для химіи атомистики Дальтона графъ Амадео Авогадро 1776—1856) перебросилъ мостъ къ физикѣ, введя въ современную науку понятіе молекулы. Отъ него же исходитъ правило, что, въ равныхъ объемахъ различныхъ газовъ или паровъ содержится равное количество молекулъ.

Это время было поистинѣ счастливо на находки; ко всѣмъ уже перечисленнымъ основнымъ открытіямъ присоединилось открытіе еще изо- и полиморфизма (см. стр. 112), изо-, поли- и метамеріи. Послѣднія выраженія принадлежатъ Берцеліусу; подавшіе къ нимъ поводъ факты были установлены Фарадеемъ, Эдуардомъ Даніелемъ Клеркомъ (1769—1822) и Юстусомъ фонъ Либихомъ (1803—1873). Берцеліусъ же ввелъ терминъ „аллотропія“; поводъ подало открытіе озона Христіаномъ Фридрихомъ Шенбейномъ (1799—1868). Въ качествѣ основателя химическаго языка знаковъ Берцеліусъ былъ столь же счастливъ, какъ и въ даваніи названій. Превосходя всѣхъ современниковъ въ техникѣ изслѣдованія, онъ усердно принялся за опредѣленіе атомныхъ вѣсовъ, при чемъ за основаніе онъ принялъ кислородъ (= 100). Алексисъ Терезъ Пти (1791—1820) и Пьеръ Луи Дюлонгъ (1785—1838) дали въ законѣ атомной теплоты (или теплоемкости атомовъ) новое средство для вычисленія атомныхъ вѣсовъ.

Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ началась разработка органической химіи. Лавуазье и Берцеліусъ (по крайней мѣрѣ, въ раннихъ своихъ работахъ) отступали передъ организмами, потому что были виталистами, т. е. вѣрили въ таинственную силу, къ которой нельзя подойти химическимъ путемъ. Когда же отдѣльные изслѣдователи, какъ, напр., Мишель Эженъ Шеврейль (1786—1889) въ своей капитальной работѣ о жирахъ, взялись за разложеніе органическихъ веществъ, то они достигли цѣнныхъ результатовъ, не наталкиваясь ни на одинъ элементъ, ни на одну силу, которые не были бы имъ извѣстны изъ неорганической химіи. Виталисты искали спасенія въ утвержденіи, что хотя разложимость органическихъ веществъ на неорганическія и несомнѣнна, но построеніе органическихъ веществъ изъ ихъ элементовъ, другими словами, ихъ синтезъ невозможенъ. 1828-й г. принесъ съ собой первый синтезъ органическаго вещества: Фридрихъ Велеръ (1800—1882) получилъ мочевину изъ ціановой кислоты. Эта

удача долго оставалась единичнымъ фактомъ, не могущимъ убѣдить всѣхъ противниковъ. Но съ тѣхъ поръ органическая химія стала любимой областью изслѣдователей; кромѣ Велера въ ней плодотворно работали Либихъ и Жанъ Баптистъ Дюма (1800—1884). Съ тѣхъ поръ, какъ Либихъ открылъ свою знаменитую лабораторію въ Гиссенѣ (1824 г.), онъ сталъ несомнѣнно величайшимъ учителемъ своей профессіи и воспитателемъ нѣмцевъ въ наукѣ, въ которой они превзошли превосходившихъ ихъ еще въ 1830 г. французовъ. Въ 1852 г. Либихъ поселился въ Мюнхенѣ; позднѣе рядомъ съ послѣднимъ пріобрѣли извѣстность, какъ центры химическихъ изслѣдованій, Лейпцигъ и Берлинъ.

Въ почетной для обѣихъ сторонъ борьбѣ установленная Либихомъ и Дюма теорія радикаловъ побѣдила систему Берцеліуса, основанную на отождествленіи химическаго сродства съ электричествомъ. За теоріей радикаловъ быстро слѣдовали одна за другой нѣсколько системъ, которыя, несмотря на кратковременность своей жизни, двигали науку каждая на шагъ впередъ. Или, лучше сказать, наука двигалась такъ быстро, что теоріи, соотвѣтствовавшія ея состоянію въ данный моментъ, не могли жить долго. Съ выясненіемъ факта, что въ сложныхъ радикалахъ одинъ элементъ можетъ быть замѣщенъ другимъ, Огюстъ Лоранъ (1807—1853) превратилъ теорію радикаловъ въ теорію субституціи (подстановки) или ядеръ. Дюма въ своихъ изслѣдованіяхъ о трихлороуксусной кислотѣ нашелъ данныя для лучшей теоріи — старой теоріи типовъ. Дальнѣйшія изслѣдованія Лорана, Карла Фридриха Жерара (1816—1856), Карла Адольфа Вуртца (1817—1884), Августа Вильгельма Гоффманна (1818—1892) и Александра Уильямсона (род. 1824 г.) привели къ преобразованію старой теоріи типовъ въ новую. Германнъ Кольбе (1818—1884) сочеталъ затѣмъ теоріи типовъ съ теоріей радикаловъ. Его ученіе получило авторитетъ благодаря тому, что позволяло предсказывать существованіе еще неизвѣстныхъ веществъ, которыя потомъ дѣйствительно были открыты. Самая послѣдняя форма теоріи типовъ была не вытѣснена, а скорѣе поглощена теоріей валентности или атомности. Самъ Кольбе и Эдуардъ Франкландъ (1825—1899) начали этотъ процессъ, стараясь на основаніи закона кратныхъ пропорцій установить способность элементовъ къ соединенію. Мѣра способности къ соединенію есть не что иное, какъ валентность элементовъ.

Въ генетической связи съ теоріей валентности стоитъ ученіе о структурѣ. Послѣднее построено русскимъ ученымъ Александромъ Бутлеровымъ (1828—1886) въ существенномъ на основаніи работъ Августа Кекуле фонъ Страдоница (1829—1896) и А. С. Купера. Подъ структурой Бутлеровъ разумѣетъ характеръ взаимной связи атомовъ въ молекулѣ. Структура весьма убѣдительно и наглядно можетъ быть представлена посредствомъ графической діограммы. Но структурныя формулы недостаточно объясняли запутанныя формы изо-, мета-, поли- и тауто-меріи. Въ отдѣльныхъ случаяхъ проскальзывали представленія о пространственной группировкѣ атомовъ. 1874 годъ сразу принесъ съ собою настоятельно требовавшуюся пространственную химію или стереохимію углерода, основного вещества органической химіи, которую уже тогда опредѣляли, какъ химію углеродистыхъ соединеній. Одновременно и независимо другъ отъ друга выступили съ капитальными работами французъ Ж. А. Ле Бель (род. 1847 г.) и голландецъ Якобъ Гендрикъ фанъ т'Гоффъ (род. 1852 г., съ 1896 г.) въ Берлинскомъ университетѣ. Фанъ т'Гоффъ позднѣе прибавилъ къ стереохиміи углерода еще стереохимію азота. Выдающееся участіе въ дальнѣйшемъ развитіи этой новой отрасли знанія принимали: Викторъ Мейеръ (1848—1897), Адольфъ фонъ Бейеръ (род. 1835 г.), Эмиль Фишеръ (род. 1852 г.), Артуръ Гантушъ (род. 1857 г.), Іоганнъ Тиле (род. 1865 г.) и Эмиль Кневенагель (род. 1865 г.). Послѣдній указалъ на необ-

ходимость дополнить стереохимію мотостереохиміей, т. е. ученіемъ о разнообразныхъ движеніяхъ или колебаніяхъ атомовъ внутри молекулы.

На теоріи валентности основывается уже упомянутая улучшенная система химическихъ элементовъ — естественная или періодическая система, построенная Лотаромъ Мейеромъ (1830—1892) и Менделѣевымъ.

Въ теченіе десятилѣтій органическая химія затмевала свою сестру, неорганическую химію. Это имѣло свое основаніе: органическая химія пріобрѣла выдающееся значеніе для хозяйственной жизни. Изъ ея открытій выросли новыя вѣтви добывающей и обрабатывающей промышленности, новыя средства подчиненія природы человѣческимъ цѣлямъ. Одинъ изъ передовыхъ бойцовъ органической химіи, Либихъ, съ блестящимъ успѣхомъ соединилъ науку съ жизнью. Онъ первый распространилъ въ широкихъ кругахъ интересъ къ химіи своими вышедшими въ 1844 г. популярными „Письмами о химіи". Исторической исходною точкою для Либиха послужила физіологія растеній XVIII-го вѣка (см. т. VIII, стр. 551). Гемфри Дэви въ 1813 г. первый составилъ книгу, посвященную земледѣльческой химіи; поэтому онъ, большею частью считается отцомъ этой науки. Однако, онъ не освободился отъ предразсудковъ теоретиковъ земледѣлія, будто растеніе питается остатками органическихъ веществъ, содержащимися въ гумусѣ. Либихъ впервые съ критической остротою защитилъ положеніе, что растеніе питается неорганическими веществами, особенно каліемъ и фосфорною кислотою, заимствуя ихъ изъ почвы; поэтому удобреніе должно возмѣстить убыль этихъ веществъ, чтобы почва не подвергалась истощенію. Въ 1840 г. появилась основная работа Либиха: „Die organische Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie" („Органическая химія въ ея примѣненіи къ земледѣлію и физіологіи"). На ряду съ Либихомъ и, большею частью, въ согласіи съ нимъ, разработкой земледѣльческой химіи во всемъ ея объемѣ занимался Жанъ Баптистъ Буссэнго (1802—1887). Дальнѣйшимъ успѣхамъ этой поистинѣ плодотворной отрасли прикладного естествознанія способствовали Вильгельмъ Кнопъ (1817—1891), Іоганнъ Вильгельмъ Юліусъ Геннебергъ (1825—1890), Л. Ф. Целлеръ (1832—1885) и многіе другіе; напослѣдокъ также Марселленъ Бертело (1827—1907), который установилъ вліяніе электричества на плодородіе почвы и участіе микробовъ въ процессѣ нитрификаціи.

Въ физіологической химіи (животной химіи) наука также не осталась на точкѣ зрѣнія Либиха. Но значеніе Либиха сразу обнаружится, если сравнить его предшественниковъ, Леопольда Гмелина (1788—1850) и Фридриха Тидеманна (1781—1861), съ его преемниками: Евгеніемъ фонъ Горупъ-Безанецомъ (1817—1878), Феликсомъ Гоппе-Зейлеромъ (1825—1895) и Евгеніемъ Бауманномъ (1846—1896). Особенно значительно было раздвинуто за предѣлы, достигнутые Либихомъ, ученіе объ обмѣнѣ веществъ благодаря Максу фонъ Петтенкоферу (1819—1901) и Карлу фонъ Фойту (род. 1831 г.), при чемъ дѣло не обошлось безъ борьбы. Физіологическая химія вмѣстѣ съ паталогической образуетъ теперь спеціальный отдѣлъ медицинской химіи, которая изъ соображеній цѣлесообразности отдѣляется отъ фармацевтической. Къ медицинской же химіи принадлежитъ и судебная химія. Особой отраслью изслѣдованія считается также токсикологія (ученіе о ядахъ). Такъ важна стала химія даже для такихъ областей практической жизни, гдѣ человѣкъ не преслѣдуетъ хозяйственныхъ цѣлей.

Либихъ долго считался руководящимъ авторитетомъ и въ химіи броженія. Онъ довелъ до апогея чисто механическое, неорганическое пониманіе броженія Шееле, Лавуазье и Гей-Люссака. Но благодаря работамъ Теодора Шванна (1810—1882), Карла Вильгельма Нэгели (1817—1891) и Луи Пастера (1822—1895) побѣду одержала противоположная виталистическая теорія, согласно которой процессы броженія и гніенія вы-

зываются различными видами бродильныхъ грибковъ, т. е. организованными живыми существами.

Блестящее положеніе въ области современной химической технологіи занимаетъ химія горючихъ и освѣтительныхъ матеріаловъ, особенно же получающихся при продуктахъ дестилляціи. Начало фабрикаціи свѣтильнаго газа относится къ двумъ первымъ десятилѣтіямъ XIX-го вѣка. Въ 30-хъ годахъ обратили вниманіе на газовый или каменноугольный деготь. Получающіяся изъ него легкія и тяжелыя масла (бензолъ, толуолъ, фенолъ и т. д.) пріобрѣтали все большее и большее значеніе. Фридрихъ Фердинандъ Рунге (1795—1867) открылъ ціанолъ, тѣло, которое, будучи обработано хлористою известью, обнаружило фіолетовую окраску. Русскій Н. Зининъ (1812—1880) нашелъ подобное же вещество, названное имъ бензиданомъ. Гофманнъ (стр. 106) распозналъ тождественность обѣихъ веществъ и, открывъ красную анилиновую краску (1858 г.), далъ толчекъ къ фабрикаціи каменноугольныхъ красокъ, такъ высоко развитой теперь въ Германіи. Химія каменноугольнаго дегтя дала, кромѣ разнообразныхъ красящихъ веществъ, душистыя вещества и лѣкарственныя средства. Къ числу отраслей промышленности, обязанныхъ своими успѣхами химіи, принадлежитъ фабрикація взрывчатыхъ веществъ. Въ 1838 г. Христіанъ Фридрихъ Шенбейнъ (1799—1868) изобрѣлъ гремучій хлопокъ, изъ котораго посредствомъ алкоголя и эѳира онъ получилъ коллодій (1845 г.). Черезъ два года А. Собреро (1812—1888) и Теофиль Жуль Пелузъ (1807—1867) изобрѣли нитроглицеринъ. Въ 1867 г. Альфредъ Нобель (1833—1896) получилъ играющій столь важную роль въ техникѣ динамитъ, и въ 1888 г. посредствомъ процесса желатинаціи уменьшилъ опасность обращенія съ динамитомъ. Послѣ войны 1870—1871 гг. Бертело частью изъ патріотизма, частью изъ интереса къ термохиміи занялся взрывчатыми веществами. Ему удалось измѣрить скорость разряда и установить его волнообразный характеръ. Его сотрудникъ Віейль изобрѣлъ одновременно съ Нобелемъ бездымный порохъ. Изъ нитроцеллулезы посредствомъ смѣшенія съ камфорой былъ полученъ общеупотребительный целлулоидъ (братья Гіаттъ, 1869 г.), посредствомъ денитраціи — искусственный шелкъ. Древесина и клѣтчатка примѣняются при производствѣ бумаги, въ которомъ химія играетъ такую же роль, какъ и въ производствѣ крахмала и сахара. Къ ея сферѣ относится также очищеніе растительныхъ и животныхъ жировъ (производство мыла, глицерина, спиртоваго лака), костей и кожъ.

Самымъ поразительнымъ результатомъ современной химіи является синтезъ органическихъ тѣлъ. За велеровскимъ синтезомъ мочевины (см. стр. 105) послѣ длиннаго промежутка времени послѣдовалъ найденный Кольбе (1845 г.) синтезъ винной и уксусной кислотъ. Первую теорію и основную работу по синтетической химіи далъ Бертело въ своей двухтомной „Chimie organique fondée sur la synthèse“ („Органическая химія, основанная на синтезѣ“, 1860 г.). Его синтезы муравьиной кислоты, алкоголя и бензола поистинѣ составили эпоху. Въ этой области онъ явился піонеромъ еще въ болѣе высокомъ смыслѣ, чѣмъ въ земледѣльческой химіи и въ термохиміи.

Среди нѣмецкихъ представителей синтетической химіи старымъ мастеромъ своего дѣла является Адольфъ фонъ Бейеръ, который открылъ эозинъ и церулеинъ и которому мы обязаны искусственнымъ полученіемъ индиго. Карлъ Гребе (род. 1841 г.) получилъ ализаринъ и вмѣстѣ съ Лео Либерманномъ фонъ Сцентлеріуцомъ (род. 1852 г.) получилъ искусственно красную мареновую краску. Возбудили сенсацію синтезы нѣкоторыхъ алколоидовъ, какъ, напр., произведенный Альбертомъ Ляденбургомъ (род. 1842 г.) синтезъ коніина. Но наибольшую извѣстность пріобрѣлъ своими синтезами винограднаго сахара и другихъ видовъ сахара, частью неизвѣстныхъ

раньше, Эмиль Фишеръ (стр. 107) въ Берлинѣ. Несмотря на всѣ усилія, способъ синтеза бѣлка до сихъ поръ еще не найденъ.

Важнѣйшимъ событіемъ въ новѣйшей исторіи химіи является выдѣленіе въ качествѣ особаго предмета изученія и изслѣдованія физической химіи. Къ ней принадлежатъ термо-, фото- и электрохимія, являющіяся, впрочемъ, и самостоятельными дисциплинами. Отъ великихъ физико-химиковъ начала 19-го вѣка: Дальтона, Гей-Люссака, Фарадея, Дюма и т. д., мы переходимъ черезъ Г. Г. Гесса (1802—1852), Кольбе, Коппа, Густава Видеманна (1826—1898) къ новѣйшему періоду, начавшемуся въ 80-хъ годахъ, главными дѣятелями котораго являются Арреніусъ, Оствальдъ, фанъ т'Гоффъ и Нернстъ. Они разрабатываютъ научную область, о которой удачно сказано, что въ ней химія ставитъ вопросы, а физика ссужаетъ средства для отвѣтовъ. Рѣшеніе многихъ изъ возбужденныхъ вопросовъ во всякомъ случаѣ принадлежитъ лишь будущему.

Всего плодотворнѣе была разработка отдѣльныхъ вопросовъ, важность которыхъ обнаружилась лишь по мѣрѣ постепеннаго ихъ разрѣшенія. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ проблема растворовъ, особенно разведенныхъ. Добытыя въ этой области познанія привели къ ученію объ электрохимической диссоціаціи, пролившемъ въ свою очередь новый свѣтъ на электролизъ. Кромѣ того, наука теперь глубже проникла въ сущность химическаго сродства, чѣмъ было раньше; при этомъ удалось найти мѣру для этого сродства въ электродвигательной силѣ. Причины скорости реакціи до сихъ поръ, однако, еще не выяснены.

Взятые въ своей совокупности результаты физико-химическаго изслѣдованія такъ важны, что не могутъ быть игнорируемы даже химиками, стоящими внѣ данной спеціальности. Особенно необходимою основою для всѣхъ химиковъ является разработанная физико-химиками общая химія. Печально было бы, если бы здѣсь повторилось то, что часто случалось при отдѣленіи новыхъ отраслей науки, а именно, — утрата интереса со стороны науки-матери къ наукамъ-дочерямъ и наоборотъ. Кое-что говоритъ, впрочемъ, противъ вѣроятности такого отчужденія: несмотря на тенденцію къ выдѣленію все новыхъ спеціальностей, наблюдается упадокъ той слѣпой спеціализаціи, которая ничего, кромѣ своего уголка, знать не хочетъ. Спеціалисты становятся, въ общемъ, болѣе внимательны къ связи съ цѣлымъ.

d) Астрономія.

Астрономія, — наиболѣе почитаемая изъ конкретныхъ естественныхъ наукъ уже за свою древность, она обязана частью своихъ успѣховъ въ новѣйшее время улучшенію приборовъ въ обсерваторіяхъ и усовершенствованію искусства наблюденія Подвинулись также искусства вычисленія и математическая теорія разнообразныхъ и запутанныхъ движеній небесныхъ тѣлъ. Среди дѣятелей вычислительной астрономіи выдаются Гауссъ, Фридрихъ Вильгельмъ Бессель (1784—1846), Эженъ Делонэ (1816—1872), Вильгельмъ Клинкерфюсъ (1827—1884), Гуго Гильденъ (1841—1896), Теодоръ фонъ Оппольцеръ (1841—1883) и Пуанкаре (см. стр. 92). Кромѣ незамѣнимой дѣятельности свѣтлыхъ умовъ, богатыхъ спеціальными дарованіями и энтузіазмомъ, развитію всѣхъ отраслей науки о небѣ содѣйствовали улучшеніе организаціи и сотрудничества научныхъ учрежденій и постоянная провѣрка наблюденій, производимыхъ персоналомъ болѣе чѣмъ 200 учрежденій. Кромѣ того съ середины XIX вѣка въ распоряженіи астрономіи очутились два новыхъ мощныхъ орудія: спектроскопія и фотографія. Чего не могла открыть никакая острота чувствъ, никакой рефракторъ, то показали человѣку разложенные и химически дѣятельные свѣтовые лучи. Уже въ юности астрономія обладала даромъ прорицанія. На ряду съ широкими астрологическими пророчествами издавна существовали скромныя

астрономическія. Эти послѣднія ограничивались процессами природы, правильное повтореніе которыхъ могло быть предсказано съ точностью до мельчайшихъ подраздѣленій времени. XIX вѣкъ дебютировалъ открытіемъ, подтверждавшимъ старыя предсказанія. Уже давно утверждали, что должно существовать небесное тѣло, заполняющее ненормально большой промежутокъ въ планетной системѣ между Марсомъ и Юпитеромъ; Джузеппе Піацци (1746—1826) въ новогоднюю ночь 1801 г. открылъ звѣзду, названную имъ Церерой; ея планетная орбита была вычислена Вильгельмомъ Ольберсомъ (1758—1840). Это былъ первый изъ планетоидовъ или астероидовъ, за которымъ позднѣе слѣдовали Паллада, Юнона и Веста. Нѣсколько разъ каталогъ звѣздъ этого рода считали законченнымъ, но счастливые отыскиватели планетоидовъ, какъ, напр., Джонъ Руссель Гайндъ (1823—1895) или Іоганнъ Ализа (род. 1848 г.), дѣлали все новыя открытія планетоидовъ, въ общемъ, болѣе 400.

Блескъ астрономическихъ предсказаній обнаружился всего эффектнѣе на открытіи планеты Нептуна. Уже Алексисъ Буваръ (1767—1843) на основаніи извѣстныхъ неправильностей движенія Урана заключилъ о существованіи планеты за Ураномъ. Равно искусный и въ вычисленіяхъ, и въ наблюденіяхъ Бессель переписывался объ этомъ съ другими изслѣдователями. Урбенъ Леверрье (1811—1877) изъ Парижской обсерваторіи въ 1846 г. представилъ французской академіи свои вычисленія относительно орбиты предполагаемой планеты, сообщивъ ихъ также работавшему въ Берлинѣ Іоганну Готтфриду Галле (1811—1905); послѣдній въ тотъ же вечеръ (23 сентября 1846 г.) отыскалъ Нептунъ.

Астрофизика и фотографія оказали цѣнное содѣйствіе болѣе точному познанію планетъ и ихъ спутниковъ. Особенно большой интересъ возбуждали поверхность Марса, кольца Сатурна и обращенная къ землѣ сторона луны. Марсомъ подробно занимался Джіованни Чіапарелли (род. 1835 г.), съ выводами его, однако, не всѣ согласны. Установлено только то, что Марсъ изъ всѣхъ небесныхъ тѣлъ всего больше походитъ на землю, и что можно допускать его обитаемость организованными существами, не утверждая того безусловно. Сравнительный же недостатокъ воздуха и воды на лунѣ исключаетъ обитаемость этого спутника земли. Въ остальныхъ отношеніяхъ обращенная къ землѣ сторона луны, съ которой безчисленное множество разъ дѣлались снимки, топографически извѣстна даже лучше, чѣмъ нѣкоторыя части нашихъ полярныхъ зонъ.

Кометы и теперь еще, какъ и раньше, являются большою загадкой. Понятно, что количество охотниковъ за кометами всегда было больше, чѣмъ количество ихъ вычислителей (Бессель, Ольберсъ, особенно Іоганнъ Францъ Энкке [1791—1865], Гиндъ, Карлъ Христіаннъ Брунсъ [род. 1830 г.], Фридрихъ Августъ Теодоръ Виннеке [1835—1897] и т. д.). Такъ какъ кометы въ междупланетныхъ пространствахъ фактически распадаются и такъ какъ орбиты нѣкоторыхъ періодическихъ потоковъ метеоритовъ и падающихъ звѣздъ совпадаютъ съ орбитами кометъ, то Чіапарелли въ 1867 г. вывелъ отсюда заключеніе, что кометы являются аггрегатами метеоритовъ, а скопленія метеоритовъ — распавшимися кометами. Но на ряду съ этимъ твердо установленъ другими астрономами фактъ, что метеориты попадаютъ въ нашу солнечную систему изъ междузвѣздныхъ пространствъ и могутъ при этомъ притягиваться планетами. Спектроскопически кометы обнаруживаютъ какъ заимствованный отъ солнца, такъ и собственный свѣтъ. Несмотря на приложенныя изслѣдователями старанія, природа кометъ изучена еще неудовлетворительно.

Естественно, что для насъ, обитателей земли, наиболѣе интереснымъ изъ міровыхъ тѣлъ является снабжающее насъ свѣтомъ и тепломъ солнце. Эдмундъ Галлей (1656—1742) еще въ 1677 г. замѣтилъ, что прохожденія внутреннихъ планетъ по солнечному диску позволяютъ точно опредѣлить

параллаксъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разстояніе земли отъ солнца; послѣ этого было обращено надлежащее вниманіе на совершающіяся только два раза въ столѣтіе прохожденія Венеры (1761, 1769, 1874, 1882). Энкке изъ наблюденій 18-го вѣка опредѣлилъ величину угла параллакса въ 8·832 дуговыхъ секунды; Артуръ Оверсъ (род. 1838 г.) изъ обоихъ новѣйшихъ наблюденій опредѣлилъ величину этого угла въ 8·880 дуговыхъ секундъ. Какъ бы то ни было, для разстоянія солнца отъ земли остается безъ измѣненія помѣщенная во всѣхъ учебникахъ географіи величина: 200 милліоновъ нѣмецкихъ миль. Такъ какъ мощный центръ нашей планетной системы постоянно испускаетъ свѣтъ и теплоту, изъ которыхъ нашей землѣ достается лишь ничтожная доля, и такъ какъ онъ является почти источникомъ всякой жизни, то возникаетъ вопросъ, пополняется ли, и какъ пополняется потеря его энергіи? Робертъ Майеръ отвѣтилъ на этотъ вопросъ теоріей, по которой солнце нагрѣвается падающимъ на него космическимъ веществомъ; не слѣдуетъ, однако, пренебрегать и другимъ источникомъ возмѣщенія: излученіе обусловливаетъ сжатіе солнечной массы, а сжатіе опять порождаетъ теплоту. Старое ученіе, возведенное У. Гершелемъ въ догматъ, будто солнце есть темное, похожее на землю тѣло, окруженное свѣтлой оболочкой, поколеблено спектральнымъ анализомъ. Но хотя при помощи послѣдняго можно было получить точные выводы относительно фотосферы (свѣтлой оболочки), то относительно внутренности солнца и процессовъ, совершающихся въ ней, и спектральный анализъ не могъ дать ничего обстоятельнаго. При всемъ томъ существуетъ настоящая химія солнца, и въ раскаленной фотосферѣ послѣдняго спектроскописты доказали присутствіе 30-ти хорошо извѣстныхъ на землѣ элементовъ, особенно металловъ, главнымъ образомъ, желѣза, а также углерода и (сомнительнаго) кислорода. Какъ относительно солнечнаго ядра, такъ и относительно пятенъ и факеловъ этого свѣтила еще не удалось установить общеубѣдительныхъ теоремъ. Установлена только періодическая прибыль и убыль количества пятенъ ($11^1/_9$ лѣтъ); въ опредѣленіи ея наибольшія заслуги принадлежатъ Рудольфу Вольфу (1816—1893).

На основаніи приведенныхъ Фридрихомъ Вильгельмомъ Аргеландеромъ (1799—1875) убѣдительныхъ аргументовъ, солнечной системѣ приписывается собственное движеніе въ міровомъ пространствѣ. Однако, вопросъ о томъ, присуще ли солнцу и его спутникамъ простое поступательное движеніе (направленное къ полярной звѣздѣ) или же и вращательное движеніе, остается нерѣшеннымъ. Предположеніе Іоганна Генриха фонъ Медлера (1794—1874), что центральное солнце, вокругъ котораго движется наша система, расположено въ группѣ плеядъ, было опровергнуто Маріаномъ Ковальскимъ (1822—1884) и другими; однако, М. Голлъ (род. 1845 г.) отстаиваетъ допущеніе, что солнце въ теченіе около 20 милліоновъ лѣтъ совершаетъ оборотъ вокругъ нѣкоторой центральной звѣзды.

Кажущееся неисчислимое количество звѣздъ, видимыхъ нормальнымъ глазомъ, достигаетъ 3—4 тысячъ. Нѣсколько разъ составлялись каталоги этихъ звѣздъ, а также и звѣздъ, видимыхъ въ телескопы. Были приготовлены старательно выполненныя звѣздныя карты (Аргеландеръ, Гейсъ, Прокторъ). Но эти заслуженныя работы обратятся во второстепенныя пособія, когда будетъ выполнено и обработано рѣшенное на астрофотографическомъ конгрессѣ 1887 г. международное предпріятіе, имѣющее цѣлью сфотографировать все звѣздное небо; пластинки обнаруживаютъ массу свѣтлыхъ точекъ, замѣтить которыя не позволяютъ самые сильные рефракторы. Современемъ можно будетъ опредѣлить положеніе около 20 милліоновъ звѣздъ. Однако, о нѣкоторыхъ небесныхъ тѣлахъ фотографія не даетъ никакихъ свѣдѣній, хотя тѣла эти могутъ быть и открыты, и вычислены; таковы темныя погасшія звѣзды. Иногда такая звѣзда сопровождаетъ свѣтлую, и обѣ онѣ образуютъ двойную звѣзду. Если уже вы-

численіе движеній двойныхъ звѣздъ представляется затруднительнымъ, то понятно сколько удивленія вызвало вычисленіе тройной звѣзды, произведенное Гуго Зейлигеромъ (род. 1849 г.). Отъ кратныхъ звѣздъ прямая дорога къ звѣзднымъ кучамъ и туманностямъ. Неподвижныя звѣзды и туманности раздѣляются на классы или типы по спектроскопическимъ свойствамъ; эти спектральные типы представляютъ ступени развитія или стадіи жизни свѣтилъ. Начиная съ первичной туманности, міровыя тѣла проходятъ различныя состоянія раскаленности, причемъ плотность ихъ увеличивается; наконецъ, они, подобно землѣ, пріобрѣтаютъ твердую кору съ огненножидкимъ содержимымъ съ водяной и воздушной оболочкой, или, подобно лунѣ, дѣлаются застывшими, почти лишенными воды и атмосферы тѣлами. Астрономія раньше и основательнѣе всѣхъ другихъ наукъ — географіи, геологіи и особенно исторіи — избавилась отъ узкихъ временныхъ и пространственныхъ представленій, связывающихъ насъ, какъ сыновъ земли. Однако, лишь теперь она отдѣлывается отъ безсодержательныхъ представленій и безконечности, которыя мы получили по наслѣдству; все болѣе и болѣе она примыкаетъ къ поддерживаемому физикой взгляду, что міръ вмѣстѣ съ своимъ запасомъ энергіи является конечнымъ.

e) Минералогія и геологія.

Къ началу XIX вѣка во всѣхъ отдѣльныхъ отрасляхъ науки образовались школы, упорно придерживавшіяся опредѣленныхъ программъ и проявлявшія большую нетерпимость по отношенію къ группамъ иначе мыслящихъ товарищей по профессіи. Такъ было и съ минералогіей. Противъ стремленія къ исключительному господству и односторонности геометрической или кристаллографической школы выдвинулось физическое и химическое направленіе; выше ихъ антагонизма стала позднѣе промежуточная школа, которая установила среди минералоговъ довольно сносный миръ. Но преобладаніе кристаллографовъ не исчезло, а привело къ раздробленію единой до того науки на собственно минералогію и литологію (петрографія, ученіе о породахъ).

Послѣ того, какъ Гаюи (см. т. VIII, стр. 549) поставилъ кристаллографію на математическое основаніе, въ этой пограничной области работали: Фридрихъ Жозефъ Соре (1795—1865), Іоганнъ Якобъ Бернарди (1794—1850), Самуель Вейссъ (1780—1851 гг.; основатель трехосной системы), математики Францъ Эрнстъ Нейманнъ (1798—1894) и Карлъ Фридрихъ Науманнъ (1797—1873). Вниманіе цѣлаго ряда изслѣдователей было направлено на то, чтобы получить возможно полный, свободный отъ пробѣловъ рядъ возможныхъ кристаллическихъ формъ, безразлично существуютъ ли онѣ въ дѣйствительности, или нѣтъ. Такія системы были составлены Іоганномъ Фридрихомъ Христіаномъ Гесселемъ (1796—1872), Огюстомъ Браве (1811—1863), А. Гадоленомъ (1828—1893), К. Іорданомъ (род. 1838 г.) и другими.

Такъ какъ кристаллографы клали свои системы осей въ основу классификаціи минеральнаго царства, то для науки было необходимо подчеркнуть значеніе химическаго состава минераловъ и показать важность этого послѣдняго для систематики. Во главѣ химической школы сталъ такой крупный ученый, какъ Берцеліусъ. Но его ученіе о зависимости кристаллической формы отъ химическаго состава не удержалось, послѣ того какъ Эйльгардъ Митчерлихъ (1794—1863) открылъ изо- и ди-морфизмъ. Позднѣе вліятельные учителя: Леопольдъ Гмелинъ (1788—1853), Карлъ Цезарь фонъ Леонардъ (1779—1862) и Карлъ Фридрихъ Науманнъ, тоже придавали химическому изслѣдованію руководящее значеніе для систематики; однако, они обращали вниманіе и на кристаллографическую сторону. Въ петрографіи и геологіи представителемъ химической точки зрѣнія былъ

Карлъ Густавъ Бишофъ (1792—1870); земля представлялась ему большой химической лабораторіей, а геологическія измѣненія въ существенномъ — слѣдствіями химическихъ процессовъ.

Въ виду односторонности геометрической и химической школъ, Фридрихъ Мосъ (1773—1839), которому принадлежали большія заслуги въ области кристаллографіи, основалъ „физическую школу"; онъ создалъ ученіе о признакахъ, которое составило эпоху въ описаніи и систематикѣ минеральнаго царства. Сторонникъ Моса, Вильгельмъ Карлъ фонъ Гайдингеръ (1795—1871), былъ приведенъ изученіемъ псевдоморфоза къ изученію условій, при которыхъ совершаются непрерывно происходящія въ природѣ химическія и кристаллическія превращенія. Такія превращенія, очевидно, могутъ быть производимы и наблюдаемы и въ лабораторіи. Уже въ 18 вѣкѣ Джемсъ Голлъ (1761—1832) и Джонъ Плейфэръ (1748—1819) подготовили почву для того, что въ 19 вѣкѣ получило названіе экспериментальной геологіи. Наиболѣе выдающимися изъ новѣйшихъ представителей послѣдней являются Габріэль Огюстъ Добрэ (1814—1896) и Фридрихъ Пфаффъ (1825—1886).

Перегородки, воздвигнутыя между различными науками и каѳедрами, къ счастію, не помѣшали тому, чтобы физическими свойствами минераловъ занимались какъ минералоги, такъ и физики; изучались: твердость (склерометръ = измѣритель твердости), эластичность, спайность, аггрегатное состояніе (жидкіе кристаллы Отто Леманна), ростъ, термическія и оптическія свойства, особенно поляризація, магнитныя и электрическія явленія. Отъ термоэлектричества отдѣлилось въ качествѣ особаго отдѣла піезоэлектричество. Такъ называется электричество, порождаемое въ кристаллахъ натяженіемъ и давленіемъ; оно открыто супругами Кюри и точнѣе изслѣдовано Рёнтгеномъ и Вольдемаромъ Фойгтомъ (род. 1850 г.).

Проникнуть въ тонкую структуру минераловъ помогъ микроскопъ; послѣдній далъ открывателю низшихъ животныхъ Христіану Готтфриду Эренбергу (1795—1876) возможность сдѣлать удивительныя открытія относительно состава нѣкоторыхъ горныхъ породъ, напр., известковыхъ и мѣловыхъ скалъ. Когда Генри Клифтонъ Сорби (род. 1826 г.) научилъ дѣлать тонкіе шлифы изъ неорганическихъ тѣлъ, для минералоговъ и геологовъ открылось новое поле изслѣдованія. Біологъ Отто Бючли (род. 1848 г.) былъ въ состояніи установить, что микроструктура неорганическихъ и органическихъ веществъ подчиняется одинаковымъ нормамъ; это указывало, что пошатнулась еще одна изъ перегородокъ, воздвигнутыхъ человѣкомъ для болѣе легкаго обозрѣнія безграничной области науки и для раздѣленія труда при разработкѣ послѣдней. Кто хочетъ познакомиться съ современнымъ состояніемъ минералогической науки, пусть обратится къ работамъ Густава Чермака (род. 1836 г.) и Пауля фонъ Грота (род. 1843 г.).

Ученіе о горныхъ породахъ (петрографія, литологія) было раньше или составною частью геологіи (такъ сказать, введеніемъ къ ней), или придаткомъ минералогіи. Сообразно этому, она трактовалась въ учебникахъ въ началѣ или въ концѣ, но всегда, какъ придатокъ, и причислялась къ той или другой каѳедрѣ. Порою, впрочемъ, ей посвящались и особыя сочиненія; такъ, Леонардъ трактовалъ ее подъ именемъ ориктогнозіи. Наконецъ, открывшія новые горизонты работы Фердинанда Циркеля (род. 1838 г.), Карла Генриха Фердинанда Розенбуша (род. 1836 г.) и Мориса Леви (род. 1838 г.) дали ей желанную самостоятельность. Литологіи были отведены особыя каѳедры, лабораторіи и кабинеты, хотя далеко не во всѣхъ высшихъ школахъ. Какъ и другія отрасли „описательнаго" естествознанія, литологія не ограничивается описаніемъ, опредѣленіемъ и классификаціей; она изучаетъ также законы структуры, происхожденія и измѣненія (метаморфизаціи) своихъ объектовъ. Такимъ образомъ она облегчаетъ работу

минералоговъ и геологовъ, давая имъ готовые результаты, добытые спеціальнымъ изслѣдованіемъ.

Петрографія или литологія остается необходимой для геолога, хотя она и оторвалась отъ семьи, заведя отдѣльное хозяйство; такъ же обстоитъ дѣло съ палеонтологіей, названной такъ зоологомъ Анри Мари де-Бленвиллемъ (1778—1850) и состоящей изъ двухъ отдѣльныхъ частей — палеозоологіи и палеофитологіи. Третья составная часть геологіи, динамическая геологія, является сферой, въ которой совмѣстно работаютъ въ настоящее время геологъ и географъ. Въ исключительномъ вѣдѣніи спеціалистовъ-геологовъ остался лишь одинъ отдѣлъ геологіи: стратиграфія, или ученіе о земныхъ пластахъ; послѣдняя наполовину является исторической дисциплиной — поскольку стремится изучить послѣдовательность и причинную связь періодовъ исторіи земли, наполовину же своего рода географіей (палеогеографія) — поскольку даетъ свѣдѣнія о прежнемъ состояніи земной поверхности.

Въ началѣ 19 вѣка обѣ партіи: нептунисты и вулканисты (см. т. VIII, стр. 549), стояли еще во всеоружіи другъ противъ друга. Затѣмъ нептунизмъ получилъ ударъ, отъ котораго онъ уже не оправился; именно, оба даровитѣйшіе ученика главы нептунистовъ, Вернера: Александръ фонъ Гумбольдтъ и Леопольдъ фонъ Бухъ (1774—1853) — оказались измѣнниками и примкнули къ противной партіи. Гумбольдтъ проявилъ всеобъемлющую дѣятельность во всѣхъ отрасляхъ естествознанія; Бухъ остался спеціалистомъ-геологомъ и наложилъ въ своей спеціальности свой индивидуальный отпечатокъ болѣе, чѣмъ на цѣлое поколѣніе. Властной натурѣ Буха соотвѣтствовало героическое пониманіе процессовъ природы; въ этомъ онъ сходился съ классически романтическимъ настроеніемъ своего вѣка, чѣмъ и объясняется его вліяніе. Эпоха Буха получила названіе „героическаго вѣка“ геологіи. Самъ Бухъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ отступилъ отъ своего преувеличеннаго вулканизма. Позднѣе, когда непримиримая противоположность нептунизма и вулканизма или плутонизма была устранена, еще разъ поднялъ голову близко родственный прежнему вернеровскому культу воды новый нептунизмъ Карла Густава Бишофа и его учениковъ. Но возрожденіе продолжалось не долго: вода и огонь научились ладить между собой.

Въ истинно романтическомъ стилѣ буховская эпоха надѣляла прошлое земного шара такими силами, ни одного примѣра которыхъ не можетъ дать презрѣнное настоящее выродившейся планеты. По представленіямъ поколѣнія, пережившаго революцію и Первую имперію, всѣ измѣненія и новообразованія на шаткой земной поверхности совершались катастрофически, въ короткіе промежутки времени, съ непостижимой силой. Основателемъ и самымъ выдающимся защитникомъ теоріи катастрофъ или катаклизмовъ былъ великій французскій анатомъ и палеозоологъ баронъ Жоржъ Кювье (1769—1832). Первымъ ополчился противъ ученія о геологическихъ революціяхъ Карлъ Эрнсть Адольфъ фонъ Гоффъ (1771—1837). Съ большимъ успѣхомъ противопоставилъ этому ученію свою теорію актуализма Чарльсъ Ляйеллъ (1797—1875); по его теоріи, въ прежніе періоды дѣйствовали силы, которыя господствуютъ на нашей землѣ и теперь; въ теченіе длинныхъ промежутковъ времени онѣ произвели тѣ измѣненія, для которыхъ не достаточно было бы кратковременнаго историческаго періода. Чтобы это простое и реалистическое ученіе получило распространеніе, требовалось сначала постепенно преодолѣть религіозный страхъ передъ милліонами лѣтъ и героически романтическое презрѣніе ко всему не бьющему въ глаза, обыкновенному, лишенному блеска и шума. Англійское вліяніе сказалось еще разъ около середины столѣтія, когда на континентъ началъ распространяться дарвинизмъ. Особенно онъ вліялъ на палеонтологію, данныя которой служили для него точкой опоры.

Кювье, внесшій свѣтъ въ хаосъ ископаемыхъ остатковъ позвоночныхъ животныхъ, со всею силой своей деспотической натуры отстаивалъ неизмѣняемость видовъ. Онъ сочеталъ съ своей теоріей катастрофъ ученіе, согласно которому каждый разъ послѣ полнаго уничтоженія прежней жизни имѣло мѣсто твореніе новыхъ животныхъ и растительныхъ видовъ, характеризующихъ новый геологическій періодъ. Ламаркъ (стр. 116) и Жоффруа Сентъ-Илеръ (стр. 116) не могли бороться съ авторитетомъ Кювье. За годъ до появленія „Origin of species" („Происхожденіе видовъ", 1859 г.) Дарвина выдающійся естествоиспытатель, палеонтологъ Луи Агассицъ (1807—1873), излагалъ еще въ благочестивой Америкѣ ученіе о катаклизмахъ и повторяющемся твореніи, включая сюда и положеніе о постоянствѣ видовъ. Но товарищи его по профессіи, хотя и не были еще строгими дарвинистами, все-таки не слѣдовали за нимъ. Въ систематической обработкѣ палеонтологіи первое мѣсто осталось за нѣмцами. Главный капитальный трудъ послѣднихъ лѣтъ 19-го вѣка принадлежитъ Карлу Альфреду фонъ Циттелю (1839—1904). Съ 1849 г. Австрія обладаетъ въ Имперскомъ геологическомъ институтѣ руководящимъ центромъ для всѣхъ отраслей геологіи. Въ задачи нашего общаго обзора не входитъ изложеніе деталей и оцѣнка заслугъ людей, которые въ тяжелыхъ условіяхъ работали молоткомъ во всѣхъ поясахъ земного шара. Въ послѣднее время замѣчаются признаки распаденія геологіи на многочисленныя спеціальности (сейсмологія, вулканологія и т. д.); но работы общаго характера, какъ „Morphologie" („Морфологія") Пенка, „Antlitz der Erde" („Ликъ земли") Зюсса, „Die Erde und das Leben" („Земля и жизнь") Ратцеля, даютъ увѣренность, что этой тенденціи будетъ данъ отпоръ.

B. **Органическія (біологическія) естественныя науки.**

Какъ ни желательно, чтобы термины употреблялись всегда въ одномъ и томъ же значеніи, это на практикѣ трудно достижимо. Къ числу порождающихъ недоразумѣнія терминовъ принадлежитъ и терминъ „біологія". Это выраженіе, которое можно перевести словами: „наука о жизни" или „ученіе о жизни", употребляется то въ широкомъ, то въ узкомъ смыслѣ. Въ широкомъ смыслѣ біологія обнимаетъ всю науку о живыхъ существахъ: растеніяхъ, животныхъ и человѣкѣ; въ узкомъ — представляетъ лишь отдѣлъ физіологіи, трактующій объ отношеніяхъ организмовъ къ окружающему міру и вытекающихъ отсюда жизненныхъ явленіяхъ. Для этого болѣе узкаго понятія не безъ основанія предлагались особыя обозначенія: ойкологія, біономія и этіологія. Слово „біологія" было примѣнено впервые въ самомъ широкомъ смыслѣ Готтфридомъ Рейнгольдомъ Тревиранусомъ (1776—1836) въ его появившейся въ 1802 г. шеститомной „Biologie der Philosophie der lebendigen Natur" („Біологія или философія живой природы"). Во всеобщее употребленіе оно вошло благодаря Огюсту Конту и Герберту Спенсеру.

Прежде чѣмъ излагать исторію отдѣльныхъ отраслей біологіи, надо отмѣтить историческое событіе, затронувшее всѣ біологическія науки и обнаружившее свое дѣйствіе далеко за ихъ предѣлами; мы имѣемъ въ виду возникновеніе ученія о происхожденіи видовъ, иначе — ученія о трансформаціи, иначе ученіе о развитіи, особенно въ формѣ, данной ему Дарвиномъ.

До конца 18 вѣка и даже много долѣе господствовалъ догматъ неизмѣняемости видовъ; сомнѣнія или указанія на возможность противоположнаго допущенія вспыхивали кое-гдѣ, какъ искры, и опять погасали. Догматъ постоянства видовъ соотвѣтствовалъ культурно-историческому характеру, философски религіозному духу эпохи. Вѣрующіе въ откровеніе и свободомыслящіе ученые и профаны твердо придерживались идеи чу-

деснаго мiроздателя и цѣлесообразности устройства вселенной во всѣхъ ея частяхъ; глубочайшей и благочестивѣйшей задачей человѣческаго ума считалось еще разъ продумать творческія мысли божества и настроиться сообразно съ ними.

Къ числу работъ, въ которыхъ высказывалось физико-теологическое и телеологическое направленіе періодовъ просвѣщенія и сентиментализма, принадлежали сочиненія Эразма Дарвина (1731—1802), дѣда преобразователя современной біологіи. Но въ „Zoonomia“ („Зоономія“, 1794—1798), „Phytonomia“ („Фитономія“, 1800) и въ „Temple of Nature“ („Храмъ природы“, 1803) Дарвина старшаго уже замѣчается стремленіе объяснять естественное естественно и цѣлесообразное механически. Въ идеяхъ у него не было недостатка, но ему не хватало той массы фактическихъ доказательствъ, которыми его внукъ поразилъ міръ и заставилъ противниковъ вникнуть въ существо своей аргументаціи. Эразмъ предвосхитилъ ученіе о происхожденіи видовъ Ламарка и важные элементы ученія о подборѣ Чарльза Дарвина. Но его объясненія не встрѣтили сочувствія и были едва замѣчены.

Болѣе сильное, никогда не изглаживавшееся вполнѣ впечатлѣніе произвела „Philosophie zoologique“ („Философія зоологіи“, 1809 г.) Жана Ламарка (собственно Жанъ Баптистъ Антуанъ Пьеръ де-Монэ; 1744—1829). Поэтому послѣдняго называютъ творцомъ теоріи происхожденія видовъ; онъ не только выдвинулъ, но и обосновалъ послѣднюю, хотя и несовершенно. Согласно воззрѣнію Ламарка, природа создала лѣстницу живыхъ существъ, послѣдовательно восходя отъ простого и несовершеннаго къ сложному и совершенному. Подъ вліяніемъ столь различныхъ на земной поверхности внѣшнихъ условій организмы постепенно измѣняютъ свои формы вслѣдствіе большаго или меньшаго употребленія отдѣльныхъ органовъ; такимъ образомъ отъ прежнихъ видовъ происходятъ новые, которые передаютъ свои свойства въ наслѣдство потомкамъ. Этьеннъ Жоффруа Сентъ-Илеръ (1772—1844 г.), подобно Ламарку, относилъ все къ вліянію окружающаго міра (monde ambiant); послѣдній всегда и повсюду является разнообразнымъ и измѣнчивымъ; въ результатѣ произошли и постоянно продолжаютъ происходить самыя разнообразныя животныя формы.

Не упорство традиціонныхъ взглядовъ и не авторитетъ научныхъ свѣтилъ, которые, какъ Кювье, были противниками идеи развитія, явились причиною того, что Ламаркъ, Жоффруа и другіе не привлекли къ себѣ вниманія; причиною этого было то отвращеніе ко всему, что походило на натурфилософію, которымъ отличалось поколѣніе, достигшее преобладанія около 1830 г. Только тогда, когда строго научное изслѣдованіе само достигло точки, гдѣ требовалось отвѣтить безъ обиняковъ на вопросы о правахъ прежней систематики, о предѣлахъ измѣнчивости особей и видовъ, о передачѣ потомству унаслѣдованныхъ и пріобрѣтенныхъ свойствъ, о причинахъ гибели прежнихъ и появленія новыхъ животныхъ и растительныхъ формъ, — только тогда наступило время для возрожденія ученія о происхожденіи видовъ. Лишь теперь теорія, объясняющая и доказывающая послѣдовательность и взаимную связь живыхъ существъ, могла овладѣть умами. Причина успѣха трехъ главныхъ работъ Чарльза Дарвина (см. табл. въ VI томѣ, стр. 646), „О происхожденіи видовъ“ (1859 г.), „Объ измѣнчивости животныхъ и растеній въ домашнемъ состояніи“ (1868 г.) и „О происхожденіи человѣка“ (1871 г.), — состояла въ томъ, что онѣ появились во-время.

Ядро и отличительный признакъ дарвинизма, какъ ученія о происхожденіи видовъ или о развитіи, состоитъ въ томъ, что происхожденіе новыхъ видовъ въ растительномъ и животномъ царствѣ объясняется естественнымъ и половымъ отборомъ (выборомъ, селекціей наиболѣе при-

способленнаго при данныхъ обстоятельствахъ) въ борьбѣ за сохраненіе жизни и размноженіе; при этомъ принимается во вниманіе въ качествѣ первичнаго факта неодинаковость и измѣнчивость живыхъ существъ отъ рожденія, ихъ способность приспособляться къ различнымъ условіямъ существованія и передавать по наслѣдству такимъ же измѣнчивымъ потомкамъ какъ унаслѣдованныя, такъ и пріобрѣтенныя свойства. Фактическія доказательства заимствуются частью изъ области искусственнаго отбора животныхъ и растительныхъ породъ сельскими хозяевами, садовниками и скотоводами; частью изъ сравнительной анатоміи и морфологіи, частью изъ физіологической теоріи развитія (онтогеніи, эмбріологіи), частью изъ палеонтологіи, частью изъ біологіи (ойкологіи) и хорологіи (географическаго распространенія организмовъ). Такъ какъ Дарвинъ медлилъ 12 лѣтъ съ приложеніемъ своей теоріи къ происхожденію человѣка, то его единомышленники, Гексли, Карлъ Фогтъ, Геккель и другіе, опередили его въ этомъ. Однако, въ своей третьей главной работѣ Дарвинъ рѣшился сдѣлать шагъ, на который не дерзнулъ его соперникъ, Альфредъ Россель Уоллэсъ (род. 1822 г.), но предъ которымъ не отступилъ на полстолѣтія раньше Ламаркъ. Дарвинъ говоритъ, что человѣкъ, какъ самое совершенное животное, „происходитъ отъ менѣе высоко организованной формы... отъ волосатаго и хвостатаго четвероногаго, которое, вѣроятно, жило на деревьяхъ и было обитателемъ Стараго Свѣта. Если бы все строеніе этого существа было изслѣдовано зоологомъ, то послѣдній причислилъ бы его къ четверорукимъ; это существо несомнѣнно было древнимъ общимъ прародителемъ обезьянъ Стараго и Новаго Свѣта“. Дарвинъ подчеркиваетъ, что человѣкъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи отличается отъ животныхъ только количественно и что онъ возвысился и усовершенствовался въ борьбѣ за существованіе такъ же, какъ животныя. Эту точку зрѣнія можно было перенести на всѣ отрасли науки о человѣкѣ и провести до мельчайшихъ подробностей.

a) Ботаника.

Среди бурь революціи и имперіи **ботаника**, какъ и нѣкоторыя другія науки, вела счастливую и спокойную жизнь. Она находилась почти исключительно въ рукахъ коллекторовъ и систематизаторовъ, которые видѣли свою задачу въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе засушить живое растеніе, опредѣлить его, наименовать и, пожалуй, описать. Но уже въ 30-хъ и 40-хъ годахъ наука о растеніяхъ пріобрѣла серьезный, строго систематическій, вѣрный дѣйствительности видъ. Отдѣлка, серьезность и глубина даны были ей морфологами и физіологами. Какъ бы сама собою она дозрѣла до идеи развитія, до дарвинизма, подъ вліяніемъ котораго она находится съ 1860 г.

Естественная система, авторами которой были оба Жюссье, едва могла держаться противъ болѣе удобной системы Линнея (см. т. VIII, стр. 550). Для побѣды „естественной“ систематики, построенной на морфологическихъ признакахъ, рѣшающее значеніе имѣли работы Огюстена Пирама **де-Кандолля** (см. т. VIII, стр. 656). Подобно всѣмъ ботаникамъ своего времени, онъ недооцѣнивалъ тайнобрачныя растенія, противопоставляя ихъ въ качествѣ безсѣмядольныхъ растеній однодольнымъ и двудольнымъ цвѣтковымъ. Онъ основалъ ботаническое ученіе о типахъ, подобное зоологическому ученію о типахъ у Кювье и химическому у Дюма. При этомъ онъ оказался истиннымъ отпрыскомъ латинской расы и ея дедуктивной логики. Онъ приписывалъ творческой природѣ симметрическій планъ, который фактически нарушался вслѣдствіе уклоненій троякаго рода: недоразвитія, преобразованія и сростанія отдѣльныхъ частей. Онъ расположилъ 151 семейство растеній своей системы въ нисходящій рядъ, начинающійся съ

растеній, принимаемыхъ за самыя совершенныя (лютиковыя), и спускающійся постепенно къ водорослямъ и грибамъ, какъ къ самымъ низшимъ растеніямъ. Само собою разумѣется, онъ былъ убѣжденъ въ реальности понятія о видѣ и въ неизмѣняемости видовъ. Послѣ смерти старшаго де-Кандолля сынъ его Альфонсъ (1806—1893) продолжалъ исполинскую работу („Prodromus systematis naturalis regni vegetabilis“ — „Обзоръ естественной системы растительнаго царства“), которую оставилъ незаконченной его отецъ. Предложенія де-Кандолля-сына, относительно объединенія ботанической номенклатуры, были приняты въ 1867 г. международнымъ ботаническимъ конгрессомъ въ Парижѣ, и съ тѣхъ поръ номенклатура существенно не измѣнялась, хотя и исправлялась. Между тѣмъ, рвеніе къ улучшенію или перестройкѣ заново естественной системы не ослабѣвало. Юліусъ Саксъ замѣчаетъ въ своей „Исторіи ботаники“, что съ 1825—1845 г. было предложено не менѣе 20 новыхъ системъ. Представителемъ новѣйшей филогенетической точки зрѣнія въ систематикѣ растеній является Адольфъ Энглеръ (род. 1844 г.); онъ вмѣстѣ съ Карломъ Прантлемъ (1849—1893) издали коллективный трудъ „Die natürlichen Pflanzenfamilien“ („Естественныя семейства растеній“); берлинская академія назначила Энглера редакторомъ обширнаго и дорогого изданія „Das Pflanzenreich“ („Растительное царство“). Собираніе и детальная обработка огромнаго матеріала, послужившаго для большихъ трудовъ по систематикѣ, является заслугою безчисленныхъ путешественниковъ и флористовъ, конечною цѣлью которыхъ было отыскиваніе, описаніе, классификація и наименованіе новыхъ видовъ. Необходимыя удобства и вспомогательныя средства систематизаторы находили себѣ въ музеяхъ съ ихъ гербаріями и рисунками, а также въ ботаническихъ садахъ и институтахъ высшихъ школъ.

Морфологія и анатомія растеній къ началу 19-го вѣка были въ застоѣ, изъ котораго ихъ вывела ошибочная, но увлекательная теорія метаморфозъ. Это дѣтище созданія, наполовину поэзіи и метафизики, наполовину дѣйствительности, выпестовалъ не кто иной, какъ Гете. Его превосходилъ фантазіей и спеціальными знаніями іенскій натурфилософъ Лоренцъ Окенъ (1779—1851). Оба они не безъ основанія считаются предшественниками или родоначальниками теоріи происхожденія видовъ. Изъ натурфилософскаго лагеря исходитъ также ходячая фраза о влеченіи организмовъ къ спирали, натолкнувшая Карла Фридриха Шимпера (1803—1867) на его ученіе о листорасположеніи. Шимперъ и Александръ Браунъ (1805—1877) дали толчекъ къ усердному и безпристрастному изученію взаиморасположенія органовъ растеній и морфологическихъ признаковъ видовъ, родовъ, семействъ, порядковъ и классовъ.

Подъемъ, который испытала теоретическая ботаника съ 30-хъ по 60-ые годы, былъ дѣломъ принципіальныхъ противниковъ какъ натурфилософіи, такъ особенно ученія о метаморфозахъ; это были скептическіе объективные спеціалисты, работавшіе съ микроскопомъ и другими физическими и химическими вспомогательными средствами. Благодаря ученію о клѣткѣ, они, идя рука объ руку съ зоологами и антропологами, направили въ надлежащее русло анатомію и исторію развитія растенія и радикально переработали оба главные отдѣла физіологіи растеній: ученіе о питаніи и о размноженіи. Во главѣ ихъ стоялъ Маттіасъ Якобъ Шлейденъ (1804—1881). Его „Grundzüge der wissenschaftlichen Botanik“ („Очерки научной ботаники“, 1842—1843), другое заглавіе которыхъ было „Die Botanik als inductive Wissenschaft“ („Ботаника, какъ индуктивная наука“), оказали рѣшающее дѣйствіе на товарищей по профессіи; его популярныя сочиненія („Растеніе и его жизнь“, „Море“, „Роза“) возвысили въ глазахъ профановъ описательное естествознаніе. Послѣ того, какъ сочиненія Шлейдена окончательно устарѣли, на смѣну имъ явились сочиненія его преемниковъ: Франца Унгера („Anatomie und Physiologie der Pflanzen“ —

„Анатомія и физіологія растеній“), Юліуса Сакса („Учебникъ ботаники“), Юліуса Визнера („Elemente der wissenschaftlichen Botanik“ — „Элементы научной ботаники“) и Эдуарда Страсбургера („Учебникъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній“); роль Шлейдена, какъ популяризатора перешла къ Фердинанду Кону („Растеніе“) и Антону Кернеру фонъ-Марилауну („Жизнь растеній“). Ошибки Шлейдена съ избыткомъ искупаются его ученіемъ о клѣткѣ, которое смутно предчувствовали и другіе (Шпренгель, Тревиранусъ); это ученіе состоитъ въ томъ, что ткани растеній вмѣстѣ и порознь состоятъ изъ клѣтокъ (1838 г.), и что клѣтка есть элементарный организмъ со своими собственными жизненными явленіями; изъ совокупности жизненныхъ явленій всѣхъ клѣтокъ слагается жизнь растенія. Уже въ слѣдующемъ году анатомъ Теодоръ Шваннъ (1810—1882) прибавилъ къ этому, что изъ клѣтокъ состоятъ и отъ клѣтокъ происходятъ и растенія, и животныя. Послѣ этого изслѣдованіемъ клѣтокъ занялись ботаники и зоологи; ученіе о клѣткѣ (цитологія) является основнымъ отдѣломъ общей біологіи. Шлейденъ и Шваннъ представляли себѣ, что клѣтки образуются такъ же, какъ образуются кристаллы въ растворахъ; самый выдающійся изъ анатомовъ растеній Гуго фонъ Моль (1805—1872) и величайшій физіологъ растеній своего времени Карлъ Вильгельмъ Нэгели (1817—1891) защищали, напротивъ, положеніе, что клѣтки размножаются исключительно дѣленіемъ (omnis cellula ex cellula). Моль распозналъ, что важнѣйшею составною частью клѣтки является не клѣточная оболочка (клѣточная мембрана), какъ думали Шлейденъ и другіе, а содержимое клѣтки, которое онъ назвалъ протоплазмою; онъ же ввелъ терминъ „интерцеллюлярная субстанція“. Въ 1833 г. Робертъ Броунъ (1773—1856) открылъ клѣточное ядро, значеніе котораго господствовавшая теорія клѣтки не оцѣнила надлежащимъ образомъ. Послѣ этого нѣкоторое время значеніе ядра переоцѣнивалось на счетъ протоплазмы; въ концѣ концовъ, послѣдовало примиреніе — было признано, что плазма и ядро одинаково важны для жизни клѣтки. Жизненныя явленія клѣтки (обмѣнъ веществъ, измѣненіе, размноженіе) составляютъ предметъ постояннаго изученія; какъ біологи, такъ и химики неутомимо изслѣдуютъ составъ плазмы и клѣточнаго ядра. Извѣстно, что среди веществъ, содержащихся въ клѣткѣ, преобладаютъ бѣлковыя соединенія. Однако, до исполненія завѣтнаго желанія: получить эти соединенія синтетически — еще очень далеко. Самымъ основательнымъ и счастливѣйшимъ изслѣдователемъ и глубочайшимъ мыслителемъ поколѣнія ботаниковъ, процвѣтавшаго около середины 19 вѣка, былъ Нэгели. Онъ и его современники обязаны своими успѣхами преимущественно изученію тайнобрачныхъ, которыми раньше пренебрегали. Нэгели никогда не ограничивался частностями; его привлекало построеніе теорій и системъ на основѣ тщательно изслѣдованныхъ фактовъ. Поэтому не было отдѣла въ его наукѣ, котораго бы онъ не обогатилъ и не преобразовалъ. Онъ, напр., распозналъ важность клѣточнаго дѣленія и верхушечной клѣтки для роста; онъ различилъ ростъ посредствомъ аппозиціи (приложенія) и ростъ посредствомъ интуссусцепціи (вставленія); онъ дополнилъ факты, устанавливаемые эмпирически, гипотезой объ образованіи и движеніи молекулярныхъ группъ, названныхъ имъ мицеллами. Нэгели пришелъ къ убѣжденію, что ученіе о постоянствѣ видовъ не можетъ быть удержано, задолго до появленія Дарвина и выхода изъ забвенія ученія о происхожденіи видовъ Ламарка. Точно также задолго до Геккеля внесшія много свѣта изслѣдованія Гофмейстера надъ размноженіемъ, смѣною поколѣній и эмбріологіей растеній привели ихъ автора къ убѣжденію, что исторія развитія (онтогенія) есть ключъ къ пониманію исторіи вида (филогеніи). Къ числу пророческихъ и предвосхищающихъ будущее работъ относится также „Versuch einer Geschichte der Pflanzenwelt“ („Опытъ исторіи растительнаго міра“) Франца Унгера (1800—1870); въ ней Унгеръ за

семь лѣтъ до Дарвина и за четырнадцать до Геккеля производитъ современные и вымершіе роды отъ немногихъ прародительскихъ формъ и высказываетъ мысль, что эти формы, вѣроятно, могутъ быть сведены къ общему корню (одноклѣточнымъ примитивнымъ растеніямъ).

Уже болѣе долговѣчные представители поколѣнія, появившагося на свѣтъ въ первой трети 19 вѣка, должны были занять опредѣленное положеніе по отношенію къ дарвинизму. Въ еще большей степени это было необходимо для поколѣнія ботаниковъ, родившихся между 1830—1860 гг. Даже самые молодые ботаники работаютъ еще среди водоворота, поднятаго этимъ революціонеромъ науки. Юліусъ фонъ Саксъ (1832—1897), какъ раньше Шлейденъ, нѣсколько времени считался въ широкихъ кругахъ дирижеромъ хора ботаниковъ. Его репутацію создали кромѣ его учебника и „исторіи ботаники" фитодинамическія изслѣдованія. Подъ фитодинамикой Саксъ разумѣлъ ученіе о движеніяхъ въ растительномъ царствѣ. Вильгельмъ Пфефферъ (род. 1845 г.) много потрудился надъ выясненіемъ химическихъ процессовъ въ растеніяхъ и движеній, вызываемыхъ химическими раздражителями; онъ освѣтилъ также значеніе хлорофилла для обмѣна веществъ и детали процесса оплодотворенія. Преимущественно на его работахъ и работахъ Эдуарда Страсбургера (род. 1844 г.) зиждется нераздѣльно господствующее теперь ученіе объ исторіи развитія растеній, о тонкомъ строеніи и дѣленіяхъ клѣточнаго ядра и вообще о составныхъ частяхъ клѣтки. Юліусъ Визнеръ (род. 1838 г.) съ успѣхомъ работалъ надъ самыми трудными отдѣлами физіологіи растеній, особенно надъ геотропизмомъ и геліотропизмомъ; самой выдающейся заслугой его является точное и научное изслѣдованіе сырыхъ матеріаловъ растительнаго происхожденія, имѣющихъ значеніе для торговли и промышленности, и указаніе способовъ раскрытія фальсификаціи ихъ.

Другую практически важную сферу открыли ботаники, занимавшіеся изученіемъ тайнобрачныхъ, съ Антономъ де-Бари (1831—1888) во главѣ, своими изслѣдованіями относительно броженія, гніенія и болѣзнетворныхъ грибковъ (цимо-, сапро-, патогенныя бактеріи). Изслѣдованія надъ слизистыми грибами и растительными паразитами привели де-Бари къ мысли о чистыхъ разводкахъ, создавшей эпоху въ методологіи. Но когда Эрнстъ Галлье (род. 1831 г.) началъ утверждать, что зараза или міазмы происходятъ отъ микроскопическихъ грибовъ и водорослей, де-Бари и большинство ботаниковъ и врачей высказались противъ него. Вначалѣ недоумѣвали, къ какому царству природы отнести бактеріи; Фердинандъ Конъ (1828—1898) твердо установилъ ихъ растительную природу. Названіе „схизомицеты" (грибы-дробянки) далъ этому классу Нэгели, другіе систематики соединяютъ грибы-дробянки и водоросли-дробянки въ одинъ отдѣлъ растеній дробянокъ (схизофитовъ). Изъ ботаниковъ особенно подробно изучали бактеріи де-Бари и Вильгельмъ Мигула; послѣ этого бактеріологія сдѣлалась особой наукой, разрабатываемой, главнымъ образомъ, медиками.

Съ появленіемъ создавшихъ эпоху сочиненій Дарвина, ботаники начали заниматься такъ называемыми біологическими въ тѣсномъ смыслѣ слова фактами, именно приспособленіемъ растеній къ жизни другихъ растеній и нѣкоторыхъ животныхъ. Особенное вниманіе привлекали нѣкоторыя явленія, родственныя паразитизму и все-таки настолько отличныя отъ послѣдняго, что по отношенію къ нимъ вошелъ въ общее употребленіе предложенный де-Бари терминъ: симбіозъ. Прекрасный случай симбіоза былъ открытъ Симономъ Швенденеромъ (род. 1829 г.); ему удалось установить, что лишаи не представляютъ самостоятельнаго класса растеній, а состоятъ изъ живущихъ совмѣстно къ обоюдной выгодѣ грибовъ и водорослей. Вскорѣ это было подтверждено искусственнымъ разведеніемъ лишаевъ (синтезъ лишаевъ). Роль насѣкомыхъ при оплодотвореніи растеній подробно изучали, кромѣ Дарвина, Германнъ Мюллеръ (1829—1883) и Пауль

Кнутъ. Симбіозъ муравьевъ съ нѣкоторыми растеніями, которыя даютъ этимъ животнымъ пріютъ, чтобы при ихъ помощи защититься отъ враговъ. былъ подробнѣйшимъ образомъ описанъ Фрицемъ Мюллеромъ (1821—1897), и др. Приспособленія растеній для защиты отъ климатическихъ вліяній и отъ другихъ живыхъ существъ описаны Антономъ Кернеромъ фонъ-Марилауномъ (1831—1898) и Эрнстомъ Сталемъ (род. 1848 г.).

Фитогеографія или географія растеній, составляющая, подобно зоогеографіи или географіи животныхъ, отдѣлъ біогеографіи, была основана въ началѣ 19 вѣка Гумбольдтомъ, Тревиранусомъ, Георгомъ Валенбергомъ (1780—1851) и Іоахимомъ Фредерикомъ Шоу (1787—1852); позднѣе она была разработана младшимъ де-Кандоллемъ и Августомъ Гризебахомъ; но лишь со времени Дарвина она достигла высокой ступени развитія, какъ показываютъ работы Адольфа Энглера и Оскара Друде (род. 1852 г.), Энглеръ объяснялъ распространеніе и группировку растеній на земной поверхности, главнымъ образомъ, палеонтологическими и біогенетическими моментами; Друде на ряду съ ними отводилъ подобающее значеніе и чисто географическимъ вліяніямъ. Вообще для науки было выгодно, что на біогеографію, кромѣ біологовъ, обратили вниманіе и географы.

По отношенію къ дарвинизму ботаники заняли сочувственное положеніе. Они усердно помогали разрабатывать вновь открывшіяся области и подвергли наличную массу идей и фактовъ переоцѣнкѣ съ точки зрѣнія ученія объ эволюціи. Но понятно, что за время, протекшее отъ появленія Дарвина, среди ботаниковъ были и сомнѣвающіеся, и нерѣшительные, которые охотнѣе говорили о дарвиновской „гипотезѣ“, чѣмъ о дарвиновской теоріи, отвергали нѣкоторыя частности и слѣдовали за смѣлымъ дарвиновскимъ ученіемъ лишь до извѣстнаго предѣла. Рѣшительные принципіальные противники дарвинизма, какъ Альбертъ Вигандъ (1821—1886) и Эбергардъ Деннертъ (род. 1861), стоятъ, однако, среди естествоиспытателей совершенно особнякомъ. Какъ они, такъ и самый крупный антидарвинистъ между ботаниками Іоганнесъ Рейнке (род. 1849 г.; „Die Welt als Tat“ — „Міръ какъ дѣяніе“)—перенесли научный вопросъ на метафизическую почву. Хотя Рейнке соглашается, что явленія неорганической природы достаточно объясняются изъ вещества и силы или энергіи, однако, для организмовъ онъ считаетъ необходимымъ ввести еще опредѣленныя направляющія силы или „доминанты“; ихъ взаимодѣйствіе должно сдѣлать болѣе понятными жизненные процессы. Уже домининантамъ Рейнке долженъ былъ приписать безсознательную и даже сознательную разумность; тѣмъ болѣе приходится ему допустить творческій разумъ живого Бога, какъ конечное основаніе цѣлей природы; тѣмъ самымъ научная проблема переносится на теологическую почву, и въ результатѣ Рейнке удалось даже войти въ сдѣлку съ Моисеевой исторіей творенія.

Поскольку ботаники оспариваютъ Дарвина не метафизическими, а біологическими аргументами, они не являются его противниками, а просто желаютъ расширить, сузить или улучшить его ученіе. Напримѣръ, Гуго де-Фризъ (род. 1848 г.) въ своемъ сочиненіи „Versuche und Beobachtungen über die Entstehung der Arten im Pflanzenreich“ („Опыты и наблюденія надъ происхожденіемъ видовъ въ растительномъ царствѣ“) опровергаетъ дарвиновскую теорію отбора, но зато высказывается за теорію эволюціи Ламарка. На основаніи своихъ опытовъ онъ отрицаетъ, что для преобразованія и новообразованія видовъ нужны такіе длинные промежутки времени, какіе Дарвинъ по образцу геологовъ требуетъ для дѣйствія своего естественнаго отбора; по взглядамъ де-Фриза, переходъ совершается быстро и скачками, въ противоположность укоренившемуся положенію, будто природа не дѣлаетъ скачковъ (natura non facit saltum). Де-Фризъ называетъ свое ученіе теоріей мутаціи; одни думаютъ, что дарвиновская теорія опровергается ею, другіе принимаютъ теорію мутаціи за дополненіе дарвинов-

ской. Геккель замѣчаетъ, что ученіе о мутаціи де-Фриза встрѣтило больше сочувствія у ботаниковъ, чѣмъ у зоологовъ. Постоянно появляющіяся возраженія показываютъ, что споры изъ-за дарвиновской теоріи и ученія о развитіи далеко еще не закончены, и что неправильно толкуютъ факты тѣ, кто со злобной поспѣшностью кричитъ міру, будто Дарвинъ опровергнутъ и ученіе о развитіи лежитъ при смерти.

b) Зоологія.

Исторіографъ зоологіи Юліусъ Викторъ Карусъ (1823—1903) помѣщаетъ на рубежѣ 18 и 19 вѣковъ границу двухъ главныхъ періодовъ развитія своей науки: періода систематики (достигшаго кульминаціоннаго пункта съ Линнеемъ, въ 1750 г.) и періода морфологіи.

Морфологическій періодъ зоологіи начинается съ Кювье, который сдѣлалъ изъ сравнительной анатоміи главный отдѣлъ изученія животныхъ. Несмотря на заслуги Ламарка и Жоффруа Сентъ-Илера, Кювье былъ первымъ зоологомъ своего времени. Не увлекаясь руководившей Бюффономъ и Жоффруа идеей о единой лѣстницѣ организмовъ, Кювье раздѣлилъ всѣ извѣстные ему виды животныхъ на четыре стоящихъ рядомъ типа: позвоночныхъ, мягкотѣлыхъ, членистыхъ и лучистыхъ. Въ качествѣ главнаго отличительнаго признака четырехъ типовъ онъ избралъ характеръ нервной системы. Примѣняемый и Кювье терминъ „позвоночныя животныя“ (Vertebrata) ввелъ его антиподъ Ламаркъ, который раздѣлилъ безпозвоночныхъ, считая снизу, на наливочныхъ (инфузорій) и полиповъ, лучистыхъ и червей, паукообразныхъ и насѣкомыхъ, ракообразныхъ, кольчатыхъ, усоногихъ и моллюсковъ.

Какъ въ ботаникѣ, такъ и въ зоологіи десятилѣтія господства морфологіи принесли съ собою необозримое количество новыхъ системъ; натурфилософы съ Океномъ во главѣ противопоставляли имъ свои классификаціи, построенныя на странныхъ принципахъ. Но послѣднія не могли устоять противъ системы типовъ Кювье. Однако, къ срединѣ 19 вѣка число типовъ увеличилось съ 4-хъ до 8-ми, причемъ по примѣру Анри Мильнъ-Эдвардса (1800—1885), Карла Теодора Эрнста Зибольда (1804—1885) и Рудольфа Лейкарта (1822—1898) стали различать слѣдующіе типы: Protozoa (простѣйшія), Coelenterata (кишечнополостныя), Echinodermata (иглокожія), Annelida (черви), Articulata (суставчатыя), Molluscoidea (моллюскообразныя). Mollusca (мягкотѣлыя) и Vertebrata (позвоночныя).

До Дарвина морфологическая систематика съ ея раздѣленіями и группировками составляла главное содержаніе научной зоологіи. Послѣ Дарвина первой и самой настоятельной задачей являлось превращеніе систематики, шедшей подъ знаменами Линнея и Кювье, въ филогенію живыхъ существъ. Рѣшить эту задачу пытался пылкій Эрнстъ Геккель (род. 1834 г.); въ своей геніально задуманной системѣ естественныхъ наукъ объ организмахъ — „Generelle Morphologie der Organismen“ („Общая морфологія организмовъ“, 1866 г.) — онъ набросалъ первыя генеалогическія таблицы. Какъ ни смѣлы были эти таблицы при тогдашнемъ состояніи зоологіи, имъ принадлежитъ та безсмертная заслуга, что онѣ дали первый толчекъ къ величественному развитію морфологіи животныхъ въ послѣднія десятилѣтія (Л. фонъ Граффъ). Позднѣе Геккель также прилагалъ къ своимъ научнымъ и популярнымъ сочиненіямъ генеалогическія таблицы животнаго и растительнаго міра. Іенскій біологъ, сохраняющій за собою, не смотря на всѣ нападки, въ теченіе десятилѣтій мѣсто признаннаго главы своей науки, отдѣляетъ одноклѣточныя существа, или протистовъ, отъ многоклѣточныхъ, или гистоновъ. Во главѣ своего царства протистовъ (первичныя растенія и первичныя животныя, — (Protophyta и Protozoa) Геккель ставитъ безъядерныхъ монеръ; существованіе послѣднихъ стали оспаривать, когда съ улучше-

ніемъ орудій изслѣдованія удалось доказать присутствіе ядра у нѣкоторыхъ видовъ монеръ. Однако, этого не удалось показать относительно Chromacea, а по отношенію къ бактеріямъ слѣдуетъ признать, что у нихъ нѣтъ „настоящихъ“ ядеръ. Въ противоположность большинству біологовъ, Геккель отстаиваетъ животную природу бактерій. Послѣ того, какъ было доказано, что глубоководный илъ, отлагающійся на морскомъ днѣ (названный Гёксли Bathybius Haeckelii), не можетъ разсматриваться, какъ первичная форма организованной матеріи, потому что состоитъ изъ мертвыхъ остатковъ, Геккель поступился и этимъ иломъ. Стоящее надъ протистами царство гистоновъ Геккель раздѣляетъ на Metaphyta (построенныя изъ тканей растенія) и Metazoa (построенныя изъ тканей животныя). Послѣднія подраздѣляются на Coelenterata (гастреады, губки, книдаріи, платоды) и Coelomaria или Bilaterata (двусторонне симметричныя животныя); послѣднія въ свою очередь подраздѣляются на Vermalia, Mollusca, Echinodermata, Articulata, Tunicata и Verterbrata.

Пока приходилось еще бороться съ вѣрой въ неизмѣняемость видовъ, біологи, въ томъ числѣ и Геккель, относились къ классификаціи и систематизаціи болѣе или менѣе пренебрежительно. Съ теченіемъ времени снова начали цѣпить систематику, такъ какъ она была прямо необходима въ виду накопленія постоянно доставляемаго фаунистами сырого матеріала. Въ послѣднее время открылись для изслѣдованія морскія глубины съ ихъ богатствомъ формъ. Особенно много дала экспедиція „Челленджера“ 1873—1876 гг. Новую неожиданно богатую область представляетъ фауна и флора, плавающая и носящаяся по поверхности моря, такъ называемый планктонъ; его открылъ ученому міру Викторъ Генсенъ (род. 1835 г.).

Зоотомическая основа современной морфологіи и систематики восходитъ къ додарвиновскимъ временамъ. Зоотомія со времени Кювье энергично разрабатывалась по сравнительному методу. Во время процвѣтанія сравнительной анатоміи натурфилософы и съ ними Гете искали единаго плана въ природѣ или въ твореніи. Гете думалъ, что нашелъ ключъ къ проблемѣ приведенія разнообразія къ единству въ идеѣ первичныхъ растеній и ихъ параллели — первичныхъ животныхъ. Больше удивленія, чѣмъ эти дикія метафизическія грезы, вызвала острая проницательность Гете въ конкретныхъ частностяхъ сравнительной морфологіи; такъ, онъ открылъ въ верхней челюсти человѣка межчелюстную кость, которую раньше замѣчали только у млекопитающихъ, и предложилъ позвоночную теорію черепа, согласно которой черепъ позвоночныхъ есть лишь видоизмѣненіе передней части позвоночнаго столба. Но несмотря на свою способность къ познанію частнаго, умъ великаго поэта всю жизнь былъ обращенъ въ сторону общаго; такъ, уже во время іюльской революціи 1830 г. его волновалъ возгорѣвшійся въ Парижѣ между Кювье и Жоффруа споръ о единствѣ плана строенія организмовъ и объ измѣнчивости видовъ. Въ то время, какъ тогдашнее общество приняло сторону Кювье, Гете склонялся къ трансформистскимъ взглядамъ Жоффруа. Гете обсуждаетъ спорный вопросъ въ небольшомъ сочиненіи, написанномъ въ годъ его смерти.

Когда позднѣе благодаря Дарвину трансформизмъ одержалъ побѣду, сравнительная анатомія и морфологія также приняли онтогенетическое и филогенетическое направленіе. Ей удалось дать доказательства генеалогическихъ связей въ органическомъ мірѣ. Классиками сравнительной анатоміи послѣ дарвиновскаго времени являются Томасъ Генри Гексли (1825—1895) и Карлъ Антонъ Гегенбауръ (1816—1903).

Здѣсь не мѣсто излагать заслуги зоологовъ и фаунистовъ въ области анатоміи и вообще естественной исторіи частныхъ подраздѣленій животнаго царства. Но не мѣшаетъ упомянуть объ обширной литературѣ популярнаго характера; среди нея есть высоко цѣнныя и хорошо написанныя книги, стоящія на высотѣ научныхъ требованій, а также пригодныя посо-

бія для собирателей и любителей; таковы „Indische Reisebriefe“ („Письма изъ путешествія по Индіи“) Геккеля и „Aus den Tiefen des Weltmeers“ („Изъ глубинъ океана“) Карла Хуна (род. 1852 г.), далѣе, описательныя сочиненія, какъ получившая всемірную извѣстность „Иллюстрированная жизнь животныхъ“ Альфреда Эдмунда Брема (1829—1884), наконецъ книги о бабочкахъ, жукахъ, акваріумахъ и т. д., полезныя для тѣхъ, кто вынужденъ замѣнять охотою за низшими животными недоступные ему болѣе высокіе виды охоты. Когда предметъ представляетъ высокій интересъ, какъ, напр., жизнь общественныхъ животныхъ, прекрасныя книги о немъ выходятъ даже изъ-подъ пера профановъ; таковы сочиненія банкира Джона Леббока (род. 1834 г.) о „Пчелахъ, муравьяхъ и осахъ“, психіатра Августа Фореля (род. 1842 г.) — о муравьяхъ, и удивительно написанная книга главы импрессіонистскихъ поэтовъ, Мориса Метерлинка: „Les abeilles“ („Пчелы“).

На ряду съ сравнительной морфологіей главное содержаніе новой зоологической литературы составляетъ онтогенія (исторія развитія, эмбріологія). Она была поставлена на правильный путь уже ученіемъ Каспара Фридриха Вольфа объ эпигенезисѣ (см. т. VIII-й, стр. 552); затѣмъ она оставалась въ пренебреженіи, хотя натурфилософы и извлекли изъ забвенія ученіе Вольфа. Отцомъ современной исторіи развитія или онтогеніи былъ прямой противникъ натурфилософіи, впослѣдствіи опровергатель дарвинизма, Карлъ Эрнстъ фонъ Бэръ (1792—1876). Онъ открылъ женскую яйцевую клѣтку (Ovulum), за которую долго принимались графовы пузырьки. Кромѣ того онъ обогатилъ науку тѣмъ, что началъ различать зародышевые листки и доказалъ, что опредѣленные органы развиваются изъ опредѣленныхъ зародышевыхъ листковъ. Онъ установилъ, что принятые Кювье типы животнаго царства различаются не только морфологически, но и по исторіи развитія. Примѣръ Бэра внесъ большое оживленіе въ дѣло изученія онтогеніи, и скоро уже не было классовъ животныхъ, эмбріональная жизнь которыхъ оставалась бы неизслѣдованной. Уже Карлъ Богуславъ Рейхертъ (1811—1883) связалъ онтогенію съ ученіемъ о клѣткѣ; но онъ направилъ изслѣдованіе на ложный путь, съ котораго оно вернулось на правильный благодаря Роберту Ремаку (1815—1865). Ремакъ показалъ, что яйцо всегда есть только простая клѣтка, что оно дѣлится послѣ оплодотворенія, далѣе, что зародышевые листки состоятъ только изъ клѣтокъ, которыя прогрессивно дифференцируются и, группируясь, образуютъ различныя ткани тѣла. Геккель въ 60-хъ годахъ связалъ онтогенію съ филогеніей и посвятилъ каждой изъ нихъ особыя сочиненія; среди послѣднихъ наибольшее вниманіе въ кругахъ спеціалистовъ вызвала „Gasträa-Theorie“ („Теорія гастреи“, 1877 г.). Дальнѣйшая разработка онтогеніи велась подъ знакомъ ученія объ эволюціи. Оскаръ Гертвигъ съ чувствомъ удовлетворенія высказывается о современномъ состояніи этой отрасли біологіи такъ: „Со временъ Пандера и Карла Эрнста фонъ Бэра трудами длиннаго ряда заслуженныхъ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, русскихъ и итальянскихъ эмбріологовъ было построено обширное величественное, прочное научное зданіе эмбріологіи. Хотя частности многихъ процессовъ подлежатъ еще кропотливому изслѣдованію, въ цѣломъ сущность индивидуальнаго развитія съ морфологической стороны уже выяснена; теперь мы справедливо можемъ гордиться достигнутыми знаніями, особенно если вспомнимъ, какъ останавливались передъ рѣшеніемъ проблемы развитія великіе естествоиспытатели и философы прежнихъ столѣтій — Галлеръ, Лейбницъ, Кювье, и какъ безпомощно стояли они передъ ней со своими методами изслѣдованія“.

Близнецъ эмбріологіи — ученіе о клѣткѣ (цитологія) со временъ Шванна, Макса Шульце (1825—1874) и основателя целлюлярной физіологіи Альберта Келликера (1817—1905) ревностно разрабатывалось зоологами и

ботаниками; на помощь изслѣдователямъ явилось усовершенствованіе техники изслѣдованія (микроскопъ, микротомъ, методы окрашиванія). Къ удивительнымъ по техникѣ работамъ принадлежатъ изслѣдованія надъ хроматиномъ, хромо- и центрозомами, структурой плазмы, митотическимъ и амитотическимъ дѣленіемъ, отношеніемъ ядеръ яйца, сѣмени и дробленія и другими трудными вопросами, которые были разработаны и разъяснены Л. Ауэрбахомъ (1828—1897), Вальтеромъ Флемингомъ (род. 1843 г.), Отто Бючли (род. 1848 г.), Оскаромъ Гертвигомъ (род. 1849 г.) и другими.

Съ цитологiей и эмбріологiей тѣсно связаны вопросы о происхожденіи жизни и явленіяхъ размноженія и наслѣдственности; поэтому спеціалисты всѣхъ отраслей біологической науки усердно занимаются этими вопросами, выставляя теоріи, носящія во многомъ гипотетическій характеръ. Кто изъ страха передъ гипотезами отказался бы отъ самыхъ интересныхъ біологическихъ проблемъ, тому пришлось бы отвернуться отъ геологіи и даже отъ физики и химіи, такъ какъ всѣ эти науки не могутъ ни существовать ни двигаться впередъ безъ гипотезъ.

На вопросъ о происхожденіи жизни уже въ незапамятныя времена были даны миѳологическіе отвѣты, которые еще живутъ подъ защитой религіозныхъ чувствъ, и которымъ вѣритъ еще и теперь огромное большинство людей. Философія грековъ и индусовъ уже тысячи лѣтъ тому назадъ освободилась отъ миѳическихъ космогоній и геогоній; но болѣе ясныя знанія, подобно современному просвѣщенію, распространялись только среди отдѣльныхъ лицъ. Но какъ ни велики были силы и творческія способности арійской мысли, все-таки молодые народы, потомки которыхъ занимаютъ западно-европейскую культурную область, и ихъ заокеанические сородичи подпали подъ вліяніе миѳологическаго наслѣдія отжившаго древняго Востока. Первобытное семитическое сказаніе о твореніи въ его іудейскомъ варіантѣ пришло на Западъ во времена Римской имперіи вмѣстѣ съ восточными народностями; оно было усвоено христіанствомъ, а позднѣе и магометанствомъ. Библейское сказаніе съ своими подробностями о сотвореніи живыхъ существъ и особенно первой человѣческой пары до настоящаго времени пользуется большимъ уваженіемъ.

Однако со временъ возрожденія наукъ религіознымъ теоріямъ міроздания противопоставлялись естественныя теоріи, не прибѣгавшія къ сверхъестественнымъ факторамъ. Поскольку эти теоріи объясняютъ происхожденіе жизни дѣятельностью наличныхъ силъ самаго міра, ихъ можно, если угодно, называть атеистическими, монистическими или механическими (автоматическими). Эти теоріи отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что однѣ изъ нихъ приписываютъ жизни космическое, а другія земное происхожденіе. Въ 1865 г. Германнъ Эбергардъ Рихтеръ (1808—1876) предложилъ теорію, по которой въ міровомъ пространствѣ кромѣ неорганическихъ частицъ носятся органическіе зародыши; послѣдніе развиваются, если попадутъ на зрѣлое небесное тѣло. Уилльямъ Томсонъ (Лордъ Кельвинъ, род. 1824 г.) подобнымъ же образомъ училъ, что органическая жизнь могла попасть на нашу планету черезъ космическія тѣльца; это показываютъ содержащіе углеродъ метеориты, которые еще и теперь случайно падаютъ на землю. Къ этой теоріи примкнули Тиндаль и Гельмгольцъ. Геккель въ качествѣ необходимаго условія возникновенія жизни на землѣ предполагаетъ достаточное охлажденіе послѣдней, которое допустило бы появленіе все болѣе сложныхъ углеродистыхъ соединеній, и между ними — бѣлка и плазмы; изъ послѣднихъ вначалѣ развились безъядерныя монеры, потомъ протисты и т. д. Родственною съ углеродной теоріей Геккеля является ціановая теорія Пфлюгера; по ней, живая протоплазма произошла изъ подвижныхъ ціанистыхъ соединеній. Оба ученія похожи на теорію пробіонтовъ Нэгели; однако послѣдній подчеркиваетъ, что органи-

ческія субстанціи возникли не одинъ только разъ въ теченіе исторіи земли, но могутъ возникать всегда

Эти теоріи первичнаго зарожденія жизни, иначе называемыя архигоническими, совсѣмъ не то, что старый сапробіозъ, который еще и теперь держится въ качествѣ распространеннаго предразсудка; онъ предполагаетъ, что совершенные организмы могутъ сами собою возникать изъ продуктовъ разложенія и гніенія. Воззрѣніе, допускающее происхожденіе изъ пыли и грязи существъ со сложнымъ строеніемъ, паразитическихъ и вредныхъ насѣкомыхъ (блохи, саранча и т. д.), не имѣло уже въ 19 вѣкѣ въ наукѣ защитниковъ, однако есть еще ученые, которые защищаютъ самопроизвольное зарожденіе мелкихъ существъ (микробовъ) простѣйшаго строенія. Этой формѣ ученія о первичномъ зарожденіи жизни былъ положенъ конецъ опытами Луи Пастера (стр. 107). Для живыхъ существъ имѣетъ силу законъ: „все живое только изъ живого“.

Незнакомство съ скрытыми процессами столь осязательнаго факта, какъ наслѣдственность, также породило рядъ гипотетическихъ ученій, представляющихъ большую или меньшую цѣнность въ зависимости отъ того, въ какой степени они уясняютъ факты; таковы пангенезисъ Дарвина, эпигенезисъ Геккеля, теорія идіоплазмы Нэгели, теорія зародышевой плазмы Вейсманна и другія. Много сочувствія въ новѣйшее время встрѣтило ученіе Августа Вейсманна (род. 1834 г.). Этотъ фрейбургскій зоологъ, опираясь на свою молекулярную теорію, учитъ, что родители при помощи зародышевой плазмы могутъ передавать своимъ потомкамъ только унаслѣдованныя, но не пріобрѣтенныя свойства. Чтобы объяснить отличіе потомковъ отъ ихъ родителей, Вейсманнъ утверждаетъ, что часть родительской зародышевой плазмы выбрасывается и не принимаетъ участія въ возникновеніи новой особи.

Что касается главы о размноженіи, то она раздѣляетъ судьбу всей физіологіи животныхъ, а именно, — отстала отъ морфологіи, систематики, біологіи въ тѣсномъ смыслѣ слова и хорологіи (географіи). Зоологи въ послѣднія десятилѣтія буквально зарылись въ морфологію и онтогенію, физіологи же увлеклись своимъ экспериментированіемъ и только въ исключительныхъ случаяхъ выходили за предѣлы изученія человѣка и обычныхъ животныхъ, съ которыми производятъ свои опыты. Еще болѣе физіологіи отстала психологія животныхъ, хотя Дарвинъ и далъ ей новый толчекъ своею книгою „О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ“ (1872 г.). Въ Англіи ему наслѣдовалъ его любимый ученикъ Джорджъ Джонъ Роменсъ (1848—1894 г.), авторъ книги „Mental Evolution in Animals“ („Умственная эволюція у животныхъ“, 1883 г.). Самымъ содержательнымъ нѣмецкимъ сочиненіемъ по этому предмету являются „Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ“ (1863 г., 3-е изд. 1897 г.) Вильгельма Вундта; по біологіи или ойкологіи нѣтъ никакихъ сводныхъ работъ, хотя путешественниками, туристами и зоологами университетовъ и музеевъ собранъ громадный матеріалъ. Генрихъ Зимродъ (род. 1851 г.) въ книжечкѣ, могущей имѣть значеніе конспекта или программы крайне необходимой большой работы, далъ краткій очеркъ вліянія свѣта, теплоты, звука, физическихъ и химическихъ агентовъ суши и воды, пищи, совмѣстнаго существованія съ другими живыми существами, паразитизма и симбіоза на жизнь и формы животнаго міра. Для біологическаго изученія морскихъ животныхъ существуетъ зоологическая станція въ Неаполѣ (подъ управленіемъ Антона Дорна, род. 1840 г.). По образцу ея устроена станція въ Тріестѣ. Такія учрежденія есть и во Франціи. Географія животныхъ идетъ въ общемъ по пути, указанному ей Филиппомъ Летли Склетеромъ (род. 1829 г.) и Уоллэсомъ, выводя существующее географическое распредѣленіе видовъ и группъ животныхъ не только изъ климатическихъ или вообще географическихъ условій, но и изъ палеонтологическихъ

и геологическихъ фактовъ и процессовъ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ духу ученія объ эволюціи. Въ новѣйшее время намѣчается направленіе, которое въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о зоогеографическихъ явленіяхъ, сильнѣе подчеркиваетъ біо- или ойкологическій моментъ. Новыя точки зрѣнія даетъ также изученіе распространенія, вытѣсненія и вымиранія видовъ въ историческія времена. Однако, принципіальнаго отклоненія отъ прежняго направленія въ новѣйшихъ работахъ по географіи животныхъ не замѣчается.

Какъ уже было указано, всѣ отрасли зоологіи и ботаники болѣе чѣмъ въ теченіе цѣлаго поколѣнія находятся подъ вліяніемъ ученія объ эволюціи и особенно дарвинизма. Еще и теперь всякому отступающему отъ него воззрѣнію приходится съ нимъ считаться. Особенно это относится къ зоологіи. Зоологи первые изъ естествоиспытателей усвоили дарвинизмъ и защищали и объясняли его въ своихъ сочиненіяхъ. Въ рядахъ зоологовъ и анатомовъ находятся и люди, которые дополнили и развили дальше дарвинизмъ; таковы — Геккель съ его біогенетическимъ основнымъ закономъ и съ его филогенетическими изслѣдованіями, Роменсъ — съ его физіологическимъ отборомъ и Вильгельмъ Ру (род. 1855 г.) — съ его борьбой частей въ организмѣ. Иныя ученія были направлены ихъ авторами и ихъ сторонниками противъ Дарвина, но оказались совмѣстимыми съ дарвинизмомъ; такова, напр., миграціонная теорія Морица Вагнера (1813—1887), т. е. ученіе объ измѣненіи видовъ вслѣдствіе пространственнаго разселенія живыхъ существъ и поселенія ихъ въ новомъ, отличномъ географически отъ родины и болѣе или менѣе замкнутомъ мѣстообитаніи (см. т. VIII, стр. 656). Самъ Дарвинъ въ концѣ концовъ призналъ относительную цѣнность за ламаркизмомъ, на который вначалѣ обращалъ мало вниманія; поэтому нельзя упрекать въ антидарвинизмѣ то сочетаніе Ламарка съ Дарвиномъ, которое называется „диплогенезомъ". Но Теодоръ Эймеръ (1843—1898) придаетъ естественному отбору лишь ничтожное значеніе въ происхожденіи видовъ, а руководящую роль приписываетъ внѣшнимъ вліяніямъ (пища, климатъ и т. д.). Кромѣ того онъ отличаетъ отъ прогрессивнаго направленія въ развитіи жизни тенденцію къ остановкѣ на опредѣленной ступени развитія (генепистазія); этимъ объясняется существованіе устойчивыхъ видовъ. Ученіе Эймера представляетъ зоологическую аналогію неоламаркизма ботаниковъ.

Противъ неоламаркизма ополчился Августъ Вейсманнъ. Вейсманизмъ, или неодарвинизмъ, отрицаетъ всякое значеніе для развитія (филогеніи) организмовъ за ламарковскими факторами, не отрицая, однако, значенія послѣднихъ въ жизни особи. Согласно теоріи зародышевой плазмы, объяснять измѣненія видовъ можно только естественнымъ отборомъ въ борьбѣ за существованіе.

Дарвинизмъ стремится объяснить безразлично какъ цѣлесообразное, такъ и нецѣлесообразное (напр., рудиментарные органы, регрессивныя образованія, дегенерацію) въ живой природѣ; однако, онъ никогда не могъ удовлетворить тѣхъ изслѣдователей, которые, увлекаясь телеологическими воззрѣніями, требовали для одушевленной природы особаго рода цѣлесообразности, отличной отъ неодушевленной. Въ этомъ духѣ построилъ свою теорію „стремленія къ цѣлямъ" великій эмбріологъ фонъ Бэръ. Изъ подобнаго же воззрѣнія вытекаютъ направленныя противъ дарвинизма разсужденія Келликера и Нэгели (см. стр. 124). Въ естественно-научныхъ кругахъ нашло приверженцевъ теченіе, получившее названіе неовитализма. Къ нему примыкаютъ кромѣ ботаника Рейнке (см. стр. 121), профессоръ физіологіи Густавъ фонъ Бунге (род. 1844 г.) и патологъ Эдуардъ Риндфлейшъ (род. 1836 г.), который и далъ своему ученію названіе неовитализма, напоминающее давно исчезнувшій витализмъ; съ послѣднимъ, однако, оно имѣетъ лишь то общее, что оба считаютъ физику

и химію недостаточными для объясненія фактовъ біологіи, — или, другими словами, полагаютъ, что жизненныя явленія не состоятъ цѣликомъ изъ физическихъ и химическихъ процессовъ. Въ новѣйшее время къ этому воззрѣнію подошелъ также Оскаръ Гертвигъ. Бунге и Риндфлейшъ стремятся дать цѣлостное объясненіе физіологическихъ и психологическихъ процессовъ, выходящее за предѣлы физики и химіи; нужно согласиться съ ними, что чистое естествознаніе до сихъ поръ не разрѣшило удовлетворительно этой задачи.

c) Естественная исторія человѣка.

a) Антропологія.

Слово „антропологія" обозначаетъ, собственно, науку о человѣкѣ вообще, какъ о его духовной, такъ и о тѣлесной жизни, какъ объ его индивидуальной, такъ и объ его общественной жизни. Такая безбрежная наука должна бы обнимать кромѣ значительной части естествовѣдѣнія также и народовѣдѣніе и индивидуальную и народную психологію. Затѣмъ въ ея рамки должно бы было войти общее ученіе о развитіи культуры и общественнаго строя (соціологія и неясно ограниченная часть исторіи и вообще всѣхъ наукъ о духѣ). Антропологія въ этомъ смыслѣ была бы не самостоятельной наукой, а скорѣе сопоставленіемъ фактовъ и выводовъ, заимствованныхъ изъ другихъ, уже существующихъ и разработанныхъ спеціальныхъ наукъ. Но съ теченіемъ времени и для антропологіи выдѣлилась отдѣльная область изслѣдованія, и роль ея уже не сводится къ однимъ только позаимствованіямъ изъ другихъ наукъ.

Въ своей антропологіи, вышедшей въ свѣтъ въ 1798 г., Кантъ излагаетъ кромѣ психологіи познанія чувства и страстей также характерологію, трактующую „о способахъ распознаванія внутренней жизни человѣка по внѣшнимъ проявленіямъ ея" и изслѣдующую также характеры обоихъ половъ, отдѣльныхъ расъ и всего человѣческаго вида. Германская антропологія не выходила изъ этого психологическаго круга впродолженіе всего періода процвѣтанія нѣмецкой идеалистической философіи, т. е. въ теченіе всей первой трети XIX столѣтія и даже нѣсколько позже. Однако уже при жизни Канта Линней, Бюффонъ, Блюменбахъ (срав. т. VIII, стр. 552) и др. положили основаніе естественной исторіи человѣка, занимающейся изслѣдованіемъ тѣлесныхъ признаковъ человѣка и отдѣльныхъ человѣческихъ расъ; по иностранному примѣру ей было присвоено и въ Германіи названіе антропологіи. Въ системѣ наукъ она служитъ связующимъ звеномъ между естествознаніемъ и всемірной исторіей. Ея задачу составляетъ заполненіе пробѣла между общепризнанными спеціальными науками, анатоміей и физіологіей, съ одной стороны и народовѣдѣніемъ и изслѣдованіемъ доисторическаго быта человѣка съ другой. Антропологія въ этихъ болѣе ограниченныхъ и болѣе опредѣленныхъ естественнонаучныхъ рамкахъ получила начало въ Англіи и особенно во Франціи, откуда такое пониманіе ея распространилось по всему цивилизованному міру. Въ связи съ этимъ антропологія перешла вездѣ изъ рукъ философовъ въ руки естествоиспытателей, трудами которыхъ накоплялся и подвергался правильной разработкѣ сырой матеріалъ.

Во время біологической войны, разгорѣвшейся въ началѣ XIX столѣтія между Кювье, съ одной стороны, и Ламаркомъ и Жоффруа Сентъ-Илеромъ съ другой (срав. стр. 123), всплылъ наружу, между прочимъ, одинъ вопросъ, имѣющій особенный интересъ для антропологіи, именно вопросъ о происхожденіи человѣческаго рода. „Моногенисты" отстаивали единство его происхожденія, т. е. производили весь человѣческій родъ отъ одной единственной четы, такъ что согласно ихъ взгляду всѣ

расы произошли въ теченіи 5—6 тысячелѣтій, протекшихъ со времени сотворенія міра, благодаря дѣйствію внѣшнихъ вліяній подобно разновидностямъ другихъ животныхъ. Напротивъ того, „полигенисты" утверждали, что отдѣльныя человѣческія расы возникли независимо другъ отъ друга въ различныхъ частяхъ земной поверхности и что краткость существованія человѣческаго рода, принимаемая моногенистами, вообще не допускаетъ возможности возникновенія прочныхъ разновидностей. Кромѣ Кювье на защиту моногенизма, признававшагося старшимъ поколѣніемъ естествоиспытателей, выступили англичанинъ Джемсъ Коульсъ Причардъ (1786—1848 г.) и французъ Жанъ Луи Арманъ де Катрфажъ (1810—1892 г.). Черезъ короткое время вопросъ объ единомъ или неединомъ происхожденіи человѣческаго рода пріобрѣлъ злободневный политическій интересъ, такъ какъ въ срединѣ XIX вѣка вопросъ о рабствѣ подвергался оживленному обсужденію во всѣхъ культурныхъ странахъ, въ особенности въ Америкѣ. Защитники рабства негровъ и истребленія краснокожихъ ссылались вмѣстѣ съ полигенистами на установленное самимъ Богомъ различіе происхожденія отдѣльныхъ человѣческихъ расъ, отличающихся между собою рѣзкими и неизмѣнными признаками; напротивъ того, противники жестокостей и насилій, совершаемыхъ людьми надъ себѣ подобными, опирались на ученіе моногенистовъ о единствѣ человѣческаго рода и незначительности и неустойчивости различій между существующими расами. Даже такой выдающійся философъ, какъ Теодоръ Вайцъ (1821—1894 г.), писалъ свою „Антропологію первобытныхъ народовъ" (Antropologie der Naturvölker) подъ угломъ зрѣнія вопроса о рабствѣ, который былъ окончательно разрѣшенъ и отступилъ на задній планъ только послѣ сѣвероамериканской междуусобной войны (1861—1865 г.) и съ этихъ поръ пересталъ волновать ученыхъ.

Между тѣмъ не прекращалась усердная разработка ученія о расахъ. Здѣсь привилось излишнее пристрастіе къ измѣренію череповъ и другихъ частей тѣла (краніометрія и антропометрія), такъ какъ въ области антропологіи ученые тоже старались загладить грѣхи натурфилософіи, въ томъ числѣ краніоскопію Галля и Шпурцгейма, преувеличенной точностью и трезвостью своихъ методовъ. Послѣ того какъ шведъ Андерсъ Рецiусъ (1796—1860 г.) установилъ основное различіе между длинноголовыми и короткоголовыми (долихоцефалами и брахицефалами), а другіе ученые присоединили къ нимъ промежуточный типъ среднеголовыхъ (мезоцефаловъ), ученые вспомнили также о камперовскомъ лицевомъ углѣ (ортогнатизмъ и прогнатизмъ), и такимъ образомъ была выработана однообразная терминологія, не сочетавшаяся, однако, съ однообразіемъ методовъ измѣренія. Многочисленные изслѣдователи, въ томъ числѣ и первоклассные ученые, посвящали свое вниманіе тѣлеснымъ признакамъ, которымъ придавалось важное значеніе въ антропологіи и этнологіи, какъ, напримѣръ, цвѣту кожи и волосъ; но весь затраченный громадный трудъ привелъ къ чисто отрицательному удручающему результату; даже въ такихъ важныхъ основныхъ вопросахъ, какъ подраздѣленіе человѣческаго рода на расы и типы, не было достигнуто хотя бы приблизительнаго согласія.

1859 годъ составилъ настоящую эру въ антропологіи. Во-первыхъ, Поль Брока основалъ въ этомъ году парижское антропологическое общество (Société éthnologique было основано еще въ 1839 г.). Впрочемъ, еще въ 1838 году въ столицѣ Франціи была учреждена кафедра антропологіи (естественной исторіи человѣка) при естественноисторическомъ музеѣ. Послѣ того какъ въ другихъ столицахъ тоже образовались ученыя общества для разработки науки о человѣкѣ по образцу общества Брока, неопредѣленный до того времени терминъ „антропологія" пріобрѣлъ мало-по-малу опредѣленное содержаніе. Правда, и теперь еще имѣется мало кафедръ антропологіи и оффиціальныхъ антропологическихъ институтовъ,

изъ которыхъ назовемъ полуоффиціальную парижскую École d'Anthropologie.

Другимъ важнымъ для антропологіи событіемъ, совершившимся въ 1859 г., было посѣщеніе Чарльзомъ Ляйэллемъ (1797—1875 г.) долины рѣки Соммы около гор. Аббевиля, богатой ископаемыми остатками. Эти замѣчательныя мѣстонахожденія были открыты еще за 20 лѣтъ предъ тѣмъ Жакомъ Буше де Пертомъ (1788—1868 г.) приблизительно въ то самое время, какъ въ бельгійскихъ пещерахъ были открыты слѣды, доказывающіе, что эти подземныя пространства были заселены въ доисторическія времена людьми и ихъ конкурентами, вымершими видами животныхъ. Романскіе авторитеты отнеслись съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ открытіямъ и выводамъ скромныхъ изслѣдователей, но англичане взглянули на дѣло иначе: знаменитѣйшій изъ англійскихъ геологовъ отправился самъ въ Аббевиль для личнаго осмотра этой мѣстности, пріобрѣвшей классическое значеніе для науки о доисторической жизни человѣка. Благодаря находкамъ въ долинѣ рѣки Соммы, для антропологіи открылась новая область. Кромѣ естествоиспытателей доисторическими остатками заинтересовались также этнологи и археологи, такъ какъ самыя интересныя находки заключаются въ издѣліяхъ человѣческихъ рукъ. Главными представителями археологическаго и культурно-историческаго направленія въ наукѣ о доисторической жизни человѣка выступили скандинавы, основатели ученія о трехъ вѣкахъ (каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ). Благодаря трудамъ археологовъ первобытная исторія человѣка пріобрѣла значеніе особой науки (палеоантропологія).

Третьимъ великимъ событіемъ 1859 года было появленіе въ свѣтъ перваго изъ главныхъ трудовъ Дарвина. Благодаря ему антропологія тоже усвоила эволюціонное направленіе. Похороненный уже было старый споръ между моногенистами и полигенистами воскресъ снова въ видѣ спора между монофилетистами и полифилетистами; при этомъ обнаружилась замѣчательная перемѣна. Послѣдователи теоріи эволюціи, или постепеннаго превращенія (какъ, напр., Геккель) примкнули къ монофилетической точкѣ зрѣнія, а консерваторы или правовѣрные къ полифилетической (Агассизъ). Допущеніе единаго происхожденія и кровнаго родства всѣхъ человѣческихъ расъ не исключаетъ интереса къ вопросу о колыбели, первобытной родинѣ, очагѣ человѣческаго рода. Въ согласіи съ зоогеографическими изслѣдованіями Склятера и Уоллеса дарвинисты признали родиной Homo Sapiens материкъ, погрузившійся въ волны Индійскаго океана, „Лемурію", откуда по ихъ мнѣнію и распространился по всей обитаемой части земной поверхности этотъ зоологическій видъ, распавшійся на многочисленныя разновидности. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, этотъ гипотетическій выводъ вызвалъ много сомнѣній и возраженій.

На современной ступени своего развитія, какъ спеціальной науки, антропологія можетъ быть названа „естественной исторіей человѣка въ смыслѣ частнаго отдѣла зоологіи" (Катрфажъ) или „отраслью естествознанія, трактующей о человѣкѣ и его расахъ" (Топинаръ). Изслѣдователь, естественно, воленъ заимствовать необходимыя данныя для выясненія отношенія человѣка къ природѣ вообще и особенно къ царству животныхъ и его особаго положенія изъ анатоміи, физіологіи и патологіи, а основанія для разграниченія отдѣльныхъ расъ человѣческаго рода изъ сравнительнаго языкознанія, исторіи культуры и народовѣдѣнія, причемъ ему не возбраняется высказывать свои соображенія о происхожденіи, древности и первобытномъ состояніи человѣческаго рода.

β) Анатомія.

Описательная или нормальная анатомія человѣка уже насчитывала себѣ къ началу XIX столѣтія свыше 4000 лѣтъ и была поэтому далеко ушедшей

впередъ наукой, въ области которой нельзя было ожидать обильныхъ открытій. Однако у анатомовъ оставалась еще непочатая область изслѣдованія, въ которой еще можно было открыть новое и плодотворно сочетать его съ уже извѣстными данными науки, — изслѣдованіе болѣе тонкаго строенія отдѣльныхъ органовъ и исторіи ихъ развитія. Въ еще болѣе сильной степени это относилось къ гистологіи или ученію о тканяхъ, основанной Биша на порогѣ XIX вѣка, къ основанной Дезо хирургической или топографической анатоміи и къ патологической анатоміи, вызванной къ жизни Морганьи, Гентеромъ и Бальи во вторую половину XVIII столѣтія (ср. т. VIII, стр. 553).

Хотя въ силу принципа раздѣленія труда анатомія выскользнула мало-по-малу изъ рукъ практическихъ врачей и стала самостоятельной наукой, она все еще сохранила тѣсную связь съ медициной; до настоящаго времени эта наука относится къ медицинскому факультету, тогда какъ зоотомія, слившаяся съ зоологіей, причисляется къ философскому факультету германскихъ университетовъ. Когда анатомія отдѣлилась отъ физіологіи, а описательная, гистологическая, топографическая и патологическая анатоміи превратились въ особые специальные предметы преподаванія, для анатомовъ все же оказывалось невозможнымъ замкнуться въ одной какой-нибудь изъ этихъ спеціальностей, и они неизбѣжно заходили въ сосѣднія области, напр., физіологіи.

Къ концу XVIII столѣтія поблекла старинная слава итальянцевъ въ анатоміи. Такихъ ученыхъ, какъ Морганьи или Антоніо Скарпа (1747—1832 г.), больше уже не являлось на свѣтъ. Прославленный Франческо Антоммарки (1780—1830 г.) осрамилъ себя тѣмъ, что присвоилъ себѣ и издалъ подъ своимъ именемъ сочиненіе своего учителя Масканьи. Въ области патологической анатоміи итальянцы работали болѣе плодотворно, чѣмъ на поприщѣ нормальной; упомянемъ о Паоло Мантегацца (род. 1831 г.), Камилло Гольджи (род. 1844 г.), Джуліо Биццоцеро (1846—1901 г.) и др.

Лучше обстояло дѣло во Франціи, такъ какъ въ началѣ XIX столѣтія Кювье проложилъ новые пути въ анатоміи введеніемъ сравнительнаго метода. Съ этого времени нѣтъ ни одного спеціалиста по анатоміи человѣка, который не занимался бы вмѣстѣ съ тѣмъ и сравнительной анатоміей, благодаря которой значительно углубились представленія о различныхъ органахъ человѣческаго тѣла; казалось даже, что анатомія человѣка потонетъ въ сравнительной анатоміи. Описательная анатомія засіяла опять яркимъ блескомъ только въ срединѣ XIX столѣтія, когда на ея горизонтѣ появились двѣ крупныя звѣзды Яковъ Генле (1809—1885 г.) и Іосифъ Гиртль (1811—1894 г.), съ которымъ не могъ сравниться никто изъ его современниковъ въ искусствѣ препарованія, и который написалъ, между прочимъ, самое популярное руководство по своей специальности и поразилъ всѣхъ своихъ современниковъ своими глубокими филологическими познаніями, обнаруженными имъ въ его сочиненіяхъ, „Еврейскіе и арабскіе термины въ анатоміи", „Исторія и критика языка анатоміи", „Древнегерманскіе анатомическіе термины".

Гиртль пересадилъ на германскую почву топографическую или хирургическую анатомію, разрабатывавшуюся до того времени почти исключительно французами. Съ помощью новыхъ методовъ, какъ напр., поперечныхъ разрѣзовъ замороженныхъ труповъ, она сдѣлала значительные успѣхи даже въ недавнее время.

Находившаяся въ застоѣ послѣ Биша гистологія получила сильный толчекъ благодаря эмбріологическимъ и цитологическимъ изслѣдованіямъ. Открылись для научныхъ изслѣдованій новыя области, которыя представляли болѣе благопріятное поприще для новыхъ открытій, чѣмъ выпаханная почва макроскопической анатоміи. Гистологическимъ работамъ оказывали существенную помощь техническія усовершенствованія.

Піонерами въ этой научной области были Келликеръ, Бишофъ, Рейхертъ и, прославившійся своей изобрѣтательностью по части техники, Максъ Шульце.

Какъ объ особой прикладной научной отрасли слѣдуетъ упомянуть о пластической анатоміи, по которой имѣются труды Эмиля Гарлеса (1820—1862 г.), Юліуса Кольмана (род. въ 1834 г.), Августа Фрорипа (род. 1849 г.), Матіаса Дюваля (род. 1844 г.) и др. Знаменитый физіологъ Эрнстъ Брюкке (1819—1882 г.) тоже составилъ книгу о „Красотахъ и недостаткахъ формъ человѣческаго тѣла“, свидѣтельствующую о его тонкомъ художественномъ вкусѣ.

Въ патологической анатоміи руководящую роль играли въ началѣ XIX столѣтія французскіе ученые. Что касается Англіи, то Гентеръ и Бальи не пріобрѣли достойныхъ преемниковъ; Джонъ Эбернети (1764—1831 г.), Джонъ Ричардъ Фаръ (1775—1862 г.), Ричардъ Брайтъ (1789—1858 г.; Брайтова болѣзнь почекъ), Робертъ Карсуэль (1793—1857 г.), Уильямъ Эткенъ (1825—1895 г.), Уильсонъ Фоксъ (1831—1887 г.), Огюстъ Боркъ Шепгердъ (1839—1882 г.) были самыми выдающимися изъ ихъ преемниковъ. Французы исходили изъ положенія Биша, что вскрытіе труповъ представляетъ наилучшее средство для провѣрки и исправленія прижизненнаго діагноза, поставленнаго врачемъ. Одно обстоятельство мѣшало, однако, въ началѣ успѣхамъ патологической анатоміи, именно пристрастіе ученыхъ къ уродливостямъ и диковинкамъ. Когда, наконецъ, Жанъ Крювелье (1791—1874 г.) занялъ въ 1836 г. первую кафедру патологической анатоміи, то новый предметъ преподаванія пріобрѣлъ уже вполнѣ прочное положеніе во врачебной наукѣ. Глава Парижской школы врачей Рене Теофилъ Леннекъ (1781—1826 г.), изобрѣтатель аускультаціи (стр. 137), провѣрялъ по возможности свои діагнозы посредствомъ вскрытій. Габріэль Андраль (1797—1876 г.), который сталъ главою французскихъ спеціалистовъ по внутреннимъ болѣзнямъ послѣ смерти Лэннека, составилъ даже курсъ патологической анатоміи („Traité d'anatomie pathologique“). Антуанъ Лоранъ Жессъ Байль (1799—1858 г.) занимался изслѣдованіемъ тѣхъ измѣненій, которымъ подвергается центральная нервная система при различныхъ ея болѣзняхъ. Великую благодарность заслужилъ Пьеръ Брентано (1778—1862 г.), изслѣдовавшій патолого-анатомическія измѣненія, вызываемыя тифомъ и дифтеритомъ. Пьеръ Шарль Луи (1787—1872 г.) впервые примѣнилъ къ патологіи статистическій методъ. Представителемъ переходнаго періода, предшествовавшаго проникновенію бактеріологіи въ патологическую анатомію, былъ Изидоръ Штраусъ (1845—1896 г.), Жанъ Мартелъ Шарко (1825—1893 г.) возстановилъ блестящимъ образомъ старинную славу французскихъ анатомовъ своими изслѣдованіями по патологіи нервной системы.

Нѣмецкіе анатомы еще дольше, чѣмъ французскіе, занимались патологическими и особенно тератологическими изслѣдованіями внѣ прямой связи съ медициной. Только въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ вѣнской школой были окончательно урегулированы отношенія между врачебнымъ искусствомъ и патологической анатоміей, какъ прикладной наукой и предметомъ преподаванія. Отъ 1834 до 1875 года кафедру патологической анатоміи при Вѣнскомъ университетѣ занималъ Карлъ Рокитанскій (1804—1878 г.). Съ него начинается новый періодъ въ исторіи его спеціальности и медицины вообще. „До того времени вскрытіе производилъ пользовавшій умершаго врачъ; съ этихъ поръ произошло раздѣленіе труда, — пользующій врачъ клиницистъ былъ отданъ подъ контроль критически и хладнокровно относящагося къ его діагнозу патолого-анатома“ (Б. Наунинъ). Рокитанскій, руководство котораго по патологической анатоміи вышло въ трехъ, рѣзко отличающихся одно отъ другого изданіяхъ, обладалъ несравненнымъ даромъ описанія замѣченныхъ имъ фактовъ и выработалъ себѣ

для этой цѣли особый языкъ. Онъ опирался на необычайно богатый матеріалъ, состоявшій приблизительно изъ 100 тысячъ протоколовъ вскрытій, произведенныхъ имъ самимъ, или подъ его руководствомъ.

Въ самомъ началѣ второй половины XIX столѣтія рядомъ съ Рокитанскимъ стали ставить Рудольфа Вирхова. Для него была основана первая кафедра патологической анатоміи въ Германіи при знаменитомъ медицинскомъ факультетѣ Вюрцбургскаго университета (въ 1849 г.). Для него же была учреждена особая кафедра патологической анатоміи въ Берлинѣ (въ 1857 г.). Незабвенная заслуга Вирхова состоитъ въ томъ, что подъ вліяніемъ успѣховъ ученія о клѣткѣ и гистологіи онъ прослѣдилъ болѣзненныя измѣненія организма до элементарныхъ частей тканей, клѣтокъ. Наиболѣе сильно подвинули впередъ патологію Вирховъ и его ученики своими анатомическими изслѣдованіями сущности воспаленія и болѣзненныхъ опухолей и новообразованій, въ особенности рака, распространеніе котораго все прогрессируетъ.

Неудивительно, что старикъ Вирховъ ополчился противъ побѣдоносной бактеріологіи, такъ какъ паразитическіе микробы угрожали самому фундаменту его целлюлярной патологіи. Еще на его глазахъ патологоанатомы стали заниматься бактеріологическими изслѣдованіями, и бактеріологія слилась настолько тѣсно съ патологіей, что никто не можетъ предсказать, что останется отъ теоріи Вирхова.

γ) Физіологія

Физіологіей безъ всякихъ прилагательныхъ называется еще и теперь спеціальная наука, занимающаяся главнымъ образомъ только человѣкомъ: ученіе объ отправленіяхъ человѣческаго тѣла и его органовъ, основанное на особыхъ, выработанныхъ этой наукой физическихъ, химическихъ и вивисекціонныхъ методахъ и опытахъ. Она дѣлится на растительную физіологію, занимающуюся обмѣномъ веществъ и размноженіемъ, и животную, изучающую движенія и ощущенія. Однако уже и въ прошлыя историческія эпохи было очевидно, что физіологія человѣка составляетъ только незначительную часть общей сравнительной физіологіи всѣхъ живыхъ существъ. Но такой всеобъемлющей науки о жизни еще не существовало, да и теперь она существуетъ только въ видѣ отдѣльныхъ отрывковъ. Лучше всего разработана физіологія растеній, а физіологія животныхъ стоитъ далеко позади ея. Только физіологія клѣтки значительно подвинулась впередъ и украсила себя поэтому названіемъ „общей физіологіи".

На порогѣ XIX столѣтія физіологія находилась еще подъ вліяніемъ Галлера. Его ученіе о раздражимости мускуловъ и чувствительности нервовъ заключало въ себѣ въ зародышѣ витализмъ, т.-е. гипотезу о жизненной силѣ. Джонъ Броунъ (1835—1888 г.) соединилъ воедино раздражимость и чувствительность подъ именемъ возбудимости, на которой онъ основывалъ различіе между живой и мертвой, невозбудимой природой. Витализмъ пріобрѣлъ свою классическую форму благодаря французамъ Полю Жозефу Бартэ (1734—1806 г.), Шарлю Луи Дюма (1765—1813 г.) и Франсуа Биша (1771—1802 г.). Основанный Іоанномъ Христіаномъ Рейлемъ (1759—1813 г.) нѣмецкій витализмъ сейчасъ же запутался въ натурфилософскихъ фантазіяхъ, но имѣлъ силу освободиться отъ нихъ и просуществовать довольно значительное время. Чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ гипотезу о жизненной силѣ, не надо упускать изъ виду, что такіе великіе естествоиспытатели, какъ Велеръ, Іоганнесъ Мюллеръ и Либихъ, оставались до конца своей жизни виталистами.

На порогѣ XIX столѣтія были сдѣланы открытія, подготовившія появленіе новаго, физико-химическаго направленія въ физіологіи.

Гальвани доказалъ, что живое тѣло является источникомъ электричества, а другіе раздули выводы Гальвани до того обобщенія, что всѣ жизненныя явленія обусловливаются электричествомъ. Лавуазье доказалъ, что живой организмъ воспринимаетъ кислородъ, что послужило основаніемъ для выясненія процесса дыханія, а Гиртанеръ (1760—1800) открылъ, что кислородъ, воспринятый венозной кровью изъ легкихъ, способствуетъ ея превращенію въ красную, артеріальную кровь. Физіологія сдѣлала еще одинъ шагъ впередъ благодаря тому открытію Чарльза Белля (1774—1842 г.), что задніе корешки спинномозговыхъ нервовъ служатъ проводниками чувствительныхъ импульсовъ, а передніе — двигательныхъ. Другимъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ, открытіемъ рефлекторныхъ движеній, наука обязана англичанину Маршаллю Голлю (1790—1857 г.).

На первыхъ порахъ въ физіологіи играли наиболѣе выдающуюся роль французскіе изслѣдователи, отличавшіеся точностью своихъ наблюденій и описаній отправленій разныхъ органовъ и искусной постановкой экспериментовъ. Жюльенъ Лега-луа (1770—1814 г.) выяснилъ важную роль продолговатаго мозга въ кровообращеніи, дыханіи и поддержаніи теплоты тѣла. Рене Анри Дютроше (1776—1847 г.) изслѣдовалъ способность животныхъ тканей къ диффузіи. Къ опытамъ надъ животными сталъ прибѣгать въ широкихъ размѣрахъ Франсуа Мажанди (1783—1855 г.), который подтвердилъ экспериментальнымъ путемъ теорію Белля и обогатилъ науку новыми данными объ отправленіяхъ нервной системы въ здоровомъ и больномъ состояніи. Жанъ Пьеръ Флурансъ (1794—1867 г.) открылъ дыхательный центръ и дѣйствіе хлороформа и выяснилъ много деталей анатоміи и физіологіи центральной нервной системы. Гильома Дюшенна (1806—1875 г.) слѣдуетъ признать однимъ изъ основателей электротерапіи за его точныя изслѣдованія относительно дѣйствія физическихъ раздраженій на мускулы и нервы.

Философскими основными вопросами, связанными съ жизненными явленіями, занимался съ особеннымъ рвеніемъ Клодъ Бернаръ (1813—1878 г.), величайшій изъ французскихъ физіологовъ, виртуозъ въ искусствѣ вивисекціи. Бернаръ установилъ функціи всѣхъ паръ головныхъ нервовъ и характеръ нарушенія ихъ вслѣдствіе болѣзней; онъ первый произвелъ знаменитый опытъ съ сахарнымъ уколомъ (появленіе сахара въ мочѣ вслѣдствіе поврежденія дна четвертаго желудочка головного мозга), выяснилъ роль желудочнаго кишечнаго сока, печени и поджелудочной железы. Пока онъ былъ живъ, взоры всѣхъ ученыхъ были устремлены на Collège de France, въ которомъ онъ работалъ, располагая жалкими вспомогательными средствами, составляющими рѣзкій контрастъ съ роскошью современныхъ ученыхъ учрежденій.

Во времена Клода Бернара германская физіологія не только сравнялась съ французской, но и заняла первенствующее положеніе. Этимъ она была обязана уже названному нами Іоганесу Мюллеру, котораго по справедливости можно было бы назвать Галлеромъ XIX вѣка, если бы это сравненіе не умаляло его значенія. О широтѣ научной дѣятельности Мюллера мы можемъ составить себѣ представленіе изъ рѣчи, произнесенной въ память его ученикомъ его Дюбуа-Реймономъ. „Мюллеръ оставилъ по себѣ слѣдъ въ физіологіи движенія, утробной жизни, чувствъ; въ анатоміи безпозвоночныхъ, въ особенности членистыхъ животныхъ; въ эмбріологіи и гистологіи; въ физикѣ нервной системы и въ физіологической химіи; въ анатоміи человѣка, антропологіи и сравнительной анатоміи позвоночныхъ; въ физіологіи голосовыхъ органовъ и человѣческой рѣчи; въ патологической анатоміи, въ зоологической систематикѣ и палеонтологіи; къ концу своей жизни онъ посвятилъ всѣ свои силы изслѣдованію иглокожихъ и ихъ развитія и вообще безпозвоночныхъ океаническихъ животныхъ“. Хотя Дюбуа-Реймонъ дѣлаетъ уступку въ своемъ па-

негирикѣ хулителямъ Мюллера и признаетъ, что несмотря на всеобъемлющій характеръ своей дѣятельности, знаменитый физіологъ и морфологъ не сдѣлалъ ни одного первостепеннаго открытія, съ этимъ нельзя согласиться уже въ виду имѣющей большое значеніе въ наукѣ теоріи Мюллера о специфической энергіи чувствительныхъ нервовъ. А какъ велико было его значеніе, какъ учителя, объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ блестящихъ именъ его учениковъ, въ томъ числѣ Вирхова и Геккеля.

Первый физіологическій институтъ былъ устроенъ Іоанномъ Пуркинье (1787—1869 г.) въ Бреславлѣ. Пуркинье запечатлѣлъ свое имя на скрижаляхъ исторіи науки своимъ открытіемъ зародышеваго пузырька въ птичьемъ яйцѣ и мерцательнаго движенія, своими изслѣдованіями строенія нервныхъ волоконъ и энтоптическихъ явленій. Съ тѣхъ поръ физіологическія лабораторіи стали снабжаться все болѣе и болѣе щедро физическими аппаратами и матеріаломъ для вивисекціи. Въ то же время произошелъ поворотъ, весьма важный въ исторіи этой спеціальной науки, — распаденіе ея на два отдѣла: чисто химическій и физіологическій съ незначительной примѣсью сравнительнаго направленія, основывающагося на зоотоміи и эмбріологіи.

Химическое направленіе въ физіологіи, начало которому было положено Велеромъ и Либихомъ, породило физіологическую химію (ср. стр. 107), у которой установились связи съ патологической химіей, экспериментальной фармакологіей и токсикологіей; она стала преслѣдовать свои собственныя задачи, почти не соприкасаясь съ физической физіологіей или физіологіей въ общепринятомъ смыслѣ.

Основателемъ точнаго физическаго метода въ физіологіи слѣдуетъ признать Эрнста Вебера (ср. стр. 96). Онъ объяснялъ кровообращеніе на основаніи теоріи волнообразнаго движенія, а функціи органовъ движенія на основаніи законовъ механики. Его изслѣдованія объ осязаніи и чувствѣ пространства положили начало новой наукѣ, психофизикѣ; первый связный очеркъ ея былъ данъ Густавомъ Фехнеромъ (1801—1887 г.), отъ него же она получила и свое названіе.

Первое руководство по физической физіологіи было написано Карломъ Людвигомъ (1816—1895 г.), изобрѣтателемъ кимографа, самопишущаго аппарата, регистрирующаго колебанія кровяного давленія. Съ помощью графическаго метода могутъ быть производимы наблюденія надъ біеніемъ сердца, сокращеніемъ мускуловъ, дыханіемъ, и т. д. Собственные труды Людвига касались по большей части кровообращенія, отдѣленія мочи и слюны. Карлъ Фирордтъ (сконч. въ 1884 г.), изобрѣтатель сфигмографа, и Альфредъ Вильгельмъ Фолькманъ (1801—1877 г.) продолжали разработку ученія о кровообращеніи. Графическій методъ и вообще экспериментальная физіологія достигли наивысшаго своего совершенства благодаря трудамъ Этьена Жюля Марея (1830—1904 г.), профессора Collège de France.

Животное электричество, физіологія мускуловъ и нервовъ нашли блестящаго изслѣдователя въ лицѣ Эмиля Дюбуа-Реймона (1818—1896 г.). Въ его рукахъ техника гальваническаго раздраженія достигла такого совершенства, что стала методомъ изслѣдованія, допускающимъ самыя тонкія измѣренія. При блестящемъ ораторскомъ талантѣ Дюбуа вліяніе его остроумныхъ и широкихъ выводовъ простиралось далеко за предѣлы университетовъ и академій. Еще не стихли отголоски его рѣчей „О предѣлахъ познанія природы“ (1872 г.) и „О семи міровыхъ загадкахъ“ (1880 г.). Всѣмъ еще памятно „Ignorabimus“, которымъ онъ закончилъ первую изъ названныхъ рѣчей, и „Dubitemus“ второй.

Послѣ Дюбуа-Реймона всего успѣшнѣе разрабатывалъ ученіе о мускулахъ и нервахъ Пфлюгеръ (род. 1829 г.). Въ его лицѣ сочетались необыкновенно плодотворнымъ образомъ физическое и химическое направ-

ленія въ физіологіи, техническій талантъ (насосъ для выкачиванія газовъ крови) и философское глубокомысліе.

Вождемъ физіологовъ, изучавшихъ физіологію органовъ чувствъ, былъ Гельмгольцъ (срав. стр. 98). Этотъ же трудный отдѣлъ разрабатывали Брюкке, самый важный вкладъ котораго въ науку заключается въ физіологіи человѣческой рѣчи, затѣмъ прославившійся въ качествѣ глазного врача Францъ Дондерсъ (1818—1889 г.), Э. Герингъ (род. 1834 г.), который считаетъ основнымъ факторомъ зрѣнія и ощущенія цвѣтовъ обмѣнъ веществъ въ зрительной субстанціи и приписиваетъ матеріи психическое свойство памяти, Адольфъ Фикъ (1829—1901 г.), основатель медицинской физики, Іоаннъ Непомукъ Чермакъ (1828—1873 г.), Вильгельмъ Кюне (1837—1900 г.), Леонардъ Ландуа (1837—1902 г.), Уильямъ Прейеръ (1841—1897 г.), котораго страсть къ изслѣдованію завлекла въ непроходимыя дебри сравнительной физіологіи и психологіи, наконецъ, психофизики съ Теодоромъ Фехнеромъ и Вильгельмомъ Вундтомъ во главѣ (срав. стр. 95). Въ связи съ физіологіей органовъ чувствъ стоитъ изслѣдованіе строенія и отправленій центральной нервной системы; въ этой области первое мѣсто занимаютъ труды Пауля Флексига (род. 1847 г.), Теодора Цигена (род. 1862 г.) и др. Теодоръ Вильгельмъ Энгельманъ (род. 1843 г.), обогатившій всю физіологію мускуловъ и нервовъ своими необычайно тонкими экспериментами, поставилъ также цѣлесообразные эксперименты для выясненія психофизіологическихъ отношеній самыхъ низшихъ одноклѣточныхъ организмовъ.

Въ историческомъ введеніи къ своей „Общей физіологіи" Максъ Ферворнъ (род. 1862 г.), перечисляя современныя и будущія задачи физіологіи, говоритъ: „Чего мы достигли до сихъ поръ?.. Если мы просмотримъ внимательно отдѣльныя области физіологіи, то окажется, что до сихъ поръ мы познакомились только съ грубыми механическими и химическими отправленіями тѣла позвоночныхъ животныхъ. Причины, обусловливающія эти явленія, остаются для насъ еще загадками... Если физіологія не хочетъ удовлетвориться углубленіемъ добытыхъ до сихъ поръ свѣдѣній о грубыхъ отправленіяхъ человѣческаго тѣла, а стремится къ объясненію элементарныхъ и общихъ жизненныхъ явленій, то она достигнетъ подобной цѣли только какъ клѣточная физіологія... Затѣмъ необходимо будетъ заняться сравнительнымъ изученіемъ жизненныхъ явленій въ клѣткахъ различныхъ формъ... Физіологія объединяется не единствомъ метода, а единствомъ преслѣдуемой задачи. Для разрѣшенія этой задачи физіологъ прибѣгаетъ, смотря по спеціальной цѣли, которую онъ себѣ ставитъ, къ химическимъ и физическимъ, анатомическимъ и эмбріологическимъ, зоологическимъ и ботаническимъ, математическимъ и философскимъ методамъ изслѣдованія; но всѣ они должны вести къ одной и той же цѣли: изслѣдованію жизни".

d) Медицина.

α) Внутренняя медицина.

Изъ медицинскихъ теорій или доктринъ, пользовавшихся авторитетомъ въ началѣ XIX столѣтія, ни одна не выжила до настоящаго времени (срав. т. VIII, стр. 552—553); но появившаяся на свѣтъ еще въ концѣ XVIII столѣтія гомеопатія обнаружила поразительную живучесть. Хотя ея блестящіе дни уже прошли, и она вышла уже изъ моды, тѣмъ не менѣе еще и теперь она насчитываетъ не мало послѣдователей. Во всякомъ случаѣ ея основатель Самуилъ Ганеманъ (1755—1843 г). имѣлъ такой всемірный успѣхъ, какой рѣдко выпадалъ на долю основателя школы въ древнія или новѣйшія времена. Можно сказать безъ всякихъ колебаній,

что въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій медики дѣлились на два лагеря, гомеопатовъ и аллопатовъ.

Развитіе научной медицины шло рука объ руку съ успѣхами патологической анатоміи и физической діагностики (семіотики), отъ которыхъ къ ней протянулись нити еще на порогѣ XIX столѣтія. Два фокуса кривой научнаго прогресса медицины находились въ Парижѣ и въ Вѣнѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ вышло въ свѣтъ въ 1760 году сочиненіе, въ которомъ излагался новый методъ изслѣдованія больныхъ: выстукиваніе грудной полости (перкуссія). Авторомъ этого сочиненія, которое не было оцѣнено по достоинству ни въ самой Австрійской имперіи, ни за границей, былъ больничный врачъ Леопольдъ Ауэнбруггеръ (1722—1809 г.). Хотя оно было переведено на французскій языкъ уже въ 1770 г., перкуссія обратила на себя вниманіе врачей только значительное время спустя благодаря лейбъ-медику Наполеона I, Жану Николя Корвизару (1755—1821 г.), который издалъ вновь, снадбивъ своими примѣчаніями, сочиненіе Ауэнбруггера. Аускультація тоже основывается на выслушиваніи и истолкованіи шумовъ, возникающихъ внутри организма. Леннекъ (срав. стр. 132) пользовался этимъ методомъ съ большимъ успѣхомъ для діагностики болѣзней легкихъ и сердца. Для этой цѣли онъ устроилъ стетоскопъ, не вышедшій изъ употребленія и понынѣ, тогда какъ плесиметръ Піорри и перкуссіоный молоточекъ Винтриха были вытѣснены изъ употребленія выстукиваніемъ пальцами.

Физическая діагностика пріобрѣла благодаря Іосифу Шкода (1805—81 г.) ту степень совершенства, которая сдѣлала ее постояннымъ предметомъ изслѣдованія и преподаванія. Шкода и его другъ Рокитанскій были основателями и вождями новой вѣнской или вѣнско-пражской школы. Имъ міръ обязанъ сочетаніемъ клинической діагностики и ученія о болѣзняхъ, частной патологіи и терапіи, съ патологической анатоміей. Подобно Шкода величайшій діагностъ вѣнской школы Іоаннъ Оппольцеръ (1808—1871 г.) писалъ очень мало. Въ одномъ отношеніи новая вѣнская школа сходилась съ гомеопатіей: въ противоположность старой вѣнской школѣ, безъ конца пичкавшей больныхъ лѣкарствами, новая школа уклонилась въ сторону терапевтическаго нигилизма. Въ отдѣльныхъ случаяхъ она не отказывалась отъ примѣненія испытанныхъ лѣчебныхъ средствъ и лѣчебныхъ пріемовъ, но не питала безусловной вѣры въ ихъ дѣйствіе; въ эпоху своего расцвѣта вѣнская школа выдвинула выдающагося фармаколога въ лицѣ Карла Дамьяна Шроффа (1802—1887 г.). Преобразователь дерматологіи (ученія о болѣзняхъ кожи) Фердинандъ Гебра (1816—1880 г.) придавалъ большое значеніе изобрѣтеннымъ имъ лѣкарственнымъ средсвамъ и пріемамъ лѣченія. Благодаря вліянію сифилидолога Карла Людвига Зигмунда (1810—1883 г.) снова получило всеобщее распространеніе лѣченіе ртутью и ртутными втираніями.

Что австрійская медицина шла впереди германской, это имѣло свои уважительныя причины, — германской медицинѣ приходилось бороться съ отклонявшими ее въ сторону теченіями, почти вовсе неизвѣстными въ замкнутомъ отъ внѣшнихъ вліяній дунайскомъ государствѣ съ его скептически настроеннымъ населеніемъ. Еще не вымерли въ Германіи анимистическія теченія XVIII вѣка, какъ философія Шеллинга вскружила опять головы врачамъ. Одна изъ разновидностей натурфилософской медицины, мюнхенская христіанско-германская школа, пріобрѣла оффиціальный авторитетъ благодаря Іоанну Непомуку Рингсэйзу (1785—1880 г.), въ теченіе сорока шести лѣтъ стоявшему во главѣ врачебнаго вѣдомства въ Баваріи. Эта школа опиралась на св. писаніе, считала болѣзни карой за грѣхи и предписывала для ихъ излѣченія церковное покаяніе или религіозныя упражненія. Правда, въ это же время вынырнула на свѣтъ другая школа, получившая названіе естественно-исторической, съ Карломъ Виль-

гельмомъ Старкомъ (1787—1845 г.) во главѣ. Однако въ этой школѣ было также мало естественно-историческаго, какъ мало было систематическаго опыта въ „Опытной медицинѣ“ Готфрида Радемахера (1772—1849 г.). Только Іоаннъ Лука Шенлейнъ (1793—1864 г.) направилъ германскую медицину и преподаваніе медицины въ Германіи на истинный естественнонаучный путь скорѣе своимъ примѣромъ и своей преподавательскою дѣятельностью, которая началась въ 1824 г., чѣмъ своими сочиненіями. Изъ Вюрцбурга судьба привела его въ Цюрихъ, а затѣмъ въ Берлинъ (1840 г.), который былъ наиболѣе пригоднымъ мѣстомъ для проведенія научныхъ преобразованій. Послѣ переселенія въ Берлинъ Вирхова (срав. стр. 133) патологическая анатомія и гистологія, само собой разумѣется, пріобрѣли значеніе коренныхъ устоевъ медицины. И понынѣ терминологія и систематика болѣзней основываются на патолого-анатомическихъ признакахъ.

Не во враждѣ, а въ наилучшемъ согласіи со школой Шенлейна или физіологической и анатомической школой Рокитанскаго и Вирхова выросло къ 1870 г. поколѣніе внутреннихъ врачей, вся сила которыхъ заключается въ казуистикѣ. Казуистическое направленіе опиралось на клиническую практику и стало развиваться прежде всего въ южно-германскихъ медицинскихъ факультетахъ. Эта школа вернулась снова съ усиленнымъ рвеніемъ къ терапіи.

Между тѣмъ вошли въ моду способы лѣченія, которые зародились, по крайней мѣрѣ, отчасти, въ кругу профановъ или, можно даже сказать, шарлатановъ. Такъ какъ публика вѣрила въ нихъ, то ихъ приняли подъ свое попеченіе также и научно образованные врачи. Масса требуетъ отъ врача, какъ и отъ драматурга, прежде всего какъ можно больше дѣйствія. За внушительную сценическую обстановку она тоже бываетъ благодарна. Такимъ-то образомъ издавна вошло въ обычай предписывать купанья, минеральныя воды, перемѣну климата, движеніе, діэту и вообще всевозможныя вещи, посягающія на время и карманъ паціента. Въ эту пеструю смѣсь тоже удалось внести систему и подобіе научнаго духа, такъ что появились болѣе или менѣе научныя бальнеологія, гидротерапія, свѣтолѣченіе (Рикли, Лахманъ, Финзенъ).

Послѣ того, какъ патологія и химія со времени Либиха занялись детально вопросами питанія, медицина тоже принялась за пересмотръ традиціонныхъ діэтическихъ предписаній и надлежащую оцѣнку лѣченія молокомъ, плодами, медомъ, и т. п. Это было весьма своевременно, такъ какъ шарлатаны и рекламисты пользовались этими пріемами лѣченія для эксплуатаціи больныхъ. Наряду съ секретными средствами, къ счастью, болѣе или менѣе безвредными, химическая промышленность выбросила на рынокъ препараты, рекламируемые не ради одной только славы имени Божія. Въ противовѣсъ этой шумной рекламѣ выросла разумная діэтическая терапія, выдвинутая однимъ изъ самыхъ выдающихся клиницистовъ, Эрнстомъ Лейденомъ (род. въ 1832 г.). Видоизмѣненіемъ этого метода лѣченія является также введенное въ моду американцами лѣченіе откармливаніемъ. Развитію діэтической терапіи содѣйствовалъ Генрихъ Лахманъ (1860—1905 г.); онъ же трудился надъ гигіеническимъ усовершенствованіемъ одежды въ качествѣ послѣдователя зоолога Густава Іегера (род. въ 1832 г.), апостола названной по его имени нормальной шерстяной одежды.

Наименѣе доступнымъ для профановъ и наиболѣе сложнымъ въ техническомъ отношеніи методомъ лѣченія является электротерапія. Ея родоначальникомъ можетъ быть названъ французскій физіологъ Дюшеннъ (срав. стр. 134), пользовавшійся фарадическимъ токомъ для лѣченія мышцъ и нервовъ. Основателемъ гальвано-терапіи былъ Ремакъ (срав. стр. 124). Кромѣ фарадизаціи и гальванизаціи производились опыты также съ перемѣнными токами и термоэлектрическими аппаратами. Въ

другихъ областяхъ, кромѣ лѣченія мускуловъ и нервовъ, электротерапія не дала до сихъ поръ никакихъ замѣтныхъ результатовъ.

Въ теченіе долгаго времени весь прогрессъ медицины сводился къ описанію симптомовъ и признаковъ болѣзней. Но въ послѣднее время подвинулось значительно впередъ и раскрытіе причинъ болѣзней (этіологія). Этимъ успѣхомъ медицина обязана бактеріологіи, которая открыла новые горизонты какъ для патологіи, такъ и для терапіи. Длинная цѣпь фактовъ изъ исторіи науки показываетъ намъ постепенный ростъ и укрѣпленіе той теоріи, что цѣлый рядъ болѣзней, особенно заразительныя болѣзни человѣка, животныхъ и растеній, причиняются проникновеніемъ въ организмъ мельчайшихъ живыхъ существъ изъ царства протистовъ (грибы-дробянки, простѣйшія). Длинный рядъ предвѣстниковъ этого открытія восходитъ до Атанасіуса Кирхера, (сконч. въ 1680 г.) и Левенгека (срав. т. VII, стр. 457). Современная эпоха начинается съ необычайно плодотворныхъ трудовъ Луи Пастера о произвольномъ зарожденіи, гніеніи и броженіи (срав. стр. 107). Но являются ли находимыя въ крови и въ выдѣленіяхъ больныхъ кокки, палочки (бациллы) и спирали дѣйствительными возбудителями специфическихъ болѣзней, или же ихъ слѣдуетъ считать побочнымъ явленіемъ, не имѣющимъ ни этіологическаго, ни діагностическаго значенія? Не можетъ ли одинъ и тотъ же родъ микробовъ вызывать въ однихъ случаяхъ совершенно безвредныя явленія, а въ другомъ — крайне опасныя? Хотя въ 1849 г. была открыта бацилла сибирской язвы, а въ 1873 г. бацилла возвратнаго тифа, эти вопросы все еще оставались неразрѣшенными.

Около средины XIX столѣтія, одновременно съ открытіями Пастера, сдѣлало новые успѣхи ученіе о паразитахъ. Уже въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія нѣкоторые изслѣдователи открыли и изслѣдовали чесоточнаго клеща. Фридрихъ Кюхенмейстеръ (1821—1890 г.) доказалъ посредствомъ опытовъ, что ленточная глиста человѣка развивается изъ финнъ свиного мяса, а пузырчатыя глисты изъ яицъ ленточной глисты, заносимыхъ кровянымъ токомъ въ самыя различныя части тѣла. Благодаря трудамъ Рудольфа Лейкарта (1822—1898 г.) и Іоанна Христофора Губера (род. 1830 г.) ученіе о паразитныхъ червяхъ разрослось въ особый отдѣлъ медицинской науки („клиническая гельминтологія"). Всеобщее вниманіе привлекла къ себѣ описанная Ричардомъ Оуэномъ (1804—1892 г.) трихина, жизнь которой внутри человѣческаго организма съ ея губительными послѣдствіями была изучена Лейкартомъ и Вирховымъ. Испугъ, охватившій по этому поводу все человѣчество, былъ только прелюдіей страшной паники, вызванной ростомъ научныхъ свѣдѣній о болѣзнетворныхъ микробахъ, составляющихъ предметъ изученія бактеріологіи.

Заключенія, дѣлавшіяся по аналогіи съ другими извѣстными паразитами, служили толчкомъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, но не могли считаться убѣдительными. Безупречное доказательство того, что опредѣленные, различимые морфологически микроорганизмы вызываютъ только извѣстныя опредѣленныя болѣзни и притомъ часто только у опредѣленныхъ видовъ животныхъ, было дано только великимъ ученымъ, создавшимъ новую эру въ бактеріологіи, Робертомъ Кохомъ (род. 1843 г.). Онъ выяснилъ жизненный циклъ вредныхъ бактерій, въ особенности ихъ споръ, которыя могутъ попадать въ организмъ черезъ дыхательные пути или черезъ пораненія внѣшнихъ покрововъ, усовершенствовалъ методы полученія чистыхъ культуръ и прививки, а также технику изготовленія препаратовъ, изслѣдованія подъ микроскопомъ, консервированія, фотографированія и т. д. Бывшій уѣздный врачъ въ Бомстѣ и судебный врачъ въ Бреславлѣ былъ приглашенъ въ Берлинъ въ качествѣ директора имперскаго санитарнаго департамента (Reichsgesundheitsamt), занялъ каѳедру при Берлинскомъ университетѣ съ особымъ институтомъ и получалъ неоднократно

отъ различныхъ правительствъ командировки въ мѣстности, пораженныя эпидеміями, при чемъ на него возлагалась задача изслѣдовать на мѣстѣ возбудителя и условія распространенія эпидеміи и высказать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ свое мнѣніе о средствахъ для предохраненія отъ болѣзни и для искорененія ея. Всемірную славу Кохъ пріобрѣлъ послѣ того, какъ онъ открылъ туберкулезную бациллу (1882 г.) и холерную запятую, болезнетворную только для человѣка, но не для животныхъ (1883 г.). Затѣмъ онъ открылъ возбудителей чумы, египетскаго гнойнаго воспаленія глазъ, дизентеріи; большое значеніе для науки имѣло также изслѣдованіе имъ восточно- и западно-африканскихъ эпизоотій (чумы рогатаго скота, болѣзни зурра, техасской лихорадки), возбудители которыхъ распространяются при посредствѣ насѣкомыхъ (мухъ, клещей). Кохъ принималъ также участіе въ изслѣдованіи маляріи вмѣстѣ съ иностранными учеными (Лавераномъ, Гольджи, Гасси, Биньями). Со времени первыхъ успѣховъ, достигнутыхъ Кохомъ, бактеріологія стала центромъ медицинскихъ изслѣдованій. Врачи стремились съ одной стороны къ точному опредѣленію возбудителя болѣзни, а съ другой къ открытію предохранительныхъ и лѣчебныхъ средствъ противъ заболѣваній, причиняемыхъ бактеріями и простѣйшими животными (Sporozoa). Наибольшія заслуги пріобрѣли въ этой новѣйшей отрасли медицины кромѣ Коха и Пастера еще слѣдующіе ученые: Герардъ Армаузръ Ганзенъ (открывшій бациллу проказы; род. 1841 г.), Антонъ Вейксельбаумъ, Гансъ Бухнеръ (1850—1902 г.), Фридрихъ Лефлеръ (открывшій бациллы дифтерита, сапа, свиной красухи и мышинаго тифа, род. въ 1850 г.), Георгъ Гаффки (род. 1850 г., преемникъ Коха въ должности директора института инфекціонныхъ болѣзней.), Эмиль Берингъ (род. 1854 г.) и др.

Чувство безпомощности предъ невидимыми, вездѣсущими, не останавливающимися ни предъ какими преградами зловредными паразитами, вызывающими въ тѣлѣ пріютившихъ ихъ хозяевъ самыя ужасныя заразныя болѣзни, на первыхъ порахъ дѣйствовала не только на профановъ, но и на врачей, и даже теперь, когда оборонительная и наступательная война противъ этихъ враговъ ведется по всей линіи и въ крупномъ, и въ мелкомъ масштабѣ, этотъ страхъ еще не искорененъ окончательно. Наилучшимъ утѣшеніемъ для насъ можетъ служитъ тотъ выводъ науки, что наше тѣло само заключаетъ въ себѣ средства для борьбы съ пришельцами. Однимъ изъ первыхъ, выработавшихъ свою теорію по этому вопросу, былъ русскій ученый Илья Мечниковъ (род. 1845 г.), въ настоящее время занимающій постъ вице-директора Парижскаго Пастеровскаго института. При своихъ изслѣдованіяхъ сущности воспаленія онъ замѣтилъ, что бѣлыя кровяныя тѣльца, лейкоциты, свободно плавающія въ крови и въ лимфѣ, набрасываются на внѣдрившіяся въ тѣло животнаго бактеріи, проглатываютъ и уничтожаютъ ихъ; поэтому онъ далъ бѣлымъ кровянымъ тѣльцамъ названіе фагоцитовъ, т. е. пожирателей. Хотя наблюденія Мечникова не вполнѣ подтвердились, тѣмъ не менѣе безспорно, что лейкоциты играютъ важную роль въ автоматическомъ выдѣленіи губительныхъ для бактерій веществъ. Послѣ того, какъ было установлено, что болѣзненныя явленія вызываются не самыми бактеріями, а ядовитыми веществами (токсинами), выдѣляемыми бактеріями въ качествѣ продуктовъ обмѣна веществъ, было выяснено также, что организмъ заболѣвшаго животнаго выдѣляетъ противоядія (антитоксины), нейтрализирующія дѣйствіе бактеріальныхъ ядовъ. Эта теорія антитоксиновъ разрослась въ теорію антитѣлъ послѣ того, какъ было доказано, что организмъ человѣка и животныхъ реагируетъ посредствомъ образованія противоядій или антитѣлъ не только на введеніе бактерій, но и на введеніе другихъ животныхъ клѣтокъ различнаго рода, напр. клѣтокъ крови, печени, почекъ, сѣмянныхъ нитей, и т. д. Подобнымъ же образомъ было найдено, что нѣкоторыя антитѣла вызываютъ свертываніе бактерій или превращаютъ ихъ въ студенистое вещество (коагулины, агглютинины).

Столь же поучительно и утѣшительно было то открытіе, что въ кровяной сывороткѣ имѣется запасъ защитительныхъ веществъ или алексиновъ (комплементы и аддименты), которыя проявляютъ свое дѣйствіе при наличности извѣстныхъ условій. Разительное впечатлѣніе произвело то открытіе, что бактеріи вырабатываютъ вещества, разрушающія ихъ самихъ (бактеріолитическія вещества, холераза, дифтераза и т. д.). Эти теоретическіе выводы изъ кропотливыхъ изслѣдованій привели также и къ практическимъ результатамъ въ дѣлѣ лѣченія заразныхъ болѣзней и предохраненія отъ нихъ.

Терапія заразныхъ болѣзней, вызываемыхъ дробящимися грибками или простѣйшими животными, сводится къ тремъ задачамъ: къ предохранительнымъ (профилафическимъ) мѣрамъ противъ распространенія этихъ болѣзней, къ созданію искусственной невоспроимчивости къ болѣзни (иммунизаціи) у еще не заболѣвшихъ людей или животныхъ и, наконецъ, къ излѣченію уже заболѣвшихъ больныхъ. Система предохранительныхъ и лѣчебныхъ прививокъ получила начало въ лабораторіи Пастера, въ которой былъ сдѣланъ первый опытъ на больныхъ, которымъ угрожала водобоязнь, какъ укушеннымъ бѣшеными собаками или волками. По мнѣнію современныхъ бактеріологовъ въ кровяной сывороткѣ иммунизированныхъ животныхъ заключаются цѣлебныя средства противъ заразныхъ заболѣваній (дифтеритная сыворотка Беринга). Институтъ Пастера въ Парижѣ и Институтъ инфекціонныхъ болѣзней въ Берлинѣ вмѣстѣ съ „Институтомъ экспериментальной терапіи“ въ Германіи служатъ центрами, въ которыхъ вырабатываются способы борьбы съ вредоноснымъ дѣйствіемъ микробовъ.

β) Хирургія; глазныя, ушныя, горловыя и зубныя болѣзни; женскія, дѣтскія, венерическія и кожныя болѣзни.

До средины XIX вѣка хирургія не могла освободиться отъ клейма общественнаго презрѣнія, тяготѣвшаго надъ нею съ среднихъ вѣковъ. Даже полевые хирурги относились къ низшему медицинскому цеху цирульниковъ. Гражданскіе хирурги и фельдшера не получали высшаго образованія, вслѣдствіе чего врачи съ академическимъ образованіемъ избѣгали всякаго сближенія съ ними, Лишь мало по малу хирургія вышла изъ этого унизительнаго положенія — сначала во Франціи и Испаніи, затѣмъ въ Англіи и Голландіи и позже всего въ Австріи и Германіи. Ея прошлое служило для нея такимъ тяжелымъ камнемъ преткновенія, что несмотря на быстрый прогрессъ ея въ XVIII столѣтіи, прошло еще много времени, прежде чѣмъ ей была отведена спеціальная кафедра, и она была включена въ програму испытаній въ качествѣ обязательнаго предмета, послѣ чего, естественно, мало-по-малу исчезло и пренебрежительное отношеніе къ ней. Съ тѣхъ поръ, какъ для занятія хирургіей требуется университетскій дипломъ, хирурги уже не считаются низшими членами медицинскаго персонала сравнительно съ врачами терапевтами. Напротивъ того, поразительные успѣхи новѣйшаго оперативнаго искусства создали пристрастное отношеніе къ хирургіи въ ущербъ внутренней медицинѣ.

Нельзя считать хвастовствомъ утвержденіе современныхъ хирурговъ, что въ теченіе долгаго періода отъ Гиппократа до 1800 или даже до 1850 г. ихъ наука не сдѣлала такихъ громадныхъ успѣховъ, какъ за послѣдніе 100 или даже 50 лѣтъ. За французами остается та заслуга, что они несли впереди другихъ народовъ свѣточъ науки. За основателемъ новой хирургіи Амбруазомъ Парэ слѣдовалъ въ теченіе всего XVII и XVIII столѣтій цѣлый рядъ хирурговъ, поддерживавшихъ связь между своею спеціальностью и непрерывнымъ прогрессивнымъ движеніемъ анатоміи. Основанная въ 1731 г. Королевская Хирургическая Академія (Académie royale de

chirurgie) была закрыта Конвентомъ въ 1793 г., но непрерывныя войны, проходившія между 1792 и 1815 гг., служили превосходной практической школой и постоянно напоминали о необходимости удѣлять особое вниманіе хирургіи. Франція продолжала блистать такими крупными именами, какъ Жанъ Доминикъ Ларрей (1766—1842 г.), Гильомъ Дюпюитренъ (1777—1835 г.), по имени котораго названъ анатомическій музей въ Парижѣ, и Филибэръ Жозефъ Ру (1780—1854 г.). Изъ представителей слѣдующаго поколѣнія хирурговъ назовемъ Жака Лисфранка (1790—1847 г.; вылущеніе суставовъ), Жана Сивіаля (1792—1867; изобрѣлъ камнедробленіе), А. Видаля (1803—1856 г.), Пьера Шаесеньяка (1805—1879 г., дренажъ ранъ) и др.

Англійскіе и американскіе хирурги не отставали отъ французскихъ. Ихъ рядъ начинается Чезельденомъ (1688—1752), за нимъ слѣдовали Джонъ Поттъ (1713—1788 г.), по имени котораго названа поттова болѣзнь (искривленіе позвоночника вслѣдствіе костоѣда); Джонъ Хунтеръ (1728—1793 г.), Джонъ Белль (1763—1820 г.), Эстли Куперъ (1768—1841 г. изобрѣтатель желудочнаго зонда и промыванія желудка), Э. М. Доуэлль (1772—1830 г.), который произвелъ первую оваріотомію, т. е. удаленіе яичниковъ; Бенджаменъ Коллинсъ Броди (1783—1862 г.), введшій въ хирургію трепанацію трубчатыхъ костей для удаленія гноя, РобертъЛистонъ (1794—1847 г.), Уильямъ Фергюссонъ (1808—1877 г,), Джонъ Эриксонъ (1818—1896 г), Генри Томпсонъ (1820—1904 г.) и др.

Въ странахъ, входившихъ въ составъ Римско-Германской имперіи, а затѣмъ германскаго союза, хирургія оставалась въ застоѣ до самаго конца XVIII столѣтія, несмотря на то, что со времени Лоренца Гейстера (1683—1758 г.), хирургія стала преподаваться въ германскихъ университетахъ. Дѣло приняло лучшій оборотъ благодаря геттингенскому профессору Августу Рихтеру (1742—1812 г.) и вюрцбугскому Карлу Каспару фонъ-Зибольду (1736—1807 г.). Еще въ 1714 г. въ Берлинѣ была основана медико-хирургическая коллегія (Collegium medico-chirurgicum) подъ управленіемъ генеральнаго хирурга Гольцендорфа; но она стала процвѣтать только значительно позже, въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, подъ управленіемъ Герке, когда она была переименована въ институтъ Фридриха-Вильгельма (теперь она называется академіей Императора Вильгельма). Съ особеннымъ усердіемъ разрабатывалась хирургія въ теченіи богатыхъ войнами царствованій Маріи Терезіи и Іосифа II въ Вѣнѣ. Здѣсь преподавателями ея были Фердинандъ Леберъ (1760—1829 г.), который добился отмѣны пытокъ, Александръ Брамбилла (1728—1800 г.), Винцентъ Кернъ (1760—1829 г.), основатель Операціоннаго института (1807 г.). По приказу императора былъ открытъ въ 1804 г. подъ управленіемъ Брамбиллы Іозефинумъ, спеціальная высшая школа для подготовки военныхъ врачей, нынѣ не существующая. Въ Берлинскомъ университетѣ воспитателями новаго поколѣнія выдающихся хирурговъ были Карлъ Фердинандъ Греффе (1787—1840 г.) и Филиппъ Вальтеръ (1781—1849 г.). Обоихъ ихъ превзошелъ самый смѣлый и оригинальный операторъ того времени, прославившійся въ особенности своимъ необыкновеннымъ искусствомъ въ пластической хирургіи Іоаннъ Фридрихъ Диффенбахъ (1794—1847 г). Значительное вліяніе на своихъ современниковъ оказалъ также Луи Штромейеръ (1804—1876 г.) своимъ консервативнымъ, т. е. стремящимся къ сохраненію, а не къ удаленію больныхъ частей тѣла направленіемъ.

Что хирургія сдѣлала такіе большіе успѣхи въ теченіе двухъ поколѣній отъ 1790 до 1850 г., объясняется тѣмъ, что она шла нога въ ногу съ анатоміей, физіологіей и патологіей, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ къ упражненіямъ на фантомѣ и на трупѣ присоединились вивисекціи. Только благодаря послѣднему методу, изъ-за котораго было такъ много споровъ, первоклассные хирурги пришли къ убѣжденію въ выполнимости на живомъ человѣкѣ такихъ операцій, которыхъ раньше избѣгали. Смѣ-

лость хирурговъ возросла еще болѣе послѣ произведшихъ переворотъ въ техникѣ операцій, открытій, сдѣланныхъ на протяженіи короткаго двадцатипятилѣтняго періода времени: мы говоримъ о наркозѣ и антисептикѣ съ замѣнившей ее потомъ асептикой. Съ этихъ поръ операціонная зала перестала пугать врачей и паціентовъ.

Сѣверо-американскіе врачи первые рѣшились прибѣгнуть при операціяхъ къ средствамъ, вызывающимъ анэстезію, т. е. уничтожающимъ чувствительность. Еще химикъ Гемфри Дэви (срав. стр. 97) обращалъ вниманіе врачей на закись азота (веселящій газъ), открытый Джозефомъ Пристлеемъ (1733—1804 г.). Въ 1844 году это средство было предложено снова зубнымъ врачомъ Орэсомъ Уэльсомъ, который направилъ вниманіе врачей на наркозъ. Въ слѣдующіе годы были произведены удачные опыты съ примѣненіемъ сѣрнаго эфира, благодаря чему въ Лондонѣ, Парижѣ и Вѣнѣ вопросъ былъ подвергнутъ тщательной провѣркѣ, поставившей внѣ всякаго сомнѣнія примѣнимость эфирнаго наркоза при операціяхъ. Въ 1847 г. шотландскій гинекологъ Джемсъ Юнгъ Симпсонъ (1811—1870 г.) сталъ примѣнять для наркоза открытый Либихомъ хлороформъ и тотчасъ же пріобрѣлъ послѣдователей. Споръ о сравнительныхъ преимуществахъ и недостаткахъ этихъ анэстетическихъ средствъ ведется до настоящаго дня. Послѣ того, какъ врачи пришли къ убѣжденію въ томъ, что не для всякой операціи необходимъ общій наркозъ и что во многихъ случаяхъ достаточно и мѣстной анэстезіи, пошли въ ходъ мѣстныя анэстезирующія средства: распыленный эфиръ, кокаинъ, жидкость Шлейха и т. д.

Все искусство хирурговъ и всѣ анэстезирующія средства оказывались безсильными противъ септическаго зараженія ранъ, свирѣпствовавшаго въ больницахъ. Наконецъ, и въ этомъ отношеніи наступилъ переворотъ. Открытая въ 1834 г. Рунге карболовая кислота оказалась удобопримѣнимымъ дезинфецирующимъ средствомъ. Джозефъ Листеръ (род. 1827 г.) сочеталъ примѣненіе карболовой кислоты при лѣченіи ранъ съ особой придуманной имъ повязкой и сдѣлался такимъ образомъ родоначальникомъ новѣйшей антисептики. Онъ убѣдился также въ томъ, что требуется не только огражденіе ранъ отъ возбудителей гніенія, но и дезинфекція помѣщенія, въ которомъ производится операція, рукъ врача и инструментовъ. Мало-по-малу врачи отказались отъ употреблявшихся первоначально концентрированныхъ растворовъ и отъ усиленнаго примѣненія распыленныхъ антисептическихъ средствъ; въ то же время выработалось убѣжденіе, что бактеріальное зараженіе можетъ быть предотвращено соотвѣтствующими мѣрами. Антисептическое лѣченіе было вытѣснено асептическимъ, которое примѣняется въ больницахъ и лѣчебныхъ заведеніяхъ съ такою тщательностью, что даже люди съ большими средствами предпочитаютъ поступать туда, чѣмъ лѣчиться на дому. Надъ выработкой методовъ асептики потрудился въ числѣ другихъ Эрнстъ Бергманъ (1836—1907 г.).

Гейдельбергскій хирургъ Винцентъ Черни выражается слѣдующимъ образомъ о значеніи антисептики и асептики въ хирургіи: „Случайныя заболѣванія отъ пораненія, гнойныя зараженія, септическая лихорадка, рожа, столбнякъ, которыми раньше осложнялось нерѣдко простое хирургическое вмѣшательство, въ настоящее время могутъ быть вполнѣ предотвращены въ случаяхъ незараженныхъ ранъ. Смертность послѣ удаленія яичниковъ (оваріотоміи), ампутаціи конечностей, осложненныхъ переломовъ костей, доходившая раньше до 50—60 %, упала до 5—6 % благодаря открытію Листера и его дальнѣйшей разработкѣ. Многія операціи, на которыя раньше врачи не отваживались вслѣдствіе большой опасности ихъ для жизни, вошли теперь въ обыденную хирургическую практику, напр., удаленіе зоба. Старая, почти уже забытая трепанація черепа разрослась въ хирургію черепной полости и стала примѣняться не только для отысканія нарывовъ или удаленія осколковъ костей, но и для удаленія поверхностныхъ опухо-

лей мозга. Сдѣланныя при этомъ наблюденія расширили наши свѣдѣнія о локализаціи функцій мозга". Черни указываетъ на цѣлый рядъ операцій въ спинно-мозговомъ каналѣ, въ грудной полости, оперативное лѣченіе грыжъ, желчныхъ камней, которыя прежде считались невозможными, а теперь стали обыденными, и въ частности на новѣйшую операцію удаленія червеобразнаго отростка при воспаленіи слѣпой кишки. Мощнымъ прогрессомъ хирургіи воспользовались и врачи по внутреннимъ болѣнямъ, такъ какъ распознаваніе внутреннихъ болѣзней значительно облегчилось благодаря возможности заглянуть во внутренности живого человѣка. Общей патологіи тоже не приходится болѣе ограничиваться лишь тѣмъ матеріаломъ, который получается при вскрытіяхъ труповъ.

Наряду съ наркозомъ, атисептикой и асептикой пріобрѣли до нѣкоторой степени общее значеніе, не ограничивающееся отдѣльными болѣзнями и отдѣльными случаями, и другіе хирургическіе методы. Сюда относятся гальванокаустика по способу Теодора Миддельдорпфа (1824—1868 г.). искусственное обезкровливаніе по способу Фридриха Эсмарха (род. 1823 г.), техника резекцій, переливаніе крови, цистоскопія (изслѣдованіе мочевого пузыря посредствомъ соотвѣтствующаго зеркала), освѣщеніе и фотографированіе посредствомъ Рентгеновскихъ лучей и. т. п.

Наравнѣ съ лучшими специалистами по внутреннимъ болѣзнямъ выдающіеся хирурги XIX столѣтія пріобрѣли громадную извѣстность. Въ Вѣнѣ хирургія вновь расцвѣла послѣ того, какъ туда переселился изъ Цюриха Теодоръ Бильротъ (1829—1894 г.), самый смѣлый и искусный операторъ своего времени, обладавшій несравненнымъ преподавательскимъ талантомъ, остроумный и высокообразованный писатель. Его преемникомъ былъ его ученикъ Карлъ Гуссенбауэръ. (1842—1903 г.); одновременно съ нимъ работалъ Эдуардъ Альбертъ (1841—1900 г.). Въ Берлинѣ блистали Адольфъ Барделебенъ (1819—1895 г.), Францъ Кенигъ (род. въ 1832 г.), Эрнстъ Бергманъ, Августъ Биръ (род. 1861 г.). Въ Мюнхенѣ пріобрѣлъ большую славу Іоганнъ Непомукъ Нуссбаумъ (1829—1890 г.), а въ Тюбингенѣ Пауль Викторъ Брунсъ (1812—1883 г.). Украшеніемъ хирургической каѳедры Гейдельбергскаго университета былъ Густавъ Симонъ (1824—1876 г.), смѣлыя операціи котораго на почкахъ, селезенкѣ и внутреннихъ половыхъ женскихъ органахъ создали эру въ хирургіи. За неимѣніемъ мѣста мы не называемъ многихъ другихъ выдающихся хирурговъ.

Отъ хирургіи и общей медицины отдѣлились въ качествѣ особыхъ спеціальностей ученіе о глазныхъ болѣзняхъ (офтальмологія), ученіе объ ушныхъ болѣзняхъ (отіатрія), а также ларингологія и ринологія, занимающіяся болѣзнями верхнихъ дыхательныхъ путей. Каждая изъ этихъ спеціальностей пользуется своими особыми инструментами (глазное, ушное и гортанное зеркало) и имѣетъ своихъ знаменитостей.

Начало научной разработкѣ зубныхъ болѣзней (дентіатріи) было положено еще въ XVIII столѣтіи Фушаромъ. Въ XIX столѣтіи дентіатрія была обязана своими успѣхами главнымъ образомъ изобрѣтательному уму и предпріимчивости американцевъ. Ни одна отрасль медицины не пріобрѣла себѣ такой обширной кліентуры въ, относительно короткое время. Американецъ Чэпинъ Гаррисъ основалъ въ Балтиморѣ первый дантистическій колледжъ и первый журналъ, посвященный этой спеціальности. Американскіе врачи впервые ввели въ употребленіе искусственные зубы. Въ качествѣ основанія для искусственныхъ зубовъ Джемсъ Гардеттъ (род. въ 1756 г.) ввелъ присасывающуюся металлическую пластинку, а Чарльзъ Гудійръ (1800—1860 г.) вулканизированный каучукъ. Для высушиванія, буренія и пломбированія зубовъ янки изобрѣли особыя машины и методы. Какъ мы уже упоминали, эфирный наркозъ былъ введенъ впервые американскими дентистами. Переселившійся въ Европу американскій дентистъ Томасъ Эвансъ, модный зубной врачъ Второй Имперіи, ввелъ въ употребле-

ніе веселящій газъ. Изъ нѣмецкихъ дентистовъ блистали еще въ первую половину XIX столѣтія вѣнскіе зубные врачи Георгъ Карабелли (1787—1832 г.), Адольфъ Фрелихъ (1814—1864 г.), Морицъ Гейдеръ (1816—1866 г.) и Карлъ Ведль (1815—1891 г.).

Органы грудной и брюшной полости остаются еще и понынѣ въ неприкосновенномъ владѣніи внутренней медицины во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ не показано хирургическое вмѣшательство. Въ особую спеціальность выдѣлилась только гинекологія, обособившаяся отъ акушерства. Въ этой послѣдней области съ древнѣйшихъ временъ знаніе было перемѣшано съ суевѣріемъ, искусство — съ грубыми манипуляціями; въ началѣ XIX столѣтія господствовала страсть къ искусственнымъ пріемамъ. Искусные въ хирургіи французы примѣняли кстати и некстати оперативное вмѣшательство также и въ акушерствѣ. Въ противоположность этой склонности французовъ къ насилію надъ природой, англійскіе акушеры отличались своимъ консервативнымъ направленіемъ. Какъ и во многихъ другихъ областяхъ, въ акушерствѣ нѣмцы тоже подражали французамъ. Фридрихъ Веньяминъ Озіандеръ (1759—1822 г.) въ Геттингенѣ извлекалъ на свѣтъ щипцами половину дѣтей, рождавшихся подъ его наблюденіемъ. Его противникъ Лука Іоаннъ Боэръ (1751—1835 г,) въ Вѣнѣ прибѣгалъ къ этому инструменту только въ шести процентахъ всѣхъ случаевъ. Благодаря Боэру консервативное направленіе одержало верхъ надъ оперативнымъ. Правда, и тутъ увлеклись не въ мѣру, тѣмъ болѣе, что консервативное направленіе вполнѣ гармонировало со скептическимъ выжидательнымъ настроеніемъ новой вѣнской школы. Въ подобныхъ случаяхъ оправдывается старинная пословица о золотой серединѣ.

Несмотря на всѣ успѣхи акушерства актъ родовъ все еще оставался опаснымъ событіемъ, и, даже если онъ протекалъ благополучно, роженица не была застрахована отъ пуэрперальной или родильной горячки. Медицина совершенно отчаялась въ возможности борьбы съ этимъ ангеломъ смерти. Къ числу самыхъ поразительныхъ эпизодовъ науки слѣдуетъ отнести то событіе, что въ этомъ вопросѣ свѣтъ знанія озарилъ молодого врача, преисполненнаго самаго безкорыстнаго состраданія къ страждущимъ, ассистента акушерской клиники общей вѣнской больницы Игнатія Филиппа Земмельвейса (1818—1865 г.), который не получилъ за свое открытіе никакой благодарности. Когда этотъ прозорливецъ предвосхитилъ на четверть вѣка самое спасительное для человѣчества открытіе новѣйшей эпохи, онъ не только не былъ понятъ, но былъ даже встрѣченъ мертвымъ молчаніемъ и преслѣдованіемъ. Въ маѣ 1847 г., черезъ короткое время послѣ того, какъ другъ Земмельвейса проф. Коллечка скончался отъ зараженія трупнымъ ядомъ, Земмельвейсу стало ясно, что родильная горячка проявляется такими же симптомами, какъ и піэмія, и какъ молнія блеснула въ его головѣ та мысль, что роженицы заражаются врачами, изслѣдующими ихъ недезинфецированными пальцами. Онъ сталъ требовать отъ преподавателей акушерства и студентовъ не только дезинфекціи рукъ, но и тщательной чистки инструментовъ и перевязочнаго матеріяла. Хотя за Земмельвейса заступились Шкода, Гебра и Михаэлисъ, онъ не добился никакихъ практическихъ результатовъ: высокая смертность продолжалась попрежнему, и авторъ великаго открытія вынужденъ былъ переселиться въ Пештъ, гдѣ могъ безопасно возобновить борьбу съ рутиной и высокомѣріемъ. Но напрасно. Самъ Вирховъ не могъ подавить своего обычнаго скептицизма и тоже высказался противъ Земмельвейса. Такимъ образомъ слава открытія антисептики досталась англичанамъ. Со времени введенія антисептики родильная горячка стала рѣдкимъ явленіемъ.

Особую медицинскую спеціальность составляютъ венерическія болѣзни, сифилидологія, которая соединяется большею частью съ дерматологіей (ученіемъ о кожныхъ болѣзняхъ). Уже въ XVIII столѣтіи англійскіе врачи

отдѣлили отъ сифилиса гоноррею, какъ сравнительно безвредную болѣзнь, на томъ основанiи, что она не влечетъ за собой никакихъ вторичныхъ явленiй. Гонорея тоже оказалась бактерiальной болѣзнью, производитель которой называется micrococcus gonorrhoeae. Великому анатому Гентеру удалось установить различiе между твердымъ и мягкимъ шанкромъ. Общепринятая морфологiя болѣзней половыхъ органовъ выработана преимущественно Филиппомъ Рикоромъ (1800—1889 г.). Въ 1905 г. Фрицъ Шаудиннъ (1861—1906 г), открылъ настоящаго носителя сифилиса въ видѣ блѣдной спириллы (Spirochaeta pallida).

γ) Гигiена, судебная медицина и психiатрiя.

Общественная гигiена основывается на правильномъ согласованiи врачебнаго искусства, законодательства, административныхъ распоряженiй и техники. Какъ предметъ университетскаго преподаванiя, гигiена еще наука молодая и соединяется съ судебной медициной или же чаще съ бактерiологiей. Ни одной медицинской спецiальности не пришлось выдержать болѣе упорной борьбы противъ невѣжества профановъ. Въ первую половину XIX вѣка государства и муниципалитеты были еще слишкомъ бѣдны, чтобы браться за выполненiе широкихъ плановъ санитарнаго благоустройства. Поворотъ къ лучшему наступилъ только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда народное богатство и государственные доходы поднялись скачками до такой высоты, какой никогда не ожидали. Такъ какъ и богатые вынуждены были признать, что они страдаютъ тоже отъ общаго неблагоустройства и недостатка санитарныхъ учрежденiй, то общественный и частный кошелекъ сталъ раскрываться охотнѣе. Къ тому же холера неоднократно совершала свое шествiе по Европѣ и даже азiатская чума нѣсколько разъ стучалась въ двери Европы, которая и сама могла похвалиться изряднымъ количествомъ эпидемическихъ заразныхъ болѣзней; но наибольшее дѣйствiе оказало проникновенiе гуманныхъ принциповъ во всѣ слои общества. Такимъ-то образомъ менѣе чѣмъ въ два поколѣнiя было создано преимущественно на средства муниципалитетовъ множество учрежденiй, ослабляющихъ опасности, угрожающiя жизни и здоровью населенiя, и повышающихъ способность человѣческаго организма давать отпоръ различнымъ вредителямъ; сюда относятся водопроводы, каналы, общественные сады, усовершенствованное освѣщенiе, бойни, рынки, купальни, жилища для рабочихъ, площадки для игръ, школьныя зданiя и т. д.. Гигiена стала тѣмъ чародѣйственнымъ словомъ, которое превращаетъ въ человѣколюбцевъ самыхъ черствыхъ эгоистовъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ общественная польза совпадаетъ съ выгодой каждаго единичнаго человѣка, который получаетъ за пару гульденовъ уплачиваемаго имъ налога такiя удобства, которыя могутъ быть созданы только миллiонами людей.

Одновременно съ первыми социальными мѣропрiятiями по охранѣ народнаго здравiя и первыми санитарными предписанiями въ Англiи появились въ свѣтъ въ началѣ XIX столѣтiя и первыя медицинскiя сочиненiя, посвященныя спецiальной разработкѣ вопросовъ гигiены. Наряду съ англичанами надъ разработкой общественной гигiены трудились также и французскiе врачи, получившiе то удовлетворенiе, что при Наполеонѣ III Парижъ сталъ для всего свѣта яркимъ образцомъ по части учрежденiй, совмѣщающихъ красоту съ цѣлесообразностью. Третья республика съ ея рѣзкимъ демократическо-социалистическимъ оттѣнкомъ распространила влiянiе гигiеническихъ учрежденiй на низшiе классы населенiя и на самыя отдаленныя части государства. Такъ какъ во Францiи сохранилась попрежнему рѣзкая административная централизацiя, то выполненiе предписанiй закона нигдѣ не встрѣчало такъ мало препятствiй, какъ въ этомъ государствѣ съ его вѣчной смѣной правительствъ. Францiя же призвала къ жизни

также и международныя санитарныя конференціи, неоднократно повторявшіяся начиная съ 1851 года и принимавшія рѣшенія относительно мѣропріятій противъ заноса заразныхъ болѣзней изъ другихъ частей свѣта.

Что касается Германіи и Австріи, то въ этихъ государствахъ Іоаннъ Петръ Франкъ долго оставался въ блистательномъ одиночествѣ (срв. т. VIII, стр. 553). Другимъ витяземъ гигіены былъ Максъ фонъ Петтенкоферъ (1818—1901 г.), занимавшій первую кафедру гигіены (съ 1865 г.) и стоявшій во главѣ перваго государственнаго института общественной гигіены въ Мюнхенѣ (съ 1878 г.). Изъ его школы вышло все современное поколѣніе гигіенистовъ. Отъ общей и физіологической химіи онъ перешелъ къ гигіенѣ, какъ наукѣ, естественно-научное обоснованіе которой еще сильно хромало. Его теоретическія работы обнимали вентиляцію, обмѣнъ веществъ, одежду, гигіеническое значеніе грунтовыхъ и почвенныхъ водъ, выборъ мѣстъ для кладбищъ, канализацію и удаленіе нечистотъ, самоочищеніе рѣкъ, этіологію заразныхъ заболѣваній, и т. д. Онъ принималъ практическое участіе въ работахъ, благодаря которымъ гор. Мюнхенъ, въ которомъ онъ жилъ, сталъ образцомъ санитарнаго благоустройства.

Гигіена представляетъ собою отрасль государственной медицины, или, какъ ее окрестилъ въ свое время Франкъ, „врачебной полиціи". Изъ другой ея отрасли развилась судебная медицина, которая находится пока на положеніи пасынка; въ Германіи она рѣдко преподается ординарными профессорами (въ Лейпцигѣ и т. д.) Однако эта наука вовсе не новая, такъ какъ еще Majestas Carolina требуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ отзыва врачей. Въ настоящее время суды требуютъ даже больше, чѣмъ можетъ дать вполнѣ свѣдущій судебный врачъ, почему приходится весьма часто прибѣгать къ помощи химиковъ и психіатровъ. Судебный врачъ долженъ быть прежде всего хорошимъ анатомомъ, опытнымъ въ техникѣ вскрытій, умѣющимъ пользоваться микроскопомъ, спектроскопомъ и другими физическими приборами; только удовлетворяющій этимъ требованіямъ врачъ способенъ дать отзывъ о причинахъ смерти или поврежденій въ уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ. Въ дѣлахъ, касающихся половыхъ отношеній, и въ вопросахъ вмѣняемости и правоспособности, важныхъ какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ процессахъ, тоже требуется отзывъ судебнаго врача. Однако въ этой области господствуетъ невообразимая путаница неперебродившихъ теорій, такъ что судьи, присяжные и публика относятся подчасъ съ крайнимъ недовѣріемъ къ объясненіямъ врачей-спеціалистовъ.

Ученіе о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ стоитъ въ самой тѣсной связи не только съ гигіеной и судебной медициной, но въ особенности съ внутренней медициной и ея естественно-научной основой. Несмотря на это, психопатологія или психіатрія выдѣляется въ особую спеціальность въ силу повелительныхъ внѣшнихъ соображеній; ведетъ отдѣльное существованіе также и невропатологія, тѣсно сливающаяся съ психіатріей по существу, но отдѣляемая отъ нея тоже по внѣшнимъ соображеніямъ. Такъ какъ изученіе извѣстнаго рода болѣзней должно идти рядомъ съ уходомъ за больными, а душевно-больныхъ приходилось отдѣлять отъ душевно-здоровыхъ уже съ древнѣйшихъ временъ, то уже въ XVIII столѣтіи существовали довольно обширная наука о душевныхъ болѣняхъ и лѣчебницы для душевно больныхъ. Поворотъ къ лучшему въ этой мрачной области наступилъ уже въ концѣ XVIII столѣтія, но потребовалось еще больше полувѣка для того, чтобы новые методы привились повсюду. Въ тотъ вѣкъ, когда просвѣщеніе и сантиментальность проникли во всѣ уголки, для помѣшанныхъ все еще строились „смирительные дома" съ ихъ застѣнками и орудіями пытки. Даже въ срединѣ XIX вѣка значительная часть психіатровъ еще считала невозможнымъ обходиться безъ насильственныхъ мѣръ.

Починъ въ дѣлѣ гуманизаціи ухода за душевно-больными исходилъ изъ Франціи, гдѣ уже упомянутый нами Филиппъ Пинель (срав. т. VIII, стр. 553) боролся съ болѣе грубыми злоупотребленіями, видя въ помѣшанныхъ больныхъ, страдающихъ изъяномъ въ центральной нервной системѣ. Его дѣло продолжалъ Жанъ Этьенъ Доминикъ Эскироль (1772—1840 г.), директоръ шарантонской психіатрической больницы, основатель клиническаго преподаванія психіатріи и авторъ капитальнаго труда „О душевныхъ болѣзняхъ“ (Des maladies mentales). Еще дальше по пути облегченія участи душевно-больныхъ пошли англичане. Роль піонера выпала на долю Джона Конолли (1794—1866 г.). Замѣчательный остатокъ старины, существующая съ среднихъ вѣковъ колонія для душевно-больныхъ Геель въ Бельгіи, послужила образцомъ для излюбленнаго въ послѣднее время поселенія душевно-больныхъ въ особыхъ колоніяхъ, въ обстановкѣ семейнаго ухода и сельскаго труда, съ предоставленіемъ имъ возможно болѣе широкой свободы.

Въ Германіи устарѣлые взгляды продолжали оказывать свое вліяніе даже въ ту пору, когда въ другихъ странахъ уже стало укореняться разумное обращеніе съ душевно-больными. Наконецъ, въ нѣмецкой психіатріи тоже восторжествовали правильные взгляды и цѣлесообразное обращеніе съ больными. Начало новой эрѣ было положено приглашеніемъ въ Берлинъ Вильгельма Гризингера (1817—1868 г.), который былъ въ то же время выдающимся клиницистомъ по внутреннимъ болѣзнямъ. Гризингеръ сочеталъ патолого-анатомическій методъ съ казуистическимъ и создалъ систему рѣзко разграниченныхъ типовъ болѣзней, при чемъ удѣлялъ должное вниманіе и терапіи. Психіатры и невропатологи, бывшіе его преемниками, не только усовершенствовали эту систему, но старались также доискаться главныхъ причинъ душевныхъ и нервныхъ болѣзней. Установлено, что главный контингентъ обитателей домовъ умалишенныхъ поставляютъ сифилисъ и алкоголь; кромѣ того констатировано то грустное явленіе, что число душевнобольныхъ обоего пола растетъ какъ абсолютно, такъ и относительно.

3. Науки о духѣ.

Классификація наукъ — это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ ищутъ еще со времени древнихъ грековъ; но по своей сущности этотъ вопросъ едва ли допускаетъ окончательное рѣшеніе. Издревле разрѣшеніе этой проблемы зависитъ отъ состоянія науки, отъ измѣнчивыхъ взглядовъ большой публики и отдѣльныхъ умовъ, отъ практическихъ потребностей. Полемика разгорается въ особенности тогда, когда классификація наукъ по ихъ содержанію связывается съ оцѣнкой ихъ, при чемъ строится лѣстница или іерархія наукъ, какъ, напримѣръ, у Огюста Конта, Спенсера и др. Удивительно, что въ послѣднія десятилѣтія охотно прибѣгали къ простому раздѣленію наукъ на науки о природѣ и науки о духѣ, раздѣленію, которое носитъ на себѣ печать давно отжившаго метафизическаго дуализма, несмотря на все разнообразіе возможныхъ и дѣйствительно существующихъ подраздѣленій и на возрастающую спеціализацію. Джонъ Стюартъ Милль (1806—1873 г.) способствовалъ больше, чѣмъ кто бы то ни было другой, укорененію этой дихотоміи. Вильгельму Вундту (род. въ 1822 г.) принадлежитъ та заслуга, что онъ далъ самое основательное изложеніе методологіи обѣихъ группъ наукъ, а Вильгельмъ Дильтей (род. въ 1833 г.) проникъ глубже всѣхъ другихъ въ сущность и процессъ развитія духовныхъ наукъ. Разъ укоренившіеся термины обладаютъ громадной живучестью. Поэтому сомнительно, удастся ли въ близкомъ будущемъ неокантіанской философіи, рѣзко осуждающей терминъ „духовныя науки“, вытѣснить его обратно.

Объ исторіи и исторической географіи уже говорилось въ VIII т. (стр. 658—673); поэтому мы начнемъ здѣсь съ филологіи и языковѣдѣнія, затѣмъ перейдемъ къ праву, наукѣ о государствѣ и обществѣ и закончимъ философіей. Что касается богословія, которое было царицей наукъ до тѣхъ поръ, пока единая вѣра обнимала всю сферу распространенія европейскихъ народовъ и европейской культуры, то по основаніямъ, не требующимъ объясненія, мы коснемся его только мимоходомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

A. **Филологія.**

a) Классическая филологія.

Могущественное умственное движеніе въ Германіи достигло своей кульминаціонной точки въ самомъ концѣ XVIII вѣка. Германскій народъ стряхнулъ съ себя романскій классицизмъ съ его латинскимъ основнымъ тономъ, его наборомъ правилъ, его дедуктивной механической непреложностью и въ то же время не капитулировалъ предъ развившимся изъ классицизма раціонализмомъ съ его революціонной тенденціей къ всеобщей нивелировкѣ. Въ „періодъ бури и натиска“ (Sturm- und Drangperiode) нѣмцы освободились отъ иноземныхъ наслоеній вѣка просвѣщенія и выработали нѣчто свое собственное, задушевное, одухотворяющее: это былъ періодъ наивысшаго напряженія творческой дѣятельности въ поэзіи, музыкѣ и философіи. Пышущая жизнью полнота производительныхъ силъ подняла на небывалую высоту способность къ возсозданію и переживанію прошлаго, составляющую ядро исторіи и филологіи. То, что совершили нѣмцы, стояло въ полной гармоніи съ ходомъ германской исторіи. Они взялись за то, что было имъ не по плечу за 250 лѣтъ передъ тѣмъ, переживали снова періодъ возрожденія и гуманизма въ формѣ, наиболѣе соотвѣтствующей особенностямъ ихъ національнаго духа. Этотъ послѣдышъ европейскаго ренессанса не носилъ на себѣ старческихъ чертъ, какъ, напримѣръ, послѣднія стадіи романскаго классицизма. Напротивъ того, отъ него вѣяло молодостью и эллинскимъ духомъ. Сѣверный ренессансъ, нѣмецкій неогуманизмъ, родился не подъ созвѣздіемъ Виргилія, Сенеки и Цицерона, а сверкалъ въ лучахъ солнца Гомера, Софокла и Платона. Теперь была достигнута та цѣль, къ которой тщетно стремился итальянскій ренессансъ, — сліяніе эллинскаго духа, какъ настоящаго воплощенія античной культуры, съ современнымъ. Къ этой цѣли стремилась изящная литература, съ нѣмецкой основательностью отдавая себѣ отчетъ въ мотивахъ своихъ дѣйствій. Лессингъ и Виландъ, Винкельманъ и Гердеръ, Гете и Шиллеръ, Шлегели и Гумбольдты отмѣчаютъ своею дѣятельностью послѣдовательныя стадіи этого эстетико-научнаго возрожденія, обращающагося къ первоисточникамъ духовнаго развитія человѣчества. Отсюда къ наукамъ о духѣ лился оживляющій и возрождающій потокъ, не изсякшій и до настоящаго времени.

Первымъ пламеннымъ провозвѣстникомъ неогуманизма въ филологической аудиторіи былъ геттингенскій профессоръ Христіанъ Готлибъ Гейне (ср. т. VIII, стр. 529), воспитавшій два поколѣнія частью вѣрныхъ своему учителю, частью измѣнившихъ ему учениковъ. Къ числу послѣднихъ принадлежали, между прочимъ, Фридрихъ Августъ Вольфъ (1759—1824 г.) и Іоаннъ Генрихъ Фоссъ (т. VIII, стр. 580). Гейне прикрылъ эстетическими прикрасами наготу филологіи, поблекшей и обезкровленной подъ суровой ферулой голландско-англійскаго пуританизма, правда, въ ущербъ строгости ея методовъ и глубинѣ содержанія; зато онъ расширилъ ея границы, присоединивъ къ ней миѳологію и археологію искусства. Вольфъ раздвинулъ еще шире границы науки о классической древности, но предохранилъ ее отъ угрожавшаго ей расплыванія благодаря тому, что онъ

усовершенствовалъ ея критическіе пріемы и владѣлъ съ несравненнымъ искусствомъ филологической, т.-е. критическо-герменевтической техникой.

Наряду съ нимъ прославились еще много другихъ учениковъ Гейне, въ томъ числѣ извѣстный въ исторіи германской литературы Іоаннъ Генрихъ Фоссъ; его заслуги, какъ поэта и ученаго, безспорны, но онъ былъ литературнымъ бреттеромъ, грубымъ и неразборчивымъ въ выборѣ средствъ борьбы, не имѣющимъ ни малѣйшаго желанія понять своего противника. Онъ боролся съ рьяностью инквизитора съ миѳологическими теоріями своего учителя Гейне и своего гейдельбергскаго сотоварища Георга Фридриха Крейцера (1771—1858 г.), романтика среди филологовъ, противъ сочиненія котораго: „Символика и миѳологія древнихъ народовъ“ ополчился также Готфридъ Германнъ. Тѣмъ не менѣе этотъ подвергшійся анаѳемѣ ученый трудъ оказалъ сильное вліяніе, а личное обаяніе Крейцера привлекло къ нему цѣлый кругъ учениковъ (Гейдельбергская школа).

Къ ученикамъ Гейне примкнули въ началѣ XIX столѣтія послѣдователи Вольфа. Къ числу почитателей, друзей и добровольцевъ-апостоловъ идей великаго критика принадлежали такіе люди, какъ Гете, который обмѣнивался съ нимъ письмами, и Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ, высокое положеніе котораго давало ему возможность оказывать матеріальное содѣйствіе неогуманизму, которымъ онъ проникся съ искреннимъ воодушевленіемъ. Къ школѣ Вольфа принадлежалъ также знаменосецъ новѣйшей исторической науки Бартольдъ Георгъ Нибуръ (1776—1831 г.), который пріобрѣлъ солидную филологическую репутацію изданіемъ вновь открытыхъ отрывковъ Цицерона, Гая, Фронтона, Меробауда и собранія произведеній византійскихъ историковъ. Настоящимъ ученикомъ Вольфа былъ Шлейермахеръ, посвятившій себя изученію древнегреческихъ философовъ, въ особенности Платона; Берлинъ сталъ съ тѣхъ поръ центромъ этой отрасли филологіи (Тренделенбургъ, Брандисъ, Целлеръ, Боницъ, Дильсъ). Изъ учениковъ Вольфа никто не потрудился надъ изданіемъ критически исправленныхъ текстовъ такъ много, какъ Эммануилъ Беккеръ (1785—1871 г.), который умѣлъ выбрать наилучшую рецензію на основаніи всѣхъ доступныхъ ему рукописей (онъ просмотрѣлъ ихъ самолично свыше четырехсотъ), и его консервативное направленіе восторжествовало надъ произвольными измышленіями охотниковъ до исправленій. Первой строго-научной исторіей обѣихъ классическихъ литературъ спеціалисты обязаны младшему изъ учениковъ Вольфа Готфриду Бернгарди (1800—1875 г.), ученому, находившемуся подъ вліяніемъ философіи Гегеля; онъ разработалъ синтаксисъ греческаго языка на основаніи принциповъ теоріи эволюціи.

Всѣхъ безъ исключенія учениковъ Вольфа затмилъ Августъ Бекъ (1785—1867 г.). Послѣ смерти Вольфа онъ занялъ его мѣсто въ наукѣ о древностяхъ. Онъ не только охранялъ, но и расширялъ ея владѣнія и въ теченіе всей своей жизни воевалъ во главѣ своихъ послѣдователей съ могущественной по временамъ партіей, во главѣ которой стоялъ Готфридъ Германнъ (срав. стр. 151) и которая стремилась заключить филологію въ болѣе тѣсныя рамки и умалить ея цѣли. Слава Бека въ узкомъ кругу спеціалистовъ основана на его трудахъ, относящихся къ Пиндару и трагикамъ. Его познанія, простиравшіяся, между прочимъ, и на математику, дѣлали его способнымъ къ разработкѣ наиболѣе трудныхъ частей науки о древностяхъ, хронологіи, метрологіи и экономической исторіи. Главнымъ фундаментомъ его сочиненія: „Государственное хозяйство аѳинянъ“ (1817 г. второе изд. въ 1851 г.) были надписи, издававшіяся Берлинской академіей подъ его руководствомъ.

Самымъ знаменитымъ, не уступавшимъ своему учителю по своей разносторонности ученикомъ Бека былъ Карлъ Отфридъ Мюллеръ (1797—1840 г.). Своими изслѣдованіями объ „Исторіи эллинскихъ племенъ и городовъ“ и объ „Этрускахъ“, онъ раскрылъ всю важность этнологическихъ

фактовъ для исторіи культуры. Различіе племенъ составляетъ руководящую нить его изложенія исторіи древней религіи, литературы и искусства. Къ этимъ тремъ областямъ относятся его глубоко обоснованныя сводныя работы, набросанныя умѣлой и вѣрной рукой: „Введеніе въ научную миѳологію“ (1825 г.), „Руководство археологіи искусства“ и неоконченная „Исторія греческой литературы“.

Подобно Беку, Фридрихъ Готлибъ Велькеръ (1784—1868 г.) никогда не упускалъ изъ виду связи между всѣми отраслями науки о древностяхъ. Въ качествѣ профессора боннскаго университета онъ посвятилъ свои силы изученію археологіи, для разработки которой въ германскихъ университетахъ ничего не было сдѣлано до той поры. Онъ основалъ первый университетскій музей слѣпковъ и заботился объ увеличеніи числа снимковъ и моделей для нагляднаго преподаванія. Но сила его заключалась не въ формальномъ стилистическомъ толкованіи произведеній искусства, а въ ихъ литературномъ толкованіи, въ выясненіи ихъ темы, ихъ идеи, ихъ композиціи. Какъ литература помогала ему при изслѣдованіи вопросовъ исторіи искусства, такъ и наоборотъ произведенія искусства помогали ему въ выясненіи литературы, именно эпиковъ и трагиковъ, которымъ посвященъ его пятитомный капитальный трудъ („Эпическій циклъ“, 2 тома, „Греческія трагедіи“, 3 тома). Религія вмѣстѣ съ поэзіей и искусствомъ были въ глазахъ Велькера тройственнымъ созвучіемъ древней греческой жизни. Религіи онъ посвятилъ свой послѣдній большой трудъ „Греческую миѳологію“ (1857—1862 г.). Велькеръ посвятилъ въ археологію искусства многочисленныхъ своихъ учениковъ, въ томъ числѣ изслѣдователя надписей Вильгельма Генцена (1816—1887) и основателя мюнхенской школы Генриха Брунна (1822—1894 г.).

Подобно Велькеру, одинъ изъ учениковъ Бека; Эдуардъ Гергардъ (1795—1867 г.), сталъ знатокомъ античнаго искусства, изученіемъ котораго онъ занимался въ Римѣ. Это былъ прирожденный музейный археологъ. Онъ занимался съ увлеченіемъ составленіемъ каталоговъ произведеній искусства и опубликованіемъ снимковъ, но филологію и филологовъ онъ умышленно оставлялъ въ сторонѣ. Гергардъ стремился къ возможно болѣе ясному и отчетливому отграниченію своей науки о памятникахъ, археологіи, отъ той науки, которая изучаетъ литературные памятники, филологіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Противникъ Бека и Велькера, опытный въ полемикѣ Готфридъ Германнъ (1772—1848 г.), принципіальный врагъ энциклопедическаго направленія въ филологіи, водрузилъ свое знамя въ Лейпцигѣ. Знаніемъ языковъ, острымъ критическимъ умомъ и преподавательскимъ талантомъ онъ превосходилъ своихъ соперниковъ. Оставаясь вѣрнымъ голландско-англійской традиціи, Германнъ считалъ главными задачами филологіи критическое изученіе текстовъ, грамматику и метрику. Его изслѣдованія въ области крупныхъ и темныхъ произведеній классической литературы (Гомеръ, Гезіодъ, Эсхилъ, Пиндаръ, Плавтъ, орфическія стихотворенія), отличались, по словамъ Людвига Урлиха, оригинальностью, „въ большинствѣ случаевъ производили переворотъ въ пониманіи авторовъ и всегда были поучительны и будили мысль“. Изъ святая святыхъ его учебной лабораторіи, Лейпцигской филологической семинаріи, вышли многіе первокласные филологи.

Къ направленію Германа стоялъ очень близко Карлъ Лахманъ (1793—1851 г.), который преподавалъ въ Берлинскомъ университетѣ рядомъ съ Бекомъ и былъ знатокомъ какъ германской, такъ и классическій филологіи. Какъ въ низшей критикѣ (исправленіи текстовъ, recensere, emendare), такъ и въ высшей, историко-литературной, онъ не имѣетъ себѣ равнаго. Своимъ трудолюбіемъ и умѣньемъ сосредоточивать свой громадный талантъ на немногихъ темахъ, къ которымъ онъ возвращался постоянно, онъ

служилъ образцомъ для своихъ сотоварищей по спеціальности. Результаты своихъ неутомимыхъ изслѣдованій онъ излагаетъ почти въ лапидарномъ стилѣ и большею частью прячетъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ не подозрѣваешь. Онъ дѣлаетъ это умышленно, въ видѣ протеста противъ низменной рекламной манеры другихъ выдающихся ученыхъ. Изъ Иліады, какъ и изъ пѣсни о Нибелунгахъ, онъ выдѣляетъ 18 пѣсенъ, отвергая позднѣйшія прибавленія. Изъ греческихъ произведеній его филологическій талантъ пошелъ на пользу Новому Завѣту и баснямъ Бабрія, а изъ латинскихъ авторовъ Проперцію, Лукрецію, геометрамъ и юристамъ. Его преемникомъ въ Берлинскомъ университетѣ былъ его другъ, зять Г. Германна Морицъ Гауптъ (1808—1874 г.), издатель Виргилія, Катулла, Тибулла, Проперція и Горація. Послѣ него берлинскую каѳедру занялъ въ 1874 г. Іоаннъ Валенъ (род. 1830 г.), первоклассный латинистъ и знатокъ Аристотеля; онъ былъ въ критикѣ текстовъ главою консервативной партіи, не довѣрявшей „геніальнымъ догадкамъ".

Къ кружку Лахмана принадлежалъ также Отто Янъ (1813—1869), одаренный отъ колыбели художественнымъ талантомъ. Самое тонкое изъ его произведеній, біографія Моцарта, лежитъ внѣ сферы филологіи. Въ Италіи и онъ также пристрастился къ археологіи. Въ его эстетическихъ и критическихъ работахъ видны глубокое знакомство съ предметомъ и проницательность, отъ которой не могутъ укрыться самыя скрытыя красоты.

Ни одинъ изъ германскихъ филологовъ XIX вѣка не оказалъ такого сильнаго вліянія на строй средней школы, какъ Германнъ Боницъ (срав. т. VIII, стр. 593), ученикъ Германна, Лахмана и Бека. Среди знатоковъ двухъ гигантовъ мысли, Платона и Аристотеля, онъ занимаетъ первое мѣсто. Его „Index Aristotelicus" — это лучшій изъ существующихъ спеціальныхъ словарей. Его лекціи были несравненными перлами ораторскаго искусства. Въ семинаріи у него всегда оказывался наготовѣ такой запасъ знаній, какимъ рѣдко кто обладалъ. Въ вѣнскомъ университетѣ этотъ преобразователь австрійской и прусской гимназической системы воспиталъ въ союзѣ съ Іоанномъ Валеномъ учениковъ, въ свою очередь воспитавшихъ новое поколѣніе, такъ что почти вся австрійская филологія за исключеніемъ археологической школы Конце и Бендорфа ведетъ свое происхожденіе отъ этихъ двухъ богатырей.

Къ числу самыхъ даровитыхъ учениковъ Г. Германна принадлежалъ Карлъ Рейзихъ (1792—1829 г.). Онъ былъ учителемъ Фридриха Ритчля (1806—1876), который считался главою филологовъ послѣ смерти Германна и Бека. Изъ его семинаріи вышло старшее поколѣніе современныхъ филологовъ. Ритчля можно узнать только по его мелкимъ трудамъ. Исходной точкой его работъ былъ текстъ Плавта. Изученіе этого текста привело его къ изслѣдованію доклассическаго латинскаго языка („Priscae latinitatis monumenta", 1862 г.) и національной римской метрики. Благодаря ему наука о древностяхъ могла освободиться отъ унаслѣдованныхъ отъ классицизма предразсудковъ и приняться за почти непочатую область, въ которой хватитъ работы еще на два поколѣнія.

Изъ современныхъ филологовъ наиболѣе выдающимся является по общему признанію Виліамовицъ-Меллендорфъ (род. 1849 г., зять Моммзена).

Ученые другихъ странъ оказали несомнѣнно гораздо болѣе существенныя услуги матеріальной филологіи, чѣмъ изученію текстовъ и языковѣдѣнію. Одни только голландцы ограничивали свою филологическую дѣятельность преимущественно критикой и герменевтикой, оставаясь вѣрными своимъ національнымъ традиціямъ. Даніэль Виттенбахъ (1746—1820 г.) былъ послѣднимъ представителемъ той эпохи, къ которой принадлежали Гемстергуйзъ, Валькенайеръ, Рункенъ. По его примѣру цѣлый рядъ его послѣдователей: Филиппъ Вильемъ Фанъ Гейзде (1788—1839), Янъ Баке (1787—1864 г.), Яковъ Геель (1789—1862 г.), Петръ Фанъ Лимбургъ-Броу-

веръ (1795—1847 г.), занимался преимущественно греческими прозаиками. Какъ виртуозы въ критической техникѣ, нѣкоторые изъ новѣйшихъ голландскихъ ученыхъ соблазнились мыслью о радикальной очисткѣ текстовъ древнихъ писателей отъ предполагаемыхъ вставокъ и искаженій на основаніи произвольныхъ догадокъ; самымъ опаснымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Горацій, изданный Петромъ Гофманномъ — Пеерлькампомъ (1786—1865 г.). Къ счастью, консервативное и противоклассическое направленіе новѣйшихъ филологовъ выступило энергично противъ подобныхъ злоупотребленій.

Туристы англичане занимались раскопками еще задолго до того, какъ это дѣло стало предметомъ международнаго соревнованія. Прежде всѣхъ другихъ они посѣтили и описали страны древней культуры. Кромѣ того они отличались искусствомъ изложенія древней исторіи, въ которой они раскрыли неизвѣстныя дотолѣ черты благодаря своему систематическому знакомству съ государственными дѣлами. Они накинулись съ плодотворнымъ рвеніемъ на нѣкоторыя отрасли археологіи, какъ напр., нумизматику. Не переводились въ Англіи и такіе филологи, которые оставались вѣрными строгимъ взглядамъ Ричарда Бентлея (срав. т. VIII, стр. 529) и ограничивались въ общемъ критикой и толкованіемъ текстовъ, грамматикой и метрикой. Послѣ Бентлея наибольшую славу среди англійскихъ филологовъ пріобрѣлъ Ричардъ Порсонъ (1759—1808 г.) своими работами о греческихъ драматургахъ, которыми занимались также и его преемники Питеръ Эльмслей (1773—1825 г.), Джемсъ Генри Монкъ (1784—1856 г.) и Чарльзъ Джемсъ Бломфильдъ (1786—1857 г.). Англичане успѣшно примѣнили сравнительно-историческій методъ также и къ древнеклассическимъ языкамъ. При гуманистической организаціи преподаванія въ англійскихъ школахъ понятно, что между бывшими учениками Итонскаго, Гарроускаго и др. коледжей оказывается много дилетантовъ съ большими познаніями. Типическимъ примѣромъ можетъ служить знаменитый государственный дѣятель Уильямъ Гладстонъ (1809—1898), который занялся Гомеромъ въ свободное время въ промежуткѣ между двумя своими министерствами и изложилъ результаты своихъ размышленій о сѣдой старинѣ въ толстыхъ томахъ, правда, изобилующихъ безпочвенными фантазіями.

Во Франціи между представителями науки о древнемъ мірѣ тоже преобладаютъ археологи и историки. Уже въ концѣ XVIII вѣка отечественные филологи были во Франціи рѣдкостью, и недостатокъ ихъ возмѣщали иностранцы, какъ, напр., эльзасцы Рихардъ Брункъ (1729—1803 г.) и Іоаннъ Швейгхейзеръ (1742—1830 г.). Даже послѣ революціи и первой имперіи ряды національныхъ французскихъ филологовъ были настолько рѣдки, что оставалось свободное мѣсто для пришельцевъ изъ Германіи, переселявшихся во Францію. Другіе германскіе ученые работали дома для французскихъ издателей, преимущественно для Амбруаза Фирмена Дидо. Изъ новѣйшихъ національныхъ французскихъ филологовъ, занимавшихся объясненіемъ, критикой и изданіемъ классическихъ писателей, слѣдуетъ назвать Эмиля Литтре (1801—1881 г., изданіе и переводъ Гиппократа), Жана Пьера Росиньоля (1803—1893 г.), Леона Ренье (1809—1885 г.) Бениня Клемана Миллера (1810—1886 г.), Эмилля Эггера (1813—1885 г.), Франсуа Шарля Эжена Тюро (1823—1882 г.), Шарля Гро (1852—1882 г.), Соломона Рейнака (род. въ 1858 г.; „Manuel de philologie classique“ [Руководство классической филологіи]).

Въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ всѣ закоулки были перерыты въ поискахъ за древнеклассическими произведеніями; въ это время было открыто большинство сохранившихся рукописей, и были изданы сохранившіеся тексты. О результатахъ научной дѣятельности этой эпохи можно получить полное представленіе изъ гигантскихъ трудовъ Іоанна Альберта Фабриціуса (1668—1736 г.): Bibliotheca graeca (14 томовъ; 1705 г. — 1728 г.) и Bibliotheca

latina (вышла въ свѣтъ въ 1697 г.), Bibliotheca latina mediae et intimae latinitatis (6 томовъ, 1734—1746 г.). Въ XVIII столѣтіи тексты были подвергнуты критической провѣркѣ, но число ихъ не увеличилось въ замѣтной степени: въ XIX столѣтіи усовершенствованіе библіотечнаго дѣла и путей сообщенія дало возможность основательнѣе использовать сырой матеріалъ, заключающійся въ рукописяхъ. Эммануиломъ Беккеромъ и Карломъ Лахманомъ были установлены основныя правила рецензированія; въ дѣлѣ исправленія рукописей свобода личности сохранила свои исконныя права, и въ этой области наблюдаются всѣ оттѣнки отъ крайняго консерватизма до радикализма. Неоднократно ученые спеціалисты, уже потерявшіе надежду на разысканіе болѣе или менѣе значительныхъ классическихъ произведеній, бывали взволнованы извѣстіемъ о новыхъ находкахъ. Всякая, хотя бы самая незначительная находка вызывала большую радость, являясь полной неожиданностью. Еще въ XVIII вѣкѣ были извлечены при раскопкахъ засыпаннаго Везувіемъ Геркуланума полуобуглившіеся книжные свитки. Въ началѣ XIX столѣтія нѣкоторыя утерянныя произведенія древней литературы были открыты на палимпсестахъ. Особенно счастливымъ въ этомъ отношеніи оказался Анджело Майи (1782—1854г.), хранитель амвросіанской библіотеки въ Миланѣ, а затѣмъ ватиканской въ Римѣ; онъ открылъ часть сочиненія Цицерона „De republica“, отрывки рѣчей Цицерона, рѣчи Исея, Темистіона, Фронтона и т. д. Случайно и другіе ученые находили цѣнные отрывки на повторно употреблявшемся для письма пергаментѣ или на клочкахъ пергамента. Одно время возлагали большія надежды на малоазіатскіе монастыри въ виду того, что въ Афонскомъ монастырѣ были открыты замѣчательныя рукописи. Найденное въ этихъ монастыряхъ имѣло большое значеніе для библейской, древне-христіанской, византійской, а также для славянской, сирійской и грузинской литературъ, но классическихъ филологовъ ожидало здѣсь полное разочарованіе.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда пропала всякая надежда на открытіе неизвѣстныхъ или считавшихся утерянными произведеній классической древности, въ Европу пришло извѣстіе объ открытіи значительнаго числа важныхъ папирусовъ. Въ странѣ пирамидъ были извлечены при раскопкахъ исписанные греческимъ текстомъ обрывки папируса, по большей части обыденныя записи, оффиціальные документы, счеты, договоры, но попадались также отрывки литературныхъ произведеній, по большей части уже извѣстныхъ, нерѣдко очень древнія (отрывки Гомера и Платона, относящіеся къ IV и III вѣкамъ до Р. Х.); чаще всего это были копіи, небрежно списанныя съ плохихъ оригиналовъ. Для римской литературы эти находки не дали почти ничего, зато много выиграла отъ нихъ греческая. Правда, такія находки, какъ открытіе сочиненія Аристотеля „Аѳинское государство“, которое произвело переворотъ въ нашихъ представленіяхъ о государственномъ устройствѣ древней Греціи, не повторялись. Но все же были открыты и другіе цѣнные остатки греческой литературы. Количество рѣчей Гипереида было восполнено до шести, было открыто пятнадцать гимновъ Вакхилида, тогда какъ раньше были извѣстны только отдѣльные стихи этого лирическаго поэта; были найдены четыре новыхъ стихотворенія Сафо и два эпода Архилоха: въ Дельфахъ были найдены три гимна съ музыкальными нотами. Что касается трагиковъ и комиковъ, то папирусы дали только отдѣльные отрывки, въ томъ числѣ значительное число отрывковъ Менандра, крупнѣйшаго представителя позднѣйшей аттической комедіи. Былъ открытъ особый родъ литературы, извѣстный до сихъ поръ только по имени, въ видѣ прелестныхъ „миміамбовъ“ Герондаса. Изъ прозаическихъ произведеній тоже были найдены только отрывки.

Все сдѣланное филологами для отдѣльныхъ литературныхъ произведеній классической древности не можетъ быть разсмотрѣно въ настоящемъ крат-

комъ очеркѣ, хотя въ этомъ состоитъ самая спеціальная и цѣнная часть всей ихъ дѣятельности. Бросимъ только взглядъ на труды по исторіи древней литературы. Новѣйшій типъ исторіи литературы созданъ братьями Августомъ Вильгельмомъ и Фридрихомъ Шлегелями, учениками Гейне. Отъ вѣка просвѣщенія они заимствовали широкій историческій кругозоръ; новогуманистическій классицизмъ опредѣлилъ ихъ гуманистическіе взгляды; расцвѣтавшій романтизмъ изощрилъ ихъ чутье къ народному элементу. Фридрихъ Августъ Вольфъ тоже читалъ лекціи о греческой и римской литературахъ. Но болѣе прочное вліяніе на послѣдующее поколѣніе имѣло его „Введеніе къ Гомеру", послужившее образцомъ того, какъ надо понимать и изображать историческое вліяніе выдающихся произведеній. Вполнѣ естественно, что обѣ античныя литературы отдѣлялись отъ всемірной литературы и трактовались большею частью порознь. Изъ общихъ очерковъ греческой литературы (поэзіи и изящной прозы) наилучшимъ считался въ теченіе долгаго времени трудъ Бернгарди, который былъ изданъ между 1836—1845 г. Въ 1841 г. вышла въ свѣтъ „Исторія греческой литературы" Отфрида Мюллера, къ заголовку которой была прибавлена характерная оговорка: „до эпохи Александра Великаго", такъ какъ по усвоенному современниками и потомствомъ мнѣнію аттицистовъ римскаго императорскаго періода этимъ моментомъ заканчивается классическій періодъ древней греческой литературы. Исторія греческой литературы Теодора Бергка (1812—1881 г.), большая часть которой вышла въ свѣтъ послѣ смерти автора, тоже не простирается дальше трехсотаго года до Р. Хр. Изъ сочиненій о греческой литературѣ, имѣющихъ характеръ учебниковъ, первое мѣсто занимаетъ до сихъ поръ книга Вильгельма Криста (1831—1906 г.). Изъ не нѣмецкихъ сочиненій по исторіи греческой литературы славятся въ особенности труды Мориса Краузе и Джона Пентлэнда Магаффи. Въ послѣднее время Виліамовицъ-Меллендорфъ выпустилъ въ свѣтъ широко задуманную и выпукло написанную картину греческой литературы отъ Гомера до Юстиніана, отличающуюся откровеннымъ субъективизмомъ въ духѣ новѣйшей науки, но съ полемическими выпадами противъ теченій изображаемой эпохи. Изъ сочиненій, трактующихъ объ отдѣльныхъ періодахъ греческой литературы, первое мѣсто занимаетъ „Исторія александрійскаго періода греческой литературы" Франца Зуземиля (1826—1901 г.) и „Исторія древне-христіанской литературы" Адольфа Гарнака (род. въ 1851 г.). Исторія эпоса и драмы была обработана Велькеромъ, исторія лирики Г. Флахомъ, романа — Эрвиномъ Роде (1845—1898 г.) и Эдуардомъ Шварцемъ (род. въ 1858 г.). Греческую исторіографію изучалъ подробно Куртъ Ваксмутъ (1837—1905 г.). Ораторское искусство древнихъ нашло своихъ историковъ въ лицѣ А. Вестермана, Р. К. Джебба и Фридриха Бласса (1843—1907 г.), географія—въ лицѣ Гуго Бергера, естественная исторія—въ лицѣ Зигмунда Гюнтера (род. въ 1848 г.). Тщательнѣе всего разрабатывалась и излагалась исторія греческой философіи. Къ классическому труду Эдуарда Целлера (вышедшему впервые въ 1844—1852 г.) присоединилось въ послѣднее время не уступающее ему сочиненіе Теодора Гомперца (род. въ 1832 г.) „Греческіе мыслители". Собраніе отрывковъ греческихъ философовъ Ф. В. Муллаха почти вышло изъ употребленія съ тѣхъ поръ, какъ Германъ Дильсъ (род. 1848 г.) издалъ и перевелъ отрывки предшественниковъ сократовской философской школы и реконструировалъ греческихъ доксографовъ, Германъ Узенеръ (род. 1834 г.) собралъ все, относящееся къ эпикурейской философіи, а Гансъ фонъ-Арнимъ (род. 1859 г.) — къ стоической.

Что касается исторіи римской литературы, то имѣются старыя обработки ея, принадлежащія перу Христіана Бэра (1796—1872 г.) и Бернгарди; на высотѣ современной науки стоятъ сочиненія Вильгельма Тейфеля (1820—1878 г; вновь издано Людвигомъ Швабе, род. въ 1835 г.) и

Мартина Шанца (род. 1842 г.). Очерки исторіи римской поэзіи были составлены Отто Риббекомъ и Уильямомъ Юнгомъ Селляромъ. Къ числу самыхъ содержательныхъ статей, написанныхъ объ античной литературѣ, принадлежатъ соотвѣтствующіе отдѣлы „Римской исторіи“ Моммзена.

Запасъ словъ, содержащійся въ греческихъ и латинскихъ литературныхъ памятникахъ, былъ занесенъ въ лексиконы еще въ XVI столѣтіи Генрихомъ и Робертомъ Стефанусомъ. „Thesaurus linguae graecae“ (1572 г.) перваго остается и понынѣ необходимой справочной книгой, конечно, не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ третьей обработкѣ, сдѣланной Бенедиктомъ Газе (1780—1864 г.), Фридрихомъ Дюбнеромъ (1802—1867 г.), Вильгельмомъ и Людвигомъ Диндорфами (1802—1883 г. и 1805—1871 г.) и др. Заслугой германскихъ лексикографовъ Франца Пассова (1786—1833 г.), Христіана Фридриха Роста (1790—1862 г.), Густава Эдуарда Бензеля и др. былъ удачный выборъ доказательныхъ примѣровъ употребленія того или другого слова въ литературѣ и использованіе новыхъ лучшихъ текстовъ. То же самое относится къ латинскимъ лексиконамъ, составлявшимся со времени Роберта Стефануса, „Thesaurus linguae latinae“ которые были вновь обработаны Іоанномъ Маттіасомъ Геснеромъ (1691—1761 г.). На основаніи самостоятельныхъ изслѣдованій составленъ „Totius latinitatis lexicon“ (1771 г.) Джакото Фаччіолати (1682—1769) и Эджиддіо Форчеллини (1688—1768 г.), вновь обработанный Винченціо де Витомъ (1858—1880 г.). Пользуясь этими богатыми сокровищами Эммануилъ Шеллеръ (1735—1803 г.), Карлъ Эрнстъ Георгесъ (1806—1895 г.), Вильгельмъ Фрейндъ (1806—1894 г.) и др. составили свои латинско-нѣмецкіе и нѣмецко-латинскіе словари. Съ мыслью о новомъ болѣе обширномъ словарѣ, основанномъ на исторіи языка и сравнительномъ языковѣдѣніи, впервые выступилъ Эдуардъ Вельфлинъ (род. въ 1831 г.). Когда пять германскихъ академій задумали изданіе „Thesaurus linguae latinae“, то было уже поздно выступать съ возраженіемъ, что слѣдовало начать съ Thesaurus linguae graecae, такъ какъ литературный языкъ римлянъ находится въ зависимости отъ греческаго и слѣдовательно послѣдній составляетъ его историческую основу. Какъ бы то ни было, латинскій „Thesaurus“ подвигается впередъ.

До XIX столѣтія грамматика древнихъ языковъ была въ сущности сборникомъ формъ флексій и предложеній, составленнымъ частью для облегченія пониманія текстовъ, частью для облегченія пользованія обоими мертвыми языками. Грамматическія правила заимствовались изъ признанныхъ классическихъ писателей. Что не соотвѣтствовало имъ, считалось непріемлимымъ, и подвергалось сомнѣнію даже фактическое существованіе подобныхъ формъ; нерѣдко исправлялись на основаніи предвзятыхъ мнѣній о красотѣ и правильности языка такіе тексты, достовѣрность которыхъ была доказана какъ нельзя лучше. Первымъ, кто попытался сдѣлать грамматику исторической наукой, былъ Филиппъ Бутманнъ (1764—1829 г.); онъ понялъ, что каждый языкъ имѣетъ свою собственную исторію, тѣмъ болѣе греческій языкъ, который жилъ много вѣковъ, начиная отъ Гомера, и продолжаетъ жить и понынѣ. Однако Готфридъ Германнъ и его школа не послѣдовали за Бутманномъ, и продолжали разсматривать языкъ съ философской, а не исторической точки зрѣнія.

Грамматика оставалась въ застоѣ до тѣхъ поръ, пока за дѣло не взялся Георгъ Курціусъ (1820—1885 г.), примѣнившій также и къ греческому языку методы и результаты сравнительнаго языкознанія. Съ этихъ поръ она вышла изъ заколдованнаго круга, но выскользнула мало-по-малу изъ рукъ филологовъ и перешла въ руки лингвистовъ. Въ настоящее время стоитъ внѣ конкурса греческая грамматика главы грамматиковъ новѣйшаго направленія Карла Бругмана (род. 1849 г.).

Новѣйшее языкознаніе научило болѣе глубокому пониманію грамматики латинскаго языка. Кромѣ „Очерка сравнительной грамматики“

Бругмана исторіи латинскаго языка удѣлено мѣсто въ сочиненіяхъ Фридриха Штольца (род. 1850 г.), Германа Шмальца (род. 1846 г.), Фердинанда Зоммера, Уоллеса Мартина Линдсея. Новѣйшіе изслѣдователи стараются прослѣдить исторіи отдѣльныхъ языковъ, начиная отъ момента ихъ отдѣленія отъ лона родственныхъ по происхожденію съ ними языковъ и до ихъ вымиранія или распаденія на новыя нарѣчія. Какъ увлекательно подобное изученіе языка, откинувшее всѣ школьныя грамматическія традиціи, объ этомъ могутъ дать представленіе „Краткая исторія греческаго языка“ Якова Вакернагеля (род. 1835 г.) и латинскаго Франца Скутша (род. 1865 г.).

Не взирая на нерасположеніе большой публики и на неувѣренность самихъ тружениковъ, археологическая разработка классической филологіи все подвигалась впередъ. При изложеніи ея исторіи удобно будетъ руководиться послѣдовательнымъ порядкомъ болѣе важныхъ находокъ по примѣру ветерана археологіи искусствъ Адольфа Михаэлиса (род. 1835 г.).

Собранныя до 1800 г. произведенія древняго искусства и древней утвари служили для ознакомленія, главнымъ образомъ, лишь съ римскими древностями. Даже Іоаннъ Іоахимъ Винкельманъ (сравни томъ VII) черпалъ свое пламенное воодушевленіе греческимъ искусствомъ изъ знакомства не съ настоящими греческими произведеніями періода расцвѣта, а съ произведеніями позднѣйшаго времени и римскими копіями. Въ то время, какъ нѣмцы продолжали разрабатывать взгляды Винкельмана (Гейне, Гете, Генрихъ Мейеръ, Алоизій Гиртъ, Карлъ Августъ Беттихеръ), туристы-англичане открыли настоящее эллинское искусство на обоихъ берегахъ Эгейскаго мора и привезли къ себѣ на родину такую богатую добычу, что Британскій музей остается и понынѣ богатѣйшимъ собраніемъ произведеній греческой скульптуры. Отъ тридцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія было сдѣлано много находокъ, дающихъ ключъ къ пониманію греческаго искусства, но главную роль все еще игралъ при этомъ случай, — планомѣрныя работы отсутствовали. Къ истолкованію открытыхъ произведеній искусства и опредѣленію ихъ мѣста въ исторіи искусства нѣмцы были способны, какъ нельзя лучше, но въ раскопкахъ они отстали отъ французовъ, англичанъ и итальянцевъ. Однако, когда нѣмецъ Генрихъ Шлиманъ (1822—1890 г.) взялся за лопату (въ 1869 г.) и открылъ вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Дерпфельдомъ (род. 1853 г.) микенскій (ахейско-эгейскій) періодъ, слава германскихъ раскопокъ распространилась по всему міру, и явилась возможность приступить къ требовавшемуся положеніемъ науки планомѣрному и сплошному изслѣдованію развалинъ большихъ зданій и городовъ.

Первымъ вступилъ на новый путь, ясно представляя себѣ, куда онъ ведетъ, вѣнскій профессоръ Александръ Конце (род. въ 1831 г.). Кульминаціонную точку періода, стоявшаго подъ созвѣздіемъ кирки и лопаты, составляютъ раскопки въ Олимпіи (1875—1881 г.) и Пергамѣ (1878—1886 г.; Карлъ Гуманъ, 1839—1896 г.), произведенныя нѣмцами. Въ самой Германіи и въ Австріи тоже существуютъ, какъ и повсюду въ предѣлахъ бывшихъ римскихъ провинцій, многочисленныя мѣстныя общества для изслѣдованія и сохраненія остатковъ античной древности. О значеніи централизаціи подобныхъ изслѣдованій можно получить представленіе по результатамъ изслѣдованія римской стѣны (Limes).

Послѣ нѣмцевъ больше всего отличились французы раскопками въ древней Галліи и Африкѣ, гдѣ были открыты цѣлые римскіе города (Тимгадъ, Ламбезисъ), а также въ Греціи. Самымъ блестящимъ археологическимъ подвигомъ ихъ является извлеченіе на свѣтъ развалинъ святилищъ Апполлона на о. Делосѣ (1877—1894 г., затѣмъ снова начиная съ 1902 г.) и въ Дельфахъ (1893—1901 г.).

Весьма понятно, что итальянцы попрежнему посвящаютъ свои труды главнымъ образомъ своему собственному отечеству. Въ Помпеяхъ,

даже въ Римѣ (Форумъ, Эмпоріумъ), въ Тосканѣ, Нижней Италіи и Сициліи раскопки идутъ непрерывно. Иногда случаются счастливыя находки, какъ напр., нахожденіе серебрянаго клада въ Боско-Реале (1895 г.), далеко оставляющаго за собою Гильдесгеймскій кладъ (1868 г.). Подобно грекамъ, итальянцы тоже принимаютъ мѣры противъ расхищенія древностей. Даже турки, повидимому, понимаютъ теперь, какое значеніе имѣетъ сохраненіе древностей въ собственной странѣ. Съ 1851 г въ Константинополѣ существуетъ музей древностей (саркофагъ Александра; ср. т. V, стр. 26).

Послѣ исторіи искусства больше всего подвинулась впередъ, благодаря раскопкамъ, миѳологія. Спекулятивныхъ мистиковъ, какъ Шеллингъ, Крейцеръ, Гергардъ и др., смѣнило поколѣніе, которое пошло по стопамъ Фридриха Готлиба Велькера и Отфрида Мюллера и стремилось къ выясненію религіи и вѣрованій грековъ и римлянъ па основаніи произведеній литературы и пластическихъ искусствъ. Затѣмъ явились на сцену сравнительные языковѣды, въ особенности индогерманисты, которые поставили предъ миѳологіей совершенно новыя задачи. Съ лингвистикой сочетались изслѣдованія фольклористовъ (Вильгельмъ Мангардтъ (1831—1880 г.), Эндрью Ленгъ (род. въ 1844 г., I. Г. Фрезеръ). Еще внушительнѣе были результаты, добытые сравнительной этнологіей; съ ними знакомятъ насъ труды Адольфа Бастіана (1826—1905 г.), Теодора Вайца (1821—1864 г.), Генриха Шурца (1863—1903 г.), Эдуарда Бэрнета Тайлора (род. въ 1832 г.), Герберта Спенсера (1820—1903 г.), Джона Леббока (род. 1834 г.), Альберта Ревилля (1826—1906 г.) и Э. Вестермарка. Результатомъ всего этого былъ незакончившійся еще и понынѣ коренной переворотъ во взглядахъ на миѳологію. Какое громадное значеніе имѣло для миѳологіи новое направленіе, видно изъ трудовъ Германа Узенера, Эрвина Роде (срав. стр. 155), Вильгельма Генриха Рошера (род. 1845 г.) и Отто Группе.

b) Германская и романская филологія.

Корни нѣмецкой и вообще германской филологіи лежатъ въ національной литературѣ, именно въ тѣхъ направленіяхъ духа и вкуса, которые выражались рѣзче всего въ поэзіи конца XVIII и начала XIX столѣтія. Не спеціально научные, а эстетическіе мотивы руководили тѣми людьми, которые стали издавать, разъяснять и восхвалять древнегерманскіе, древнескандинавскіе и древнеанглійскіе памятники. Періодъ „бури и натиска“ Sturm und Drang сообщается подземными ходами съ періодомъ романтизма, настоящей колыбелью германской филологіи и науки о германскихъ древностяхъ. Классицизмъ, пережившій эти періоды, снисходитъ только изрѣдка и въ видѣ особой милости до нѣкотораго вниманія къ древнѣйшимъ памятникамъ самобытной народной письменности. Какъ бы то ни было, извлеченная изъ пропасти забвенія Бодмеромъ и Миллеромъ „Пѣснь о Нибелунгахъ“ привлекла къ себѣ вниманіе наряду съ собранными Гердеромъ народными пѣснями и стихотвореніями миннезенгеровъ, вполнѣ соотвѣтствовавшими лирическимъ наклонностямъ эпохи. Отзывъ Іоанна Мюллера о „Пѣснѣ о Нибелунгахъ“, какъ о нѣмецкой Иліадѣ, былъ крылатымъ словомъ, сохранившимъ свое значеніе и понынѣ. Такое отношеніе къ „Пѣснѣ о Нибелунгахъ“ было однимъ изъ признаковъ той общей переоцѣнки цѣнностей, благодаря которой средніе вѣка были освобождены отъ позорившей ихъ дурной славы.

Въ 1799—1800 гг. въ Іенѣ собрались главнѣйшіе представители старшей романтической школы: Шеллингъ, Новалисъ, Тикъ и оба Шлегеля (срав. т. VIII, стр. 608). Тикъ заимствовалъ изъ старинной литературы сюжеты, которые онъ разрабатывалъ въ своихъ фантастическихъ стихотвореніяхъ; кромѣ того онъ создалъ много почитателей средне-верхне-германской литературы своимъ изданіемъ миннезенгеровъ швабской эпохи па модернизиро-

ванномъ языкѣ. Труды Шлегелей имѣли значеніе культурно-историческаго подвига, выходящаго изъ рамокъ германской филологіи. Они положили основаніе исторіи литературы въ самомъ широкомъ смыслѣ, — всемірной, а не только національной исторіи литературы.

Дальнѣйшему росту науки, изучающей національное прошлое, способствовалъ увлекшій безраздѣльно всю Германію горячій патріотизмъ, воспламененный деспотизмомъ Наполеона. Естественно, что среди почитателей національныхъ древностей нашлись такіе люди, у которыхъ увлеченіе прошлымъ и инстинктивное чутье къ прекрасному сочетались съ научными способностями, методичностью и основательностью; правда, первый ученый, занявшій университетскую каѳедру германскихъ древностей, Фридрихъ Генрихъ фонъ-деръ Гагенъ (1780—1856 г.), находившійся подъ вліяніемъ Тика, застрялъ на полпути между дилетантизмомъ и строгой научностью. Подъ вліяніемъ патріотическаго воодушевленія Гансъ Фердинандъ Масманъ (1797—1874 г.) тоже издалъ труды по германскимъ древностямъ, впрочемъ, не всегда удовлетворявшіе болѣе высокимъ требованіямъ.

Наибольшее вліяніе на публику оказали молодые (берлинско-гейдельбергскіе) романтики. Въ 1806—1808 гг. Ахимъ фонъ Арнимъ и Клеменсъ Брентано издали „Des Knaben Wunderhorn", собраніе народныхъ пѣсенъ, несравненная прелесть которыхъ заключается именно въ томъ, что онѣ были обработаны не на основаніи филологическихъ принциповъ, а, такъ сказать, согласно указаніямъ утонченнаго эстетическаго вкуса. Въ Гейдельбергѣ къ обоимъ названнымъ поэтамъ присоединился Іоаннъ Іосифъ Герресъ (1776—1848 г.), выпустившій въ свѣтъ въ 1807 г. свой исполненный энтузіазма трудъ: „О нѣмецкихъ народныхъ книгахъ", но впослѣдствіи запутавшійся въ толкованіи миѳовъ, символизмѣ и мистикѣ. Въ основанномъ въ 1808 г. и въ томъ же году закрывшемся „Журналѣ для отшельниковъ" („Zeitung für Einsiedler") названныхъ писателей сотрудничали также Уландъ и братья Гриммы.

Людвигъ Уландъ (1787—1862 г.) совмѣщалъ въ себѣ качества поэта и филолога въ большей степени, чѣмъ другіе представители романтической школы. Основательно знакомый съ германской и романской филологіей, онъ самъ опубликовалъ лишь немногія изъ своихъ работъ: „Древнефранцузскій эпосъ" (1812 г.) „Вальтеръ фонъ-деръ Фогельвейде" (1822 г.), „Миѳъ о Торѣ" (1836 г.) и первый томъ древнихъ верхне- и нижнегерманскихъ народныхъ пѣсенъ (1844—45 гг.), документально точное воспроизведеніе текстовъ безъ приглаживаній въ духѣ Wunderhorn. Прочіе труды Уланда, въ томъ числѣ лекціи, читанныя имъ въ теченіе его непродолжительной академической дѣятельности, были изданы его друзьями послѣ его смерти по оставленнымъ имъ бумагамъ.

Въ атмосферѣ романтизма зародились также и первые труды братьевъ Якова (1785—1863 г.) и Вильгельма (1786—1859 г.) Гриммовъ. Влеченіе къ ученымъ занятіямъ и благоговѣніе предъ историческимъ прошлымъ внушилъ имъ великій правовѣдъ Савиньи, къ изученію германскихъ древностей ихъ подстрекнуло предисловіе къ „Миннезенгерамъ" Тика и знакомство съ гейдельбергскими представителями романтической школы. Лучшимъ плодомъ ихъ научной дѣятельности въ молодые годы были доставившія имъ неугасающую популярность: „Дѣтскія и семейныя сказки" (1812—1814 г.) и „Нѣмецкія сказанія" (1816—1818 гг.) Наряду съ этимъ братья Гриммы изслѣдовали вдоль и поперекъ всю область германскихъ миѳологическихъ и героическихъ сказаній, германской литературы и германскихъ древностей и подобрали много цѣнныхъ вещей, валявшихся на землѣ и ждавшихъ, чтобы кто-нибудь далъ себѣ трудъ нагнуться и поднять ихъ. Однако имъ недоставало еще самыхъ необходимыхъ лингвистическихъ пособій, и ихъ филологическое искусство оставляло желать многаго. Это поставилъ имъ

на видъ Августъ Вильгельмъ Шлегель въ рецензіи, помѣщенной въ издававшемся Гриммами журналѣ „Altdeutsche Wälder". Рѣзкая критика Шлегеля была тяжелымъ ударомъ для чувствительной души Якова Гримма, но вскорѣ онъ оправился и пустился одинъ по тому пути, по которому не могъ слѣдовать за нимъ его братъ. Плодомъ этого поворота въ направленіи его занятій была его „Нѣмецкая грамматика" (1819—1837 г.). Въ промежуткахъ между сооруженіемъ отдѣльныхъ частей этого колоссальнаго лингвистическаго зданія Яковъ Гриммъ написалъ еще два капитальныхъ труда: „Германскія юридическія древности" (1828 г) и „Германскую миѳологію" (1835 г.). Само собой разумѣется, эти труды не могли дать точно по волшебству того, для чего былъ необходимъ безвозвратно утерянный сырой матеріалъ: связной картины религіозныхъ вѣрованій древнихъ германцевъ (за исключеніемъ скандинавовъ). Одновременно съ этими монументальными произведеніями Якова Гримма появился въ свѣтъ главный плодъ трудолюбія и таланта его брата Вильгельма: „Нѣмецкія героическія сказанія" (1829 г.).

Въ 1829 г. братья Гриммы переселились изъ Касселя, въ которомъ они занимали скромныя мѣста библіотекарей, въ Геттингенъ, гдѣ помимо библіотекарской дѣятельности они занимались также и педагогической. Но неожиданно они лишились мѣста и остались безъ куска хлѣба вслѣдствіе отмѣны конституціи въ Ганноверѣ (1837 г.) Якоремъ спасенія явилось для нихъ предложеніе книгоиздательства Вейдмана составить словарь, обнимающій весь запасъ словъ новаго верхне-германскаго языка. Этому труду Гриммы, приглашенные Фридрихомъ Вильгельмъ IV въ Берлинъ (1840 г.), посвятили весь остатокъ своей жизни. Яковъ Гриммъ написалъ кромѣ того много статей для Берлинской академіи и „Исторію германскаго языка" (1848 г.)

Славу основателей научной германистики раздѣляетъ съ Гриммами Карлъ Лахманъ (срав. стр. 151). Онъ примѣнилъ къ древне-германскимъ текстамъ испытанный филологическій методъ изслѣдователей классической древности. Главный его трудъ относился къ „Пѣснѣ о Нибелунгахъ" (первое изданіе 1826 г.). Слѣдуя вольфовскому методу изслѣдованія Гомера, онъ принималъ, что нѣмецкій народный эпосъ состоитъ изъ двадцати первоначальныхъ народныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ онъ старался выдѣлить вставленныя, по его мнѣнію, впослѣдствіи строфы. Онъ проложилъ также новые пути своими изданіями „Ивейна" Гартмана (1827 г.), Вальтера фонъ-деръ Фогельвейде (1827 г.), Вольфрама (1833 г.) и Ульриха фонъ Лихтенштейна (вмѣстѣ съ Теодоромъ фонъ Караяномъ, 1841 г.); такое же значеніе имѣли его труды о „Пѣснѣ Гильдебранда" и введеніе къ „Парсифалю". Лахманъ былъ также первымъ ученымъ, который издалъ новѣйшаго классика Лессинга, руководствуясь строго научными филологическими принципами (1838—1840 г.).

Изъ современниковъ этихъ трехъ руководящихъ представителей германистики выдавался въ особенности Георгъ Фридрихъ Бенеке (1762—1844 г.); его словари къ „Вигалоису" и „Ивейну" имѣютъ капитальное значеніе для лексикографической обработки верхне-нѣмецкаго языка. Словарь древняго верхне-нѣмецкаго языка былъ составленъ Эбергардомъ Готлибомъ Граффомъ (1780—1841 г,). Неутомимымъ въ разыскиваніи и изданіи старинныхъ нѣмецкихъ рукописей и рѣдкихъ произведеній печати былъ поэтъ Генрихъ Гофманъ фонъ Фаллерслебенъ (1798—1874 г.). Дѣятельность Іосифа Андрея Шмеллера (1785—1852 г.) была посвящена его родинѣ. Его „Баварскій словарь" и „Грамматика баварскаго нарѣчія" остаются и понынѣ несравненными мастерскими произведеніями по части изученія діалектовъ. Своимъ изданіемъ „Heliand" (Спасителя) онъ положилъ основаніе изученію древне-саксонскаго языка. Его Carmina burana познакомили публику съ едва ли не самымъ привлекательнымъ средневѣковымъ собраніемъ латинскихъ стихо-

твореній. Если первые германисты должны были сами вырабатывать свои методы, то разносторонній Вильгельмъ Вакернагель (1806—1869 г.) вышелъ уже изъ строгой школы Лахмана. Какъ въ классической, такъ и въ германской филологіи къ Лахману примкнулъ самымъ тѣснымъ образомъ Морицъ Гауптъ (срав. стр. 151). Онъ довелъ до конца начатое его учителемъ собраніе древнѣйшихъ лирическихъ поэтовъ („Des Minnesangs Frühling") и редактировалъ послѣдующія изданія лахмановскихъ публикацій. Его собственные труды (изданія Эрика, Бѣднаго Генриха, Добраго Гергарда, пѣсенъ Нейдгарта) отличаются своими виртуозными конъюктурами.

Главою пріобрѣтавшей все больше и больше приверженцевъ и стремившейся къ исключительному господству школы Лахмана былъ со времени своего переселенія изъ Киля въ Берлинъ (1858 г.) Карлъ Мюлленгоффъ (1818—1884 г.). Этотъ великій ученый посвятилъ всю свою жизнь изученію германскихъ древностей. Онъ пользовался исключительно литературными источниками и оставлялъ въ сторонѣ археологическіе. На первомъ планѣ онъ ставилъ географическую и этнографическую части своей задачи, а на второмъ — произведенія фантазіи: саги о богахъ и герояхъ. Онъ никогда не былъ доволенъ своими трудами, и его „Германскія древности" остались незаконченными. Максъ Редигеръ (род. 1850 г.) заполнилъ пробѣлы, поскольку то было возможно, на основаніи бумагъ, оставшихся послѣ Мюлленгоффа.

Еще дальше Гаупта пошелъ по пути сопоставленій, блестящихъ догадокъ и смѣлыхъ выводовъ самый знаменитый изъ учениковъ Мюлленгоффа Вильгельмъ Шереръ (1841—1886 г.). Изданныя имъ вмѣстѣ съ Мюлленгоффомъ (въ 1864 г.) „Памятники нѣмецкой поэзіи и прозы отъ VIII до XI столѣтія" двадцатитрехлѣтній ученый уже сумѣлъ снабдить блестящими примѣчаніями, настоящими программами будущихъ изслѣдованій для медленно подвигающейся впередъ науки. Его изобилующая проблесками генія книга „Къ исторіи нѣмецкаго языка" (1868 г.) знаменовала собою, какъ всѣ признаютъ, поворотный пунктъ въ общемъ языкознаніи и въ частности въ германскомъ. Особенно широко развернулся талантъ этого разносторонняго ученаго на поприщѣ исторіи литературы. Какъ стилистъ, онъ занимаетъ первое мѣсто между своими сотоварищами по спеціальности. Шереръ первый ввелъ въ кругъ университетскихъ занятій изученіе новѣйшей литературы. Съ этихъ поръ германисты распались на два подчасъ враждующихъ между собою лагеря.

Преобладающее положеніе, завоеванное школой Лахмана, ея претензіи на исключительное господство вызвали оппозицію, которая поднялась противъ нея уже въ пятидесятыхъ годахъ. Застрѣльщиками въ борьбѣ противъ деспотизма лахмановской школы выступили Адольфъ Гольцманъ (1810—1870 г.), Францъ Пфейфферъ (1815—1868 г.), Фридрихъ Царнке (1825—1891 г.) и Карлъ Бартшъ (1832—1888 г.). Защитниками теоріи своего учителя, правда, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, были: Мюлленгоффъ, рѣзкая манера котораго больше всего раздражала его противниковъ, Максъ Ригеръ (род. 1828 г.), Рохусъ фонъ Лиліенкронъ (род. 1820 г.) и др. Представители лахмановской школы имѣли такой блестящій успѣхъ, что ихъ взгляды оставались преобладающими до девяностыхъ годовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ соч. Шерера, Эрнста Мартина (род. 1841 г.), Юлія Цупицы (1844—1895 г.) и др. Незамѣтно наступила реакція. Въ настоящее время едва ли кто захочетъ спорить противъ того взгляда, что „Пѣсня о Нибелунгахъ" въ ея нынѣшнемъ видѣ составляетъ единое произведеніе неизвѣстнаго поэта, который сознательно отступилъ отъ древнѣйшаго легендарнаго преданія и избралъ героиней своего составленнаго по опредѣленному плану разсказа дочь Бургундскаго короля Кримгильду. Съ особенной убѣдительностью это было доказано Фридрихомъ Фохтомъ (род. 1851 г.).

Послѣ цѣлаго ряда безуспѣшныхъ попытокъ изданія спеціальнаго журнала, посвященнаго германистикѣ, удалось таки создать въ видѣ „Zeitschrift für deutsches Altertum“ (Журналъ германскихъ древностей, 1841 г.) долговѣчный строго-спеціальный органъ. Первые редакторы его, Гауптъ и Мюлленгоффъ, наложили на него печать лахмановской школы. При Эліасѣ Штейнмейерѣ (род. 1848 г.), Эдуардѣ Шредерѣ (род. въ 1858 г.) и Густавѣ Рете (род. 1859 г.) этотъ журналъ мало-по-малу освободился отъ предвзятыхъ предубѣжденій. Францъ Пфейфферъ противопоставилъ въ 1856 г. органу лахмановской школы независимый журналъ „Германія“, прекратившій свое существованіе въ 1892 г. До настоящаго времени издается основанный Эрнстомъ Гепфнеромъ (род. въ 1836 г.) и Юліусомъ Цахеромъ (1816—1887 г.), а теперь редактируемый Гуго Герингомъ (род. 1847 г.) и Фридрихомъ Кауфманомъ (род. въ 1863 г.) журналъ „Zeitschrift fur deutsche Philologie“ (Журналъ германской филологіи, основ. въ 1868 г.). Съ 1874 г. Германъ Пауль, (род. 1846 г.) и Вильгельмъ Брауне (род. 1850 г.) издаютъ „Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur“ (Матеріалы по исторіи нѣмецкаго языка и литературы). Паулю Брауне, Эдуарду Сиверсу (род. въ 1850 г.), Отто Бехагелю (род. 1854 г.), Фридриху Клюге (род. 1856 г.) и др. принадлежитъ та заслуга, что, по примѣру Шерера, ярыми противниками котораго они выступили на первыхъ порахъ, они укрѣпили еще сильнѣе прежнія связи между индогерманистикой и германистикой, обогатили фонетику и исторію языка, выпустили въ свѣтъ цѣлый рядъ руководствъ строго-научнаго характера и воспитали не мало выдающихся учениковъ. О производительности ихъ трудовъ свидѣтельствуютъ, въ особенности, вышедшія въ свѣтъ подъ редакціей Пауля „Основы германской филологіи“ (1888—1893 г., второе изд. въ 1896 г.).

Въ самой спеціальной и трудной области филологіи, критикѣ и герменевтикѣ дошедшихъ до насъ въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ литературныхъ памятниковъ, первый путь былъ проложенъ Лахманомъ и Гауптомъ. Они занимались почти исключительно писателями періода расцвѣта средневѣковаго верхне-нѣмецкаго языка и на нихъ выработали свой методъ. Послѣ тщательныхъ изслѣдованій Лахманъ и его послѣдователи пришли къ заключенію о существованіи средневѣковаго нормальнаго литературнаго языка съ однообразными формами словъ и со строгими грамматическими и метрическими правилами. Руководствуясь этимъ установленнымъ ими образцовымъ языкомъ, они исправляли орѳографію рукописей, „нормализировали“ языкъ, а временами прямо переводили рукописи на свой „нормальный“ языкъ. Этотъ искусственный классицизмъ не выдерживаетъ критики, даже въ примѣненіи къ періоду расцвѣта средневѣковаго верхне-нѣмецкаго языка (1180—1250—1300 г.), не говоря уже о продолжительныхъ періодахъ, предшествовавшихъ этому расцвѣту и слѣдовавшихъ за нимъ. Еще Пфейфферъ высказался за самостоятельность цѣлой группы средневѣковыхъ германскихъ литературныхъ памятниковъ и противъ стремленія лахмановской школы къ общей нивелировкѣ. Въ новѣйшее время ученые, издающіе нѣмецкіе литературные памятники, учитываютъ капризы авторовъ и переписчиковъ и предпочитаютъ дѣйствовать въ строго-консервативномъ духѣ: они кладутъ въ основу текста рукопись, стоящую всего ближе къ оригиналу, прибавляя варіанты и поправки въ видѣ примѣчаній. Въ виду такого измѣненія руководящихъ принциповъ при изданіи древнихъ текстовъ, приходится заново издавать такія произведенія, текстъ которыхъ уже обнародованъ въ пользующихся извѣстностью изданіяхъ. Однако споръ все еще не пришелъ къ концу. И въ самомъ дѣлѣ, какъ найти правильную средину между переводомъ на мнимо нормальный языкъ и простой перепечаткой рукописи, признаваемой за наилучшую?

Нѣтъ недостатка въ переводахъ на современный литературный нѣмец-

кій языкъ древнихъ нѣмецкихъ текстовъ, какъ буквальныхъ, такъ и вольныхъ. Къ первому разряду относятся самые популярные изъ нихъ, переводы Зимрока; ко второму восхитительныя подражанія Вильгельма Гертца (1832—1902 г.) (Тристанъ, Парсиваль, „Книга странствующаго актера“).

Средневѣковый нидерландскій языкъ и литература, древній и средне-англійскій и древне-норманскій языки составляютъ особыя отрасли германской филологіи. Внѣ Германіи большая часть текстовъ обнародована въ трудахъ ученыхъ обществъ и на ихъ средства, а не при посредствѣ книжной торговли. Изданіемъ средневѣковыхъ нидерландскихъ текстовъ занимаются: „Общество фламандскихъ любителей книгъ (Maatschapij der Vlaamsche bibliophilen 1839 г.) и „Союзъ для споспѣшествованія изученію нидерландской литературы“ (Vereeniging ter bevordering der oude Nederlandsche letterkunde).

Въ Англіи и Шотландіи интересъ къ народной и древней національной литературѣ проснулся еще во вторую половину XVIII вѣка. Своимъ собраніемъ балладъ (срав. т. VIII, стр. 563) Перси пошелъ навстрѣчу этимъ запросамъ, но пылъ разгорѣлся только въ началѣ XIX вѣка, когда во главѣ литературы стала романтическая школа. Вальтеръ Скоттъ (1771—1832 г.) шелъ впереди всѣхъ издателей древнихъ текстовъ („Minstrelsy“. „Sir Tristrem“); а Шаронъ Турнеръ (1768—1847 г.), Джонъ Джошіасъ Кониберъ (1779—1824 г.) Генри Уильямъ Уэберъ (1783—1818 г.) и Александръ Джонъ Эллисъ (1814—1890 г.) шли по его стопамъ. Впослѣдствіи въ Великобританіи, какъ и въ Голландіи, за обнародованіе древнихъ и средневѣковыхъ національныхъ литературныхъ произведеній взялись частныя общества (клубы и Societies). Самое выдающееся изъ этихъ обществъ — это основанное (въ 1864 г.) Фредерикомъ Фэрнивалемъ (род. 1825 г.) „Early English Text Society“ (общество для изученія древнихъ англійскихъ текстовъ), выпустившее въ свѣтъ болѣе двухсотъ томовъ. Что касается нѣмцевъ, то до послѣдней трети XIX столѣтія они занимались изученіемъ англійскаго языка и литературы только попутно и въ видѣ исключенія. Дѣло измѣнилось только послѣ введенія въ большей части германскихъ и австрійскихъ университетовъ каѳедръ и семинаріевъ англійскаго языка и литературы, вызваннаго спросомъ на филологовъ спеціалистовъ по новымъ языкамъ со стороны средней школы. Какъ грибы, стали расти журналы и сборники, посвященные англійскому языку и англійской литературѣ, что служило признакомъ раздробленности и недостатка организаціи среди тяжело вооруженной пѣхоты германской эрудиціи. Въ періодъ, предшествовавшій этому непомѣрному распространенію англистики, древнѣйшими англійскими текстами занимались братья Гриммы, историкъ Генрихъ Лео (1799—1878 г), юристъ Рейнгольдъ Шмидтъ, Эрнстъ Людвигъ Этмюллеръ (1802—1877 г.) и Ф. Дитрихъ. Болѣе широкое изученіе древней и средневѣковой англійской письменности ведетъ начало съ того времени, какъ Михель Грейнъ (1825—1877 г.) выпустилъ въ свѣтъ свои превосходныя пособія: „Библіотека англо-саксонской поэзіи“ (1857—1863г.) и „Библіотека англо-саксонской прозы“. Оба эти сборника были вновь изданы и расширены преподавателемъ Лейпцигскаго университета Рихардомъ Вюлькеромъ (род. 1845 г.).

На Скандинавскомъ сѣверѣ уже въ XVII столѣтіи существовалъ живой интересъ къ родной старинѣ. Въ XVIII столѣтіи Арни Магнуссонъ (сконч. 1730 г.), усердно собиравшій древнія рукописи, завѣщалъ свои исландскія рукописи копенгагенской библіотекѣ и оставилъ неприкосновенный капиталъ, проценты съ котораго предназначались на поощреніе ученыхъ филологовъ и на изданіе древне-норманнскихъ текстовъ. Однако только въ 1772 году былъ учрежденъ комитетъ, приступившій къ осуществленію этой задачи. Подъ вліяніемъ скандинавскихъ романтическихъ писателей вскорѣ были основаны новыя общества, въ кругъ дѣя-

тельности которыхъ входило также и обнародованіе текстовъ, въ томъ числѣ Nordiske Literatur-Samfund и основанный послѣ закрытія этого послѣдняго общества въ 1879 г. „Союзъ для изданія памятниковъ древней норманнской литературы“. Изданія послѣдняго общества отличаются той же особенностью, что и изданія новѣйшихъ нѣмецкихъ германистовъ: они воспроизводятъ какъ можно болѣе точно тексты рукописей, тогда какъ въ серединѣ XIX столѣтія было въ обычаѣ нормализировать тексты, т. е. переводить ихъ на образцовый исландскій языкъ XIII вѣка.

Въ теченіе долгаго времени критическое изученіе текстовъ ново-верхне-германскихъ, ново-англійскихъ и ново-скандинавскихъ литературныхъ произведеній оставалось въ пренебреженіи. Настроенное въ романтическомъ духѣ поколѣніе, основавшее германистику, не чувствовало никакой склонности къ литературѣ новыхъ вѣковъ. Исключенія дѣлались только для Лютера въ Германіи и Шекспира въ Англіи. Только Лахманъ, Карлъ Гальмъ (1809—1882 г.), Михель Бернайсъ (1834—1897 г.) и, наиболѣе рѣшительнымъ образомъ Шереръ преодолѣли классико-романтическій предразсудокъ противъ новой и новѣйшей литературъ. Когда у филологовъ проснулся интересъ къ ближайшему прошлому, они накинулись толпами на все то, что было напечатано отъ реформаціи до настоящаго времени и вытащили также изъ закоулковъ необнародованныя рукописи покойныхъ знаменитостей. Крупныя издательскія фирмы дали изслѣдователямъ возможность приложить къ литературѣ новыхъ вѣковъ свое редакторское и комментаторское усердіе.

Изъ филологическихъ трудовъ, затраченныхъ на изученіе германскихъ литературныхъ памятниковъ въ Германіи и внѣ ея, извлекла пользу исторія языка и литературы. Исторія нѣмецкой литературы зародилась въ концѣ XVIII столѣтія, но была подготовлена и обусловлена предшествовавшимъ историческимъ развитіемъ. Исторія литературы, какъ самостоятельный предметъ изученія, возникла еще въ эпоху Возрожденія и представляла собою вначалѣ сводку свѣдѣній о жизни и трудахъ классическихъ писателей. Традиціонныя эстетическія сужденія подвергались провѣркѣ и становились исходной точкой дальнѣйшихъ изслѣдованій, такъ какъ главная цѣль состояла въ томъ, чтобы пріобрѣсть твердую эстетическую почву для собственныхъ произведеній, принимая за образецъ великія произведенія древности. Такъ обстояло дѣло даже во времена Готтшеда, Бодмера, Клопштока, Виланда и Лессинга; а что происходило въ Германіи, то по большей части наблюдалось еще раньше въ Англіи и Франціи. Во времена Гердера перевѣсъ пріобрѣтаютъ культурные и историко-философскіе интересы. Противъ этого теченія выступило другое, строго-фактическое направленіе, исходившее отъ классической филологіи, именно отъ Гейне и Вольфа. По образцу „Исторіи римской литературы“ Вольфа Эрдуинъ Юліусъ Кохъ (1764—1834 г.) написалъ между 1790 и 1798 гг. первый компендіумъ исторіи нѣмецкой литературы. Трудъ этотъ отличался такою же посредственностью, какъ и полубибліографическіе, полукультурно-философскіе труды Іоанна Готфрида Эйхгорна (1752—1827 г.), Фридриха Боутервека (1765—1828 г.) и Людвига Вахлера (1767—1838 г.). Творцами и основателями исторіи новѣйшей литературы были, какъ уже упомянуто, братья Шлегели. Понятно, что нѣмецкой литературѣ они отвели лишь скромное мѣсто въ палатахъ всемірной литературы. Важная заслуга братьевъ Шлегелей заключается въ томъ, что они признали Гете, ещё живого своего современника, величайшимъ геніемъ не только нѣмецкой, но и всей новѣйшей литературы. Вообще представителей романтической школы можно упрекнуть въ ложной идеализаціи среднихъ вѣковъ. Особенно же были они повинны вмѣстѣ съ братьями Гриммами въ идолопоклонническомъ преклоненіи предъ народнымъ духомъ и его таинственной творческой дѣятельностью. Еще дальше пошелъ въ этомъ направленіи Гегель со своимъ міровымъ

духомъ и самоосуществленіемъ идеи; но въ это время уже существовало произведеніе, которое озарило яркимъ свѣтомъ исторію литературы: „Поэзія и дѣйствительность“ Гете, въ которой зарожденіе и расцвѣтъ генія въ обстановкѣ его эпохи и окружающей среды изображались въ видѣ совершенно естественнаго явленія, не заключающаго въ себѣ ничего чудеснаго, не оставлявшаго мѣста ни для чародѣйствъ народнаго и мірового духа, ни для преувеличеннаго преклоненія предъ геніями и героями. Отношеніе писателей къ названному труду Гете пріобрѣло съ этихъ поръ значеніе признака, по которому можно было распознавать различныя эстетическія и историко-литературныя направленія. Однако партіи руководствовались на первомъ планѣ не своими художественными, а своими политическими и соціальными принципами; это относится какъ къ реакціонерамъ съ Вольфгангомъ Менцелемъ (1798—1873 г.) во главѣ, такъ и къ революціонерамъ, пріобрѣвшимъ послѣ 1830 г. руководящую роль во всей европейской литературѣ, особенно періодической. Тяжелѣе всего согрѣшили въ этомъ отношеніи „Молодая Германія“ и ея эпигоны Берне и Гейне, Лаубе и Гуцковъ, Теодоръ Мундтъ, Арнольдъ Руге и т. д., которые оказали очень сильное, но кратковременное и поверхностное вліяніе на критику и исторію литературы и внесли въ нихъ духъ радикализма. Однако около этого же времени появились въ свѣтъ капитальные труды по исторіи нѣмецкой литературы, въ которыхъ тенденція отступаетъ на задній планъ предъ фактической содержательностью и которые даютъ работу мысли образованнаго читателя. На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить вышедшую въ свѣтъ между 1835 и 1842 гг. „Исторію нѣмецкой поэтической національной литературы“ Георга Готфрида Гервинуса (срав. т. VIII, стр. 661), которая съ четвертаго изданія носила заглавіе: „Исторія нѣмецкой поэзіи“. Умомъ и сердцемъ этотъ ученикъ Фридриха Христофора Шлоссера, который въ своихъ сочиненіяхъ особенно налегалъ на связь между исторіей литературы и политической исторіей, былъ преданъ политикѣ и политическимъ судьбамъ Европы, въ особенности своего собственнаго народа. Этимъ направленіемъ проникнута также и его исторія литературы, но въ общемъ это нисколько не сбиваетъ его съ прямого пути. Начитанный въ древнихъ и новыхъ литературахъ, дававшихъ ему матеріалъ для широкихъ сопоставленій, одушевленный новогуманистическими идеалами, онъ думаетъ, что въ лицѣ Гете и Шиллера нѣмецкая національная литература достигла кульминаціонной и конечной точки своего пути. Отсюда онъ выводитъ то заключеніе, что германскій народъ долженъ оставить ту область духовной жизни, въ которой онъ замѣшкался слишкомъ долго къ своему вреду, и принять дѣятельное участіе въ государственной и общественной жизни; на этомъ основаніи Гервинусъ относится съ безпощаднымъ, одностороннимъ осужденіемъ къ романтической школѣ и эпигонамъ романтизма.

Къ тому времени, когда Гервинусъ взялся за перо, уже успѣлъ выйти въ свѣтъ (въ 1827 г.) написанный въ видѣ учебника „Очеркъ исторіи нѣмецкой національной литературы“ Августа Коберштейна (1797—1870 г.). Мало-по-малу эта книжечка разрослась въ гигантскій пятитомный трудъ, преисполненный глубокой эрудиціи и вполнѣ чуждый какой-либо тенденціозности. Для широкихъ круговъ эти тяжеловѣсные капитальные труды замѣнила удобочитаемая „Исторія нѣмецкой національной литературы“ Августа Христіана В и л ь м а р с а (1800—1868 г.). На первыхъ порахъ изображеніемъ хода развитія германской литературы занимались люди, которые не были германистами по спеціальности; но черезъ короткое время на сцену выступили также и ученые спеціалисты: Людвигъ Этмюллеръ (1802—1877 г.), Вильгельмъ Вакернагель (1806—1869 г.), Карлъ Гедеке (1814—1887 г.). За обработку сочиненія послѣдняго: „Очерки исторіи нѣмецкой поэзіи“ взялся цѣлый штабъ ученыхъ, и понынѣ еще не справившихся со своей задачей. Мало-по-малу возросло число исторій литературы, разсчитанныхъ на широ-

кую публику. Понятно, что ученые спеціалисты относились свысока къ издѣліямъ людей, которые разводили водой результаты ихъ работъ, стоившихъ имъ такъ много тяжелаго труда, приспособляя ихъ къ уровню обыкновеннаго читателя. Какъ говоритъ Гансъ Лешгорнъ, „желаніе сдѣлать доступными широкимъ кругамъ народа результаты научныхъ изслѣдованій считалось тридцать лѣтъ тому назадъ въ кругу нѣкоторыхъ германистовъ чѣмъ-то вродѣ государственной измѣны". Этому настроенію ученаго міра былъ положенъ конецъ Вильгельмомъ Шереромъ и его вышедшей въ 1883 г. „Исторіей нѣмецкой литературы". Изъ общихъ обзоровъ исторіи нѣмецкой литературы, изданныхъ съ того времени, на одну доску съ болѣе ранними шедеврами можетъ быть поставлено только сочиненіе, принадлежащее перу Фридриха Фохта (род. въ 1851 г.) и Макса Коха (род. въ 1885 г.).

Въ другихъ странахъ съ населеніемъ германскаго происхожденія исторіей литературы начали заниматься, въ сущности говоря, только начиная съ періода романтизма, Знатоками нидерландской, древне-норманнской, шведской, норвежской и новоисландской литературъ были обнародованы труды, обнимающіе всю исторію развитія этихъ литературъ. Замѣчательно, что для одной только англійской литературы не существуетъ такого труда, который обнималъ бы всю ея исторію и могъ бы быть поставленъ рядомъ съ подобными трудами, относящимися къ нѣмецкой, французской и итальянской литературамъ. Нѣмецкій ученый, чувствовавшій въ себѣ призваніе стать англійскимъ Гервинусомъ, Бернгардъ Тенъ Бринкъ (1841—1892 г.) скончался, не доведя своего труда до конца. Издатель оставшихся послѣ него рукописей Алоизій Брандль (род. 1855 г.) составилъ превосходное изложеніе средневѣковой англійской литературы. Изъ двухъ лучшихъ нѣмецкихъ компендіумовъ по англійской литературѣ одинъ, вышедшій изъ-подъ пера Густава Кертинга (род. 1845 г.), предназначенъ для студентовъ, а другой — Рихарда Вюлькера (1845 г.) — для широкихъ круговъ образованной публики.

Самыя цѣнныя работы германистовъ и ученыхъ другихъ спеціальностей, присоединившихся къ нимъ, заключаются въ монографіяхъ объ отдѣльныхъ историческихъ эпохахъ или областяхъ, въ біографіяхъ отдѣльныхъ писателей или въ разборѣ отдѣльныхъ литературныхъ произведеній. Особенно много талантливыхъ работъ посвящено литературѣ XVIII столѣтія и примыкающихъ къ нему историческихъ эпохъ; среди авторовъ ихъ первое мѣсто слѣдуетъ отвести Герману Геттнеру (1821—1882 г.), большой трудъ котораго обнимаетъ кромѣ нѣмецкой также англійскую и французскую литературу этого періода. Если Геттнеръ отличается своимъ полетомъ мысли и увлекательностью изложенія, то главное достоинство лѣтописныхъ обзоровъ Юліана Шмидта (1818—1886 г.), обнимающихъ періодъ отъ 1649 до 1870 г., заключается въ острой критикѣ и тонкомъ чутьѣ дѣйствительности. Романтическая школа нашла своего историка въ лицѣ Рудольфа Гайма (1821—1901 г.), который слѣдуетъ примѣру Геттнера и Шмидта и излагаетъ ходъ развитія изящной литературы не обособленно, а въ связи съ философіей и наукой. Первую общую исторію литературы всего XIX вѣка написалъ Рудольфъ фонъ Готтшаль (род. въ 1823 г.). Отрадно, что эта книга, содержаніе которой тонетъ въ громкихъ фразахъ и риторическихъ украшеніяхъ, теперь уступаетъ мѣсто новымъ сочиненіямъ, какъ, напримѣръ, трудамъ Рихарда Морица Мейера (род. въ 1860 г.), Адольфа Бартельса (род. 1862 г.) и Эдуарда Энгеля (род. 1851 г). Изъ числа исторій литературъ отдѣльныхъ географическихъ областей мы упомянемъ только двѣ наилучшія: „Исторію нѣмецкой литературы въ Швейцаріи" Якова Бехтольда (1848—1897 г.) и „Исторію австрійской литературы" Іоганна Вилибальда Нагля (род. 1856 г.) и Якова Цейдлера (род. въ 1855 г.).

Рядъ научныхъ біографій выдающихся нѣмецкихъ писателей откры-

вается трудами Теодора Вильгельма Данцеля (1818—1850 г.): „Готтшедъ и его время“ и „Г. Е. Лессингъ“; второй изъ этихъ трудовъ Данцеля былъ продолженъ Готтшалькомъ Эдуардомъ Гурауэромъ (1809—1854 г.) и вновь изданъ подъ редакціей Венделина Мальтцана (1815—1889 г.) и Роберта Боксбергера (1836—1890 г.): это единственная біографія Лессинга, которую можно поставить на одну доску съ написанной Эрихомъ Шмидтомъ (второе изд. 1899 г.). Замѣчательно, что всѣ написанныя до сихъ поръ біографіи Гете имѣютъ только значеніе подготовительныхъ этюдовъ, не исключая и самыхъ новѣйшихъ, принадлежащихъ перу Карла Гейнемана (род. въ 1857 г.), Бельшовскаго и Рихарда Мейера. Лишь тогда, когда будетъ исчерпано содержаніе гетевскаго архива въ Веймарѣ, явится законченное жизнеописаніе Гете. Какой-то злой рокъ тяготѣетъ надъ біографіями Шиллера; пока еще не закончена ни одна изъ тѣхъ четырехъ, которыя можно признать стоющими вниманія и въ настоящее время, Рихарда Вельтриха (род. 1844 г.), Якова Минора (род. 1855 г.), Отто Брама (род. 1856 г.) и Карла Бергера (род. 1871 г.). Темой для исчерпывающихъ работъ послужила не только жизнь такихъ писателей, какъ Клопштокъ (его біографія написана Францомъ Мункеромъ, род. 1855 г.) и Гердеръ (біографіи Гайма, Евгенія Кюнемана, род. въ 1868 г.): удостоились біографій даже писатели третьяго и четвертаго разряда. Что касается литературныхъ знаменитостей XIX вѣка, то имѣются удовлетворительныя, основанныя на документальныхъ данныхъ жизнеописанія большей части ихъ: Клейста, Гельдерлина, Уланда, Рюкерта, Грильпарцера, Геббеля и т. д. Писатели, блиставшіе во вторую половину XIX вѣка, изъ которыхъ иные находятся въ живыхъ и понынѣ, обыкновенно выпускали своевременно въ свѣтъ свои мемуары для того, чтобы ихъ жизнь была воспроизведена въ исторіи литературы такъ, какъ они сами желали бы. Даже новѣйшіе писатели, которые обрушивались на всѣ признанные авторитеты и направленія, удостоились надлежащаго вниманія и справедливой оцѣнки въ исторіи литературы, о чемъ свидѣтельствуютъ труды Евгенія Вольфа (род. 1863 г.), Рихарда Морица Мейера, Павла Шлентера (род. 1854 г.) Адольфа Бартельса, Рудольфа, Лотаря (род. 1865 г.) и др.

Серьезное изученіе древнихъ и новыхъ германскихъ текстовъ подвинуло впередъ не только исторію литературы, но и науку о языкѣ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ (грамматику, метрику, лексикографію и исторію языка). Послѣ появленія въ свѣтъ „Грамматики“ Гримма, наступила пауза — безплодный періодъ простого усвоенія уже добытаго. Зато изъ сосѣднихъ научныхъ мастерскихъ доносился шумъ оживленной работы, въ особенности изъ области вновь основаннаго сравнительнаго языкознанія, Боппъ, Поттъ, Бенфей, Шлейхеръ занимались также и германскими діалектами, что естественно должно было привлечь вниманіе германистовъ; тѣмъ не менѣе прошло много времени, пока нашелся среди нихъ одинъ, который рѣшился связать прочной цѣпью германистику съ индо-германистикой. Это былъ Шереръ съ его будящей и даже волнующей мысль книгой „Къ исторіи нѣмецкаго языка“ (1867 г.). Съ этого времени интересъ къ лингвистической сторонѣ усилился до такой степени, что порою отъ этого страдала филологическая сторона дѣла. Наибольшее оживленіе наблюдалось вплоть до настоящаго времени въ области фонетики. Шереръ ввелъ въ науку о языкѣ физіологію человѣческой рѣчи Брюкке (стр. 136). Англичанинъ Александръ Мельвиль Белль основалъ самостоятельно фонетическую систему, надъ дальнѣйшей разработкой которой трудились на его родинѣ Александръ Джонъ Эллисъ (1814—1890 г.) и Генри Свитъ (род. 1845 г.). Важнѣйшій нѣмецкій трудъ по фонетикѣ принадлежитъ Эдуарду Сиверсу (род. 1850 г.), рядомъ съ которымъ выдвинулся Вильгельмъ Віеторъ (род. 1850). Съ этихъ поръ не только фонетика основывается на точныхъ принципахъ — недаромъ современная фонетика примѣняетъ цѣлый арсе-

налъ физическихъ и физіологическихъ аппаратовъ, — но стало возможнымъ даже международное соглашеніе относительно правильнаго произношенія (ортоэпіи); для нѣмецкаго произношенія въ этомъ отношеніи имѣла большое значеніе берлинская конференція 1898 г., на которой было выработано соглашеніе объ объединеніи языка сцены.

Несмотря на оживленіе, обнаруживаемое германистами въ области языкознанія, капитальныя изслѣдованія въ ученіи о звукахъ, формахъ, словообразованіи и фразеологіи исходятъ и понынѣ отъ индогерманистовъ. Въ услугахъ сравнительному языкознанію со стороны германистовъ тоже нѣтъ недостатка. Кромѣ фонетики Сиверса слѣдуетъ еще назвать „Основы исторіи языка" Германа Пауля (род. 1846 г.), въ которой отмѣчается также и психологическая сторона развитія языка, тогда какъ раньше оно разсматривалось исключительно съ филологической и физіологической точки зрѣнія. Большая сводная работа — „Нѣмецкая грамматика" (до сихъ поръ вышли ученіе о звукахъ и этимологія) Вильгельма Вильманса (род. 1842 г.) заключаетъ въ себѣ оригинальныя мысли, имѣющія значеніе для общаго языкознанія.

Все то, что было написано объ исторіи германскихъ языковъ, принадлежитъ перу германистовъ. Наилучшія изъ относящихся сюда работъ помѣщены въ „Основахъ" Пауля. Выдающійся интересъ возбуждаютъ попытки реконструкціи первобытнаго и общаго германскаго языка, принадлежащія Фридриху Клюге (род. 1856 г.), Адольфу Норену (род. 1854 г.), Вильгельму Штрейтбергу (род. 1864 г.) и др. Много работъ посвящено также происхожденію новаго верхне-германскаго литературнаго языка; на эту тему писали еще Рудольфъ фонъ-Раумеръ (1815—1876 г.) историкъ нѣмецкой филологіи, и Генрихъ Рюккертъ (1823—1875 г.); рѣшительный поворотъ произвели указанія Мюлленгофа на канцелярскій языкъ Германской имперіи и Саксонскаго курфюршества.

Для изслѣдователя языка нарѣчія, говоры, смѣшанные языки и жаргоны не менѣе поучительны, чѣмъ литературные и нормальные языки. Іосифъ Андрей Шмеллеръ (1785—1852 г.), Георгъ Карлъ Фромманъ (1814—1887 г.), Карлъ Рейнгольдъ (1823—1901 г.), Карлъ Юліусъ Шрейеръ (1825—1900 г.) и др. посвятили свое вниманіе нѣмецкимъ діалектамъ еще много десятковъ лѣтъ тому назадъ. За послѣднее время въ этой отрасли германистики выдвинулись Германъ фонъ-Фишеръ (род. 1851 г.), Оскаръ Вейзе (1851 г.), отличающійся рѣдкимъ искусствомъ популяризаціи результатовъ строгонаучныхъ изслѣдованій въ широкой публикѣ, Георгъ Венкеръ (род. 1852 г.), издавшій атласъ языковъ Германской имперіи и др. Изобрѣтательному духу нашего вѣка лингвистика обязана помимо другихъ аппаратовъ также фонографомъ и удобосохраняемыми фонограммами.

Запасъ словъ отдѣльныхъ германскихъ языковъ тоже былъ собранъ и систематизированъ еще до Вильгельма и Якова Гриммовъ. Такъ какъ братья Гриммы изучали только запасъ словъ новаго верхне-германскаго литературнаго языка, то оставалось достаточно работы для составителей словарей другихъ нарѣчій нѣмецкаго языка, не говоря уже о томъ, что громадный объемъ труда Гриммовъ, медленно подвигавшагося впередъ, вызвалъ потребность въ словаряхъ меньшаго объема. Независимо отъ Гриммовъ Даніель Сандерсъ (1819—1897 г.) составилъ свой „Словарь нѣмецкаго языка". Что касается древняго верхне-германскаго языка, то кромѣ словаря Граффа и Масмана (Sprachschatz) еще не существуетъ ни одного обширнаго словаря, но зато имѣется много превосходныхъ глоссаріевъ къ отдѣльнымъ текстамъ. На основаніи посмертныхъ рукописей Бенеке Вильгельмъ Мюллеръ (1812—1890 г.) и Фридрихъ Царнке (1825—1891 г.) составили свой словарь средневѣковаго верхне-нѣмецкаго языка, который былъ дополненъ Матіасомъ фонъ-Лексеромъ (1830—1892 г.). К. Шиллеромъ и Августомъ Любеномъ (1818—1894 г.) былъ систематизированъ въ формѣ словаря

запасъ словъ средневѣковаго нижне-нѣмецкаго языка. Наилучшій этимологическій словарь нѣмецкаго языка составленъ Клюге. Многія изъ нарѣчій нѣмецкаго языка тоже нашли своихъ лексикографовъ.

Голландцы и скандинавы составили сами свои грамматики и словари при незначительной помощи со стороны заграничныхъ ученыхъ. Воспламенившаяся въ сѣверныхъ странахъ, благодаря романтизму, любовь ко всему національному и народному разгорѣлась еще сильнѣе послѣ датско-германской войны 1864 г. Гораздо больше скандинавовъ обязаны иностранцамъ и въ особенности нѣмцамъ въ дѣлѣ изученія своего родного языка англичане. Въ 1884 г. была начата подъ руководствомъ Джемса Моррея (род. 1837 г.) и Генри Брэдлея изданіе словаря новаго англійскаго языка, о которомъ знатоки говорятъ, что біографіи словъ въ немъ составляютъ послѣднее слово новѣйшей лексикографіи. Американцы работаютъ по программѣ, данной Уильямомъ Дуайтомъ Уитнеемъ (1827—1894 г.) надъ дополненіемъ къ этому словарю („Century Dictionary"). Въ началѣ XIX вѣка великій датскій филологъ Размусъ Кристіанъ Раскъ (1788—1832 г.) составилъ англосаксонскую грамматику, переведенную на англійскій языкъ Бенжаменомъ Торпомъ (1782—1870 г.). Джозефъ Босвортъ (1789—1876 г.) составилъ еще одну англосаксонскую грамматику, а Джонъ Митчель Кембль (1807—1857 г.) — грамматику средневѣковаго англійскаго языка. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ ученыхъ примѣнили къ изученію англійскаго языка эволюціонный методъ (Эдуардъ Фидлеръ, Фридрихъ Кохъ, 1813—1872 г., Эдуардъ Мецнеръ, 1805—1892 г.). Исходной точкой новѣйшаго поворота въ англійской филологіи послужила фонетика; Свитъ (стр. 167) составилъ грамматику средневѣковаго и новаго англійскаго языка въ самомъ новѣйшемъ духѣ. Древне-англійская грамматика тоже была обработана согласно послѣднему слову науки Эдуардомъ Сиверсомъ.

Словарь древне-норманскаго поэтическаго языка былъ составленъ Свейнбьерномъ Эгильсономъ (1791—1852 г.), а прозаическаго — Іоганномъ Фрицнеромъ (1812—1893 г.) и Гудбрандомъ Вигфуссономъ (1827—1889 г.). Словари древне-шведскаго языка были составлены Іоанномъ Эрикомъ Ридквистомъ (1800—1877 г.) и Кнутомъ Фредерикомъ Седерваленъ (род. 1842 г.); послѣдній былъ также редакторомъ изданнаго стокгольмской академіей ново-шведскаго словаря. Запасъ словъ древнѣйшаго датскаго языка былъ записанъ О. Калькаромъ, а словарь ново-датскаго языка былъ составленъ Свендомъ Херслебомъ Грундтвигомъ (1824—1883 г.). Въ мѣшкотности датская академія превзошла всѣхъ своихъ соперниковъ. Словарь датскаго языка, къ изданію котораго она приступила въ 1893 году, не законченъ еще и понынѣ. Основателемъ научной грамматики древне-норманскаго языка былъ Раскъ, а Петръ Андрей Мункъ (1810—1863 г.) насадилъ въ Скандинавіи сравнительно-историческій методъ Якова Гримма, не усвоенный Раскомъ. Современное поколѣніе скандинавскихъ филологовъ идетъ во всемъ по стопамъ нѣмецкихъ грамматиковъ новѣйшей школы.

Кромѣ языка и литературы издавна были предметомъ филологическихъ изслѣдованій, пользующихся вниманіемъ не только ученыхъ, но и профановъ, д р е в н о с т и или r e a l i a. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такія науки, какъ экономическая исторія, исторія права, искусства, музыки составляютъ самостоятельныя, хорошо разработанныя научныя дисциплины, въ сокровищницу которыхъ германистъ тоже можетъ внести свою лепту, но которыя ни въ коемъ случаѣ не являются неотъемлемыми составными частями его собственной дѣятельности. Если выдѣлить тѣ части, которыя ведутъ самостоятельное существованіе и служатъ для германиста только вспомогательными науками, то останутся только два отдѣла „реалій", въ которыхъ германистъ можетъ работать самостоятельно и гдѣ его некому замѣнить: археологія и фольклоръ.

Объ объемѣ и содержаніи а р х е о л о г і и съ точки зрѣнія герма-

ниста можно судить по незаконченной „Германской археологіи“ Карла Мюлленгофа. Она обнимаетъ, или, вѣрнѣе сказать, должна была обнимать „все то, что относится къ жизни германцевъ до начала многовѣковаго вліянія на нихъ римско-христіанской культуры“. Остается спорнымъ, слѣдовало ли Мюлленгофу вводить въ рамки своего труда доисторическую и индогерманскую археологіи. Фактически онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія филолога, трудъ котораго опирается на писанные источники, оставляя пользованіе другими вспомогательными средствами и методами компетентнымъ спеціалистамъ. Съ наибольшей обстоятельностью Мюлленгофъ останавливается въ своемъ трудѣ на отношеніи германцевъ къ остальнымъ европейскимъ народамъ: кельтамъ, славянамъ, балтамъ, скиѳамъ, гетамъ и т. д. Уже Іоганнъ Каспаръ Цейсъ (1806—1856 г.) въ своемъ трудѣ: „Германцы и сосѣдніе съ ними народы“ разбиралъ этотъ вопросъ въ связи съ этнологіей, которой въ послѣднее время съ успѣхомъ посвятили свои труды Густавъ Коссина (род. 1858 г.), Рудольфъ Мухъ (род. 1862 г.) и Отто Бремеръ (род. 1862 г.).

Въ изученіи германскихъ сказаній о богахъ и герояхъ наблюдались въ XIX столѣтіи тѣ же теченія, что и въ древне-классической миѳологіи. Сначала выступили на сцену (въ 1845 г.) представители сравнительной индогерманистики съ Альбертомъ Куномъ (1812—1881 г.) во главѣ, которые выискивали среди другихъ народовъ, находящихся въ первобытномъ родствѣ съ германцами, параллели къ каждой чертѣ германскихъ миѳовъ и героическихъ сагъ. За общій источникъ считалась религія германскаго первобытнаго народа, которую пытались возстановить на основаніи этихъ самыхъ параллелей. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія, когда англійская антропологическая школа стала пускать корни въ Германіи, крупнѣйшіе представители сравнительнаго направленія, Вильгельмъ Шварцъ (1821—1899 г.) и Вильгельмъ Мангардтъ (1813—80 г.), уже признали необходимость подраздѣленія миѳовъ на низшіе, простонародные, и высшіе, жреческо-аристократическіе. Было также обращено надлежащее вниманіе на вліяніе культовъ и мѣстъ отправленія ихъ на развитіе миѳовъ и обличія боговъ. Вся германская миѳологія чуть не была выброшена за бортъ, когда скандинавскими изслѣдователями съ Софусомъ Бугге (род. 1833 г.) во главѣ прославленные миѳы древнѣйшей Эдды были признаны за издѣліе ученыхъ позднѣйшихъ вѣковъ, въ которомъ причудливымъ узоромъ переплелись между собой христіанскія и античныя черты. Весь ученый міръ распался на два лагеря. Хотя въ общемъ почитатели Эдды остались побѣдителями, тѣмъ не менѣе они вынуждены были признать, что въ источники сѣверно-германской миѳологіи, дѣйствительно, проникъ чужестранный элементъ и что вольный полетъ фантазіи скальдовъ тоже сыгралъ свою роль. Изъ общихъ трудовъ по германской миѳологіи слѣдуетъ назвать сочиненія Эларда Гуго Мейера (род. 1837 г.), Евгенія Могка (род. 1854 г.), Вольфганга Гольтера (род. 1863 г.), Фридриха Кауфмана (род. 1863 г.); спеціально героическимъ сагамъ посвящены сочиненія Б. Симонса и Отто Луитпольда Іиричека (род. 1867 г.)

Взамѣнъ англійскаго термина „фольклоръ“ Рейнгольдъ Келлеръ (1830—1892 г.) ввелъ въ употребленіе въ Германіи терминъ „Volkskunde“. Фольклоръ трактуетъ объ осязательныхъ фактахъ, уловляемыхъ зрѣніемъ или слухомъ, которые относятся къ настоящему, но корни которыхъ восходятъ къ прошлымъ историческимъ періодамъ. Онъ занимается тѣми остатками отдаленнаго прошлаго, которые продолжаютъ жить и понынѣ въ народѣ, въ особенности въ низшихъ слояхъ населенія (Могкъ). Главные отдѣлы фольклора — это народная поэзія и народные обычаи. Еще до наступленія быстраго подъема германистики въ первую четверть XIX столѣтія иногда собирались, объяснялись и издавались народныя пѣсни, сказки, саги, простонародныя поэтическія изрѣченія, пословицы, поговорки.

загадки, примѣты и т. д. Но только начиная съ періода проникновенія романтическаго направленія въ филологію стали подбирать и хранить всѣ продукты творческаго духа народа, вымирающіе подъ дуновеніемъ новѣйшей культуры. Эпическая народная поэзія, богатая сокровищница народныхъ сказокъ и сагъ, привлекла къ себѣ еще большее вниманіе, чѣмъ лирическо-дидактическая поэзія. Братья Гриммы и ихъ послѣдователи считали народныя сказки передѣлками древне-германскихъ природныхъ миѳовъ. Въ сказочныхъ герояхъ они видѣли поблекшія фигуры боговъ и героевъ Въ виду этого предполагаемаго миѳическаго содержанія сказокъ, ученые повсюду стали усиленно охотиться за сказками и сагами. Отыскиваніе миѳическихъ остатковъ въ сказкахъ доводилось до смѣхотворныхъ преувеличеній. Затѣмъ Теодоръ Бенфей (1809—1881 г.) доказалъ въ своемъ изданіи „Панчатантры“, что часть западно-европейскихъ сказокъ и сюжетовъ западно-европейскихъ сагъ происходитъ изъ буддійской Индіи и что Западная Европа заимствовала эти продукты изъ тропическихъ странъ при посредствѣ магометанскихъ народовъ, наложившихъ на нихъ свой колоритъ. Полился цѣлый потокъ литературно-историческихъ работъ, прослѣживавшихъ странствованія и превращенія во всемірной литературѣ сказокъ, почерпнутыхъ изъ международной сокровищницы. Полемизируя противъ этого теченія, антропологи съ Эндрью Лэнгомъ во главѣ (род. 1844 г.) указали на существованіе подобныхъ разсказовъ и сюжетовъ у множества неиндогерманскихъ, не имѣющихъ никакой письменности, народовъ, объясняя этотъ фактъ тѣмъ, что въ своемъ психическомъ развитіи каждый народъ переживаетъ такое состояніе, когда его литературная дѣятельность выражается въ сказкахъ со сходными подъ всѣми широтами чертами. Въ настоящее время изслѣдователи стремятся опредѣлить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отказываясь отъ всякой односторонности, имѣло ли тутъ мѣсто литературное заимствованіе съ Востока или Запада, гдѣ и когда первоначальный матеріалъ подвергся характернымъ измѣненіямъ и не дополненъ ли онъ новыми чертами. Изслѣдователи пользуются въ настоящее время услугами стенографіи и фонографіи. Чтобы запечатлѣть мимику, сопровождающую пѣніе или разсказъ, прибѣгаютъ даже къ помощи фотографическаго аппарата и оживляютъ снимки при посредствѣ кинематографа.

Для записыванія народныхъ обычаевъ и обрядовъ и собиранія предметовъ утвари, мебели, одежды, архитектурныхъ формъ, двинулось въ походъ множество изслѣдователей, ученыхъ и профановъ, званыхъ и незваныхъ. Послѣ многообѣщавшаго начала, приходящагося на времена Гримма, изслѣдованіе народныхъ обычаевъ было сильно дискредитировано, и ученые спеціалисты повернулись къ нему спиной, особенно въ Германіи. Напротивъ, въ Великобританіи фольклористическія изслѣдованія процвѣтали со временъ Джона Бранда (1744—1806 г.) и Уильяма Джона Томса (1803—1885 г.). Въ 1878 г. было основано для веденія этихъ изысканій спеціальное ученое общество (Folklore Society). Въ Нидерландахъ фольклоръ опирается на фламандское движеніе, стремящееся къ охранѣ національнаго наслѣдія. Въ Скандинавіи инициатива принадлежала шведамъ; во главѣ движенія стояли студенты и преподаватели университетовъ, такъ же было и въ Даніи. Въ Германіи въ фольклористическихъ изслѣдованіяхъ принимали участіе священники и народные учителя. Интересъ къ фольклору ожилъ здѣсь снова около 1890 года, когда во главѣ движенія сталъ Карлъ Вейнгольдъ, человѣкъ пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ наукѣ; онъ основалъ общество для изученія фольклора (Verein für Volkskunde) и написалъ цѣлый рядъ программныхъ наставленій. Большую услугу оказалъ этой наукѣ также Элардъ Гуго Мейеръ своимъ большимъ руководствомъ „Германскій фольклоръ“, въ которомъ онъ излагаетъ увлекательнымъ образомъ ея объемъ, цѣли и добытые ею результаты.

Въ противовѣсъ и въ дополненіе къ фольклору наука о народности (Volkstumswissenschaft) занимается не внѣшними учрежденіями и обычаями народа, а особенностями его духовнаго существа. Проявленіе такихъ особенностей германскаго народа въ правѣ и религіи, въ исторіи и искусствѣ, литературѣ и воспитаніи составляютъ тему труда Ганса Мейера (род. 1858): „Германская народность“ (Das deutsche Volkstum).

Романская филологія. Историкъ романской филологіи Густавъ Греберъ (род. 1844 г.) дѣлитъ для своихъ цѣлей XIX столѣтіе (съ 1814 г.) на два періода, границей между которыми служитъ 1859 годъ. Въ первомъ періодѣ (отъ 1814 до 1859 г.) у европейскихъ народовъ возгорѣлась романтическая любовь къ средневѣковому прошлому, включая и литературу, и романская филологія подобно германской дошла до степени обособленной науки благодаря капитальнымъ трудамъ нѣмцевъ, а не французовъ и итальянцевъ; но много труда было растрачено безъ плана и цѣли, кромѣ того отдѣльные народы, разрозненные между собою различіемъ языковъ, удѣляли слишкомъ мало вниманія работамъ иностранцевъ. Начиная съ 1859 г., ученые различныхъ націй начинаютъ сближаться между собой; они объединяются для планомѣрной работы, расширяютъ и углубляютъ свои изслѣдованія согласно строго-научнымъ методамъ, усвоеннымъ ими въ высшей школѣ, и романская филологія поднимается на одинъ уровень съ классической и германской, съ которыми она соприкасается и по своему содержанію.

Своимъ романистическимъ наслѣдіемъ XIX вѣкъ обязанъ преимущественно историкамъ и археологамъ, которые часто бывали вынуждены заниматься чтеніемъ старинныхъ французскихъ, провансальскихъ и т. п. источниковъ; но изученію древнѣйшихъ ступеней романскихъ языковъ они способствовали мало. Большинство воспитанныхъ въ классическомъ духѣ изящныхъ писателей XVIII вѣка тоже относилось съ пренебреженіемъ къ варварскимъ произведеніямъ некультурныхъ историческихъ періодовъ. Больше вниманія, чѣмъ грамматикѣ и текстамъ, изслѣдователи XVII и XVIII вѣка удѣляли лексикографіи отдѣльныхъ національныхъ романскихъ языковъ. По примѣру флорентинской Academia della Crusca (срав. т. VIII, стр. 488) французская, испанская и португальская академіи принялись за составленіе словарей своихъ родныхъ языковъ, цѣль которыхъ состояла, впрочемъ, исключительно въ нормировкѣ литературнаго языка и въ опекѣ надъ нимъ, исторіи же языка не удѣлялось никакого вниманія. Росло также вниманіе къ исторіи литературы, въ которой часто ограничивались только собираніемъ библіографическихъ и біографическихъ датъ, или собираніемъ выдержекъ и разборомъ тѣхъ или другихъ литературныхъ произведеній съ добавленіемъ къ нимъ философскихъ и литературно-критическихъ примѣчаній. Въ описательной исторіи литературы первое мѣсто занимали итальянцы (Джироламо Тирабоски, 1731—1794 г.), а въ эстетической французы (Жанъ Франсуа Лагарпъ 1731—1803 г.). Самомнѣніе вѣка просвѣщенія, его закоснѣлость въ предразсудкахъ классицизма, страсть къ разрушенію, господствовавшая въ періодъ революціи, не дали возможности выработаться болѣе широкому пониманію прошлаго. Только романтическая реакція періода реставраціи снова оживила среди романскихъ народовъ интересъ къ прошлымъ ступенямъ своего языка и своей литературы. Починъ положило переизданіе академическаго словаря и продолженіе начатой бенедиктинцами (Домъ Риве) въ 1733 г. „Литературной исторіи Франціи“ (Histoire littéraire de la France). Однако и внѣ круга безсмертныхъ имѣлись друзья пожелтѣвшихъ рукописей и изъѣденныхъ молью печатныхъ произведеній; составлялись каталоги, древнія произведенія переиздавались и комментировались. Франсуа Рейнуаръ (1761—1836 г.) и Клодъ Форьель (1772—1844 г.) пытались сообщить свое увлеченіе древне-провансальскимъ языкомъ широкимъ кругамъ публики.

Около середины XIX столѣтія дали новый толчекъ изученію романской филологіи во Франціи Поленъ Пари (1800—1881 г.) и Эмиль Литтре (1801—1881 г.). Оба эти ученые были уже затронуты германскими вліяніями. Пари, неутомимый издатель древнихъ рукописей, занялъ первую кафедру древне-французскаго языка, учрежденную въ 1853 г. при Collège de France. Литтре подарилъ своему народу дѣтище своего двадцатилѣтняго безпримѣрнаго трудолюбія, „Словарь французскаго языка“. Областью, въ которой французы чувствовали себя, какъ въ свой стихіи, не нуждаясь въ помощи иностранцевъ, была исторія литературы. Ихъ влекло, впрочемъ, не къ изслѣдованію отдѣльныхъ фактовъ, а къ набрасыванію крупныхъ историческихъ и біографическихъ картинъ, дававшихъ авторамъ возможность блеснуть своимъ умомъ. Новую эру въ научной исторіи литературы составили лекціи Франсуа Вильмена (1790—1870 г.), читанныя имъ въ Сорбоннѣ въ концѣ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія. Еще болѣе сильное вліяніе оказалъ, какъ учитель и писатель, Шарль Огюстъ Сентъ-Бевъ (1804—1869 г.), пользовавшійся въ царствованія Луи Филиппа и Наполеона III авторитетомъ законодателя и диктатора утонченнаго парижскаго вкуса какъ въ журналахъ, такъ и въ газетахъ, творецъ литературныхъ Portraits и критическихъ Causeries, авторъ „Histoire du Port-Royl“. Кромѣ него изъ историковъ литературы первой половины XIX столѣтія пріобрѣли прочную славу Жанъ Шарпантье (1797—1878 г.), Александръ Вине (1797—1847 г.), Эженъ Жерузе (1799—1865 г.), Сенъ Маркъ Жирарденъ (1801—1873 г.), Дезире Низаръ (1806—1888 г.), Жакъ Деможо (род. 1808 г.), Пьеръ Андре Сэйу (1808—1870 г.), Ипполитъ Риго (1821—1858 г.) и т. д.

Тѣмъ временемъ зародилась строго научная романистика, но на германской, а не на романской почвѣ. Германистика, переживавшая тогда еще свою первую молодость, набросилась на изученіе древне-романскихъ языковъ и литературъ, какъ только убѣдилась въ существованіи связи между ранней нѣмецкой и ранней французской литературами. Починъ принадлежалъ Уланду и братьямъ Гриммамъ; за ними слѣдовали Вакернагель, Гансъ Фердинандъ Масманъ (1797—1874 г.), Адальбертъ Келлеръ (1812—1883 г.), Вильгельмъ Голландъ (1822—1891 г.), Юліусъ Цахеръ (1816—1887 г.), Конрадъ Гофманъ (1819—1890 г.), Карлъ Бартшъ (1832—1888 г.), Эрнстъ Мартинъ (род. въ 1841 г.) и многіе другіе. Филологи-классики тоже рылись въ романскихъ рукописяхъ и разрабатывали романскіе тексты, и даже сравнительное языкознаніе не отказывало въ своемъ сотрудничествѣ при грамматической и этимологической разработкѣ романскаго лингвистическаго матеріала. Но вскорѣ заявили свои исключительныя права на романистику ученые, посвятившіе себя спеціально этой отрасли. Во главѣ ихъ стоитъ Фридрихъ Дитцъ (1794—1876 г.), почитаемый романистической наукой за своего истиннаго основателя; молодой рейнскій университетъ въ Боннѣ, въ которомъ Дитцъ началъ работать въ 1820 г., сталъ колыбелью и центромъ научнаго изслѣдованія романскихъ языковъ. Гете обратилъ вниманіе Дитца на Рэйнуара (срав. стр. 172); какъ историкъ литературы, издатель древнихъ рукописей, грамматикъ и лексикографъ, Дитцъ превзошелъ послѣдняго. На первыхъ порахъ онъ занялся изслѣдованіемъ жизни и произведеній трубадуровъ и современной имъ эпохи, а между 1836 и 1843 гг. онъ написалъ свой главный трудъ, „Грамматику романскихъ языковъ“ Столь же капитальное значеніе имѣли для романистики и его дальнѣйшіе труды: „Этимологическій словарь“ и „Романское словообразованіе“. Изъ современниковъ Дитца только одинъ могъ сравняться съ нимъ въ знаніи языковъ и даже превосходилъ его въ знаніи литературъ: это былъ Фердинандъ Вольфъ (1796—1866 г.), который пролилъ свѣтъ на романское стихосложеніе и своими монографіями обогатилъ науку новыми данными объ испанской и португальской литературахъ.

Боннская школа привлекла къ себѣ и тѣхъ ученыхъ, которые первоначально стояли въ сторонѣ отъ нея. Такое же вліяніе оказала она и на иностранныхъ ученыхъ, что способствовало объединенію международной романистики въ послѣднюю треть XIX столѣтія. Во Франціи (Гастонъ Пари, Поль Мейеръ), въ Италіи, Испаніи и Португаліи, словомъ повсюду, мѣстные ученые воспитались на трудахъ германскихъ романистовъ.

c) Сравнительное языкознаніе.

Періодъ расцвѣта нѣмецкой изящной литературы и нѣмецкой спекулятивной философіи вызвалъ къ жизни также и сравнительное языкознаніе, которое достигло съ поразительной быстротой такой зрѣлости, что смогло оживить другія отрасли филологіи и науки о древностяхъ, и даже стало господствовать надъ ними. Какъ и всѣ творенія нѣмецкаго духа того времени, оно носитъ на себѣ слѣды эпохи философскихъ построеній, но уже въ самомъ началѣ оно пріобрѣло историческій характеръ, что не помѣшало ему увлечься позже натуралистическими теченіями, чтобы въ концѣ концовъ прочно обосноваться на почвѣ реалистической и эмпирической физіо-психологіи.

Начиная отъ эпохи великихъ открытій много экзотическаго лингвистическаго матеріала скопилось въ рукахъ европейскаго ученаго міра, который, впрочемъ, удѣлялъ больше вниманія народовѣдѣнію, чѣмъ изученію языковъ. Съ XVI столѣтія начинаются попытки внести порядокъ въ хаосъ языковъ посредствомъ классификаціи. Конецъ этого періода предварительныхъ опытовъ отмѣчаютъ собою большой петербургскій сборникъ, содержащій по 285 пробныхъ словъ изъ 279 различныхъ языковъ, и „Митридатъ“ нѣмецкаго законодателя по части лингвистики Іоганна Христофора Аделунга (срав. т. VIII, стр. 530). Повсюду приходятъ къ убѣжденію, что языки образуютъ родственныя между собою группы, происходящія каждая отъ нѣкоего первобытнаго языка, быть можетъ, общаго для всѣхъ ихъ. Въ XVIII вѣкѣ окончательно отрѣшились отъ предвзятой мысли, что такимъ общимъ языкомъ долженъ быть древнееврейскій. Однако родословныя языковъ, составлявшіяся изслѣдователями, основывались исключительно на этимологіи, считавшейся съ однимъ только сходствомъ звуковъ. Существованіе сходныхъ словъ всего охотнѣе объясняли смѣшеніемъ языковъ благодаря географическому сосѣдству и переселеніямъ.

Вникнуть въ *организмъ* языковъ побудило изученіе *санскритскаго* языка, которому было положено начало англичанами Джонсомъ и Кольбрукомъ. Такъ какъ въ Германіи не существовало ни печатныхъ пособій, ни рукописей, по которымъ изслѣдователь могъ бы ознакомиться съ санскритскимъ языкомъ, то Фридрихъ Шлегель воспользовался своимъ пребываніемъ въ Парижѣ между 1802 и 1807 г. для того, чтобы постичь тайны этого языка съ помощью знатока его, англичанина Гамильтона (1762—1824 г.). Съ выходомъ въ свѣтъ книги Шлегеля: „О языкѣ и премудрости индусовъ“ раскрылись двери новаго храма науки, историко-сравнительнаго языковѣдѣнія, главной частью котораго остается индогерманистика. Какихъ бы ошибокъ ни надѣлалъ Шлегель въ деталяхъ, все же онъ сыгралъ роль пророка новой истины, дѣятельность котораго заставила зашевелиться всѣхъ. Его братъ Августъ Вильгельмъ сдѣлался основателемъ санскритологіи, какъ особой отрасли филологіи въ Германіи, благодаря своимъ лекціямъ, изданію текстовъ, изслѣдованіямъ и критическимъ статьямъ.

Подарить міру методическій капитальный трудъ по сравнительному индогерманскому языковѣдѣнію и собрать громадный матеріалъ для доказательства родства между языками суждено было менѣе талантливому и разностороннему ученому Францу *Боппу* (1791—1867 г.). Послѣ своего

программнаго этюда „О системѣ спряженій санскритскаго языка въ сравненіи съ спряженіями греческаго, латинскаго, персидскаго и германскаго языковъ“ (1816 г.) онъ обнародовалъ (1833—1835 г.) первое изданіе своей „Сравнительной грамматики“, заголовокъ которой во второмъ изданіи гласитъ: „Сравнительная грамматика санскритскаго, зендскаго, латинскаго, литовскаго, древне-славянскаго, готскаго и нѣмецкаго языковъ“. На оба изданія этого труда оказала вліяніе „Нѣмецкая грамматика“ Гримма. Боппомъ было окончательно доказано родство между индо-германскими языками (этотъ терминъ принадлежитъ Генриху Юліусу Клапроту, 1783—1835 г.), притомъ не путемъ сопоставленія сходныхъ по звуку словъ, а посредствомъ сравнительной анатоміи ихъ грамматическаго строенія. Даже этотъ безстрастный изслѣдователь отдалъ свою дань романтическому направленію своей эпохи въ томъ отношеніи, что онъ не обнимаетъ постепенныхъ преобразованій языковъ нейтральнымъ терминомъ „развитіе“, а обозначаетъ ихъ по примѣру Бертольда Дельбрюка (род. 1842 г.) словами: „болѣзнь, изувѣченіе, упадокъ“. Что касается законовъ языка, то Боппъ понимаетъ ихъ въ духѣ естествоиспытателей.

Рядомъ съ сравнительнымъ языкознаніемъ Боппа и Гримма удержалась или же возникла вновь другая, преимущественно „философская“ наука о языкѣ. На философіи языка уже перепробовали свои силы многіе выдающіеся умы XVIII вѣка: Гердеръ, затѣмъ французы Шарль де-Броссъ (1709—1777 г.) и Куръ де Гебеленъ (1725—1784 г.), англичане Джемсъ Бернеттъ Монбоддо (1714—1799 г.) и Горнъ Тукъ (1736—1812 г.), который проложилъ путь къ строго научному изученію языковъ, но остался незамѣченнымъ какъ современниками, такъ и потомствомъ. Центральнымъ пунктомъ этихъ изслѣдованій былъ вопросъ о происхожденіи языка. Богословская теорія о божественномъ происхожденіи языка имѣла еще послѣдователей и защитниковъ, но де-Броссъ и Гердеръ уже указывали, правда, съ съ оговорками на возможность естественнаго происхожденія языка. Другую проблему составляло отношеніе между языкомъ и разумомъ, грамматикой и логикой. Еще ученики Декарта выводили грамматику изъ логики, а послѣдователи Канта воскресили это направленіе около 1800 г. Подобно Готфриду Герману (срав. стр. 151) берлинскій ученый Августъ Фердинандъ Бернгарди (1769—1820 г.) принялъ за исходную точку ученіе Канта о категоріяхъ и выводилъ грамматическія формы изъ прирожденныхъ формъ мысли. Философское языкознаніе достигло своей кульминаціонной точки въ сочиненіяхъ Вильгельма фонъ-Гумбольдта (1767—1835 г.; срав. таб., прил. къ стр. 203, фиг. 4). Языкознаніе Гумбольдта составляетъ существенную часть его исторіи философіи, основанной на оригинальномъ, но все же напоминающемъ Шеллинга и Гегеля ученіи объ идеѣ. Гумбольдтъ не носился исключительно въ эфирномъ царствѣ, а снисходилъ до конкректнаго, и, напримѣръ, самыя глубокомысленныя изъ его идей были основаны на изученіи двухъ своеобразнѣйшихъ языковъ, баскскаго и яванскаго кави. Прежде всего языкъ является для него всецѣло продуктомъ человѣческаго духа, не готовымъ зданіемъ, а непрерывно возобновляющейся творческой дѣятельностью, имѣющей цѣлью приспособить членораздѣльные звуки къ выраженію человѣческихъ мыслей. Эта работа совершается въ конкретномъ многообразіи. Несмотря на единство человѣческаго рода и человѣческой природы, рядомъ съ признаками, свойственными всѣмъ языкамъ, существуетъ большое разнообразіе языковъ, обусловленное различными свойствами духа отдѣльныхъ народовъ. Каждый языкъ обладаетъ своей „внутренней формой“ и отличается особымъ типомъ и особыми законами развитія, въ зависимости отъ которыхъ выливаются внѣшнія, воспринимаемыя чувствами формы языка. Въ народахъ, языкахъ, эпохахъ воплощаются идеи всеединаго духа, въ которомъ они достигаютъ вновь своего единства.

При всемъ громадномъ личномъ обаяніи Гумбольдта метафизическая часть его ученія о языкѣ не могла утвердиться надолго. Въ существенномъ языкознаніе продолжало двигаться по пути, проложенному Боппомъ и Гриммомъ. Изъ языковѣдовъ стараго поколѣнія, продолжавшихъ развивать основныя идеи Боппа, Августъ Фридрихъ Поттъ (1802—1887 г.) былъ основателемъ научной этимологіи, которая стала на твердую почву послѣ блужданія въ потемкахъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ тысячъ лѣтъ и добилась плодотворныхъ результатовъ благодаря изслѣдованію перехода и соотвѣтствія звуковъ. Теодоръ Бенфей (стр. 171) оказалъ услугу не только языкознанію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова („Словарь корней греческаго языка“, „Исторія языкознанія“), но и сравнительной исторіи литературы, которой онъ далъ индогерманскій остовъ (переводъ Панчатантры). Индогерманскій же фундаментъ далъ своей сравнительной миѳологіи Адальбертъ Кунъ (стр. 170). Въ рукахъ Макса Мюллера (1823—1900 г.) она развилась въ общую, обоснованную на философіи языка науку о религіи. Своими „Лекціями по языкознанію“ и „Этюдами“ Максъ Мюллеръ познакомилъ неспеціалистовъ съ недоступной для нихъ до той поры лингвистикой. Георгъ Курціусъ (1820—1885 г.), братъ историка Эрнста Курціуса, перекинулъ мостъ между классическимъ и индогерманскимъ языковѣдѣніемъ. Его сила заключалась въ умѣломъ сопоставленіи всѣхъ добытыхъ изслѣдованіями безспорныхъ результатовъ. Августъ Шлейхеръ (1821—1868 г.), напротивъ того, совмѣщалъ въ себѣ способность къ кропотливѣйшимъ детальнымъ изслѣдованіямъ съ блестящимъ даромъ изложенія въ тонѣ, не допускающемъ возраженій. До весьма недавняго времени его „Компендіумъ сравнительной грамматики“ считался обнимающимъ все доступное изслѣдованію и стоющее вниманія въ области индогерманскаго языкознанія. Вскорѣ послѣ того, какъ теорія Дарвина открыла тріумфальное шествіе біологіи, Шлейхеръ призналъ лингвистику естественной наукой, стремящейся къ открытію законовъ, не допускающихъ исключенія. Онъ былъ также первымъ, который не только признавалъ существованіе первобытнаго индогерманскаго языка, но и пытался возстановить его слова и звуки.

Въ переходный періодъ, предшествовавшій воцаренію „Молодой школы грамматиковъ“ (т. е. до средины восьмидесятыхъ годовъ XIX столѣтія) укоренился принципъ непреложности законовъ языка. Ученые усвоили привычку сводить видимыя исключенія къ взаимному перекрестному дѣйствію различныхъ законовъ или тенденцій, при чемъ главная роль отводилась настоящей и ложной аналогіи. Въ этотъ же періодъ начала проливать нѣкоторый свѣтъ на лингвистическія явленія, физіологія языка и фонетика (срав. стр. 167). Законъ Вернера, законъ приспособляемости Людвига, „теорія волнъ“ Іоганна Шмидта (1843—1901 г.), раскрытіе живого разговорнаго, а не исключительно литературнаго языка трудами Грація діо Изайя Асколи (род. 1829 г.) увеличили число руководящихъ исходныхъ точекъ. Среди ученыхъ, которые придали индогерманскому языкознанію его новѣйшую общепринятую форму, первое мѣсто принадлежитъ Карлу Бругману (род. 1849 г.); его трудъ „Основы сравнительной грамматики индо-германскихъ языковъ“ признается „кодификаціей“ этой науки.

Такъ называемое сравнительное языкознаніе все еще ограничивается сферой индогерманскихъ языковъ, въ настоящее время даже въ большей степени, чѣмъ прежде. Для разработки общаго сравнительнаго языкознанія сдѣлано слишкомъ мало въ нашъ вѣкъ рѣзко ограниченныхъ научныхъ спеціальностей и монографій, посвященныхъ отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ. Самый замѣчательный опытъ, такъ сказать, экуменической лингвистики принадлежитъ Фридриху Мюллеру (1834—1898 г.), автору „Общей этнографіи“ и „Основъ науки о языкѣ“ (1876—1888 г.). Но Мюллеръ остался полководцемъ безъ арміи, какъ и Гансъ Кононъ фонъ деръ Га-

беленцъ (1807—1874 г.), тоже изучавшій и излагавшій языкознаніе съ самой широкой точки зрѣнія.

Первая попытка подойти къ языкознанію со стороны психологіи, сдѣланная основателями „народной психологіи“ Морицомъ Лацарусомъ (1824—1903 г.) и въ особенности Гейманомъ Штейнталемъ (1823—1899 г.), въ теченіе долгаго времени не была оцѣнена по достоинству лингвистами. Больше вниманія встрѣтила со стороны представителей этой науки та часть теорія Штейнталя, которая была свободна отъ метафизики, напр., его распредѣленіе языковъ на шесть этническихъ типовъ (китайскій, индо-китайскій, полинезійскій, алтайскій, американскій и кавказскій).

Философія или психологія языка была выведена изъ застоя капитальнымъ трудомъ германиста Германа Пауля „Основы исторіи языка“ (ср. стр. 168) и американскимъ лингвистомъ Уильямомъ Дуайтомъ Уитнеемъ (1827—1894 г.). Пауль считаетъ необходимымъ дополненіемъ къ исторіи языка науку о законахъ, согласно которымъ совершаются, удерживаются или появляются вновь измѣненія внутри языковъ (переходъ звуковъ, формъ, значеній). Ему, дѣйствительно, удалось выдѣлить группы связныхъ процессовъ, описать ихъ, обозначить подходящими терминами и выяснить степень ихъ распространенія. Уитней тоже вѣрилъ въ однообразное развитіе языковъ по общимъ для всѣхъ ихъ законамъ. Онъ считаетъ языкъ не природнымъ и не искусственнымъ продуктомъ, а общественнымъ учрежденіемъ, вытекающимъ изъ душевныхъ потребностей человѣка. Поэтому онъ причисляетъ языкознаніе къ историческимъ или моральнымъ наукамъ. Въ послѣднее время сильно оживила интересъ къ вопросамъ философіи языка „Народная психологія“ Вильгельма Вундта (род. 1832 г.). Полемика по поводу его теоріи закончится еще не скоро.

Ни одна отрасль индогерманскаго языкознанія и индогерманской археологіи не осталась свободной отъ вліянія сравнительной лингвистики. Особенно крѣпко срослась съ нею санскритологія. Со временъ Боппа представителями сравнительнаго языкознанія и санскритологіи являются одни и тѣ же ученые, занимающіе одновременно обѣ эти каѳедры при университетахъ. Такъ, напр., почти всѣ вышеназванные изслѣдователи въ области языкознанія трудились надъ разработкой грамматики, метрики, словаря и литературы санскрита (Пракритъ и Пали). Кромѣ нихъ слѣдуетъ еще назвать Христіана Лассена (1800—1876 г.), „Индійскія древности“, Альберта Гефера (1812—1883 г.), Отто Бетлингка (1815—1904 г.), Рудольфа Рота (1821—1895 г.) и др. Къ живымъ языкамъ и нарѣчіямъ Индіи лингвисты относятся съ замѣтнымъ пренебреженіемъ.

Подобно индологіи иранологія (иранская филологія и археологія) охотнѣе всего занимается сѣдой стариной, періодомъ зендскаго языка. Языкъ персидскихъ клинообразныхъ надписей и пехлеви (языкъ царства Арзакидовъ и Сассанидовъ) тоже имѣютъ много привлекательнаго для сердца археолога въ виду своей древности. Настоящимъ основателемъ научнаго изученія зендскаго языка былъ Эженъ Бюрнуфъ (1801—1852 г.). Расшифровка клинообразныхъ письменъ Георгомъ Фридрихомъ Гротефендомъ (1775—1853 г.) сдѣлала возможнымъ изслѣдованіе древне-персидскаго языка временъ династіи Ахеменидовъ отъ VI до IV столѣтія до Р. Хр., въ которомъ стяжали лавры Генри Роулинсонъ (1810—1895 г.) и Юліусъ Оппертъ (1825—1905 г.), Бенфей и въ особенности Фридрихъ Шпигель (1820—1905 г.). Изученіе новоперсидскаго языка, начиная съ VIII столѣтія, составляетъ особую спеціальность въ виду его литературы (Фирдуси, Саади, Гафисъ) и практическаго значенія. Новоперсидскій, арабскій и турецкій языки, принадлежащіе къ тремъ различнымъ семействамъ, составляютъ троицу новыхъ восточныхъ языковъ par excellence. Цѣлая армія филологовъ, преподавателей языковъ, переводчиковъ и историковъ литературы

набросилась на изученіе новоперсидскаго языка, начиная со времени Гаммеръ-Пургшталля (1774—1856 г.).

Сравнительно молодая кельтологія занимается изученіемъ европейской древности. Тутъ древнія времена даютъ весьма жалкую историко-литературную поживу; гораздо болѣе плодотворными оказались лингвистическія и въ еще большей степени историческія и археологическія изслѣдованія. Къ тому же на Британскихъ островахъ и въ сѣверо-западной Франціи сохранились и понынѣ живые остатки языковъ, стоящихъ въ близкомъ родствѣ съ кельтскимъ и ведущихъ въ настоящее время героическую борьбу за свое существованіе съ удушающими ихъ міровыми языками, англійскимъ и французскимъ. Зародилось „панкельтское" движеніе, стремящееся къ созданію одного общаго кельтскаго языка. Родоначальникомъ научной кельтологіи долженъ быть признанъ Іоганнъ Каспаръ Цейсъ (срав. стр. 170).

Благодаря сравнительному языкознанію, славянская и балтійская (летто-славянская) филологія впервые вступили въ плодотворную связь съ изученіемъ другихъ группъ языковъ, родственныхъ по происхожденію съ славянской и литовской. Основателемъ славистики считается чехъ Іосифъ Добровскій (1753—1829 г.). Къ нему примкнули вскорѣ его соотечественникъ Павелъ Іосифъ Шафарикъ (1795—1861 г.), словенецъ Варѳоломей Копитаръ (1780—1844 г.) и сербъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ (1787—1864 г.), преобразователь сербскаго литературнаго языка. Между тѣмъ сравнительное языкознаніе (Боппъ, Поттъ, Шлейхеръ) уже захватило славянскіе языки въ свою сферу. Такимъ образомъ настала пора подвергнуть, слѣдуя примѣру Іакова Гримма и Фридриха Дитца, сравнительной исторической обработкѣ громадный матеріалъ всѣхъ славянскихъ языковъ и нарѣчій на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія; „Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ" Франца Миклошича, (1813—1891 г.), не уступающая своимъ нѣмецкимъ прообразамъ, достаточнымъ образомъ разрѣшила эту задачу.

Изъ неиндогерманскихъ языковъ больше всего труда было посвящено семитическимъ языкамъ (этотъ терминъ принадлежитъ Іоганну Готфриду Эйхгорну [1752—1827 г.]), урало-алтайскимъ и моносиллабическимъ (односложнымъ) языкамъ. Со времени реформаціи древне-еврейскій языкъ преподавался въ протестантскихъ школахъ наравнѣ съ греческимъ и латинскимъ, но съ преобладающей богословской тенденціей. Въ концѣ XVIII столѣтія пробудился также научный интересъ къ арабскому языку, именно во Франціи, и французскій ученый баронъ Антуанъ Сильвестръ де-Саси (1758—1838 г.) прославился по всей Европѣ, какъ наилучшій знатокъ восточныхъ языковъ. Болѣе обширнымъ кругомъ семитическихъ языковъ занимался превосходный библейскій филологъ Вильгельмъ Гезеніусъ (1786—1842 г.), который заслужилъ отъ Бенфея эпитетъ перваго основателя самостоятельной семитологіи. Несмотря на то, что семитологія усвоила весьма рано сравнительный методъ изслѣдованія, она не обладаетъ еще и понынѣ капитальнымъ общимъ трудомъ по грамматикѣ. Путь отъ частностей къ общему, повидимому, необычайно тернистъ въ этой наукѣ. Похвальнымъ исключеніемъ въ числѣ семитологовъ является Эрнестъ Ренанъ (1823—1892 г.), авторъ общей исторіи и сравнительной системы семитическихъ языковъ („Histoire générale et système comparé des langues sémitiques", 1855), послужившей прочной основой извѣстныхъ трудовъ того же автора по исторіи христіанства и израильскаго народа.

Мы вышли бы за предѣлы краткаго очерка исторіи всѣхъ наукъ, если бы захотѣли коснуться, хотя бы самымъ бѣглымъ образомъ, такихъ отпрысковъ семитологіи, какъ, напримѣръ, ассиріологія, библейская критика, еврейская, арабская и т. д. филологіи и исторіи литературъ. Мы не можемъ также останавливаться ни на урало-алтайской, ни на ки-

тайской и японской лингвистикѣ. Главными центрами изученія многочисленныхъ языковъ является Pontificium collegium urbanum de propaganda fide (папская коллегія для распространенія вѣры) въ Римѣ, основанная въ 1627 г., парижская спеціальная школа для изученія „живыхъ восточныхъ языковъ", основанная въ 1795 г., восточное отдѣленіе Оксфордскаго философскаго факультета, Берлинская семинарія восточныхъ языковъ, восточный факультетъ петербургскаго университета и лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ въ Москвѣ, основанный въ 1815 г.

B. **Юридическія, политическія и соціальныя науки.**

а) Юридическія науки.

Исторія правовѣдѣнія въ XIX вѣкѣ еще не написана; не существуетъ даже исторіи германской науки права за этотъ періодъ, такъ какъ книга Эрнста Ландсберга (род. въ 1860 г.) пока доведена только до 1800 г. Это обстоятельство тѣмъ болѣе удивительно, что исторія науки права отнюдь не является исключительно исторіей ученыхъ и книгъ, а сплетается самымъ тѣснымъ образомъ съ расцвѣтомъ и отживаніемъ права, съ живой политикой и великимъ самопроизвольнымъ развитіемъ общихъ идей и культурныхъ стремленій. Кто признаетъ, что наука права всегда оказывала болѣе или менѣе сильное вліяніе на законодательство, администрацію и отправленіе правосудія, тотъ долженъ считать исторію этой науки задачей, достойной наилучшихъ ея представителей.

Историческая школа права и римское право. Какъ разъ въ то время, когда величайшій законодательный памятникъ всѣхъ вѣковъ, наполеоновскій кодексъ французскаго права, сталъ оказывать мощное вліяніе на весь міръ, въ Германіи проснулось національное чувство, которое разгорѣлось въ ожесточенную вражду ко всему французскому. Введеніе иноземнаго французскаго права въ государствахъ Рейнскаго Союза пріостановилось или же было отмѣнено. Всѣ нѣмецкія сердца обуяло съ новой силой стремленіе къ одному національному германскому праву или, вѣрнѣе сказать, къ одному общему германскому кодексу; это стремленіе не умирало, пока жила надежда на возрожденіе объединенной Германіи изъ развалинъ прошлаго. Отъ осуществившагося въ дѣйствительности Германскаго союза народъ не ожидалъ исполненія своего желанія. „Историческая школа права", не признававшая за тогдашней эпохой способности къ законодательству, обнаруживала вѣрное пониманіе дѣйствительнаго положенія вещей. Но ей не слѣдовало принципіально отказывать также и будущимъ эпохамъ въ способности къ планомѣрному законодательству и кодификаціи. Тѣмъ не менѣе историческая школа права совершила эту ошибку, когда профессоръ римскаго права Антонъ Юстусъ Тибо (1772—1840 г.) выразилъ національное стремленіе къ объединенію пестраго и разнообразнаго по отдѣльнымъ мѣстностямъ германскаго права въ своей вышедшей въ 1814 г. брошюрѣ „О необходимости общаго для всей Германіи гражданскаго права". Въ качествѣ главы исторической школы берлинскій профессоръ римскаго права Фридрихъ Карлъ фонъ-Савиньи (1779—1861 г.) ополчился противъ своего гейдельбергскаго коллеги въ своей статьѣ „О призваніи нашего времени къ законодательству и наукѣ права" (1814 г.).

Выступленіе Савиньи считается началомъ новой эры въ исторіи науки права, но не потому, что онъ доказалъ неспособность современной ему эпохи къ законодательству. Честь основанія исторической школы принадлежитъ также не одному ему: онъ раздѣляетъ ее съ Густавомъ Гуго (1764—1844 г.) и Карломъ Фридрихомъ Эйхгорномъ (1781—1854 г.). Научнаи слава Савиньи основывается на двухъ его капитальныхъ трудахъ,

одинъ изъ которыхъ трактуетъ „Объ исторіи римскаго права въ теченіе среднихъ вѣковъ“, а другой изглагаетъ „Систему современнаго римскаго права“. Савиньи не ограничивался, какъ пандектисты предшествовавшихъ столѣтій „обычнымъ правомъ“, т. е. системой итальянскихъ постглоссаторовъ Бартолуса и Балдуса, дополненной и исправленной при посредствѣ германскаго имперскаго и партикулярнаго права; также не прикладывалъ онъ, какъ сторонники естественной школы права, философскаго идеальнаго масштаба къ римскому или современному праву для опредѣленія его погрѣшностей и исправленія ихъ. Онъ освободилъ римское право отъ окутывавшей его пелены и возстановилъ изъ раздробленныхъ остатковъ, сохраненныхъ преданіемъ, великое историческое цѣлое, поражающее логикой своего построенія. Такимъ образомъ возникла новая теорія пандектовъ, игравшая руководящую роль на юридическихъ факультетахъ, пока не осуществилась, наконецъ, такъ долго откладывавшаяся кодификація общегерманскаго гражданскаго права, и это послѣднее не заняло центральнаго положенія въ преподаваніи права. Сами преподаватели права тоже не чувствовали себя счастливыми въ своемъ эѳирномъ царствѣ и рвались къ жизни, къ ея потребностямъ и задачамъ, какъ свидѣтельствуютъ въ особенности сочиненія Рудольфа Іеринга (1818—1892 г.; „Духъ римскаго права“, 1852—1865 г.).

Германское частное право и германская исторія права. Даже въ тѣ времена, когда римское право, повидимому, пользовалось исключительнымъ господствомъ (отъ XVI по XVIII столѣтіе), германское право тоже не было выброшено за бортъ. Оно продолжало жить во мнѣніяхъ и рѣшеніяхъ практическихъ юристовъ, а также въ теоріи „обычнаго права“, въ особенности въ сочиненіяхъ о современномъ примѣненіи пандектовъ (Usus modernus pandectarum). Проснулась особаго рода національная непріязнь къ римскому праву, побуждавшая стремиться къ освобожденію національнаго частнаго права отъ чужестранныхъ примѣсей и къ выдѣленію его, такъ сказать, въ химически чистомъ видѣ. Починъ этому выдѣленію германскихъ элементовъ изъ „обычнаго права“ положилъ извѣстный также въ качествѣ издателя древнихъ текстовъ и филолога Іоаннъ Шильтеръ (1632—1705 г.). Въ началѣ XVIII столѣтія Галле сталъ средоточіемъ изученія германскаго частнаго и государственнаго права. Здѣсь работалъ въ духѣ Usus modernus pandectarum великій романистъ Самуилъ Стрикъ (1640—1710 г.); здѣсь же разносторонній Христіанъ Томазій (срав. т. VIII, стр. 485) увлекалъ своихъ слушателей всеобщей исторіей права, частнымъ, государственнымъ и естественнымъ правомъ. Онъ былъ первымъ профессоромъ германскаго права. Изъ послѣдующихъ преподавателей германскаго права въ XVIII столѣтіи на первомъ планѣ надо поставить Іоанна Готлиба Гейнекціуса (1681—1741 г.), самаго вліятельнаго изъ юристовъ этого вѣка, творца германской археологіи и автора „Элементовъ германскаго права“ (Elementa juris germanici), сочиненія, которое Ландсбергъ называетъ „первымъ законченнымъ изложеніемъ германскаго частнаго права въ его постепенномъ развитіи, легшимъ въ основу всѣхъ послѣдующихъ трудовъ“.

Исторія германскаго права и германской имперіи періода, предшествовавшаго Эйхгорну, связана весьма слабо съ германскимъ частнымъ правомъ. Тѣмъ тѣснѣе была ихъ связь съ запутаннымъ германскимъ государственнымъ правомъ. Германъ Конрингъ (срав. т. VIII, стр. 535) не былъ ни первымъ, ни единственнымъ изслѣдователемъ хода развитія права въ Германіи. Надъ тѣмъ же трудились Лейбницъ, Пуффендорфъ, Томазіусъ. Рядомъ съ, основанной Конрингомъ, гельмштедтской школой выросли страссбургская и галльская школы. Послѣ того, какъ Петръ Людевигъ (1668—1743 г.) отдѣлилъ исторію имперіи отъ догматическаго государственнаго права, дѣло зашло такъ далеко, что Бюнау и Масковъ (срав.

т. VIII, стр. 535) совершенно отбросили юридическій элементъ и выдѣляли въ своемъ изложеніи только историческій. Другіе, какъ напр., Іоаннъ Яковъ Мозеръ (срав. т. VIII, стр. 573), пожертвовали окончательно исторіей ради государственнаго права. Геттингенская школа, съ Іоганномъ Стефаномъ Пюттерсомъ (1725—1807 г.) во главѣ, соединила снова изложеніе историческаго развитія съ систематической конструкціей; изъ этой школы вышли такіе первоклассные ученые, какъ Гуго, Георгъ Фридрихъ Мартенсъ (1756—1821 г.) и Эйхгорнъ. Непосредственными предшественниками германистическаго отдѣла исторической школы права можно считать Юстуса Мозера (срав. т. VIII, стр. 574) и Христіана Готтлоба Бинера (1784—1828 г.).

Какая тѣсная дружба существовала въ началѣ возникновенія исторической школы права между романистами и германистами, впослѣдствіи не разъ враждовавшими между собою, о томъ свидѣтельствуетъ „Журналъ исторической науки права" (1815—1850 г.), издававшійся сообща главами обѣихъ этихъ секцій исторической школы, Савиньи и Эйхгорномъ. Сочиненія Карла Фридриха Эйхгорна, этого Савиньи германскаго права, „Исторія германскаго государства и германскаго права" (1808—1823 г.) и „Введеніе въ германское право", составляютъ хотя и устарѣвшіе въ деталяхъ, но въ цѣломъ несравненные по своему достоинству фундаментальные труды. Съ выходомъ ихъ въ свѣтъ были преданы забвенію всѣ заключенія гельмштедской, галльской и геттингенской школъ. Наука германскаго права извлекла пользу изъ совпавшаго съ началомъ ея развитія расцвѣта германской филогогіи, такъ какъ послѣдняя снабжала юристовъ такими пособіями, какъ грамматики, словари и руководства къ изученію германскихъ древностей, а частью также изданіями древнихъ юридическихъ текстовъ. Совершенно неосновательны были позднѣйшія жалобы на то, что юристы слишкомъ слабы въ филологіи, а филологи въ правовѣдѣніи, что первые ничего не смыслятъ въ грамматикѣ, а вторые — въ систематикѣ (конструкціи).

Общегерманское гражданское уложеніе. До того времени, когда германская имперія, уже сплотившаяся въ единый государственный организмъ, объединилась также и въ своемъ гражданскомъ правѣ благодаря общегерманскому гражданскому уложенію, т. е. до 1 января 1900 г., германское гражданское право распадалось на три, а если считать Австрію и Данію, то на шесть обособленныхъ другъ отъ друга въ отношеніи гражданскаго права областей съ дальнѣйшими подраздѣленіями въ каждой изъ нихъ, въ которыхъ господствовало свое особое „партикулярное" право. Это разнообразіе было пережиткомъ еще гораздо болѣе сильной раздробленности, господствовавшей въ старой Римско-Германской имперіи, окончившей свое существованіе въ 1806 г. Болѣе значительныя изъ этихъ областей обладали своей особой юридической литературой.

Стремленіе къ объединенію и кодификаціи германскаго гражданскаго права, противъ котораго боролась историческая школа права періода реставраціи, въ концѣ концовъ проложило себѣ путь, такъ какъ оно поддерживалось требованіями практической жизни. Послѣ того, какъ въ имперскую конституцію 1873 г. вошелъ параграфъ, въ силу котораго компетенція имперскихъ законодательныхъ учрежденій распространяется на всю область гражданскаго права, начались усиленныя подготовительныя работы къ кодификаціи гражданскаго права. Но какъ велико было разочарованіе, когда назначенная для этой цѣли комиссія обнародовала въ 1888 г. свой объемистый проектъ! Недостатки проекта приписывались чрезмѣрному вліянію юристовъ-романистовъ, въ особенности входившаго въ составъ комиссіи лейпцигскаго пандектиста Бернгарда Виндшейда (1817—1892 г.). Во главѣ этого хора порицателей стояли германисты и соціалъ-политики. Выработанный комиссіей второй проектъ сталъ закономъ въ 1896 г. и

вступилъ въ силу 1 января 1900 г. Гражданское уложеніе германской имперіи покоится въ силу исторической необходимости на римскихъ и римско-германскихъ правовыхъ основахъ. „Основанія, заимствованныя изъ римскаго права, преобладаютъ въ обязательственномъ и наслѣдственномъ правѣ, а германскія основанія въ вещномъ и семейномъ правѣ“ (Генрихъ Бруннеръ). Спеціалисты, напр., Рудольфъ Зомъ, не оспариваютъ, что право германскаго гражданскаго уложенія есть буржуазное право, т. е. соотвѣтствующее господству третьяго сословія, свободно-капиталистическое, а ничуть не соціалъ-демократическое или пролетарское право. Однако новая кодификація не обнимаетъ всего гражданскаго права, предоставляетъ многое мѣстному законодательству отдѣльныхъ государствъ Германіи какъ дѣйствующему, такъ и будущему. „Такимъ образомъ“, говоритъ И. Штранцъ, „въ настоящее время существуетъ и еще долго будутъ существовать въ германскомъ гражданскомъ правѣ два міра: міръ имперскаго и міръ областного гражданскаго права“.

Какъ раньше въ германскомъ, такъ и понынѣ еще въ швейцарскомъ гражданскомъ правѣ господствуетъ пестрота, соотвѣтствующая партикуляристическимъ тенденціямъ отдѣльныхъ кантоновъ. Послѣ того, какъ цюрихскій кантонъ получилъ въ 1856 г. гражданское уложеніе, которое было въ существенныхъ своихъ частяхъ дѣломъ рукъ Іоганна Каспара Блюнчли (1801—1881 г.), его примѣру послѣдовали многіе другіе кантоны. Вскорѣ послѣ этого стремленіемъ къ кодификаціи увлеклось также и федеральное швейцарское правительство, и въ 1881 г. Швейцарія обогатилась общимъ для всей республики обязательственнымъ правомъ. Уложеніе, обнимающее все гражданское право, существуетъ пока только въ проектѣ, составленномъ бернскимъ профессоромъ Евгеніемъ Губеромъ.

Хотя съ 1848 г. въ Австріи вступило въ силу много новыхъ или заново переработанныхъ кодификацій, въ ней все еще дѣйствуетъ сильно устарѣвшее гражданское уложеніе 1811 г. Въ теченіе долгаго времени австрійское гражданское право подвергалось только казуистической и законотолковательной обработкѣ; но въ лицѣ Іосифа Унгера (род. въ 1828 г.) оно пріобрѣло систематика, прошедшаго историческую, романистическую и философскую (гегельянскую) школу.

Область распространенія французскаго гражданскаго права. Въ то время, какъ германское гражданское право не оказало никакого вліянія на страны, говорящія на германскихъ языкахъ, французскому гражданскому праву было суждено занять господствующее положеніе въ странахъ, говорящихъ на романскихъ языкахъ, и даже за ихъ предѣлами. И въ самомъ дѣлѣ, наполеоновскій гражданскій кодексъ (Code civil) былъ подготовленнымъ всѣмъ ходомъ историческаго развитія результатомъ французской централистической тенденціи, получившей начало отъ старой королевской власти, продолженной учеными юристами (Жанъ Дома 1625—1696 г., Роберъ Жозефъ Потье 1699—1772 г.), ускоренной естественнымъ правомъ и доведенной до своей крайней точки революціей, которая примѣнила кромѣ того къ національному праву кое-что изъ своихъ идеаловъ свободы. Эта цѣпь послѣдовательнаго развитія заканчивается наполеоновской кодификаціей. Наполеоновскій гражданскій кодексъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ Бельгіи, Люксембургѣ и нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи; на немъ основаны кодексы голландскій, румынскій, итальянскій (1865 г.), испанскій (1889 г.). Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ господствуетъ французское право, юридическая литература имѣетъ почти исключительно законотолковательный характеръ и опирается на судебную практику. Въ видѣ достопримѣчательности стоитъ упомянуть о 33-хъ томахъ „Principes de droit civil“ (Основы гражданскаго права) бельгійскаго юриста Франсуа Лорана (1810—1887 г.). Тонъ юридической литературѣ романскихъ странъ задаютъ французы, давшіе также превосход-

ны труды по исторіи права, въ которыхъ, правда, публичному праву отводится больше мѣста, чѣмъ частному.

Англійское міровое право. Еще большую область распространенія, чѣмъ превосходно кодифицированное французское частное право, пріобрѣло некодифицированное старо-англійское частное право, этотъ пышно растущій на современной почвѣ первобытный лѣсъ, эта смѣсь демократизма и кастоваго духа, косности и движенія, свободы и крайнихъ стѣсненій. Несмотря на всѣ свои противорѣчія, оно распространилось на востокъ и на западъ отъ Гринвичскаго меридіана, къ сѣверу и къ югу отъ экватора въ бывшихъ и теперешнихъ англійскихъ колоніяхъ, прежде всего въ Соединенныхъ Штатахъ, но приняла въ каждой отдѣльной странѣ свою особую окраску, ассимилировало нерѣдко экзотическія примѣси, напримѣръ, индостанскаго и магометанскаго права. Однако, это міровое право не дѣйствуетъ совсѣмъ въ Ирландіи, слабо примѣняется въ Шотландіи, совсѣмъ не примѣняется на островѣ Мэнѣ, на Гернсеѣ и Джерсеѣ, а также и въ колоніяхъ второго разряда, напр., на островахъ св. Маврикія, о. Тринидадѣ и въ Южной Африкѣ. Англія, какъ и Сѣверно-Американскій Союзъ, остается безъ гражданскаго уложенія, но индійскія провинціи и нѣкоторые отдѣльные Сѣверо-Американскіе Штаты имѣютъ свои кодексы. Англійское гражданское право представляетъ собою продуктъ практики, какъ и процессуальное, уголовное и государственное право Великобританіи. Оно состоитъ изъ законнаго права (Statute law), обычнаго права (Common law) и добросовѣстнаго права (Equity). Послѣднее не является безжизненнымъ уродомъ въ родѣ естественнаго права, а составляетъ плодъ судебной практики High Court of Chancery. Въ новѣйшее время англичане рѣшились отрѣзать тотъ гигантскій историческій хвостъ, который тащило за собою англійское право; особый комитетъ (Statutes Law Committee) отдѣляетъ безъ всякой сантиментальной привязанности къ старинѣ отмершія части отъ жизнеспособныхъ, и безъ того разростающихся изъ года въ годъ. Кромѣ того новѣйшее законодательство обнародовало законы, охватывающіе цѣлые отдѣлы частнаго права; такіе законы должны считаться зачатками предстоящей въ будущемъ, но пока еще не имѣющейся даже въ проектѣ кодификаціи. Новѣйшая организація высшихъ судебныхъ инстанцій тоже облегчаетъ объединеніе права. Однако и въ настоящее время англійскіе адвокаты и судьи воспитываются не въ университетахъ, а проходятъ свой стажъ въ четырехъ лондонскихъ судебныхъ корпораціяхъ, Inns. Совѣтъ этихъ корпорацій (Conncil of Law Reports) опубликовываетъ судебныя рѣшенія, имѣющія важное значеніе прецендентовъ. Ближайшая и самая важная задача великобританской юридической литературы состоитъ въ собираніи статутовъ и рѣшеній (Reports) и составленіи на основаніи ихъ справочныхъ изданій. Нужны и комментаріи, которые и до сихъ поръ все еще основываются на старинномъ сочиненіи Уильяма Блэкстона (1723—80 г.; Commentaries on the Laws of England) и, наконецъ, сочиненія по исторіи и систематикѣ права. Надъ исторіей англійскаго права трудились также и нѣмецкіе изслѣдователи, а нѣкоторые отдѣлы частнаго англійскаго права были систематически разработаны нѣмецкими учеными юристами. Если Блэкстонъ благоговѣлъ до самой своей смерти предъ всѣмъ англійскимъ, будучи незнакомъ съ иностраннымъ правомъ, то новѣйшая британская литература доказываетъ, что современные англійскіе юристы уже не принимаютъ на вѣру безъ критики все національно-англійское и относятся безъ предубѣжденій къ иностранному.

Торговое, морское и вексельное право. Важнѣйшія побочныя отрасли гражданскаго права, составляющія какъ бы пристройки къ гражданскимъ уложеніямъ, составляютъ торговое право (вмѣстѣ съ морскимъ и правомъ внутреннихъ водъ) и вексельное право (со включеніемъ конкурснаго права). Со времени изданія торговаго ордонанса 1673 г.

и морского ордонанса 1671 г. (Ordonnance de Commerce, Ordonnance de la Marine), торговое и вексельное право подпали подъ французское вліяніе, которое еще усилилось благодаря наполеоновскому торговому кодексу (Code de Commerce). Рядомъ съ государствами, торговое и вексельное право которыхъ основываются въ существенныхъ частяхъ на кодексѣ 1808 г., существуютъ и такія государства, которыя положили въ основу своего собственнаго спеціальнаго законодательства главнымъ образомъ германское торговое и вексельное права. Изъ всѣхъ общегерманскихъ уложеній самымъ старымъ оказывается германскій вексельный уставъ. Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ германскому таможенному союзу. Проектъ 1847 г. былъ принятъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ всѣми германскими государствами. То же было и съ германскимъ торговымъ уставомъ 1861 г., составленнымъ комиссіей франкфуртскаго союзнаго сейма, труды которой захватываютъ также и морское право, но не касаются вексельнаго и конкурснаго правъ. Принятый также и германской имперіей торговый уставъ былъ подвергнутъ вновь переработкѣ въ 1895—1897 гг. для согласованія его съ гражданскимъ уложеніемъ.

Въ то время какъ иностранная литература торговаго, морского и вексельнаго права отличается по большей части разъяснительнымъ и строго положительнымъ характеромъ, германская отражаетъ въ себѣ фазы и направленія общей разработки права. Іоганнъ Георгъ Бюшъ (1728—1800 г.), который первый сталъ заниматься разработкой германскаго торговаго права, держался точки зрѣнія гамбургскаго купца практика. Его ученикъ Георгъ Фридрихъ Мартенсъ (1756—1821) приложилъ къ нему, напротивъ того, масштабъ естественнаго права. Затѣмъ одинъ изъ главныхъ участниковъ кодификаціи германскаго права Генрихъ Тель (1807—1884 г.) конструировалъ торговое право въ духѣ римскаго права. На точкѣ зрѣнія исторіи права и экономическихъ отношеній стояли главнымъ образомъ Вильгельмъ Эндеманъ (1825—1899 г.) и Левинъ Гольдшмидтъ (1829—1897 г.). Въ послѣднее время оживилось стремленіе къ международному объединенію торговаго, морского и вексельнаго права, для чего уже имѣется прецедентъ въ видѣ установленнаго договорами всемірнаго фрахтоваго права.

Международное частное право. Международное частное право давно уже фигурируетъ въ международной литературѣ и практикѣ. До XIX столѣтія господствовала теорія, ведущая свое начало отъ постглоссаторовъ, согласно которой личныя права зависятъ отъ мѣстожительства, права на недвижимость — отъ ея мѣстонахожденія, приговоры за проступки постановляются по мѣсту ихъ совершенія. Только Карлъ Георгъ фонъ-Вехтеръ (1797—1880 г.) и Савиньи (срав. стр. 179) провели въ жизнь другой взглядъ: „для всякаго правового отношенія должна быть отыскана та правовая область, къ которой относится и которой подчинено это правовое отношеніе по своей природѣ“ (фонъ Баръ). Въ новѣйшее время у романскихъ народовъ принята теорія Паскаля Станислава Манчини (1817—1888 г.) и Лорана (стр. 182), согласно которой при примѣненіи международнаго частнаго права главную роль должно играть не мѣстожительство, а національность или, собственно говоря, подданство. Стремленіе къ объединенію этой отрасли права составляетъ часть задачъ существующаго съ 1873 г. Institut de droit international. Благодаря гаагскимъ конференціямъ (1893—1896 г.) было достигнуто нѣкоторое соглашеніе по менѣе труднымъ отдѣламъ международнаго частнаго права и подобнымъ же вопросамъ международнаго уголовнаго права.

Уголовное право и уголовноправовыя теоріи. Та часть публичнаго права, которая называется уголовнымъ правомъ, была подвергнута новой кодификаціи согласно съ современными идеями, можно сказать, во всѣхъ культурныхъ странахъ за исключеніемъ неподатливой Англіи. Громадная область примѣненія французскаго уголовнаго кодекса

1810 г. сузилась благодаря позднѣйшимъ законодательнымъ актамъ (напр., въ Бельгіи и Голландіи). Партикулярные уголовные законы отдѣльныхъ германскихъ государствъ были оттѣснены на задній планъ общеимперскимъ уголовнымъ уложеніемъ, вошедшимъ въ силу 1 января 1872 г. Между тѣмъ, какъ даже отсталая Россія выработала новое уголовное уложеніе, въ Австріи теоретики и практики вынуждены довольствоваться уложеніемъ 1852 г., составляющимъ весьма консервативную переработку законовъ 1803 г., въ свою очередь основывающихся на іосифовскомъ уголовномъ кодексѣ 1787 г.

Во всѣхъ странахъ ученые юристы трудились надъ улучшеніемъ уголовныхъ уложеній, не выходя, однако, изъ предѣловъ французскаго уголовнаго кодекса. Въ настоящее время (1907 г.) въ Германской имперіи тоже подготовляется новая кодификація уголовнаго права. Изданный Международнымъ Союзомъ Криминалистовъ, подъ редакціей Франца Листа (род. 1851 г.), трудъ: „Современное уголовное законодательство въ сравнительно правовомъ изложеніи“ даетъ небывало богатый матеріалъ для этой цѣли.

Изложеніе дѣйствующаго уголовнаго права сопровождается по большей части теоретическими разъясненіями, такъ называемыми уголовно-правовыми теоріями. Эти теоріи подраздѣляются, обыкновенно, на абсолютныя, относительныя и смѣшанныя. „Абсолютныя“ теоріи вышли изъ философскихъ ученій о правѣ и справедливости, онѣ отвергаютъ съ традиціонной безусловностью всѣ стороннія соображенія. Изъ понятія о справедливости Кантъ выводитъ принципъ возмездія (jus talionis) и выступаетъ ярымъ защитникомъ смертной казни противъ зараженныхъ сантиментализмомъ противниковъ ея (Чезаре Беккарія, 1735—1794 г.): онъ отвергаетъ даже право помилованія. Гербартъ и его школа тоже исходятъ изъ этической идеи о возмездіи, правда, не отличающейся такой неумолимостью, какъ у Канта. У Гегеля наказаніе составляетъ діалектически необходимое отрицаніе нарушенія права, какъ отрицанія права. Принятая многими преподавателями права гегелевская уголовная теорія (Христіанъ Рейнгольдъ Кестли, 1813—1856; Генрихъ Абеггъ, 1796—1868; Гуго Гельшнеръ, 1817—1889 г.), тоже вынуждена была вступить впослѣдствіи въ компромиссъ съ утилитарными теоріями. (Альбертъ Фридрихъ Бернеръ, 1818—1907 г.). „Относительныя“ теоріи сводятся къ тремъ типамъ: теоріи устрашенія, огражденія или необходимой защиты и исправленія. Все это превентивныя теоріи, такъ какъ они ставятъ цѣлью наказанія предотвращеніе преступленій. Вообще различныя уголовно-правовыя теоріи не исключаютъ другъ друга. „Разъ наказаніе заслужено“, говоритъ Лотце, „то ему можетъ быть приданъ такой характеръ, чтобы оно содѣйствовало огражденію общества на будущее время, исправленію преступника и устрашенію другихъ“. Предупредительныя цѣли преслѣдуются и криминалистами — антропологами, которые требуютъ по примѣру Чезаре Ломброзо (род. 1835 г.), чтобы преступникъ былъ обезвреженъ, какъ человѣкъ, обремененный патологическими дефектами, а общество было ограждено отъ возможныхъ новыхъ взрывовъ его болѣзненныхъ наклонностей. На самой гуманной точкѣ зрѣнія стоятъ теоретики, считающіе юридическимъ основаніемъ и цѣлью наказанія умственное и нравственное воспитаніе или исправленіе виновнаго (Карлъ Фридрихъ Краузе, 1781—1832 г.; Генрихъ Аренсъ, 1808—1874 г.; Карлъ Давидъ Редеръ, 1806—1879 г.). По мнѣнію Листа, наказаніе должно устрашать случайнаго преступника, исправлять исправимаго привычнаго преступника и обезвреживать неисправимаго. Листъ является главой соціологической школы криминалистовъ, раскрывающей общественныя причины преступности. Изученіе причинъ преступленій (криминальная этіологія) составляетъ основу разумной криминальной политики, которая борется съ основными причинами, вызывающими преступленіе, и дѣй-

ствуетъ такимъ образомъ предохранительно, исполняя роль подобную той, какую преслѣдуетъ гигіена въ области охраненія народнаго здравія.

Процессуальное право. Подобно гражданскому и уголовному праву гражданскій и уголовный процессъ тоже носитъ на себѣ ясные слѣды политической и соціальной исторіи XIX столѣтія въ странахъ, входящихъ въ сферу европейской культуры. Какъ въ бурные, такъ и въ спокойные періоды стремящееся къ господству третье сословіе принимало все новыя предохранительныя мѣры противъ канцелярской юстиціи, бюрократическаго произвола, ученой односторонности и пристрастія въ отправленіи правосудія. Всего лучше соотвѣтствуетъ его идеаламъ, проникнутый исконными германскими правовыми идеями французскій уголовно-процессуальный и уголовно-слѣдственный уставъ (Code de procedure civile 1806 г., и Code d'instruction criminelle 1808 г.). Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ либеральные классы не только стремились къ господству, но и добились его, какъ, напримѣръ, въ германскихъ государствахъ и въ Австріи, общіе лозунги, какъ, гласность и устность производства, суды шеффеновъ и присяжныхъ, несмѣняемость судей, безплатное отправленіе правосудія, уже воплощены въ жизни. Въ Германіи еще раньше 1870 г. вошли въ дѣйствіе новыя правила гражданскаго судопроизводства, благодаря которымъ гнилая „обычная процедура“ была замѣнена фрацузской системой. Въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ тоже были обнародованы уже вскорѣ послѣ 1848 г. „реформированные“ уставы уголовнаго судопроизводства. Вступившими въ силу 1 января 1879 г., имперскими законами (судебный уставъ, уставъ гражданскаго судопроизводства, уставъ уголовнаго судопроизводства и правила конкурснаго судопроизводства) были отмѣнены соотвѣтствующіе партикулярные уставы отдѣльныхъ германскихъ государствъ. Гражданское уложеніе 1896 г. вызвало необходимость въ переработкѣ устава гражданскаго и конкурснаго судопроизводства. Несмотря на свои отсталые кодексы, Австрія тоже обзавелась модернизированными уставами уголовнаго и гражданскаго судопроизводства, первый изъ которыхъ былъ составленъ Іозуа Глазеромъ (1831—1885 г.), а второй — главнымъ образомъ Францомъ Клейномъ (род. 1854 г.).

Церковное право. Кромѣ римскаго и германскаго права на эволюцію права въ Европѣ оказало также вліяніе и каноническое право. Являясь по своей идеѣ сверхнаціональнымъ всемірнымъ правомъ, и оно тоже оставило неизгладимый отпечатокъ на частномъ, уголовномъ, гражданскомъ и государственномъ правѣ. Съ современной точки зрѣнія каноническое право есть такая же историческая дисциплина, какъ римское право. Непосредственно практическое значеніе имѣетъ не вполнѣ совпадающее съ каноническимъ церковное право, обнимающее тѣ нормы, которыми регулируется жизнь называющихся церквами вѣроисповѣдныхъ обществъ внутри гражданскихъ и государственныхъ союзовъ. Поэтому существуетъ особое католическое, евангелическое, православное, армянское и т. д. церковное право, имѣщее свои особенности въ отдѣльныхъ государствахъ и областяхъ (jus ecclesiasticum commune и particulare). Кромѣ литературы по исторіи церкви и догматической литературы церковнаго права безпредѣльнымъ потокомъ льются церковно-политическія полемическія сочиненія, не оставляющія желать ничего лучшаго по части эрудиціи и партійнаго ожесточенія.

Международное право. Подобно римскому и каноническому праву международное тоже есть всемірное право, но не мертвое, а непрерывно растущее. Оно обнимаетъ „правовыя нормы, регулирующія отношенія между собою государствъ, какъ таковыхъ“. Оно еще не кодифицировано, по крайней мѣрѣ, во всей своей совокупности. Однако оно основывается не на обычномъ правѣ (т. е. не на прецедентахъ), а на писанномъ правѣ и въ настоящее время считается дѣйствительнымъ во всѣхъ

европейскихъ и американскихъ государствахъ со включеніемъ ихъ колоній, а также въ Японіи и Либеріи. Международное право въ объективномъ смыслѣ существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ государство; поэтому оно имѣетъ длинную исторію, изложенную Генри Уэтономъ (1785—1848 г.), Лораномъ („Études sur l'histoire de l'humanité“, 18 томовъ), а въ краткомъ видѣ также Георгомъ Еллинекомъ въ его „Общемъ ученіи о государствѣ“. Наукѣ или научной литературѣ о международномъ правѣ было положено начало Гуго Гроціемъ (срав. т. VIII, стр. 536; „De jure belli ac pacis libri tres“, 1625 г.), Пуффердорфомъ, Христіаномъ Вольфомъ, Іоганномъ Мозеромъ (1701—1785 г.) и Іоганномъ Стефаномъ Пюттеромъ (1725—1807 г.). Изданію источниковъ по международному праву, продолжающемуся и понынѣ, было положено начало Георгомъ Фридрихомъ фонъ Мартенсомъ (ср. стр. 181), трудъ котораго: „Очеркъ современнаго европейскаго международнаго права“ (Précis du droit des gens moderne de l'Europe) былъ первымъ руководствомъ по международному праву, написаннымъ въ свѣтскомъ духѣ.

Государственное право и теоріи права. Связующимъ звеномъ между юридическими и политическими науками служитъ государственное право съ его двумя главными отдѣлами, конституціоннымъ и полицейскимъ правомъ Имѣется множество сочиненій, посвященныхъ этой отрасли науки о правѣ, и способныхъ удовлетворить широкому интересу къ политикѣ; тѣмъ не менѣе чуть ли не 100% всѣхъ гражданъ предпочитаютъ судить да рядить объ общественныхъ дѣлахъ безъ всякой подготовки, руководясь мнѣніями партійныхъ газетъ. Со времени возрожденія Германской имперіи значительно увеличилось число сочиненій, посвященныхъ германскому государственному праву. Еще въ эпоху Германскаго союза возникла громадная литература по этой отрасли права, но между настоящимъ временемъ и той эпохой существуетъ то различіе, что возросло процентное отношеніе сочиненій по позитивному, дѣйствующему праву по сравненію съ тѣми, которыя трактуютъ объ общемъ или философскомъ государственномъ правѣ.

Съ начала XIX столѣтія повсюду, и въ частности въ Германіи, сталъ проявляться интересъ къ общественному праву Великобританіи, какъ образцоваго парламентскаго государства, въ особенности къ конституціи этой страны, а въ болѣе тѣсныхъ кругахъ публики и къ ея административному устройству. Въ самой Великобританіи государственное право разрабатывалось по преимуществу съ точки зрѣнія исторіи права и партійной политики, но въ Германіи интересовались практическими уроками исторіи этой страны и возможностью цѣлесообразнаго насажденія тѣхъ или другихъ англійскихъ учрежденій въ собственной странѣ. По богатству своего содержанія, блестящему изложенію и вліянію на общество Рудольфъ фонъ-Гнейстъ (1816—1895 г.) оставилъ позади себя всѣхъ писателей какъ старшаго, такъ и младшаго поколѣнія, занимавшихся конституціей и административнымъ устройствомъ Великобританіи. Благодаря этому онъ пріобрѣлъ такой авторитетъ, что сыгралъ рѣшающую роль въ исторіи прусской администраціи.

Въ учебникахъ и руководствахъ по германскому государственному праву изложенію предмета всегда предпосылаются кромѣ историческаго введенія также очеркъ общаго государственнаго права, въ свою очередь составляющаго придатокъ къ общему ученію о государствѣ (политикѣ) описательно-догматическаго характера. Со времени древнегреческихъ мыслителей (софисты, Платонъ, Аристотель) существуетъ философія права и государства то въ болѣе тѣсной, то въ болѣе отдаленной связи съ нравственной религіозной философіей. Границы между всѣми этими научными отраслями такъ же растяжимы и неопредѣленны, какъ границы между религіей и обычаями, правомъ и нравственностью, государствомъ и обще-

ствомъ въ дѣйствительной жизни. Поэтому едва ли возможно дать удовлетворительную классификацію существующихъ теорій права и государства. Всего удобнѣе руководствоваться при изложеніи ихъ исторической одновременностью или послѣдовательностью теорій и внутренней связью между ними.

Въ началѣ XIX столѣтія въ сферѣ европейской культуры преобладали, какъ было уже упомянуто, идеи естественнаго или разумнаго права. По ту и по другую сторону Атлантическаго океана принципы естественнаго права кодифицировались въ качествѣ основныхъ правъ человѣка, и этотъ обычай удержался и послѣ 1848 года; отголоски его слышатся даже въ австрійскихъ основныхъ государственныхъ законахъ 1867 г. Изъ естественнаго права заимствовали свой политическій катехизисъ буржуазно-свободомыслящія (либеральныя) партіи и ихъ литературные представители; оттуда же ведетъ свое начало понятіе о конституціонномъ (правовомъ) государствѣ въ противоположность полицейскому государству. Поборниками этой либеральной теоріи, сочетавшейся съ индивидуалистической (манчестерской) политической экономіей, были во Франціи Бенжаменъ Констанъ (1767—1830 г.), а въ Германіи историкъ Карлъ фонъ-Роттекъ (1775—1840 г.) и Карлъ Теодоръ Велькеръ (1790—1869г.), издатели, выдержаннаго въ партійномъ духѣ политическаго словаря въ 15 томахъ. На государство они смотрятъ исподлобья, ограничиваютъ его функціи защитой права („службой ночного сторожа“), презираютъ административную власть и ея исполнителей, относятся съ ненавистью къ военщинѣ и духовенству, увлекаются милиціей, стоятъ за уничтоженіе дворянства, поносятъ прошлое, въ особенности „мрачное средневѣковье“, отрицаютъ все исторически сложившееся, въ томъ числѣ дѣйствующее право, если оно хоть на волосъ отступаетъ отъ того права, которое „должно было бы“ дѣйствовать въ силу ихъ теоріи. Нѣмецкіе теоретики этого круга находятся уже подъ вліяніемъ идеалистической, особенно кантовской философіи. Самъ Кантъ былъ сыномъ вѣка просвѣщенія и остался восторженнымъ поклонникомъ Руссо несмотря на французскую революцію, испугавшую и разочаровавшую многихъ его единомышленниковъ. Отдѣливъ этику отъ метафизики, онъ отграничилъ также мораль отъ права, внутреннее царство нравственности отъ внѣшняго царства законности. Государство онъ опредѣлялъ какъ „союзъ людей, подчиняющихся однимъ и тѣмъ же правовымъ законамъ“. Стремиться къ осуществленію идеально безупречной, такъ сказать, вѣчной конституціи и къ водворенію такимъ путемъ вѣчнаго мира между государствами было въ его глазахъ наивысшимъ велѣніемъ долга, которому люди должны слѣдовать, не считаясь съ недосягаемостью подобной цѣли.

Когда деспотическое господство французовъ потерпѣло крушеніе и реставраціонная политика восторжествовала во всей Европѣ, антиреволюціонныя теоріи права и государства стали встрѣчать тѣмъ больше сочувствія, чѣмъ рѣзче были ихъ реакціонныя тенденціи. На французскомъ языкѣ маркизъ Луи де Бональ (1753—1840 г.) и графъ Жозефъ де Местръ (1754—1821 г.), самый талантливый реакціонный писатель XIX вѣка, проповѣдывали возвратъ къ монархическому сословному государству подъ главенствомъ церкви. На востокѣ отъ Рейна проповѣдниками возврата къ феодальнымъ, патримоніальнымъ сословнымъ или церковнымъ авторитарнымъ учрежденіямъ отжившихъ вѣковъ были Карлъ Людвигъ фонъ Галлеръ (1768—1854 г.), Адамъ Мюллеръ (1779—1829 г.), Теодоръ Генрихъ Шмальцъ (1760—1831 г.) и Карлъ Эрнстъ Ярке (1801—1852 г.). Изъ представителей эстетическаго романтизма къ нимъ примкнули Фридрихъ Шлегель и Іосифъ Герресъ (1776—1848 г.). На умѣренно-консервативную примирительную точку зрѣнія сталъ берлинскій писатель Фридрихъ Ансильонъ (1787—1837 г.). Послѣ іюльской революціи 1830 г., когда международный

радикализмъ („молодая Европа“) расправилъ свои крылья, и надъ Европой пронеслась буря 1848 г., рѣзко-консервативныя идеи нашли себѣ, наперекоръ возмущенію большинства, двухъ даровитыхъ поборниковъ: историка Генриха Лео (ср. т. VIII, стр. 663) и остроумнаго юриста Фридриха Юліуса Шталя (1802—1861 г.), считавшагося оракуломъ родовитой аристократіи, несмотря на его еврейское происхожденіе. Заявивши, что онъ признаетъ право и государство божественными учрежденіями, Шталь уклонился такимъ путемъ отъ всякихъ споровъ. Однако онъ не былъ противникомъ современныхъ идей и высказался за ограниченную конституціонную монархію, конечно, съ христіанской окраской, что приводило въ ярость прессу, уже и тогда отличавшуюся антихристіанскимъ направленіемъ.

Изъ вѣяній, охватившихъ культурный міръ послѣ революціи и первой имперіи, въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ, родилась національная исторіографія, считавшая своей главной задачей критическое изслѣдованіе политическихъ судебъ собственнаго народа, при чемъ сами собою всплывали мысли о государствѣ вообще, реальномъ государствѣ и его желательномъ будущемъ. Дальманъ и Вайцъ (ср. т. VIII, стр. 659) не уносились въ своихъ сочиненіяхъ о политикѣ въ область абстракціи и утопіи; ихъ желанія не шли дальше національно-объединеннаго государства на конституціонной основѣ, „между тѣмъ какъ до этого времени юристы исторической школы ополчались противъ конституціоннаго государства, какъ противъ исчадія бредней естественнаго права“. Осмѣянный радикалами Ранке тоже интересовался государственными теоріями прошлыхъ эпохъ и философовъ своего времени, но понятія о государствѣ и о реальныхъ силахъ, одушевляющихъ его, онъ заимствовалъ изъ необъятной сокровищницы опыта исторической жизни, вопрошая тѣхъ, кто правилъ государствами и понималъ толкъ въ этомъ дѣлѣ, потому что оно было ихъ профессіей. Какъ теоретикъ ученія о государствѣ, выдѣляется еще изъ среды великихъ германскихъ историковъ Трейчке.

Когда исторіографія близилась къ своему апогею, а естествовѣдѣніе праздновало свои первые тріумфы на германской почвѣ, философская спекуляція уже увядала. Послѣдователи Канта не отступали отъ своего учителя и въ томъ отношеніи, что захватывали въ сферу своихъ размышленій также государство и право. Кто разберется въ запутанныхъ ходахъ философіи Фихте и Шеллинга? Съ большей силой, чѣмъ Фихте и Шеллингъ, и на болѣе продолжительное время, чѣмъ они, увлекъ за собою своихъ современниковъ Гегель (стр. 208). По Гегелю право и государство — это объектированныя формы мірового духа, излученія мірового разума въ его саморазвитіи. Какъ право, такъ и государство не остаются совершенно неподвижными отъ начала вѣковъ, а поднимаются со ступени на ступень въ своемъ историческомъ развитіи. Государство есть нравственная идея, воплощенная въ дѣйствительность, разумная на каждой стадіи своего развитія, какъ и все дѣйствительное. Великое пріобрѣтеніе XIX вѣка, идея эволюціи встаетъ у Гегеля во весь ростъ, — но у него самодѣятельное стремленіе впередъ пришло къ концу и окончательно отсутствуетъ какая бы то ни была перспектива будущаго. Гегелемъ была брошена перчатка вульгарному идеализму, относящемуся съ ненавистью къ дѣйствительности съ его брюзгливой критикой всего существующаго и его безвкусными мечтами о будущемъ.

Плодотворность гегелевской философіи обнаружилась въ многочисленности различныхъ исходившихъ отъ нея направленій. Шеллингъ (стр. 206) тоже не остался безъ вліянія, но вліялъ больше на отдѣльные умы; нѣкоторые изъ его учениковъ философствовали также о правѣ и государствѣ, напримѣръ, Францъ фонъ Баадеръ (1765—1841 г.), самъ основавшій школу, Генрихъ Стеффенсъ (1773—1845 г.), Іоганнъ Яковъ Вагнеръ (1775—1841 г.), отчасти также Шталь и Константинъ Францъ (1817—91 г.);

критическая часть сочиненія послѣдняго „Естественное ученіе о государствѣ“ удачнѣе положительной. Христіанъ Фридрихъ Краузе (ср. стр. 207) тоже опирался на Шеллинга. Свое ученіе о правѣ онъ основываетъ на этикѣ; его философія государства и исторіи расплывается въ фантазію о братскомъ союзѣ человѣчества въ франкмасонскомъ духѣ. Благодаря стараніямъ его учениковъ, въ особенности Генриха Аренса (1808—74 г.), философія права Краузе, несмотря на всѣ свои недостатки, встрѣтила сочувствіе и за предѣлами Германіи, въ Бельгіи и Испаніи. Но его вліянія нельзя и сравнивать съ огромнымъ вліяніемъ Гегеля, болѣе или менѣе выдающіеся ученики котораго использовали капиталъ идей и методъ своего учителя; въ философіи права и государства трудились Германъ Фридрихъ Гинрихсъ (1794—1861 г.), Эдуардъ Гансъ (1797—1839 г.), Карлъ Людвигъ Мишле (Michelet, 1801—93 г.), Эдуардъ Целлеръ (род. 1814 г.), Генрихъ Бернгардъ Оппенгеймъ (1819—1880 г.), Карлъ Христіанъ Планкъ (1819—1880 г.), Адольфъ Лассонъ (род. 1832 г.) и др. Распавшаяся чрезъ короткое время гегельянская лѣвая прилагала свой принципъ произвольнаго отрицанія также къ праву и государству; однако ни братья Бауэры (Бруно, 1809—1882 г., и Эдгаръ, 1820—1886 г.), ни Арнольдъ Руге (1802—1880 г.) не оставили послѣ себя замѣтныхъ слѣдовъ, несмотря на свой порывистый радикализмъ, впослѣдствіи смѣнившійся у Бруно Бауэра ярымъ консерватизмомъ.

Изслѣдованія, посвященныя праву и государству, входятъ также въ составъ системы Гербарта; у него право основывается на этическихъ идеяхъ честности и справедливости, слѣдовательно, коренится въ душевныхъ движеніяхъ, не поддающихся вліянію внѣшней силы, и имѣетъ цѣнность, независимую отъ приносимой имъ пользы или его вліянія на культуру и общественное благополучіе. Государство — тоже нравственное учрежденіе, цѣнность котораго не зависитъ отъ утилитарныхъ соображеній.

Изъ мыслителей послѣклассическаго періода одни касались вопросовъ о правѣ и государствѣ только попутно, при обсужденіи болѣе общихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, Лотце, Вундтъ и Ницше, другіе посвящали имъ особыя сочиненія, какъ, напримѣръ, Адольфъ Тренделенбургъ (1802—1872 г., „Естественное право“), Адольфъ Штейдель (1805—1887 г.), Германъ Ульрици (1806—1884 г.) и др.; къ послѣднимъ слѣдуетъ причислить также и философски-образованныхъ юристовъ, какъ Іерингъ и Феликсъ Данъ; въ послѣднее время вызвали большой интересъ сочиненія Рудольфа Штаммлера (род. 1856 г.; „Хозяйство и право“ и „Ученіе объ истинномъ правѣ“).

Имѣются еще теоріи, принадлежащія перу юристовъ, опирающихся главнымъ образомъ на юридическія понятія и правовые принципы, слѣдовательно, развиваемыя дедуктивнымъ путемъ. Юристы старшаго поколѣнія, прошедшіе школу государственныхъ наукъ, обнародовали въ 40-хъ—60-хъ гг. XIX столѣтія рядъ сочиненій по государственному праву и политикѣ, свидѣтельствующихъ объ ихъ умѣньи разбираться въ мелочахъ, начитанности и методичности, но страдающія всѣми недостатками эклектицизма. Изъ этихъ авторовъ назовемъ Роберта фонъ Моля (1779—1855 г.; „Исторія и литература государственныхъ наукъ“), Іоганна Каспара Блюнчли (1808—81 г.; „Исторія новѣйшей государственной науки“, „Ученіе о современномъ государствѣ“) и Франца Гольцендорфа (1829—1889 г.; „Основы политики“). Изъ завѣщаннаго прошлымъ наслѣдія эклектикамъ досталась, между прочимъ, ведущая свое начало отъ античныхъ временъ „органическая теорія государства“, согласно которой государство есть живой организмъ высшаго порядка, выработавшійся въ теченіе временъ подъ вліяніемъ внутреннихъ импульсовъ и столкновенія противорѣчій. На точкѣ зрѣнія органической теоріи государства стоитъ также одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей современной науки права Отто Фридрихъ Гирке (род. 1841 г.), не впадая, однако, въ ребяческую игру въ аналогію, которою развлекались социологи

натуралистическаго направленія, переносившіе на государство и общество понятіе объ организмѣ со всѣми анатомическими и физіологическими подробностями (ср. стр. 198).

Не безъ вліянія на теорію государства остались событія, приведшія къ возстановленію Германской имперіи, и личности, принимавшія непосредственное участіе въ нихъ. И въ самомъ дѣлѣ, когда преподаватели государственнаго права, поглощенные въ прежнее время исключительно толкованіемъ дѣйствующаго права, послѣ долгаго перерыва снова обратили свое вниманіе на общія теоріи, то стало осязательно ясно, что проснулось такое уваженіе къ силѣ и къ конкретнымъ фактамъ, какое было неизвѣстно во дни культа идей и партійной непреклонности. Нѣкоторые юристы выступили съ абсолютистской теоріей, напоминающей образъ мыслей Людовика XIV, ставя властителя выше лишеннаго всякаго собственнаго права государства. Смягченной разновидностью этой „царственной теоріи“ является теорія „взаимныхъ отношеній“ Эдгара Ленинга (род. въ 1843 г.), согласно которой государство покоится на извѣстномъ взаимоотношеніи правъ и обязанностей между монархомъ и подданными. Съ наибольшимъ сочувствіемъ была принята „теорія личности“. По этой теоріи государство представляетъ собою совокупную личность на территоріальной основѣ; властитель признается лишь представителемъ или высшимъ органомъ государства.

Самостоятельной отраслью науки, имѣющей значеніе также и для философіи права и государства, является сравнительное правовѣдѣніе. Заслуга этой еще молодой дисциплины заключается въ томъ, что она расширила кругозоръ изслѣдователей права за предѣлы романо-германской культурной сферы и направила ихъ вниманіе какъ на арійскую группу народовъ, такъ и на остальной міръ, населенный другими расами, въ особенности на нецивилизованныя племена, не имѣющія своей исторіи. Іосифъ Колеръ (род 1849 г.), стоящій во главѣ сравнительныхъ правовѣдовъ въ Германіи, уже сдѣлалъ попытку изложить основы философіи права на базисѣ „всемірной исторіи права“.

b) Государственныя и общественныя науки.

Политическая экономія. Замѣчательно, что даже у себя на родинѣ, во Франціи, физіократизмъ, эта старѣйшая изъ двухъ крупныхъ системъ экономической свободы, основанныхъ на естественномъ правѣ и естественной морали, просуществовалъ всего одно поколѣніе: немногіе изъ послѣдователей этой школы или „секты“ дожили до революціи 1789 г. или пережили ее. Франсуа Кенэ, ея основатель, скончался еще въ 1776 г., а Анна-Роберъ-Жакъ Тюрго — въ 1781 году. Виновниками гибели физіократической системы были не ея враги, Вольтеръ и Фернандо Галіани (1728—1787 г.), а неудачи Тюрго (который былъ министромъ финансовъ отъ 1774 до 1776 года) въ практическомъ искусствѣ государственнаго управленія. За предѣлами Франціи эта система тоже сошла со сцены на порогѣ XIX столѣтія, оказавъ нѣкоторое вліяніе на отдѣльныхъ государей, въ томъ числѣ на великаго герцога тосканскаго Леопольда (императора Леопольда II), Іосифа II, шведскаго короля Густава III и испанскаго короля Карла III. Въ литературѣ другихъ европейскихъ странъ кромѣ Франціи, въ Италіи, Польшѣ, Германіи и Швейцаріи, отголоски физіократическихъ теорій слышались нѣсколько дольше, чѣмъ на ея родинѣ.

Между тѣмъ какъ физіократизмъ зачахъ, ученіе Адама Смита получило универсальное распространеніе. Его идеи стали господствовать въ школѣ, въ научной литературѣ, въ періодической печати, въ парламентахъ, въ практической политикѣ, въ дѣловомъ мірѣ и насчиты-

ваютъ еще и теперь множество приверженцевъ. Не то, чтобы сочиненія основателя этой теоріи и его школы изучались съ особымъ усердіемъ; но ихъ идеи и требованія просочились повсюду и связались въ неразрывный узелъ съ интересами классовъ, стремящихся къ господству, или защищающихъ свое господство. Всѣмъ казалось, что ученіе Смита заключаетъ въ себѣ тайну успѣховъ его отечества, Англіи. Всѣ были убѣждены, что его спасительное ученіе можетъ доставить счастье и богатство всякой странѣ. Своей догматической, не допускающей возраженія манерой изложенія и своимъ оптимизмомъ онъ оказалъ непреодолимое вліяніе на нѣсколько поколѣній. Кромѣ вѣры въ свою правоту и посуловъ будущаго матеріальнаго благополучія Смитъ привлекалъ къ себѣ людей своимъ девизомъ свободы и тѣмъ, что онъ основывалъ свои теоріи на той любви, которая коренится глубже всякаго религіознаго или соціальнаго альтруистическаго чувства, — на любви къ самому себѣ

Ученіе Адама Смита въ его чистомъ видѣ и развитіе его идей его учениками не всегда и не во всемъ сходятся. Самой радикальной переработкѣ какъ съ научной, такъ и съ партійно-политической стороны теоріи Смита подверглись въ Англіи, главнымъ образомъ благодаря трудамъ еврейскаго банкира Давида Рикардо (1772—1823 г.); его теоріи цѣнности, цѣнъ, заработной платы и земельной ренты и понынѣ еще служатъ предметомъ споровъ. Если уже Рикардо противопоставилъ гармоніямъ своего оптимистическаго учителя свой дисгармоническій законъ заработной платы, то у Томаса Роберта Мальтуса (1766—1834 г.) выступаетъ наружу ничѣмъ не прикрытый пессимизмъ и фатализмъ. По его ученію, жестокій законъ природы тяготѣетъ надъ всѣми обитателями земли: численность ихъ имѣетъ наклонность увеличиваться въ геометрической прогрессіи въ то время, какъ количество средствъ пропитанія возрастаетъ лишь въ ариѳметической прогрессіи. Голодъ, преступленія и заразныя болѣзни уничтожаютъ лишніе рты; поэтому неразумно поведеніе тѣхъ правительствъ, которыя поощряютъ ростъ населенія такими филантропическими мѣрами, какъ, напримѣръ, призрѣніе бѣдныхъ.

Въ общемъ англійская политическая экономія двухъ первыхъ поколѣній XIX вѣка не выходила изъ круга идей Смита, Рикардо и Мальтуса. Она оказала значительныя услуги классу предпринимателей и партіи, стоявшей за свободу торговли, и за ней упрочилась кличка „манчестерской школы“, присвоенная сначала только ея крайней лѣвой. Изъ болѣе видныхъ представителей системы экономической свободы выдается въ особенности Джонъ Стюартъ Милль (1806—1873 г.) не только своимъ яснымъ, стройнымъ, проникнутымъ утилитарными цѣлями изложеніемъ, но въ еще большей мѣрѣ своими изслѣдованіями по общей методикѣ общественныхъ и отвлеченныхъ наукъ: его историческія и соціально-политическія разсужденія не всегда сходятся съ его фритредерскими убѣжденіями.

Франція, родина физіократической школы, политическихъ революцій и соціалистическихъ утопій, тоже была завоевана англійской политической экономіей въ началѣ XIX столѣтія. Толчекъ къ тому былъ данъ переводомъ главнаго труда Смита, сдѣланнымъ Жермэномъ Гарнье. Въ теченіе трехъ послѣднихъ поколѣній либеральная политическая экономія господствуетъ на университетскихъ кафедрахъ и въ литературѣ, хотя правительства упорно держались покровительственной системы и бросились опять въ ея объятія послѣ короткаго промежутка свободы торговли при Наполеонѣ III. Абстрактно дедуктивный духъ и противоисторическій абсолютизмъ теоріи Смита были еще болѣе по душѣ романскимъ народамъ, чѣмъ германскимъ. Какъ всегда, оригинальныя и глубокія идеи германскихъ народовъ стали у французовъ болѣе поверхностными, зато пріобрѣли прелесть остроумія, увеличившую ихъ популярность въ публикѣ. Во главѣ послѣдователей англійской экономической школы во Франціи стоялъ сна-

чала Жанъ Батистъ Сэй (1667—1732 г.). Противъ подкапывавшихся подъ нее пессимистическихъ теченій была направлена преисполненная оптимизма книга Фредерика Бастіа (1801—1850 г.), „Экономическія гармоніи", (Harmonies économiques), прославляющая систему самой широкой экономической свободы.

Въ Германіи число послѣдователей Адама Смита тоже росло непрерывно въ теченіе первой половины XIX столѣтія. За авангардомъ проповѣдниковъ экономической свободы слѣдовали систематики и монографисты, развивавшіе и углублявшіе эту теорію: Іоаннъ Готфридъ Гофманъ (1765—1847 г.) Фридрихъ Небеніусъ (1784—1857 г.), Фридрихъ Бенедиктъ Германъ (1795—1868 г.) и т. д. Самое широкое примѣненіе дедуктивный или изолирующій методъ нашелъ въ трудѣ Іоанна Генриха фонъ Тюнена (1783—1850 г.) „Изолированное государство", имѣющемъ капитальное значеніе для экономики земледѣлія. Настоящимъ систематикомъ смитовскаго ученія, слившагося съ прежней камеральной наукой, былъ Карлъ Генрихъ Рау (1792—1870 г.), распредѣлившій весь матеріалъ экономической науки на три главныхъ отдѣла: ученіе о народномъ хозяйствѣ, экономическая политика и финансы. Изъ массы германскихъ послѣдователей Смита выдѣлилась въ началѣ второй половины XIX столѣтія группа фритредеровъ, развивавшихъ агитацію также и въ прессѣ и примыкавшихъ къ англійской манчестерской школѣ. Группа эта устраивала съѣзды экономистовъ (1858—1885 г.), органомъ ея былъ четырехмѣсячный „Журналъ народнаго хозяйства, политики и исторіи культуры" (Vierteljahrsschrift für Volkswirthschaft, Politik und Kulturgeschichte, 1863—1893 г.). Однако система естественной свободы никогда не пользовалась исключительнымъ господствомъ въ странахъ, говорящихъ на нѣмецкомъ языкѣ. Противъ этой системы возстала еще въ началѣ XIX столѣтія группа консервативныхъ или, если угодно, реакціонныхъ государственныхъ философовъ, о которыхъ мы упоминали уже выше (Фихте, Шеллингъ, Людвигъ фонъ Галлеръ, Адамъ Мюллеръ и Генцъ). Съ наибольшимъ успѣхомъ боролся противъ фритредерскаго ученія Фридрихъ Листъ (1789—1846 г.), неутомимый поборникъ таможеннаго союза и желѣзнодорожнаго строительства, въ то время еще вызывавшаго сомнѣнія. Своимъ ученіемъ объ относительномъ оправданіи покровительственныхъ пошлинъ и типической послѣдовательности опредѣленныхъ стадій народнаго хозяйства онъ больше всякаго другого выровнялъ путь для историко-реалистической школы. Ему удалось національзировать экономику, отличавшуюся до того времени космополитическими чертами и не считавшуюся ни съ мѣстомъ, ни съ временемъ. То же самое случилось и въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ Генри Чарльзъ Кэри (1793—1879 г.) выступилъ противникомъ англійской политической экономіи изъ національныхъ соображеній. Ученіе Кэри о земельной рентѣ и о населеніи нашло себѣ еще недавно энергическаго защитника въ лицѣ Евгенія Дюринга (срав. стр. 215).

Еще раньше, чѣмъ развилась вполнѣ историческая школа, англо-французскому индивидуализму уже пришлось вступить въ борьбу съ своимъ самымъ опаснымъ врагомъ, соціализмомъ. Отсылая читателя къ изложенію соціальнаго вопроса, сдѣланному Георгомъ Адлеромъ въ VII томѣ настоящаго труда, упомянемъ здѣсь только о трехъ главныхъ направленіяхъ умѣренныхъ соціальныхъ реформаторовъ: 1) либеральномъ, 2) консервативномъ англійскомъ (Карлейль, Рескинъ, Дизраели) и германскомъ (Іоаннъ Карлъ Родбертусъ, Теодоръ Бернгарди, Рудольфъ Мейеръ, Рудольфъ Тодтъ, Адольфъ Вагнеръ) и 3) христіанскомъ: а) протестантскаго оттѣнка (Фредерикъ Денисенъ Морисъ, Кингсли, Арнольдъ Тойнби и др. въ Англіи; Адольфъ Штеккеръ, Фридрихъ Науманъ, Павелъ Гере въ Германіи); в) католическаго оттѣнка (Вильгельмъ Эммануилъ Кеттелеръ, Христофоръ Моуфангъ, Францъ Гице, Генрихъ Пешъ, Евгеній Егерь, Викторъ Катрейнъ и т. д.).

Въ то время, какъ большинство германскихъ экономистовъ еще стояло подъ знаменемъ экономическаго либерализма, въ Германіи выросла на отечественной почвѣ, насыщенной исторіей и философіей, новѣйшая наука о народномъ хозяйствѣ, основанная на опытѣ и исторіи, отличающаяся реалистической и этической тенденціями, послужившая образцомъ для остальныхъ культурныхъ странъ. Еще старая школа геттингенскихъ историковъ, ведущая свое начало отъ XVIII столѣтія (сравн. т. VIII, стр. 574), удѣляла вниманіе, между прочимъ, и экономическимъ вопросамъ. Основатели исторической науки права (Гуго, Савиньи, Эйхгорнъ) и новѣйшей исторической науки (Нибуръ и Ранке) принимали во вниманіе также и экономическіе моменты, но господствовавшая до конца семидесятыхъ годовъ XIX столѣтія школа съ ея чисто политическимъ или литературно-художественнымъ кругозоромъ не оцѣнивала по достоинству матеріальной культуры и пренебрегала ея исторіей.

Переходъ отъ предвзятыхъ одностороннихъ партійныхъ теорій стараго стиля къ современной наукѣ о народномъ хозяйствѣ замѣтенъ всего рѣзче на фигурѣ шлезвигскаго ученаго Лоренца фонъ-Штейна (1815—1890 г.). Онъ совмѣщалъ самое основательное философское образованіе съ необычайно богатыми познаніями въ области права, исторіи и фактическихъ отношеній. Несмотря на свой блестящій писательскій и ораторскій талантъ, онъ не составилъ школы, а остался совершенно одинокимъ. Его можно назвать первымъ европейскимъ экономистомъ, который, не принадлежа ни къ какой партіи, призналъ соціализмъ всемірно-историческимъ факторомъ, имѣющимъ свои реальныя права, и, наперекоръ либераламъ, рѣшился выступить защитникомъ „соціальной монархіи“. Его дѣятельность составила эпоху въ финансовой наукѣ и полицейскомъ правѣ.

Настоящимъ основателемъ старшей исторической школы въ политической экономіи считается Вильгельмъ Рошеръ (1817—1894 г.). Рошеръ относится критически къ теоріи Смита, но поддерживаетъ ее, гдѣ только возможно. Исходя изъ историческаго опыта, онъ стремился построить естественное ученіе о государствѣ и народномъ хозяйствѣ по прототипу естественныхъ наукъ съ ихъ понятіями о видахъ, законахъ и процессахъ, идущихъ своимъ чередомъ безъ содѣйствія человѣка. Для сельскаго хозяйства, промышленности, торговли и средствъ сообщенія ему дѣйствительно удалось выяснить историческій ходъ развитія и вывести изъ него заключенія, примѣнимыя къ экономической политикѣ. По другимъ вопросамъ его труды являются часто только собраніемъ отдѣльныхъ замѣтокъ, сильно напоминающихъ „достопримѣчательности“ ученыхъ книгоѣдовъ стараго времени.

Если раньше послѣдователямъ системы неограниченной экономической свободы не трудно было справляться съ соціализмомъ, ибо о сокрушеніи его, какъ направленія, враждебнаго культурѣ и государственности, мятежнаго и угрожающаго общественной безопасности заботилась сама власть, то положеніе ихъ стало болѣе затруднительнымъ, когда позднѣйшее поколѣніе экономистовъ, какъ ученыхъ теоретиковъ, такъ и практиковъ, состоящихъ на государственной службѣ, признало необходимость реформы соціальныхъ отношеній, вмѣняя государству въ обязанность вступить на путь этой реформы. Это новое направленіе противорѣчило интересамъ капиталистическихъ предпринимателей и основному принципу фритредеровъ: laiser faire, laisser aller. Въ 1871 г. Оппенгеймъ (стр. 190) выпустилъ въ свѣтъ свою политическую брошюру „Катедеръ-соціализмъ“, направленную противъ профессоровъ съ соціалистическими тенденціями, и вызвалъ полемику, послѣдствіемъ которой былъ Эйзенахскій Конгрессъ 1872 г. и основаніе „Союза соціальной политики“ (Verein für Socialpolitik).

Младшая историческая или историко-этическая (истори-

ческо-реалистическая) школа не представляетъ чего-то однороднаго. Къ ней принадлежитъ много ученыхъ съ рѣзко очерченной индивидуальностью, гордящихся тѣмъ, что они занимаютъ обособленную позицію. Разногласія и спорные пункты имѣются въ изобиліи. Однако же существуютъ принципы и взгляды, объединяющіе всѣхъ ихъ. Сюда относятся: „1) Признаніе эволюціонной идеи, какъ господствующей идеи нашего вѣка; 2) этико-психологическая теорія, признающая всякое народное хозяйство общественнымъ явленіемъ на основѣ нравственности и права, учрежденій и организацій .., но изъ науки дѣльцовъ политическая экономія снова стала морально-политической наукой; 3) Критическое отношеніе какъ къ индивидуалистическому ученію, такъ и къ соціализму..., а также отверженіе классовой точки зрѣнія; вмѣсто нея ясно выступаетъ стремленіе стать на точку зрѣнія общаго блага и здороваго развитія науки и человѣчества". (Г. Шмоллеръ).

Сила современныхъ экономистовъ историко-этическаго направленія заключается въ использованіи небывало богатаго запаса эмпирическаго матеріала, относящагося къ прошлому и настоящему, какой даютъ статистическія бюро, анкеты, отчеты о путешествіяхъ, конгрессы, собранія историческихъ источниковъ и т. д. Въ журналахъ и сборникахъ этотъ матеріалъ фильтруется и перерабатывается, ложась въ основу монографій и связныхъ общихъ изложеній. Трудно сказать, кто изъ экономистовъ первые между равными (primi inter pares); вѣроятно, Адольфъ Вагнеръ (род. 1835 г.) и Густавъ Шмоллеръ (род. 1838 г.).

Изъ-за спора о методикѣ политической экономіи, въ восьмидесятыхъ годахъ отдѣлилась отъ господствующаго историко-эмпирическаго направленія группа австрійскихъ теоретиковъ экономистовъ. Ихъ называютъ обыкновенно вѣнской школой. Рѣзкій тонъ, усвоенный сначала ея главой Карломъ Менгеромъ (род. 1840 г.), смягчился впослѣдствіи; вообще эта группа обязана своимъ значеніемъ не своему основателю, а его ученикамъ, Евгенію Бемъ-Баверку (род. 1851 г.), Фридриху Визеру (род. 1851 г.), Роберту Мейеру (род. 1855 г.), Роберту Цукеркандлю (род. 1856 г.) и др. Вѣнская школа повернула вскорѣ снова въ сторону абстрактнаго метода классической экономіи; она провозгласила снова вѣру въ возможность абсолютныхъ законовъ и правилъ. Наилучшее, что она дала и что пользуется признаніемъ даже со стороны ея противниковъ, относится къ теоріи цѣнности, именно къ ея психологическому анализу, къ „чистой теоріи". По примѣру англичанина Уильяма Стенли Джевонса (1835—1882 г.), она любитъ языкъ математическихъ формулъ. Промежуточное положеніе между исторической и точной школой занимаетъ Евгеній Филипповичъ (род. 1858 г.).

Въ послѣднее время историко-этическое направленіе стало вытѣснять также и во Франціи эпигоновъ школы Смита и Сэя. Главами этого, проникшаго изъ Германіи, направленія считаются Шарль Жидъ (род. 1847 г.) и Поль Ковэ. Англія тоже выдвинула многочисленныхъ историковъ народнаго хозяйства и наблюдателей современной дѣйствительной жизни. Младшее поколѣніе освободилось отъ гнета традиціонныхъ манчестерскихъ теорій и пошло по пути германской политической экономіи. Къ нему принадлежатъ Томасъ Эдуардъ Клифъ Лесли (1827—1882 г.), Альфредъ Маршалль (род. 1842 г.), Дж. Кельсъ Ингрэмъ (род., 1823 г.) У. Кеннигемъ (род. 1849 г.) и др. Но въ обширныхъ трудахъ Джемса Торольда Роджерса (1823—1890 г.) по экономической исторіи проводится точка зрѣнія старой школы.

Статистика. Наиболѣе выдающимся изъ статистиковъ XIX столѣтія былъ, безъ сомнѣнія, бельгіецъ Ламберъ Адольфъ Жакъ Кетле (1796—1874 г.), такъ что исторію этой научной спеціальности можно раздѣлить на два отдѣла: до и послѣ выхода въ свѣтъ главнаго труда Кетле: „Человѣкъ или опытъ соціальной физики". (Sur l'homme ou essai de physique sociale). Кетле былъ астрономомъ, слѣдовательно, математикомъ и естество-

испытателемъ. Съ помощью математическихъ пріемовъ онъ создалъ соціальную статистику, искусство измѣренія соціальныхъ и политическихъ явленій; его антропометрическія изслѣдованія относятся скорѣе къ антропологіи и этнологіи. Самымъ оригинальнымъ вкладомъ Кетле въ науку было основаніе нравственной статистики. Самъ Кетле отвергалъ фаталистическіе, клонящіеся къ отрицанію свободы воли выводы изъ его теоріи; но онъ не могъ помѣшать другимъ отрицать свободу воли. Изслѣдованіе нравственно-статистическихъ проблемъ еще не закончено и понынѣ. Правильность явленій, ихъ прибыль и убыль представляетъ еще такія запутанныя загадки, какъ и ихъ съ виду безпорядочныя колебанія.

Но какимъ бы темнымъ и невыясненнымъ ни оставалось многое въ статистикѣ, этомъ „изслѣдованіи общественной жизни человѣка на основаніи измѣренія въ числахъ“ (Лексисъ), „она впервые придала всей описательной части государственныхъ и общественныхъ наукъ точный научный характеръ... Она уменьшила во всей этой области знанія игру фразами и полуистинными гипотезами“ (Шмоллеръ). Величайшая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ государственной статистикѣ, государственнымъ статистическимъ учрежденіямъ, такъ какъ только они располагаютъ достаточнымъ количествомъ средствъ и рабочихъ силъ какъ для собиранія, такъ и для точной разработки и группировки числового матеріала. Образцово выполняетъ свою задачу основанное въ Пруссіи въ 1805 г. „Статистическое бюро“, во главѣ котораго стоитъ въ настоящее время Эмиль Бленкъ (род. 1832 г.). Съ 1872 г. существуетъ также имперскій статистическій департаментъ, управляемый въ настоящее время Рихардомъ фонъ деръ Боргтомъ (род. 1861 г.). Центральныя статистическія учрежденія Баваріи, Саксоніи и т. д. тоже пользуются хорошей репутаціей. Государственныя статистическія учрежденія и университеты объединяются своимъ личнымъ составомъ, такъ какъ почти во всѣхъ германскихъ и австрійскихъ университетахъ читаются лекціи по статистикѣ, а въ нѣкоторыхъ устроены также семинаріи по статистикѣ. Съ 1863 г. въ Австріи тоже существуетъ центральный статистическій комитетъ; основателемъ его былъ баронъ Карлъ Чернигъ (1804—1889 г.). Венгрія, Франція и Италія тоже обладаютъ талантливыми статистиками.

Крупное производство въ области государственной статистики разрастается иногда, напр., при народныхъ переписяхъ, до гигантскихъ размѣровъ, подвергающихъ тяжелому испытанію организаторское искусство руководителей. Проявилось также стремленіе къ международному объединенію и международному упорядоченію способовъ собиранія и обнародованія статистическаго матеріала. Осязательнымъ выраженіемъ этого стремленія являются международные статистическіе конгрессы (съ 1853 г.), конгрессы по демографіи (съ 1878 г.) и международный статистическій институтъ въ Римѣ (существуетъ съ 1887 г.).

Соціологія. Изъ всѣхъ наукъ о человѣческомъ духѣ и о человѣческой культурѣ соціологія — самая молодая и новая, а потому и самая неопредѣленная, шаткая и растяжимая. Мало сказать, что трудно дать ей точное опредѣленіе, какъ и всякой другой наукѣ, — пока ей вообще нельзя дать никакого опредѣленія. Обладаетъ ли она ясно очерченной областью изслѣдованія, такой нивой, на которой никто другой не пашетъ? Обладаетъ, — полагали нѣмецкіе государствовѣды, какъ, напримѣръ, Робертъ фонъ-Моль, Лоренцъ фонъ-Штейнъ и Рудольфъ Гнейстъ, которые высказывали убѣжденіе въ необходимости особой науки объ обществѣ для дополненія пробѣловъ общественныхъ наукъ. Таковъ былъ также взглядъ Огюста Конта (1798—1857 г.), который замыкаетъ лѣстницу (іерархію) наукъ въ своемъ курсѣ „позитивной философіи“, соціологіей, какъ стоящей выше всѣхъ остальныхъ наукъ. Таковъ былъ и такимъ остается взглядъ многихъ ученыхъ, расходящихся между собою лишь въ опредѣленіи объема

соціологіи, тѣхъ областей, которыя обязаны ей данью. Но, можетъ быть, соціологія не имѣетъ своей особой области изслѣдованія и вообще не представляетъ собою ничего самостоятельнаго и новаго, она есть нѣчто такое, что уже было раньше извѣстно подъ другимъ именемъ, какъ, напр., философія исторіи, народная психологія, этика и т. д.? Можетъ быть, соціологія есть только соединеніе связанныхъ между собою механически или химически отдѣльныхъ наукъ, науки о языкѣ, религіи, государствѣ, правѣ, народномъ хозяйствѣ, нравственности? Можетъ быть, она даетъ теорію причинъ, цѣлей, законовъ развитія тѣхъ явленій, которыя излагаются и описываются историческими науками? На всѣ эти вопросы нельзя дать отвѣта ни путемъ индукціи, ни путемъ дедукціи, такъ какъ сочиненія по соціологіи содержатъ всего понемножку. Соціологія не обладаетъ также учебной практикой, которая опредѣлила бы ея объемъ, какъ было съ болѣе старыми науками. По крайней мѣрѣ, въ Германіи въ факультетскихъ программахъ не значится науки подъ такимъ названіемъ. Даже и въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ соціологія пріобрѣла право гражданства еще раньше, во Франціи, Англіи, Америкѣ и Италіи, еще не выработалось никакой прочной традиціи. Пока еще невозможно излагать исторію соціологіи, а приходится ограничиться исторіей соціологической литературы, которая, правда, указываетъ намъ на замѣчательную связь между соціологіей и міровозрѣніемъ и общественными движеніями соотвѣтствующей эпохи.

Смѣшанный греческо-латинскій терминъ „соціологія“ принадлежитъ Огюсту Конту, который считается также основателемъ современной науки объ обществѣ. Конечно, и у соціологіи былъ свой долгій доисторическій періодъ. Добросовѣстные историки, доискивающіеся корней ея различныхъ направленій, забираются въ глубь вѣковъ до греческихъ философовъ досократовскаго періода и затѣмъ ведутъ читателя черезъ Платона и Аристотеля, стоиковъ и эпикурійцевъ, схоластику и возрожденіе, черезъ вѣкъ просвѣщенія съ его естественнымъ правомъ къ современной соціологіи. Пауль Бартъ (род. 1858 г.) дѣлитъ соціологовъ на десять, а Лестеръ Уордъ на двѣнадцать группъ, при чемъ послѣдній руководствуется просто своимъ произволомъ, а первый не придерживается какого-нибудь опредѣленнаго принципа классификаціи. Если мы произведемъ болѣе систематическую группировку на основаніи тѣхъ наукъ, на которыя опирались попытки соціологовъ и у которыхъ они заимствовали свои идеи, свой планъ, свою руководящую нить, то получимъ слѣдующія группы: натуралистическая, физико-физіологическая, антропологическая, этнологическая, психологическая, политико-экономическая, метафизическая и историческая соціологія. Разумѣется, большая часть соціологій настолько неподатливы, что ихъ нельзя втиснуть въ одну опредѣленную рубрику.

Огюстъ Контъ называетъ своими предшественниками Монтескье, Кондорсе и Жозефа де-Местра. По отношенію къ самому важному изъ своихъ предшественниковъ, Сенъ-Симону, онъ занялъ враждебное положеніе; Гоббса и Руссо онъ не знаетъ. Первичная исходная точка его идей и ихъ конечная цѣль характеризуются прилагательнымъ „позитивный“ (положительный), значущимся въ заголовкѣ обоихъ его главныхъ трудовъ: „Курсъ позитивной философіи“ (Cours de philosophie positive, 1830—1842 гг.) и „Система позитивной политики“ (Systeme de politique positive“, 1851—1854 гг.). Онъ стремится спасти человѣчество отъ разложенія, ускореннаго вѣкомъ просвѣщенія и революціей, и привести его въ лоно прочной государственной и религіозной организаціи, основанной на позитивной нравственности, съ помощью точной, не фантастической и легко опровержимой, а позитивной науки. На этомъ долгомъ пути находится и станція „соціологія“. По мнѣнію Конта, науки образуютъ лѣстницу, восходящую отъ болѣе простого къ болѣе сложному, такъ что всякая высшая наука невоз-

можна безъ существованія низшей. Отъ математики онъ восходитъ чрезъ астрономію, химію, физику и біологію къ соціологіи. Эта послѣдняя опирается на непосредственно предшествующую ей физіо-психологическую біологію, основныя понятія которой (организмъ, развитіе, взаимодѣйствіе отдѣльныхъ частей и т. д.) повторяются въ соціологическихъ фактахъ. Дѣленіе соціологіи на статику и динамику связываетъ ее съ физикой; соціальная статика разсматриваетъ формы общества, какъ существующія явленія, а соціальная динамика — законы последовательности общественныхъ измѣненій. Въ своемъ знаменитомъ „законѣ трехъ стадій", проходимыхъ человѣчествомъ въ его умственномъ развитіи (теологической, метафизической и положительной) Контъ усматриваетъ также ключъ къ уразумѣнію процесса развитія общества, главнымъ содержаніемъ котораго является переходъ отъ воинственной къ промышленной жизни. Между періодами господства военнаго и промышленнаго класса вклинивается господство „законниковъ". Прогрессъ въ другихъ отношеніяхъ зависитъ отъ умственнаго прогресса. Движеніе впередъ происходитъ, вообще говоря, не по прямой, а по кривой линіи.

Число послѣдователей Конта или позитивистовъ быстро возросло во всѣхъ странахъ, въ особенности въ Англіи, вмѣстѣ съ тѣмъ стали замѣчаться недостатки и пробѣлы въ его системѣ. Поэтому даже наиболѣе консервативные изъ его приверженцевъ дѣлали попытки передѣлки ея. Самымъ серьезнымъ конкуррентомъ позитивизма Конта со включеніемъ его соціологіи явилась система Герберта Спенсера (1820—1903 г.), принадлежащаго приблизительно къ слѣдующему поколѣнію. Въ гигантской пирамидѣ „Системы синтетической философіи" Спенсера „Основы соціологіи" составляютъ предпослѣдній этажъ, вдвинутый между психологіей и этикой. Спенсеръ преданъ душой и тѣломъ натурализму, убѣжденію въ томъ, что духовныя и нравственныя явленія подчинены естественнымъ законамъ и господствующему во всей вселенной принципу эволюціи, т. е. ритмической смѣны интеграцій и дезинтеграцій (сложенія и распаденія). Хотя соціологія и является у Спенсера особой областью надорганической эволюціи, въ ней все же господствуютъ законы біологіи, такъ какъ общество — это организмъ со всѣми его органами и отправленіями. Движущею пружиною въ общественномъ организмѣ служитъ приспособленіе къ окружающей средѣ. На немъ основывается прогрессъ и совершенствованіе въ ходѣ человѣческаго развитія до тѣхъ поръ, пока не достигается положеніе равновѣсія, кладущее предѣлъ дальнѣйшей дифференціаціи.

Подъ вліяніемъ Конта и не безъ воздѣйствія со стороны Спенсера группа французскихъ соціологовъ примѣнила къ обществу естественнонаучный методъ описанія и подраздѣленія (классификаціи и сисмематики), при чемъ проводилась та идея, что классификація даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ картину послѣдовательности и расхожденія формъ соціальной жизни. Къ этой группѣ принадлежитъ Евгеній де-Роберти, русскій по происхожденію, (род. 1843 г.), Э. де-Грeефъ и П. Лакомбъ. Теорію этихъ „органицистовъ" (пусть защищаютъ этотъ терминъ тѣ, которые его изобрѣли) развили (а вѣрнѣе сказать завели изъ пустыни въ лѣсную чащу) Пауль Лиліенфельдъ, Альбертъ Шефле (1831—1903 г.), Альфредъ Фулье (срав. стр. 213) и Ф. Е. Вормсъ. Несмотря на свои дарованія и свою эрудицію, эти изслѣдователи упорно цѣпляются за обманчивыя аналогіи и метафоры, — понятно, не изъ желанія ввести въ обманъ другихъ. Въ Германіи ученіе органицистовъ было уже подготовлено философіей (Л. Л. Шеллингъ), исторической школой права и органическимъ ученіемъ о государствѣ эпохи Моля и Блюнчли. Съ тѣхъ поръ, какъ новое ученіе о клѣткѣ и тканяхъ дало поводъ къ слишкомъ детальнымъ сравненіямъ, органицисты вышли изъ предѣловъ пояснительной аналогіи и ударились въ безсмыслицу реальной аналогіи.

Кромѣ физіологіи Вормсъ придумалъ еще патологію, гигіену и терапію общественной жизни.

Необыкновенно сильное вліяніе оказала на соціологію эволюціонная теорія. Соціологовъ-дарвинистовъ можно бы назвать селекціонистами, такъ какъ они усматриваютъ главный рычагъ измѣненій и усовершенствованій въ природѣ и въ обществѣ въ естественномъ отборѣ и борьбѣ за существованіе. Другіе придаютъ главное значеніе приспособленію и наслѣдственности. Къ нимъ подходило бы лучше всего названіе „адапціонистовъ“ или „наслѣдственниковъ“. Почти всѣ безъ исключенія соціологи-дарвинистскаго направленія — оптимисты. Замѣчательное исключеніе составляетъ итальянскій ученый Августо Ваккаро, который отмѣчаетъ, что естественный ходъ вещей, относящійся индифферентно къ человѣческимъ цѣнностямъ, иногда уничтожаетъ лучшее и оставляетъ жить худшее. Соціологи-эволюціонисты пустили въ ходъ терминъ „пресоціологія“; эта послѣдняя изучаетъ явленія общественной жизни животныхъ въ видахъ выясненія первыхъ стадій человѣческаго общества (Альфредъ Эспинасъ, род. 1844 г.).

Одна группа соціологовъ опирается въ своихъ теоріяхъ на антропологію и этнологію. Въ этомъ направленіи руководящую роль сыграла антропогеографія въ томъ видѣ, какой придали ей работы Монтескье, Гердера, Риттера, Пешеля и Ратцеля. Предъ географами раньше, чѣмъ предъ другими учеными, развернулась зависимость общественныхъ образованій и превращеній отъ окружающихъ космическихъ, геофизическихъ и органическихъ условій. Изъ этнологовъ Адольфъ Бастіанъ (1826—1905 г.) изучалъ параллелизмъ и самобытность психологическаго развитія у различныхъ расъ. На этнологію опирается также и Летурно, въ сочиненіяхъ котораго, слѣдующихъ сравнительному методу, соціологическими факторами признаются раса и народная индивидуальность. Со свойственной піонерамъ односторонностью графъ Жозефъ Артуръ Гобино (1816—1882 г.) еще около пятидесяти лѣтъ тому назадъ придавалъ расѣ краеугольное значеніе въ историко-соціологическомъ развитіи. Историкъ культуры Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ (1842—1892 г.) пытался раскрыть загадки соціально-политической эволюціи при помощи этнологіи. Наибольшее вліяніе приписываетъ расѣ Людвигъ Вольтманъ (1871—1907 г.). По его теоріи въ расовыхъ различіяхъ заключаются причины соціальнаго разслоенія, и вся исторія есть процессъ выработки расы. Задача будущаго заключается въ томъ, чтобы перейти отъ безсознательнаго естественнаго отбора къ чистотѣ и сознательному совершенствованію расы. Пока же сѣверная часть бѣлой расы составляетъ высшій продуктъ расообразовательнаго процесса. Идя по стопамъ Гобино, Рихарда Вагнера и Ницше, Гоустонъ Стюартъ Чемберленъ (род. въ 1855 г.) приписываетъ наилучшее и самое великое, что совершило человѣчество, свѣтлокожей, прежде всего арійской и въ частности „германской“ расѣ. Самую глубокую пружину исторіи онъ усматриваетъ въ наслѣдственной передачѣ расовыхъ свойствъ. Наслѣдственность тѣлесныхъ и духовно-нравственныхъ свойствъ лежитъ въ основѣ индивидуально и соціально-психологическихъ выводовъ Теодюля Рибо (род. 1839 г.) и Г. де-Лапужа. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, Оттокаръ Лоренцъ (1832—1904 г.) придавалъ генеалогіи болѣе глубокое значеніе, чѣмъ тѣ, которые видятъ въ ней лишь вспомогательную науку къ исторіи государствъ и монарховъ. Людвигъ Гумпловичъ (род. 1838 г.) тоже принялъ было вначалѣ за исходную точку своихъ соціологическихъ изслѣдованій расовую борьбу; но шаткое понятіе расы показалось ему слишкомъ слабой опорой, поэтому онъ разсматриваетъ образованіе соціальныхъ группъ, какъ результатъ соотношенія интересовъ и силъ. Гумпловичъ считаетъ себя только предтечей мессіи соціологіи и соціологической теоріи государства, австрійскаго генерала Густава Ратценгофера (1842—1904 г.). Ратценгоферъ положилъ

въ основу теоріи постепеннаго созиданія общества, начиная отъ самыхъ простыхъ его формъ и кончая сферами культуръ и сферой, обнимающей все человѣчество, метафизику, приписывающую „первичной силѣ“ такую цѣлесообразную дѣятельность, какую приписываетъ Спиноза Богу или природѣ, Гегель — міровому духу, Іоганнъ фонъ-Гартманъ — безсознательному. Въ низшихъ отдѣлахъ своего ученія онъ является натуралистическимъ монистомъ, т. е. приверженцемъ однородности законовъ всего совершающагося, что люди охотно признаютъ по отношенію къ природѣ, но не столь охотно по отношенію къ области духа и исторіи.

Нельзя провести рѣзкой границы между антропологической и психологической соціологіей. Однако въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно сказать довольно опредѣленно, склоняется ли соціологъ больше въ физіологическую или же въ психологическую сторону. Защитниками психологическихъ вліяній выступаютъ дуалисты, отдѣляющіе духъ отъ природы и смотрящіе на него, какъ на самостоятельную силу, опредѣляющую всѣ соціальныя явленія. Это относится прежде всего къ Лестеру Уорду, который ополчается противъ Спенсера, хотя самъ онъ тоже причисляетъ себя къ позитивистамъ и эволюціонистамъ. По мнѣнію Уорда, съ начала четвертичной эпохи человѣчество находится подъ вліяніемъ постоянной непрерывной дифференціаціи, но этой дифференціаціи противодѣйствуетъ исконное начало интеграціи, общественной ассимиляціи, и человѣчество сольется въ концѣ концовъ въ единую всемірную расу. Конечно, Уордъ противникъ культа расы, въ особенности „тевтонолатріи“. Среди французовъ психологизмъ тоже имѣетъ много послѣдователей. Знаменитая „среда“ Тэна имѣетъ психологическій характеръ, такъ какъ она включаетъ въ себѣ окружающій одушевленный міръ и выдвигаетъ его вліяніе на интелектуальныя и нравственныя силы живущихъ въ ней. Характерную особенность французскихъ взглядовъ на общество и исторію составляетъ признаніе безсилія отдѣльнаго индивидуума, антииндивидуализмъ. У Габріэля Тарда (сконч. 1903 г.) основнымъ общественнымъ феноменомъ является подражаніе. У него главное содержаніе исторіи сводится къ массовымъ явленіямъ, но примѣръ исходитъ отъ отдѣльныхъ людей, изобрѣтателей и преобразователей. М. Оріонъ считаетъ государство и религію идеальными общественными силами, для уразумѣнія которыхъ надо обратиться къ человѣческой душѣ. Къ англичанамъ и французамъ примыкаютъ также нѣмецкіе соціологи психологическаго направленія. Особенно отличилась школа Гербарта. Правда, все написанное по этому предмету послѣ Гербарта Робертомъ Циммерманомъ („Эстетика“ и „Антропософія“, стр. 209) и Густавомъ Адольфомъ Линднеромъ (1828—1887 г., „Психологія общества“), обратило на себя мало вниманія; но народная психологія Штейнталя и Лацаруса не погибла безслѣдно для соціологіи. Возвращеніе къ ней Вундта еще долго будетъ оказывать свое вліяніе.

Еще одинъ опорный пунктъ для соціологіи составляетъ политическая экономія, съ самаго своего возникновенія занимавшаяся сущностью общества. Когда появились первыя соціологическія системы, ученіе о народномъ хозяйствѣ сейчасъ же реагировало на нихъ. Джонъ Стюартъ Милль уже былъ убѣжденъ, что наука о народномъ хозяйствѣ растворится въ наукѣ объ обществѣ. Надѣлавшая впослѣдствіи такъ много шуму теорія, согласно которой всѣ общественныя историческія явленія отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ зарождаются и слагаются подъ давленіемъ экономическихъ силъ и интересовъ, представляетъ наслѣдіе донаучнаго періода. Экономическій матеріализмъ или матеріалистическая философія исторіи признается и школой Смита — Рикардо (стр. 192); марксизмъ превосходитъ послѣднюю только своей логичностью и прямотой. Обѣ эти школы склоняются къ фаталистическому преклоненію предъ слѣпымъ господствомъ автоматически дѣйствующихъ согласно естественнымъ законамъ силъ. Какъ

бы то ни было, полемика между политико-экономами третьяго и четвертаго сословій оставила прочный слѣдъ на развитіи научной мысли и пріемахъ научнаго изслѣдованія. Марксистскую мысль высказываетъ, напримѣръ, Антоніо Лабріола (1843—1904 г.), который утверждаетъ, что умственная жизнь какого-нибудь историческаго періода составляетъ только идеологическую оболочку его экономическихъ условій, или Ахиллъ Лоріа, который увѣряетъ, что исторія состоитъ главнымъ образомъ изъ ряда классовыхъ столкновеніи и что „связующія учрежденія“ (право, мораль, религія) имѣютъ лишь одну цѣль — охрану собственности и доходовъ высшихъ классовъ.

Конечно, у большинства соціологовъ экономическаго направленія существуетъ намѣреніе защищать извѣстный общественный строй или же нападать на него; но есть также и безпартійные мыслители, разсматривающіе всѣ соціальныя и историческія событія подъ угломъ зрѣнія политико-экономическихъ категорій. Такъ, напримѣръ, Дюркгеймъ считаетъ движущимъ началомъ историческихъ измѣненій раздѣленіе труда. Подобно Спенсеру, Греффу, Альфреду Фулье (стр. 213) и др., Дюркгеймъ — „контрактуалистъ“, т.-е. онъ видитъ въ договорномъ правѣ юридическій типъ, отличающій современное общество отъ прежнихъ общественныхъ формъ. У Рудольфа Штаммлера соціологія тоже вдается въ право.

Періодъ зарожденія современной науки объ обществѣ совпадаетъ съ расцвѣтомъ идеалистическихъ системъ послѣкантовской философіи. Какъ велики ни были различія между этими системами, у нихъ были свои общія черты, въ томъ числѣ теорія идей, которую можно назвать теоріей трехъ царствъ. Между царствомъ опыта и метафизическимъ сверхміромъ витаетъ соединяющее ихъ царство „идей“, этихъ стадій или фазъ развитія всеобщаго мірового разума. Широта ученій Гегеля и Гумбольдта увлекла не только эпигоновъ метафизиковъ, но и историковъ и юристовъ, политико-экономовъ и соціологовъ, филологовъ и эстетиковъ; но метафизическія идеи превратились при этомъ мало-по-малу въ психологическія и прежде всего соціально-психологическія и соціально-этическія понятія. У Ранке, Гервинуса, Дройзена, равно какъ и у Моля, Штейна, Шеффле, Лиліенфельда еще слышатся отзвуки спекулятивной міровой гармоніи идей, но мало-по-малу метафизическій элементъ исчезаетъ изъ исторической и соціологической литературы по мѣрѣ того, какъ идеи спускаются въ область психологіи, превращаются въ коллективныя или массовыя явленія и низводятся, наконецъ, къ роли служебныхъ духовъ единичной и коллективноя воли. Въ философіи этотъ переворотъ отмѣчается именами Людвига Фейербаха, Гербарта, Шопенгауэра, Лотце, Штейнталя-Лацаруса, Вундта. Логика и методика общественныхъ наукъ теперь уже составляютъ часть общей науки о мышленіи, соціальная этика — часть общей науки о нравственности. Такимъ образомъ три отрасли философскихъ наукъ связаны съ соціологіей: психологія, логика и этика.

Тѣснѣе всего соціологія срослась съ исторіей, въ особенности съ философіей исторіи. Эти всѣ науки можно сравнить съ близнецами, сходство между которыми такъ велико, что ихъ часто смѣшиваютъ между собою. Отъ Канта до Гегеля культъ государства все усиливался въ Германіи и дошелъ до фанатической односторонности. Вмѣстѣ съ этимъ сузился объемъ историческихъ изслѣдованій, и они стали ограничиваться только политическими событіями. Исторія церкви, литературы, искусства и права жили каждая своей отдѣльной замкнутой жизнью, только изрѣдка сливаясь съ другими спеціальностями въ неясномъ понятіи исторіи культуры. Когда въ Германіи обозначились первыя очертанія науки объ обществѣ, такимъ людямъ, какъ Робертъ фонъ-Молль и Лоренцъ фонъ Штейнъ, еще казалось очевиднымъ, что на общественныя формы, существующія рядомъ съ государствомъ, надо смотрѣть, какъ на нѣчто подчи-

ненное. Еще и понынѣ господствуетъ взглядъ, что государство — это всеобъемлющая общественная форма, которая обнимаетъ собою, или которой должны быть подчинены всѣ другія общественныя формы. Та мысль, что понятіе общества стоитъ выше понятія государства, была импортирована въ Германію съ Запада. Правда, и въ Германіи, въ особенности внѣ прусской ея части, идея народа, націи, какъ историческаго культурнаго цѣлаго, все больше и больше выступала на передній планъ и вызывала къ себѣ гораздо болѣе теплыя симпатіи, чѣмъ холодное, сухое понятіе государства. Историки культуры съ Вильгельмомъ Генрихомъ Рилемъ и Густавомъ Фрейтагомъ во главѣ впервые выяснили общественное разслоеніе націи въ настоящемъ и прошломъ или, по крайней мѣрѣ, продемонстрировали его на яркихъ примѣрахъ. Заправскіе историки игнорировали все, что выходило изъ рамокъ признанной ими исторіи культуры и открещивались отъ всякаго соприкосновенія съ этнологіей, біологіей и даже философіей. Они дружно ополчились противъ Генри Томаса Бокля (1821—1862 г.) съ его понятіемъ цивилизаціи, набраннымъ по кусочкамъ у Конта, Кетле и Смита-Рикардо. Съ болѣе легкимъ сердцемъ они примирились съ экскурсіями политико-экономовъ въ область исторіи. Съ основаніемъ Германской имперіи центръ интереса незамѣтно передвинулся отъ политическихъ отношеній къ экономическимъ и соціальнымъ. Затѣмъ наступило время оживленныхъ дебатовъ по вопросу о томъ, что собственно составляетъ предметъ исторіи — государство или культура, масса или отдѣльная геніальная личность. Съ легкой руки К а р л а Л а м п р е х т а (род. 1856 г.) былъ пущенъ въ оборотъ лозунгъ: „коллективистическая, а не индивидуалистическая исторіографія“. Вполнѣ естественно, что этотъ коллективизмъ опирается на соціальную психологію и соціологію. Эти послѣднія науки представляютъ собою какъ бы систематическое и отвлеченное изложеніе того, что исторія рисуетъ предъ нами конкретно, придерживаясь порядка послѣдовательнаго развитія событій во времени. Такимъ образомъ новѣйшая исторія культуры тѣсно связана съ соціологіей и философіей. Что ученая пограничная стража и на этотъ разъ выступила въ походъ противъ соціологическихъ и философскихъ тенденцій въ исторіи — понятно само собою, и на этомъ не приходится останавливаться.

Однако не только самодовольные спеціалисты-историки, но и стремящіеся къ широкимъ горизонтамъ философы дѣлали рѣзкіе нападки на соціологію и философію исторіи. Въ своемъ „Введеніи въ науки о духѣ“ Дильтей отказываетъ въ правѣ на существованіе всякой метафизикѣ, соціологіи и философіи исторіи; однако онъ и до сихъ поръ не выпустилъ въ свѣтъ положительной части своей „Критики историческаго разума“. Какъ бы то ни было, онъ подчеркиваетъ своеобразіе и самостоятельную цѣнность историческихъ наукъ (народовѣдѣнія, правовѣдѣнія, государствовѣдѣнія, науки о культурныхъ системахъ: религіи, нравственности и искусствѣ), защищая ихъ отъ натуралистическихъ вторженій. Подобнымъ же образомъ Виндельбандъ и Риккертъ (стр. 212) выступили противъ самоувѣреннаго ослѣпленія тѣхъ, кто не признаетъ никакой цѣнности за науками о духѣ или культурѣ, если онѣ не пользуются естественно-научными или математическими методами и принципами. Лишь толчками человѣчество можетъ стряхнуть съ себя то иго, которое наложили или пытаются наложить на него со времени періода барокъ математическія хитросплетенія натурализма; но историческая или эволюціонная идея проникла уже въ плоть и кровь самихъ естественныхъ наукъ: космогоніи, геологіи, біологіи и антропологіи. Какъ же она дастъ себя вытѣснить изъ своей вѣчной родины, вѣчно измѣняющагося, никогда не завершающагося царства интелектуальныхъ и нравственныхъ цѣнностей? И гдѣ же это невидимое царство получаетъ видимый обликъ, какъ не въ человѣческихъ общежитіяхъ, изученіе которыхъ составляетъ задачу соціологіи?

Объясненіе къ портретамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

---

1) Иммануилъ Кантъ (1724—1804).
Съ портрета масляными красками Дёблера, воспроизведеннаго въ „Allgemeines historisches Porträtwerk".

2) Іоаннъ Готтлибъ Фихте (1762—1814).
Гравюра Фридриха Вильг. Боллингера по портрету Генр. Деллинга 1808 г.

3) Георгъ Вильгельмъ Фридрихъ Гегель (1770—1831).
Съ гравюры на мѣди Карла Барта по барельефу Фридриха Драке.

4) Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ (1767—1835).
Гравюра Э. Эйхена по портрету Фр. Крюгера.

5) Фридрихъ Вильгельмъ Іосифъ Шеллингъ (1775—1854).
Съ литографіи Франца Ганфштенгеля по портрету Іосифа Штилера.

6) Артуръ Шопенгауэръ (1788—1860).
Гравюра О. Шульца по портрету Людвига Руля (въ соч. Л. Шемана „Schopenhauer-Briefe" Лейпцигъ, 1893).

 Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Знаменитѣйшіе философы XVIII и XIX столѣтій.

c) Философія.

Въ **философіи** Германія стоитъ во главѣ другихъ народовъ. Такъ обстоитъ дѣло со времени Канта или даже со времени Лейбница и Вольфа. Въ XVIII вѣкѣ, правда, блескъ французскихъ просвѣтителей затмилъ на время болѣе цѣнные труды англичанъ и нѣмцевъ. Въ XIX вѣкѣ первенствующему положенію нѣмецкой философіи тоже грозила опасность, когда сошли со сцены великія послѣкантовскія системы и наступила враждебная философіи реакція. Пустое мѣсто было быстро занято французскимъ позитивизмомъ и англійскимъ эволюціонизмомъ: но къ концу XIX столѣтія нѣмцы заняли опять господствующее положеніе.

Съ исторической точки зрѣнія подъемъ и паденіе философскаго творчества стоитъ въ зависимости отъ степени интереса, удѣляемаго философіи. Это весьма важный въ культурноисторическомъ отношеніи фактъ: нравственный и умственный уровень какой-либо эпохи характеризуется ея отношеніемъ къ философіи вообще и въ частности философскимъ направленіемъ, къ которому она склоняется. Одною изъ характерныхъ чертъ XIX столѣтія является то обстоятельство, что вслѣдъ за наивысшимъ расцвѣтомъ германской философіи въ тридцатыхъ годахъ и за ея быстрымъ упадкомъ въ сороковыхъ, съ 1850 г. наступилъ періодъ враждебнаго отношенія къ философіи, въ теченіе котораго руководящую роль въ царствѣ духа играли естественныя науки, допускавшія только прозябаніе плоскаго матеріализма, пока отдѣльныя науки не были приведены обратно на путь философіи самостоятельнымъ ходомъ своего развитія и не произошелъ въ силу многихъ причинъ подъемъ философскаго движенія. Конечно, такія эпохи, какъ протекшая между 1780 и 1830 гг., повторяются не часто. Міру пришлось ожидать ея болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, такъ какъ съ IV вѣка до Р. Х. ничего подобнаго не появлялось.

Въ началѣ и въ концѣ XIX столѣтія надъ всѣми меньшими богами и божками храма философіи, словно изваяніе Будды, высится фигура Эммануила Канта (1724—1804 г.; см. прил. таб. „Знаменитѣйшіе философы XVIII и XIX столѣтій“, фиг. 1). Отъ Канта и назадъ къ Канту — таковъ былъ ходъ развитія нѣмецкой философіи въ XIX столѣтіи. Великимъ историческимъ дѣяніемъ Канта было основаніе имъ **критицизма**, какъ отрицанія всякой догматики. Самъ онъ выросъ въ раціоналистическомъ догматизмѣ ходячей школьной премудрости, обладалъ подобно многимъ другимъ солидными познаніями въ математикѣ и естественныхъ наукахъ, медленно взбирался по ступенямъ академической лѣстницы въ своемъ родномъ городѣ Кенигсбергѣ и успѣлъ достигнуть уже зрѣлаго возраста къ тому времени, когда сталъ разочаровываться въ своемъ раціонализмѣ благодаря ученію эмпиристовъ. Юмъ вывелъ его окончательно изъ догматической дремоты, и его стало разъѣдать сомнѣніе, можно даже сказать, отчаяніе. Эта глубокая душевная буря, пережи-тая имъ, разрѣшилась гигантскимъ умственнымъ напряженіемъ, которому міръ обязанъ тѣми тремя „Критиками“, которыя начинаютъ собою новую эпоху въ исторіи человѣческой мысли: „Критикой чистаго разума (1781 г.). „Критикой практическаго разума“ (1788 г.), Критикой способности сужденія“ (1790 г.). Эти три критики соотвѣтствуютъ тремъ душевнымъ силамъ старой психологіи, разуму, волѣ, чувству и заключаютъ въ себѣ теоретическую философію Канта (теорію познанія и метафизику), его практическую философію (ученіе о правѣ и нравственности) и его эстетику.

Канта называли всеразрушителемъ; но разрушеніе не составляетъ ядра его дѣятельности; цѣль, которою онъ задается и которой онъ достигаетъ, заключается въ отдѣленіи достовѣрнаго отъ недостовѣрнаго, въ обозначеніи точныхъ предѣловъ примѣнимости понятій, формъ мышленія, теоремъ, въ сглаживаніи, примиреніи, уничтоженіи противорѣчій — эти черты были

унаслѣдованы всей послѣкантовской философіей. Бурный натискъ той эпохи, которая произвела на свѣтъ великую революцію, не отражается въ мирной душѣ Канта, но въ то же время его не коснулось и дыханіе періода реставраціи, которому поддалось большинство продолжателей его философіи; его еще не обуяли также и чары неогуманистическаго искусства, какъ его послѣдователей. Онъ устоялъ какъ противъ гнета классицизма, такъ и противъ внушеній зарождающагося романтизма. Его фантазія зачахла въ тѣни чистаго разума и категорическаго императива.

Каждая изъ трехъ „критикъ" обнаруживаетъ консервативное миролюбивое направленіе Кантовской философіи, не исключая и съ виду столь безпощадной „критики чистаго разума", въ которой онъ борется съ догматической односторонностью раціонализма, эмпиризма, идеализма и реализма, тщательно выдѣляя истину, которая въ нихъ скрывается. Весь матеріалъ нашего познанія приходитъ извнѣ, но онъ формируется и опредѣляется непосредственно субъективными формами созерцанія, пространствомъ и временемъ, равно какъ и формами понятій или категоріями, которыхъ Кантъ насчитываетъ дюжину. Если отвлечься отъ формъ созерцанія и мышленія, то остается нѣчто, непознаваемое, „вещь въ самой себѣ" (Ding an sich), которому Кантъ непослѣдовательно приписываетъ способность воздѣйствія на человѣческія чувства. По его собственной теоріи категоріи, включая и категорію причинности, относятся только къ явленіямъ, феноменамъ, а не къ нуменамъ или интеллигибельному міру. Такъ какъ формы созерцанія и формы мышленія не примѣнимы къ тому, что лежитъ по ту сторону опыта, къ трансцендентальному, то не существуетъ также никакого познанія тѣхъ умозрительныхъ идей, которыя составляли главный объектъ господствовавшей до Канта метафизики: души, вселенной, Бога. Раціональная психологія, космологія, богословіе оказываются при ближайшемъ разсмотрѣніи спутаннымъ клубкомъ парадоксовъ, противорѣчій и софизмовъ. Конечно, какъ нельзя доказать существованія Бога, безконечности вселенной, безсмертія души, такъ нельзя доказать и противоположнаго. Это не единственное утѣшеніе, оставленное Кантомъ тѣмъ, кто привязанъ къ священнымъ традиціямъ всѣми фибрами своей души. Въ своей „Критикѣ практическаго разума" онъ удѣляетъ умозрительнымъ идеямъ, такъ рѣзко раскритикованнымъ чистымъ разумомъ, мѣсто, стоящее гораздо выше познаній, относящихся къ міру явленій. Хотя Кантъ разрушилъ старую метафизику, но у него никоимъ образомъ не было намѣренія отвергать вообще всякую метафизику. До самаго конца своей ученой карьеры онъ читалъ лекціи по метафизикѣ, а конечная цѣль его критики состояла въ раскрытіи того, какъ и въ какой мѣрѣ возможна метафизика, какъ наука. Такъ, между прочимъ, онъ написалъ: „Введеніе ко всякой будущей метафизикѣ, могущей признаваться наукой" (1783 г.) „Метафизическія основы естественныхъ наукъ" (1786 г.) и „Метафизику нравовъ" (ученіе о правѣ и добродѣтели, 1797 г.). По толкованію Шопенгауэра метафизика обозначаетъ у Канта то же, что трансцендентальная философія (трансцендентальный — предшествующій всякому опыту), а метафизическое обозначаетъ все извѣстное а'priori, но относящееся къ опыту.

Практическая философія или этика Канта основывается на самыхъ богатыхъ выводами идеяхъ его системы. Послѣ устраненія всѣхъ чувственныхъ эгоистическихъ, гедонистическихъ побужденій единственной безусловной нравственной заповѣдью („категорическимъ императивомъ") остается слѣдующее положеніе: „поступай такъ, чтобы правило твоей воли могло считаться также принципомъ общаго законодательства". Мораль превращается такимъ образомъ въ самое строгое ученіе объ обязанностяхъ. Откуда берется, однако, въ человѣческой душѣ нравственный законъ, преисполнявшій душу Канта все большимъ и большимъ благого-

вѣніемъ въ такой же мѣрѣ, какъ и усѣянное звѣздами небо? Безъ сомнѣнія онъ происходитъ изъ другого высшаго порядка вещей, изъ того интеллигибельнаго міра, который лежитъ въ основѣ феноменальнаго. Человѣкъ, какъ вещь сама по себѣ, или какъ чисто-разумное существо, даетъ нравственный законъ себѣ, какъ чувственному существу, включенному въ міръ явленій. Изъ этой точки, въ которой интеллигибельный міръ сходится съ эмпирическимъ, исходятъ всѣ метафизическія системы, опирающіяся на ученіе Канта. Въ концѣ своей критики практическаго разума Кантъ примиряетъ съ собой также всѣхъ тѣхъ, которые исповѣдуютъ вѣру въ Бога, свободу и безсмертіе, окруживъ эти идеи, въ качествѣ постулатовъ чистаго практическаго разума, такимъ ореоломъ, котораго онѣ не могли бы получить, если бы считались простыми познаніями или догматами. Разрушитель раціональной теологіи и деизма чувствовалъ душевную потребность высказать свои мысли о нравственной умозрительной религіи, построенной на разумѣ, въ противоположность традиціонному церковному лжеслуженію и поповству („Религія въ предѣлахъ чистаго разума", 1793 г.); это вовлекло его въ конфликтъ съ цензурой и съ ханжескимъ правительствомъ, въ руки котораго перешла власть послѣ смерти Фридриха Великаго.

„Критика способности сужденія", послѣдняя изъ трехъ критикъ, составляетъ по существу изслѣдованіе идеи цѣлесообразности, т е л е о л о г і ю. Съ одной стороны, Кантъ останавливается на вопросѣ, въ какой мѣрѣ органическая природа и вселенная могутъ быть разсматриваемы подъ угломъ зрѣнія цѣлесообразности безъ противорѣчія механическому объясненію явленій природы. Съ другой стороны, онъ выясняетъ понятіе субъективной и формальной цѣлесообразности, на которомъ основывается ученіе о прекрасномъ и возвышенномъ. Прекрасное вызываетъ безкорыстное, стремящееся ко всеобщности чувство удовлетворенія, и родина прекраснаго — это природа. Задача искусства состоитъ въ созданіи идеальныхъ произведеній, которыя должны представляться настолько свободными, какъ будто ихъ создала сама природа. Конечно, этическій идеалистъ придаетъ цѣнностъ прекрасному только въ томъ случаѣ, если оно вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ символомъ добра.

Идея красоты и добра воспламеняла также и художественную душу Ш и л л е р а, опьяненную этическимъ паѳосомъ. Его отталкиваетъ сухая строгость кантовскихъ нравственныхъ идей, онъ указываетъ на воспитательный путь, ведущій къ добру черезъ прекрасное: прекрасное — это свобода въ явленіи, оно безцѣльно, игриво, укрощаетъ въ нашей душѣ все низкое, оно есть средство для приведенія человѣка къ нравственному хотѣнію. Искусство примиряетъ противорѣчія между чувственной и духовной половиной человѣка, только въ своей совокупности составляющими цѣльнаго человѣка. На немъ лежитъ задача устраненія противорѣчія, зіяющаго въ современномъ мірѣ между чувствомъ и разумомъ, природой и культурой, и возстановленіе того единства, которое господствовало само собою въ древнеклассическомъ искусствѣ. Изъ новѣйшихъ художниковъ ближе всего подходитъ къ этому идеалу Гете, этотъ эллинъ нашего времени. Впрочемъ, между первобытной невинностью, аркадскимъ золотымъ вѣкомъ, и конечнымъ состояніемъ вновь обрѣтенной невинности, райскимъ вѣкомъ, тянется вся реальная исторія во всей ея дисгармоніи. На мѣсто этическаго идеализма Канта сталъ самъ собой эстетическій идеализмъ Шиллера, который подчинилъ себѣ съ неудержимой силой нѣмецкій духъ на цѣлый рядъ десятилѣтій.

Иную позицію, чѣмъ Шиллеръ, а вслѣдъ за нимъ и Гете, занялъ по отношенію къ своему бывшему учителю Г е р д е р ъ, который выпустилъ въ свѣтъ два полемическихъ сочиненія противъ него („Метакритику" и „Каллигону"). Что касается Ж а н а П о л я, то онъ былъ послѣдователемъ этики Канта, но оспаривалъ его теорію познанія. Одинъ изъ старыхъ друзей

Гёте, антиспинозистъ Фридрихъ Генрихъ Якоби (1743—1819), развилъ свои антикантовскія идеи въ формальную систему религіозной философіи съ личнымъ Богомъ, свободой воли и безсмертіемъ. Даже старый сѣверный магъ Гаманнъ (срав. т. VIII, стр. 572) пророчествовалъ въ темныхъ выраженіяхъ противъ своего пріобрѣвшаго всемірную извѣстность, земляка. Къ эстетическимъ противникамъ Канта присоединились, съ одной стороны, приверженцы старыхъ школъ, Христіанъ Гарве, Іоганнъ Августъ Эбергардъ и др., а съ другой новые солидные критики, какъ Соломонъ Маймонъ (1754—1800 г.), который повелъ отчаянную борьбу противъ „вещи въ самой себѣ", Яковъ Сигизмундъ Бекъ (1791—1840 г.) и самый крупный изъ нихъ, Готлобъ Эрнстъ Шульце (1761—1833 г., „Aenesidemus)".

Тѣмъ не менѣе число послѣдователей Канта возрастало въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка гораздо быстрѣе, чѣмъ число его противниковъ. въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Іена стала средоточіемъ кантіанцевъ. Здѣсь водрузилъ знамя кантіанства Карлъ Леонардъ Р е й н г о л ь д ъ (1758—1823 г.), тутъ жили Шиллеръ, Фихте и въ теченіе нѣкотораго времени также оба Шлегеля. Въ Іенѣ читалъ также лекціи І а к о в ъ Ф р и д р и х ъ Ф р и с ъ (1773—1843 г.), истолковавшій психологически ученіе Канта и основавшій особую школу, къ которой принадлежатъ много выдающихся естествоиспытателей.

Первая четверть XIX вѣка была эпохой великихъ спекулятивныхъ системъ, вышедшихъ изъ трансцендентальной философіи Канта и такъ переплетшихся одна съ другой, что едва ли можно опредѣлить взаимныя отношенія между ними, взаимныя вліянія и позаимствованія, а тѣмъ болѣе расположить ихъ по порядку развитія въ одинъ логическій историческій рядъ, какъ сдѣлалъ гегельянецъ Куно Фишеръ (стр. 209) въ своемъ громадномъ историческомъ трудѣ о новѣйшей философіи. Для оріентировки вполнѣ достаточно подраздѣлить всѣ эти системы, по примѣру большинства историковъ, на и д е а л и с т и ч е с к у ю и романтическую группы, отнеся къ первой изъ нихъ Фихте, Шеллинга и Гегеля, а ко второй Гербарта и Шопенгауэра.

Іоаннъ Готлибъ Ф и х т е (1762—1814 г.; см. таб., прил. къ стр. 203, фиг. 2) былъ творцомъ метафизической системы, которую принято называть системой „субъективнаго идеализма". Терминъ Фихте „Wissenschaftslehre"— только болѣе удобопонятный синонимъ греческаго слова „философія". Надъ гробомъ кантовской „вещи въ себѣ" Фихте беретъ на себя смѣлость вывести все разнообразіе опыта изъ самосознанія, изъ свободной дѣятельности умозрительнаго или абсолютнаго „я" при посредствѣ діалектическаго процесса тезиса, антитезиса и синтезиса. У Фихте еще больше, чѣмъ у Канта, воля ставится впереди интеллекта, практическая философія впереди теоретической. Центръ тяжести его дѣятельности лежитъ въ его ученіи о народномъ воспитаніи. И для него тоже долгъ является наивысшимъ понятіемъ въ ученіи о нравственности; но онъ вливаетъ въ него конкретное содержаніе, развиваетъ обязанности художника и ученаго, по его убѣжденію, самыя высокія на землѣ. Право и государство онъ тоже наполняетъ опредѣленнымъ содержаніемъ, напримѣръ, въ своемъ „Замкнутомъ торговомъ государствѣ" (1800 г.), этомъ проектѣ крайне антииндивидуалистическаго государственнаго соціализма, и въ „Рѣчахъ къ Германской націи" (1808 г.), въ которыхъ онъ требуетъ отъ государства, чтобы оно воспитывало юношество въ нравственномъ режимѣ для подготовленія его къ національнымъ задачамъ. Современная ему эпоха внушаетъ ему одно лишь отвращеніе; съ историко-философской точки зрѣнія онъ считаетъ ее низшей точкой на всемъ пути развитія человѣчества, которому предстоитъ приблизиться снова, благодаря наукѣ и искусству, къ тому состоянію, въ которомъ оно находилось инстинктивно въ началѣ міровой жизни. Въ произведеніяхъ послѣдняго періода своей жизни Фихте поддается

все сильнѣе и сильнѣе своей страсти къ теософскимъ спекуляціямъ, въ которыхъ гибнетъ его интеллектуальная и нравственная энергія.

Еще тѣснѣе, чѣмъ Фихте, былъ связанъ съ романтизмомъ Фридрихъ Вильгельмъ Іосифъ Шеллингъ (1775—1854 г., см. таб., прил. къ стр. 203, фиг. 5). Художественность была основной чертой его характера; его философствованіе было поэтическимъ творчествомъ. Въ его развитіи можно различить цѣлый рядъ стадій; двѣ изъ нихъ, начальная и конечная, имѣютъ историческое значеніе. Первое изъ великихъ твореній Шеллинга — это система тождества: объектъ и субъектъ, реальное и идеальное, природа и духъ — одно и то же въ абсолютѣ, изъ котораго они исходятъ параллельными путями. Пренебреженіе ко всему эмпирическому превратило натурфилософію Шеллинга въ пугало, которое заставило естествоиспытателей отвернуться отъ философіи и которое пускается эффектно въ ходъ и понынѣ, когда хотятъ вызвать возмущеніе противъ всего, смахивающаго на философію. При всемъ томъ сквозь натурфилософію Шеллинга, какъ и сквозь его философію исторіи, просвѣчиваетъ идея эволюціи. Подобно природѣ, восходящей отъ мертваго къ живому, отъ безсознательнаго къ сознательному, исторія тоже есть постепенное самораскрытіе абсолюта, никогда, однако, не заканчивающееся. Прекрасное — это безконечное, изображенное въ конечныхъ формахъ; поэтому искусство имѣетъ предъ собою задачу, которая никогда не будетъ разрѣшена вполнѣ. Не природа служитъ образцомъ для искусства, а, напротивъ того, произведенія генія заключаютъ въ себѣ тѣ правила, на основаніи которыхъ слѣдуетъ судить о произведеніяхъ природы. Изъ брошенныхъ мимоходомъ Шеллингомъ идей Карлъ Вильгельмъ Фердинандъ Зольгеръ (1780—1819 г.) построилъ впослѣдствіи свою эстетику. Уже въ первомъ десятилѣтіи XIX столѣтія Шеллингъ, усердно изучавшій мистическихъ писателей, начиная отъ нео-платониковъ и кончая Луи Клодомъ де Сенъ-Мартеномъ, сталъ самъ впадать въ мистицизмъ. Наконецъ, онъ замолкъ и только спустя большой промежутокъ времени снова обратилъ на себя вниманіе въ 1841 г. своей берлинской вступительной лекціей, въ которой онъ обѣщалъ дать положительную философію вмѣсто прежней отрицательной. Обнародованная часть ея ограничивается философіей миѳологіи и откровенія, т. е. построеніемъ религіи на основаніи той идеи, что послѣдовательно смѣняющіяся представленія людей о Богѣ тождественны съ самораскрытіемъ Бога въ мірозданіи. Во всякомъ случаѣ всѣ стадіи шеллинговской мистики проникнуты однимъ великимъ принципомъ ирраціонализма, философіей мірового неразумія, живущаго на ряду съ міровымъ разумомъ. Наконецъ, онъ переноситъ неразумное въ самый абсолютъ, который поднимается постепенно отъ смутныхъ порываній безсознательной воли къ сознанію и разуму. Шеллингъ имѣлъ много выдающихся послѣдователей, между прочимъ, и среди естествоиспытателей. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Генрихъ Стеффенсъ (1773—1845 г.) и Францъ Баадеръ (1765—1841), бывшіе наполовину учениками, наполовину учителями Шеллинга, стали сами въ свою очередь основателями сектъ. Карлъ Христіанъ Фридрихъ Краузе (1781—1832 г.) тоже принадлежитъ къ числу тѣхъ, для кого философія Шеллинга послужила отправной точкой. Со своимъ панентеизмомъ (ученіемъ о томъ, что все вмѣщается въ Богѣ) и своей человѣколюбивой этикой, этотъ человѣкъ, всю жизнь боровшійся съ самой отчаянной нищетой, добился бы безъ сомнѣнія гораздо большихъ результатовъ, если бы не выдумалъ самой запутанной пуристической терминологіи. Благодаря болѣе удобопонятнымъ переводамъ, его теоріи пріобрѣли и имѣютъ и понынѣ послѣдователей въ Бельгіи и Испаніи. Къ звѣздамъ первой величины Краузе можетъ быть причисленъ такъ же мало, какъ и богословъ Фридрихъ Эрнстъ Даніилъ Шлейермахеръ (1768—1834 г.), прославленный современниками и потомствомъ. Во дни юности романтизма

онъ выступилъ со своими вкрадчивыми рѣчами какъ защитникъ религіи, съ цѣлью обратить на путь истины „образованную часть ея враговъ“ (1799 г.); всю свою жизнь онъ трудился надъ тѣмъ, чтобы эстетически приподнятое благочестіе стало модой также и въ кругу лютеранъ. При всемъ томъ ему пришлось примириться съ переходомъ въ католическій лагерь его друга Фридриха Шлегеля, за „Люцинду“ котораго онъ ломалъ копья въ 1801 г. и за которымъ послѣдовали туда же такъ много эстетиковъ романтическаго направленія. Какъ философъ, Шлейермахеръ исповѣдуетъ идеалистическій реализмъ примирительнаго характера, который не стремится къ разрушенію богословія и въ то же время не хочетъ подчиняться ему. Бытіе и мышленіе не тождественны, но въ Богѣ они вполнѣ совмѣщаются. Человѣку суждено приближаться къ божественной истинѣ только съ безконечной постепенностью. Въ виду этого Шлейермахеръ опредѣляетъ философію, какъ ученіе о вѣчно-созидающемся знаніи. Такою же кротостью и вкрадчивостью, какъ его метафизика, отличается его этика, которая представляетъ собою, главнымъ образомъ, ученіе о благахъ и представляетъ широкій просторъ индивидуальности, равно какъ и его педагогика. Главнѣйшая заслуга Шлейермахера заключается въ томъ, что наперекоръ сухой и односторонней всеобщности идеалистическихъ системъ онъ указалъ на область индивидуальныхъ цѣнностей, какъ на сравнительно наиболѣе драгоцѣнные цвѣты жизни человѣчества.

Третья звѣзда первой величины послѣкантовской идеальной философіи, Георгъ Вильгельмъ Фридрихъ Гегель (1770—1832, срав. таб., прил. къ стр. 203, фиг. 3) еще при жизни своей затмилъ всѣхъ своихъ соперниковъ. За этимъ высокимъ подъемомъ послѣдовало вскорѣ послѣ его смерти столь же глубокое паденіе престижа какъ его философіи, такъ и философіи вообще. Однако Гегель принадлежитъ къ числу тѣхъ крупныхъ величинъ, которыя теперь опять поднимаются вверхъ, и вообще онъ никогда не оставался въ такомъ пренебреженіи, какъ Фихте и Шеллингъ. Было исторической необходимостью, чтобы его абсолютный идеализмъ и панлогизмъ былъ когда-либо продуманъ и изложенъ именно съ той грандіозной односторонностью, которая заставляетъ занять по отношенію къ нему опредѣленное положеніе. Формы (человѣческаго) мышленія суть также и формы бытія — гласитъ аксіома, въ которой стерлось всякое воспоминаніе о кантовскомъ критицизмѣ. При помощи діалектическаго метода (тезиса, антитезиса и синтезиса Фихте) духъ можетъ построить всѣ ступени царства идей и совпадающихъ съ ними вещей. Въ своей „Феноменологіи духа“ (1807 г.) Гегель изображаетъ пропедевтически всѣ ступени познанія вплоть до наивысшей, абсолютнаго всеобъемлющаго знанія, которое должно заключаться въ его философіи. Согласно діалектическому ритму саморазвитіе разума бываетъ трояраго рода, и на этомъ основано расчлененіе философіи на три части: 1) логику, ученіе о разумѣ въ самомъ себѣ; она обнимаетъ ученіе о бытіи, ученіе о сущности и ученіе о понятіи; 2) натурфилософію, или ученіе о разумѣ (идеѣ) въ его инобытіи; здѣсь Гегель излагаетъ съ отталкивающимъ незнаніемъ дѣла механику, физику и органику; 3) философію духа или идеи, возвратившейся изъ своего инобытія къ себѣ; она трактуетъ о субъективномъ духѣ (антропологія, феноменологія, психологія), объ объективномъ духѣ, заключающемъ въ себѣ право, мораль, нравственность, (послѣдняя относится къ семьѣ, обществу и государству) и, наконецъ, объ абсолютномъ духѣ, открывающемся въ искусствѣ, религіи и философіи. Чѣмъ глубже спускается Гегель въ сферу духа, тѣмъ большую проницательность и тѣмъ большее обиліе плодотворныхъ, незабвенныхъ мыслей высказываетъ онъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ въ особенности его лекціи по философіи исторіи, искусства и религіи и по исторіи философіи. Если Кантъ воспитался преимущественно на естествознаніи, живя въ концѣ трехсотлѣтняго періода, чуждаго

историческому мышленію, въ теченіе котораго естественныя науки прямо таки душили науки о духѣ и науки, обнимающія исторію и культуру, то у Фихте, Шеллинга и Гегеля науки о духѣ входятъ въ ансамбль философіи не въ качествѣ равноправнаго только съ другими, но какъ господствующій надъ другими элементъ. Принципъ исторіи, постепенное развитіе, возводится въ принципъ міровой дѣйствительности и уразумѣнія міра, съ тѣмъ, однако, преувеличеніемъ, что дѣйствительное признается безъ обиняковъ разумнымъ, а разумное дѣйствительнымъ. Философіи Гегеля не достаетъ признанія прраціональнаго, нелогическаго, нецѣлесообразнаго момента мірозданія. „Тѣмъ не менѣе за гегелевской системой остается то великое значеніе, что она выдвинула впервые внутреннюю связь между всѣми науками о духѣ и идею строгой закономѣрности духовныхъ явленій" (Вундтъ).

Ни одинъ нѣмецкій философъ не имѣлъ такъ много послѣдователей въ Германіи и внѣ ея, какъ Гегель. Въ Пруссіи его ученіе пользовалось покровительствомъ правительства. Тѣмъ не менѣе школа Гегеля распалась вскорѣ послѣ смерти своего основателя. Она раскололась на ортодоксальную, крайне консервативную правую и радикальную въ вопросахъ религіи и политики лѣвую; средину занималъ умѣренный центръ, который состоялъ изъ такихъ людей, какъ Іоганнъ Карлъ Розенкранцъ (1805—1879 г.), выдающійся философъ искусства и историкъ литературы, и Іоганнъ Эдуардъ Эрдманъ (1805—1892 г.), авторъ „Исторіи философіи". Правая никогда не пользовалась вліяніемъ, но лѣвая насчитывала въ своей средѣ такихъ людей, которые заставляли говорить о себѣ и развивали дѣятельность, выходящую за предѣлы философіи, какъ, напримѣръ, Людвигъ Фейербахъ, Давидъ Фридрихъ Штраусъ, Бруно Бауэръ и Арнольдъ Руге. Многіе изъ гегельянцевъ, притомъ далеко недюжинные, держались въ сторонѣ отъ партійной полемики и увѣковѣчили свое имя монументальными трудами; сюда относятся два историка философіи: почтенный Эдуардъ Целлеръ (род. въ 1814 г.) и Куно Фишеръ (1824—1907 г.), талантливѣйшій лекторъ своего времени, имѣвшій въ толкованіи классической поэзіи только одного соперника, — знаменитаго эстетика и юмориста Фридриха Теодора Вишера (1807—1887 г.).

Послѣ гегелевской школы наибольшей популярностью пользовалась въ теченіе нѣкотораго времени школа Гербарта, которая могла также гордиться наиболѣе выдающимися представителями, главнымъ образомъ, въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ. Будучи пересажена въ Австрію преобразователями австрійской системы народнаго просвѣщенія Экснеромъ и Боницомъ (т. VIII, стр. 592) она господствовала тамъ почти въ теченіе цѣлаго поколѣнія и была постепенно вытѣснена изъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній болѣе новыми направленіями только въ восьмидесятыхъ годахъ. Ея основатель Іоганнъ Фридрихъ Гербартъ (1776—1841 г.) былъ въ періодъ расцвѣта философіи главнымъ представителемъ метафизическаго реализма, какъ сознательнаго протеста противъ идеалистическихъ системъ. Задачею метафизики онъ считаетъ очистку самыхъ общихъ понятій посредствомъ устраненія приставшихъ къ нимъ противорѣчій. Это приводитъ его къ допущенію безчисленнаго множества простыхъ реальныхъ сущностей (на подобіе монадъ Лейбница), сталкивающихся другъ съ другомъ и реагирующихъ на эти нарушающія вліянія въ смыслѣ самосохраненія. Душа тоже является такою простою внѣпространственною сущностью, и ея реакціи самосохраненія доходятъ до нашего сознанія въ видѣ представленій. Ученіе Гербарта и его школы о развитіи представленій составляетъ самую цѣнную часть его психологіи, частью ставшую уже общимъ достояніемъ. Психологія отдѣлилась постепенно отъ философіи и частью отъ метафизики, и стоитъ теперь на собственныхъ ногахъ, какъ самостоятельная наука. Сдѣланная Гербартомъ попытка примѣненія математики къ психологіи не дала никакихъ результатовъ. Его психологія можетъ существовать и сама по себѣ, безъ метафи-

зики и математики: отдѣлилъ же онъ самъ отъ метафизики эстетику вмѣстѣ съ этикой. Объектъ эстетики составляютъ тѣ понятія, къ которымъ безсознательно примѣшивается чувство удовольствія или неудовольствія. Такія оцѣнивающія сужденія относятся, главнымъ образомъ, къ волевымъ отношеніямъ и могутъ быть сведены здѣсь къ пяти идеямъ или типическимъ понятіямъ (внутренняя свобода, совершенство, благоволеніе, право и справедливость). Такую же прочную цѣнность, какъ и психологія Гербарта, имѣетъ и его педагогика, основанная на психологіи и этикѣ. Надъ дальнѣйшей разработкой гербартовской психологіи трудились Морицъ Вильгельмъ Дробишъ (1802—1896 г.), работавшій также въ области логики и философіи религіи, Людвигъ Штрюмпель (1812—1899 г.), Вильгельмъ Фолькманъ (1821—1877 г.) и антропологъ Теодоръ Вайцъ (1821—1864 г.). Пробѣлъ, оставленный Гербартомъ въ разработкѣ художественной стороны эстетики, былъ восполненъ въ формалистическомъ духѣ гербартовской школы Робертомъ Циммерманомъ (1824—1898 г.). Въ качествѣ педагоговъ пріобрѣли извѣстность Туисконъ Циллеръ (1817—1882 г.). Отто Вильманъ (род. въ 1839 г.), который въ послѣднее время сталъ окончательно на почву схоластики въ духѣ Ѳомы Аквината, Вильгельмъ Рейнъ (род. въ 1847) и др. Подобно психологіи, педагогика представляетъ въ настоящее время особую научную дисциплину, не связанную ни съ какой опредѣленной философской системой.

Рядомъ съ Гербартомъ работалъ самостоятельно въ области психологіи и педагогики Эдуардъ Бенеке (1798—1854 г.). Для Бенеке источникомъ, изъ котораго онъ выводитъ всѣ наши безспорныя знанія, является внутренній опытъ. За нравственный критерій онъ принимаетъ цѣнность, которую представляетъ тотъ или иной поступокъ для отдѣльнаго лица или для большей группы. Долгъ состоитъ въ томъ, чтобы совершать самое цѣнное при данныхъ условіяхъ. Бенеке не забирается въ область метафизики, но признаетъ за вѣрой право на существованіе наряду съ наукой.

Философія Гербарта имѣла всегда исключительно академическій интересъ. Труды великихъ идеалистовъ тоже читались мало, такъ какъ они были написаны на языкѣ, непонятномъ для непосвященныхъ, и замыкались въ кругу безплотныхъ абстракцій. Замѣчательно, что по волѣ судьбы единственный удобочитаемый философъ оставался незамѣченнымъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Уже въ 1819 году вышло въ свѣтъ первое изданіе сочиненія Артура Шопенгауэра (1788—1860 г.; см. табл., прил. къ стр. 203, фиг. 6) „Міръ, какъ воля и представленіе“, но оно имѣло такъ мало успѣха, что лежало по большей части подъ спудомъ до 1842 г., когда авторъ обнародовалъ второе изданіе, дополненное вторымъ томомъ. Только послѣ выхода въ свѣтъ его „Parerga und Paralipomena“ (1851 г.), Шопенгаэра открыли, его начали превозносить, и онъ сталъ моднымъ философомъ, завладѣлъ умами. По Шопенгауэру, міръ открывается намъ сначала, какъ представленіе, связанное съ пространствомъ и временемъ, подчиненное принципу основанія; но это иллюзія нашего интеллекта, галлюцинація нашихъ чувствъ. Путь къ истинной сущности вещей открывается предъ нами не со стороны разума, замкнутаго въ кажущемся мірѣ, а со стороны того, что дано намъ во внутренней непосредственности и называется волей. Вещь въ себѣ — это та всеединая, чуждая пространству и времени воля, къ которой категоріи не имѣютъ никакого отношенія. Воля объективируется въ постепенно восходящемъ царствѣ идей, помѣщаемомъ Шопенгауэромъ между волей и отдѣльными предметами. Но міръ воли, этой слѣпой воли, этого слѣпого, безцѣльнаго, никогда не удовлетворяющагося тяготѣнія, дурной, самый худшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, онъ преисполненъ физическаго и нравственнаго злосчастія. Со своимъ обоснованнымъ эмпирически и метафизически пессимизмомъ Шопенгауэръ выступилъ противъ господствующаго со времени возрожденія въ европейскомъ міровозрѣніи и жизнепониманіи оптимизма; но онъ указалъ

также пути, ведущіе къ спасенію. Ими являются искусство и затѣмъ нравственность, главную двигательную пружину которой составляетъ состраданіе. Противовѣсомъ къ обыкновеннымъ человѣческимъ поступкамъ, вызываемымъ эгоизмомъ и злобой, служатъ смягчающіе и возвышающіе душу подвиги справедливости и человѣколюбія. Однако для отдѣльной личности не существуетъ выбора; каждый поступаетъ такъ, какъ онъ вынужденъ поступать въ силу своего неизмѣннаго характера и дѣйствующихъ на него побужденій. Единственный принципъ, ведущій къ полному спасенію — это отрицаніе воли въ жизни не посредствомъ самоубійства, составляющаго лишь актъ утвержденія воли, а посредствомъ аскетизма, совершенной святости, согласно ученію великихъ арійскихъ религій Востока, не исключая и христіанства, очищеннаго отъ іудейской миѳологіи

Къ тому времени, когда шопенгауэровская философія пріобрѣла большую популярность, послѣкантовскій идеализмъ уже сошелъ на время со сцены. Людвигъ Фейербахъ (1804—1872 г.) и Максъ Штирнеръ (собственно Каспаръ Шмидтъ, 1806—1856 г.) провожали его въ могилу ѣдкой сатирой. Фейербахъ, обособившійся отъ крайней лѣвой гегелевской школы, развивалъ сначала въ качествѣ философа религіи на разные лады ту тему, что люди создаютъ себѣ своихъ боговъ по образу и подобію своихъ желаній и далъ отставку всякой метафизикѣ и ученію объ идеяхъ на томъ основаніи, что не существуетъ ничего болѣе реальнаго, чѣмъ живой человѣкъ во плоти и крови. Послѣднее слово его философіи — это отрицаніе всякой философіи. Слѣдуетъ ли принимать Макса Штирнера въ серьезъ, или же онъ только потѣшался, — рѣшить трудно. То, что онъ проповѣдуетъ въ своей книгѣ „Единственный и его собственность“ (1845 г.), представляетъ апологію эгоизма, индивидуальнаго произвола, своего „я“, ни съ чѣмъ не связавшаго своихъ интересовъ, ѣдкую насмѣшку надъ какими бы то ни было идеалами, прославленіе анархіи.

Много шума надѣлалъ около середины пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія такъ называемый споръ о матеріализмѣ. Онъ загорѣлся въ 1854 г., а поводомъ къ нему послужила рѣчь физіолога Рудольда Вагнера (1805—1864 г.) на геттингенскомъ съѣздѣ естествоиспытателей. Этотъ споръ обнаружилъ, во всякомъ случаѣ, что образованные классы прониклись скептическимъ или же отрицательнымъ отношеніемъ къ спиритуалистическимъ, супранатуралистическимъ и религіознымъ ученіямъ о мірѣ и душѣ. Тогдашніе поборники естественно-научнаго матеріализма и теперь еще имѣютъ свой кругъ читателей, напр., Карлъ Фохтъ (1817—1895 г.), Яковъ Молешоттъ (1822—1893 г., „Круговоротъ жизни“) и Людвигъ Бюхнеръ (1824—1899 г.; „Сила и матерія“). Одинъ только Генрихъ Чольбе (1819—1873 г.), самый выдающійся изъ нихъ, окончательно забытъ. Споръ возгорѣлся снова, когда бывшій гегельянецъ Давидъ Фридрихъ Штраусъ (1808—1874 г.) выступилъ предъ публикой со своимъ сочиненіемъ „Старая и новая вѣра“ (1872 г.), въ которомъ онъ обсуждаетъ вопросъ: „можемъ ли мы считаться христіанами? есть ли у насъ религія“? и даетъ на него отрицательный отвѣтъ. Это матеріалистическое движеніе ограничивалось исключительно буржуазными кругами; но зародился другой матеріализмъ — экономическій, или матеріалистическая философія исторіи, ученіе Маркса и Энгельса, предназначенное для пролетаріата. Къ экономическому матеріализму присоединился вскорѣ въ этой сферѣ философскій (психологометафизическій). Когда Эрнстъ Геккель (род. въ 1834 г.) выпустилъ въ свѣтъ свои „Міровыя загадки“, то эта книга разошлась между рабочими въ количествѣ 200 тысячъ экземпляровъ. Насчетъ матеріалистическаго монизма Геккеля можно быть различнаго мнѣнія, но у естествоиспытателя Геккеля можно научиться многому.

Реакція противъ философскаго радикализма и нигилизма проявилась прежде всего въ томъ, что стали выдвигаться на сцену старые авторитеты,

отъ которыхъ ожидали большей помощи въ борьбѣ противъ ненавистныхъ направленій, чѣмъ отъ дискредитированныхъ знаменитостей послѣкантовской спекулятивной философіи. Стало замѣтно тяготѣніе къ авторитетной философіи. Адольфъ Тренделенбургъ (срав. стр. 190) вытащилъ изъ-подъ спуда Аристотеля, для того, чтобы, облекшись въ перипатетическую мантію, разрушить послѣдніе остатки гегельянства и пустить въ ходъ свои собственныя плоскія измышленія подъ видомъ новопрусской національной философіи. Аристотелизмъ былъ выдвинутъ также совсѣмъ съ другой стороны: чтобы ввести единообразіе въ преподаваніе философіи, составляющей основу богословскаго образованія у католиковъ, папа Левъ XIII рекомендовалъ или, вѣрнѣе сказать, декретировалъ въ своей энцикликѣ философію св. Ѳомы Аквинскаго, какъ истинную философію, согласную съ откровеніемъ и опытомъ. Ѳома Аквинскій — послѣдователь Аристотеля, и Аристотель пріобрѣлъ такимъ образомъ значеніе авторитета, на которомъ основывается современная католическая философія, или неосхоластика.

Послѣ кризиса нѣмецкой спекулятивной философіи самымъ важнымъ событіемъ въ исторіи философіи должно считаться возвращеніе къ Канту. Возникновеніе неокантіанства или неокритицизма относится къ шестидесятымъ годамъ XIX столѣтія, когда среди всеобщаго утомленія и разочарованія вышли въ свѣтъ шопенгауэровская критика Канта въ приложеніи къ его главному труду „Міръ, какъ воля и представленіе“, блестящее изложеніе всей философіи Канта, принадлежащее перу Куно Фишера, и „Исторія матеріализма“ Ланге. Новокантовская школа распадается на нѣсколько секцій. Исключительно на точкѣ зрѣнія преклоненія предъ авторитетомъ своего учителя стоятъ кантовскіе филологи, которые ограничиваются критикой текста и герменевтикой своего автора; сюда относятся Бенно Эрдманъ (род. въ 1851 г.), Гансъ Файхингеръ (род. въ 1852 г.) и Эрихъ Адикесъ (род. въ 1766 г.). Философствующіе неокантіанцы занимаются преимущественно вопросами теоріи познанія, а также и этики, но не касаются метафизики. Фридрихъ Альбертъ Ланге (1828—1875 г.) призналъ матеріализмъ самой пріемлемой метафизической системой, но оговорился, что матеріализмъ не можетъ устоять предъ кантовской критикой, что вообще всякая метафизика оказывается искусственнымъ построеніемъ, имѣющимъ, можетъ быть, нравственное и соціальное значеніе, но лишеннымъ всякой научной цѣнности. На сторонѣ критицизма стоитъ марбургская школа, названная этимъ именемъ по той причинѣ, что ея глава Германъ Когенъ (род. въ 1842 г.) — профессоръ марбургскаго университета. Полукантіанцами называются тѣ мыслители, основывающіеся на Кантѣ, которые считаютъ возможнымъ построеніе критической метафизики, какъ, напр., Отто Либманъ (род. въ 1840 г.) и эклектикъ Іоганнъ Фолькельтъ (род. въ 1848 г.). Въ нѣкоторой, довольно слабой связи съ неокантіанствомъ стоитъ также и Вильгельмъ Виндельбандъ (род. въ 1848 г.). Онъ опредѣляетъ философію, какъ науку о самыхъ общихъ цѣнностяхъ, и защищаетъ самобытность и самостоятельность наукъ о духѣ или историческихъ наукъ отъ натиска естественныхъ наукъ и притязаній недоумковъ, невѣжественныхъ въ наукахъ о духѣ; въ этомъ ему дѣятельно помогаетъ Генрихъ Риккертъ (род. въ 1863 г.). На кантовскихъ принципахъ основывается также такъ называемая имманентная философія (философія непосредственно даннаго), въ своей теоріи познанія, исповѣдующая солипсизмъ, (т. е. принимающая, что познающее „я“ не можетъ выйти за предѣлы самого себя), но не придерживающаяся его въ области этики и метафизики; представителями этой школы являются Вильгельмъ Шуппе (род. въ 1836 г.), Іоганесъ Ремке (род. въ 1848 г.) и Ричардъ Шубертъ-Зольдернъ (род. въ 1852 г.). Исходящимъ отъ Канта направленіемъ слѣдуетъ признать и эмпиріокритицизмъ Рихарда Авенаріуса (1843—1896 г.), сводящаго всѣ понятія къ чистому опыту. Рядомъ съ неокантіанцами надо упомянуть и о малочисленной кучкѣ неофих-

теанцевъ, куда относятся Юлій Бергманъ (1840—1904 г.). Рудольфъ Эйкенъ (род. въ 1846 г.), требующій отъ философіи, чтобы она давала не только систему знаній, но и систему жизни, и нѣмецко-американскій психологъ Гуго Мюнстербергъ (род. въ 1863 г.).

Въ эпоху тяжелаго кризиса нѣмецкая философія испытала на себѣ вліяніе другихъ странъ, въ особенности Франціи и Англіи. Французская философія XIX вѣка продолжала прежде всего идейную работу вѣка просвѣщенія. Идеологія Антуана Луи Клода Детю-де-Траси (1754—1836 г.) — это усовершенствованный сенсуализмъ въ духѣ Кондильяка, которому Пьеръ Жанъ Жоржъ Кабанисъ (1757—1808 г.) далъ чисто физіологическое истолкованіе. Разработкой сенсуалистическаго идейнаго матеріала занимались также обѣ физіологическія школы: парижская (Филиппъ Пинель, 1745—1826 г., Франсуа Викторъ Жозефъ Бруссе, 1772—1838 г., Франсуа Жозефъ Галль, 1758—1828 г.) и Монпельевская (Поль Жозефъ Бартэ, 1734—1806 г., Мари Франсуа Ксавье Биша, 1771—1802 г.); Франсуа Пьеръ Гутье Менъ де Биранъ (1766—1824 г.) придалъ психологіи болѣе спиритуалистическое направленіе. Усвоеніе шотландскихъ и нѣмецкихъ философскихъ идей привело къ спиритуалистическому эклектицизму, главнымъ представителемъ котораго былъ Викторъ Кузенъ (1792—1867 г.). Французскій эклектицизмъ блещетъ цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ именъ и пріобрѣлъ значеніе оффиціальной философіи у себя на родинѣ, гдѣ философія принадлежитъ къ числу обязательныхъ предметовъ даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Гораздо болѣе цѣнными плодами духовной борьбы, происходившей въ періодъ реставраціи и іюльской монархіи, были традиціонализмъ и соціализмъ, первый изъ которыхъ былъ церковно-феодальнымъ философскимъ направленіемъ (Луи Габріель де Бональ, 1753—1840 г., Жозефъ де Местръ 1754—1821 г., Пьеръ Симонъ Балланшъ, 1776—1847 г.), а второй — дальнѣйшимъ развитіемъ ученія Сенъ-Симона. Изъ сенъ-симонизма и духа, завѣщаннаго энциклопедистами, выросла также та французская философская школа, которая занимаетъ первое мѣсто какъ по своему внутреннему достоинству, такъ и по своему историческому значенію: позитивизмъ Огюста Конта. Позитивная философія отказывается отъ всякихъ религіозныхъ и метафизическихъ традицій и вопросовъ и ограничиваетъ свою задачу приведеніемъ въ цѣлостную систему выводовъ, добытыхъ естественными науками, причемъ къ послѣднимъ пристегиваются психологія (какъ часть біологіи) и соціологія. Большинство французскихъ позитивистовъ впало въ эклектицизмъ, каждый на свой ладъ. Когда англійскій эволюціонизмъ перешагнулъ черезъ Ламаншъ, французы набросились на него съ жадностью и онъ подвергся у нихъ многократнымъ переработкамъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ сочиненія Дюрана де Гро (1826—1900 г.), Альфреда Фулье (род. въ 1838 г.) и Жана Мари Гюйо (1854—1888 г.). На французской почвѣ акклиматизировалась также англійская, а впослѣдствіи и нѣмецкая психологія. Изслѣдователю проблемы наслѣдственности, психологу Теодюлю Рибо (см. стр. 199) Франція обязана тѣмъ, что она обладаетъ психологическими лабораторіями, устроенными по образцу Лейпцигской. Параллельно германскому неокритицизму возникло подобное же направленіе и во Франціи. Самымъ выдающимся изъ его представителей является Шарль Ренувье (род. въ 1815 г.), первый французскій систематикъ со временъ Мальбранша. За нимъ идутъ Жюль Лашелье (род. въ 1832 г.) и ученикъ послѣдняго Эмиль Бутру (род. въ 1845 г.). На другія страны, въ особенности на страны, говорящія на нѣмецкомъ языкѣ, не оказало вліянія ни одно изъ французскихъ философскихъ направленій кромѣ позитивизма.

Гораздо болѣе сильное вліяніе оказала на другія страны англійская философія, психологія и логика, а также натуралистическій эволюціонизмъ Дарвина и Спенсера. Ассоціаціонная психологія Юма и Давида

Гартлея (1704—1757 г.) съ одной стороны, а съ другой стороны шотландская „философія здраваго смысла“, Common Sense Philosophy, переползли черезъ порогъ XIX столѣтія, незатронутыя французской революціей и нѣмецкой спекулятивной философіей. Въ лицѣ Іереміи Бентама (1748—1832 г.) нашла своего классическаго представителя настоящая англійская національная философія, утилитаризмъ (Utilitarianism). Ассоціаціонная психологія получила самую законченную свою форму въ трудахъ Джемса Милля (1773—1836 г.). Въ „Логикѣ“ Джона Стюарта Милля (сына Джемса) слились въ одну систему, выглядящую почти оригинальной, отцовское, утилитаристское, позитивистское и нѣмецкое вліянія. То, что сдѣлано имъ для методики, особенно для теоріи индукціи, остается его вѣчной заслугой. Не слѣдуетъ, однако, забывать о его предшественникахъ Джонѣ Гершелѣ (1792—1871 г.) и Уильямѣ Юэллѣ (1794—1866 г.), а также и его преемникахъ, какъ, напр., Александрѣ Бенсѣ (род. въ 1818 г.) и Джонѣ Бенсѣ (род. въ 1834 г.). Стюартъ Милль писалъ также объ Уильямѣ Гамильтонѣ (1788—1856 г.), преобразователѣ шотландской философіи и защитникѣ принципа относительности всякаго человѣческаго познанія. Пущенный въ оборотъ Гексли терминъ агностицизмъ приложимъ къ его ученію о непознаваемости безконечнаго, абсолютнаго, трансцендетнаго точно такъ же, какъ и къ подобнымъ же заявленіямъ позитивистовъ и эволюціонистовъ. Ученикъ Гамильтона Генри Лонгвиль Мансель (1820—1871 г.) использовалъ агностицизмъ для богословскихъ цѣлей; признавая недоказуемость абсолютнаго, онъ выводитъ отсюда, что абсолютное не можетъ быть и оспариваемо. Кульминаціоннымъ пунктомъ англійской философіи XIX вѣка являются дарвинизмъ и спенсеровскій эволюціонизмъ. Оба эти ученія — дѣтища направленія мысли, основывающагося почти исключительно на естественныхъ наукахъ, въ противоположность германской теоріи развитія, вышедшей изъ лона наукъ о духѣ. Въ глазахъ основателя „синтетической философіи“ эволюція является закономъ, по которому управляетъ міромъ непознаваемая сила. Такимъ образомъ англійскіе позитивисты-эволюціонисты тоже оказываются послѣдователями агностицизма. Однако религіозныя потребности страны, въ которой континентальный индифферентизмъ и свободомысліе всегда были исключительными явленіями, толкали къ метафизическому завершенію эмирической картины мірозданія. Въ интересахъ философіи религіи Джемсъ Мартино (1805—1900 г.) выступилъ провозвѣстникомъ возврата къ дуализму. Ознакомленіе съ нѣмецкой философіей привело къ возникновенію новыхъ метафизическихъ теченій. Починъ къ изученію нѣмецкихъ системъ былъ положенъ, главнымъ образомъ, Гетчисономъ Стирлингомъ (род. въ 1820 г.) и Эдуардомъ Кэрдсомъ (род. въ 1835 г.). Оксфордъ сталъ центромъ этого теченія. Первымъ самостоятельнымъ представителемъ критическаго идеализма былъ Томасъ Гиль Гринъ (1836—1882 г.); на ряду съ нимъ зарекомендовали себя въ философіи Ф. Г. Брэдлей, Робертъ Адамсонъ и Уильямъ Уоллесъ.

Французскія и англійскія вліянія привели къ возникновенію германскаго позитивизма. Онъ не стоитъ ни въ какой связи ни съ кантовской, ни съ послѣкантовской философіей. Онъ стремится къ философіи опыта или дѣйствительности, непосредственно примыкающей къ позитивнымъ спеціальнымъ наукамъ. Психологія, теорія познанія, этика и эстетика должны быть освобождены отъ всякихъ метафизическихъ гипотезъ. Въ отдѣльныхъ частностяхъ германскіе позитивисты рѣзко расходятся между собой. Наиболѣе выдающимися изъ нихъ слѣдуетъ считать Карла Геринга (1841—1879 г.), Эрнста Лааса (1837—1885 г.), Алоиза Риля (род. въ 1844 г., теорія познанія), Фридриха Іодля (род. въ 1849 г.; этика) и соціолога Фердинанда Тенниса (род. въ 1855 г.). Къ нимъ же можно причислить и Эрнста Маха (род. въ 1838 г.), пріобрѣтшаго репутацію первоклассного мыслителя своей критикой механики и теоріи теплоты съ точки зрѣнія те-

оріи познанія, сведеніемъ всего даннаго къ комплексамъ ощущеній и подчеркиваніемъ экономической природы мышленія. Врагомъ метафизики, включая сюда и исторію философіи, является также Вильгельмъ Дильтей (род. въ 1833 г.), задавшійся „Критикой историческаго разума“. Въ немъ концентрируется та тенденція, которою проникнуто все XIX столѣтіе и вся нѣмецкая философія, — тенденція отнять преобладающую роль у переоцѣниваемыхъ естественныхъ наукъ и передать ее наукамъ о духѣ. Къ позитивистамъ приближаются также психологи, признающіе основной дисциплиной, на которой должны быть построены всѣ другія философскія дисциплины, ученіе о душѣ, отвергающее душу. Вокругъ Франца Брентано, (род. въ 1838 г.) сгруппировалась австрійская психологическая школа, къ которой принадлежатъ Алексѣй Мейнонгъ (род. въ 1853 г.), Алоизъ Гефлеръ (род. въ 1853 г.), Христіанъ Эренфельсъ (род. въ 1859 г.) и Іосифъ Крейбигъ (род. въ 1863 г.). На психологической точкѣ зрѣнія стоятъ также Карлъ Штумпфъ (род. въ 1848 г.) и Теодоръ Липпсъ (род. въ 1851 г.).

Совершенно своеобразное явленіе представляетъ философія дѣйствительности Евгенія Дюринга (род. въ 1833 г.), на которую нельзя навѣсить ярлыкъ матеріализма, такъ какъ ея основатель отвергаетъ матеріалистическую метафизику, какъ и всякую другую. Привлекательность его сочиненій усиливается субъективностью, которою проникнута каждая ихъ строчка. Дюринга можно назвать героической личностью, проложившею себѣ путь, несмотря на непреодолимыя съ виду препятствія. Ослѣпши еще въ юношескомъ возрастѣ, лишившись въ зрѣломъ возрастѣ своего положенія и хлѣба насущнаго благодаря интригамъ, будучи принужденъ вести со своей семьей самую жестокую борьбу за существованіе, безъ поддержки со стороны какой-либо партіи, замалчиваемый прессой, отверженный своими товарищами по спеціальности, онъ шелъ своею дорогою до самаго конца жизни, по его убѣжденію, не продолжающейся за гробомъ. Философію Дюрингъ опредѣляетъ, какъ „развитіе высочайшей формы сознанія міра и жизни“. Она является въ одно и то же время и міровоззрѣніемъ, и душевнымъ настроеніемъ. Душевное настроеніе, мужественныя добродѣтели, какъ храбрость, рѣшительность, правдивость, составляютъ для него масштабъ, по которому онъ оцѣниваетъ философовъ и философскія теоріи, ученыхъ и научныя положенія, художниковъ и художественныя произведенія. Если Ницше философствуетъ съ молотомъ въ рукахъ, то Дюрингъ размахиваетъ сѣкирой палача. Вѣру въ авторитеты онъ ненавидитъ, какъ и всякую вѣру. Онъ не щадитъ и такихъ гигантовъ, какъ Лейбницъ или Кантъ, Гауссъ или Гельмгольцъ. Въ наиболѣе грубомъ видѣ проявляется его полемическая ярость въ панегирикѣ Роберту Майеру, „Галилею XIX вѣка“, и въ памфлетѣ противъ Лессинга, защитника евреевъ. Онъ не отводитъ полемикѣ особыхъ статей; ею проникнуты всѣ его строго-научные труды, въ которыхъ доказывается, что и теперь еще возможна философія, какъ универсальная наука. По образованію юристъ, Дюрингъ писалъ не только по всѣмъ отдѣламъ философіи, но написалъ кромѣ того восемь книгъ по политической экономіи, исторію основъ механики, математическія и физическія статьи и даже одну работу о великихъ писателяхъ всемірной литературы. Естественно, что философъ дѣйствительности Дюрингъ является человѣкомъ настоящаго съ захирѣвшимъ историческимъ чутьемъ. Отъ настоящаго мысли его переносятся къ будущему. Міръ долженъ быть освобожденъ отъ всякой религіи, которая должна быть замѣнена „чѣмъ-нибудь лучшимъ“, отъ всякой азіатчины и въ особенности отъ еврейства. Еврейскій вопросъ представляется ему самымъ жгучимъ изъ всѣхъ злободневныхъ вопросовъ. Только тогда, когда будетъ удаленъ этотъ ядъ изъ тѣла европейскихъ народовъ, можетъ принести пользу реформа государства и общества. И все таки этотъ смертельный врагъ всего существующаго, избранникъ злосча-

стія, вовсе не пессимистъ. Существуетъ мало болѣе убѣдительныхъ книгъ въ защиту цѣнности жизни, чѣмъ его сочиненіе на эту тему („Цѣнность жизни“). Свою этику онъ основываетъ на естественныхъ чувствахъ симпатіи, отвергаетъ свободную любовь и стоитъ за моногамный бракъ, благодѣтельность котораго онъ самъ испыталъ. Дюрингъ жилъ согласно своей философіи и при всей своей ожесточенности является цѣльной личностью, невольно вызывающей къ себѣ уваженіе.

Съ университетской философіей и профессорами философіи дѣло, повидимому, обстоитъ не такъ ужъ плохо, какъ изображали Шопенгауэръ и Дюрингъ. Она оправилась отъ упадка, въ который погрузилась около средины истекшаго столѣтія, и набралась даже на столько смѣлости, что пытается создать новыя идеалистическія системы. Три университетскихъ профессора развернули снова знамя идеализма. Германъ Лотце (1817—1881 г.). Теодоръ Фехнеръ (1801—1887 г.) и Вильгельмъ Вундтъ (род. въ 1832 г.) Общей имъ всѣмъ чертой является идея „индуктивной“ метафизики, основанной на выводахъ отдѣльныхъ спеціальныхъ наукъ, и несогласіе какъ съ позитивистскимъ индифферентизмомъ, такъ и съ радикальнымъ отрицаніемъ идеаловъ, нашедшихъ свое выраженіе въ историческихъ учрежденіяхъ человѣчества. Стоя на перепутьѣ, они отличаются склонностью къ эклектизму и неувѣренностью въ себѣ.

Лотце приступалъ къ философскимъ проблемамъ съ большой осторожностью, съ готовностью отвѣчать на всякое возраженіе, съ большимъ остроуміемъ и тонкимъ чутьемъ, но не всегда можно понять, что онъ собственно думаетъ. Лотце перешелъ къ философіи отъ естественныхъ наукъ и ставитъ высоко механическое объясненіе явленій природы; но его этическія потребности толкаютъ его къ телеологическому мышленію. Абсолютное познаніе вообще недоступно человѣку, замкнутому въ рамкахъ своего существа. Фактъ взаимодѣйствія между существами, разсматриваемыми, какъ монады, приводитъ философа къ допущенію ихъ единства въ субстанціальной первооснове бытія, общей реальному и идеальному міру. При посредствѣ царства цѣнностей пріобрѣтаетъ смыслъ безцѣльное помимо нихъ бытіе. Телеологическій идеализмъ Лотце привлекаетъ къ себѣ послѣдователей уже тѣмъ, что примиряетъ вѣру съ знаніемъ.

Фехнеръ слабѣе держалъ вожжи фантазіи, чѣмъ осторожный Лотце. Онъ тоже умѣлъ работать методично и осмотрительно, какъ доказываетъ его психофизика, его атомное ученіе и его экспериментальная эстетика; но совершенно другимъ онъ выглядитъ въ своихъ метафизическихъ сочиненіяхъ, напоминая полетомъ фантазіи шеллинговскую натурфилософію. Душа и тѣло — это параллельныя проявленія одной и той же невидимой реальности и не составляютъ характерныхъ особенностей, принадлежащихъ исключительно человѣку. Одушевлены всѣ тѣла, растенія, вся земля, каждое изъ небесныхъ тѣлъ. Эта пирамида одушевленныхъ обнимающихъ другъ друга существъ объединяется въ божествѣ, какъ въ общемъ міровомъ сознаніи. Къ Фехнеру примкнулъ берлинскій этикъ Фридрихъ Паульсенъ, (род. въ 1846 г.), который выступаетъ пламеннымъ защитникомъ пониманія философіи, какъ универсальной науки, волюнтаристической психологіи, телеологической этики и идеалистическаго пантеизма.

За Вундтомъ, преемникомъ Фехнера по лейпцигской кафедрѣ, остается та заслуга, что онъ завершилъ, прочно обоснованное съ физіологической стороны зданіе волюнтаристической индивидуальной и народной психологіи и увѣнчалъ его надстройкой въ видѣ метафизики воли. Онъ создалъ наиболѣе тщательно разработанную изъ системъ, явившихся въ новѣйшее время, къ чему былъ призванъ, какъ полигисторъ, не только начитанный, но и производившій самостоятельныя изслѣдованія въ области естествознанія и наукъ о духѣ. Его удачно сравнивали съ Аристотелемъ и Лейбницомъ. Міръ онъ понимаетъ, какъ „совокупность воле-

выхъ дѣятельностей“, располагающихся при посредствѣ своего взаимо-опредѣленія — дѣятельности представленія—въ эволюціонный рядъ волевыхъ единицъ различнаго объема. Вундтъ — эволюціонистъ-идеалистъ, такъ какъ у него развитіе духа направлено къ выработкѣ цѣлесообразныхъ формъ. Универсальность умозрительныхъ идей, въ томъ числѣ идеи бога, можетъ быть выведена философіей изъ природы разума, но философія не въ состояніи доказать „необходимость существованія соотвѣтствующей этой идеѣ реальности“.

Верхомъ утонченности синтезовъ и комбинацій противоположныхъ философій является „Философія безсознательнаго“ (1869 г.) совершенно чуждаго академической наукѣ мыслителя, бывшаго офицера Эдуарда Гартмана (1842—1906 г.); за этою сильно нашумѣвшею книгою послѣдовали другіе, болѣе цѣнные труды того же автора. Подобно Фехнеру и Лотце Гартманъ убѣжденъ въ индуктивномъ и естественнонаучномъ характерѣ своихъ спекуляцій и для полноты индукціи нагромождаетъ одинъ примѣръ на другой. Онъ не скрываетъ, что его теорія основывается на философіи Гегеля, Шопенгауэра, Шеллинга, какъ отрицательной, такъ и положительной. Главный пунктъ ея состоитъ въ соединеніи нелогичной воли съ логическимъ міровымъ разумомъ въ безсознательномъ, какъ метафизической первооснові бытія. Этотъ міръ горя и страданій обязанъ своимъ происхожденіемъ слѣпому порыву, но въ его идеальной сущности скрывается логическій элементъ безсознательнаго. Существующій міръ представляетъ собою поэтому наилучшій изъ возможныхъ міровъ; но тѣмъ не менѣе онъ настолько плохъ, что его несуществованіе было бы предпочтительнѣе, чѣмъ его существованіе. Цѣль мірового процесса во времени заключается поэтому въ избавленіи отъ горечи бытія. Это можетъ быть достигнуто только при посредствѣ разумнаго сознанія, постепенно усиливающагося въ природѣ, пока, наконецъ, человѣкъ не пріобрѣтетъ способности къ освобожденію разума отъ воли. Настанетъ пора, когда человѣкъ откажется отъ своихъ иллюзій о вѣчномъ блаженствѣ и распространится убѣжденіе въ томъ, что лучше бы не существовать міру, и тогда будетъ близко избавленіе, т. е. конецъ міра. Противовѣсъ гартмановской философіи избавленія представляетъ собою „мизерабилизмъ“ Юлія Банзена (1830—1881 г.), разлагающаго на атомы міровую волю Шопенгауэра и отрицающаго возможность избавленія; муки бытія будутъ повторяться безконечно въ безчисленныхъ существованіяхъ.

Появленіе и успѣхъ гартмановской философіи обнаружили, что господство Шопенгауэрскаго пессимизма уже идетъ на убыль. Въ восьмидесятыхъ годахъ наступилъ радикальный переворотъ, сказавшійся въ новѣйшемъ литературномъ движеніи въ Германіи и аналогичныхъ ему теченіяхъ въ другихъ европейскихъ странахъ, а также въ сецессіонистскомъ направленіи въ искусствѣ. Измѣнилось основное настроеніе народной души. Неудивительно поэтому, что какъ только появилась новая философія, полная жуткаго очарованія, то она сразу покорила себѣ умы. Фридрихъ Ницше (1744—1900 г.) былъ, пожалуй, величайшимъ стилистомъ всѣхъ временъ. Его выраженія напоминаютъ то досократовскихъ философовъ, то хоры греческихъ трагедій, то религіозныя книги Востока, то „тихій смѣхъ“, удалившихся отъ міра мистиковъ. Первый пройденный имъ путь, который онъ усыпалъ искрами своего генія, привелъ его отъ классической философіи къ Шопенгауэру и Рихарду Вагнеру; знакомство съ Вагнеромъ и преклоненіе предъ нимъ знаменуетъ собой первый кульминаціонный пунктъ жизненной трагедіи Ницше, а отчужденіе отъ него и ненависть къ нему — послѣдній. Въ вагнеровскую стадію своей жизни онъ еще надѣялся, что избавленіе отъ, омерзительной для него современной дѣйствительности дастъ ему искусство; но эта мечта вскорѣ разсѣялась, какъ дымъ. Послѣ этого онъ сталъ упиваться какой-то разнузданностью познанія, стряхнувши

съ себя послѣдніе остатки преклоненія предъ авторитетами и традиціей. Третій поворотъ въ направленіи его духа обозначился гораздо раньше, чѣмъ обнаружился подъ поэтическимъ покрываломъ въ его „Заратустрѣ". Эта его положительная философія получила самое яркое выраженіе только въ посмертномъ его произведеніи „Воля жить, опытъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей". Ницше называли философомъ настроенія. Это вѣрно постольку, поскольку настроеніе вытекаетъ изъ пережитаго. Самымъ великимъ изъ всего пережитаго Ницше была сама его жизнь, и изъ нея вытекла его философія настроенія. Послѣ оргій отрицанія воли къ жизни онъ явился величайшимъ утвердителемъ жизни и утвердителемъ воли, которая была для него весьма опредѣленной вещью — волей къ власти. Когда всевозможныя силы, удушающія личность до соціализма включительно, раскрывали свою пасть, готовыя пожрать индивидуума, Ницше выступилъ въ роли прославителя индивидуальности, — правда не какъ апологетъ перваго попавшагося животнаго изъ стада, а также не генія и не святыхъ, а какъ глашатай новой породы, человѣка-властелина, возвышающагося до идеала сверхчеловѣка. Тутъ начинается переоцѣнка цѣнностей: что хорошо? все то, что поднимаетъ въ человѣкѣ чувство къ власти, волю къ власти и самую власть. Что дурно? Все то, что исходитъ отъ слабости. Исторически и характерологически онъ противопоставляетъ рабской морали, къ которой онъ относитъ христіанскую и соціалистическую мораль, — господскую мораль. Сверхчеловѣкъ стоитъ по ту сторону добра и зла, такъ какъ онъ самъ творитъ законъ. Развѣ міръ не предназначенъ къ тому, чтобы создать этого сверхчеловѣка, поднять на такую высоту испорченную расу посредствомъ постепеннаго усовершенствованія? Душа Ницше тоскуетъ по вѣчности, онъ провидитъ „вѣчный возвратъ вещей", возвышенное мистическое ученіе, открывшееся ему въ одиночествѣ среди горъ и истощившее его больное тѣло до такой степени, что умъ его окутался мракомъ (въ 1889 г.). Какая философія настроенія создалась бы, если бы Ницше могъ пережить себя въ такомъ состояніи?

Между тѣмъ міръ идетъ своимъ путемъ и будетъ находить и впредь своихъ философовъ настроенія, чующихъ самую сокровенную его жизнь, и своихъ профессоровъ философіи, разъясняющихъ ему механизмъ мышленія или демонстрирующихъ ему идеалы, правда, не новые, но тѣмъ болѣе испытанные.

III. Разселеніе нѣмцевъ по земному шару.

Соч. **Виктора Ганцша.**

Императоръ Вильгельмъ II назвалъ однажды германскій народъ солью земли. Съ начала своей исторіи по настоящее время онъ отдалъ другимъ странамъ несмѣтныя полчища своихъ сочленовъ, посылая ихъ почти непрерывнымъ потокомъ, а вмѣстѣ съ ними отдалъ неизмѣримую массу умственныхъ и физическихъ силъ и экономическихъ цѣнностей. Это движеніе, охватывавшее и увлекавшее за собой въ различныя времена то отдѣльныя небольшія группы, то многочисленныя массы, называется обыкновенно нѣмецкой эмиграціей. Терминъ этотъ никогда не отличался опредѣленностью. Его понимали то въ болѣе тѣсномъ, то въ болѣе широкомъ смыслѣ, смотря по тому, какой точки зрѣнія держались. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ понимать подъ словами: „германская эмиграція" исключительно окончательное выселеніе изъ области сплошного распространенія нѣмецкаго языка съ цѣлью поселиться на чужой территоріи. Въ теченіе многихъ столѣтій эта эмиграція совершается исключительно въ формѣ массовыхъ переселеній, такъ какъ только сплоченная масса народа могла питать надежду на пріобрѣтеніе новыхъ мѣстъ для поселенія, въ случаѣ надобности — насильственнымъ путемъ; отдѣльная же личность оказывалась по большей части безправной и беззащитной за предѣлами своей родины и того племенного союза, къ которому она принадлежала. При разсмотрѣніи этихъ массовыхъ переселеній можно различать три послѣдовательныхъ потока: переселенія германскихъ племенъ до Р. Х., великое переселеніе народовъ, согнавшее восточныхъ германцевъ съ ихъ родныхъ мѣстъ, наконецъ, обратное заселеніе Востока западными германцами.

1. Переселенія германскихъ народовъ до Р. Х.

Древнѣйшія исторически доказанныя мѣстопребыванія германскихъ племенъ находились въ обширныхъ равнинахъ между Балтійскимъ моремъ, Судетскими горами, Вислой и Эльбой. На востокѣ эти племена соприкасались въ балтами и славянами, на югѣ и на западѣ съ кельтами. Они распались очень рано па восточную и западную группы. Земельная тѣснота и недостатокъ средствъ пропитанія, обусловленные сильнымъ размноженіемъ, побуждали ихъ выселять избытокъ населенія на территорію сосѣднихъ народовъ. Въ однихъ случаяхъ выселялась часть способнаго носить оружіе мужского населенія подъ начальствомъ ею самою избранныхъ предводителей, отправляясь добывать себѣ пропитаніе посредствомъ грабежа, пока весь отрядъ не бывалъ уничтоженъ или же не поступалъ на военную службу гдѣ-нибудь на чужбинѣ послѣ долгихъ скитаній. Въ другихъ случаяхъ снималось съ мѣста все племя съ безконечнымъ обозомъ женщинъ, дѣтей, повозокъ и стадъ и шло на поиски новыхъ пастбищъ, могущихъ дать достаточное количество средствъ для пропитанія. Такимъ-то образомъ восточные германцы постепенно растянулись до южно-русскихъ степей. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ ихъ передо-

выхъ отрядовъ, бастарны, дошли вмѣстѣ съ толпами скировъ готскаго племени до устья Дуная около 200 г. до Р. Х. Западные германцы постепенно оттѣснили сосѣднихъ съ ними кельтовъ и еще до Р. Хр. дошли до Рейна и Дуная. Земельный голодъ побудилъ нѣкоторыя племена перейти черезъ эти рѣки. Кимвры вмѣстѣ съ амбронами покинули свои земли на Ютландскомъ полуостровѣ, дошли послѣ долгихъ странствованій до Чернаго моря, затѣмъ поднялись вверхъ по Дунаю, столкнулись съ римлянами въ Каринтіи, соединились на Рейнѣ съ тевтонами принадлежавшими, повидимому, къ кельтскому племени, и, наконецъ, были истреблены при попыткѣ вторгнуться въ Италію въ 101 г. до Р. Хр. на Раудскихъ поляхъ Маріемъ, еще за годъ предъ тѣмъ нанесшимъ рѣшительное пораженіе у Aquae Sextiae въ Провансѣ ихъ спутникамъ, тевтонамъ и амбронамъ. Съ этого времени римляне въ теченіе многихъ столѣтій должны были постоянно охранять свои границы отъ натиска кочующихъ германскихъ племенъ. Около 72 г. до Р. Хр. толпы германцевъ подъ начальствомъ Аріовиста вторглись въ Галлію и утвердились среди кельтовъ въ качествѣ господствующаго класса. Только въ 58 г. Цезарю удалось одержать побѣду надъ этимъ предводителемъ германскихъ дружинъ и принудить его къ отступленію за Рейнъ. Въ слѣдующіе годы Цезарь покорилъ германскія племена, жившія по лѣвому берегу Рейна истребилъ вторгшихся въ сѣверную Галлію узипетовъ и тенктеровъ и два раза переходилъ черезъ Рейнъ. Умѣло укрѣпивъ рейнскую границу, онъ воспрепятствовалъ тѣмъ дальнѣйшему массовому движенію на западъ германскихъ племенъ и принудилъ ихъ сдѣлаться до нѣкоторой степени осѣдлыми, что не исключало, конечно, многократныхъ набѣговъ на галльскую территорію. Для предупрежденія этихъ набѣговъ римляне впослѣдствіи — именно, при Друзѣ и Тиберіи — передвинули пограничную линію далеко вглубь Германіи. Но со времени пораженія Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу они ограничивались въ сущности охраной рейнской и дунайской линій, для укрѣпленія которыхъ они во II столѣтіи послѣ Р. Хр. возвели еще верхнегерманскій пограничный валъ и прибѣгли къ систематической колонизаціи прилегающихъ къ нему земель. Однако, внутреннее разложеніе Римской имперіи зашло такъ далеко, что она была не въ силахъ сдерживать натискъ испытывающихъ земельный голодъ германскихъ племенъ, и начался періодъ странствованій германцевъ, извѣстный подъ именемъ великаго переселенія народовъ.

2. Переселеніе народовъ.

Главную причину этого могущественнаго движенія, потрясавшаго всю Европу въ теченіе многихъ столѣтій и бросавшаго съ востока на западъ все новыя и новыя орды германскихъ воиновъ, слѣдуетъ искать въ земельной нуждѣ германскихъ племенъ, мало по малу ставшей для нихъ невыносимой. Вынужденные римлянами перейти, по крайней мѣрѣ, на западѣ, къ осѣдлому образу жизни, они стали заниматься земледѣліемъ, но при несовершенствѣ ихъ пріемовъ хозяйства оно далеко не могло прокормить быстро растущаго населенія. Иного средства найти достаточный источникъ пропитанія кромѣ переселенія не было. Мирному, медленно прогрессирующему расширенію обрабатываемой площади препятствовали на югѣ и на западѣ римляне, а на востокѣ натискъ славянъ. Поэтому со средины II столѣтія до Р. Хр. начинаются величественныя и грандіозныя по своимъ послѣдствіямъ странствованія германскихъ племенъ, вызванныя горькой нуждой, неудержимымъ стремленіемъ къ славѣ, могуществу и сокровищамъ старыхъ и богатыхъ культурныхъ странъ, къ заманчивымъ наслажденіямъ юга. Этотъ рядъ переселеній открылся въ 166 году,

когда стремительно двинулись впередъ, тѣснимые съ тылу готами, маркоманы и квады, которые и заняли Богемію и Моравію вплоть до верхней Венгріи. Хотя императору Марку Аврелію удалось послѣ тяжелой борьбы отбросить ихъ за Дунай, въ 178 г. они опять дошли до Аквилеи, такъ что императоръ Коммодъ нашелъ благоразумнымъ предоставить имъ обширную область на Дунаѣ. Около 270 г. они снова двинулись въ походъ и дошли до средней Италіи, но на этотъ разъ они не устояли противъ войскъ императора Авреліана. Остатки этого народа отошли обратно за Дунай и слились постепенно съ байоварами.

Та же участь, т. е. почти безслѣдная гибель послѣ смѣлыхъ странствованій, блестящихъ побѣдъ и тяжелыхъ пораженій, постигла вандаловъ и готовъ. Первые покинули свою старую родину по среднему теченію р. Одера и, двинувшись на югъ черезъ Силезію и Моравію, дошли до Панноніи. Изъ отдѣлившихся отъ общей массы отрядовъ одни дошли до Британіи, другіе до Италіи; остальная часть ея направилась на западъ, перешла въ 407 г. черезъ Рейнъ и пробралась черезъ Галлію на Пиренейскій полуостровъ, гдѣ вандалы съ перемѣннымъ успѣхомъ вели борьбу съ вестготами. Въ 409 г. вандалы переправились подъ начальствомъ Гейзериха въ Африку, завладѣли постепенно всѣми укрѣпленными пунктами африканской провинціи Западно-Римской имперіи, не исключая ея столицы Карѳагена, и стали предпринимать оттуда смѣлые пиратскіе набѣги на города и острова Средиземнаго моря. Только впослѣдствіи, когда ихъ сила ослабла вслѣдствіе распутства и невоздержности, византійскому полководцу Велизарію удалось покорить ихъ въ 533—534 гг.

Что касается готовъ, то съ средины III столѣтія они многократно дѣлали сухопытные и морскіе набѣги съ юга Россіи на восточныя провинціи Римской имперіи. При императорѣ Авреліанѣ они прочно осѣли въ Дакіи, вступили съ римлянами въ мирныя сношенія, переняли ихъ культуру и обратились въ христіанство. Когда ихъ государство было уничтожено натискомъ гунновъ въ 375 г., остготы подчинились этимъ пришельцамъ, а вестготы ушли во Ѳракію, гдѣ они надѣялись обрѣсти спокойствіе и безопасность подъ покровительствомъ императора Валента. Выведенные изъ терпѣнія вѣроломствомъ римскихъ чиновниковъ, они подняли возстаніе, разбили въ 378 г. при Адріанополѣ императора и его армію и затѣмъ разсѣялись по всему Балканскому полуострову, грабя и опустошая все на своемъ пути. Послѣ этого они совершили два набѣга на Италію подъ начальствомъ Алариха, взяли штурмомъ Римъ и основали, наконецъ, въ Аквитаніи свое государство, включившее мало по малу въ свой составъ значительную часть Галліи и Испаніи, но вскорѣ ослабѣвшее отъ внутреннихъ раздоровъ и пограничныхъ столкновеній и ставшее добычей арабовъ, вторгшихся въ Испанію въ 711 г.

Такія же превратности испытали и остготы. Послѣ смерти Аттилы они освободились изъ-подъ власти гунновъ, при королѣ Теодерихѣ двинулись сначала въ Грецію, а затѣмъ въ Италію и основали въ ней государство, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій игравшее первенствующую роль среди германскихъ государствъ и отличавшееся превосходной внутренней организацией. Однако остготамъ не удалось объединить съ собой гораздо болѣе многочисленную массу природныхъ итальянцевъ; они были ослаблены внутренними раздорами и, наконецъ, были покорены византійскимъ полководцемъ Нарзесомъ (553—555 г.) послѣ отчаянной борьбы, ведшейся съ перемѣннымъ успѣхомъ. Большая часть готовъ была истреблена, а отдѣльные осколки этого народа разсѣялись по различнымъ странамъ и не оставили по себѣ слѣда. Небольшое число ихъ осталось на ихъ южно-русской родинѣ на полуостровѣ Крымѣ. Эти крымскіе готы сохраняли въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ свою народность, свой языкъ и свою христіанскую вѣру, несмотря на притѣсненія, которыя они

терпѣли не разъ отъ варварскихъ народовъ. Еще въ 1562 г. посланникъ германскаго императора при Портѣ Ожье де Бузбекъ столкнулся въ Константинополѣ съ нѣкоторыми изъ ихъ уполномоченныхъ и составилъ словарь ихъ языка. Потомъ крымскiе готы исчезли. Въ 1760 г. существовали еще кое-какiе слѣды ихъ, хоть и ненадежные, но уже въ 1800 г. такой основательный изслѣдователь, какъ Петръ Симонъ Палласъ, не могъ открыть никакихъ остатковъ ихъ. Очевидно, что въ XVII и XVIII столѣтiи они слились съ окружающими ихъ народами.

Къ родственной съ готами группѣ принадлежали восточно-германскiя племена: гепиды, герулы и бургунды. Около средины III столѣтiя гепиды жили въ низовьяхъ р. Вислы, а затѣмъ проникли въ Прикарпатскiя области, двигаясь по слѣдамъ готовъ, и расположились въ Венгрiи, Седмиградiи и Валахiи. Послѣ многократныхъ войнъ съ сосѣдними племенами, часть гепидовъ ушла съ остготами, другiя толпы ихъ потянулись позже за лангобардами въ Италiю. Остальные гепиды растворились постепенно въ пестромъ смѣшенiи народовъ долины р. Дуная. Такая же судьба постигла геруловъ, перекочевавшихъ съ береговъ Балтiйскаго моря сначала къ Азовскому морю, затѣмъ въ Дакiю, дѣлавшихъ въ теченiе многихъ лѣтъ набѣги и походы въ разныя страны южной и восточной Европы и затѣмъ изчезнувшихъ безслѣдно. Бургунды тоже поднялись со своихъ мѣстъ въ бассейнѣ рѣкъ Варты и Неццы въ III столѣтiи и направились сначала на юго-востокъ къ верховьямъ р. Вислы, а затѣмъ на западъ къ Майну. Отсюда отдѣльныя толпы ихъ предпринимали набѣги на Галлiю и Италiю. Главная масса бургундовъ осѣла на лѣвомъ берегу Рейна и основала свое государство со столицей Вормсомъ. Гунны разрушили его. Та часть бургундовъ, которая пережила этотъ разгромъ, ушла на юго-западъ и основала въ долинѣ р. Роны новое государство, расширившееся постепенно до береговъ Средиземнаго моря, но въ концѣ концовъ покоренное франками.

Такая же участь постигла и лангобардовъ, медленно передвигавшихся изъ своей древней родины на нижнемъ теченiи р. Эльбы на востокъ и юго-востокъ, воевавшихъ съ римлянами въ союзѣ съ маркоманнами, затѣмъ вынырнувшихъ въ Моравiи, а черезъ короткое время послѣ этого въ Венгерской равнинѣ и, наконецъ, перекочевавшихъ подъ начальствомъ Альбоина въ 568 г. въ Италiю послѣ долгихъ войнъ съ герулами и гепидами, веденныхъ ими съ перемѣннымъ успѣхомъ, и покорившихъ въ короткое время сѣверную и среднюю части этой страны. Ихъ государство, отличавшееся упорядоченностью администрацiи и суда, просуществовало до 774 г., въ которомъ Карлъ Великiй присоединилъ его къ франкскому государству. Отдѣльныя лангобардскiя княжества (Сполетское, Беневентское и др.) сохраняли нѣкоторое время свою независимость и послѣ этого событiя. Къ тому времени, когда лангобардское государство было покорено франками, лангобарды уже были сильно романизованы, и мало-по-малу они слились окончательно съ кореннымъ населенiемъ Италiи.

Такимъ образомъ восточно-германское переселенiе народовъ представляетъ собою мощное, охватывающее перiодъ въ цѣлыхъ четыре столѣтiя и, грандiозное по своимъ послѣдствiямъ, движенiе, имѣвшее своимъ результатомъ паденiе Западной Римской имперiи, быстрое возникновенiе и гибель германскихъ государствъ на почвѣ Галлiи, Испанiи, Африки и Италiи и, въ концѣ концовъ, гибель странствующихъ германскихъ племенъ или, по меньшей мѣрѣ, уничтоженiе ихъ нацiональной самобытности и слiянiе ихъ съ населенiемъ римскихъ провинцiй. Отъ этого безпорядочнаго странствованiя по всѣмъ направленiямъ восточно-германскихъ народовъ отличаются существеннымъ образомъ одновременныя съ ними передвиженiя западныхъ германцевъ, носящiя скорѣе характеръ

медленнаго, обусловленнаго ростомъ населенія распространенія ихъ по смежнымъ съ ихъ первоначальной территоріей римскимъ провинціямъ. Изъ западно-германскихъ племенъ слѣдуетъ отмѣтить англовъ, саксовъ, аламанновъ и франковъ. Англы, превосходные моряки, съ средины пятаго столѣтія стали покидать толпами свою шлезвигскую родину вмѣстѣ съ саксами и ютами, въ общей массѣ съ такими отрядами саксовъ начавъ покореніе давно уже покинутой римлянами Британіи. Мало-по-малу путемъ тяжелой борьбы имъ удалось частью покорить кельто-британскихъ исконныхъ жителей, частью оттѣснить ихъ на западъ и сѣверъ. Отъ ихъ смѣшенія съ ними и со вторгшимися позже въ Великобританію норманнами произошелъ современный англійскій народъ. Саксы, жившіе у моря, тоже приспособились съ давнихъ временъ къ мореплаванію. На своихъ маленькихъ, но быстроходныхъ ладьяхъ они заходили при своихъ пиратскихъ набѣгахъ даже въ Средиземное море. На нѣкоторыхъ пунктахъ французскаго и англійскаго побережья были основаны ими колоніи, часть которыхъ просуществовала нѣсколько столѣтій, напр., колоніи у устья р. Луары, въ Нормандіи и въ южной Фландріи.

Аламанны, смѣшанное чисто материковое племя, составившееся изъ различныхъ юго-западныхъ и западныхъ нѣмецкихъ племенъ и остатковъ племенъ, начиная съ III вѣка много разъ пытались перейти рейнскую и дунайскую пограничныя линіи. Сначала римляне отбивали ихъ нападенія, но съ ослабленіемъ имперіи они захватили десятинныя земли, затѣмъ отдѣльныя орды стали вторгаться въ Галлію и Италію съ цѣлью грабежа и мало-по-малу заняли, наконецъ, всю Швейцарію и Эльзасъ. При попыткѣ пробраться внизъ по Рейну до долины р. Мозеля, они были разбиты Хлодвигомъ въ 496 г. Большая часть племени покорилась франкамъ, а остальная часть его отступила ради спасенія своей свободы къ Альпамъ, заняла ихъ сѣверный склонъ и проникла мало-по-малу до самыхъ отдаленныхъ долинъ. Живучести аламанскаго племени германскій народъ обязанъ тѣмъ, что на юго-западѣ, именно, въ Пфальцѣ, Эльзасѣ и Швейцаріи, область распространенія нѣмецкаго языка не потерпѣла замѣтнаго ущерба отъ эпохи переселенія народовъ до настоящаго времени и мѣстами, напр., въ Монте-Роза, даже расширилась до южной подошвы Альпъ, и что въ восточной Швейцаріи, особенно въ Граубинденѣ, нѣмецкій языкъ можетъ похвалиться значительнымъ, все увеличивающимся приращеніемъ своей территоріи за счетъ рето-романскихъ нарѣчій.

Такую же стойкость, въ дѣлѣ сохраненія своей самобытности, проявили на западѣ Германіи франки. Эти послѣдніе произошли изъ сліянія германскихъ племенъ средней и нижней части теченія Рейна. Ведя почти непрерывно и съ перемѣннымъ успѣхомъ борьбу съ римлянами, они проникли до устья этой рѣки, заняли мало-по-малу бассейны рѣкъ Мозеля, Мааса и Шельды и основали могущественное государство, обнимавшее при Меровингахъ всю Галлію и всѣ германскія племена за исключеніемъ саксовъ и фризовъ. При каролингахъ франкское государство покорило, послѣ упорной борьбы, и эти два независимыя племени и стало кромѣ того наслѣдникомъ Западно-Римской имперіи. Свою германскую народность франки отстояли, разумѣется, только въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они жили сплоченными массами. Въ средней и южной Галліи, гдѣ они осѣли порознь, или въ качествѣ малочисленнаго господствующаго класса среди многочисленнаго туземнаго кельтскаго населенія, они быстро романизовались. Напротивъ, въ Бельгіи, Люксембургѣ и Лотарингіи, т. е. тамъ, гдѣ они могли поддерживать постоянную связь съ остальными германскими племенами, они служили крѣпкимъ оплотомъ противъ натиска романцевъ, такъ что въ этихъ областяхъ граница нѣмецкаго языка, несмотря на крайне неблагопріятныя политичесcія условія, за полуторы тысячи лѣтъ отодвинулась назадъ гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

3. Обратное движеніе германцевъ на востокъ.

Опустѣвшія послѣ ухода восточно-германскихъ племенъ земли были заняты исподоволь надвигавшимися съ востока славянами. Прибывая небольшими кучками, они быстро размножались на этихъ плодородныхъ и никѣмъ незанятыхъ земляхъ. Славяне перешли черезъ рѣку Вислу, дошли черезъ короткое время до р. Одера и до Эльбы, наконецъ до р. Заалы и Богемскаго лѣса, уничтожая на всемъ этомъ протяженіи или растворяя въ своей массѣ слабые остатки германцевъ. Продвинувшіяся всего дальше на западъ орды осѣли въ Люнебургской степи, въ Старой Маркѣ на лѣвомъ берегу Эльбы и въ бассейнѣ верхняго Майна и рѣкъ Регница и Нааба. Другія славянскія племена заселили Богемію и Моравію, а нѣкоторыя направились по долинамъ рѣкъ Дуная, Дравы и Савы къ границамъ Баваріи. Послѣ гибели гепидовъ и ухода лангобардовъ здѣсь, на юго-востокѣ, кромѣ славянъ появились также и авары, отъ разбойничьихъ набѣговъ которыхъ сильно страдало франкское государство.

Вслѣдствіе этой значительной убыли территоріи на востокѣ, не возмѣщавшейся сравнительно незначительнымъ приращеніемъ ея къ западу отъ Рейна и къ югу отъ Дуная, область сплошного распространенія германскаго народа и нѣмецкаго языка сузилась больше, чѣмъ наполовину, сравнительно съ ея протяженіемъ до переселенія народовъ. Постепенное обратное завоеваніе востока на всемъ протяженіи отъ Адріатическаго до Балтійскаго моря началось только въ царствованіе Карла Великаго, а для возстановленія, хотя и не полнаго, древнихъ границъ потребовалось цѣлыхъ шесть столѣтій. Карлъ предпринялъ цѣлый рядъ походовъ для обезпеченія восточныхъ границъ своего государства, которымъ грозила опасность со стороны враждебныхъ пограничныхъ племенъ. Прежде всего онъ направилъ свое оружіе противъ аваровъ, оказавшихъ помощь его мятежному вассалу, герцогу баварскому Тассило. Карлъ дошелъ въ 790 г. до рѣки Рааба, а его сынъ Пиппинъ проникъ нѣсколько лѣтъ спустя въ обширную равнину, простирающуюся между Дунаемъ и Тиссой. Главная масса разбитыхъ Карломъ враждебныхъ племенъ отступила къ нижнему теченію Дуная, а завоеванныя земли онъ подѣлилъ между своими вассалами. Обширныя пространства были подарены баварскимъ епископствамъ и монастырямъ; сюда потянулись нѣмецкіе бароны, и возникли большія нѣмецкія помѣстья; у подошвы восточныхъ Альпъ и кругомъ Нейзидлерскаго озера поселились также вольные крестьяне, по большей части баварцы, но съ сильной примѣсью представителей франкскаго племени. Такимъ образомъ Карлъ открылъ для германскаго народа Дунайскую дорогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ путь къ вліятельному положенію въ юго-восточной Европѣ. Не менѣе заботъ удѣлялъ онъ также обезпеченію восточныхъ границъ своего государства отъ дальнѣйшаго натиска сѣверныхъ славянъ. Онъ старался ослабить многочисленныя вендскія племена, жившія на противоположномъ берегу Эльбы въ средней и нижней части ея теченія, предпринимая противъ нихъ походы и поддерживая между ними вражду. Для защиты своего государства отъ нападеній и возстаній этихъ племенъ онъ устроилъ вдоль восточной границы линію марокъ съ укрѣпленными замками. Въ пограничныхъ областяхъ была введена военная организація, и онѣ были отданы въ управленіе особымъ графамъ, которые поселили въ опасныхъ мѣстахъ для лучшей ихъ защиты способныхъ къ военной службѣ и обязанныхъ выйти въ походъ по первому призыву переселенцевъ изъ внутреннихъ областей франкскаго государства. Въ Тюрингіи поселились толпы франкскихъ крестьянъ съ береговъ р. Мозеля, прогнанныхъ съ прежнихъ мѣстъ тяжелымъ голодомъ 805—809 гг.

Слабость имперіи при преемникахъ Карла не благопріятствовала даль-

нѣйшей колонизаціи востока переселенцами изъ Германіи. Уже въ царствованіе Людовика Благочестиваго славяне возобновили свои разбойничьи набѣги. Верденскій договоръ 843 г. далъ германскому населенію восточной половины франкскаго государства необходимую для него политическую самостоятельность, а Мерсенскій договоръ 870 г. превратилъ, по крайней мѣрѣ, въ общемъ, западную границу языковъ въ политическую границу; такимъ образомъ создались необходимыя условія для возникновенія объединеннаго однимъ общимъ языкомъ безъ другихъ различій, кромѣ мѣстныхъ нарѣчій, единаго германскаго народа. Въ нѣкоторыхъ плодородныхъ и густо населенныхъ мѣстностяхъ это новое государство уже страдало отъ относительнаго перенаселенія. Въ горахъ и лѣсахъ Германіи было достаточно мѣста для многихъ тысячъ колонистовъ; тѣмъ не менѣе находились предпріимчивые люди, которые рѣшались на переселеніе за границу распространенія нѣмецкаго языка. Къ западу и къ югу путь для нихъ былъ отрѣзанъ способными къ сопротивленію романскими народами, обладавшими старой и высокой культурой; поэтому эмигрантамъ приходилось направляться на славянскій востокъ. На первыхъ порахъ этотъ экспортъ германскихъ народныхъ силъ стоилъ тяжелыхъ жертвъ и не давалъ никакихъ замѣтныхъ результатовъ. Неурожай, голодъ и эпидеміи 822, 850, 861, 873 и 895 гг. погнали на востокъ толпы переселенцевъ изъ наиболѣе пострадавшихъ прирейнскихъ швабскихъ округовъ, но тутъ большая часть ихъ была истреблена сорбами, а уцѣлѣвшіе пали черезъ короткое время жертвой опустошительныхъ набѣговъ венгровъ.

Энергичная пограничная политика и усиленная колонизація востока возобновились снова только при короляхъ изъ саксонской династіи. Генрихъ I добился отъ венгровъ девятилѣтняго перемирія подъ условіемъ уплаты дани. Онъ воспользовался этимъ перемиріемъ для устройства укрѣпленныхъ замковъ и для укрѣпленія городовъ, епископскихъ резиденцій и монастырей, главнымъ образомъ въ Саксоніи. Онъ обезопасилъ линію р. Эльбы, основавъ Мейссенъ и другія обнесенныя стѣнами укрѣпленія, такъ что въ плодородныхъ долинахъ на востокъ отъ рѣкъ Заалы и Мульды, а затѣмъ и на сѣверномъ склонѣ Рудныхъ горъ могли обосноваться многочисленные переселенцы саксонскаго и тюрингенскаго племени. Битва на р. Унструтѣ (933 г.) уменьшила страхъ колонистовъ предъ набѣгами венгровъ, но только рѣшительная побѣда, одержанная надъ ними въ 955 г. Оттономъ I на Лехскомъ полѣ, освободила колонистовъ окончательно отъ этой заботы. Тотъ же Оттонъ Великій отказался, къ вѣчной выгодѣ германскаго народа отъ прежней политики германскихъ королей по отношенію къ славянамъ, сводившейся къ внѣшнему подчиненію ихъ посредствомъ отдѣльныхъ походовъ, предпринимаемыхъ отъ поры до времени. Онъ приступилъ къ планомѣрной германизаціи ихъ и обращенію ихъ въ христіанство. На сѣверѣ онъ основалъ епископства Рипенское, Ааргузское, Шлезвигское и Ольденбургское, на востокѣ Гавельбергское, Бранденбургское, Мейссенское, Цейцское, Мерзебургское и архіепископство Магдебургское, одаривъ ихъ обширными земельными владѣніями. Для обезпеченія за собой этихъ пріобрѣтеній и для увеличенія доходовъ съ нихъ церковь привлекла туда много тысячъ переселенцевъ, главнымъ образомъ, изъ Саксоніи и прирейнскихъ областей.

Послѣ смерти этого великаго императора политика расширенія границъ имперіи на востокъ была заброшена изъ-за итальянскихъ предпріятій Оттона II и его преемника. Епископства пришли въ упадокъ, пропаганда миссій пріостановилась почти окончательно. Покоренные славяне часто поднимали возстанія, а независимыя славянскія племена дѣлали опустошительные набѣги на нѣмецкія колоніи. Чрезвычайно кровопролитное общее возстаніе 983 г. свело почти къ нулю всѣ успѣхи нѣмецкой колонизаціи въ земляхъ вендовъ; кромѣ того Оттонъ III совершилъ тяжелую

ошибку, допустивъ основаніе Гнѣзненскаго архіепископства. Благодаря послѣднему обстоятельству польская церковь пріобрѣла самостоятельность и освободилась отъ своей исконной связи съ нѣмецкой церковью ко вреду для успѣховъ германской народности. Нѣмецкіе переселенцы въ восточныхъ маркахъ вскорѣ почувствовали на себѣ ростъ могущества Польши. Войны Генриха II съ могущественнымъ герцогомъ Болеславомъ Храбрымъ, ведшіяся съ перемѣннымъ счастьемъ, погубили много подававшихъ надежды ростковъ германской культуры. Движеніе германскихъ колонистовъ на востокъ возобновилось только мало-по-малу послѣ того, какъ Конрадъ II подчинилъ себѣ снова Чехію и Польшу, а Генрихъ III заставилъ даже венгровъ признать надъ собою верховную власть Германской имперіи. Изъ послѣдующихъ императоровъ только Лотарь удѣлялъ серьезное вниманіе германизаціи славянскихъ областей. Его преемники не подражали ему, и хотя около середины XII столѣтія началосъ сильное переселенчское движеніе изъ Германіи на востокъ, продолжавшееся до конца XIV столѣтія, но оно обязано своимъ возникновеніемъ не императорамъ, а крупнымъ нѣмецкимъ землевладѣльцамъ пограничныхъ областей и даже нѣкоторымъ изъ слявянскихъ князей. Главная причина этого стихійнаго переселенческаго движенія на востокъ заключалась въ перенаселеніи метрополіи. Всѣ сколько нибудь плодородныя и окупающія трудъ земледѣльца, земли внутренней Германіи были заселены очень густо. Во многихъ мѣстностяхъ было гораздо больше деревень, чѣмъ въ настоящее время. Земельная тѣснота сильно давала себя чувствовать. Поэтому кличъ „на востокъ!“ зажигательно дѣйствовалъ на массы, заставляя ихъ покидать свои мѣста. Въ этомъ мощномъ средневѣковомъ колонизаціонномъ движеніи отчетливо выступаютъ два главныхъ потока: одинъ перебрасывается черезъ Эльбу, разливается мало-по-малу по восточнымъ провинціямъ нынѣшняго прусскаго королевства и заходитъ далеко вглубь Польши и Россіи, а другой спускается внизъ по Дунаю до самыхъ его устьевъ; поэтому можно различить два колонизаціонныхъ движенія: с ѣ в е р о в о с т о ч н о е и юговосточное.

Если не считать гамбургско-бременскихъ архіепископовъ, которые стали основывать поселенія голландскихъ колонистовъ въ маршахъ и болотахъ по нижнему теченію рѣкъ Везера и Эльбы, слѣдовательно, не на славянской территоріи, уже съ самаго начала XII столѣтія, то первымъ изъ владѣтельныхъ князей на с ѣ в е р о - в о с т о к ѣ, привлекшихъ въ свои владѣнія многочисленныя толпы колонистовъ, долженъ быть признанъ г р а ф ъ Г о л ь ш т е й н с к і й А д о л ь ф ъ II изъ дома Шауэнбурговъ. Гольштейнъ былъ первоначально чисто германской областью, пока Карлъ Великій не переселилъ на территорію франкскаго государства жившихъ здѣсь саксовъ, чтобы сломить ихъ сопротивленіе, оставивши ихъ опустѣвшія земли въ добычу оботритамъ. Оттонъ I покорилъ этихъ славянъ и старался обратить ихъ въ христіанство, возложивъ эту задачу на ольденбургскую епископію. Но послѣ смерти Оттона II они вернули себѣ свободу и впали снова въ язычество. Только цѣною долгой борьбы, ведшейся съ перемѣннымъ успѣхомъ, удалось почти окончательно уничтожить ихъ. Въ 1139 г. графъ Адольфъ сталъ звать на свои земли чрезъ посланцевъ жителей нижнерейнскихъ округовъ. Тысячи фламандцевъ, зеландцевъ и голланцевъ, фризовъ и вестфальцевъ отозвались на его зовъ, и черезъ короткое время не только Гольштейнъ, но и сосѣдняя Вагрія наполнились германскими колонистами. Въ 1143 году былъ основанъ нѣмецкій городъ Любекъ, пріобрѣвшій черезъ короткое время значеніе центра нѣмецкой культуры на славянскомъ востокѣ. Между тѣмъ потокъ переселенцевъ все усиливался и перебросился черезъ границы Вагріи въ Лауэнбургъ, Рацебургъ и Мекленбургъ. Эти области были завоеваны незадолго до того Г е н р и х о м ъ Л ь в о м ъ. Онъ тоже поощрялъ всяческими мѣрами

иммиграцію германскихъ колонистовъ, главнымъ образомъ, изъ Фландріи и Нидерландовъ. Ободриты убѣдились черезъ короткое время, что они не могутъ устоять противъ высшей культуры германскихъ переселенцевъ; многіе изъ нихъ выселились, другіе приняли христіанскую религію. Ихъ князь Прибиславъ крестился, былъ возведенъ императоромъ Фридрихомъ I въ санъ имперскаго владѣтельнаго князя и принялъ усердное участіе въ германизаціи славянскаго востока. Сильную поддержку германской народности оказывали также нѣкоторые вновь основанные цистерціанскіе монастыри, особенно Доберанскій, основанный въ 1170 г. Около того же времени неутомимо трудился дальше къ югу надъ заселеніемъ своихъ владѣній германскими колонистами энергичный маркграфъ бранденбургскій Альбрехтъ Медвѣдь. Прежде всего онъ заселилъ Старую Марку преимущественно нидерландскими переселенцами. Затѣмъ послѣдовала колонизація Пригница, а нѣкоторое время спустя — области Цаухе. Въ 1147 г., когда въ западной и южной Германіи проповѣдывался походъ противъ вендовъ и на востокъ потянулись тысячи борцовъ за вѣру, онъ задержалъ и поселилъ значительную часть этихъ крестоносцевъ въ своихъ владѣніяхъ; онъ поощрялъ монаховъ премонстратскаго ордена, считавшихся превосходными сельскими хозяевами, и надѣлилъ ихъ богатыми земельными владѣніями. Въ 1150 г. онъ пріобрѣлъ Гавелландъ въ качествѣ одного изъ наслѣдниковъ славянскаго князя Прибислава Бранденбургскаго. Въ годъ его смерти (1170 г.) въ западной половинѣ современной провинціи Бранденбургъ уже преобладали христіанская религія и германская культура. Его сынъ Оттонъ продолжалъ трудиться надъ дальнѣйшимъ распространеніемъ германской культуры на востокѣ и получилъ въ 1181 г. въ ленное владѣніе Померанію, въ которой уже былъ сдѣланъ починъ въ дѣлѣ распространенія христіанства и германизаціи епископомъ бамбергскимъ Оттономъ въ 1124 г., а затѣмъ миссіонерами вновь основаннаго епископства Камминскаго въ 1140 г. Около того же времени трудились съ успѣхомъ на поприщѣ германизаціи дальше къ югу въ Мейссенской Маркѣ и въ Лаузицѣ представители дома Веттиновъ, особенно Оттонъ Богатый; но тутъ дѣло не доходило до насильственнаго изгнанія и истребленія вендовъ. Еще раньше, въ началѣ XII вѣка, были предприняты графомъ Випрехтомъ фонъ Гройцшемъ систематическія попытки заселенія Мульденскаго и Плейссенскаго округовъ колонистами изъ Франконіи. Съ 1163 г. начался сильный приливъ нѣмецкихъ колонистовъ въ Силезію, послѣ того, какъ Фридрихъ Барбаросса положилъ конецъ борьбѣ за престолонаслѣдіе въ домѣ Пястовъ своимъ блестящимъ походомъ противъ польскаго герцога Болеслава IV. Силезскіе Пясты искали въ нѣмецкихъ колонистахъ опоры противъ своихъ польскихъ сородичей и тѣмъ сильно содѣйствовали успѣхамъ германской національности. И здѣсь нидерландцы и франконцы были первыми піонерами, приступившими къ расчисткѣ лѣсовъ, осушенію болотъ, введшими въ этой странѣ культуру виноградной лозы и хмѣля и основавшими много городовъ и около 1500 нѣмецкихъ деревень. Такимъ образомъ германская народность завоевала на сѣверо-востокѣ въ теченіе XII столѣтія Гольштейнъ, Вагрію, Мекленбургъ, Западный Бранденбургъ и значительную часть Лузаціи и Силезіи.

Еще успѣшнѣе шла германизація востока въ XIII столѣтіи. Въ Бранденбургѣ на этомъ поприщѣ трудились съ успѣхомъ правнуки Альбрехта Медвѣдя, маркграфы Іоаннъ и Оттонъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій управлявшіе сообща своими владѣніями. Въ 1226 г. они пріобрѣли Барнимъ и Тельтовъ, въ 1250 г. Лебусъ и Укерскую Марку, въ 1260 Новую Марку, и вскорѣ въ эти области хлынулъ потокъ германскихъ колонистовъ. Были основаны важные города, какъ, напримѣръ, Франкфуртъ на Одерѣ; другимъ городамъ, напримѣръ Берлину, было даровано нѣмецкое городское право. Большіе монастыри, напримѣръ Хоринскій и Ленинскій, трудились

надъ распространеніемъ христіанства. Въ Помераніи славянскіе князья тоже поощряли всевозможными мѣрами распространеніе германской культуры. Въ Силезіи ей былъ нанесенъ тяжелый ударъ вторженіемъ монголовъ въ 1241 г.; но германская національность оправилась вскорѣ отъ этого удара и получила сильное подкрѣпленіе благодаря приливу новыхъ переселенцевъ, чѣмъ она была обязана преимущественно неутомимой пропагандѣ Лейбусскаго монастыря; но самымъ блестящимъ завоеваніемъ германскаго народа за весь XIII вѣкъ было покореніе той области, которой владѣли язычники пруссы. Еще раньше того нѣмецкіе священники пробовали обратить въ христіанство это воинственное племя, но напрасно. Епископъ пражскій Адальбертъ былъ убитъ ими въ 997 г. во время предпринятаго имъ съ миссіонерской цѣлью путешествія. Первый прусскій епископъ Олива тоже не разъ подвергался смертельной опасности во время набѣговъ язычниковъ. Вмѣстѣ съ польскимъ герцогомъ Конрадомъ Мазовецкимъ, владѣнія котораго были превращены въ пустыню опустошительными набѣгами пруссовъ, онъ обратился съ просьбой о помощи къ Тевтонскому ордену. Великій магистръ Германъ фонъ Зальца съ замѣчательной дальновидностью использовалъ этотъ благопріятный историческій моментъ. Онъ выхлопоталъ себѣ Пруссію въ ленное владѣніе у императора Фридриха II, а папа Григорій IX тоже утвердилъ впослѣдствіи этотъ даръ. Въ 1229 г. былъ возведенъ на лѣвомъ берегу Вислы насупротивъ нынѣшняго Торна первый укрѣпленный замокъ тевтонскаго ордена на прусской территоріи, Фогельзангъ; въ слѣдующемъ году туда же прибылъ первый отрядъ рыцарей съ ихъ оруженосцами подъ начальствомъ областного магистра Германа Балька. Этотъ послѣдній основалъ въ Кульмскомъ округѣ города Торнъ и Кульмъ, которые должны были служить опорными пунктами для покоренія Пруссіи. Теперь по приказу главнаго магистра во всѣхъ мѣстностяхъ Германіи началась проповѣдь крестоваго похода противъ язычниковъ пруссовъ. На востокъ потянулись тысячи крестоносцевъ, которымъ было обѣщано отпущеніе грѣховъ и надѣленіе землей. Подъ предводительствомъ рыцарей тевтонскаго ордена эти крестоносцы покорили сначала Кульмскую область и Померанію, затѣмъ Эрмляндъ и Замляндъ. За крестоносцами послѣдовали вскорѣ многочисленные мирные переселенцы, купцы и ремесленники, селившіеся вокругъ замковъ ордена и основывавшіе города, равно какъ и крестьяне, приступившіе къ обработкѣ тяжелой плодородной прусской почвы. Орденъ всячески поощрялъ эту иммиграцію въ видахъ увеличенія числа своихъ подданныхъ, способныхъ носить оружіе и платить подати. Городамъ онъ даровалъ въ 1233 г. кульмскую грамоту, предоставлявшую имъ полное самоуправленіе и другія важныя привилегіи, а колонистамъ земледѣльцамъ онъ давалъ за незначительный оброкъ вволю земли, хорошо оплачивающей трудъ. Вѣсть объ этихъ льготахъ распространилась быстро по всей Германіи, и переселенцы приливали толпами. Въ 1237 г., когда лифляндскій орденъ меченосцевъ, покорителей язычниковъ эстовъ, объединился съ тевтонскимъ орденомъ, новый потокъ колонистовъ, большей частью дворянъ и бюргеровъ, устремился въ прибалтійскія области до самаго озера Пейпуса и Финнскаго залива. Тутъ на сѣверѣ нѣмцы не истребили коренныхъ жителей, а образовали тонкій культурный слой, прикрывавшій сплошную массу покореннаго населенія. Города были населены нѣмецкими бюргерами, а внѣгородскія земли были подѣлены на рыцарскія помѣстья; число вольныхъ крестьянъ землепашцевъ увеличивалось въ слабой пропорціи. При всемъ томъ вліяніе нѣмецкой народности усиливалось изъ года въ годъ. Конечно, и здѣсь бывали временныя неудачи, какъ и въ Пруссіи. Частыя возстанія порабощенныхъ туземцевъ, опустошительные набѣги поляковъ и литовцевъ неоднократно угрожали гибелью ордену меченосцевъ; тѣмъ не менѣе въ 1283 г., послѣ тяжелой пятидесятитрехлѣтней борьбы, ордену удалось уничтожить послѣднее вольное прусское

племя, и теперь онъ могъ считать законченнымъ покореніе Пруссіи. Вслѣдъ затѣмъ наступилъ періодъ высокаго экономическаго процвѣтанія; особенно прибыльна была торговля съ сосѣдними менѣе культурными народами. Увеличилась также и территорія владѣній ордена. Въ 1310 г. орденъ пріобрѣлъ область Померелленъ съ гор. Данцигомъ, въ 1346 г. — всю Эстляндію, въ 1402 — Бранденбургскую и Новую марки. Повсюду орденъ поселялъ нѣмецкихъ колонистовъ. Многіе изъ нихъ потянулись дальше на востокъ и на сѣверъ въ Литву, Польшу, Волынь и Финляндію. Самый блестящій періодъ существованія ордена приходится на правленіе гохмейстера Винриха фонъ Книпроде (1351—1382 г.).

Вскорѣ послѣ этого начался упадокъ. Внѣшней причиной его было обращеніе въ католицизмъ враговъ ордена, язычниковъ литовцевъ, съ ихъ великимъ княземъ Владиславомъ II Ягелло и объединеніе Литвы съ Польшей. Теперь орденъ уже не могъ проповѣдывать крестовыхъ походовъ противъ этого своего страшнаго врага, а вынужденъ былъ содержать дорого стоющую наемную армію. Послѣдствіемъ этого было сильное возвышеніе налоговъ и безпощадное взиманіе ихъ, что вызвало ропотъ подданныхъ. Черезъ короткое время послѣдніе стали относиться къ господству этихъ рыцарей-монаховъ какъ къ тяжелому невыносимому гнету. Когда Ягелло открылъ военныя дѣйствія противъ ордена въ 1410 г., всѣ владѣнія ордена сдались ему почти безъ всякаго сопротивленія. Великій магистръ Ульрихъ фонъ Юнгингенъ потерпѣлъ пораженіе въ рѣшительной битвѣ при Танненбергѣ. Тѣмъ не менѣе орденъ лишился только незначительной части своихъ владѣній по заключенному въ 1411 г. въ Торнѣ первому мирному договору съ польско-литовскимъ государствомъ. Рыцари продолжали раздражать своихъ подданныхъ административными злоупотребленіями и тяжелыми поборами, вслѣдствіе чего представители сословій заключили между собой въ 1440 г. союзъ для защиты своихъ правъ, а такъ какъ измѣненій къ лучшему не послѣдовало, то сословія отказали великому магистру въ повиновеніи и перешли открыто на сторону Польши. Въ 1466 г. окончательно истощенный орденъ вынужденъ былъ уступить Польшѣ по Второму Торнскому мирному договору западную половину своихъ владѣній, удержавъ за собою только Пруссію въ ленной зависимости отъ Польши. Съ этого момента пріостановилось почти окончательно переселеніе нѣмцевъ въ Пруссію. Въ оставшихся во власти ордена земляхъ нѣмецкая народность окрѣпла настолько, что могла уже отстоять себя, но въ земляхъ, перешедшихъ къ Польшѣ, она отступала мало по малу, сосредоточиваясь только въ городахъ. Съ начала XV столѣтія распространеніе нѣмецкой народности пріостановилось также и въ остальныхъ областяхъ съ преобладающимъ польскимъ языкомъ, даже въ Силезіи, а мѣстами стали обнаруживаться признаки ополяченія или обратнаго выселенія. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ городовъ Польши пытались спасти свою свободу, вступивъ въ союзъ Ганзы, но мощь послѣдней не простиралась такъ далеко вглубь материка. Съ наибольшимъ упорствомъ держались за нѣмецкій языкъ тѣ нѣмецкіе евреи, которые въ XIV столѣтіи бѣжали тысячами на востокъ отъ преслѣдованій.

Приблизительно съ 1400 г. наступило также затишье въ германизаціи Чехіи и Моравіи, а отчасти даже и регрессъ вслѣдствіе подъема національнаго самосознанія среди чеховъ и связаннаго съ нимъ гусситскаго движенія. Нѣмецкіе города, основанные въ этихъ странахъ при династіяхъ Пшемысловичей и Люксембургской, главнымъ образомъ въ царствованіе Оттокара II и Карла IV, были по большей части разрушены во время гусситскихъ войнъ, причемъ было уничтожено много драгоцѣнныхъ плодовъ двухъ-трехсотлѣтняго лѣтняго культурнаго труда. Только во вторую половину XV столѣтія возобновилось движеніе нѣмцевъ въ пограничные чешско-моравскіе округа.

Какъ на сѣверо-востокѣ въ славянскихъ областяхъ по ту сторону Эльбы, такъ и на югѣ съ VI по XIV столѣтіе, почти все время, лишь съ короткими перерывами, двигался широкій потокъ нѣмцевъ-колонистовъ, устремлявшихся въ придунайскія области и заложившихъ здѣсь фундаментъ современной австро-венгерской монархіи. Подъ руководствомъ энергичной герцогской династіи Агилулфингеновъ баварское племя распространилось далеко за предѣлы своей первоначальной территоріи еще раньше царствованія Карла Великаго: на югѣ владѣнія Баварскаго герцогства простирались за Бреннеръ до, открывающихся со стороны Италіи, долинъ Лессинскихъ Альпъ, на востокѣ до Каринтіи и Штиріи, включая противоположный берегъ Лейты и Марха, на сѣверѣ дальше Богемскаго лѣса, вклиниваясь въ территорію верхнефранконскихъ славянъ — реданцевъ. Епископства Зальцбургское, Пассауское, Фрейзингское, Регенсбургское и Бамбергское, а также большіе монастыри, какъ, напримѣръ, Нижне-Алтайхскій, св. Эммерама въ Регенсбургѣ, Эттингъ, Тегернзее, Кремсмюнстеръ и св. Флоріана, равно какъ и многочисленные баварскіе бароны пріобрѣли крупныя помѣстья въ Альпахъ, Тиролѣ, Каринтіи, Крайнѣ, Береговой землѣ и заселяли ихъ колонистами со своей родины. При Карлѣ Великомъ нѣмецкая колонизація распространилась до р. Рааба. На нѣкоторое время германизація пріостановилась вслѣдствіи набѣговъ аваровъ, моравовъ и венгровъ; но послѣ возстановленія порядка Восточная марка расцвѣла снова. Подъ властью Бабенбергской династіи, отличавшейся любовью къ искусству, Восточная марка въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій была центромъ нѣмецкой культурной жизни. Габсбурги тоже поощряли въ своихъ собственныхъ интересахъ иммиграцію. Только усиленіе Венгріи пріостановило дальнѣйшее распространеніе нѣмецкой народности въ нижнедунайскихъ областяхъ, а гибель династіи Штауфеновъ и упадокъ императорской власти остановили ея движеніе къ Адріатическому морю. Тѣмъ не менѣе потокъ нѣмецкихъ переселенцевъ продолжалъ переливаться черезъ границы области распространенія нѣмецкаго языка и въ XIV столѣтіи. Такъ, напримѣръ, въ 1360 г. свыше 300 семействъ уроженцевъ Фраконіи и Тюрингена поселились въ мѣстности Готтшее въ Крайнѣ и образовали здѣсь, въ морѣ вендскаго населенія, нѣмецкій островъ, сохранившійся до настоящаго времени, несмотря на всѣ невзгоды.

Въ Венгріи нѣмецкая народность утвердилась уже въ концѣ VIII столѣтія. Послѣ побѣды надъ аварами Карлъ Великій присоединилъ къ франкскому государству подъ именемъ Аварской марки всю область между Альпами и Дунаемъ. Переселенцы изъ Баваріи спускались внизъ по долинамъ рѣкъ Рааба и Дравы, заняли Баконійскій лѣсъ и основали свои колоніи на берегахъ Платенскаго озера. Это были предки тѣхъ западновенгерскихъ нѣмцевъ, которые называются теперь гинцами. Новый потокъ нѣмцевъ устремился въ Венгрію въ царствованіе перваго христіанскаго короля ея, Стефана, вступившаго въ бракъ съ дочерью баварскаго герцога, Гизеллой, въ 995 г. Стали основываться нѣмецкіе города; нѣмецкое культурное вліяніе распространилось по всему государству. Расцвѣли торговля и ремесла, государственные доходы увеличились, и венгерскіе короли черезъ короткое время пришли къ убѣжденію, что дальнѣйшій приливъ нѣмецкихъ колонистовъ принесетъ огромную пользу государству. Наибольшее усердіе проявилъ въ этомъ отношеніи король Геза II (1140—1161 г.), заселившій нѣмецкими колонистами обширныя безлюдныя пространства. Въ горный округъ Ципсъ и въ Верхне-Венгерскія Рудныя горы были вызваны для разработки ископаемыхъ богатствъ рудокопы изъ Мейссена и Тюрингена. Въ Седьмиградію потянулись съ береговъ Мозеля и нижняго Рейна тысячи крестьянъ франконскаго племени. Одна большая группа поселилась въ Неснерландѣ около Бистрица, другая на такъ называемыхъ королевскихъ земляхъ около Германштадта,

Шесбурга и Медіаша, третья, приглашенная тевтонскимъ рыцарскимъ орденомъ значительно позже, въ 1211 г., въ Бурценландѣ около Кронштадта. Жители этихъ трехъ округовъ, которыхъ вскорѣ стали неправильно называть саксонцами, получили отъ владѣтельныхъ князей своей новой родины важныя льготы и вольности. Золотая грамота короля Андрея II (1224 г.) даровала имъ полное самоуправленіе и собственный судъ. Монгольское нашествіе 1240—1242 г. погубило много ростковъ нѣмецкой культуры въ придунайскихъ областяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дало толчекъ къ привлеченію новыхъ нѣмецкихъ колонистовъ, именно, изъ Силезіи, и Ципсъ превратился въ почти чисто нѣмецкій округъ. 24 нѣмецкихъ города его получили въ 1271 г. королевскую льготную грамоту. Нѣмецкая народность продолжала усиливаться, въ особенности въ верхне-венгерскихъ горныхъ округахъ до конца XIV столѣтія благодаря непрерывному притоку нѣмцевъ-рудокоповъ и ремесленниковъ; но тутъ началась реакція со стороны мадьярскаго народа, достигшаго уже высшей ступени самосознанія. Полная германизація Венгріи стала неосуществимой; нѣмцы даже были вытѣснены изъ многихъ важныхъ позицій. Только въ городахъ и въ тѣхъ сельскихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ они жили сплоченной массой, они оказались въ силахъ удержаться до настоящаго времени, переживъ тяжелый періодъ турецкихъ войнъ и контръ-реформаціи. Особенную живучесть проявило, въ качествѣ отдаленнаго форпоста нѣмецкой народности, маленькое племя седмиградскихъ саксонцевъ, окруженное подавляющей массой враговъ, но сохранившее, несмотря на многовѣковыя притѣсненія и невзгоды, свою національность, свое культурное превосходство и духовную связь со своимъ старымъ отечествомъ.

Такимъ образомъ непрерывное движеніе нѣмцевъ на востокъ въ теченіе нѣскольких столѣтій завоевало для нѣмецкой народности обширную территорію. Энеа Сильвіо Пикколомини, одинъ изъ дальновиднѣйшихъ государственныхъ людей своего времени, писалъ около середины XV столѣтія: „Дунай и Рейнъ, нѣкогда бывшіе границами Германіи, теперь текутъ среди нѣмецкихъ земель. Большая часть Бельгіи, которая была во времена Цезаря третьей составной частью Галліи, стала нѣмецкой по языку и нравамъ, равно какъ и Гельвеція, бывшая когда-то родиной кельтскаго народа, Реція, Норикумъ, Винделиція и вся область между Дунаемъ и итальянскими Альпами. Нѣмецкій языкъ и нѣмецкая народность перешагнули даже черезъ эти горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, и утвердились въ долинѣ р. Эчъ. Истоки Дравы и Савы лежатъ въ настоящее время на нѣмецкой территоріи, нѣмецкая народность перешагнула черезъ Одеръ и Вислу“. Онъ могъ бы прибавить, что въ его время она уже была вынуждена отказаться отъ дальнѣйшаго поступательнаго движенія вслѣдствіе слабости имперскаго правительства и усиленія сосѣднихъ народовъ и довольствоваться защитой уже завоеваннаго.

Эта германизація восточныхъ пограничныхъ областей не была исключительно дѣломъ владѣтельныхъ князей. Въ ней принимали одинаковое участіе всѣ сословія нѣмецкаго народа. Изъ дворянъ многіе пріобрѣтали обширныя пространства земли въ славянскихъ областяхъ и для увеличенія своихъ доходовъ заселяли ихъ нѣмецкими крестьянами. Другіе поступали на службу къ мѣстнымъ владѣтельнымъ князьямъ и получали отъ нихъ рыцарскія помѣстья на правахъ вассаловъ. Славянскіе князья тоже привлекали къ своимъ дворамъ нѣмецкихъ дворянъ, чтобы найти въ нихъ опору противъ своихъ собственныхъ магнатовъ. Многіе сыновья дворянъ средней руки, которыхъ на родинѣ ожидала далеко не блестящая карьера, охотно пользовались случаемъ пріобрѣсти на Востокѣ обширныя земельныя владѣнія и тѣмъ создать себѣ вліятельное и доходное положеніе.

Духовенству тоже принадлежатъ крупныя заслуги въ дѣлѣ распространенія нѣмецкой народности на востокѣ. Многіе нѣмецкіе священ-

ники работали среди язычниковъ въ качествѣ миссіонеровъ, другіе состояли на дипломатической или канцелярской службѣ, а также въ качествѣ художниковъ и ученыхъ при дворахъ владѣтельныхъ князей. Многіе монастыри пріобрѣли обширныя земельныя владѣнія и за короткое время превратили въ плодотворныя нивы громадныя болота и первобытные лѣса, заселивъ ихъ нѣмецкими крестьянами. До 1270 г. въ областяхъ къ востоку отъ р. Эльбы большинство монастырей принадлежали ордену премонстратовъ; его основатель Норбертъ жилъ съ 1126 г. въ Магдебургѣ въ санѣ архіепископа и ревностно заботился о его распространеніи. Монастыри премонстратовъ тянулись отъ Эльбы и Гавеля по побережью Балтійскаго моря до Риги. Соборные капитулы гавельбергскій, бранденбургскій и рацебургскій тоже состояли исключительно изъ членовъ этого ордена: но къ концу XII столѣтія его опередилъ мало по малу Цистерціенскій орденъ, ставившій своей главной задачей расчистку лѣсовъ и сельское хозяйство. Къ числу самыхъ древнихъ и извѣстныхъ монастырой этого ордена принадлежали Пфорте около Наумбурга, Альтцелле и Бухъ въ округѣ Мейссенѣ, Цинна, Ленинъ и Хоринъ въ Бранденбургской маркѣ, Добрилугкъ въ нижней Лузаціи, Даргунъ и Кольбацъ въ Помераніи, Доберанъ въ Мекленбургѣ, Олива около Данцига и самый главный изъ нихъ — Лейбусъ въ Силезіи.

Въ то время, какъ монахи обоихъ орденовъ селились въ безлюдныхъ пустыняхъ, еще ждущихъ поселенцевъ, переселявшіеся на востокъ нѣмецкіе бюргеры стремились въ удобно расположенныя мѣстности съ оживленными сношеніями, въ которыхъ торговля и ремесло обѣщали хорошіе барыши. Купцы изъ Фландріи, изъ крупныхъ рейнскихъ, вестфальскихъ и нѣмецкихъ городовъ странствовали по вендскимъ областямъ и вымѣнивали здѣсь сукна, полотна, металлическія издѣлія, украшенія, вино и пряности на мѣха, кожи, воскъ, медъ и рабовъ. При дворахъ владѣтельныхъ князей и вообще въ мѣстахъ большого спроса на различные товары они пріобрѣтали нерѣдко временную или постоянную осѣдлость. Представители благороднаго сословія, нѣмецкаго и славянскаго, принимали ихъ очень радушно, такъ какъ только при ихъ посредствѣ можно было пріобрѣтать болѣе изысканные предметы потребленія и предметы роскоши. Владѣтельные князья тоже были рады подаркамъ, подносимымъ имъ купцами; кромѣ того ихъ доходы росли отъ увеличенія суммы пошлинъ и рыночныхъ податей. Купцы играли также выдающуюся роль при основаніи городовъ въ колоніяхъ. Имъ то по преимуществу новый городъ бывалъ обязанъ тѣмъ, что его торговля начинала процвѣтать, и онъ пріобрѣталъ значеніе коммерчесскаго центра болѣе или менѣе обширной области. Въ тѣсной связи съ купцами стояли на славянскомъ востокѣ нѣмцы ремесленники. Они тоже зарабатывали свой хлѣбъ по большей части при дворахъ владѣтельныхъ князей и въ замкахъ рыцарей. Но наиболѣе охотно селились они во вновь основанныхъ городахъ, выроставшихъ въ большомъ числѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ быстро подвигалась впередъ нѣмецкая колонизація, создавшая сельское населеніе съ большой покупательной способностью, и былъ обезпеченъ сбыть ремесленнымъ произведеніямъ. Эти города восточной Германіи и теперь еще свидѣтельствуютъ многими своими чертами о дальновидности и умѣ своихъ основателей. По большей части они обязаны своимъ возникновеніемъ владѣтельнымъ князьямъ, отводившимъ необходимый участокъ земли и предоставлявшимъ всѣ хлопоты по возведенію домовъ и привлеченію жителей предпринимателю (locator). Князья понимали, какія крупныя выгоды приноситъ имъ каждый вновь основанный городъ. Онъ становился для нихъ богатымъ источникомъ доходовъ въ видѣ налоговъ, платимыхъ бюргерами, былъ сборнымъ пунктомъ трудолюбивыхъ и полезныхъ людей, цвѣтущимъ центромъ торговли и промысловъ, хорошимъ рынкомъ для сбыта

сырыхъ продуктовъ, а въ военное время также удобнымъ убѣжищемъ, хорошо снабженнымъ оружіемъ, припасами и надежными защитниками. Славянскіе князья тоже уразумѣли вскорѣ важное значеніе этихъ нѣмецкихъ городовъ и стали привлекать къ себѣ новыхъ бюргеровъ наперерывъ другъ передъ другомъ. Они предоставляли имъ судиться по нѣмецкому праву, даровали имъ грамоты съ различными льготами: самоуправленіемъ, собственнымъ судомъ и всевозможными торговыми привилегіями. Благодаря этому къ концу XIV столѣтія не только онѣмеченныя восточныя области Германіи, но также Чехія, Венгрія, Польша и Литва покрылись цѣлой сѣтью нѣмецкихъ городовъ, и почти всѣ эти города процвѣтали въ теченіе продолжительнаго времени. Въ болѣе старые города тоже привлекали нѣмцевъ для поднятія ихъ благосостоянія. Въ Офенѣ, Лембергѣ, Сандомирѣ и Вильнѣ нѣмцы завели свои собственные цехи; въ Краковѣ они жили съ начала XIII вѣка подъ управленіемъ своихъ собственныхъ шульцевъ и фохтовъ на основаніи права своей родины и мало-по-малу размножились въ такой степени, что до періода контръ-реформаціи это былъ скорѣе нѣмецкій городъ, въ которомъ процвѣтали наука и искусство и господствовало всеобщее благосостояніе.

Съ XV вѣка начинается упадокъ всѣхъ этихъ нѣмецкихъ городовъ на востокѣ Европы. Главными причинами этого быстраго упадка было постепенное прекращеніе притока переселенцевъ изъ Германіи, отсутствіе твердой опоры вслѣдствіе возрастающей слабости имперіи и пробужденіе національнаго сознанія чеховъ, поляковъ и мадьяръ подъ вліяніемъ нѣмецкой культуры, побуждавшее смотрѣть на нѣмцевъ, какъ на вредныхъ пришельцевъ; къ этому присоединялись близорукая политика славянскихъ князей, не останавливавшаяся предъ вымогательствами и беззаконіями всякаго рода, закрытіе восточныхъ торговыхъ путей вслѣдствіе расширенія владычества турокъ-османъ, перемѣщеніе къ концу среднихъ вѣковъ международныхъ торговыхъ путей къ берегамъ Атлантическаго океана благодаря великимъ заокеанскимъ открытіямъ, наконецъ, распространеніе въ XVI вѣкѣ реформаціи, къ которой примкнуло большинство нѣмцевъ восточной Европы, почему вліятельное католическое духовенство пріютившихъ ихъ странъ стало ихъ непримиримымъ врагомъ. Всѣ эти обстоятельства нанесли тяжелый ударъ благосостоянію большинства нѣмецкихъ городовъ восточной Европы; многіе изъ нихъ быстро утратили свой нѣмецкій характеръ, другіе постепенно опустились, влачили жалкое существованіе втеченіи цѣлыхъ сотенъ лѣтъ и только недавно вернули себѣ нѣкоторое значеніе.

Такую же картину подающаго большія надежды начала долгаго счастливаго прогрессивнаго развитія и медленнаго упадка, доходящаго до крайней степени, представляютъ и судьбы гораздо болѣе многочисленной, чѣмъ бюргеры, составной части средневѣковаго колоніальнаго населенія, нѣмецкихъ крестьянъ восточной Европы. Отличаясь трудолюбіемъ, упорствомъ, крайне ограниченными потребностями и поразительной плодовитостью, нѣмецкіе крестьяне представляли собою превосходный матеріалъ для колонизаціи. Изъ Брабанта и Фландріи, изъ Голландіи, Фрисландіи и Зеландіи, съ низовьевъ Рейна и Мозеля, изъ Саксоніи, Гессена и Тюрингена потокъ крестьянъ-переселенцевъ направлялся въ славянскія области по ту сторону р. Эльбы, а изъ Баваріи и Швабіи въ Чехію и Моравію, долины Альпъ и долину р. Дуная. У фламандцевъ движеніе на востокъ носило въ теченіе двухъ столѣтій характеръ народнаго движенія, прославляемаго въ народныхъ пѣсняхъ. Большинство переселенцевъ крестьянъ шло по вызову владѣтельныхъ князей, епископовъ, монастырей и бароновъ-помѣщиковъ колонизируемой области, письменному или черезъ посланцевъ; каждому переселенцу обѣщался участокъ земли, на которомъ онъ могъ бы привольно жить со своей семьей, подъ условіемъ уплаты умѣреннаго оброка. На эти приглашенія отозвались тысячи крестьянскихъ сыновей, не имѣв-

шихъ надежды завести на родинѣ самостоятельное хозяйство вслѣдствіе недѣлимости крестьянскихъ участковъ и относительнаго перенаселенія, затѣмъ множество людей, притѣсняемыхъ землевладѣльцами и спасавшихся отъ угрожавшаго имъ крѣпостного состоянія, вообще всѣ рѣшавшіеся покинуть свою родину, чтобы добиться на чужбинѣ свободы, благосостоянія и лучшаго соціальнаго положенія. Многіе уходили отъ ужасныхъ голодовъ и опустошительныхъ эпидемій, обрушивавшихся отъ поры до времени на западную Германію. Другіе убѣгали отъ наводненій, которыя опустошили въ XIII столѣтіи все побережье Нѣмецкаго моря и залили обширныя пространства земли. Громадныя толпы народа были увлечены на востокъ проповѣдью крестоваго похода, когда церковь объявила, что походъ противъ язычниковъ вендовъ или пруссовъ составляетъ такую же заслугу передъ Богомъ, какъ и путешествіе къ св. мѣстамъ, и запретила владѣльцамъ помѣстій препятствовать уходу своихъ крѣпостныхъ, принявшихъ крестъ. Ко всѣмъ этимъ разрядамъ переселенцевъ присоединялись нерѣдко авантюристы, должники, убѣгавшіе отъ своихъ кредиторовъ, крѣпостные, впавшіе въ нищету отъ непрерывныхъ войнъ между баронами и согнанные съ своей земли, бѣглые рабы-плѣнники, а также преступники, такъ какъ въ славянскихъ областяхъ не справлялись о родѣ-племени и прошлой жизни переселенцевъ.

Нѣкоторые изъ этихъ эмигрантовъ переходили черезъ границу по одиночкѣ или небольшими группами, поселялись гдѣ-нибудь въ первобытномъ лѣсу или около воды и вели за собственный рискъ и страхъ тяжелую борьбу съ невзгодами жизни въ пустынѣ. Но большая часть переселенцевъ направлялась къ отдаленной цѣли своего путешествія правильными отрядами подъ начальствомъ избранныхъ ими самими предводителей. Прибывши на мѣсто, они заключали формальные договоры съ владѣльцами земли, на которой они собирались поселиться, причемъ выговаривали себѣ полную личную свободу. Переговоры велись по большей части не непосредственно съ владѣльцами, а черезъ посредство локатора (сравн. стр. 235), который за свои хлопоты получалъ въ наслѣдственное владѣніе должность шульца вмѣстѣ съ разными льготами и доходами во вновь основываемой деревнѣ. За небольшую плату, а часто и вовсе безвозмездно, переселенцы получали необходимое имъ количество гуфъ земли. Обыкновенно они освобождались на цѣлый рядъ лѣтъ отъ всякихъ повинностей для облегченія ихъ первоначальнаго устройства и обзаведенія на новомъ мѣстѣ. По истеченіи этого времени они были обязаны платить умѣренный оброкъ владѣтельному князю, владѣльцу помѣстья и церкви. Большая часть новыхъ поселеній устраивалась на дѣвственной почвѣ, но нѣкоторыя изъ нихъ основывались на мѣстѣ прежнихъ славянскихъ деревень, жителямъ которыхъ приходилось уходить вонъ или же искать себѣ пропитанія въ качествѣ батраковъ, пастуховъ, рыбаковъ, лѣсниковъ. Нерѣдко колонисты достигали значительнаго благосостоянія послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упорнаго труда. Вспахивая землю своимъ глубоко захватывающимъ колеснымъ желѣзнымъ плугомъ, они получали гораздо больше урожаи, чѣмъ славяне съ ихъ первобытной деревянной сохой, которая только царапала землю. Конечно часто колонисты становились жертвою смутъ или неожиданныхъ нападеній возставшихъ туземцевъ. Землевладѣльцы извлекали большія выгоды отъ заселенія ихъ помѣстій нѣмецкими крестьянами. Цѣнность земли повышалась; доходы росли пропорціонально числу колонистовъ. Для епископствъ, монастырей и церквей десятина послужила источникомъ громадныхъ богатствъ. Даже у славянскихъ магнатовъ пріобрѣтеніе необработанныхъ пространствъ земли и заселеніе ихъ германскими колонистами считались хорошимъ помѣщеніемъ капитала, представлявшимъ такія большія выгоды, что всѣ національныя сомнѣнія отступали на задній планъ. Славянскіе князья Мекленбурга и

Помераніи, Силезіи и Польши соперничали съ нѣмецкими маркграфами и главными магистрами Тевтонскаго ордена въ привлеченіи крестьянъ переселенцевъ съ запада, чтобы превратить обширныя пространства пустынной и неимѣющей никакой цѣнности земли въ плодородныя пашни и увеличить свою мощь и доходы.

Это движеніе нѣмецкихъ крестьянъ на востокъ продолжалось неослабно до конца XIV столѣтія, но затѣмъ притокъ ихъ сталъ ослабѣвать и наконецъ изсякъ окончательно, главнымъ образомъ, въ силу ухудшенія правового и экономическаго положенія колонистовъ вслѣдствіе развитія барщиннаго хозяйства. Стремленіе землевладѣльцевъ къ закабаленію крестьянъ, обремененію ихъ барщиной и обращенію въ крѣпостныхъ давало себя знать въ восточныхъ колоніяхъ такъ же, какъ и въ остальной имперіи, и повсюду въ концѣ концовъ увѣнчалось успѣхомъ. Введеніе римскаго права ускорило этотъ процессъ; тщетно пыталась остановить его слабая государственная власть. Такимъ образомъ нѣмецкіе крестьяне въ завоеванныхъ у славянъ областяхъ впали мало по малу въ полную крѣпостную зависимость отъ помѣщиковъ, и культурный прогрессъ шелъ мимо нихъ. Вмѣстѣ съ волей крестьяне утратили и свое національное самосознаніе и уже не въ силахъ были противостоять заглушенію своей народности и постепенному растворенію ея въ славянской массѣ. Тѣмъ не менѣе за ними остается та безспорная заслуга, что благодаря ихъ упорному мирному труду въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и ихъ экономическому превосходству надъ восточными сосѣдями нѣмцевъ германская нація пріобрѣла половину той территоріи, которую она занимаетъ въ настоящее время.

4. Единичныя переселенія въ средніе вѣка.

Наряду съ массовыми переселеніями на востокъ, имѣвшими своимъ результатомъ такое значительное распространеніе нѣмецкой народности, шла далеко не столь бросающаяся въ глаза и до сихъ поръ мало изслѣдованная, но имѣвшая, пожалуй, не меньшее культурное значеніе, эмиграція отдѣльныхъ представителей нѣмецкаго народа, переселявшихся въ чужіе края по одиночкѣ или небольшими группами на время или навсегда. Они разносили почти по всѣмъ извѣстнымъ въ то время странамъ германскую культуру и являлись передатчиками иноземныхъ культурныхъ вліяній въ Германіи. Среди нихъ попадались представители всѣхъ сословій. Нѣмецкихъ ученыхъ и художниковъ нерѣдко приглашали ко дворамъ владѣтельныхъ князей или же въ крупные иностранные города. Нѣмецкіе юристы встрѣчаются въ числѣ первыхъ представителей римскаго права въ Италіи, Франціи и Венгріи. Въ римской куріи число нѣмцевъ въ теченіе долгаго времени превосходило число представителей другихъ народовъ во всѣхъ вѣдомствахъ ея громаднаго административнаго механизма. Нѣмецкіе врачи пользовались заграницей весьма высокой репутаціей Нѣмецкіе архитекторы считались наиболѣе искусными представителями своей профессіи, и объ ихъ талантахъ свидѣтельствуютъ и понынѣ готическія церкви въ Англіи, Франціи и Италіи. Нѣмецкіе скульпторы и живописцы, главнымъ образомъ, живописцы по стеклу и миніатюристы, отправлявшіеся въ Италію для усовершенствованія, подолгу проживали тамъ. Нѣмецкіе рыцари часто отправлялись въ Азію и Африку на войну съ невѣрными или же помогали иностраннымъ государямъ, которые вели борьбу со своими непокорными подданными. Нѣмецкіе наемники нерѣдко поступали на службу къ иностраннымъ военачальникамъ и принимали участіе во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ того воинственнаго періода. Во время своихъ римскихъ походовъ германскіе императоры увели съ собою въ Ита-

лію много тысячъ наемниковъ. Многіе изъ нихъ поступили на службу къ итальянскимъ владѣтельнымъ князьямъ и городамъ и пріобрѣли себѣ новую родину на югѣ. Около 1500 г. нѣмецкая лейбъ-гвардія и дворцовая стража попадались почти при всѣхъ дворахъ; славились также нѣмецкая караульная стража, нѣмецкіе стрѣлки и нѣмецкіе артиллеристы. Не мало нѣмцевъ было также среди духовенства во всѣхъ государствахъ. Нѣмецкіе монахи и монахини всевозможныхъ орденовъ попадались въ монастыряхъ всѣхъ христіанскихъ государствъ, особенно въ Италіи. Нѣмецкіе миссіонеры много потрудились надъ обращеніемъ въ христіанство вендовъ, поляковъ, чеховъ, венгерцевъ, русскихъ и скандинавовъ; нѣкоторые изъ нихъ проповѣдывали христіанство даже среди арабовъ, турокъ и монголовъ, правда, безуспѣшно. Многочисленные нѣмецкіе студенты устремлялись къ источникамъ знанія — въ Италію, Францію и Англію, особенно въ ту историческую эпоху, когда сказалась притягалельная сила возрождающагося римскаго права и проснувшагося гуманизма. Въ Болоньѣ нѣмецкіе бурши играли значительную роль и образовали вліятельную корпорацію подъ именемъ Nazione tedesca.

Особенно много попадалось внѣ Германіи нѣмцевъ рудокоповъ, ремесленниковъ и купцовъ. Древнѣйшіе нѣмецкіе рудокопы поселились въ эпоху переселенія народовъ на мѣстахъ римскихъ и кельтскихъ рудныхъ и соляныхъ копей въ области Альпъ и въ прирейнскихъ округахъ. Уже въ началѣ VIII вѣка, на горѣ Эрцбергъ, около Айзенэрца въ Штиріи, добывался желѣзный шпатъ. Около 860 г. въ Фихтельгебирге шло въ обширныхъ размѣрахъ добываніе золота, серебра, мѣди и желѣза. Немного спустя началось добываніе золота и олова въ пограничныхъ горахъ Чехіи и соли въ Зальцбургѣ. Въ 940 г. были заложены франконскими рудокопами первыя серебряныя шахты на горѣ Раммельсбергѣ около Гослара. Вскорѣ послѣ этого было заложено много серебряныхъ шахтъ въ Шварцвальдѣ, а въ Зигерландѣ стали добывать превосходное желѣзо. Въ XI вѣкѣ стала развиваться горная промышленность въ различныхъ мѣстахъ Тироля, а въ XII вѣкѣ — въ Верхнемъ Гарцѣ и Мансфельдскомъ округѣ. Въ теченіе многихъ десятилѣтій значительное число горнорабочихъ уходило изъ этихъ центровъ германскаго горнодѣлія частью въ славянскія земли по ту сторону рѣкъ Эльбы и Зааля, частью въ Чехію, Моравію и Венгрію, гдѣ на ихъ долю часто выпадала роль піонеровъ нѣмецкой народности. Уже въ VIII вѣкѣ единичные нѣмцы-рудокопы попадаются въ горныхъ округахъ Шемницкомъ и Пшибрамскомъ, въ IX вѣкѣ — въ Богемскомъ лѣсу, въ X — въ окрестностяхъ Иглау, въ XI — въ Фріулѣ. Съ начала XII вѣка стало сильно развиваться добываніе металловъ въ Силезіи благодаря иммиграціи нѣмецкихъ рудокоповъ. Названія городовъ: Гольдбергъ, Зильбербергъ, Купфербергъ, Рейхенштейнъ (Золотая Гора, Серебряная Гора, Мѣдная Гора, Драгоцѣнный Камень) напоминаютъ еще и понынѣ о тѣхъ временахъ. Въ Чехіи горнодѣліе развилось такъ успѣшно, что выросло болѣе ста мелкихъ горнозаводскихъ городовъ. Въ 1163 г. началась разработка богатыхъ серебряныхъ мѣсторожденій на сѣверномъ склонѣ Рудныхъ горъ. Въ 1175 г. былъ основанъ горнозаводскій городъ Фрейбургъ на исконной славянской территоріи. Разрушеніе плавильныхъ печей около Гослара Генрихомъ Львомъ въ 1180 г. заставило выселиться значительное число рудокоповъ. Одни изъ нихъ направились въ Фрейбургъ, другіе — въ Чехію и Венгрію. Къ концу XII столѣтія подъ вліяніемъ нѣмцевъ развилась разработка серебряныхъ мѣсторожденій въ Тріентскомъ епископствѣ. Въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій достигли значительнаго благосостоянія нѣмецкіе горнозаводскіе города въ верхней Венгріи Кремницъ и Шемницъ — благодаря добыванію золота и серебра, а Гельницъ и Шмельницъ — благодаря добыванію мѣди и желѣза. Въ 1270 г. нѣмецкіе рудокопы были приглашены въ Россію татарскими

ханами для поднятія горнодѣлія въ этой странѣ. Черезъ короткое время другіе нѣмецкіе рудокопы отправились для той же цѣли въ Швецію и Испанію. Въ XIV столѣтіи горнодѣліе въ Чехіи достигло наивысшаго своего развитія, но гусситскія войны нанесли неизмѣримый вредъ какъ этой странѣ, такъ и Моравіи. Много горнозаводскихъ городовъ было разрушено, сотни шахтъ были заброшены, тысячи рудокоповъ вынуждены были выселиться. Большая часть ихъ направилась въ Саксонію и въ Тироль, въ которомъ серебряныя мѣсторожденія въ Шварцѣ, Раттенбергѣ и Кицбюгелѣ давали богатую добычу. Послѣ окончанія гусситскихъ войнъ горнодѣліе долго не могло оправиться въ Чехіи. Лишь когда промывка олова въ Эльнбогенѣ, Шлакенвертѣ и Лихтенштадтѣ стала обѣщать богатую добычу, сюда устремилось большое число нѣмецкихъ рудокоповъ. Къ концу XV столѣтія опять замѣчается сильный отливъ рудокоповъ къ Верхнимъ Руднымъ горамъ Мейссенскаго округа, куда ихъ привлекали богатыя рудныя жилы на Шнееберге, около Аннаберга, и въ Бухгольцѣ. Около того же времени стали привлекать въ Крайну многихъ нѣмецкихъ рудокоповъ разрабатываемыя съ 1497 г. ртутныя мѣсторожденія въ Идріи и тутъ они образовали нѣмецкій островъ среди сплошной словенской территоріи. Такимъ образомъ около 1500 г. едва ли оставался хотя бы одинъ мало-мальски значительный горный округъ въ Европѣ, гдѣ не работали бы нѣмецкіе рудокопы.

Не меньшую склонность къ переселеніямъ обнаруживали въ то время и нѣмецкіе ремесленники, особенно съ тѣхъ поръ, какъ всѣ цехи ввели обязательныя странствованія подмастерьевъ въ теченіе извѣстнаго срока. Хотя большая ихъ часть ограничивалась кочеваніемъ по Германіи, но многіе уходили далеко за предѣлы имперіи. Часть ихъ возвращалась черезъ нѣкоторое время на родину для пріобрѣтенія правъ мастера, остальные поселялись на чужбинѣ, если находили благопріятныя условія. Уже въ XII вѣкѣ во многихъ странахъ встрѣчались нѣмцы-ремесленники: въ Англіи и Франціи — фландрскіе ткачи-суконщики и рейнскіе каменотесы, въ Италіи — булочники, сапожники и содержатели гостинницъ; встрѣчались они и въ скандинавскихъ странахъ, куда заходили по слѣдамъ ганзейскихъ купцовъ. Въ Бергенѣ существовала многочисленная колонія нѣмецкихъ ремесленниковъ, а на ловляхъ трески и сельдей въ сѣверной Норвегіи работали повсюду нѣмецкіе бочары. Сильно увеличилась эмиграція подмастерьевъ и рабочихъ во вторую половину XIV столѣтія вслѣдствіе наступившаго тогда важнаго поворота въ экономическомъ развитіи Германіи. Быстрый ростъ крупнаго землевладѣнія погналъ въ города большія массы народа, всячески старавшагося пристроиться къ ремеслу. Мастера увидѣли опасность, грозившую имъ отъ чрезмѣрнаго увеличенія ихъ числа, замкнулись въ особую касту и всѣми мѣрами затрудняли доступъ къ ней новымъ членамъ. Образовалось многочисленное сословіе рабочихъ, лишенныхъ возможности пріобрѣсти когда-либо званіе мастера. Это переполненіе многихъ ремесленныхъ профессій заставляло эмигрировать страдавшихъ отъ него. Борьба между цехами и родовитой буржуазіей, потрясавшая въ XIV столѣтіи многіе нѣмецкіе города, тоже сопровождалась эмиграціей многочисленныхъ ремесленниковъ, принадлежавшихъ къ той партіи, которая оказывалась побѣжденной. Большая часть покидавшихъ Германію направлялась въ Италію. Здѣсь не существовало въ XIV и XV столѣтіяхъ почти ни одного ремесла, въ которомъ не имѣли бы своихъ представителей нѣмцы ремесленники. Въ большихъ городахъ они образовали значительныя колоніи и составляли особые цехи. Среди нѣмцевъ ремесленниковъ въ Италіи больше всего было ткачей, особенно во Флоренціи, но встрѣчались также булочники, сапожники, портные, скорняки, плотники, цирюльники, упаковщики, — послѣднихъ было особенно много въ Венеціи. Массовая эмиграція нѣмецкихъ ткачей объяснялась.

главнымъ образомъ, борьбой за заработную плату, охватившею въ 1360 г. всѣ крупные города Фландріи и прирейнскихъ провинцій и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приведшею къ кровопролитнымъ столкновеніямъ. О содержателяхъ гостиницъ въ Италіи Энеа Сильвіо Пикколомини утверждаетъ, что ими почти вездѣ были нѣмцы.

Относительно численности и достатка выселившихся заграницу нѣмцевъ-ремесленниковъ почти вовсе нѣтъ свѣдѣній. Только о печатникахъ, разсѣявшихся вскорѣ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія по всѣмъ культурнымъ странамъ Европы, имѣются данныя въ ихъ собственныхъ печатныхъ произведеніяхъ, сохранившихся до настоящаго времени. Раньше всего, приблизительно въ 1464 г., они появляются въ Италіи, затѣмъ въ 1470 г. во Франціи, въ 1473 г. въ Венгріи, въ 1477 г. въ Испаніи, въ 1488 г. въ Чехіи, въ 1493 г. въ Португаліи, въ 1499 г. въ Польшѣ; къ концу періода печатанія съ досокъ не было въ культурной Европѣ ни одного крупнаго города, въ которомъ не побывали бы нѣмцы-печатники. Многіе изъ нихъ не только печатали книги, но и занимались ихъ сбытомъ, принадлежа такимъ образомъ, въ извѣстномъ смыслѣ, къ торговому сословію. Послѣднее тоже заключало въ себѣ въ тѣ времена значительный процентъ нѣмецкихъ эмигрантовъ. Нижне-германскіе купцы направлялись преимущественно въ сѣверную и восточную Европу, а верхне-германскіе преимущественно къ берегамъ Средиземнаго моря. Съ IX столѣтія, а можетъ быть, и съ болѣе ранняго времени нѣмецкіе купцы ѣздили даже въ Англію внизъ по Рейну, а съ X столѣтія въ Норвегію внизъ по Везеру; съ XI столѣтія начинаются попытки завязать сношенія съ Шотландіей, и Исландіей; въ XII столѣтіи кельнскіе купцы пріобрѣтаютъ въ Лондонѣ собственное подворье (Gildhalle), въ которомъ оказывался радушный пріемъ и другимъ нѣмецкимъ бюргерамъ. Изъ славянскихъ гаваней Гольштейна и Помераніи нѣмецкіе купцы уже въ X столѣтіи, если не раньше, ѣздили на Готландъ, центръ тогдашней торговли на Балтійскомъ морѣ, и добирались дальше до южной Швеціи и побережья Финскаго залива. Съ XII столѣтія начинаются расцвѣтъ нѣмецкихъ городовъ и благосостоянія бюргеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространеніе нѣмецкой культуры на востокѣ отъ Эльбы и быстрый ростъ торговли. Въ многочисленныхъ городахъ восточной колоніальной области селились тысячи купцовъ съ запада. Черезъ короткое время нѣмецкое судоходство на Балтійскомъ морѣ вытѣснило славянское. Въ Висби на о. Готландѣ нѣмецкіе купцы образовали свою особую общину уже въ XII вѣкѣ и пріобрѣли одинаковыя права съ туземными купцами. Отсюда они ѣздили въ Новгородъ на озерѣ Ильменѣ; число нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ быстро увеличивалось; они образовали богатую и вліятельную нѣмецкую колонію и уже въ 1229 г. заключили торговый договоръ съ сосѣдними русскими удѣльными князьями. Черезъ короткое время на Балтійскомъ морѣ появились также нѣмецкіе купцы изъ Вестфаліи, съ низовьевъ Рейна и изъ Фландріи, а нѣмецкіе города на Балтійскомъ побережьи въ свою очередь принимаютъ съ первой половины XIII вѣка участіе въ торговлѣ на Нѣмецкомъ морѣ. Общность интересовъ привела мало-по-малу къ объединенію купцовъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же родомъ торговли, въ особыя гильдіи. Города метрополіи тоже убѣдились въ выгодности и необходимости общей организаціи, и такимъ образомъ изъ гильдій нѣмецкихъ купцовъ, проживающихъ заграницей, и союзовъ связанныхъ между собою общими интересами нѣмецкихъ городовъ мало по малу возникъ общій союзъ нѣмецкихъ торговыхъ городовъ, присвоившій себѣ съ XIV столѣтія названіе Нѣмецкой Ганзы; главную роль въ немъ игралъ быстро расцвѣтшій, благодаря своему мѣстоположенію, Любекъ. Въ теченіе долгаго періода своего процвѣтанія этотъ союзъ, заключавшій въ себѣ по временамъ больше семидесяти городовъ, разбросанныхъ на всемъ пространствѣ между Фландріей и Финскимъ заливомъ, включая Галле, Бреславль и Краковъ, и пріобрѣвшій

послѣ своей побѣды надъ датскимъ королемъ Вольдемаромъ IV Аттердагомъ (1368 г.) значеніе самой сильной коммерческой державы въ Европѣ, оказалъ поистинѣ грандіозныя услуги распространенію нѣмецкой народности и укрѣпленію ея вліянія въ сѣверныхъ странахъ. Центрами ганзейской торговли считались ея конторы въ Висби, Бергенѣ и Брюгге, подворье св. Петра въ Новгородѣ, стальной дворъ въ Лондонѣ и сельдяныя ловли въ южномъ Шоненѣ. Здѣсь и въ другихъ мѣстахъ побережья Нѣмецкаго и Балтійскаго морей ганзейскіе купцы владѣли обширными земельными участками съ постоялыми дворами, больницами, церквами и кладбищами. Нѣкоторые изъ нихъ проживали здѣсь постоянно въ качествѣ самостоятельныхъ торговцевъ или представителей фирмъ своего родного города, другіе пріѣзжали въ опредѣленные сроки для торговыхъ операцій. Всѣ они пользовались въ нѣмецкихъ купеческихъ колоніяхъ квартирой и содержаніемъ, обширными складами и конторами, духовнымъ попеченіемъ и дружеской помощью въ нуждѣ и оставались въ кругу своихъ родныхъ обычаевъ и законовъ. Повсюду ганзейцы умѣли добиться цѣнныхъ привилегій и важныхъ торговыхъ льготъ и стойко охраняли ихъ. Въ Бергенѣ имъ удалось монополизировать всю торговлю. Въ Англіи короли изъ дома Плантагенетовъ постоянно занимали у нихъ деньги, и, пользуясь этимъ, они брали на откупъ самыя доходныя регаліи, напримѣръ, взиманіе пошлины съ шерсти въ самыхъ оживленныхъ портахъ и богатѣйшіе оловянные рудники въ Корнуэльсѣ. Съ XIV столѣтія они стали ѣздить и дальше на югъ. У бухты Бургнефъ, къ югу отъ устья Луары, они основали колонію для добычи морской соли. Въ Гонфлерѣ, Гарфлерѣ, Ларошеллѣ, Рошфорѣ и Бордо они имѣли свои факторіи. Въ XV столѣтіи они появились на западномъ берегу Пиренейскаго полуострова и основали свою контору въ Лиссабонѣ, но за Гибралтарскій проливъ они проникали только въ единичныхъ случаяхъ. Зато на сѣверъ, вплоть до самой Исландіи, они ѣздили все въ большемъ и большемъ числѣ, а въ городахъ Швеціи, Финляндіи и прибалтійскихъ провинцій они составляли значительную часть населенія. Въ болѣе важныхъ пунктахъ Россіи, Польши и Литвы, особенно въ Москвѣ, они были частыми, хотя и не всегда радушно принимаемыми гостями.

Въ то время, какъ въ сѣверныхъ странахъ и по берегамъ Атлантическаго океана селились ганзейскіе купцы, къ берегамъ Средиземнаго моря направлялись преимущественно бюргеры цвѣтущихъ верхнегерманскихъ имперскихъ городовъ. Еще въ царствованіе Карла Великаго франкскіе купцы стали селиться въ Византіи для закупки восточныхъ шелковыхъ матерій, пряностей и драгоцѣнныхъ камней. Начиная съ IX столѣтія попадаются иногда извѣстія о верхнегерманскихъ купцахъ, пріобрѣвшихъ осѣдлость въ Италіи, именно въ Амальфи и Венеціи; они попадались также и въ восточно-европейскихъ странахъ, главнымъ образомъ, въ Венгріи, Польшѣ и Чехіи. Уже въ 1060 г. въ Прагѣ существовала нѣмецкая купеческая гильдія. Имѣются извѣстія о пребываніи въ Кіевѣ регенбургскихъ купцовъ въ XII столѣтіи и бреславльскихъ въ XIII. Со времени крестовыхъ походовъ нѣмецкіе купцы стали принимать сначала незначительное, но затѣмъ все большее и большее участіе въ торговлѣ съ Левантомъ. Вмѣстѣ съ крестоносцами многіе изъ нихъ проникли въ приморскіе города Востока, такъ что въ царствованіе императора Фридриха I въ Константинополѣ и Александріи уже существовали цвѣтущія нѣмецкія колоніи; другіе селились все въ большемъ и большемъ числѣ въ крупныхъ торговыхъ центрахъ Италіи для обмѣна сѣверныхъ товаровъ на южные, которые они отправляли черезъ Альпы въ Германію. Они ѣздили въ Венецію черезъ Бреннскій проходъ, въ Миланъ черезъ проходъ Септимія, Юлія, Шплюгенскій и С.-Готардскій, въ Генную черезъ большой С.-Бернардскій. Важнѣйшимъ сборнымъ пунктомъ нѣмецкихъ купцовъ въ Италіи служило съ 13 столѣтія Fon-

daco dei Tedeschi въ Венеціи, великолѣпное купеческое подворье, принадлежавшее правительству республики; въ немъ заключались и гостиницы, и товарные склады. Въ Миланѣ и Генуѣ тоже были сдѣланы попытки устроить такое же учрежденіе съ предоставленіемъ ему широкихъ льготъ, но онѣ не увѣнчались успѣхомъ. Въ XV столѣтіи на Аппенинскомъ и Пиренейскомъ полуостровахъ нельзя было найти ни одного болѣе или менѣе значительнаго торговаго города, въ которомъ нѣмцкіе купцы не имѣли бы своей конторы; многіе изъ нихъ пріобрѣли посредствомъ торговыхъ операцій на побережьи Средиземнаго моря громкое имя и большія богатства, какъ напримѣръ, Фуггеры, Вельзеры, Хингеры, Гирсфогели, Гохштеттеры, Госсемброты, Бегаймы и др. Нѣмецкіе купцы сбывали на югѣ преимущественно сукно, холстъ, плисъ, шерсть, воскъ, кожи, мѣха, сельди, а закупали шелковыя матеріи, флорентинскія ткани, пряности, южные фрукты, стеклянныя издѣлія, кораллы и драгоцѣнные камни. Наряду съ торговлей они занимались также банковскими и вексельными операціями. Въ Римѣ они вели крупныя денежныя дѣла съ куріей, во Флоренціи они поддерживали тѣсную связь съ крупными тосканскими банкирами. Начавшійся въ концѣ XV столѣтія упадокъ левантской торговли на первыхъ порахъ не нанесъ замѣтнаго ущерба этимъ нѣмецкимъ купцамъ, такъ какъ они умѣли приспособиться къ измѣнившимся условіямъ.

5. Нѣмецкая эмиграція въ XVI столѣтіи.

Какъ только въ концѣ XV столѣтія пришли въ Германію первыя извѣстія объ открытіяхъ португальцевъ и испанцевъ въ восточной и западной Индіи, эта новость привлекла къ себѣ вниманіе широкихъ круговъ населенія. Не только ученые, какъ, напримѣръ, Іоганнъ Шенеръ, Конрадъ Пейтингеръ и Вилибальдъ Пиркгеймеръ, но и люди изъ толпы жаждали узнать побольше о вновь открытыхъ чудесныхъ и богатыхъ странахъ. Для удовлетворенія любознательности своихъ соотечественниковъ нѣмецкіе типографы и издатели распространяли повѣствованія конквистадоровъ въ латинскихъ изданіяхъ для ученыхъ и въ нѣмецкихъ переводахъ для менѣе образованной публики. Эти повѣствованія съ ихъ нерѣдко преувеличенными разсказами объ опасностяхъ, приключеніяхъ и баснословныхъ богатствахъ увлекали многихъ непосѣдливыхъ молодцовъ поискать счастья во вновь открытыхъ странахъ. Правда, невозможно было отправиться туда на собственный рискъ и страхъ въ качествѣ независимыхъ переселенцевъ: португальскіе и испанскіе короли съ крайней подозрительностью слѣдили за тѣмъ, чтобы ни одинъ иностранецъ не вступилъ ногой въ ихъ колоніи безъ ихъ позволенія. Тѣмъ не менѣе значительное число нѣмцевъ уѣхало въ Восточную и Западную Индію отчасти на корабляхъ испанскихъ и португальскихъ мореплавателей, отчасти на французскихъ и англійскихъ каперскихъ и пиратскихъ судахъ. Сотни нѣмцевъ, преимущественно изъ Швабіи и Франконіи, служили въ экипажахъ иноземныхъ завоевателей въ качествѣ артиллеристовъ и стрѣлковъ или же принимали участіе въ войнахъ съ туземцами вновь открытыхъ странъ въ качествѣ наемниковъ; другіе, особенно уроженцы Фрисландіи, Зеландіи и Фландріи, тогда еще остававшихся въ связи съ Германской имперіей, служили на судахъ путешественниковъ-изслѣдователей въ качествѣ матросовъ и штурмановъ. Имѣются извѣстія о томъ, что въ числѣ спутниковъ Васко де Гамы, Альмейдо, Тристано да Кунья и многихъ другихъ испанскихъ и португальскихъ адмираловъ были и нѣмцы. Даже у Магеллана, когда онъ отправлялся въ путешествіе вокругъ свѣта въ 1519 г., было въ экипажѣ четыре нѣмца. Многіе изъ этихъ моряковъ погибли въ пути, другіе возвратились ни съ чѣмъ на родину, но нѣкоторые жили подолгу

на чужбинѣ, и кое-кто изъ нихъ добился тамъ богатства и вліятельнаго положенія.

Первые нѣмцы, принявшіе участіе въ великихъ заокеанскихъ открытіяхъ, естественно, шли по слѣдамъ португальцевъ. Уже въ концѣ XV столѣтія въ Лиссабонѣ скопилось большое число нѣмцевъ, выжидавшихъ дальнѣйшаго хода событій. Нѣкоторые изъ нихъ были уполномоченными крупныхъ верхнегерманскихъ торговыхъ фирмъ, открывшихъ здѣсь свои конторы, чтобы захватить долю въ прибыльной торговлѣ индѣйскими пряностями; другіе поступили на королевскую службу, надѣясь при помощи своихъ знаній и предпріимчивости пріобрѣсти богатство и вліятельное положеніе. Самымъ выдающимся изъ нихъ былъ нюренбергскій рыцарь Мартинъ Бегаймъ, проведшій въ Португаліи большую часть своей жизни и совершившій въ 1484—1486 гг. вмѣстѣ съ извѣстнымъ путешественникомъ Діего Каньо путешествіе въ Гвинейскій заливъ, продолжавшееся 19 мѣсяцевъ. Онъ состоялъ въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ Іобстомъ фонъ Гуртеромъ изъ Фландріи, который совершилъ нѣсколько удачныхъ путешествій и былъ затѣмъ назначенъ королемъ Іоанномъ II генералъ-губернаторомъ Азорскихъ острововъ. Онъ заселилъ эти острова фламандскими колонистами, и до средины XVII столѣтія они назывались Ilhas Flamengas. Къ числу самыхъ вліятельныхъ нѣмцевъ въ Португаліи принадлежалъ также аугсбургскій купецъ Лука Ремъ, жившій въ Лиссабонѣ съ 1503 г. въ качествѣ представителя торговой фирмы „Антонъ Вельзеръ, Конрадъ Велинъ и К°“, дневникъ котораго былъ недавно опубликованъ. Изъ этого дневника мы узнаемъ, между прочимъ, что онъ предпринималъ путешествія на Мадейру, Азорскіе и Канарскіе острова и острова Зеленаго мыса, гдѣ его патроны владѣли факторіями и плантаціями съ нѣмецкимъ штатомъ служащихъ. По его ходатайству король Эммануилъ разрѣшилъ аугсбургскимъ фирмамъ Вельзера, Фуггера, Гохштеттера, Гирсфогеля и Имгофа отправить въ Калькутту вмѣстѣ съ флотомъ Альмейды, перваго индійскаго вице-короля, нѣсколько торговыхъ судовъ. Ремъ лично руководилъ снаряженіемъ этихъ трехъ судовъ и наборомъ экипажа. 25 марта 1505 г. они ушли изъ Лиссабона, а въ слѣдующемъ году вернулись съ грузомъ пряностей. Къ сожалѣнію, это смѣлое предпріятіе не повлекло за собою основанія постоянной колоніи нѣмецкихъ купцовъ въ Остъ-Индіи. Одна только фирма Фуггера содержала тамъ въ теченіе продолжительнаго времени своихъ агентовъ. По крайней мѣрѣ, испанскіе историки упоминаютъ, что вмѣстѣ съ флотомъ, отправившимся въ 1525 г. на Моллукскіе острова подъ начальствомъ Гарсія Хофре де Лоайза, туда поѣхалъ уполномоченный этой фирмы Хуанъ Ванделлеръ (т. е. Гансъ Вандлеръ или Вендлеръ). Ему было поручено изслѣдовать на мѣстѣ условія торговли пряностями, но повидимому, онъ не вернулся обратно, такъ какъ о результатахъ его путешествій ничего неизвѣстно. Фуггеры все же не упускали изъ виду индійской торговли: австріецъ X. Фернбергеръ сообщалъ въ своихъ путевыхъ запискахъ, что въ 1590 г. онъ видѣлъ въ Гоа ихъ представителя Фердинанда Крона изъ Аугсбурга.

Гораздо болѣе широкіе горизонты, чѣмъ въ португальской Индіи, открылись предъ нѣмцами въ Новомъ Свѣтѣ. Благодаря тому обстоятельству, что съ 1520 г. въ рукахъ Карла V сосредоточивались какъ господство надъ Испаніей и Америкой, такъ и верховная власть надъ Германіей, аугсбургскимъ крупнымъ торговымъ фирмамъ удалось заполучить всевозможныя концессіи въ испанской Америкѣ. Этотъ же государь, во владѣніяхъ котораго не заходило солнце, задолжалъ Вельзерамъ крупныя суммы въ связи съ расходами на свое избраніе и на веденіе войнъ, благодаря чему Вельзерамъ удалось послѣ долгихъ переговоровъ получить отъ него важное разрѣшеніе на отправленіе изъ Испаніи въ Новую Индію за собствен-

ный рискъ и страхъ во всякое время неограниченнаго числа кораблей на одинаковыхъ правахъ съ природными испанцами. Они основали собственную контору на островѣ С.-Доминго и разсылали свои корабли и своихъ агентовъ во всѣ мѣста, гдѣ торговля сулила большіе барыши. Въ 1526 г. на о. С.-Доминго поселился въ качествѣ повѣреннаго Вельзеровъ Амвросій Эхингеръ изъ Ульма. Ему было поручено завѣдывать плантаціями сахарнаго тростника и хлопка и слѣдить за вывозомъ колоніальныхъ товаровъ и благородныхъ металловъ, ввозомъ рабовъ и произведеній нѣмецкой промышленности. Вскорѣ послѣ его прибытія на названный островъ до него дошли сказочные слухи о неистощимыхъ запасахъ золота и жемчуга на Караибскомъ берегу Южной Америки. Такъ какъ эта область никѣмъ еще не была прибрана къ рукамъ, то Эхингеръ рѣшилъ не упускать подвернувшагося случая нажить большія богатства. Вмѣстѣ со своими братьями Генрихомъ и Георгомъ и еще однимъ агентомъ Вельзера, Іеронимомъ Зайллеромъ, онъ задумалъ основать на собственный счетъ колоніальное предпріятіе въ названной области. Вельзеры одобрили этотъ планъ и обѣщали свое содѣйствіе. Братья Эхингеры и ихъ компаньонъ возбудили предъ испанской короной ходатайстоо объ уступкѣ имъ этой области. Хотя королевскій совѣтъ по дѣламъ Индіи высказывалъ противъ этого серьезныя возраженія, тѣмъ не менѣе, благодаря ихъ дипломатической ловкости, имъ удалось преодолѣть всѣ эти затрудненія. Въ 1528 г. въ Мадридѣ была изготовлена ленная грамота, которою Эхингерамъ и Зайлеру жаловались права первыхъ завоевателей на всю область, простирающуюся съ востока на западъ по Караибскому берегу отъ Маракапаны до Кабо-деля-Веля, а съ сѣвера на югъ „отъ одного океана до другого“. Они обязывались основать въ теченіе двухъ лѣтъ въ этой обширной неизслѣдованной области, которая получила названіе Венецуэлы отъ индѣйской деревни, построенной на сваяхъ на подобіе Венеціи, нѣсколько городовъ и крѣпостей и поселить въ ней какъ можно больше трудоспособныхъ колонистовъ, а также пятьдесятъ искусныхъ нѣмецкихъ рудокоповъ. Черезъ короткое время Эхингеры убѣдились, что такое крупное предпріятіе имъ не по силамъ. Поэтому они уступили въ 1531 г. съ согласія короля всю названную область и всѣ свои права болѣе крупнымъ капиталистамъ Вельзерамъ. Эти послѣдніе отправили въ свою новую колонію, помимо торговыхъ агентовъ, также нѣсколько сотъ солдатъ и колонистовъ; въ числѣ послѣднихъ было не мало и нѣмцевъ. Больше всего Вельзеровъ интересовало отысканіе мѣсторожденій драгоцѣнныхъ металловъ. Съ этою цѣлью они снаряжали экспедиціи вглубь материка подъ начальствомъ нѣмцевъ. Но такъ какъ, несмотря на всѣ поиски, имъ не удалось открыть желаннаго Эльдорадо, то они отказались въ 1555 г. отъ своихъ правъ на Венецуэлу. Изъ нѣмецкихъ колонистовъ большинство погибло въ битвахъ съ туземцами, а остальные слились мало-по-малу съ испанскимъ населеніемъ. И теперь еще нѣкоторые наблюдатели утверждаютъ, хотя и ошибочно, что въ жителяхъ Караибскаго берега замѣтна примѣсь нѣмецкой крови.

Около того времени, какъ нѣмецкіе конквистадоры совершали свои экспедиціи внутрь Венецуэлы, другіе соотечественники ихъ селились въ различныхъ областяхъ тропической Америки. Особенно привлекалъ переселенцевъ богатый островъ С.-Доминго. Вельзеры обосновались на немъ вскорѣ послѣ его открытія. Они имѣли здѣсь плантаціи, дававшія большую прибыль, содержали на немъ въ теченіе многихъ лѣтъ большую торговую контору и разрабатывали на основаніи договора съ кастильской короной нѣсколько золотыхъ рудниковъ. Чтобы увеличить свои доходы, они нѣсколько разъ (главнымъ образомъ въ 1528 и 1529 гг.) вызывали сюда нѣмецкихъ рудокоповъ изъ Іоахимсталя и Саксонскихъ Рудныхъ горъ, славившихся въ то время своимъ искусствомъ по всей Европѣ. Однако эти рудокопы плохо переносили тропическій климатъ; тяжелый трудъ при силь-

ныхъ жарахъ и необычномъ питаніи причинялъ опасныя заболѣванія. Одни изъ нихъ погибли отъ лихорадки и истощенія, другіе повозвращались на родину, жалуясь, что ихъ обманули насчетъ условій жизни въ Америкѣ.

Съ 1534 г. уже попадаются нѣмецкіе переселенцы въ Бразиліи. Двое изъ нихъ, гессенцы Ульрихъ Шмидель и Гансъ Штаденъ, оставили цѣнныя описанія своихъ приключеній. Что касается Сѣверной Америки, то въ теченіе всего XVI столѣтія были только единичные случаи переселенія туда нѣмцевъ. Первыми изъ переселившихся туда нѣмцевъ, о которыхъ имѣются кое-какія свѣдѣнія, были эльзасскіе и гессенскіе протестанты, поселившіеся въ 1562 г. на берегу залива Портъ Рояль на Атлантическомъ побережьи нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ то время, какъ заокеанскія страны Новаго Свѣта привлекали къ себѣ сравнительно немного нѣмецкихъ искателей приключеній вслѣдствіе лишеній и опасностей, сопряженныхъ съ далекимъ путешествіемъ, болѣе близкое къ Германіи побережье Средиземнаго моря кишѣло нѣмецкими эмигрантами. Въ главныхъ городахъ Пиренейскаго полуострова, въ Марсели, Генуѣ, Ливорно, Римѣ, Неаполѣ, Венеціи, Триполи и Каирѣ проживали факторы и агенты крупныхъ верхнегерманскихъ торговыхъ домовъ. Нѣкоторые изъ нихъ оставили интересныя описанія своего многолѣтняго пребыванія заграницей. Такъ, напр., мы узнаемъ изъ недавно напечатанныхъ записокъ Ганса Ульриха Дельмензингена, проживавшаго въ Алеппо въ качествѣ представителя страсбургской фирмы „Манлихъ и Ко", что въ турецкихъ владѣніяхъ Передней Азіи жило много французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ купцовъ, а также часовщиковъ, ювелировъ, цирюльниковъ, сапожниковъ и булочниковъ, пользовавшихся покровительствомъ турецкихъ властей. Въ Константинополѣ тоже существовала многочисленная нѣмецкая колонія, несмотря на притѣсненія, которымъ она не разъ подвергалась; ей оказывалъ покровительство посланникъ германскаго императора. Въ Варварійскихъ государствахъ сѣверной Африки тысячи нѣмецкихъ ландскнехтовъ сражались съ невѣрными въ качествѣ участниковъ тунисскаго и алжирскаго походовъ Карла V (1535 и 1541 гг.), похода мальтійскихъ рыцарей на Триполи (1570 г.) и несчастной марокккской экспедиціи короля португальскаго Севастьяна (1578 г.). Многіе изъ нихъ погибли на полѣ битвы, другіе попали въ плѣнъ къ маврамъ и сдѣлались невольниками. Не мало другихъ нѣмцевъ, захваченныхъ пиратами на торговыхъ судахъ, томилось въ неволѣ десятками лѣтъ. Иногда ихъ посѣщали пріѣзжіе соотечественники, особенно католическіе священники. Изъ послѣднихъ пріобрѣлъ извѣстность Николай Кленардусъ, долго жившій въ Марокко и потратившій не мало безплодныхъ усилій на обращеніе невѣрныхъ на путь истины.

Кромѣ указанныхъ странъ эмигранты направлялись еще въ страны сѣверной и восточной Европы. Гостепріимствомъ Англіи пользовались въ большей или меньшей степени многіе знаменитые нѣмецкіе ученые и художники, напримѣръ, при Генрихѣ VIII великій гуманистъ Эразмъ Роттердамскій, католическіе богословы Томасъ Мурнеръ и Іоганнъ Эккъ, протестантскіе Симонъ Гринеусъ и Іоаннъ Штурмъ, историкъ Іоганнъ Шлейданусъ, живописецъ Гансъ Гольбейнъ младшій и типографъ Христофоръ Фрошоверъ, при Эдуардѣ II швейцарскіе реформаторы Мартинъ Буцеръ и Павелъ Фагіусъ, а также много евангелическихъ проповѣдниковъ, вынужденныхъ покинуть свое отечество во время Шмалькальденской войны; при Елизаветѣ сатирикъ Іоаннъ Фишеръ, низложенный курфирстъ и архіепископъ Кельнскій Гебгардъ, географъ Авраамъ Ортеліусъ и безчисленное множество бѣглецовъ изъ Нидерландовъ и прирейнскихъ провинцій, спасавшихся отъ испанскихъ преслѣдованій. Въ Лондонѣ и другихъ портовыхъ городахъ проживало много нѣмецкихъ купцовъ; иные устроились такъ хорошо, что и не думали о возвращеніи на родину. Вюртембергскій посланникъ

Гансъ Іаковъ Бухенбахъ разсказываетъ въ замѣчательномъ описаніи своего путешествія, какъ презрительно отзывались о нѣмецкихъ владѣтельныхъ князьяхъ нѣкоторые изъ нихъ, къ которымъ онъ обратился съ просьбой о займѣ по порученію своего герцога. Въ 1548 г. нѣмцевъ въ Лондонѣ насчитывалось до 5000, а два года спустя тамъ была открыта нѣмецкая евангелическая церковь.

Въ торговыхъ городахъ Скандинавіи и восточнаго побережья Балтійскаго моря тоже проживало не мало нѣмецкихъ купцовъ. Правда, они уже не пользовались такими привилегіями, какъ нѣкогда въ цвѣтущую пору Ганзы, но все еще играли вліятельную роль. Нѣмецкія колоніи этихъ странъ получили значительный приростъ во времена контръ-реформаціи. Изгнанные проповѣдники и другіе преслѣдуемые за вѣру встрѣчали радушный пріемъ въ протестантскихъ государствахъ сѣвера. Другой широкій потокъ этихъ гонимыхъ устремился въ Нидерланды, которые уже не считались частью Германской имперіи со времени отреченія Карла V. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались нѣмецкія лютеранскія общины, напримѣръ, въ Стокгольмѣ въ 1558 г., въ Копенгагенѣ еще до 1574 г. и въ Амстердамѣ въ 1588 г. Даже въ Россіи поселялось тогда много нѣмцевъ. Герберштейнъ и другіе императорскіе послы при дворѣ Московскаго царя упоминаютъ неоднократно въ своихъ путевыхъ запискахъ о встрѣченныхъ ими въ московскомъ царствѣ соотечественникахъ. Иванъ Грозный не разъ дѣлалъ попытки привлечь въ свое царство нѣмецкихъ ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Въ Польшу, Венгрію и Седмиградію, равно какъ и въ Молдавію и Буковину, тоже направлялась сильная струя нѣмецкой эмиграціи. Въ первую половину XVI вѣка сюда прибыло много нѣмецкихъ проповѣдниковъ, распространявшихъ въ Европѣ новое виттенбергское вѣроученіе. Во вторую половину того же столѣтія за ними послѣдовали толпы протестантовъ, изгнанныхъ изъ австрійскихъ владѣній, Баваріи и германскихъ епископствъ. Около 40 тысячъ такихъ безпріютныхъ бѣглецовъ поселились частью между гинцами западной Венгріи, частью въ Ципсѣ и усилили здѣсь нѣмецкій элементъ.

6. Нѣмецкая эмиграція въ XVII столѣтіи.

Печальное политическое и религіозное положеніе Германіи, опустошенія, причиненныя тридцатилѣтней войной и хищническими войнами Людовика XIV, разстройство экономической жизни, глубокій упадокъ наукъ и искусствъ заставили въ XVII столѣтіи громадное число нѣмцевъ покинуть свое отечество. Большая часть ихъ были уроженцами безпощадно опустошеннаго нѣсколько разъ Пфальца и тѣхъ южныхъ и западныхъ германскихъ областей, въ которыхъ контръ-реформація одержала окончательную побѣду благодаря стойкости и безпощадности іезуитовъ. Направленіе эмиграціоннаго движенія осталось въ существенныхъ чертахъ прежнимъ. Во Францію, Испанію и Италію не только нѣмцы-протестанты, опасавшіеся религіозныхъ преслѣдованій, но и католики переселялись очень рѣдко. Венгрія тоже утратила свою привлекательность, такъ какъ тамъ хозяйничали турки и не прекращалась религіозная вражда. Отъ Польши отпугивали эмигрантовъ притѣсненія и изгнанія диссидентовъ, безконечныя войны, ясно обозначившійся уже тогда внутренній распадъ и хозяйничанье заносчивой шляхты. Что касается России, то Борисъ Годуновъ, Лжедмитрій и Алексѣй Михайловичъ не безуспѣшно пытались привлечь въ свое государство нѣмецкихъ офицеровъ, ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ посредствомъ обѣщаній всякаго рода; однако полное разстройство государственнаго управленія, частые бунты со всѣми ихъ ужасами, непрерывныя войны съ поляками, шведами и турками и ненависть русскихъ къ

иностранцамъ препятствовали успѣшному произрастанію зачатковъ нѣмецкой культуры въ Московскомъ государствѣ. Лучше обстояло дѣло въ скандинавскихъ государствахъ. Здѣсь во многихъ городахъ сохранились маленькія нѣмецкія колоніи еще отъ временъ Ганзы. Теперь эти колоніи усилились благодаря притоку изгнанныхъ изъ германской имперіи лютеранъ. Стокгольмская нѣмецкая евангелическая община значительно возросла, а въ Готенбургѣ была основана въ 1623 г. новая община. Въ Даніи саксонскіе протестанты, благодаря близкимъ родственнымъ отношеніямъ между датской и веттинской династіями, были частыми и по большей части радушно встрѣчаемыми гостями. Но самый сильный потокъ нѣмецкихъ эмигрантовъ устремлялся внизъ по Рейну въ Англію и Нидерланды. Въ Нидерландахъ былъ оказанъ радушный пріемъ множеству бѣглецовъ, преслѣдуемыхъ за вѣру. Большая часть ихъ примкнула къ лютеранскимъ общинамъ, процвѣтавшимъ въ большихъ городахъ и особенно въ Амстердамѣ, другіе, главнымъ образомъ, кальвинисты изъ Пфальца приняли участіе въ препирательствахъ между вольнодумными арминіанами и ортодоксальными гомаристами; нѣкоторые примкнули къ менонитамъ, анабаптистамъ и другимъ сектамъ. Много нѣмцевъ дралось въ войскахъ Генеральныхъ Штатовъ съ испанцами и французами. Тысячи ихъ поступили на службу на голландскія военныя и коммерческія суда. Нѣкоторые, напримѣръ, Іоганнъ Нейгофъ изъ Юльцена, достигли этимъ путемъ богатства и почестей.

Нѣмецкая эмиграція въ Англію приняла значительные размѣры уже къ концу царствованія Елизаветы. Она продолжала рости при двухъ первыхъ короляхъ изъ дома Стюартовъ, такъ какъ народъ и парламентъ выступали неоднократно въ защиту нѣмецкихъ протестантовъ. „Зимній король“ Фридрихъ V Пфальцскій былъ тестемъ короля Іакова I. Послѣ несчастной битвы у Бѣлой горы (1620 г.) онъ бѣжалъ въ Англію вмѣстѣ со своей семьей, а за нимъ послѣдовало много народу изъ Пфальца и Чехіи, бѣжавшаго отъ императорскихъ войскъ. Впослѣдствіи, въ эпоху хищническихъ войнъ Людовика XIV, жители Пфальца вспомнили объ этой династической связи и стали переселяться толпами въ Англію. Старыя лондонскія нѣмецкія общины разрослись до того, что явилась необходимость въ основаніи новыхъ. Въ 1669 г. возникла такъ называемая Гамбургская община, въ 1694 г. община св. Маріи, а въ 1697 г. община св. Павла, расположенная въ бѣдной восточной части Лондона. Не мало нѣмецкихъ знаменитостей того времени побывало въ Англіи или пріобрѣло въ ней осѣдлость. Назовемъ философа Готфрида Вильгельма Лейбница, педагога Яна Амоса Коменскаго и поэта Георга Рудольфа Векерлина. Нѣмецкіе князья и дворяне состояли на службѣ у англійскихъ королей въ качествѣ офицеровъ; нѣмецкіе солдаты, матросы и купцы принимали предложенія вербовщиковъ остъ-индской компаніи и разсылались послѣднею по всему свѣту. Наконецъ, нѣмецкіе крестьяне, деревни и поля которыхъ были сожжены и опустошены, отзывались на приглашенія крупныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ въ Америкѣ и основывали себѣ за океаномъ новую родину.

Въ Британской сѣверной Америкѣ нѣмецкіе эмигранты встрѣчались уже въ первое десятилѣтіе XVII вѣка. Они селились въ плодородной мѣстности, которой сэръ Вальтеръ Ралей далъ названіе Виргиніи въ честъ королевы Елизаветы. Уже въ старѣйшей колоніи Джемстоунѣ, основанной въ 1607 г. капитаномъ Джономъ Смитомъ на р. Джемсъ и въ поселеніяхъ, основанныхъ Ричардомъ Гринвелемъ, лордомъ Делаверомъ, попадались нѣмецкіе крестьяне и ремесленники, гнавшіе смолу и деготь для англійскихъ кораблей въ безграничныхъ первобытныхъ лѣсахъ. Большую часть ихъ составляли уроженцы Рейнскихъ провинцій и нижней Германіи, вынужденные покинуть свое отечество отчасти вслѣдствіе религіозныхъ притѣсненій, отчасти вслѣдствіе экономическаго кризиса 1603 г. Нѣсколько лѣтъ спустя другая группа нѣмецкихъ колонистовъ основалась въ распо-

ложенной дальше къ сѣверу колоніи Новой Голландіи, основанной голландцами въ 1614 г. у устья рѣки Хэдзона. Самымъ выдающимся изъ этихъ колонистовъ былъ Петръ Минневитъ изъ Везеля, покинувшій свой родной городъ во время осады его испанцами въ войну за юлихъ-клевеское наслѣдство. За рѣдкую дѣловитость и энергію руководители вестъ-индской компаніи въ Амстердамѣ назначили его генералъ-губернаторомъ Новой Голландіи. Онъ купилъ у индѣйцевъ островъ Мангатанъ и устроилъ на немъ маленькую крѣпостцу Новый Амстердамъ, изъ которой выросъ впослѣдствіи міровой городъ Нью-Іоркъ. Громкая слава его ума и доброты привлекла въ Новую Голландію множество его соотечественниковъ, которые достигли вскорѣ значительнаго благосостоянія, ведя обширную мѣновую торговлю съ туземцами. Когда Минневитъ былъ отозванъ со своего поста въ 1631 г., онъ оставилъ колонію въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ вернулся въ Голландію, но тутъ его широкіе колоніальные планы не встрѣтили одобренія, и онъ переѣхалъ въ Швецію, которая намѣревалась въ то время пріобрѣсть территорію въ Сѣверной Америкѣ. Объ этомъ подумывалъ еще король Густавъ Адольфъ II; въ 1626 г. онъ основалъ общество для колонизаціи побережья Делаверскаго залива и торговли мѣхами. Внезапная смерть короля (1632 г.) чуть было не остановила этого дѣла, но за него взялся бывшій канцлеръ короля Оксенсшерна. Посредствомъ печатныхъ воззваній онъ приглашалъ въ эту многообѣщавшую колонію всѣхъ нѣмецкихъ протестантовъ, разоренныхъ войной или же изнывавшихъ подъ гнетомъ религіозныхъ преслѣдованій. Минневитъ былъ назначенъ губернаторомъ колоніи Новой Швеціи и отправился туда въ 1638 г. Послѣ его преждевременной смерти (1641 г.) вновь основанная колонія быстро пришла въ упадокъ вслѣдствіе раздоровъ между колонистами. Преемникъ Минневита Іоганнъ Принцъ фонъ Бухау (1642—1653), тоже нѣмецъ, ничего не могъ подѣлать, и колоніей завладѣли вскорѣ голландцы, присоединившіе ее къ Новой Голландіи. Между тѣмъ въ послѣдней колоніи тоже возникли неурядицы. Населеніе возстало противъ невыносимаго произвола Вестъ-Индской компаніи, служащіе которой угнетали колонистовъ повинностями. Во главѣ недовольныхъ сталъ нѣмецъ Августинъ Германнъ изъ Праги. Черезъ короткое время директорамъ компаніи надоѣли непрерывныя смуты, и они уступили Новую Голландію англичанамъ. Но и англійскія власти тоже вызвали рѣзкое недовольство среди значительной части колонистовъ, особенно среди нѣмцевъ, своимъ грубымъ и несправедливымъ обращеніемъ, и недоставало только энергичнаго руководителя для того, чтобы это недовольство перешло въ открытое возстаніе. Такой предводитель нашелся въ лицѣ Якова Лейслера изъ Франкфурта на Майнѣ, бывшаго солдата вестъ-индской компаніи, жившаго въ колоніи съ 1660 г. Когда въ 1689 г. въ Америку прибыло извѣстіе объ изгнаніи Стюартовъ, онъ свергнулъ губернатора, сочувствовавшаго аристократической, якобинской партіи, и затѣмъ былъ избранъ намѣстникомъ приверженцами новаго короля, Вильгельма Оранскаго. Въ качествѣ намѣстника онъ созвалъ въ 1690 г. конгрессъ всѣхъ сѣверо-американскихъ англійскихъ колоній для протеста противъ произвольнаго обложенія ихъ метрополіей и другихъ злоупотребленій. Но черезъ короткое время онъ лишился народнаго расположенія вслѣдствіе неудачной войны, предпринятой имъ противъ канадскихъ французовъ. Его противники ловко воспользовались перемѣной въ общественномъ настроеніи. Онъ былъ посаженъ въ тюрьму, присужденъ къ смертной казни по обвиненію въ государственной измѣнѣ и казненъ въ 1691 г. Постарались устранить отъ всѣхъ вліятельныхъ должностей и его соотечественниковъ-нѣмцевъ.

Въ то время, какъ нѣмцы выдерживали тяжелую борьбу за свободу и за экономическое благосостояніе въ Нью-Іоркѣ, бывшемъ Новомъ Амстердамѣ, многіе изъ ихъ соплеменниковъ поселились въ другой части Бри-

танской Сѣверной Америки, Пенсильваніи, находившейся подъ кроткимъ и гуманнымъ управленіемъ квакера Уильяма Пенна, который получилъ эту обширную плодородную область отъ англійскаго короля въ 1681 г. въ видѣ вознагражденія за капиталъ, взятый у него королемъ для веденія войны. Пеннъ мечталъ о свободной республикѣ, въ которой каждый могъ бы безпрепятственно поклоняться Богу согласно своимъ убѣжденіямъ. При вербовкѣ гражданъ для этого вновь основываемаго Божьяго царства онъ обращалъ особенное вниманіе на Германію, которую зналъ изъ своихъ путешествій. Во Франкфуртѣ на Майнѣ онъ столкнулся съ друзьями и послѣдователями пользовавшагося широкой извѣстностью проповѣдника Филиппа Якова Шпенера, котораго ортодоксальное духовенство ненавидѣло за его піэтизмъ. Онъ предложилъ имъ поселиться въ его американскихъ владѣніяхъ, гдѣ они могли бы вести безпрепятственно мирную христіанскую жизнь, и основанное ими въ 1682 г. франкфуртское общество закупило въ Пенсильваніи для заселенія 25 тысячъ акровъ плодородной земли и послало въ слѣдующемъ году въ Филадельфію для вступленія во владѣніе этой землей своего уполномоченнаго, ученаго юриста Франца Даніила Пасторіуса изъ Зомерсгаузена во Франконіи, человѣка рѣдкой честности и безкорыстія. Въ первую очередь отправились 13 семействъ крефельдскихъ ткачей, преимущественно изъ секты квакеровъ. 24 іюля 1683 г. они сѣли въ Гревсэндѣ на корабль „Конкордію“, а 6 сентября того же года высадились благополучно въ Филадельфіи. Съ 1883 г. этотъ день празднуется нѣмцами Соединенныхъ Штатовъ, какъ годовщина начала ихъ исторіи на американскомъ материкѣ. Вскорѣ послѣ своего прибытія эмигранты основали поселеніе Джермэнтоунъ. Уже въ 1689 г. это поселеніе пріобрѣло права города; въ настоящее время оно составляетъ одинъ изъ кварталовъ Филадельфіи. Благодаря своему трудолюбію и бережливости колонисты сумѣли преодолѣть множество препятствій всякаго рода, и они достигли въ короткое время благосостоянія, не прибѣгая къ труду рабовъ; въ 1688 г. они обнародовали протестъ противъ несоотвѣтствующей христіанскому ученію торговли неграми и связанныхъ съ нею жестокостей и злоупотребленій. Ихъ письма на родину, а также „Обстоятельное географическое описаніе только что открытой провинціи Пенсильваніи, расположенной на окраинѣ Америки въ Западномъ Свѣтѣ“, выпущенное Пасторіусомъ въ Лейпцигѣ въ концѣ XVII столѣтія, привлекли въ Пенсильванію значительное число нѣмцевъ квакеровъ, менонитовъ и вообще представителей всевозможныхъ преслѣдуемыхъ сектъ, такъ какъ законы этой колоніи обезпечивали имъ свободное отправленіе богослуженія. Черезъ короткое время выросли по сосѣдству съ Джермэнтоуномъ три новыя нѣмецкія поселенія: Крефельдъ, Крисгеймъ и Зоммерсгаузенъ. Въ Америку устремлялись также различные фантазеры и мечтатели, напримѣръ, группа въ 40 человѣкъ мужчинъ и женщинъ подъ предводительствомъ ученаго богослова и стихотворца Іоганна Кельпіуса изъ Зибенбюргена, разселившихся въ 1694 году пустыниками въ первобытныхъ лѣсахъ на рѣкѣ Уиссахиконѣ въ ожиданіи второго пришествія Христа и наступленія тысячелѣтняго царства. На ряду съ поселенцами, прибывавшими въ Америку большими группами и основывавшими новыя колоніи, прибывало также много отдѣльныхъ переселенцевъ, искавшихъ счастья въ первобытныхъ лѣсахъ на собственный рискъ и страхъ. Большинство этихъ искателей приключеній погибло въ борьбѣ съ индѣйцами или дикими звѣрями. Весьма немногіе изъ нихъ оставили по себѣ описанія своихъ приключеній, напримѣръ, Іоганнъ Ледереръ, предпринявшій въ 1669 и 1670 гг. путешествіе черезъ Виргинію и Каролину далеко вглубъ материка и обнародовавшій отчетъ о своемъ путешествіи на англійскомъ языкѣ.

Помимо британской Америки не мало нѣмецкихъ эмигрантовъ направлялось въ XVII в. также и въ романскую Америку. Большинство ихъ отправлялось

туда въ качествѣ миссіонеровъ, а такъ какъ протестантскимъ миссіонерамъ былъ запрещенъ въѣздъ въ испанскія и португальскія колоніи и кромѣ того миссіонерская идея не пользовалась въ то время признаніемъ въ евангелическихъ церквахъ и находила приверженцевъ только въ узкихъ кругахъ протестантовъ, то само собой разумѣется, что это были исключительно представители католическихъ миссіонерскихъ орденовъ. Наибольшими, хотя часто непрочными успѣхами могли похвалиться нѣмецкіе іезуиты. Довольно значительная часть американскихъ индѣйскихъ племенъ была обращена въ христіанскую вѣру, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ благодаря ихъ трудамъ, нерѣдко запечатлѣннымъ мученической смертью. Вмѣстѣ съ тѣмъ ими было много сдѣлано для научнаго изслѣдованія посѣщенныхъ ими странъ и народовъ. Одни изъ нихъ оставили по себѣ частью напечатанныя, частью сохранившіяся въ рукописи описанія своихъ наблюденій и приключеній. Другіе сообщали всѣ добытыя ими свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ, въ письмахъ на родину, впослѣдствіи опубликованныхъ въ сборникахъ, напримѣръ, въ „Weltbott" Іосифа Штеклейна (Аугсбургъ и Грацъ, 1726 г.). Въ началѣ администрація колоній неохотно пускала туда нѣмцевъ и ставила имъ всевозможныя препятствія, но мало-по-малу ихъ выдающіяся способности въ дѣлѣ обращенія индѣйцевъ въ христіанство и распространенія европейской культуры получили признаніе, и ихъ стали принимать болѣе радушно; тѣмъ не менѣе отъ нихъ требовали вѣрноподданической присяги тому монарху, которому принадлежала колонія, стало быть, отреченія отъ своей національности.

Наряду съ многочисленными католическими миссіонерами-нѣмцами мы встрѣчаемъ въ Южной Америкѣ въ теченіе всего XVII столѣтія только одного единственнаго нѣмецкаго миссіонера евангелическаго вѣроисповѣданія, австрійскаго барона фонъ Вельца, перваго выдающагося представителя миссіонерской идеи въ лютеранской церкви, отправившагося въ 1666 г. изъ Амстердама въ Голландскую Гвіану для обращенія туземцевъ въ христіанство и растерзаннаго нѣсколько лѣтъ спустя дикими звѣрями на Ріо Эссеквибо. Между прочимъ, Гвіана считалась въ то время многообѣщающимъ поприщемъ для нѣмецкой колонизаціи. Въ 1664 г. курфюршество Майнцкое вело переговоры съ французскимъ правительствомъ объ уступкѣ ему береговой полосы въ 300 миль длиною въ Кайенской области. Въ томъ же году курфюрстъ баварскій Фердинандъ обратился къ Голландской Вестъ-Индской компаніи черезъ своего лейбъ-медика, извѣстнаго химика Іоанна Іоахима Бехера, съ просьбой объ уступкѣ ему территоріи въ Суринамѣ для переселенія туда нѣсколькихъ сотъ семействъ баварскихъ эмигрантовъ. Въ 1669 г. Бехеръ вторично прибылъ въ Амстердамъ съ порученіемъ пріобрѣсть отъ директоровъ этой компаніи пространство въ 3,000 кв. миль слишкомъ между рѣками Ориноко и Амазонской для графа Фридриха Казимира Ганау-Лихтенберга, который намѣревался завести тамъ плантаціи и переселить въ эту колонію своихъ подданныхъ, разоренныхъ тридцатилѣтней войной. Но всѣ эти проекты потерпѣли крушеніе послѣ долгихъ переговоровъ. Даже возбудившая во всей Германіи большія надежды идея „Ганауской Индіи" не осуществилась, и массовая эмиграція нѣмцевъ въ Гвіану осталась мечтой. Такую же неудачу потерпѣли хлопоты нѣкоторыхъ изъ владѣтельныхъ нѣмецкихъ князей объ основаніи колоній на вестъ-индскихъ островахъ. Ганзейскіе купцы вели, правда, правильную торговлю съ Антильскими островами, и между датскими и голландскими плантаторами попадаются иногда нѣмецкія фамиліи. Кромѣ того англичане неоднократно отправляли въ Вестъ-Индію военно-плѣнныхъ нѣмцевъ, сражавшихся на сторонѣ кавалеровъ противъ круглоголовыхъ во время революціи, и заставляли ихъ работать на плантаціяхъ въ качествѣ рабовъ; въ числѣ ихъ находился, между прочимъ, мейссенскій дворянинъ Генрихъ Юхтрицъ, проданный на островъ Барбардосъ за 800 фун.

сахару и впослѣдствіи живописно описавшій свои страданія и свое освобожденіе. Однако правильная эмиграція на Вестъ-Индскіе острова такъ и не осуществилась.

Въ Африкѣ въ XVII столѣтіи попадалось гораздо меньше нѣмцевъ, чѣмъ въ Америкѣ. Въ торговыхъ городахъ Египта, преимущественно въ Каирѣ и Александріи, проживали единичные нѣмецкіе купцы, ученые и миссіонеры-іезуты. Въ Варварійскихъ государствахъ на сѣверномъ побережьи Африки попадались нѣмецкіе рабы, захваченные въ плѣнъ пиратами. На службѣ у нидерландской остъ-индской компаніи, основавшей свои факторіи на западномъ берегу Африки въ 1621 г. и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій пользовавшейся монополіей торговли въ этой части Африки, состояло много нѣмцевъ солдатъ, конторщиковъ и приказчиковъ. Въ Бранденбургской колоніи Гроссъ-Фридрихсбургѣ, основанной 1 Января 1683 г. на Гвинейскомъ берегу маіоромъ Фридрихомъ фонъ-деръ-Гребеномъ по приказанію великаго курфюрста, и въ принадлежащихъ ей поселеніяхъ въ негритянскихъ деревняхъ Аккада и Таккарари и на островѣ Аргуинѣ у западнаго берега Африки находились нѣмецкіе гарнизоны, защищавшіе это неудачное предпріятіе отъ голландцевъ и французовъ до его ликвидаціи въ 1717 г. Въ Капской колоніи проживали единичные нѣмцы, состоявшіе на службѣ у Нидерландской Остъ-Индской колоніи, которая пользовалась монополіей торговли на югѣ Африки. Нѣкоторыя старинныя бурскія фамиліи ведутъ свое происхожденіе отъ предковъ нѣмцевъ, эмигрировавшихъ въ Африку въ срединѣ XVII столѣтія. Въ португальскихъ колоніяхъ на черномъ материкѣ, именно въ миссіяхъ Анголѣ, Лоандѣ и Мозамбикѣ, попадались иногда нѣмцы-іезуиты, судя по фамиліямъ нѣкоторыхъ изъ миссіонеровъ.

Въ Азіи тоже попадались въ XVII столѣтіи нѣмецкіе миссіонеры, солдаты и купцы. Среди миссіонеровъ іезуиты занимали первое мѣсто по своей численности и значенію. Въ Китай и Переднюю Индію іезуитскій орденъ посылалъ много своихъ даровитѣйшихъ и ученѣйшихъ членовъ. На Филиппинскихъ, Маріанскихъ и Каролинскихъ островахъ почти половину всѣхъ миссіонеровъ составляли нѣмцы родомъ изъ Чехіи и Австріи.

Въ XVII ст. въ Азіи проживало очень много нѣмцевъ, состоявшихъ на службѣ у крупныхъ коммерческихъ компаній, главнымъ образомъ у основанной въ 1602 г. Голландской Остъ-Индской компаніи, вытѣснившей мало по малу португальцевъ изъ большей части ихъ остъ-индскихъ владѣній. Главными опорными пунктами ея были Молуккскіе и Зондскіе острова. Кромѣ того у нея были свои факторіи и конторы въ Аравіи, Персіи, Индостанѣ и Индо-Китаѣ, на Цейлонѣ, Формозѣ и въ Японіи. Она содержала цѣлую армію служащихъ, среди которыхъ было немало нѣмцевъ: тысячи нѣмецкихъ солдатъ и матросовъ, сотни нѣмецкихъ офицеровъ, штурмановъ, корабельныхъ плотниковъ, парусниковъ, продавцовъ, ремесленниковъ, рудокоповъ или конторщиковъ, много нѣмецкихъ корабельныхъ и гарнизонныхъ священниковъ, врачей, больничныхъ служителей, аптекарей, цырюльниковъ и садовниковъ; однако лишь очень немногіе изъ нихъ занимали отвѣтственные посты, такъ какъ послѣдніе предоставлялись почти исключительно голландцамъ. Нѣкоторые изъ этихъ эмигрантовъ поселялись навсегда во владѣніяхъ компаніи; наиболѣе многочисленной была нѣмецкая колонія города Батавіи. Другіе нѣмцы возвращались по окончаніи срока службы на родину; многіе изъ нихъ оставили печатныя описанія своихъ путешествій и приключеній. Большая часть этихъ повѣствованій лишена научнаго интереса, но нѣкоторыя изъ нихъ и понынѣ представляютъ большую цѣнность. Въ числѣ служащихъ Голландской Остъ-Индской компаніи было двое выдающихся ученыхъ: Георгъ Эбергардъ Румпфъ изъ графства Сольмсъ, покинувшій Европу въ 1652 г. и посвятившій почти пятьдесятъ лѣтъ изслѣдованію фауны и

флоры о. Амбоина, и Энгельбертъ Кемпферъ изъ Лемго, сопровождавшіи въ 1690 голландское посольство, отправленное въ Сіамъ и Японію, и собравшій массу весьма цѣнныхъ свѣдѣніи объ этихъ въ то время почти недоступныхъ и поэтому малоизвѣстныхъ странахъ. Основанная въ 1600 г. Англійская Остъ-Индская компанія, мало по малу добившаяся вліятельнаго положенія на полуостровѣ Индостанѣ, тоже насчитывала среди своихъ служащихъ нѣкоторое число нѣмцевъ.

7. Нѣмецкая эмиграція въ XVIII столѣтіи.

Въ самомъ началѣ XVIII столѣтія замѣчается рѣзкій подъемъ эмиграціи изъ Германіи. Разореніе, вызванное войной за испанское наслѣдство, погнало тысячи швабовъ и жителей прирейнскихъ провинцій изъ отечества. Жители несчастнаго Пфальца, доведенные до отчаянія опустошеніями, причиненными войсками Людовика XIV, и религіозными преслѣдованіями со стороны своихъ католическихъ государей изъ династіи Нейбурговъ, устремлялись толпами заграницу. Такое же вліяніе оказало на Саксонію всеобщее обнищаніе вслѣдствіе Сѣверной войны. Послѣдующія войны, какъ-то война за австрійское наслѣдство и Семилѣтняя война, тоже ухудшили положеніе жителей тѣхъ мѣстностей, которыя служили театромъ этихъ войнъ, и принудили многихъ къ эмиграціи. Къ этому присоединилось много другихъ причинъ: общее недовольство населенія, страдавшей жалкимъ безсиліемъ Германской имперіей, раздробленность Германіи со всѣми ея послѣдствіями, эгоистическая политика и безсмысленная расточительность нѣкоторыхъ государей, ихъ возмутительный произволъ, звѣрская жестокость и злоупотребленія бюрократіи, широко распространенное отвращеніе къ военной службѣ, насильственные рекрутскіе наборы, тяжесть налоговъ, хищническая эксплоатація народныхъ средствъ до полнаго ихъ истощенія, подкупность и пристрастность судебныхъ учрежденій, невыносимый крѣпостной гнетъ, тяготѣвшій надъ крестьянами, постоянныя притѣсненія, обрушивавшіяся на піэтистовъ, сепаратистовъ, менонитовъ и другихъ сектантовъ со стороны ортодоксальнаго духовенства и дѣйствовавшей въ союзѣ съ нимъ полиціи, затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западной Германіи относительное перенаселеніе, голодъ вслѣдствіе крайняго дробленія карликовыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, упадокъ нѣкоторыхъ промысловъ, не выдерживавшихъ конкуренціи съ начинавшимся машиннымъ производствомъ, наконецъ, стихійныя бѣдствія, какъ напримѣръ, зима 1709 г. съ послѣдовавшимъ за ней неурожаемъ, частое вздорожаніе предметовъ первой необходимости и голодные годы, какъ, напримѣръ, 1772 г., въ теченіе котораго въ одномъ только саксонскомъ курфюршествѣ погибло около 150 тысячъ человѣкъ, а также цѣлый рядъ опустошительныхъ торговыхъ кризисовъ, въ особенности кризисъ 1763 г., загубившій тысячи жизней.

Уже въ то время многіе изъ экономистовъ считали наилучшимъ средствомъ противъ всѣхъ этихъ золъ массовую эмиграцію въ открытыя для переселенцевъ плодородныя и мало населенныя страны. Нѣкоторые преподаватели государственнаго права настаивали на полной свободѣ эмиграціи для всякаго гражданина, не связаннаго договорами и долгами. Однако, житейская практика оставалась далеко позади этихъ прогрессивныхъ теорій. Нѣкоторыя германскія территоріи, именно, перенаселенные имперскіе города, позволяли каждому подданному эмигрировать, предварительно заявивши о томъ, если онъ уплатилъ свои долги и выполнилъ другія, лежащія на немъ повинности. Другія правительства запрещали выселяться всѣмъ способнымъ платить налоги и годнымъ къ военной службѣ, но не чинили никакихъ препятствій неимущимъ и не-

способнымъ къ труду, на которыхъ смотрѣли, какъ на обузу. Въ Пруссіи для эмигрированія требовалось разрѣшеніе начальства. Въ большинствѣ мелкихъ германскихъ государствъ не существовало никакихъ правилъ на этотъ счетъ, и власти поступали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по своему усмотрѣнію. Обыкновенно со всякаго эмигранта взимался значительный налогъ, составлявшій нерѣдко десятую часть вывозимаго изъ страны имущества, въ возмѣщеніе убытковъ казны, терявшей въ эмигрантѣ плательщика налоговъ. Подлежавшіе отдачѣ въ рекруты обязаны были въ большинствѣ случаевъ поставить за себя замѣстителя или же уплатить соотвѣтствующую денежную сумму. Крѣпостнымъ крестьянамъ была запрещена всякая самовольная перемѣна мѣста жительства. Отпустить крѣпостного крестьянина или не отпускать его зависѣло исключительно отъ усмотрѣнія помѣщика. Нѣкоторыми императорами были изданы строгіе имперскіе законы противъ недозволенной эмиграціи, въ особенности противъ эмиграціонныхъ агентовъ, сманивавшихъ людей по порученію иностранныхъ правительствъ и компаній. Покинувшіе родину тайкомъ лишались правъ подданства, и ихъ имущество конфисковывалось. Баварское правительство запрещало даже еще въ 1764 году всякую эмиграцію безъ спеціальнаго разрѣшенія подъ страхомъ каторжныхъ работъ и конфискаціи имущества и угрожало висѣлицей всякому эмиграціонному агенту на томъ основаніи, что его дѣятельность ведетъ къ зловредному обезлюденію страны. Соотвѣтствующій указъ, разрѣшавшій и даже поощрявшій только эмиграцію еретиковъ, евреевъ и нищихъ, прочитывался каждый мѣсяцъ со всѣхъ церковныхъ кафедръ и неоднократно подтверждался также и въ позднѣйшія времена. Однако всѣ эти законы не оказывали никакого дѣйствія, такъ какъ при господствовавшей крайней территоріальной раздробленности Германіи нельзя было воспрепятствовать тайному переходу черезъ границу, кромѣ того, законы легко обходились. Въ другихъ мѣстахъ довольствовались періодическими сообщеніями съ церковныхъ кафедръ о связанныхъ съ эмиграціей лишеніяхъ и тяжелыхъ опасностяхъ и лишеніемъ пробывшихъ въ отлучкѣ больше года правъ подданства. Но по большей части эти предостереженія оказывали дѣйствіе какъ разъ противоположное ожидаемому и только будили влеченіе къ неизвѣданному и страсть къ приключеніямъ. Случалось даже, что эмиграціонная горячка охватывала обширныя области подобно эпидеміи, и тысячи людей покидали отечество на-авось, безъ средствъ и ясной цѣли. Бывали въ видѣ исключенія и такіе случаи, что правительства германскихъ государствъ брали въ свои руки урегулированіе эмиграціи Во время всенародныхъ бѣдствій, какъ, напримѣръ, въ голодные годы или въ годы дороговизны эти правительства вступали въ переговоры съ иностранными державами, преимущественно съ Россіей, съ цѣлью сплавить заграницу бѣдствующій излишекъ населенія. Въ подобныхъ случаяхъ иностраннымъ агентамъ разрѣшалось набирать эмигрантовъ и даже распространять чрезъ газеты печатныя приглашенія къ эмиграціи. Обыкновенно подобными случаями пользовались для того, чтобы отдѣлаться отъ возможно большаго числа нищихъ и босяковъ, а также преступниковъ и обитателей богадѣленъ и исправительныхъ домовъ.

О какихъ бы то ни было мѣрахъ попеченія о покинувшихъ свое отечество эмигрантахъ не было и рѣчи. Разъ человѣкъ перешелъ черезъ границу, то онъ считался погибшимъ членомъ государства, и о немъ больше не заботились. Въ портахъ, изъ которыхъ отъѣзжали эмигранты, господствовали нерѣдко весьма печальныя условія. Толпы пасынковъ своего отечества прибывали сюда по большей части съ крайне скудными средствами и запасами и съ недостаточными свѣдѣніями объ условіяхъ жизни на новыхъ мѣстахъ. Такъ какъ правильныхъ морскихъ сношеній не существовало, то имъ приходилось ожидать отправки по недѣлямъ и

даже по мѣсяцамъ. За такой долгій срокъ многіе проѣдали всѣ свои сбереженія; другіе попадали въ руки разныхъ проходимцевъ, отнимавшихъ у нихъ все ихъ имущество обманомъ или силою. Для лишившихся такимъ образомъ послѣднихъ крохъ не оставалось больше никакого исхода, кромѣ нищенства. Многіе возвращались на родину, потерявши всякую надежду; но тутъ ихъ не принимали, и они становились бродягами и преступниками. Что же касается счастливцевъ, благополучно дождавшихся дня своего отъѣзда, то ихъ набивали въ тѣсные, темные, душные трюмы судовъ, перѣдко почти непригодныхъ къ плаванію. Жестокое обращеніе и плохая пища были ихъ обычнымъ удѣломъ во время переѣзда черезъ океанъ. Нерѣдко имъ давали затхлую воду для питья и гнилые, кишащіе червями съѣстные припасы. Женщины нерѣдко бывали беззащитными жертвами безнравственныхъ покушеній корабельнаго экипажа; во время плаванія вспыхивали часто заразительныя заболѣванія, истреблявшія значительную часть пассажировъ. Сейчасъ послѣ выхода на берегъ многіе изъ оставшихся въ живыхъ попадали въ руки грабителей и торговцевъ невольниками благодаря своему незнакомству съ языкомъ, обычаями и законами новой страны, и эти негодяи отнимали у нихъ все ихъ имущество, а не то и свободу. Тотъ, кто не могъ уплатить за проѣздъ, продавался въ порту назначенія съ аукціона въ работу. При этомъ дѣтей разлучали съ родителями. Многимъ приходилось выносить долгіе годы безчеловѣчнаго обхожденія при самой ничтожной платѣ за трудъ, пока они не отрабатывали требуемой суммы.

Массовая эмиграція нѣмцевъ шла преимущественно по тремъ направленіямъ: въ восточную Европу, Англію и Сѣверную Америку. Изъ странъ восточной Европы эмигрантовъ привлекали преимущественно Венгрія и другія земли венгерской короны, Польша и Россія.

Послѣ пораженія подъ Вѣной въ 1683 г. и взятія штурмомъ Офена (1686 г.) турки были постепенно вытѣснены изъ Венгріи. По Карловицкому мирному договору 1699 г. они вынуждены были уступить императору Леопольду всю Венгрію кромѣ Баната, но включая Седмиградію. Для заселенія всѣхъ этихъ опустѣвшихъ земель императоръ сталъ привлекать сюда своихъ подданныхъ изъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній и изъ австрійскихъ областей. На его призывъ откликнулись тысячи людей, которые поселились преимущественно въ западныхъ и сѣверныхъ округахъ Венгріи. Сюда устремились также толпами католики изъ Баваріи, Швабіи и Силезіи. Въ 1718 г. послѣ побѣдъ, одержанныхъ принцемъ Евгеніемъ, къ Австріи перешли по мирному договору, заключенному въ Пошаревацѣ, Банатъ, Малая Валахія и часть Сербіи. Но эти двѣ послѣднія области отошли вновь къ Турціи по Бѣлградскому договору послѣ неудачной войны 1739 года. Черезъ короткое время послѣ пріобрѣтенія Австріей Баната туда направился продолжавшійся цѣлыхъ 10 лѣтъ потокъ эмигрантовъ изъ Германской имперіи, преимущественно изъ Швабіи. Переселялись цѣлыя общины, которыя основывали сплошныя деревни и достигали черезъ короткое время значительнаго благосостоянія на плодородной почвѣ своей новой родины. Когда въ 1740 г. на венгерскій престолъ вступила Марія Терезія, первой заботой ея было заселеніе нѣмецкими колонистами обширныхъ и рѣдконаселенныхъ пространствъ южной и восточной Венгріи. Сильно порѣдѣвшіе Седмиградскіе саксонцы получили значительное подкрѣпленіе благодаря притоку эмигрантовъ изъ южной Германіи и возродились къ новой жизни. Въ Банатѣ нѣмецкія поселенія становились все гуще, и ихъ жители стали скупать земли живущихъ среди нихъ сербовъ и румынъ. Тысячи нѣмцевъ поселились также въ Бачкѣ между Дунаемъ и Тиссой, въ Швабской Турціи между Дунаемъ и Дравой и въ Дунайской Лукѣ къ сѣверо-западу отъ Офена, въ особенности послѣ тяжелаго голоднаго 1772 года. Въ срединѣ XVIII столѣтія численность нѣмцевъ въ Вен-

гріи опредѣлялась въ 400 тысячъ человѣкъ. Еще быстрѣе росло число ихъ въ царствованіе Іосифа II, всѣми мѣрами поощрявшаго онѣмеченіе Венгріи. При немъ нѣмецкій языкъ сталъ оффиціальнымъ языкомъ Венгріи; онъ назначалъ туда нѣмцевъ-чиновниковъ, привлекалъ въ Венгерскія Рудныя горы нѣмцевъ-рудокоповъ, поощрялъ нѣмцевъ-ремесленниковъ къ переселенію въ венгерскіе города и селилъ нѣмецкихъ крестьянъ на своихъ королевскихъ доменахъ. Благодаря ему Офенъ сталъ снова нѣмецкимъ городомъ. Въ его царствованіе въ Банатъ переселилось слишкомъ 10,000 крестьянскихъ семействъ, въ томъ числѣ много протестантскихъ. Многіе изъ мадьярскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ слѣдовали примѣру короля и привлекали на свои земли нѣмецкихъ колонистовъ для поднятія своихъ доходовъ.

Галиція, пріобрѣтенная Австріей въ 1772 г., тоже стала привлекать нѣмецкихъ эмигрантовъ. Новыя толпы нѣмецкихъ переселенцевъ заняли мѣсто тѣхъ средневѣковыхъ бюргеровъ и ремесленниковъ, которые придавали вплоть до XVI столѣтія польскимъ городамъ чисто нѣмецкій характеръ. Эти новые колонисты основали въ Галиціи значительное число земледѣльческихъ колоній, не поддавшихся полонизму до настоящаго времени, по крайней мѣрѣ, въ своей протестантской части. Нѣмцы колонисты селились также и въ городахъ въ качествѣ ремесленниковъ и купцовъ и возстановили въ Татрѣ пришедшій было въ упадокъ горный промыселъ. Іосифъ II основалъ въ польской и русинской части Галиціи около 150 нѣмецкихъ деревень, къ сожалѣнію, разбросанныхъ по большей части по одиночкѣ, и поселилъ въ Галиціи свыше 12,000 колонистовъ изъ Бадена, Гессена, Вюртемберга, Пфальца и Эльзаса. Сюда же явились и менониты изъ Западной Пруссіи, которые живутъ и понынѣ въ деревняхъ Эйнзиделѣ, Розенбергѣ и Фалькенштейнѣ и остались до сихъ поръ истыми нѣмцами.

Около того же времени нѣмецкіе эмигранты устремились широкимъ потокомъ также и въ Буковину, раньше составлявшую часть Молдавіи и принадлежавшую туркамъ, въ 1774 г. занятую австрійцами и присоединенную въ 1786 г. къ Галиціи. Марія Терезія привлекала сюда верхне-германскихъ католиковъ, а Іосифъ II швабскихъ и пфальцскихъ протестантовъ. Нѣмецкіе рудокопы приступили къ разработкѣ желѣзной руды въ Якобени и соляныхъ копей въ Солькѣ. Тирольскіе дровосѣки и плотовщики стали эксплуатировать лѣсныя богатства, богемскіе стеклодѣлы завели стекольные заводы; рейнскіе и швабскіе крестьяне снимали богатыя жатвы съ плодородной почвы и многому научили мѣстное населеніе.

Другимъ центромъ притяженія, привлекавшимъ въ теченіе всего XVIII столѣтія тысячи эмигрантовъ изъ внутренней Германіи, служили восточныя провинціи Пруссіи. Въ восточной Пруссіи, въ которой имѣлось около 60 тысячъ гуфъ пустопорожней земли, король Фридрихъ Вильгельмъ I поселилъ, начиная съ 1721 г., около 18,000 протестантовъ изъ Зальцбурга, изгнанныхъ изъ своей родины насильственными попытками своего владѣтельнаго князя архіепископа Фирміана къ обращенію ихъ въ католичество; король затратилъ на это предпріятіе больше пяти милліоновъ талеровъ. Еще большій успѣхъ въ дѣлѣ привлеченія колонистовъ имѣлъ Фридрихъ Великій, пріобрѣвшій по первому раздѣлу Польши Западную Пруссію и округъ на рѣкѣ Нецѣ и основавшій около 80 новыхъ поселеній. Менѣе значителенъ былъ притокъ эмигрантовъ въ чисто польскія провинціи Южную Пруссію и Ново-Восточную Пруссію, пріобрѣтенныя Пруссіей только на короткое время въ 1793 и 1795 гг. въ царствованіе Фридриха Вильгельма II.

Россія тоже не жалѣла въ то время ни труда, ни значительныхъ матеріальныхъ жертвъ для привлеченія на свою территорію возможно большаго числа нѣмцевъ. Имѣлось въ виду, что они обработаютъ обширныя

пустопорожнія пространства и будутъ служить для окрестнаго населенія учителями какъ въ земледѣліи, такъ и въ другихъ полезныхъ промыслахъ. Еще Петръ Великій привлекъ въ Россію значительное число нѣмцевъ ученыхъ, художниковъ, техниковъ, рудокоповъ и ремесленниковъ, которымъ онъ оказывалъ всяческое покровительство, что вызывало зависть со стороны приверженныхъ къ старинѣ русскихъ. Во вновь основанномъ Петромъ городѣ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, равно какъ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, отнятыхъ имъ у шведовъ, онъ предоставлялъ многимъ нѣмцамъ безвозмездно земельные участки, денежныя субсидіи и различныя привилегіи. При ближайшихъ преемникахъ Петра нѣмецкое вліяніе было вытѣснено мало по малу французскимъ. Это повело къ рѣзкому сокращенію числа переселяющихся въ Россію нѣмцевъ. Новый подъемъ переселенческой волны послѣдовалъ только въ блестящее царствованіе императрицы Екатерины II, которая сама была нѣмка. Благодаря раздѣламъ Польши и двумъ удачнымъ войнамъ съ Турціей она пріобрѣла громадныя, но мало населенныя пространства на западной и южной окраинахъ своего государства. Заселеніе ихъ нѣмецкими колонистами было однимъ изъ ея излюбленныхъ плановъ, преслѣдуемымъ ею съ большимъ упорствомъ и съ затратой значительныхъ денежныхъ средствъ. Уже въ первый годъ своего царствованія, 4 декабря 1762 г., она обнародовала манифестъ, приглашавшій иностранцевъ за исключеніемъ евреевъ селиться на этихъ вновь пріобрѣтенныхъ Россіей земляхъ. Всѣмъ имъ были обѣщаны большіе земельные участки для веденія сельскаго хозяйства, полная свобода совѣсти, самоуправленіе, свой судъ, освобожденіе отъ воинской повинности и отъ всѣхъ податей въ теченіе 30 лѣтъ. Неимущимъ предлагались, кромѣ того, пособія на переселеніе, давались дома, скотъ, съѣстные припасы до перваго урожая, а въ крайнемъ случаѣ субсидіи наличными деньгами. Наиболѣе желательнымъ признавалось привлеченіе цѣлыхъ общинъ, которыя устраивались бы особыми колоніями, для которыхъ возводились на казенный счетъ церкви и школы. Въ Германію было отправлено русскимъ правительствовомъ большое число агентовъ для вербовки колонистовъ. Заманчивыя предложенія русскаго правительства дѣйствительно привлекли тысячи семействъ изъ различныхъ частей Германіи. Русское правительство сдержало свои обѣщанія, и много трудолюбивыхъ и способныхъ къ сельскому хозяйству переселенцевъ достигли черезъ нѣсколько лѣтъ значительнаго благосостоянія. Само собой разумѣется, что нѣкоторыя германскія правительства воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы сплавить въ Россію массу нищихъ и бродягъ. Послѣдніе продолжали и на чужбинѣ вести прежній образъ жизни, позоря нѣмецкое имя, и ихъ постигла самая жалкая участь. Тоже самое случилось и со многими сбившимися съ пути студентами, банкротами-купцами, промотавшимися офицерами и тому подобными темными личностями, которые устремились въ значительномъ числѣ въ Россію въ надеждѣ зажить новой жизнью. Вначалѣ большинство колонистовъ селилось въ губерніяхъ С.-Петербургской и Лифляндской; но уже въ 1765 г. мы застаемъ сотни семействъ нѣмцевъ-колонистовъ на обоихъ берегахъ Волги въ губерніяхъ Самарской и Саратовской, (гдѣ они сильно страдали вначалѣ отъ разбойничьихъ набѣговъ калмыковъ и киргизовъ), затѣмъ на Дону въ Воронежской губ. и на Днѣпрѣ около Екатеринослава. И понынѣ еще въ этихъ мѣстахъ существуетъ много деревень, носящихъ нѣмецкія названія и населенныхъ нѣмцами. Въ томъ же году прибыли въ Россію нѣмецкіе гернгутеры, которые основали колонію Сарепту на нижнемъ изгибѣ рѣки Волги. Отсюда они вели пропаганду своей вѣры главнымъ образомъ среди сосѣднихъ калмыковъ, но также и въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ вплоть до Кавказа и персидской границы. Въ 1766 г. было основано семь нѣмецкихъ деревень на рѣкѣ Деснѣ въ Черниговской губерніи

и нѣсколько большихъ лютеранскихъ реформатскихъ общинъ около гор. Камышина на берегу Волги. Въ 1767 г. были основаны колоніи около Ямбурга петербургской губ. нѣмцами-католиками изъ Пфальца, между 1767—1780 гг. были основаны нѣмецкія колоніи въ губерніяхъ Московской, Пензенской и Тульской, въ 1783 г. болѣе двадцати цвѣтущихъ колоній южнорейнскихъ и западно-прусскихъ менонитовъ въ русской Польшѣ и Екатеринославской губ., въ 1784 г. девять лютеранскихъ приходовъ на луговомъ берегу Волги въ Самарской губерніи, въ 1785 г. нѣсколько реформатскихъ общинъ въ Камышинскомъ уѣздѣ на правомъ берегу Волги, въ 1789 г. менонитскія колоніи недалеко отъ Азовскаго моря, въ самомъ концѣ XVIII столѣтія пѣмецкія селенія въ Волыни, Бессарабіи и Таврической губерніи. Нѣкоторыя изъ этихъ колоній прекратили свое существованіе, но большая часть ихъ сохранилась и принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ крестьянскихъ селеній въ Россіи. Жители ихъ вполнѣ справедливо считаются цѣннымъ культурнымъ элементомъ. Ихъ благосостояніе все возрастаетъ не смотря на всѣ превратности, и еще въ концѣ XVIII вѣка ихъ налоговая способность окрѣпла настолько, что затрата, сдѣланная на нихъ правительствомъ, окупилась съ лихвой. Хуже жилось нѣмцамъ, поселившимся въ помѣстьяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Тутъ колонистамъ приходилось терпѣть много лишеній отъ недостаточнаго попеченія о нихъ землевладѣльцевъ и враждебнаго настроенія сосѣдняго русскаго населенія. Данныя имъ льготы нерѣдко отнимались, и нѣкоторые колонисты впали мало по малу въ такую кабалу, которая уже почти не отличалась отъ крѣпостного состоянія.

Благопріятные результаты, достигнутые въ Россіи, вызвали охоту къ подобнымъ же колонизаціоннымъ опытамъ и въ другихъ странахъ. Въ 1772 г. были вызваны швабскіе крестьяне въ Молдавію и Валахію для основанія образцовыхъ хозяйствъ, но дѣло не подвигалось впередъ вслѣдствіе общей необезпеченности политическаго положенія. Такимъ же неудачнымъ оказалось предпріятіе баварскаго авантюриста Іосифа Каспара Тюрригеля, увлекшаго въ 1776 г. около семи тысячъ католическихъ семействъ изъ Баваріи въ Испанію, на негостепріимную плоскую возвышенность Сіерра — Морена; они основали здѣсь селенія Каролину, Карлату, Хелену и Луизіану и занялись овцеводствомъ, но не имѣли удачи и не достигли благосостоянія.

Нѣмцы, направлявшіеся въ Англію, принадлежали совершенно къ другому классу, чѣмъ нѣмецкіе колонисты восточныхъ странъ. Послѣдніе принадлежали преимущественно къ крестьянскому и ремесленному сословіямъ, а первые въ преобладающемъ числѣ къ образованнымъ классамъ населенія. Иногда, впрочемъ, черезъ Ламаншъ устремлялись толпы бѣдняковъ, какъ, напримѣръ, тѣ тысячи жителей Пфальца, которые расположились лагеремъ предъ воротами Лондона въ голодный 1709 годъ и вынуждены были жить подаяніемъ. Большая часть этихъ несчастныхъ вскорѣ двинулась дальше, въ Америку, а остальные были частью отосланы парламентомъ въ качествѣ рабочихъ въ угольныя шахты въ Уэльсѣ, частью поселены на болотистыхъ низменностяхъ Ирландіи, въ особенности въ окрестностяхъ Лимерика, гдѣ еще въ началѣ XIX столѣтія потомки этихъ колонистовъ говорили на нѣмецкомъ языкѣ. Вообще же среди нѣмецкихъ гостей Англіи преобладали ученые, художники и писатели. Нѣмецкіе студенты посѣщали нерѣдко оксфордскій и кембриджскій университеты. Нѣмецкіе пасторы развивали разностороннюю плодотворную дѣятельность въ лютеранскихъ церквахъ Лондона. Нѣмецкіе офицеры, въ томъ числѣ Августъ Нейтгардтъ фонъ Гнейзенгау, впослѣдствіи прусскій фельдмаршалъ, и отличившійся въ войнахъ съ Наполеономъ Фердинандъ Дернбергъ, встрѣчались въ арміи и во флотѣ, а нѣмецкіе чиновники — въ администраціи, съ тѣхъ поръ какъ въ Англіи воцарилась Ганноверская династія. Около

средины XVIII столѣтія въ одномъ только Лондонѣ насчитывалось около 5,000 нѣмцевъ, а въ 1790 г. около 6,000. Къ тремъ старымъ нѣмецкихъ евангелическимъ общинамъ присоединился въ 1762 г. вновь основанный приходъ св. Георгія въ восточной части Лондона. Провели часть своей жизни въ Англіи такія знаменитости, какъ баронъ фонъ Штейнъ, Бартольдъ Георгъ Нибуръ, графъ Людвигъ Цинцендорфъ и великіе музыканты Гендель, Гассе, Глюкъ, Гайднъ, Моцартъ и Іоаннъ Христіанъ Бахъ. Селились въ Англіи также и нѣмецкіе купцы, напримѣръ, бременскій уроженецъ Берингъ, основатель банкирской фирмы того же имени. Иногда попадались въ этой странѣ и нѣмцы-авантюристы, какъ, напримѣръ, баронъ Теодоръ Нейгофъ, который сталъ было на время корсиканскимъ королемъ въ 1736 г.

Въ Англіи останавливалось также большинство тѣхъ эмигрантовъ, которые направлялись дальше въ Сѣверную Америку. Въ Лондонѣ они обыкновенно заключали договоръ съ крупными англійскими землевладѣльцами объ уступкѣ имъ земли. Въ самомъ началѣ XVIII столѣтія въ Сѣверную Америку прибыло нѣсколько тысячъ менонитовъ изъ Швейцаріи и Нижнерейнскихъ провинцій, терпѣвшихъ на своей родинѣ всяческія притѣсненія за свои религіозныя убѣжденія и вслѣдствіе этого рѣшившихъ переселиться въ Пенсильванію, обѣтованную страну религіозной свободы. Претерпѣвъ въ пути тяжелыя лишенія отъ переполненія кораблей и недостаточной пищи, сильно порѣдѣвшіе въ числѣ эмигранты сошли на берегъ въ Филадельфіи. Благодаря своему неутомимому трудолюбію имъ удалось превратить въ цвѣтущій садъ отведенные имъ участки первобытнаго лѣса. Вскорѣ затѣмъ началась массовая эмиграція пфальцскихъ протестантовъ въ Сѣверную Америку. Едва-ли какая-либо другая нѣмецкая территорія пострадала такъ сильно, какъ Пфальцъ, отъ тридцатилѣтней войны и опустошительныхъ набѣговъ французовъ. Отъ непрерывно обрушивавшихся на ихъ голову несчастій жители Пфальца впали въ отчаяніе и тупое равнодушіе, чему способствовало еще безнравственное и расточительное хозяйничанье новой династіи, всячески стѣснявшей и угнетавшей своихъ евангелическихъ подданныхъ. Неудивительно поэтому, что англійскіе агенты, вербовавшіе переселенцевъ въ сѣверо-американскія колоніи на выгодныхъ условіяхъ, имѣли въ Пфальцѣ громадный успѣхъ. Кличъ: „въ Америку!“, раздававшійся во всей странѣ, оказывалъ прямо гипнотическое дѣйствіе. Все же въ началѣ только нѣсколько смѣльчаковъ отважились на подобную поѣздку въ эту обѣтованную страну, чтобы изслѣдовать на мѣстѣ условія существованія въ ней. Самымъ выдающимся изъ этихъ піонеровъ былъ пасторъ К о х е р т а л ь изъ Ландау, обнародовавшій во Франкфуртѣ въ 1706 г. по возвращеніи изъ Америки брошюру о Каролинѣ, въ которой онъ расхваливалъ преимущества этой чудной и рѣдко населенной области. Черезъ короткое время около него сгруппировалось много увлекшихся его описаніемъ, и въ 1708 г. онъ направился во главѣ этой арміи въ Англію. Въ Лондонѣ онъ обратился къ англійскому правительству съ просьбой о безплатномъ перевозѣ эмигрантовъ въ Америку и надѣленіи ихъ земельными участками. Его просьба была удовлетворена, но колонистовъ перевезли не въ хваленую Каролину, а въ Нью-Іоркъ. На берегу р. Хэдсона нѣсколько выше ея устья имъ былъ отданъ участокъ первобытнаго лѣса. Тутъ колонисты занялись, главнымъ образомъ, гонкой смолы и дегтя и основали селеніе по имени Нейбургъ, мало-по-малу разросшееся въ нынѣшній Ньюбергъ. Между тѣмъ суровая зима 1708—1809 года вызвала въ Пфальцѣ страшную дороговизну и голодъ. Тысячамъ семействъ приходилось или эмигрировать, или жить подаяніемъ Около двадцати тысячъ человѣкъ избрали первое. Къ нимъ примкнули большія партіи вюртембергскихъ сепаратистовъ. Они спустились внизъ по Рейну и прибыли въ Англію. Такъ какъ почти всѣ они не имѣли никакихъ средствъ, то они не могли найти себѣ пристанища и вынуждены

были расположиться на нѣсколько мѣсяцевъ лагеремъ предъ воротами Лондона въ палаткахъ и шалашахъ, терпя всевозможныя лишенія. Мужчины нанимались на всякую черную работу, а женщины и дѣти собирали милостыню въ окрестностяхъ Лондона, подвергаясь насмѣшкамъ и побоямъ со стороны англійскаго простонародья. Помощь, оказанная имъ со стороны благотворителей, была недостаточна для того, чтобы вывести ихъ изъ этого положенія, но, къ счастью, нѣмецкому проповѣднику Беме удалось заинтересовать судьбою этихъ несчастныхъ королеву Анну; тогда англійская казна пришла къ нимъ на помощь, и черезъ короткое время въ Америку отправились три партіи эмигрантовъ. Первая изъ нихъ подъ предводительствомъ швейцарца Христофора фонъ-Граффенрида направилась въ сѣверную Каролину, вторая—въ необитаемыя мѣстности внутренней Пенсильваніи, третья, самая многочисленная, — въ Нью-Іоркъ. Эта послѣдняя должна была гнать для англійскаго флота деготь и смолу въ обширныхъ сосновыхъ лѣсахъ по р. Хэдсонѣ, и защищать уже обрабатываемыя части этихъ колоній отъ нападеній французовъ и индѣйцевъ. Колонистовъ принуждали къ каторжному труду, чтобы поскорѣе вернуть деньги, затраченныя на ихъ перевозку и пропитаніе. Возмущенные грубымъ произволомъ нѣкоторыхъ англійскихъ чиновниковъ, многіе изъ колонистовъ покинули свои мѣста на р. Хэдсонѣ и обосновались въ долинѣ р. Могавка, въ которой они купили обширный участокъ земли у индѣйцевъ. Но губернаторъ провинціи нашелъ сдѣлку незаконной; отъ переселенцевъ требовали, чтобы они купили вторично или сняли въ аренду свои земельные участки. Многіе изъ нихъ, недовольные такимъ исходомъ дѣла, снялись со своихъ мѣстъ и ушли дальше. Часть ихъ направилась среди зимы черезъ непроходимые первобытные лѣса въ гостепріимную Пенсильванію, другая часть, подъ предводительствомъ энергичнаго и свободолюбиваго Іоанна Конрада В е й з е р а,—къ Шохари, притоку р. Могавка. Но и тутъ англійскіе чиновники чинили имъ незаконныя притѣсненія, и Вейзеръ отправилъ англійскому королю жалобу на нихъ. Король не отозвался, но новый губернаторъ провинціи оцѣнилъ высокія качества нѣмецкихъ колонистовъ, оказывалъ имъ всячески покровительство и старался о томъ, чтобы обиды, причиненныя его предшественникомъ, были забыты. Но непреклонный Вейзеръ не хотѣлъ оставаться въ странѣ, въ которой не обратили должнаго вниманія на его просьбу о правосудіи, покинулъ цвѣтущую колонію на р. Шохари и поселился дальше къ западу въ необитаемой мѣстности, въ которой и скончался 90 лѣтъ отъ роду.

Въ то время, какъ въ англійской Америкѣ нѣмцы могли, по крайней мѣрѣ, снискивать себѣ пропитаніе и большая часть ихъ добилась въ концѣ концовъ обезпеченнаго существованія, ихъ земляковъ, поселившихся въ французской Луизіанѣ, постигла печальная участь. Около 15,000 жит. Пфальца эмигрировали въ 1719 г. въ Новый Орлеанъ и другія вновь основанныя въ Луизіанѣ поселенія; ихъ заманили туда лживыя обѣщанія Compagnie d' Occident, основанной прославившимся спекуляторомъ Джономъ Л о у съ цѣлью эксплоатаціи и колонизаціи побережья рѣки Миссисипи. Но большинство колонистовъ не могли перенести тамошняго климата; многихъ унесла въ могилу желтая лихорадка и т. п. болѣзни, другіе погибли отъ голода. Въ 1720 г. компанія потерпѣла крахъ послѣ короткаго періода кажущагося процвѣтанія, и колонисты были предоставлены своей собственной участи. Большинство ихъ погибло, а оставшіеся въ живыхъ занялись земледѣліемъ и основали въ долинѣ рѣки Миссисипи цѣлый рядъ селеній, часть которыхъ можно распознать и понынѣ по ихъ нѣмецкимъ названіямъ.

Гораздо счастливѣе была другая партія нѣмецкихъ эмигрантовъ, прибывшая въ Америку нѣсколько лѣтъ спустя. Она состояла изъ нѣсколькихъ сотъ протестантскихъ семействъ, изгнанныхъ изъ Зальцбурга. Такъ

какъ они не знали, гдѣ имъ укрыться отъ преслѣдованій своего архіепископа и владѣтельнаго князя, то ихъ другъ и совѣтникъ, аугсбургскій проповѣдникъ Самуилъ Урльспергеръ, обратился къ нѣмецкимъ пасторамъ въ Лондонѣ съ запросомъ, нельзя ли найти для этихъ трудолюбивыхъ эмигрантовъ пристанища въ Сѣверной Америкѣ. По ходатайству Лондонскаго общества распространенія христіанства имъ было разрѣшено поселиться въ колоніи Георгіи. Въ 1734 г. они прибыли въ гавань Саванну подъ предводительствомъ барона Река и своихъ пасторовъ Больціуса и Гронау. Губернаторъ принялъ ихъ очень радушно и далъ имъ большой участокъ земли, на которомъ они основали существующее и понынѣ селеніе Эбенезеръ.

Нѣмецкіе колонисты прибывали также во всѣ остальныя британскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ. Меньше всего было ихъ въ Новой Англіи, Делаверѣ и Нью-Джерси, а также и въ Канадѣ, отнятой Англіей у Франціи въ 1763 году. Въ колоніи Нью-Іоркъ они жили во многихъ деревняхъ вдоль рѣки Хэдсона и его притоковъ. Въ Пенсильваніи они составляли, повидимому, въ теченіе долгаго времени большинство населенія; въ 1775 г. ихъ насчитывалось въ этой колоніи 125,000. Къ этому времени ихъ авангарды успѣли уже проникнуть въ территорію шести краснокожихъ племенъ и вплоть до береговъ р. Эри. Въ Мерилэндѣ они селились преимущественно вокругъ Балтиморы. Въ Виргиніи они проникли еще гораздо раньше черезъ Аллеганскія горы до границы французскихъ владѣній и сильно страдали отъ непрерывныхъ пограничныхъ столкновеній. Особенно пострадали они отъ двухъ войнъ въ царствованіе Георга II. Сотни семействъ нѣмецкихъ колонистовъ пали тогда жертвой кровожадности индѣйцевъ. Наконецъ, въ 1758 г., миссіонеру Христіану Фридриху Посту удалось склонить къ союзу съ англичанами делаваровъ и др. племена краснокожихъ. Ихъ отпаденіе отъ фрацузовъ нанесло тяжелый ударъ господству послѣднихъ въ бассейнѣ р. Огайо. По заключеніи Парижскаго мирнаго договора 1763 г. нѣмецкіе піонеры стали селиться въ колоніяхъ Огайо и Кентукки; нѣкоторые спускались по р. Огайо до Миссисипи. Сѣмена нѣмецкой культуры были брошены здѣсь главнымъ образомъ гернгутерами. Въ 1772 г. они основали на р. Огайо цѣлый рядъ миссіонерскихъ станцій для обращенія инѣйцевъ въ христіанство, но ихъ дружба съ краснокожими возбудила подозрѣніе со стороны бѣлыхъ поселенцевъ, жившихъ на границѣ, и послѣдніе устроили въ 1782 г. бойню вновь-обращенныхъ. Въ Каролинѣ и Георгіи нѣмецкія поселенія доходили до самыхъ Апаллачскихъ горъ уже въ серединѣ XVIII столѣтія. Отсюда піонеры подвигались все дальше на западъ. Имена тѣхъ отдаленныхъ форпостовъ нѣмецкой культуры давно забыты. Мало извѣстно также о геройскихъ подвигахъ этихъ нѣмцевъ. По большей части они стремились къ дружелюбному соглашенію съ индѣйцами, но иногда падали жертвами охотниковъ за скальпами.

Когда въ 1775 году вспыхнула война за независимость сѣвероамериканскихъ англійскихъ колоній, то нѣмецкіе колонисты стали почти всѣ безъ исключенія на сторону партіи независимости. Хотя нѣкоторые сектанты отказались по религіознымъ мотивамъ отъ всякаго участія въ борьбѣ, тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ колоній стекалось подъ знамена Вашингтона множество нѣмцевъ-добровольцевъ. Они покрыли себя славою во время этой войны. Другіе нѣмцы охраняли индѣйскую границу отъ внезапныхъ нападеній со стороны краснокожихъ, бывшихъ въ союзѣ съ англичанами. Нѣкоторые изъ этихъ добровольцевъ еще и понынѣ упоминаются съ глубокой признательностью въ американскихъ историческихъ сочиненіяхъ, напр., Петръ Мюленбергъ, увлекшій за собой своихъ соплеменниковъ въ Виргиніи на сторону возставшихъ и Николай Геркгеймеръ, потомокъ пфальцскихъ колонистовъ долины р. Мо-

гавка, смертельно раненный въ побѣдоносномъ сраженіи при Орискани. Изъ Германіи тоже прибыли на помощь возставшимъ даровитые военачальники, напримѣръ, Іоганнъ фонъ Кальбъ и Фридрихъ Вильгельмъ фонъ Штейбенъ, прошедшіе оба превосходную школу Фридриха Великаго, а также много другихъ добровольцевъ, рѣшившихся послужить дѣлу свободы. Французы тоже привезли своимъ союзникамъ-американцамъ нѣсколько полковъ наемныхъ нѣмецкихъ солдатъ. Правда, и на сторонѣ Англіи тоже дрались около 30,000 нѣмецкихъ солдатъ, проданныхъ англичанамъ отцами своихъ отечествъ. Главными соучастниками въ этой возмутительной торговлѣ людьми были властелины Брауншвейга, Гессенъ-Касселя, Ганау, Вальдека, Ансбаха и Ангальтъ-Цербста. Около 17,000 этихъ солдатъ вернулось обратно на родину, около 9,000 погибло отъ ранъ и болѣзней, а остальные были взяты въ плѣнъ и остались жить по окончаніи войны въ молодой республикѣ. Тутъ имъ жилось такъ хорошо, что они писали своимъ друзьямъ и роднымъ въ Германію восторженныя письма, склонившія къ эмиграціи тысячи людей. Эта эмиграціонная волна пріобрѣла такіе значительные размѣры, что герцогъ Брауншвейгскій запретилъ въ 1784 г. эмиграцію въ Америку подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества, опасаясь окончательнаго обезлюденія своихъ владѣній. Въ верхней Германіи и рейнскихъ провинціяхъ эмиграціонное движеніе вскорѣ тоже усилилось вслѣдствіе войнъ, вызванныхъ французской революціей. Движеніе это было настолько сильно, что въ концѣ XVIII вѣка число нѣмецкихъ эмигрантовъ въ Соединенныхъ Штатахъ дошло до милліона.

Многіе изъ этихъ американскихъ нѣмцевъ прославились на различныхъ поприщахъ, и имена ихъ извѣстны и понынѣ. Между богословами выдается Генрихъ Мельхіоръ Мюленбергъ, отправленный въ Америку въ 1742 г. изъ Галле піэтистами для организаціи лютеранской церкви въ Сѣверной Америкѣ. Съ рѣдкимъ тактомъ ему удалось довести до конца свою трудную миссію. Онъ основалъ много новыхъ церквей и школъ, объединилъ въ одинъ общій синодъ пенсильванскихъ нѣмецкихъ пасторовъ и своими письмами изъ Америки поддерживалъ среди лютеранъ Германіи неослабѣвающій интересъ къ ихъ единовѣрцамъ за океаномъ. Изъ его сыновей Петръ отличился въ войнѣ за освобожденіе, а Фридрихъ Августъ былъ спикеромъ перваго конгресса. На пользу нѣмцевъ реформатскаго вѣроисповѣданія трудился съ 1746 г. съ такимъ же самопожертвованіемъ и съ неменьшимъ успѣхомъ швейцарецъ Михаилъ Шляттеръ. Ему тоже удалось объединить своихъ разсѣянныхъ единовѣрцевъ, основать новыя общины и положить начало реформатской церковной организаціи; но ему не суждено было сохранить до конца своей жизни любовь и уваженіе своихъ единовѣрцевъ. Большое значеніе для организаціи сѣверо-американскихъ нѣмцевъ имѣла также дѣятельность гернсгутеровъ, епископы которыхъ, Цинцендорфъ и Шпангенбергъ, проживали долгое время за океаномъ. Къ неудовольствію большинства колонистовъ, они взялись за дѣло обращенія индѣйцевъ въ христіанство сначала въ Георгіи въ 1734 г., а затѣмъ также въ Нью-Іоркѣ и въ долинѣ рѣки Огайо, выступая защитниками ихъ отъ бѣлыхъ поселенцевъ. За ними остается та заслуга, что они, можно сказать, открыли душу краснокожаго. Нѣкоторые изъ ихъ миссіонеровъ, напримѣръ, Христіанъ Генрихъ Раухъ, Готлибъ Гекевельдеръ, Постъ (стр. 260) и Давидъ Цейсбергеръ, были вмѣстѣ съ тѣмъ выдающимися учеными и обогатили науку цѣнными трудами о языкахъ краснокожихъ. Прогрессивныя культурныя стремленія замѣчались среди нѣмцевъ и въ другихъ областяхъ. Уже въ 1732 г. Веніаминъ Франклинъ началъ печатать для нихъ первую нѣмецко-американскую газету. Три года спустя нью-іоркскій типографъ Іоганнъ Петръ Ценгеръ отвоевалъ для колонистовъ широкую свободу печати своимъ

знаменитымъ процессомъ. Христофоръ Зауръ и его сынъ печатали въ въ Джермэнтоунѣ съ 1739 г. нѣмецкій календарь и нѣмецкую газету, а также много нѣмецкихъ книгъ преимущественно религіознаго содержанія, а въ 1743 г. выпустили первую нѣмецко-американскую библію. Среди нѣмцевѣ появились даже стихотворцы, пытавшіеся переложить въ гладкіе стихи неправильный пенсильванско-нѣмецкій жаргонъ, переполненный англійскими словами и оборотами. Нѣмецкая культура въ Сѣверной Америкѣ въ теченіе XVIII столѣтія была, главнымъ образомъ, протестантскаго происхожденія. Католики составляли меньшинство нѣмецкихъ эмигрантовъ, и среди нихъ не попадается именъ, которыя пользовались бы извѣстностью. Зато между эмигрантами насчитывалось много приверженцевъ различныхъ сектъ, главнымъ образомъ, квакеровъ, менонитовъ, тункеровъ и швенкфельдеровъ. Нѣмцы отличались, главнымъ образомъ, какъ сельскіе хозяева, но многіе изъ нихъ подвизались также въ различныхъ промыслахъ; не мало нѣмцевъ попадалось среди ткачей полотна, сукноваловъ, вязальщиковъ чулковъ, рабочихъ на бумажныхъ фабрикахъ, булочниковъ, пивоваровъ, кожевниковъ кузнецовъ и стеклодѣловъ.

Въ тѣхъ частяхъ Сѣверной Америки, которыя не принадлежали Соединеннымъ Штатамъ въ XVIII столѣтіи, попадались только единичные нѣмецкіе колонисты. Въ испанской Калифорніи занимались иногда миссіонерской дѣятельностью нѣмецкіе іезуиты; нѣкоторые изъ нихъ оставили печатныя описанія своихъ приключеній. Въ Гренландію, въ которой датскій проповѣдникъ Гансъ Эгеде пытался распространить христіанское вѣроученіе еще въ 1721 г., прибыли въ 1733 г. три посланца гернгутеровъ для того, чтобы заняться обращеніемъ эскимосовъ; ихъ резиденціей была станція Нейгернгутъ. Когда послѣ многолѣтнихъ настойчивыхъ усилій дѣло стало налаживаться, туда прибыло еще нѣсколько братьевъ, основавшихъ станціи Лихтенфельдъ и Лихтенау. Въ 1771 г. они распространили свою дѣятельность также и на негостепріимные берега Лабрадора и занялись здѣсь миссіонерской пропагандой среди малочисленныхъ эскимосовъ этого побережья и живущихъ дальше вглубь полуострова индѣйцевъ. Здѣсь они основали сначала станцію Найнъ, а затѣмъ станцію Окакъ дальше къ сѣверу и станцію Гофенталь поюжнѣе. Въ 1792 г. они распространили свою дѣятельность на различныя мѣстности Канады, главнымъ образомъ, на Ферфильдъ къ сѣверу отъ озера Эри.

Гораздо болѣе широкую дѣятельность развернули моравскіе братья на вестъ-индскихъ островахъ, принадлежавшихъ Даніи. Уже въ 1732 г. ихъ первые миссіонеры поселились на о. св. Ѳомы для проповѣди евангелія среди черныхъ рабовъ на сахарныхъ плантаціяхъ. Въ слѣдующемъ году другіе братья прибыли для той же цѣли на о. св. Креста, а въ 1741 г. на о. св. Іоанна. Впослѣдствіи они съ успѣхомъ распространили свою дѣятельность также и на англійскую Вестъ-Индію. Въ 1744 г. моравскіе братья поселились на о. Ямайкѣ, въ 1756 г. — на о. Антигуа, въ 1765 г. — на Барбадосѣ, въ 1777 г. — на о. Сентъ-Китсѣ, а въ 1790 г. — на о. Табаго. Вездѣ имъ удалось достигнуть значительнаго и прочнаго успѣха, хотя много ихъ погибло отъ непривычнаго климата.

Число нѣмцевъ, проживающихъ въ Южной Америкѣ, непрерывно увеличивалось. Большею частью это были миссіонеры; въ испанскихъ и португальскихъ владѣніяхъ — преимущественно іезуиты. Когда іезуитскій орденъ былъ изгнанъ изъ Португаліи въ 1759 г. и изъ Испаніи въ 1767 г., то сдѣлалось невозможнымъ пребываніе іезуитовъ также и въ колоніяхъ; они частью выселились сами, частью были арестованы и насильственно отвезены въ Европу по распоряженію властей. Хотя они заботились главнымъ образомъ объ интересахъ церкви, все же не лишены значенія и ихъ научные труды. Больше всего нѣмецкихъ миссіонеровъ-іезуитовъ находилось въ миссіяхъ на р. Ориноко, по верхнему теченію рѣки Амазонки,

въ области Моксосъ въ Боливіи, въ Чили и въ Парагваѣ. Въ Чили въ ихъ рукахъ находились университетъ и школы; кромѣ того они работали въ качествѣ врачей и аптекарей, архитектеровъ, скульпторовъ и живописцевъ, художественныхъ ремесленниковъ всякаго рода, ювелировъ, часовщиковъ, органщиковъ, столяровъ и токарей; нѣкоторыя старинныя церкви свидѣтельствуютъ и понынѣ объ ихъ дѣятельности. Изъ чилійскихъ миссій для распространенія христіанства среди индѣйцевъ они оказали особенныя услуги миссіямъ, работавшимъ среди арауканцевъ, и среди туземцевъ архипелага Чилоэ. Въ Парагваѣ продержалось до второй половины XVIII столѣтія замѣчательное теократическое патріархальное государство, которое было номинально подчинено верховной власти Испаніи, но въ дѣйствительности пользовалось почти полной независимостью. Для предохраненія индѣйцевъ отъ вредныхъ сторонъ европейской культуры, вырожденія и вымиранія, строго воспрещался доступъ въ это государство всѣмъ европейцамъ, не принадлежащимъ къ іезуитскому ордену. Но владѣнія іезуитовъ рѣдко наслаждались миромъ. Будучи расположены на границѣ между испанской и португальской сферами вліянія, они часто становились театромъ продолжительныхъ пограничныхъ войнъ. Въ 1750 г. часть ихъ должна была отойти по договору къ Португаліи, и іезуитскому государству грозило распаденіе на двѣ части. Іезуиты взялись за оружіе, чтобы воспрепятствовать исполненію этого договора, но потерпѣли пораженіе въ такъ называемой войнѣ Семи миссій отъ гораздо болѣе многочисленныхъ соединенныхъ испанскихъ и португальскихъ военныхъ силъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ихъ государство еще сохраняло свое прежнее правленіе, но въ 1768 г. іезуиты были всѣ арестованы и изгнаны изъ Парагвая, а миссіи ихъ переданы гражданскимъ властямъ, подъ нерадивымъ и неразумнымъ управленіемъ которыхъ индѣйцы вскорѣ погрузились снова въ варварство. Многочисленные нѣмецкіе іезуиты, выдававшіеся отчасти своими научными трудами, которые проживали въ Парагваѣ до самаго изгнанія ихъ ордена изъ этой страны, распредѣлялись главнымъ образомъ по тремъ миссіонерскимъ округамъ. Большая часть ихъ работала въ большой миссіи, дѣйствовавшей среди племени гуарани на рѣкахъ Паранѣ и Урагваѣ; другіе жили среди индѣйцевъ чикито на крайнемъ сѣверо-западѣ іезуитскихъ владѣній, около перуанской границы; остальные среди дикихъ племенъ чако на правомъ берегу р. Параны.

Единственной территоріей Южной Америки, въ которой подвизались въ XVIII столѣтіи нѣмецкіе миссіонеры евангелическаго вѣроисповѣднія, была Голландская Гвіана. Сюда прибыли въ 1735 г. посланцы моравскихъ братьевъ для развѣдки, годится ли эта область для широкой миссіонерской дѣятельности. Развѣдки дали благопріятные результаты, и черезъ три года еще два брата поселилось на Ріо-Бербице для обращенія въ христіанство дикихъ араваковъ. Впослѣдствіи въ Гвіану прибыло еще значительное число другихъ гернгутеровъ для миссіонерской пропаганды частью среди черныхъ рабовъ на плантаціяхъ, а частью среди вольныхъ индѣйцевъ и лѣсныхъ негровъ. За все XVIII столѣтіе они добились только ничтожныхъ результатовъ; большая часть ихъ быстро гибла отъ убійственнаго климата.

Кромѣ многочисленныхъ нѣмецкихъ миссіонеровъ въ Южной Америкѣ попадались въ XVIII столѣтіи также и эмигранты свѣтскихъ сословій, но въ крайне незначительномъ количествѣ. Нѣсколько купцовъ жило по торговымъ дѣламъ въ приморскихъ пунктахъ; авантюристы пытались по временамъ проникнуть въ сказочное Эльдорадо; попадались и ученые путешественники, пріобрѣвшіе заслуги въ дѣлѣ научнаго излѣдованія этого материка. Изъ послѣднихъ заслуживаетъ особеннаго упоминанія ботаникъ Генке изъ Крейбица въ Богеміи, изъѣздившій съ 1789 г. этотъ материкъ по разнымъ направленіямъ ради составленія научныхъ коллекцій и, наконецъ, поселив-

шійся въ Боливіи, гдѣ онъ жилъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1817 г.

Въ Африкѣ нѣмецкіе купцы жили въ портахъ Средиземнаго моря, преимущественно въ Александріи, по большей части подъ покровительствомъ англійскихъ или голландскихъ консуловъ. Католическіе миссіонеры, преимущественно іезуиты, усердно, но безъ большого успѣха работали среди туземцевъ португальскихъ владѣній. Гернгутеры тоже предпринимали неоднократныя, частью неудачныя попытки миссіонерской пропаганды преимущественно среди готтентотовъ Капской земли. Между 1705 и 1712 гг. Петръ Кольбъ производилъ здѣсь астрономическія, естественнонаучныя и этнографическія наблюденія и составилъ на основаніи ихъ превосходное описаніе мыса Доброй Надежды. Другіе нѣмцы поселялись навсегда въ Капской землѣ; это были преимущественно солдаты и служащіе Нидерландской Остъ-Индской компаніи. Они занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ и слились мало по малу съ бурскимъ населеніемъ французскаго и голландскаго происхожденія.

Въ Азіи въ XVIII столѣтіи встрѣчались изъ нѣмцевъ преимущественно миссіонеры, но попадались также ученые и солдаты. Въ большихъ торговыхъ городахъ западной Азіи нерѣдко проживали нѣмецкіе купцы. Въ палестинскихъ монастыряхъ было много нѣмецкихъ монаховъ.

Въ Передней и Задней Индіи, на Филиппинскихъ и Каролинскихъ островахъ работали по временамъ нѣмецкіе іезуиты. Въ датской Остъ-Индіи подвизались съ 1706 г. лютеранскіе миссіонеры піэтисты изъ Галле, положившіе прочное основаніе процвѣтающимъ и понынѣ церквамъ въ Транкебарѣ и Мадрасѣ своею проповѣдью на мѣстныхъ языкахъ, преподаваніемъ въ школахъ, переводомъ Библіи на тамульскій языкъ, основаніемъ учительской и духовной семинарій и тактичнымъ отношеніемъ къ индусскимъ обычаямъ и учрежденіямъ. Въ 1758 г. посланцы піэтистовъ принялись за проповѣдь христіанства въ Калькуттѣ. Въ концѣ XVIII столѣтія эта миссія, постоянно получавшая изъ Галле подкрѣпленія какъ людьми, такъ и деньгами, уже насчитывала около 20,000 обращенныхъ, но ея сила была парализована распространеніемъ раціонализма. Гернгутеры тоже предпринимали безъ особеннаго успѣха попытки миссіонерской пропаганды въ Индіи, напримѣръ, въ 1740—1766 гг. на Цейлонѣ, въ 1760—1796 гг. въ Транкебарѣ, въ 1768—1788 гг. на Никобарскихъ островахъ, наконецъ, въ 1777—1792 гг. въ различныхъ частяхъ Бенгаліи. Отовсюду они были вытѣснены отчасти вреднымъ климатомъ, отчасти враждебнымъ отношеніемъ туземцевъ или европейскихъ правительствъ. На островахъ задней Индіи проживало много нѣмцевъ, состоявшихъ на службѣ у Голландской Остъ-Индской компаніи въ качествѣ солдатъ, должностныхъ лицъ или коммерческихъ агентовъ. Въ Китаѣ нѣмецкіе іезуиты продолжали пользоваться уваженіемъ за свои научныя познанія. Императоры привлекали ихъ къ своему двору, и даже во время самыхъ суровыхъ преслѣдованій христіанъ нѣкоторымъ изъ нихъ разрѣшалось пребываніе въ Китаѣ. Доступъ въ Японію былъ запрещенъ иностранцамъ въ теченіе всего XVIII столѣтія; поэтому нѣтъ никакихъ слѣдовъ пребыванія нѣмцевъ во внутреннихъ частяхъ этой страны. Только среди голландцевъ, которымъ разрѣшалось торговать на маленькомъ островѣ Десимѣ недалеко отъ Нагасаки, попадались иногда нѣмецкіе купцы, состоявшіе на службѣ у Остъ-Индской компаніи.

8. Нѣмецкая эмиграція въ XIX столѣтіи.

Только для XIX столѣтія есть возможность дать сколько-нибудь полный обзоръ нѣмецкой эмиграціи. Въ то время, какъ относительно XVIII и предшествовавшихъ ему столѣтій мы располагаемъ лишь раз-

розненными эпизодическими свѣдѣніями, для XIX столѣтія у насъ имѣется громадный запасъ оффиціальныхъ, хотя и не всегда безупречныхъ матеріаловъ. Въ теченіе первыхъ трехъ десятилѣтій эмиграція шла въ умѣренныхъ размѣрахъ. Вслѣдствіе такихъ препятствій, какъ англо-французскія морскія войны и порою блокада континента, эмигранты направлялись преимущественно не за океанъ, а въ Россію, Польшу и Венгрію. Нѣкоторые эмигранты покидали свое отечество, будучи недовольны перекройкой Германіи, учиненной Вѣнскимъ конгрессомъ, другіе уѣзжали по религіознымъ мотивамъ, какъ, напримѣръ, приверженные къ старинѣ лютеране, недовольные проведеннымъ въ Пруссіи въ 1817 г. объединеніемъ двухъ главныхъ протестантскихъ исповѣданій. Нѣкоторыя бѣжали отъ меттерниховской системы и растущей политической реакціи, выразившейся въ полицейскомъ надзорѣ за университетами, усиленіи цензуры и мрачной дѣятельности майнцской центральной слѣдственной комиссіи по дѣламъ о демагогической пропагандѣ.

Въ 1830 и въ послѣдующихъ годахъ замѣчается подъемъ эмиграціи вслѣдствіе смутъ, вспыхнувшихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи. Для людей, скомпрометированныхъ въ отношеніи политической благонадежности, въ особенности для издателей либеральныхъ газетъ и брошюръ не было другого способа избавиться отъ многолѣтняго заключенія кромѣ бѣгства заграницу. Въ 1837 г. нарушеніе конституціи королемъ ганноверскимъ Эрнстомъ Августомъ заставило бѣжать изъ Ганновера многихъ людей, сочувствовавшихъ либеральнымъ идеямъ; такое же дѣйствіе оказало послѣдовавшее въ это время нарушеніе привилегій Шлезвига-Гольштейна датскимъ королемъ Христіаномъ VIII. Въ 1846 г. послѣдовало рѣзкое усиленіе эмиграціи вслѣдствіе занесенной изъ Ирландіи и быстро распространившейся по всей Германіи болѣзни картофеля, подорвавшей главный источникъ пропитанія многихъ тысячъ людей, въ особенности въ Вестервальдѣ и Саксонскихъ Рудныхъ горахъ. Съ 1848 г. на эмиграціи отражается вліяніе политическихъ волненій. Множество „политически неблагонадежныхъ“ или же недовольныхъ реакціей, повсемѣстно наступившей послѣ 1848 г., бѣжали въ свободную Англію и Соединенные Штаты. Другихъ привлекали богатыя золотыя розсыпи Калифорніи и Австраліи. Многихъ толкало къ эмиграціи разстройство кредита, вызванное революціоннымъ движеніемъ, другихъ погналъ за океанъ рядъ неурожайныхъ годовъ (1850—1853 г.). Возникшее въ это время океанское пароходство и расширеніе желѣзнодорожной сѣти въ Европѣ и Америкѣ значительно удешевили переѣздъ въ далекія страны и тѣмъ способствовали усиленію эмиграціи. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ многія мѣстности Германіи были охвачены эмиграціонной горячкой. Малѣйшая неудача или непріятность побуждали людей покинуть свое отечество, будущность котораго рисовалась въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Среди правящихъ классовъ эмиграція тоже считалась въ это время панацеей отъ всѣхъ политическихъ и экономическихъ золъ. Эмиграціонное движеніе пошло на убыль только въ срединѣ 50-хъ годовъ, съ улучшеніемъ внутренняго положенія Германіи. Американская междуусобная война тоже отбила у многихъ охоту къ эмиграціи. Съ 1866 г. начинается новый подъемъ эмиграціонной волны, обусловленный тѣмъ, что многіе жители новыхъ прусскихъ провинцій, недовольные перемѣной правительства, покидали свою родину, а изъ южной Германіи эмигрировало много молодыхъ людей, тяготившихся введенной здѣсь по прусскому образцу всеобщей воинской повинностью. Такое же дѣйствіе оказала и франко-прусская война. Тысячи эльзасъ-лотарингцевъ выселились во Францію, но и помимо нихъ тысячи другихъ гражданъ покидали новую Германскую имперію изъ отвращенія къ милитаризму и прусской гегемоніи, а также изъ опасенія новыхъ военныхъ осложненій. Къ этому присоединилось съ 1873 г. вліяніе тяжелаго экономическаго кризиса и высокихъ

хлѣбныхъ цѣнъ. Во вторую половину семидесятыхъ годовъ эмиграція держалась въ довольно незначительныхъ размѣрахъ; но въ восьмидесятыхъ годахъ она достигла небывалой высоты. Этотъ подъемъ обусловливался преимущественно причинами экономическаго характера. Для сотенъ тысячъ мелкихъ крестьянъ поводомъ къ эмиграціи послужило ухудшившееся положеніе сельскаго хозяйства. Ихъ гнали за море задолженность, малая доходность воздѣлыванія зерновыхъ хлѣбовъ, невозможность выдерживать конкуренцію съ другими странами, въ которыхъ существуютъ гораздо болѣе благопріятныя условія производства. Такъ опустѣли мало по малу наименѣе плодородныя мѣстности Германіи, Вестервальдъ, Гунсрюкъ, Эйфель и др. Изъ тѣхъ областей, которыя расположены къ востоку отъ р. Эльбы, изъ восточной Пруссіи, Помераніи и Мекленбурга, эмигрировали преимущественно сельско-хозяйственные рабочіе, потерявшіе надежду стать когда-либо самостоятельными хозяевами при господствѣ крупнаго землевладѣнія. Въ такое же бѣдственное положеніе попадали нерѣдко ремесленники и мелкіе торговцы, которые не могли устоять противъ всесильной конкуренціи крупной промышленности и крупнаго капитала со времени введенія свободы промысловъ и часто не видѣли никакого другого исхода кромѣ эмиграціи. Такъ, напримѣръ, процвѣтавшее раньше ручное ткачество мало-по-малу погибло почти окончательно вслѣдствіе конкурренціи машиннаго производства. Только съ 1894 г. начинается замѣтное паденіе эмиграціи, объясняющееся экономическимъ подъемомъ Германіи, въ особенности расширеніемъ промышленнаго производства для экспорта, а также благодѣтельнымъ вліяніемъ законодательной охраны труда и обязательнаго страхованія рабочихъ, такъ что нынѣшніе размѣры эмиграціи не вызываютъ никакихъ опасеній.

Эмиграціонная политика германскихъ правительствъ въ теченіе XIX столѣтія не отличалась однообразіемъ. Въ началѣ въ ней замѣчалась крайняя пестрота вслѣдствіе раздробленности Германіи. Въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ не существовало никакихъ ограничительныхъ законовъ относительно эмиграціи, въ другихъ, — желавшій эмигрировать долженъ былъ предварительно заявить о томъ, удовлетворить кредиторовъ и получить формальное увольненіе изъ подданства. Существеннымъ шагомъ къ объединенію законовъ объ эмиграціи былъ германскій союзный актъ 1815 г., разрѣшившій выселеніе изъ предѣловъ Германскаго союза всякому, кто не намѣревается уклониться этимъ путемъ отъ исполненія воинской повинности или гражданскихъ обязательствъ, и обязывавшій эмиграціонныхъ агентовъ брать оффиціальное разрѣшеніе на свою дѣятельность. Въ слѣдующіе годы стали уже всплывать проекты государственной организаціи эмиграціи. Голодный 1817 г. подтверждалъ, повидимому, справедливость положенія Мальтуса, что населеніе имѣетъ тенденцію размножаться быстрѣе, чѣмъ растутъ средства для его пропитанія. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ, въ Баденѣ, на этомъ основаніи поощряли къ эмиграціи выдачей пособій на переѣздъ наименѣе желательную часть излишка народонаселенія, обитателей домовъ призрѣнія. Нерѣдко появлялись проекты основанія за океаномъ колоній, которыя заселялись бы только нѣмцами, хотя и оставались бы подъ властью другого государства. Такъ, напримѣръ, въ 1832 году въ Нью-Іоркѣ образовалось общество, задававшееся цѣлью основать въ Соединенныхъ Штатахъ исключительно нѣмецкую территорію. Оно обратилось къ конгрессу съ просьбой объ уступкѣ извѣстнаго пространства земли, получило отказъ, сдѣлало такую же неудачную попытку въ Мексикѣ и затѣмъ распалось вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Такая же участь постигла гиссенское эмиграціонное общества, учрежденное въ 1833 году съ цѣлью основанія новой колоніи въ Арканзасѣ. Весьма неудачной оказалась также сдѣланная въ 1835 году нѣкоторыми нѣмецко-американскими общинами

попытка объединиться въ одинъ союзъ, который получалъ бы подкрѣпленія въ лицѣ эмигрантовъ изъ Германіи. То же можно сказать и про основанный въ 1842 году майнцскій союзъ владѣтельныхъ князей, задавшійся цѣлью организовать германскую эмиграцію въ государственныхъ интересахъ Германіи. Эмигрантовъ, находящихся подъ попеченіемъ этого союза, предполагалось поселить на территоріи площадью въ 450 квадратныхъ миль, составлявшую часть Техаса, который отдѣлился въ то время отъ Мексики и еще не былъ присоединенъ къ Соединеннымъ Штатамъ; эмигранты должны были сохранять связь со своимъ отечествомъ. Было предпринято нѣсколько экспедицій, но все предпріятіе рухнуло уже въ 1846 году вслѣдствіе неумѣлаго и расточительнаго веденія дѣла. Такая же участь постигла „Южно-австралійское эмиграціонное общество“, основанное братьями Шомбургкъ въ Берлинѣ для устройства колоніи на коммунистическихъ началахъ. Вообще въ сороковыхъ годахъ образовался цѣлый рядъ обществъ, поддерживавшихъ бѣдствующихъ эмигрантовъ словомъ и дѣломъ и пытавшихся излѣчить больной народный организмъ посредствомъ необходимаго, какъ думали въ то время, кровопусканія. Въ 1843 г. возникло „Эмиграціонное общество“ въ Дюссельдорфѣ, въ 1845 г. — „Прусское общество для колонизаціи берега Москито“ въ Берлинѣ, въ 1846 г. — „Центральное бюро попеченія объ эмигрантахъ“ въ Лейпцигѣ, въ 1847 году, — „Эмиграціонный комитетъ“ въ Дармштадтѣ, издававшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ журналъ, посвященный нѣмецкой эмиграціи и колонизаціи подъ названіемъ „Нѣмецкій эмигрантъ“, въ 1848 г. — „Національное общество для содѣйствія эмиграціи“ во Франкфуртѣ, получавшее денежныя субсидіи отъ различныхъ германскихъ правительствъ и распространявшее большое количество популярной литературы по вопросамъ эмиграціи, въ 1849 г., — „Союзъ для централизаціи нѣмецкой эмиграціи“ и „Общество для колонизаціи Центральной Америки“ въ Берлинѣ, затѣмъ — „Общество національной эмиграціи и колонизаціи“, въ Штуттгартѣ и „Гамбургское общество для колонизаціи южной Бразиліи“, и, наконецъ, въ 1850 г. — бразильское колонизаціонное предпріятіе доктора Блюменау въ Рудольфштадтѣ.

Вслѣдствіе агитаціи этихъ обществъ правительства вынуждены были удѣлять эмиграціи больше вниманія, чѣмъ прежде. Уже въ 1848 году прусское правительство приказало своимъ консуламъ въ заморскихъ странахъ собрать свѣдѣнія объ условіяхъ колонизаціи. Франкфуртскій парламентъ въ выработанныхъ имъ основныхъ правахъ гражданъ предоставлялъ каждому нѣмцу неограниченную свободу эмиграціи и высказался въ пользу изданія закона объ охранѣ эмигрантовъ, но этотъ законъ остался только въ проектѣ. Въ рѣчахъ по этому вопросу высказывалось мнѣніе, что многія мѣстности Германіи страдаютъ отъ сильнаго перенаселенія и что поэтому правительства должны пріобрѣсть большія пространства земли въ заокеанскихъ странахъ для переселенія туда излишка населенія. Эту точку зрѣнія раздѣляли дальновидные политики и экономисты, какъ напр., Фридрихъ Листъ, Карлъ Риттеръ, Генрихъ фонъ Гагернъ и друг. Очень богатая, хотя по большей части тенденціозная и поверхностная литература по вопросу объ эмиграціи стремилась распространить подобныя идеи во всѣхъ слояхъ населенія вплоть до самыхъ низшихъ. Изъ густо населенныхъ мѣстностей, особенно изъ Бадена и Гессена, люди выселялись цѣлыми общинами. Въ другихъ мѣстахъ сплавляли заграницу на государственный счетъ цѣлыя толпы бѣдняковъ и неспособныхъ къ труду, пытаясь разрѣшить соціальный вопросъ такимъ удобнымъ и легкимъ способомъ. Въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ населеніе убыло на нѣсколько процентовъ. Пессимисты сравнивали въ то время эмигрантовъ съ цѣлой арміей, уходящей ежегодно за-границу и безслѣдно исчезающей. Они требовали, хотя и безуспѣшно, законодательнаго ограниче

нія эмиграціи съ облегченіемъ эмиграціи только нежелательныхъ элементовъ.

Въ 1850 году Пруссія внесла въ коллегію государей проектъ закона объ эмиграціи и вмѣстѣ съ тѣмъ предложила учредить общегерманскій департаментъ по вопросамъ эмиграціи и колонизаціи, но оба эти проекта не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Въ 1856 году Баварія внесла въ союзное собраніе проектъ объединенной организаціи и надзора за германской эмиграціей, но и на этотъ разъ дѣло послѣ долгихъ переговоровъ застряло на полпути. Вообще ни въ одномъ германскомъ государствѣ не рѣшались приступить къ практическимъ мѣропріятіямъ для защиты эмигрантовъ. Удовлетворялись лишь устраненіемъ отъ поры до времени слишкомъ вопіющихъ злоупотребленій. Такъ, напримѣръ, часто отнимались разрѣшенія у эмиграціонныхъ агентовъ, изобличенныхъ въ мошенничествѣ; въ 1859 г. былъ изданъ въ Пруссіи такъ называемый рескриптъ Гейдта, отмѣненный только въ 1896 г., запрещавшій посредничество по эмиграціи въ Бразилію въ виду господствовавшей въ ней ростовщической арендной системы (стр. 292); черезъ короткое время были сдѣланы подобныя же распоряженія въ Баденѣ и Вюртембергѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ внутреннія реформы отвлекли на время вниманіе правительствъ отъ заокеанскихъ странъ и вопроса объ эмиграціи. Только послѣ основанія Сѣверо-Германскаго союза снова оживился интересъ къ нему. Въ 1867 г. былъ обнародованъ союзный законъ о паспортахъ, по которому для эмигрированія уже не требуется никакого разрѣшенія отъ администраціи. Въ 1868 г. была назначена комиссія для изслѣдованія эмиграціи. По ея предложенію были назначены въ нѣкоторыхъ портовыхъ городахъ союзные комиссары для надзора за эмиграціей. Въ 1870 г. былъ изданъ новый законъ о потерѣ и пріобрѣтеніи правъ подданства, урегулировавшій нѣкоторые связанные съ эмиграціей вопросы и недопускавшій никакихъ другихъ ограниченій свободы эмиграціи кромѣ связанныхъ съ воинской повинностью и государственной службой. Конституція Германской имперіи, обнародованная 16 апрѣля 1871 года, подчинила эмиграцію имперскому надзору и законодательству, но прошло не мало времени, пока было приступлено къ законодательному урегулированію ея. Въ 1879 г. либеральный депутатъ Фридрихъ Каппъ внесъ въ рейхстагъ проектъ закона объ эмиграціи, но этотъ проектъ застрялъ въ комиссіи. Съ ростомъ заокеанскихъ интересовъ Германіи вслѣдствіе расширенія торговли и вывоза продуктовъ промышленности, все рѣзче и рѣзче стала чувствоваться необходимость воздѣйствія на эмиграцію въ національномъ духѣ и установленія болѣе тѣсной связи между нѣмцами, проживающими въ другихъ государствахъ, и ихъ соотечественниками въ Германіи. Было основано нѣсколько крупныхъ союзовъ для поддержанія этихъ связей, прежде всего „Католическій союзъ св. Рафаила для защиты нѣмецкихъ эмигрантовъ“ и „Главный евангелическій союзъ для попеченія о нѣмецкихъ переселенцахъ и эмигрантахъ“, затѣмъ въ 1878 году — „Центральное общество коммерческой географіи и защиты германскихъ интересовъ заграницей“; въ 1881 г. — „Общій Германскій школьный союзъ для поддержанія германской народности заграницей“, въ 1884 г. — „Германское колоніальное общество“, въ 1891 г. — „Общегерманскій союзъ“. Надежда направить главный потокъ эмиграціи въ области, вновь вошедшія въ сферу германскаго вліянія, которую питали съ 1884 г., оказалась уже черезъ короткое время обманчивой. Въ 1887 году вступилъ въ силу въ Гамбургѣ очень обстоятельный и охватывающій всѣ детали законъ объ эмиграціи, основанный на долголѣтнемъ опытѣ и потому вполнѣ оправдавшійся на практикѣ. Въ 1892 году имперскій канцлеръ внесъ въ рейхстагъ одобренный союзнымъ совѣтомъ проектъ закона объ эмиграціи, но по недостатку времени этотъ проектъ не подвергался обсужденію.

Въ 1897 г. былъ, наконецъ, утвержденъ послѣ долгихъ дебатовъ имперскій законъ объ эмиграціи. Онъ предоставляетъ всѣмъ германскимъ подданнымъ полную свободу эмиграціи и запрещаетъ выѣздъ изъ Германіи только неотбывшимъ воинской повинности и подлежащимъ задержанію или аресту по распоряженію суда и полиціи. Тѣ, которые занимаются, какъ профессіей, отправкой эмигрантовъ въ заокеанскія страны, обязаны имѣть разрѣшеніе на это, выдаваемое по своему усмотрѣнію имперскимъ канцлеромъ по соглашенію съ Союзнымъ Совѣтомъ, причемъ отъ нихъ требуется залогъ. Эмиграціонные агенты, дѣйствующіе по порученію такихъ предпринимателей, тоже должны имѣть разрѣшеніе отъ администраціи и представить залогъ. Остальныя статьи закона устанавливаютъ обязательность письменнаго договора о перевозкѣ между предпринимателемъ и эмигрантомъ и трактуютъ о мѣрахъ охраны эмигрантовъ въ портахъ отправленія и во время пути и объ административныхъ властяхъ, на которыя возлагается надзоръ за эмиграціей. Въ общемъ этотъ законъ оказался цѣлесообразнымъ. Послѣ его изданія были проведены также нѣкоторыя другія мѣропріятія для защиты эмигрантовъ. Укажемъ на учрежденіе оффиціальнаго справочнаго бюро въ Берлинѣ, дающаго надежныя свѣдѣнія о странахъ, въ которыхъ эмигранты могутъ всего лучше устроиться, о наилучшихъ и самыхъ дешевыхъ способахъ сообщенія съ этими странами, о тамошнихъ условіяхъ труда, заработной платѣ, цѣнахъ на землю и предметы необходимости. Такимъ образомъ въ настоящее время государство, не поощряя эмиграціи, въ то же время не чинитъ ей и препятствій, а, напротивъ того, старается указать эмигрантамъ наилучшія мѣста для переселенія и оградить ихъ по возможности отъ обмана и эксплоатаціи.

Много вниманія было удѣлено въ послѣднее время также и статистикѣ эмиграціи. Попытки къ созданію такой статистики дѣлались уже давно. Соединенные Штаты уже съ 1820 г. отмѣчаютъ національность эмигрантовъ, прибывающихъ изъ Швейцаріи и Австріи (прибывающіе изъ Германіи считаются всѣ нѣмцами). Въ Ганзейскихъ городахъ велась правильная запись корабельныхъ пассажировъ по отдѣльнымъ заокеанскимъ портамъ назначенія уже съ половины XIX столѣтія. Съ семидесятыхъ годовъ важнѣйшіе цифры и факты касательно эмиграціи вносятся въ статистику Германской имперіи. Тѣмъ не менѣе еще и понынѣ число нѣмцевъ эмигрантовъ, уѣзжающихъ изъ Германіи черезъ сухопутную границу и французскіе, бельгійскіе и голландскіе порты, можетъ быть опредѣлено только гадательно. Число эмигрантовъ, уѣзжающихъ тайнымъ образомъ, не поддается даже приблизительному опредѣленію. Наибольшій контингентъ эмигрантовъ даютъ мѣстности Германіи, отличающіяся неблагопріятнымъ отношеніемъ между народонаселеніемъ и количествомъ добываемыхъ предметовъ первой необходимости, затѣмъ тѣ области, въ которыхъ сельское хозяйство даетъ мало дохода, а промышленность не можетъ развиться вслѣдствіе недостатка путей сообщенія, угля или водяной силы, вслѣдствіе чего отливъ излишка населенія становится для нихъ необходимостью.

Страны, въ которыя направляются нѣмецкіе эмигранты.

Въ XIX столѣтіи нѣмецкіе эмигранты направлялись почти во всѣ государства земного шара. Для удобства обзора переберемъ порознь всѣ части свѣта и важнѣйшія страны, останавливаясь на современномъ положеніи въ нихъ нѣмецкой народности и вѣроятныхъ шансахъ ея въ будущемъ.

А. Въ Европѣ мы исключаемъ изъ нашего обзора Германскую имперію, такъ какъ передвиженіе населенія внутри государства, какъ-то, все растущая тяга изъ деревни въ большіе города, не подходитъ подъ понятіе эмиграціи Подъ этотъ терминъ можно было бы подвести развѣ

только переселеніе нѣмцевъ изъ области сплошного распространенія нѣмецкаго языка въ тѣ части Германской имперіи, которыя населены негерманскимъ элементомъ, напримѣръ, въ восточную Пруссію. На всѣхъ такихъ границахъ распространенія нѣмецкаго языка идетъ борьба за преобладаніе между нѣмецкой и конкурирующей съ нею народностью. Наиболѣе ожесточенная борьба ведется на восточной границѣ. Тутъ происходитъ, повидимому, медленное и постепенное укрѣпленіе польской народности, сильно поднявшейся за послѣднее время благодаря упорядоченной нѣмецкой администраціи и нѣмецкой школѣ. Само собой разумѣется, для обратнаго вытѣсненія польской народности принимаются различныя болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры. Въ 1886 г. была основана прусская переселенческая комиссія, пріобрѣтающая польскія земли или нѣмецкія, которымъ грозитъ опасность перехода въ польскія руки, въ провинціяхъ Познани и западной Пруссіи и заботящаяся объ укрѣпленіи нѣмецкаго элемента въ этихъ провинціяхъ посредствомъ привлеченія туда мелкихъ или средней руки крестьянъ, ремесленниковъ и рабочихъ. „Союзъ для охраны нѣмецкой народности на восточной окраинѣ“ трудится сообща съ „Всенѣмецкимъ союзомъ“ и „Нѣмецкимъ школьнымъ союзомъ“ надъ укрѣпленіемъ національнаго самосознанія нѣмцевъ въ области соприкосновенія нѣмецкаго языка съ польскимъ. Для противодѣйствія ополяченію восточной Пруссіи эти союзы добиваются прежде всего, чтобы для дѣтей нѣмецкихъ родителей преподаваніе въ народной школѣ велось исключительно на нѣмецкомъ языкѣ; чтобы государство приняло на свой счетъ содержаніе нѣмецкихъ школъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣмецкое меньшинство не можетъ само содержать ихъ; чтобы во всѣхъ безъ исключенія школахъ было постепенно введено преподаваніе исключительно на нѣмецкомъ языкѣ; чтобы государство устраивало за свой счетъ и субсидировало нѣмецкіе дѣтскіе сады, коммерческія и сельско-хозяйственныя школы; чтобы всѣ славянскія географическія названія были замѣнены нѣмецкими; чтобы государство оказывало поддержку нѣмецкимъ представителямъ средняго сословія облегченіемъ кредита и субсидированіемъ производительныхъ и потребительныхъ обществъ и приходило на помощь нѣмцамъ учителямъ, представителямъ духовенства и врачамъ; чтобы поляки-новобранцы распредѣлялись исключительно по полкамъ, находящимся въ западной части имперіи; чтобы было ограничено постепенно число польскихъ рабочихъ, ежегодно приходящихъ въ восточную Пруссію на заработки изъ русской Польши, а затѣмъ и окончательно прегражденъ имъ доступъ въ эти провинціи, а чтобы вмѣсто нихъ были привлечены нѣмецкіе рабочіе какъ изъ Германіи, такъ и изъ другихъ странъ; чтобы было поставлено какъ можно больше затрудненій для натурализаціи иностранцевъ, а пріобрѣтать землю не разрѣшалось никому кромѣ нѣмцевъ. На западной окраинѣ въ Эльзасъ-Лотарингіи совершается медленное, но вѣрное вытѣсненіе французской народности нѣмецкой благодаря иммиграціи изъ Германской имперіи, а также вліянію нѣмецкой администраціи и нѣмецкой школы. Съ такимъ же успѣхомъ ведется борьба нѣмецкой народности съ датской на сѣверной окраинѣ, въ Шлезвигѣ.

Въ сосѣднихъ съ Германіей государствахъ положеніе нѣмцевъ, какъ особой народности, въ общемъ довольно благопріятно. Хотя въ Нидерландахъ живетъ только около 30,000 нѣмцевъ переселенцевъ изъ Германской имперіи, преимущественно въ большихъ городахъ, тѣмъ не менѣе пангерманское движеніе замѣтно укрѣпляется въ этой странѣ. Правда, вліятельные круги рѣшительно отвергаютъ объединеніе съ Германской имперіей; но сознаніе своего кровнаго родства съ нѣмцами не угасаетъ въ голландцахъ, они не забываютъ о томъ, что въ XII и XIII стол. ихъ народъ заселялъ значительную часть восточной Германіи, и по временамъ подумываютъ серьезно объ установленіи болѣе тѣсной экономической связи

съ Германіей и о заключеніи съ могущественнымъ сосѣдомъ договора, который обезпечилъ бы восточно-азіатскія колоніальныя владѣнія голландцевъ отъ посягательствъ другихъ державъ. Въ Бельгіи, въ которой насчитывается около 50,000 нѣмцевъ изъ Германской имперіи, фламандцы добились въ послѣдніе годы полнаго уравненія въ правахъ съ валлонами, а вмѣстѣ съ тѣмъ ясно намѣчается сближеніе съ нѣмецкой народностью. 70,000 бельгійскихъ нѣмцевъ, живущихъ въ округахъ Арель и Вервье, тоже питаютъ по большей части дружелюбныя чувства къ родинѣ своихъ предковъ. Въ Люксембургѣ нѣмецкое населеніе начинаетъ постепенно освобождаться отъ своего неестественнаго пристрастія къ Франціи. Въ Швейцаріи нѣмецкая народность отстояла исконную границу распространенія нѣмецкаго языка, если не считать нѣсколькихъ мелкихъ потерь въ Юрѣ, а въ Граубюнденѣ она постепенно отвоевываетъ почву у ретороманов.

Въ Австріи, въ которой существуетъ много нѣмецкихъ національныхъ союзовъ, заботящихся съ успѣхомъ объ укрѣпленіи нѣмецкаго самосознанія, твердынями нѣмецкой народности считаются эрцгерцогства Зальцбургъ и Нѣмецкій Тироль съ Форарльбергомъ. Въ Штиріи и Каринтіи нѣмцы укрѣпляютъ свое преобладаніе, въ Чехіи нѣмецкое дѣло находится въ благопріятномъ положеніи въ области сплошного распространенія нѣмецкаго языка, а пожалуй, и во многихъ мѣстахъ, гдѣ нѣмцы разсѣяны островками; но въ Моравіи, Силезіи и Галиціи вліяніе нѣмцевъ явно идетъ на убыль. Въ Буковину въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ почти непрерывно приливали нѣмецкіе иммигранты. Въ 1835 г. туда прибыли изъ Чехіи цѣлыя толпы стеклодѣловъ и дровосѣковъ и поселились въ обширныхъ казенныхъ лѣсахъ. Въ шестидесятыхъ годахъ многіе крупные землевладѣльцы заселили свои земли швабскими крестьянами изъ Баната. Правительство съ своей стороны тоже привлекало въ эту область нѣмцевъ чиновниковъ, священниковъ и солдатъ. Центромъ нѣмецкой духовной жизни является здѣсь съ 1875 г. университетъ Франца Іосифа въ Черновицахъ. Что касается южныхъ земель австрійской короны, то въ Крайнѣ преобладаютъ словенцы и только Готше сохранилъ съ XIV столѣтія характеръ обособленнаго островка нѣмецкаго языка и нѣмецкой народности. Въ Береговой землѣ непрерывно растетъ вліяніе итальянской народности, и Тріестъ, который былъ еще 50 лѣтъ тому назадъ нѣмецкимъ городомъ, въ настоящее время носитъ почти вполнѣ итальянскій характеръ. Что касается Босніи, то вскорѣ послѣ оккупаціи ея Австріей, послѣдовавшей въ 1879 г., сюда стали приливать въ значительномъ числѣ нѣмцы-католики, основавшіе колонію Виндгорстъ къ югу отъ р. Савы. Черезъ короткое время тамъ появились также швабы изъ Баната, саксонцы изъ Седмиградіи и нѣмцы изъ Тироля и Галиціи, основавшіе деревни Рудольфсталь и Францiозефсфельдъ.

Въ Венгрію прибыли большія партіи эмигрантовъ, преимущественно изъ Вюртемберга, между 1817—1820 годами, а затѣмъ въ 1829 и 1835 гг. Направлялись они преимущественно въ Банатъ. Въ настоящее время въ Венгріи нѣмецкой народности приходится выносить тяжелыя притѣсненія со стороны мадьяръ, и ея численность идетъ, повидимому, на убыль, хотя и теперь еще доходитъ до 2 милліоновъ слишкомъ, составляя такимъ образомъ девятую часть населенія Венгріи. Главную область распространенія нѣмецкой народности составляютъ округъ гинцевъ на границѣ Штиріи съ Нижней Австріей, между рѣками Раабомъ и Дунаемъ, Баконійскій лѣсъ, особенно окрестности Штульвейсенбурга, западная и южная окрестности Офена, Швабская Турція въ углу между Дравой и Дунаемъ, Бачка между Дунаемъ и Тиссой, Банатъ между рѣками Маросомъ, Тиссой и Дунаемъ, наконецъ, Кенигсбоденъ, Бурценландъ и Неснергау въ Седмиградіи. Въ администраціи, судѣ и школѣ господствуетъ мадьярскій языкъ,

но церковь сохранила свой національный нѣмецкій характеръ; нѣмецкій языкъ является языкомъ науки и дѣловыхъ сношеній. Существуетъ много газетъ и обществъ, ставящихъ своею цѣлью поддержаніе нѣмецкаго національнаго духа.

Россія въ теченіе почти всего XIX столѣтія привлекала массы нѣмецкихъ эмигрантовъ. Императоръ Александръ I (1801—1825) былъ большимъ почитателемъ нѣмцевъ и нѣмецкой культуры. Нѣмецкіе ученые были приглашены имъ во вновь основанный московскій университетъ, въ институтъ восточныхъ языковъ, николаевскую обсерваторію и во многія гимназіи. Другимъ нѣмецкимъ ученымъ онъ поручалъ научное изслѣдованіе своей обширной имперіи и отпускалъ имъ щедрыя субсидіи на ихъ работы. Остзейскихъ бароновъ онъ назначалъ на самые важные военные и гражданскіе посты. Онъ привлекалъ тысячами въ Россію нѣмецкихъ крестьянъ и ремесленниковъ для того, чтобы они служили примѣромъ для его собственнаго народа. Онъ обѣщалъ переселенцамъ свободу вѣроисповѣданія, надѣленіе землей безплатно или по дешевой цѣнѣ, денежное вспомоществованіе на проѣздъ и на первое обзаведеніе, податныя льготы и освобожденіе отъ воинской повинности. Уже въ первомъ году своего царствованія онъ поселилъ нѣмцевъ-лютеранъ на государственныхъ земляхъ въ Полтавской губ. Съ 1803 г, въ Россію переселились сотни семействъ менонитовъ изъ Западной Пруссіи, которые поселились въ южно-русскихъ степяхъ, въ Екатеринославской губ. и по обоимъ берегамъ Днѣпра, и, будучи образцовыми сельскими хозяевами, достигли черезъ короткое время цвѣтущаго благосостоянія.

Благодаря непрерывному притоку новыхъ переселенцевъ, нѣмцы-мениониты заселили мало-по-малу 44 деревни съ земельной площадью почти въ 30 кв. миль. Другіе менониты основали, начиная съ 1804 г., многочисленныя колоніи кругомъ Гальбштадта, на сѣверо-западъ отъ Азовскаго моря. Въ томъ же году прибыло въ Россію нѣсколько тысячъ переселенцевъ изъ Швейцаріи и Вюртемберга. Большинство ихъ поселилось въ Одессѣ и ея окрестностяхъ, остальные направились дальше на югъ, въ Крымъ, и основали села Цюрихталь, Нейзацъ и Кроненталь. Съ 1808 г. стали хлопотать о разрѣшеніи поселиться въ Россіи многіе уроженцы Пруссіи, Бадена и Вюртемберга, вынужденные покинуть свои родины вслѣдствіе военныхъ событій. Большинство ихъ было поселено въ Петербургской г., около Кронштадта, Ораніенбаума, Петергофа и Царскаго села, а остальная часть въ 1810 г. между Петербургомъ и Нарвой. Послѣ войны 1812 г. Александръ I задался цѣлью освободить Россію отъ зависимости отъ западно-европейской промышленности, заведя фабрики въ ней самой. Онъ сталъ привлекать въ Россію, преимущественно въ западныя губерніи Минскую, Могилевскую, Виленскую, Витебскую и Ковенскую, нѣмецкихъ техниковъ, мастеровъ и рабочихъ; благодаря имъ ткацкая и желѣзодѣлательная промышленность сдѣлали значительные успѣхи. Въ Бессарабію, уступленную Россіи Турціей по Бухарестскому договору 1812 г., Александръ привлекъ значительное число нѣмецкихъ колонистовъ изъ рейнскихъ провинцій, Пруссіи и Вюртемберга, основавшихъ мало по малу 25 деревень. Названія ихъ (Кацбахъ, Денневицъ, Кульмъ, Лейпцигъ и т. д.) напоминаютъ отчасти о знаменитыхъ битвахъ Наполеоновскихъ войнъ.

Черезъ короткое время нѣмцы начали переселяться также и на Кавказъ. Вюртембергскіе сектанты-сепаратисты, ожидавшіе наступленія тысячелѣтняго царства, переселились въ 1817 г. въ Грузію: первой основанной ими колоніей былъ Маріенфельдъ, затѣмъ возникъ цѣлый рядъ другихъ колоній: Геленендорфъ, Анненфельдъ, Александерсдорфъ, Катариненфельдъ и Елизаветталь Другія партіи этихъ мечтателей остановились по дорогѣ на Кавказъ въ Херсонской губ. и основали здѣсь въ 1817 г. колонію Гофнунгсталь. Въ 1819 г. изъ рейнскихъ провинцій, постигнутыхъ тяжелымъ недородомъ,

устремились въ Россію новыя партіи нѣмецкихъ колонистовъ. Группа семействъ ткачей изъ округа Бергъ основала въ этомъ году общину Фридрихсталь около С.-Петербурга. Немного спустя на р. Молочнѣ въ Таврической губ. поселились менониты изъ Данцигской низменности. Въ 1821 году былъ основанъ цѣлый рядъ деревень около Лихтенталя въ Бессарабіи швабскими піетистами. При Императорѣ Николаѣ I (1825—1855) эмиграція нѣмцевъ въ Россію не прекращалась, несмотря на военныя осложненія. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ окрестностяхъ Петербурга было поселено много нѣмцевъ ремесленниковъ съ цѣлью поднятія мѣстной промышленности. Черезъ короткое время прибыли въ Бессарабію вюртембергскіе сектанты, основавшіе здѣсь въ 1830 г. Гнаденталь и др. большія села. Въ 1834 г. была основана Александринская колонія недалеко отъ Петергофа, а въ 1835 г. Николаевская и Александровская въ Новгородской губ. Менониты тоже продолжали переселяться въ Россію въ большомъ числѣ. Въ 1836 г. ими была основана колонія Бергталь, въ 1837 г. Шенфельдъ, въ 1838 Шенталь, въ 1841 г. Гейбоденъ, въ 1852 г., Фридрихсталь — всѣ въ Екатеринославской губ. Въ 1840 г. вюртембергцы основали селеніе Кана на р. Курѣ на Кавказѣ, въ 1343 г. — Сваменъ около Петербурга, въ 1848 г. — Фрезенталь въ Самарской губерніи, въ 1850 г. — большое село Розенбергъ на горномъ берегу Волги, въ слѣдующіе годы — значительное число менонитскихъ деревень въ Таврической и Самарской губерніяхъ, въ 1852 г. — Михельсталь около Тифлиса и Николаевскъ около Ставрополя, въ 1855 г. — Малый Нейдорфъ въ Херсонской губ. При Александрѣ II и обоихъ его преемникахъ эмиграція нѣмецкихъ крестьянъ въ Россію сильно сократилась вслѣдствіе грубыхъ руссификаторскихъ пріемовъ властей, но ранѣе основанныя нѣмецкія колоніи разростались, основывали много дочернихъ колоній во всѣхъ частяхъ Россіи, такъ что, напримѣръ, въ Таврической губ. насчитывается въ настоящее время 322 нѣмецкія деревни, въ Екатеринославской — 141, въ Херсонской — 124, въ Бессарабской — 80. Въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ замѣчается сильный приливъ нѣмцевъ въ русскую промышленность. Нѣмецкіе инженеры, химики, техники и мастера всѣхъ профессій стали селиться въ большомъ числѣ въ фабричныхъ центрахъ. Въ русской Польшѣ образовалось такимъ образомъ густое нѣмецкое населеніе, въ особенности въ лодзинскомъ и калишскомъ промышленныхъ округахъ, въ которыхъ многіе нѣмецкіе фабриканты основали свои филіальныя отдѣленія, чтобы избавиться отъ уплаты высокихъ ввозныхъ пошлинъ. Всего нѣмцевъ въ Россіи насчитывается до 2 милліоновъ, включая въ это число 150 тысячъ нѣмцевъ — германскихъ подданныхъ. Изъ нихъ около 300 тысячъ живетъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ нѣмцы составляютъ громадное большинство крупныхъ землевладѣльцевъ и значительную часть образованнаго и состоятельнаго средняго класса въ городахъ, 400 тысячъ нѣмцевъ живетъ въ приволжскихъ губерніяхъ, по 500 тысячъ — въ Польшѣ и южной Россіи. Значительная часть высшаго русскаго чиновничества состоитъ и понынѣ изъ нѣмцевъ по происхожденію, но нѣкогда процвѣтавшія нѣмецкія учебныя заведенія, въ томъ числѣ и Дерптскій университетъ, давно уже лишились своей самобытности вслѣдствіе насильственныхъ мѣропріятій. Въ XVIII столѣтіи остзейскіе бароны господствовали въ военной и гражданской администраціи; но и теперь ихъ много среди лицъ, занимающихъ высшіе посты.

Въ Скандинавскихъ государствахъ нѣмецкое вліяніе, которое господствовало здѣсь до конца XVI столѣтія, значительно упало. Данія, которая была въ умственномъ отношеніи какъ бы нѣмецкой провинціей вплоть до начала XIX столѣтія, тоже развила свою самостоятельную высокую культуру. Къ тому же событія 1864 г. и германизаторская политика прусскаго правительства въ сѣверномъ Шлезвигѣ вызвали раздраженіе противъ нѣмцевъ, не вполнѣ улягшееся и по настоящее время. Въ

Даніи живетъ около 50,000 нѣмцевъ, въ Швеціи приблизительно — 5,000, въ Норвегіи — 2,000; всѣ они живутъ въ болѣе крупныхъ городахъ и принадлежатъ, большею частью, къ купеческому и ремесленному сословіямъ.

Въ Великобританіи замѣчался въ началѣ XIX столѣтія оживленный притокъ нѣмцевъ купцовъ. Послѣ событій 1830 и 1848 гг. въ Великобританію переселилось много политическихъ эмигрантовъ, въ томъ числѣ такіе извѣстные писатели, какъ Фердинандъ Фрейлигратъ, Готфридъ Кинкель, Карлъ Марксъ, Фридрихъ Энгельсъ; въ 1866 г. туда же направились ганноверцы, недовольные присоединеніемъ своей родины къ Пруссіи. Въ послѣдующіе годы въ Англію уѣзжало много молодыхъ людей, уклоняющихся отъ воинской повинности. Въ настоящее время въ Англіи проживаетъ около 100,000 нѣмцевъ самыхъ различныхъ положеній и профессій; около половины этого числа живетъ въ Лондонѣ, въ которомъ насчитывается 11 нѣмецкихъ евангелическихъ общинъ.

Во Францію тоже направлялась въ теченіе всего XIX столѣтія сильная струя нѣмецкой эмиграціи. Швейцарскіе и Эльзасъ-Лотарингскіе ремесленники селились во всѣхъ крупныхъ городахъ ея. Парижъ непрерывно привлекалъ къ себѣ не только цѣлыя толпы авантюристовъ и аферистовъ, но и ученыхъ, художниковъ и друзей свободы. Такіе люди, какъ Людвигъ Берне, Генрихъ Гейне и Георгъ Гервегъ, вели изъ Парижа борьбу съ германской реакціей. Въ 1870 г. была выселена насильственно изъ Франціи, вслѣдствіе войны, большая часть проживавшихъ въ ней нѣмцевъ, но по окончаніи войны туда устремились тысячи эльзасъ-лотарингцевъ, пожелавшихъ остаться французами, несмотря на свой нѣмецкій родной языкъ. По мѣрѣ возстановленія нормальныхъ мирныхъ отношеній между французами и нѣмцами, въ Парижѣ и другихъ французскихъ городахъ стали селиться нѣмцы — купцы, ремесленники, рабочіе, кельнеры, а также гувернантки и женская прислуга. Въ зимнихъ курортахъ на Ривьерѣ тоже явилось, конечно, сильно колеблющееся, нѣмецкое населеніе. Всего во Франціи насчитывается около 100,000 человѣкъ, говорящихъ на нѣмецкомъ языкѣ, а сколько нѣмцевъ скрываютъ свое происхожденіе по матеріальнымъ и другимъ мотивамъ, — это не поддается учету. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сильно ослабѣло озлобленіе французовъ противъ нѣмцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ во Франціи значительно возрасло число лицъ, открыто признающихъ себя нѣмцами. Ихъ не любятъ, но относятся къ нимъ по большей части съ уваженіемъ. Интеллигентный французъ уже не смотритъ больше на нѣмца, какъ на варвара, а видитъ въ немъ соотечественника Гете и Рихарда Вагнера. Среди 180-ти-тысячнаго фламандскаго населенія сѣвера Франціи оживаетъ подъ вліяніемъ фламандскаго движенія въ Бельгіи сознаніе своей національной самобытности и своего родства съ нѣмецкимъ народомъ.

Гораздо слабѣе представлены нѣмцы на Пиренейскомъ полуостровѣ. Въ Испаніи ихъ насчитывается 3,000, а въ Португаліи не больше 1,000. Они живутъ по большей части въ крупныхъ приморскихъ городахъ и принадлежатъ по роду своихъ занятій къ купцамъ, инженерамъ, владѣльцамъ виноградниковъ и директорамъ фабрикъ и горныхъ заводовъ.

Нѣмцы, живущіе въ Италіи, распадаются на двѣ группы. Одну составляютъ 30,000 ученыхъ, художниковъ, промышленниковъ, купцовъ и рантье, живущихъ частью въ большихъ городахъ, а частью въ мѣстностяхъ, славящихся красотой своей природы и своимъ благодатнымъ климатомъ (Ривьера, озеро Гарда, островъ Капри и т. д.); другую, тысячъ въ десять, образуютъ жалкіе остатки нѣкогда многочисленныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, поселившихся нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ у южной подошвы Альпъ, — всего семь маленькихъ островковъ нѣмецкой рѣчи. Самый

восточный изъ нихъ — это Тишльвангъ или Тимау, деревня съ населеніемъ въ тысячу человѣкъ слишкомъ, расположенная въ боковой долинѣ Таліаменто, на границѣ Каринтіи; она была основана въ XV столѣтіи рудокопами изъ Каринтіи. Дальше къ западу лежитъ большая община Бладенъ или Саппада въ верхней части долины Піаве съ нѣмецкимъ населеніемъ въ 1,200 человѣкъ, языкъ которыхъ заставляетъ думать, что предки ихъ переселились сюда въ средніе вѣка изъ долины р. Дравы. Далѣе къ югу въ труднодоступной гористой мѣстности находится селеніе Цааре или Заурисъ, въ которомъ насчитывается 800 жителей, говорящихъ на старинномъ баварскомъ нарѣчіи. Къ сѣверу отъ Виченцы тянутся семь общинъ съ нѣмецкимъ населеніемъ въ 3,000 душъ, главная изъ нихъ — Шлеге или Азіаго; къ сѣверу отъ Вероны около Тирольской границы находится еще 13 общинъ, гораздо болѣе поддавшихся итальянскому вліянію. Жители этихъ общинъ считались ошибочно потомками древнихъ готовъ, кимвровъ или лангобардовъ. Ихъ нарѣчіемъ является почти чистый средне-верхне-германскій языкъ, что указываетъ скорѣе на ихъ баварско-тирольское происхожденіе. Далеко отъ этихъ старыхъ колоній баварскаго племени на ломбардской почвѣ расположены двѣ тоже очень старыя колоніи, основанныя алламанами изъ Валлиса и сохранившія нарѣчіе своихъ валлисскихъ соплеменниковъ: семь общинъ съ главнымъ селеніемъ Римеллой въ горныхъ долинахъ у южной подошвы Монте Роза, шесть нѣмецкихъ деревень по верхнему теченію рѣки Тозы. Едва ли можно разсчитывать на сохраненіе нѣмецкой народности во всѣхъ этихъ разсѣянныхъ островкахъ, несмотря на ихъ уединенное положеніе и на близость территоріи сплошного распространенія нѣмецкаго языка, куда ихъ жители часто заходятъ въ качествѣ коробейниковъ и кондитеровъ; школа и церковь, администрація и военная служба способствуютъ быстрой ассимиляціи ихъ съ итальянцами.

На Балканскомъ полуостровѣ живетъ, по крайней мѣрѣ, 80,000 нѣмцевъ. Многіе изъ нихъ занимаютъ выдающіяся положенія. Ихъ политическое, экономическое и моральное вліяніе все усиливается благодаря личному заступничеству императора Вильгельма II и искусному давленію германской дипломатіи на Порту. Нѣмецкій капиталъ оживляетъ мѣстную торговлю и промышленность. Нѣмецкій языкъ играетъ часто роль языка науки и коммерческихъ сношеній. Въ Турціи Германія оттѣснила на задній планъ остальныя державы и пріобрѣла первенствующее вліяніе. Нѣмецкіе офицеры преобразовали армію, нѣмецкіе чиновники содѣйствуютъ упорядоченію разстроенной администраціи, благодаря нѣмцамъ значительно улучшились пути сообщенія; они раскинули по всей Турціи сѣть школъ и благотворительныхъ учрежденій. Нѣмецкіе врачи и почтовыя учрежденія пользуются общимъ довѣріемъ. Въ Константинополѣ насчитывается около 10,000 нѣмцевъ; много нѣмецкихъ купцовъ, чиновниковъ и ремесленниковъ живетъ въ другихъ крупныхъ городахъ и по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Греціи, въ археологическомъ и географическомъ изслѣдованіи которой нѣмецкіе ученые стяжали громадныя заслуги, живетъ въ настоящее время около тысячи германскихъ подданныхъ, большею частью въ Аѳинахъ, но также въ Коринфѣ и Патрасѣ. Колонія баварскихъ ремесленниковъ Гераклея около Аѳинъ, основанная Оттономъ Баварскимъ въ 1837 г. вскорѣ послѣ избранія его греческимъ королемъ, уже утратила нѣмецкій характеръ, равно какъ и основанная въ 1861 г. колонія рейнскихъ винодѣловъ въ Гутландѣ къ югу отъ Патраса. Только кое-какія особенности въ костюмѣ и обычаяхъ еще продолжаютъ напоминать объ иностранномъ происхожденіи жителей этихъ колоній. Въ Сербіи живетъ въ настоящее время около 7,000 нѣмцевъ, частью земледѣльцевъ и скотоводовъ, переселившихся сюда изъ Баната и Швабской Турціи, частью ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ изъ

Австріи. Въ Болгаріи замѣчался сильный наплывъ нѣмцевъ въ царствованіе князя Александра Баттенбергскаго. Въ настоящее время тутъ живетъ около 4,000 нѣмцевъ, преимущественно въ Софіи и Филиппополѣ, но также и въ болѣе значительныхъ придунайскихъ торговыхъ городахъ. Въ Румыніи насчитывается, кромѣ значительнаго числа говорящихъ по нѣмецки евреевъ, 50,000 чистокровныхъ нѣмцевъ, пользующихся покровительствомъ царствующей династіи, которая тоже нѣмецкаго происхожденія. Больше 10,000 изъ нихъ живетъ въ столицѣ Румыніи Бухарестѣ и почти такое же число въ придунайскихъ городахъ и черноморскихъ портахъ; въ этихъ пунктахъ они захватили въ свои руки значительную часть промышленности и торговли. Кромѣ того существуетъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ колоній въ Добруджѣ. Самыя значительныя изъ нихъ — Атмаджа и Каталой. Онѣ были основаны пруссаками и вюртемберцами евангелическаго вѣроисповѣданія, переселившимися послѣ наполеоновскихъ войнъ въ Россію, а оттуда перекочевавшими въ Добруджу; другая часть этихъ колонистовъ прибыла въ Румынію послѣ голодныхъ, 1846 и 1847 гг. Благодаря нѣмецкой церкви и нѣмецкой школѣ они сохранили свои нѣмецкіе народные обычаи и свой языкъ, но не достигли благосостоянія, несмотря на все свое трудолюбіе, такъ какъ почва Добруджа мало плодородна. Въ настоящее время они бѣгутъ толпами въ Америку.

B. Изъ внѣевропейскихъ странъ меньше всего нѣмцевъ насчитывается въ Африкѣ, несмотря на то, что ихъ соотечественникамъ наряду съ англичанами принадлежатъ главные труды по научному изслѣдованію этой части свѣта. Число нѣмцевъ въ Африкѣ не превышаетъ 70,000. Когда Германская имперія пріобрѣла въ 1884 г. обширную территорію въ Африкѣ, возникла было надежда, что возможно будетъ направить туда излишекъ населенія метрополіи; но нездоровый тропическій климатъ разрушилъ эту надежду. Кромѣ чиновниковъ и солдатъ, несущихъ гарнизонную службу, тамъ живетъ лишь небольшое число купцовъ плантаторовъ, миссіонеровъ и мѣстами ремесленниковъ. Въ Того живетъ около 200 человѣкъ нѣмцевъ, въ Камерунѣ, въ которомъ первыя факторіи были основаны Гамбургскими торговыми фирмами еще въ 1868 г., — около 800, въ южной Африкѣ кромѣ солдатъ, отправленныхъ туда для усмиренія туземцевъ, нѣсколько больше 4,000, въ восточной Африкѣ около 2,000, а всего во всѣхъ африканскихъ колоніяхъ Германской имперіи — не больше 7,000 нѣмцевъ. Единичные колонисты-земледѣльцы попадаются пока только въ здоровыхъ и плодородрыхъ возвышенныхъ мѣстностяхъ Ухехе и Узембара, а скотоводы и крупные плантаторы въ юго-западной Африкѣ. Въ Британской Южной Африкѣ насчитывается гораздо больше нѣмцевъ, чѣмъ въ африканскихъ владѣніяхъ Германіи. Тутъ ихъ живетъ не менѣе 35,000: около 15,000 въ Капской землѣ и приблизительно столько же въ бывшихъ бурскихъ республикахъ. Многіе изъ нихъ ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ эмигрантовъ, которые прибыли въ Африку въ XVII и XVIII столѣтіяхъ въ качествѣ служащихъ Голландской Остъ-Индской компаніи. Число этихъ старожиловъ нѣмцевъ опредѣлялось въ 1807 г., при окончательномъ присоединеніи Капской земли къ Англіи, приблизительно въ 6,600 человѣкъ; но большинство нѣмцевъ, живущихъ въ Южной Африкѣ, прибыло туда въ послѣдніе 50—60 лѣтъ, по большей части въ качествѣ искателей золота и алмазовъ. Съ 1844 г. Капская колонія вызывала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на государственный счетъ нѣмцевъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ, которые устроились очень хорошо въ городѣ Капштадтѣ и его окрестностяхъ. Въ 1849 г. въ Наталѣ поселилось нѣсколько сотъ человѣкъ изъ Ганновера и Вестфаліи, которые основали процвѣтающее и понынѣ селеніе Германсбургъ недалеко отъ рѣки Тугелы. Въ 1853 г. возникла колонія Новая Германія къ сѣверу отъ Портъ Наталя, въ которой трудолюбивые фермеры съ береговъ Рейна достигли мало по

малу благосостоянія, несмотря на то, что имъ приходилось страдать отъ засухи, саранчи и эпизоотій. Въ 1858 г. были перевезены въ Капскую землю за счетъ англійскаго правительства остатки участвовавшаго въ крымской войнѣ нѣмецкаго легіона. Эти поселенцы основали въ Наталѣ селеніе Новый Ганноверъ и должны были служить въ пограничной стражѣ для защиты колоніи отъ воинственныхъ кафрскихъ племенъ. Въ слѣдующіе годы гамбургская торговая фирма Годефруа навербовала по порученію правительства Капской колоніи около 4,000 неимущихъ сельскихъ рабочихъ изъ Помераніи, Мекленбурга, Познани и Силезіи, которые были надѣлены безвозмездно землей около города Кингуильямстоуна на р. Буффало и черезъ короткое время зажили недурно благодаря своему трудолюбію и бережливости.

Изъ остальныхъ англійскихъ владѣній въ Африкѣ больше всего насчитывается нѣмцевъ въ Египтѣ — до 12,000; изъ нихъ 1,500 родомъ изъ Германіи, а остальные — австрійцы и швейцарцы. Большинство ихъ живетъ въ двухъ главныхъ городахъ Египта, Александріи и Каирѣ. Это преимущественно ученые, купцы, врачи, книгопродавцы, служащіе въ гостинницахъ; въ послѣднее время сюда пріѣзжаютъ лѣчиться также много легочныхъ больныхъ. Въ остальныхъ странахъ сѣверо-африканскаго побережья нѣмцевъ очень мало. Въ болѣе крупныхъ портахъ обосновались нѣмецкія торговыя фирмы. Послѣ занятія Алжира французами стали предприниматься попытки основанія и тамъ нѣмецкихъ колоній. Еще въ 1841 г. много швейцарцевъ, эльзасцевъ, уроженцевъ Пфальца и Вюртемберга поселились въ мѣстахъ расположенія французскихъ гарнизоновъ; но большинство ихъ уѣхало обратно вслѣдствіе неувѣренности въ своей безопасности. Въ 1846 г. была основана около Мостагенема въ Оранскомъ департаментѣ рейнско-прусская колонія Ластидія, въ которой произошли нѣмецкія демонстраціи въ 1870 г. послѣ пораженій, понесенныхъ французами. Съ 1871 г. въ Алжиръ стало прибывать много эльзасъ-лотарингцевъ, не желавшихъ стать германскими подданными. По настоящее время въ Алжирѣ часто поселяются нѣмцы, служившіе въ иностранномъ легіонѣ и отбывшіе свою службу. Въ Марокко нѣмцевъ не больше 250, но ихъ экономическое вліяніе быстро возростаетъ въ послѣднее время. Почти всѣ они купцы, большинство ихъ живетъ въ Танжерѣ; нѣкоторые состоятъ на службѣ въ германскихъ почтовыхъ учрежденіяхъ. Въ изслѣдованіи Марокко, равно какъ и всей тропической Африки, нѣмецкіе ученые принимали самое дѣятельное участіе. Такъ какъ эти путешественники не относятся къ эмигрантамъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то мы не можемъ останавливаться на ихъ дѣятельности; напомнимъ только наиболѣе выдающихся изъ нихъ: Фридриха Горнемана, Германа Барта, Адольфа Овервега, Эдуарда Фогеля, Герарда Рольфса, Густава Нахтигаля, Оскара Ленца, Роберта Флегеля, Павла Погге, Карла Мауха, Теодора Гейглина, Георга Швейнфурта, Вильгельма Юнкера, Эмина Пашу, Германа Висмана, Евгенія Цинтграфа и Ганса Мейера. Большія заслуги въ дѣлѣ изслѣдованія тропической части чернаго материка и его туземнаго населенія стяжали также нѣмецкіе протестантскіе и католическіе миссіонеры. На африканскихъ островахъ нѣмцевъ очень мало. Потомки фламандскихъ колонистовъ, поселившихся на Канарскихъ островахъ въ XV столѣтіи, давно уже утратили свои національныя особенности.

С. Въ Азіи проживаетъ немного больше нѣмцевъ, чѣмъ въ Африкѣ, по приблизительному подсчету около 80,000 человѣкъ. Въ Азіатской Турціи нѣмецкое вліяніе быстро возросло, особенно со времени поѣздки на Востокъ императора Вильгельма II. Еще больше усилится оно, когда получитъ дальнѣйшее развитіе сѣть анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ, а проектируемая багдадская дорога будетъ доведена до Месопотаміи и дальше до Персидскаго залива. Нѣмецкій капиталъ находитъ для себя въ Азіат-

ской Турціи выгодное помѣщеніе, мѣстами начинаютъ устраиваться и нѣмецкіе колонисты. Въ Малой Азіи много нѣмцевъ состоитъ на службѣ у анатолійской желѣзной дороги. Большинство ихъ живетъ въ Гайдаръ-Пашѣ, обладающемъ хорошей гаванью, а прочіе въ Ангорѣ и Коніи; вдоль желѣзнодорожнаго пути обосновались хуторами нѣмцы-земледѣльцы, но турки не склонны уступать большіе сплошные участки земли. Въ приморскихъ городахъ живутъ нѣмцы-купцы, ремесленники и содержатели гостиницъ. Въ Палестинѣ нѣмцы представлены, главнымъ образомъ, „храмовниками“, прибывшими туда изъ Вюртемберга въ шестидесятыхъ годахъ подъ предводительствомъ піэтиста Христофора Гофмана изъ Корнталя и основавшими пять цвѣтущихъ колоній съ населеніемъ приблизительно въ 1,500 человѣкъ: Хайфу, Яффу (обѣ основаны въ 1869 г.), Сарону (основ. въ 1871 г.), Іерусалимъ (въ 1873 г.) и Рамле (основ. въ 1898 г.). Значительное число нѣмцевъ состоитъ, кромѣ того, въ Іерусалимѣ при церквахъ, школахъ, миссіяхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ различныхъ вѣроисповѣданій. Съ 1897 года существуетъ нѣмецкій палестинскій банкъ, а съ 1901 года „Общество для содѣйствія нѣмецкимъ колоніямъ въ Св. Землѣ“. Въ Сиріи и Аравіи нѣмцы попадаются только единицами, главнымъ образомъ, въ качествѣ представителей европейскихъ торговыхъ фирмъ. Въ Персіи нѣмцевъ считается около 200. Большая часть ихъ живетъ въ Тегеранѣ, а нѣкоторые въ Тавризѣ и портахъ Персидскаго залива; иные работаютъ въ качествѣ миссіонеровъ въ западныхъ пограничныхъ провинціяхъ Персіи среди христіанъ армянъ, несторіанъ и якобитовъ. Въ Индіи нѣмцевъ, включая въ это число австрійцевъ и швейцарцевъ, насчитывается до 2,000. Значительныя нѣмецкія колоніи существуютъ въ Бомбеѣ и Калькуттѣ. При дворахъ туземныхъ князей попадаются нерѣдко нѣмцы музыканты, электротехники и фотографы, а нѣмцы миссіонеры разсѣяны по всему Индостану. Въ окрестностяхъ Мадраса и Транкебара работало еще въ XVIII столѣтіи галльское миссіонерское общество. Въ 1840 г. общины, устроенныя имъ въ Индіи, перешли въ вѣдѣніе лейпцигскаго миссіонерскаго общества. Затѣмъ прибыли на малабарскій берегъ и къ магаратамъ миссіонеры базельской миссіи, въ долину Ганга и къ коламъ въ Бенгаліи миссіонеры госнерской миссіи, въ область Телугу — германсбургской, въ бассейнъ двухъ большихъ рѣкъ Кистны и Годавери — шлезвигъ-гольштейнской. Въ западной части Гималайскихъ горъ, въ округахъ Кунаварѣ, Лагулѣ и Ладакѣ, подвластныхъ Британіи, основали свои миссіонерскія станціи въ 1853 г. моравскіе братья, надѣявшіеся проникнуть отсюда въ Тибетъ и Центральную Азію. Въ Задней Индіи, особенно въ Сіамѣ, германская торговля пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Въ Бангкокѣ и Сингапурѣ существуютъ значительныя и вліятельныя нѣмецкія колоніи. Въ Индонезіи тоже живетъ много нѣмецкихъ ученыхъ, купцовъ, врачей, плантаторовъ и солдатъ. На Филиппинскихъ островахъ существуетъ значительная нѣмецкая община въ Маниллѣ. Въ Китаѣ нѣмцевъ, если не считать гарнизоновъ, не больше 2,000. Это преимущественно купцы, врачи, почтовые и желѣзнодорожные служащіе, инженеры и землемѣры. Въ большихъ торговыхъ городахъ нѣмецкія фирмы занимаютъ видное положеніе. Нѣмецкій капиталъ вложенъ въ желѣзныя дороги, каменноугольныя копи, рисовыя мельницы, прядильни и чайныя плантаціи. Въ каботажномъ и внутреннемъ судоходствѣ германскій флагъ занимаетъ второе мѣсто. Больше всего нѣмцевъ въ Шанхаѣ, гдѣ съ 1866 г. издается вліятельная еженедѣльная газета „Ostasiatisches Lloyd“. Почти такая же многочисленная нѣмецкая колонія существуетъ въ принадлежащемъ Англіи Гонконгѣ. Со времени занятія Германіей Кіау-Чоу (1898) тутъ образовалась непрывно растущая цвѣтущая колонія. Нѣмецкіе миссіонеры тоже стараются проложить себѣ путь въ Срединную имперію. Японіи нѣмцы оказали существенныя услуги

въ дѣлѣ введенія европейской культуры, и, несмотря на ихъ малочисленность, ихъ труды дали за короткій срокъ поистинѣ грандіозные результаты. Нѣмецкіе офицеры содѣйствовали поднятію японской арміи на ту высоту, на которой она оказалась въ русско-японской войнѣ. Нѣмцы-чиновники принимали участіе въ организаціи полиціи, почты и лѣсного хозяйства. Нѣмцы-профессора преподавали въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; нѣмцы-архитекторы построили нѣкоторыя изъ прекраснѣйшихъ общественныхъ зданій; нѣмцы-инженеры подвинули впередъ всѣ отрасли техники. Въ Токіо существуетъ пользующееся большимъ уваженіемъ „Нѣмецкое общество для изслѣдованія природы и этнографіи Восточной Азіи“, издающее богатый содержаніемъ ежегодникъ. Въ Іокагамѣ живетъ около 400 нѣмцевъ и издается еженедѣльная газета. Берлинское евангелическое миссіонерское общество ведетъ пропаганду среди образованныхъ круговъ японскаго народа. Въ Азіатской Россіи живетъ около тысячи нѣмцевъ изъ Германіи и гораздо большее число остзейскихъ нѣмцевъ, занимающихъ мѣста на всѣхъ ступеняхъ администраціи. Нѣмецкія лютеранскія общины существуютъ въ Ташкентѣ, Иркутскѣ и Владивостокѣ. Въ Туркестанѣ около Хивы и Ауліе-Ата существуетъ нѣсколько колоній нѣмецкихъ менонитовъ, переселившихся сюда, чтобы избавиться отъ воинской повинности. Около Ташкента была основана въ 1892 г., повидимому, процвѣтающая нѣмецкая колонія швабами земледѣльцами, переселившимися съ Кавказа.

D. Въ Австраліи и Океаніи нѣмцевъ вмѣстѣ съ австрійцами и швейцарцами насчитывается до 110,000 человѣкъ. Больше всего ихъ живетъ въ Квинслендѣ и Южной Австраліи, въ которыхъ они составляютъ 7—8% всего насееленія. Нѣмецкіе ученые стяжали большія заслуги въ дѣлѣ изслѣдованія австралійскаго материка и острововъ. Назовемъ изъ нихъ Рейнгольда и Георга Форстеровъ и Адама фонъ Крузенштерна, Адальберта Шамиссо, Фабіана Беллингсгаузена, Людвига Лейхарта, Фердинанда Гохштетера и Фердинанда фонъ Мюллера. Начало нѣмецкой эмиграціи въ Австралію приходится на тридцатые годы XIX ст. Первыя партіи эмигрантовъ поселились въ Южной Австраліи. Сюда прибылъ въ 1836 г. по приглашенію одного англійскаго горно-промышленнаго общества геологъ Іоаннъ Менце съ партіей рудокоповъ для изысканія мѣсторожденій золота и другихъ цѣнныхъ ископаемыхъ. Въ 1837 г. прибыли виноградари изъ Рейнгау, благодаря которымъ винодѣліе привилось въ Австраліи съ такимъ успѣхомъ, что въ настоящее время много вина вывозится изъ нея заграницу. Въ слѣдующемъ году прибыли въ Австралію 200 прусскихъ старо-лютеранъ, терпѣвшихъ на родинѣ притѣсненія за вѣру. Они поселились къ сѣверу отъ Аделаиды и достигли за короткое время благосостоянія, занимаясь разведеніемъ винограда и овцеводствомъ. Ихъ письма побудили сотни ихъ единовѣрцевъ послѣдовать за ними, и такимъ образомъ въ Южной Австраліи создалась мало-по-малу густая сѣть нѣмецкихъ деревень, группирующихся около городка Танунда. Названія однихъ изъ этихъ деревень напоминаютъ о происхожденіи ихъ жителей (Новый Мекленбургъ, Фридрихроде, Новая Силезія и т. д.), названія другихъ свидѣтельствуютъ объ увлеченіи ихъ основателей вопросами религіи. Значительный подъемъ эмиграціи замѣчается въ 1848 г. Уѣзжали въ Австралію не только политическіе эмигранты (въ томъ числѣ выдающіеся ученые, какъ, напримѣръ. Рихардъ Шомбургкъ, впослѣдствіи директоръ ботаническаго сада въ Аделаидѣ, и Адольфъ Мюке, основатель первой нѣмецкой газеты въ Австраліи, оживившій духовную жизнь австралійскихъ нѣмцевъ), но и множество авантюристовъ, искавшихъ случая разбогатѣть на вновь открытыхъ золотыхъ розсыпяхъ. Одно время въ Южную Австралію потянулись также купцы и ремесленники всякаго рода. Съ семидесятыхъ годовъ приливъ нѣмцевъ сталъ постепенно ослабѣвать, такъ какъ правительство колоній перестало

поощрять иммиграцію, а среди мѣстныхъ рабочихъ образовалась сильная партія, боровшаяся противъ нѣмцевъ, какъ противъ понижателей заработной платы, и ставившая ихъ на одну доску съ китайцами. Нѣмецкая эмиграція въ Квинслендъ началась только въ шестидесятыхъ годахъ, такъ какъ до того времени эта колонія служила для англійскаго правительства мѣстомъ для ссылки преступниковъ. Между 1862 и 1873 г. сюда переселилось около 11,000 крестьянъ изъ восточной Пруссіи и Швабіи. Они получили безплатные участки земли по берегамъ рѣкъ Логана и Альберта. Впослѣдствіи ихъ поселенія раскинулись до округовъ Розевуда и Фассиферна. Нѣкоторые поселились въ горахъ Дарлингъ и по морскому побережью до самой сѣверной оконечности материка. Благодаря своему трудолюбію большинство этихъ колонистовъ достигло благосостоянія, но австралійскій климатъ, повидимому, не благопріятенъ для ихъ размноженія. Въ 1891 г. моравскіе братья основали на полуостровѣ Іоркѣ миссіонерскую станцію для распространенія христіанства среди туземцевъ. Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ насчитывается около 10,000 нѣмцевъ, частью купцовъ и ремесленниковъ, живущихъ въ главномъ городѣ Сиднеѣ, частью овцеводовъ, винодѣловъ и рудокоповъ. Въ Викторіи численность нѣмцевъ идетъ на убыль. Многіе эмигранты, привлеченные сюда золотыми розсыпями, были разочарованы и снова покинули эту колонію. Два прежнихъ нѣмецкихъ предмѣстья Мельбурна, Кобургъ и Гейдельбергъ, почти ничѣмъ не выдаютъ своего нѣмецкаго характера. Только въ округѣ Виммера существуетъ нѣсколько деревень швабскихъ крестьянъ, сохранившихъ свой языкъ и свою народность. Въ Новой Зеландіи живетъ около 12,000 нѣмцевъ, разсѣянныхъ по всей странѣ въ качествѣ земледѣльцевъ, мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ. Австралійскіе нѣмцы едва ли могутъ разсчитывать на сохраненіе своей народности, такъ какъ естественное размноженіе ихъ весьма незначительно, а иммиграція идетъ на убыль со времени тяжелаго экономическаго кризиса начала девяностыхъ годовъ вслѣдствіе различныхъ ограничительныхъ мѣръ. Раньше или позже австралійскіе нѣмцы сольются съ англо-саксонскимъ населеніемъ. Многіе уже продѣлали эту стадію, чтобы не пострадать отъ сильнаго озлобленія противъ нѣмцевъ во время англо-бурской войны, замѣчавшагося даже въ правительственныхъ кругахъ. Дольше всего, вѣроятно, сохранятъ свои національныя особенности деревенскія лютеранскія общины Южной Австраліи и Квинсленда, у которыхъ нѣмецкій языкъ еще остается языкомъ церкви и школы.

На многочисленныхъ группахъ острововъ, раскинутыхъ въ Тихомъ океанѣ, насчитывается не больше двухъ тысячъ нѣмцевъ, но они являются представителями значительныхъ капиталовъ и важныхъ торговыхъ интересовъ. Въ Германскихъ владѣніяхъ на островахъ Самоа, Новой Гвинеѣ, на Бисмарковыхъ, Соломоновыхъ, Маршальскихъ, Каролинскихъ, Маріанскихъ и на Палау живутъ чиновники, чины гарнизоновъ, представители торговыхъ фирмъ и небольшое число плантаторовъ. Наиболѣе благопріятная перспектива открывается, повидимому, на островахъ Самоа. На Гаванскихъ островахъ живетъ около 10,000 нѣмцевъ. Опытъ привлеченія нѣмецкихъ рабочихъ на сахарныя плантаціи былъ задуманъ весьма неудачно и потерпѣлъ полное крушеніе. На многихъ изъ острововъ Товарищества, Дружбы и Фиджи встрѣчаются единичные нѣмецкіе купцы.

E. Той частью свѣта, въ которой послѣ Европы живетъ всего больше нѣмцевъ и которая справедливо считается въ теченіе двухъ столѣтій слишкомъ самой многообѣщающей для нѣмецкихъ эмигрантовъ, является Америка. Больше всего привлекали къ себѣ переселенцевъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, въ которыхъ они находили безплатную или же дешевую пахотную землю, громадныя природныя богатства, высокую заработную плату, политическую и религіозную свободу; вотъ почему на широкую равнину Соединенныхъ Штатовъ

изливался отъ начала XIX столѣтія значительный потокъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, то расширявшійся, то суживавшійся, но никогда не изсякавшій окончательно. До 1819 г. мы не располагаемъ точными данными и вынуждены ограничиться приблизительными цифрами. Въ началѣ XIX столѣтія положеніе нѣмцевъ въ большинствѣ штатовъ Американскаго Союза было вполнѣ удовлетворительно. Въ штатѣ Пенсильваніи они составляли большинство населенія, такъ что въ палатѣ депутатовъ этого штата былъ даже поднятъ вопросъ о томъ, какой языкъ долженъ считаться государственнымъ, нѣмецкій или англійскій. По предложенію предсѣдателя палаты Мюленберга, родомъ нѣмца, вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу англійскаго языка. Черезъ нѣсколько лѣтъ условія измѣнились къ худшему для нѣмцевъ. Въ штатахъ Новой Англіи одержали верхъ противники неограниченной свободы иммиграціи. Началась ожесточенная партійная борьба, сопровождавшаяся даже кровопролитіемъ. Вліятельные партійные руководители называли эмигрантовъ вредными пришельцами, и многіе повторяли слова президента Джефферсона: „О, если бы между Европой и Америкой появилось огненное море!“ Неудивительно, что при такихъ условіяхъ въ Германіи зародилось мнѣніе, опирающееся на многіе печальные факты, что при господствующей за океаномъ сумятицѣ никто не можетъ быть увѣренъ тамъ въ обезпеченности своей жизни и цѣлости своего имущества. Кромѣ того непрерывныя войны наполеоновской эпохи до нельзя затрудняли переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ.

Тѣмъ не менѣе къ берегамъ Америки ежегодно приставало много кораблей съ нѣмецкими эмигрантами, которые поселялись попрежнему преимущественно въ штатахъ Пенсильваніи, Огайо и Кентукки; нѣкоторая часть ихъ направлялась также въ штаты Индіану, Мичиганъ и Иллинойсъ; гораздо рѣже они селились въ южныхъ рабовладѣльческихъ штатахъ. Въ 1803 г. въ Америку прибылъ Георгъ Раппъ изъ Вюртемберга, основатель секты гармонистовъ вмѣстѣ съ своими послѣдователями, которые основали колонію Гармонію около Питтсбурга. Черезъ нѣкоторое время онъ двинулся дальше и устроилъ на берегу рѣки Огайо такую же колонію „Экономію“, жители которой достигли черезъ короткое время благосостоянія, занимаясь земледѣліемъ и различными промыслами. Широкое поприще открылось для германской эмиграціи послѣ того, какъ Джефферсонъ купилъ въ 1803 г. за 15 милліоновъ долларовъ французскую Луизіану. Теперь въ бассейнѣ рѣки Миссисипи и въ обширныя преріи вплоть до Скалистыхъ горъ потянулись сперва единичныя личности, а затѣмъ цѣлыя партіи нѣмецкихъ піонеровъ. Конечно, въ большинствѣ они принадлежали къ необразованнымъ классамъ и, поэтому, не могли отстоять свою народность отъ англійской культуры. Нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли во вновь открытыхъ для культуры округахъ обширныя земельныя владѣнія, впослѣдствіи давшія имъ большія богатства. Въ 1806 г. въ Америку прибыло нѣсколько сотъ менонитовъ съ нижнаго Рейна и изъ Швейцаріи, которые купили 40.000 акровъ земли недалеко отъ Вульвича въ штатѣ Мэнѣ. Въ слѣдующіе годы въ Америку прибывали, главнымъ образомъ, тѣ нѣмцы, которые убѣгали отъ наполеоновскихъ войнъ и ихъ послѣдствій. Англо-американская война 1812—1815 г., въ которой побѣда осталась на сторонѣ американцевъ и въ которой нѣмецкіе добровольцы изъ Пенсильваніи и Кентукки сыграли важную роль, затруднила на нѣсколько лѣтъ сношенія между Европой и Америкой и уменьшила размѣры эмиграціи. Послѣ заключенія мира началось сильное промышленное оживленіе. Торговля и промышленность стали быстро развиваться, а таможенные доходы достигли такой высоты, что правительство могло отмѣнить всѣ налоги. Извѣстія о такомъ благопріятномъ положеніи дѣлъ въ Америкѣ быстро проникли въ Германію и дали сильный толчекъ нѣмецкой эмиграціи. Этому содѣйствовали и другія причины: усиленіе политической реакціи.

отстутствіе того національнаго подъема, о которомъ тамъ мечтали во времена войнъ за освобожденіе Германіи, крайнее обѣднѣніе малоземельныхъ крестьянъ и ремесленниковъ. Вскорѣ послѣ заключенія Парижскаго трактата 1815 въ Германіи дало себя знать всеобщее истощеніе вслѣдствіе многолѣтнихъ войнъ. Многія семьи лишились своихъ кормильцевъ, другія значительной части своего достоянія, нѣсколько слѣдовавшихъ одинъ за другимъ неурожаевъ вызвали сильное вздорожаніе предметовъ первой необходимости и обострили всеобщую нужду. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ свирѣпствовали голодъ и эпидеміи, дѣла остановились; деньги исчезли изъ обращенія, и повсюду распространилась безработица. Нѣсколько суровыхъ зимъ довели до крайней степени бѣдствія неимущаго класса. Правители заботились прежде всего объ исправленіи вреда, причиненнаго войной, и объ уплатѣ военныхъ долговъ и поэтому были вынуждены прибѣгнуть къ значительному возвышенію налоговъ. Господствующіе классы стремились къ возвращенію своихъ привилегій, сметенныхъ революціонной волной не только во Франціи, но и въ Германіи. Со всѣхъ сторонъ предъ народомъ выростали новыя преграды. Широкими кругами населенія овладѣло мрачное отчаяніе. Въ это время распростанился слухъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ каждый можетъ найти полную свободу и достатокъ. По всей Германіи раздался кличъ: „Въ Америку!" . . . Уже весной 1816 г. въ голландскихъ портахъ скопилось большое число эмигрантовъ, а въ слѣдующемъ году началось переселеніе народовъ. Тысячи людей изъ Швейцаріи, Швабіи и Гессена садились на корабли въ Амстердамѣ; другіе отправлялись черезъ сѣверную Францію и Гавръ. Въ Саксоніи и Тюрингенѣ дороги были покрыты бѣдняками, которые везли съ собою на тачкахъ свои пожитки, направляясь пѣшкомъ въ Гамбургъ или Бременъ. Это волна стала спадать въ 1819 г. съ его мягкой зимой и хорошимъ урожаемъ. Въ 1820 г. вашингтонское статистическое бюро стало отмѣчать германскихъ эмигрантовъ; на первыхъ порахъ записи велись весьма несовершенно, но постепенно достигли большей точности. Въ теченіе ближайшихъ лѣтъ число переселенцевъ изъ Германіи было незначительно вслѣдствіе улучшенія экономическаго положенія. Главный контингентъ эмигрантовъ составляли прусскіе старо-лютеране, недовольные церковной уніей съ реформатами и господствующимъ раціонализмомъ, а также студенты, члены „союза добродѣтели" и приверженцы либеральныхъ идей и національныхъ тенденцій, тяготившіеся усилившейся реакціей. Въ это именно время въ Америку прибыли тѣ борцы за единую свободную великую Германію, которые были отвергнуты своимъ неразумнымъ отечествомъ, въ томъ числѣ такіе люди, какъ Карлъ Фолленъ, Карлъ Бекъ и Францъ Либеръ, первые піонеры нѣмецкой науки въ американскихъ университетахъ, а также Карлъ Антонъ Постль, изображавшій американскую жизнь въ своихъ многочисленныхъ и пользовавшихся большой популярностью романахъ подъ псевдонимомъ Чарльза Сильсфильда. Въ 1825 г. произошелъ опустошительный разливъ Рейна и другихъ рѣкъ, а въ сѣверной Германіи случился сильный недородъ, и хлѣбныя цѣны поднялись очень высоко. Эмиграція опять усилилась, земледѣльцы направлялись по преимуществу въ штаты Огайо, Индіану и Иллинойсъ, а ремесленники и ученые въ большіе города западныхъ штатовъ. Въ это время Америку стали посѣщать также дальновидные нѣмецкіе филантропы, которые задавались цѣлью лично изучить условія американской жизни и отыскать подходящую территорію для массоваго переселенія своихъ бѣдствующихъ соотечественниковъ; но правдивыя изображенія характера янки, ожесточенной партійной борьбы въ представительныхъ собраніяхъ и безстыдной подкупности американской администраціи, данныя ими въ многочисленныхъ брошюрахъ и газетахъ, отпугнули многихъ отъ Америки, и до 1829 г. включительно число эмигрантовъ не превышало нѣсколькихъ сотъ человѣкъ въ годъ.

Только въ 1830 г. начался новый подъемъ эмиграціоннаго движенія, вызванный германскими политическими условіями. Парижская іюльская революція вызвала въ Германіи откликъ въ видѣ цѣлаго ряда демонстрацій, а кое-гдѣ дѣло дошло до серьезныхъ безпорядковъ. Гамбургская демонстрація 1832 г. и франкфуртское покушеніе на союзный сеймъ въ 1833 г. послужили поводомъ къ суровымъ полицейскимъ репрессіямъ противъ политически неблагонадежныхъ. Народные ораторы были арестованы, либеральныя газеты закрыты, а надъ университетами былъ усиленъ полицейскій надзоръ. Всѣ эти репрессіи погнали за море сотни людей. На чужбинѣ они остались вѣрными тѣмъ идеаламъ, за которые пострадали на родинѣ; они стали духовными руководителями американскихъ нѣмцевъ и выступали энергичными защитниками ихъ интересовъ какъ въ рѣчахъ, такъ и въ печати. Стремясь увлечь за собой изъ Германіи и другихъ недовольныхъ и угнетенныхъ, они печатали воззванія въ самыхъ распространенныхъ газетахъ и издавали книги, въ которыхъ жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ изображалась въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ. Эта агитаціонная литература не замедлила оказать свое дѣйствіе. Всѣ, кто не выносилъ господствующаго гнета, уѣзжали въ ту страну, въ которой существовала неограниченная свобода вѣроисповѣданій и свобода слова, народовластіе, самоуправленіе, полная свобода передвиженія, которая не знала никакихъ сословныхъ различій, никакихъ дворянскихъ привилегій, никакихъ цеховыхъ стѣсненіи, никакой военной службы. Число нѣмецкихъ эмигрантовъ, высадившихся въ Нью-Йоркѣ въ 1832 году, превысило 10,000, а въ 1836 г. — 20,000. Въ 1837 г. въ Америку переселились сотни прусскихъ старолютеранъ, не желавшихъ подчиниться новымъ церковнымъ порядкамъ, большая часть ихъ поселилась въ штатѣ Висконсинѣ. Въ слѣдующемъ году въ Америку прибыли на четырехъ корабляхъ послѣдователи проповѣдника Мартина Стефана изъ Дрездена, которые поселились около С.-Луи. Реакція, наступившая въ 1838 г. послѣ тяжелаго экономическаго кризиса въ Америкѣ, имѣла только мимолетное значеніе. Уже въ 1840 г. число эмигрантовъ нѣмцевъ достигло почти 30 тысячъ. Около этого времени сношенія съ Америкой стали болѣе быстрыми, дешевыми и болѣе безопасными вслѣдствіе введенія пароходнаго сообщенія и открытія первыхъ большихъ желѣзнодорожныхъ линій. Въ 1840 г. открылось правильное пароходное сообщеніе между Ливерпулемъ и Нью-Іоркомъ къ удобству, между прочимъ, и нѣмецкихъ эмигрантовъ. Черезъ короткое время примѣру Ливерпуля послѣдовалъ Гавръ, привлекавшій къ себѣ значительную часть переселенцевъ изъ южной Германіи, а еще нѣсколько лѣтъ спустя Гамбургъ и, наконецъ, Бременъ, въ который направлялся потокъ переселенцевъ изъ восточной и сѣверной Германіи, а наиболѣе распространенный прежде маршрутъ черезъ Голландію мало по малу былъ оставленъ. Съ пятидесятихъ годовъ XIX столѣтія громадное число нѣмецкихъ эмигрантовъ уѣзжаетъ уже на германскихъ пароходахъ черезъ Гамбургъ и Бременъ.

Съ 1846 г. эмиграція необычайно усилилась подъ вліяніемъ нѣсколькихъ причинъ. Въ то время изъ Англіи распространился по всей Европѣ опустошительный экономическій кризисъ, вызванный главнымъ образомъ спекуляціей и помѣщеніемъ крупныхъ капиталовъ въ бездоходныя желѣзнодорожныя линіи. Къ этому присоединился въ Германіи неурожай хлѣбовъ и почти полная гибель всего посѣва картофеля, пораженнаго гнилью. Въ Соединенныхъ Штатахъ хлопокъ далъ въ этомъ году плохой урожай вслѣдствіе раннихъ заморозковъ и продолжительной засухи. Сотни прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ въ Европѣ пріостановили работу. Застой распространился и на другія отрасли промышленности, дѣла шли плохо, повсюду происходили банкротства, громадное число рабочихъ было разсчитано, и нищета народныхъ массъ достигла угрожаю-

щихъ размѣровъ. Въ слѣдующемъ 1847 г. положеніе дѣлъ нисколько не улучшилось; въ 1848 и 1849 гг. послѣдовали революціонныя движенія, усугубившія всеобщую смуту. Тогда взоры всѣхъ бѣдствующихъ направились на Америку. Здѣсь уже былъ открытъ для культуры Далекій Западъ по ту сторону Миссисипи вплоть до Тихаго океана, который манилъ переселенцевъ. Сотни тысячъ нѣмцевъ переправились черезъ океанъ и разсѣялись преимущественно по штатамъ Вискосину, Іовѣ и Миннесотѣ, остающимся и понынѣ главными центрами нѣмецкой народности въ Америкѣ. Другіе, искавшіе скорѣе приключеній, чѣмъ сытой и спокойной жизни, уходили дальше черезъ Скалистыя горы въ Калифорнію, гдѣ были открыты въ 1848 году золотыя розсыпи, сулившія сказочную наживу. Въ числѣ эмигрантовъ, прибывшихъ тогда въ Америку, было много образованныхъ людей, не только отстаивавшихъ съ большою рѣшимостью права своихъ соотечественниковъ предъ кореннымъ населеніемъ, но и трудившихся также въ качествѣ „латинскихъ фермеровъ“ и вводившихъ научные пріемы земледѣлія. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Карлъ Шурцъ, черезъ короткое время пріобрѣли на своей новой родинѣ большое политическое вліяніе. Въ 1851 г. нѣмецкая эмиграція въ Соединенные Штаты почти достигла цифры 100,000, въ 1852 г. дошла до 146,000, въ 1854 г. — 215,000. Затѣмъ началось быстрое паденіе эмиграціи, вызванное, съ одной стороны, усиленіемъ партіи „Know nothings“, которая добивалась возможно большаго ограниченія иммиграціи изъ Европы, въ особенности иммиграціи „проклятыхъ нѣмцевъ“, стѣсненія натурализаціи иностранцевъ и отстраненія ихъ отъ всѣхъ государственныхъ и общественныхъ должностей, съ другой стороны обострявшейся съ каждымъ годомъ ожесточенной борьбой между аболиціонистами сѣверныхъ Штатовъ и рабовладѣльцами южныхъ. Было очевидно, что эта борьба должна привести черезъ короткое время къ кровопролитному столкновенію. Послѣ избранія въ президенты Авраама Линкольна разрывъ сдѣлался неизбѣжнымъ; южные Штаты образовали конфедерацію, и въ 1861 г. началась междуусобная война. Вслѣдъ за этимъ въ 1862 г. число нѣмецкихъ переселенцевъ упало до 27,000, въ послѣдующіе годы оно тоже почти не поднималось выше этой цифры. Какъ исконные противники рабства, американскіе нѣмцы стали почти всѣ безъ исключенія на сторону сѣверныхъ Штатовъ, которымъ они дали около 200,000 солдатъ, около сотни офицеровъ и около 20 генераловъ. Только послѣ заключенія мира число нѣмецкихъ переселенцевъ быстро поднялось и перешло за 100,000; этому способствовали событія, происходившія въ это время въ Германіи, именно, война 1866 г., введеніе всеобщей воинской повинности, присоединеніе нѣкоторыхъ германскихъ территорій къ Пруссіи, такъ какъ всѣ эти событія побудили очень многихъ покинуть свою родину. Реакція послѣдовала въ 1869 г.; она была вызвана тяжелымъ денежнымъ кризисомъ, наступившимъ въ Соединенныхъ-штатахъ и достигшимъ своего крайняго напряженія 23 сентября въ знаменитую „черную пятницу“ нью-іоркской биржи. Но затѣмъ послѣдовало снова значительное усиленіе эмиграціи, вызванное франко-прусской войной, недовольствомъ нижнегерманскихъ партикуляристовъ новой Германской имперіей и большимъ крахомъ 1873 г. Для американскихъ нѣмцевъ франко-прусская война имѣла большое моральное значеніе; многіе поступили добровольцами въ германскую армію, другіе посылали деньги для раненыхъ; эмигрантамъ 1849 г. основаніе Германской имперіи представлялось осуществленіемъ ихъ завѣтной мечты и это событіе укрѣпило ихъ національное самосознаніе.

Начиная съ 1874 г., замѣчается снова рѣзкое паденіе нѣмецкой эмиграціи въ Соединенные Штаты, обусловленное постепеннымъ упроченіемъ экономическаго положенія Германіи и возрастающей подкупностью американской администраціи и американскаго суда при президентѣ Грантѣ. Выдающіеся американскіе нѣмцы, какъ напримѣръ, Карлъ Шурцъ, открыто

предостерегали своихъ соотечественниковъ отъ эмиграціи въ Соединенные Штаты. Лишь благодаря стараніямъ президента Гарфильда и Артура положеніе стало улучшаться. Къ концу семидесятыхъ годовъ начался въ Соединенныхъ Штатахъ грандіозный, небывалый экономическій подъемъ. Подъ земледѣліе и скотоводство были заняты громадныя пространства земли и вслѣдствіе возрастанія размѣровъ хозяйствъ они стали давать все большую прибыль. Усиленная эксплоатація природныхъ богатствъ вызвала къ жизни оживленную крупную промышленность, дававшую высокую заработную плату умѣлымъ рабочимъ. Эти благопріятныя условія стали привлекать въ Америку громадное число европейскахъ рабочихъ. Для колонистовъ-земледѣльцевъ тоже открылись въ это время богатыя перспективы во вновь открытыхъ для культуры богатыхъ сѣверо-западныхъ штатахъ. Въ Небраскѣ, Дакотѣ и Монтанѣ плодородная земля пріобрѣталась по очень дешевымъ цѣнамъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ между 1880 и 1893 гг. изъ Европы устремился въ Америку громадный потокъ переселенцевъ. Наивысшей мощи этотъ потокъ достигъ въ 1881--1882 гг., когда число эмигрантовъ поднялось до 250,000. Только въ 1894 г. началось паденіе этой волны, продолжающееся и по настоящее время съ значительными колебаніями. До самой низкой точки она спустилась въ 1898 и 1899 гг., которые дали по 17,000 эмигрантовъ; причины этого паденія лежали частью въ германскихъ, частью въ американскихъ условіяхъ жизни. Въ Германіи росло народное благосостояніе. Германская промышленность, работающая на вывозъ, завоевала всемірный рынокъ и поглощала почти всѣ свободныя руки. Благодѣтельное вліяніе соціальнаго законодательства оградило многія тысячи рабочихъ отъ крайней нищеты, которая служила раньше самымъ сильнымъ стимуломъ къ эмиграціи. Въ то же время перспективы, представлявшіяся эмигрантамъ въ Соединенныхъ Штатахъ, значительно ухудшились. Цѣны на землю поднялись вслѣдствіе роста населенія; поднялись также цѣны на съѣстные припасы и другіе предметы первой необходимости вслѣдствіе роста трестовъ, а заработная плата обнаруживала тенденцію къ пониженію вслѣдствіе массоваго прилива итальянскихъ и славянскихъ рабочихъ, отличавшихся ничтожными потребностями и поэтому работавшихъ за низкую плату. Борьба за существованіе становилась все болѣе трудною вслѣдствіе возрастающей концентраціи капитала и орудій производства въ немногихъ рукахъ. Къ этому присоединились различные законы, изданные конгрессомъ въ видахъ недопущенія нежелательныхъ пришельцевъ. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ нѣмецкая эмиграція въ Соединенные Штаты сильно понизилась, въ то время, какъ раньше нѣмцы и англичане оставляли всѣхъ своихъ конкурентовъ далеко позади себя. Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывается 11 милл. человѣкъ, говорящихъ на нѣмецкомъ языкѣ, уроженцевъ Германіи. По переписи 1900 г. насчитывалось $2^2/_3$ милліона. Въ сѣверныхъ и среднихъ штатахъ нѣмцы составляютъ почти четверть всего населенія; въ Висконсинѣ — почти половину; въ 22 штатахъ и территоріяхъ нѣмцы составляютъ больше 10% всего населенія и только въ 9 — меньше 1%. Въ 21 городѣ насчитывается больше, чѣмъ по 10,000 нѣмцевъ, въ томъ числѣ въ Нью-Іоркѣ свыше 300,000, въ Чикаго почти 200,000.

Въ доступномъ предвидѣнію будущемъ нельзя ожидать значительнаго увеличенія числа нѣмцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ путемъ подкрѣпленій изъ Германіи. Въ дѣлѣ сохраненія своей народности они предоставлены своимъ собственнымъ силамъ. Поскольку рѣчь идетъ о ближайшемъ будущемъ, дѣло это находится въ благопріятномъ положеніи, хотя нельзя отрицать, что англизація безостановочно подвигается впередъ. Сотни нѣмецкихъ школъ заботятся объ обученіи молодого поколѣнія родному языку. Въ государственныхъ школахъ нѣмецкій языкъ тоже занимаетъ видное мѣсто въ учебныхъ программахъ. Многочисленныя лютеранскія

и католическія общины удержали богослуженіе на нѣмецкомъ языкѣ. Въ большей части штатовъ и крупныхъ городовъ, въ особенности въ Пенсильваніи, издаются нѣмецкія газеты, въ томъ числѣ весьма вліятельныя и распространенныя. Непрерывно растетъ беллетристическая и научная литература на нѣмецкомъ языкѣ. Густая сѣть нѣмецкихъ пѣвческихъ, гимнастическихъ, стрѣлковыхъ, военныхъ, благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и школьныхъ обществъ покрываетъ всю территорію союза. Особенно сильнымъ вліяніемъ пользуется „Нѣмецко-американскій учительскій союзъ“ и „Союзъ нѣмецкихъ старыхъ студентовъ“. Къ объединенію всѣхъ американскихъ нѣмцевъ стремится, основанный въ 1901 г. „Нѣкецко-американскій національный союзъ“, задачи котораго заключаются въ энергичномъ отстаиваніи справедливыхъ интересовъ американскихъ нѣмцевъ и въ укрѣпленіи чувства солидарности въ ихъ средѣ. Въ послѣднее время американскіе нѣмцы стали удѣлять вниманіе исторіи своихъ предковъ въ Америкѣ, долгое время остававшейся въ пренебреженіи. Въ нѣкоторыхъ штатахъ, какъ, напримѣръ, въ Мэнѣ, Массачусетсѣ, Пенсильваніи и Иллинойсѣ образовались нѣмецкіе историческіе кружки, объединившіеся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Нѣмецко-американское историческое общество“. Пробужденіе историческаго интереса среди американскихъ нѣмцевъ сказывается также и въ томъ, что съ 1883 г. во всей странѣ празднуется годовщина высадки въ Америкѣ слишкомъ 200 лѣтъ тому назадъ нѣмецкихъ піонеровъ, основателей Джермэнтоуна. Среди американцевъ англо-саксонскаго происхожденія тоже растетъ уваженіе къ нѣмецкому просвѣщенію. Почти повсюду исчезли предразсудки и недовѣріе, которые были широко распространены въ прежнія времена. Президентъ Рузвельтъ разъ выразился такъ: „ни одному элементу эмигрантовъ мы не обязаны въ столь сильной степени, какъ нѣмцамъ“. Вновь основанный германскій музей при Гарвардскомъ университетѣ въ Кембриджѣ въ штатѣ Массачусетсѣ ставитъ себѣ задачей иллюстрировать всѣ важнажнѣйшія стадіи германской культурной жизни отъ первоначальныхъ временъ по настоящее время и стремится стать центромъ научныхъ, художественныхъ и литературныхъ стремленій нѣмцевъ. Германскіе великіе поэты, художники и ученые ни въ какой другой странѣ не имѣютъ столькихъ почитателей, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и прозорливые люди утверждаютъ, что изъ взаимодѣйствія нѣмецкой и американской культуръ разовьется духовная культура будущаго историческаго періода. Главная задача американскихъ нѣмцевъ заключается въ томъ, чтобы вложить какъ можно больше цѣнныхъ элементовъ въ эту зарождающуюся культуру. На сохраненіе же ими на всѣ времена своей національности нѣтъ надежды.

Внѣ Соединенныхъ Штатовъ въ сѣверной Америкѣ насчитывается относительно немного нѣмцевъ, — не болѣе 400,000. Большинство ихъ живетъ подъ британскимъ владычествомъ въ Канадѣ. Здѣсь правительство надѣляло въ теченіе первой половины XIX столѣтія каждаго колониста 50 акрами хорошей плодородной земли. Въ 1822 году въ Канаду прибылъ на развѣдки менонитъ Христіанъ Нафцигеръ изъ Мюнхена, который и основалъ здѣсь колонію своихъ единовѣрцевъ. Позднѣе явились прусскіе старо-лютеране, основавшіе гор. Берлинъ. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ въ Канаду эмигрировали тысячи нѣмцевъ, поселившихся въ плодородныхъ округахъ къ сѣверу отъ великихъ озеръ. На благодатной для разведенія пшеницы почвѣ Манитобы поселились въ 1875 г. 6,000 слишкомъ нѣмецкихъ менонитовъ изъ южной Россіи. Они продожаютъ жить и понынѣ большими селеніями въ то время, какъ остальные нѣмцы живутъ по большей части хуторами и потому скорѣе поддаются ассимиляціи съ англичанами. Въ Лабрадорѣ и Гренландіи подвизались въ теченіе всего XIX столѣтія моравскіе братья, основывавшіе

новыя станціи и посылавшіе миссіонеровъ для распространенія своей вѣры не только среди эскимосовъ, но и среди посѣщающихъ этотъ берегъ рыболововъ. Съ 1885 г. они стали основывать миссіонерскія станціи также въ Аляскѣ и заниматься пропагандой среди туземнаго населенія.

Въ Центральной Америкѣ число нѣмцевъ не велико вслѣдствіе ея жаркаго климата, но тѣмъ не менѣе они пользуются тамъ большимъ экономическимъ вліяніемъ. Въ Мексикѣ живетъ около 5,000 нѣмцевъ, преимущественно купцовъ, инженеровъ и техниковъ. Большинство ихъ проживаетъ въ столицѣ, гдѣ имѣется нѣмецкая школа и издается нѣмецкая газета, другіе живутъ въ портовыхъ городахъ, а нѣкоторые въ качествѣ плантаторовъ въ плодородной приморской полосѣ. Въ промышленность, банковое дѣло, горнозаводское дѣло и плантаціи вложено около 300 милліоновъ марокъ нѣмецкаго капитала. По меньшей мѣрѣ такая же сумма вложена нѣмцами въ различныя предпріятія въ пяти мелкихъ республикахъ центральной Америки, въ которыхъ нѣмцы пріобрѣли значительныя земельныя владѣнія, завели крупныя кофейныя плантаціи и захватили въ свои руки значительную часть торговли, занимаясь также и научными изысканіями. Наиболѣе прочное положеніе занимаютъ нѣмцы въ Гватемалѣ, въ которой нѣсколько гамбургскихъ акціонерныхъ обществъ и крупныхъ купцовъ владѣютъ земельной площадью почти въ 3,000 кв. километровъ и въ которой воздѣлываніе кофе, хлопчатой бумаги, сахарнаго тростника и табака находится преимущественно въ ихъ рукахъ. Въ 1842 г. была сдѣлана однимъ бельгійскимъ обществомъ попытка заселить нѣмцами гватемальскій округъ св. Ѳомы, но это предпріятіе потерпѣло неудачу. Въ Сальвадорѣ, Гондурасѣ и Никарагуа нѣмцы тоже владѣютъ большимъ числомъ плантацій, и нѣмецкія фирмы играютъ крупную роль въ ввозной и вывозной торговлѣ. На побережьи Москито была основана въ 1846 г. нѣмецкая колонія Карлштадтъ, но это предпріятіе было оставлено черезъ короткое время вслѣдствіе нездороваго климата; однако устроенныя въ 1849 г. гернгутерами миссіонерскія станціи существуютъ и понынѣ и развиваютъ плодотворную дѣятельность среди индѣйцевъ несмотря на многократныя притѣсненія, перенесенныя ими. Между 1849 и 1853 гг. германское общество для колонизаціи Центральной Америки переселило въ Костарику нѣсколько сотъ нѣмецкихъ крестьянъ и рабочихъ, Душой этого предпріятія былъ прусскій лейтенантъ Александръ фонъ-Бюловъ, безграничный оптимизмъ и невѣжество котораго привели черезъ короткое время къ полному крушенію всего предпріятія.

На большей части вестъ-индскихъ острововъ тоже встрѣчаются единичные нѣмцы, преимущественно купцы. Въ нѣкоторыхъ важныхъ торговыхъ пунктахъ образовались болѣе или менѣе многочисленныя нѣмецкія колоніи, напримѣръ, на о. св. Ѳомы, въ Портъ-О-Пренсѣ, Кингстонѣ и особенно въ Гаваннѣ, гдѣ нѣмцы имѣютъ свою собственную школу. Колонія нѣмецкихъ плантаторовъ на мысѣ св. Николая на островѣ Гаити процвѣтала въ теченіе довольно продолжительнаго времени, но въ концѣ концовъ разрушилась вслѣдствіе непрерывныхъ смутъ въ этой республикѣ. Болѣе долговѣчными оказались станціи, основанныя гернгутерами на датскихъ и британскихъ вестъ-индскихъ островахъ, какъ то на островѣ св. Ѳомы, св. Іоанна, св. Креста, Ямайкѣ, Антигуѣ, Барбадосѣ, Табаго и Тринидадѣ, гдѣ они обратили въ христіанство много тысячъ цвѣтныхъ и продолжали свою дѣятельность и послѣ освобожденія рабовъ, начавшагося въ 1834 г.

Въ Южной Америкѣ, географическимъ и естественно-научнымъ изслѣдованіемъ которой въ XIX столѣтіи наука обязана преимущественно нѣмецкимъ ученымъ, численность и вліяніе нѣмцевъ непрерывно возрастаютъ. Въ настоящее время нѣмцевъ на этомъ материкѣ насчитывается приблизительно полмилліона. Нѣмецкая торговля занимаетъ второе мѣсто

послѣ англійской, съ которой борется за господство. Нѣмецкій капиталъ вкладывается во все большихъ размѣрахъ въ землю, плантаціи, копи, желѣзныя дороги, электрическія силовыя станціи, пивоваренные заводы и другія прибыльныя предпріятія. Значительная часть денежнаго обращенія совершается при посредствѣ многочисленныхъ филіальныхъ отдѣленій германскихъ банковъ, значительный процентъ пассажирскаго и грузового движенія приходится на германскія пароходныя линіи. 3,000 нѣмцевъ, живущихъ въ Колумбіи, держатъ въ своихъ рукахъ три четверти всей торговли и важнѣйшіе пути сообщенія, въ томъ числѣ пароходство по рѣкѣ св. Магдалины и перевозку почты. Во вновь образовавшейся Панамской республикѣ нѣмцы пріобрѣли большое число плантацій, обѣщающихъ высокій доходъ. Въ Венецуэлѣ они также имѣютъ обширныя плантаціи кофе, какао, хлопка и сахарнаго тростника. Несмотря на всю неустойчивость политическихъ условій въ этомъ государствѣ, въ его столицѣ Каракасѣ живетъ до 500 нѣмцевъ, имѣющихъ свою школу и свою газету. Горная желѣзная дорога, выстроенная нѣмецкими инженерами и на нѣмецкія деньги, идетъ изъ столицы въ Валенсію на разстояніи 130 километровъ. Дальше вглубь материка на возвышенномъ мѣстѣ со здоровымъ климатомъ, но въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, расположена нѣмецкая земледѣльческая колонія Товаръ, основанная въ 1839 г. переселенцами изъ Бадена; жители ея, числомъ 200 душъ, сохранили и по настоящее время нѣмецкіе обычаи и свое швабское нарѣчіе. Въ голландской и британской частяхъ сосѣдней Гвіаны находится много миссіонерскихъ станцій, устроенныхъ моравскими братьями для пропаганды между лѣсными неграми, индѣйцами и рабочими на плантаціяхъ. Нѣсколько попытокъ устройства колоній плантаторовъ, сдѣланныхъ Августомъ Каппперомъ въ 1836 г., кончились неудачей вслѣдствіе убійственнаго климата этой мѣстности. Въ Экуадорѣ нѣсколько гамбургскихъ акціонерныхъ обществъ владѣютъ плантаціями, а нѣмецкія торговыя фирмы захватили въ свои руки вывозъ какао, главнѣйшаго продукта этого государства. Въ Перу живетъ около 2,000 нѣмцевъ: 800 человѣкъ въ столицѣ Лимѣ и такое же число въ трехъ деревняхъ, Кудакнѣ, Тиролѣ и Рейнландѣ, основанныхъ въ 1859 г. на рѣкѣ Поцуцу въ малодоступной мѣстности среди Кордильеръ нѣмецкими крестьянами-католиками. Менѣе значительны нѣмецкіе интересы въ слабой и отсталой Боливіи, въ которой дѣйствуетъ всего одно нѣмецкое горнопромышленное общество да нѣсколько нѣмецкихъ торговыхъ фирмъ. Зато въ Чили живетъ около 20,000 нѣмцевъ изъ Германіи, Швейцаріи и Австріи и существуютъ колоніи со сплошнымъ нѣмецкимъ населеніемъ. Массовой эммиграціи нѣмцевъ въ Чили въ сороковыхъ годахъ былъ данъ толчекъ двумя разбогатѣвшими въ этой странѣ нѣмцами, Бернардомъ Филиппи и Францемъ Киндерманомъ, предпринявшими поѣздку на свою старую родину для вербовки колонистовъ. Между 1848 и 1857 гг. въ Чили прибыло ихъ около 12,000. Они поселились въ плодородной мѣстности между Вальдивіей и Пуэрто Монтъ, преимущественно около Озорно и по берегамъ озера Ланквигуэ, преодолѣли много препятствій и въ концѣ концовъ устроились вполнѣ благополучно. Черезъ нѣкоторое время притокъ колонистовъ ослабѣлъ вслѣдствіе неустойчивости политической жизни въ Чили и, наконецъ, изсякъ почти окончательно. Онъ возобновился снова только въ 1883 г., когда чилійское правительство стало привлекать нѣмцевъ-земледѣльцевъ, предлагая имъ безвозмездно землю, скотъ, орудія, сѣмена, прокормленіе до перваго урожая и пособія на переѣздъ. Нѣсколько тысячъ нѣмцевъ прибыли въ Чили и поселились въ провинціи Вальдивіи и на островѣ Чилоэ. Но такъ какъ правительство нарочно поселило въ перемежку съ ними славянскихъ и романскихъ колонистовъ, то возникли непрерывныя столкновенія. Личная и имущественная безопасность исчезла, и многіе покинули эти негостепріимныя мѣста. Въ

настоящее время чилійскіе нѣмцы стойко отстаиваютъ свою народность несмотря на свои вѣроисповѣдные раздоры, хотя ожиданія ихъ перспективы и не блестящи. Они имѣютъ свои церкви и школы, объединяются во много обществъ, проявляющихъ оживленную дѣятельность, и сохраняютъ до настоящаго времени свой языкъ. Кромѣ земледѣльцевъ и ремесленниковъ въ Чили живетъ также много нѣмцевъ интеллигентовъ, оказавшихъ большое содѣйствіе поднятію нѣмецкой школы.

Въ Аргентинской республикѣ живетъ, какъ полагаютъ, около 60,000 тысячъ нѣмцевъ. Треть этого числа живетъ въ Буэносъ-Айресѣ: это преимущественно швейцарскіе уроженцы. Первые нѣмецкіе піонеры прибыли въ Аргентину въ 1856 г. Они основали въ провинціи Санта-Фе колонію Эсперанца, которая не имѣла успѣха, такъ какъ между колонистами оказались неподходящіе элементы. Въ слѣдующіе годы тоже прибыло нѣсколько сотъ швейцарцевъ, которые разсѣялись по обширной области между рѣками Параною и Уругваемъ и основали маленькія поселенія, какъ-то: Санъ-Хозе, Вилла-Урквиза, Санъ-Жеронимо и др. Нѣмцы-земледѣльцы встрѣчаются въ настоящее время преимущественно въ провинціяхъ Санта-Фе, Кордобѣ и Энтро-Ріосъ, кромѣ того по сосѣдству съ большими городами, которые они снабжаютъ овощами и фруктами. Въ послѣдніе годы они появились и въ Патагоніи, въ которой они занимаются овцеводствомъ; нѣмецкія фермы встрѣчаются даже на р. Галлегосъ, недалеко отъ Магелланова пролива. Надо, однако, оговориться, что нѣмецкимъ колонистамъ грозитъ опасность потонуть въ волнахъ непрерывно растущей итальянской эмиграціи. Въ Уругваѣ живетъ около 5,000 нѣмцевъ, играющихъ крупную роль въ скотоводствѣ и въ приготовленіи мясныхъ экстрактовъ. Большинство ихъ проживаетъ въ столицѣ Монтевидео, а около 2,000 — въ большой колоніи Нуэва Гельвеція. Въ рѣдко населенномъ и плодородномъ Парагваѣ нѣмецкая иммиграція и вліяніе нѣмцевъ непрерывно возрастаютъ благодаря благопріятнымъ для иностранцевъ законамъ. Въ наиболѣе здоровыхъ по климату частяхъ этого государства попадаются цвѣтущія нѣмецкія колоніи; старѣйшая изъ нихъ — Санъ-Бернардино на озерѣ Ипикурай, къ югу отъ Ассунсіона, основанная въ 1483 г. Менѣе удачно расположена колонія Нуэва Германія, основанная докторомъ Бернгардомъ Ферстеромъ, такъ какъ она не имѣетъ удобнаго сообщенія съ вывозными портами. Жители занимаются, главнымъ образомъ, разведеніемъ дерева матэ. Меньшія нѣмецкія колоніи, расположенныя въ окрестностяхъ Ассунсіона, тоже пользуются значительнымъ благосостояніемъ.

Въ Бразиліи нѣмцевъ насчитывается 350,000; половина ихъ живетъ въ самомъ южномъ изъ бразильскихъ штатовъ, Ріо-Гранде-до-Суль; около 80,000 въ Санта-Катарина; по 20,000 — въ штатахъ: Паранѣ, Санто-Пауло, Ріо-де-Жанейро и Эспириту-Санто; остальные живутъ разбросанно въ штатѣ Минасъ Джераэсъ, въ большихъ приморскихъ городахъ на сѣверѣ и по Амазонской рѣкѣ. Въ южной Бразиліи нѣмцамъ удалось сохранить лучше, чѣмъ въ какой либо другой внѣевропейской странѣ, свою національную самобытность, и можно надѣяться, что они и въ будущемъ сохранятъ свое культурное превосходство надъ ниже ихъ стоящими туземцами и итальянскими эмигрантами, и свою тѣсную духовную и экономическую связь съ Германіей. Нѣмецкіе ученые стяжали большія заслуги въ дѣлѣ изслѣдованія этой обширной страны и ея первобытнаго населенія. Стоитъ только назвать такія имена, какъ Вильгельма Людвига фонъ-Эшвеге, принца Максимиліана Вида, Фридриха фонъ Марціуса, Іоганна Спикса, Морица Ругендаса, Франца Келлеръ-Лейцингера, Роберта Аве-Лалемана, Вольдемара Шульца, Іоганна фонъ-Чуди, Карла и Вильгельма фонъ-денъ-Штейненовъ, Павла Эренрейха, Германа Мейера, и др. Начало нѣмецкой эмиграціи въ Бразилію относится къ 1817 году, когда по приглашенію бразильскаго правительства туда переселилось нѣсколько сотъ швейцар-

цевъ-католиковъ изъ кантона Фрейбурга, которые основали колонію Нова-Фрейбурго на безплатно предоставленной имъ землѣ недалеко отъ Ріо-де-Жанейро. Такъ какъ эти колонисты пользовались многими льготами, то за ними послѣдовало много ихъ земляковъ, такъ что число колонистовъ достигло мало-по-малу 1700. Но каменистая, сухая почва давала скудные урожаи, и колонисты не достигли того благоденствія, какого ожидали. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1820 г., одно нѣмецкое общество купило большія пространства первобытнаго лѣса около Леопольдины въ провинціи Бахіи, завело кофейныя плантаціи и привлекло сюда нѣмецкихъ крестьянъ, поразительно быстро приспособившихся къ тропическому климату и вскорѣ достигшихъ благосостоянія. Въ 1822 г. императоръ донъ-Педро привлекъ въ Бразилію 800 слишкомъ католиковъ, уроженцевъ прирейнскихъ провинцій, и передалъ имъ колонію Санто Педро д'Алькантара около Дестерро. Въ 1824 г. онъ завербовалъ къ себѣ на службу отрядъ нѣмецкихъ наемниковъ для упроченія своей власти, поколебленной внутренними смутами. Эти наемники не оказались надежной опорой престола, но такъ какъ они могли быть полезны для увеличенія рѣдкаго населенія Бразиліи, то онъ поселилъ ихъ въ коронныхъ имѣніяхъ Фейторія Вельха и Эстанція Вельха въ провинціи Ріо-Гранде. Ихъ колонія разрослась скоро въ небольшой городокъ, получившій названіе Санто-Леопольдо. Въ 1826 г. были основаны, тоже на государственной землѣ, два нѣмецкихъ селенія въ провинціи Ріо-Гранде: Тресъ Форквильхасъ и Домипго дасъ Торресъ. Въ 1829 г. была основана вновь прибывшими нѣмецкими колонистами колонія Большой Итажахи, въ 1835 — Малый Итажахи, въ 1886 — Домъ Аффонсо, въ 1837 — Барджемъ Гранде, въ 1842 — Сахи, всѣ въ провинціи Санта Катарина. Въ 1847 г. послѣдовало замѣтное усиленіе эмиграціи въ Бразилію въ связи съ экономическими и политическими неурядицами въ Германіи. Представительное собраніе провинціи Ріо Гранде приняло въ это время резолюцію о привлеченіи возможно большаго числа переселенцевъ и удержаніи ихъ въ этой провинціи. Такимъ образомъ возникла въ 1849 г. быстро расцвѣтшая колонія Санта-Круцъ. Общества и частныя лица тоже оказывали содѣйствіе основанію нѣмецкихъ колоній въ Бразиліи. Гамбургское колонизаціонное общество купило у принца Жуанвиля большой участокъ первобытнаго лѣса на сѣверной границѣ провинціи Санта Катарина и основало на немъ большую колонію Дона Франсиска. Въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ аптекарь д-ръ Блюменау, основавшій селеніе на рѣкѣ Итажахи, названное по его имени. Неудачнымъ предпріятіемъ, стоившимъ много жизней, была колонія, основанная въ 1851 г. въ лихорадочной мѣстности на рѣкѣ Ріо-Мукури, на границѣ провинцій Эспирито-Санто и Минасъ Джераэсъ. Въ пятидесятыхъ годахъ были основаны въ провинціи Ріо-Гранде быстро разросшіяся колоніи Мундо Ново, Конвентосъ, Эстрелла, Нова Петрополисъ, Санто Лауренсо и многія другія, жители которыхъ достигли значительнаго благосостоянія благодаря своему неутомимому трудолюбію.

Гораздо болѣе печальной оказалась судьба другой части нѣмецкихъ эмигрантовъ въ Бразиліи. Въ 1830 г. былъ изданъ законъ, воспрещавшій ввозъ черныхъ рабовъ въ Бразилію. Плантаторы, нуждаясь въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ, отправили агентовъ въ Германію для вербовки неимущихъ людей всякаго рода. Тысячи людей плѣнились лживыми обѣщаніями, и заключили такъ называемые полуарендные договоры (Parceria), по которымъ имъ предоставлялся безплатный переѣздъ съ условіемъ отработать стоимость переѣзда и данной имъ земли. Эти договоры были обставлены такимъ образомъ, что эмигранты не выходили изъ долговъ и мало-помалу впали въ тяжелую кабалу. Многіе изъ этихъ бѣлыхъ рабовъ погибли отъ лишеній и болѣзней. Нѣмецкіе путешественники, видѣвшіе на мѣстѣ и описавшіе всѣ эти ужасы, предостерегали самымъ настойчивымъ образомъ своихъ соотечественниковъ отъ эмиграціи въ Бразилію. Прусское прави-

тельство произвело разслѣдованіе, обнаружившее чрезвычайно печальные факты. Будучи безсильно помочь злу, оно ограничилось тѣмъ, что запретило въ 1859 г. всякую пропаганду эмиграціи въ Бразилію (циркуляръ министра Гейдта); другія нѣмецкія правительства сдѣлали подобныя же распоряженія. Хотя нѣмецкая эмиграція въ Бразилію остановилась, вслѣдствіе этого, на цѣлые десятки лѣтъ, тѣмъ не менѣе нѣмецкія колоніи въ южныхъ провинціяхъ этого государства развились вполнѣ благополучно благодаря естественному приросту населенія, несмотря на слабость центральнаго правительства, испорченность чиновниковъ, продажность суда и насилія мѣстной администраціи. Политическіе перевороты почти не отражались на жизни этихъ колоній. Во время революціи 1892 г., низвергшей имперію, нѣмецкіе колонисты держались нейтрально, не позволяя вступать на свою землю ни правительственнымъ войскамъ, ни повстанцамъ. Въ 1896 г. гейдтовскій циркуляръ былъ отмѣненъ въ виду измѣнившихся условій, и нѣмецкая эмиграція въ Бразилію стала быстро возрастать. Вскорѣ возникло нѣсколько новыхъ, многообѣщающихъ колоній, какъ-то: Ганза въ штатѣ Санта Катарина, основанная ганзейскимъ колонизаціоннымъ обществомъ, и колоніи Новый Вюртембергъ и Ксингу въ штатѣ Ріо-Гранде, основанныя докторомъ Германомъ Мейеромъ изъ Лейпцига. Затѣмъ для колонизаціи открылась новая территорія въ области бывшихъ іезуитскихъ миссій, на аргентинской границѣ.

Такимъ, образомъ къ концу XIX столѣтія нѣмцы разселились по всему свѣту, такъ что въ настоящее время можно сказать съ полнымъ основаніемъ, что нѣмецъ вездѣсущъ. Рядомъ съ вывозомъ людей шелъ грандіозный вывозъ культурныхъ цѣнностей, капитала и товаровъ всякаго рода. Оба эти фактора подняли нѣмецкое вліяніе до такой степени, что оно уступаетъ только англо-саксонскому.

IV. Методологическое резюме выводовъ „Всемірной исторіи".

Соч профессора **Томаса Ахелиса.**

Нижеслѣдующія страницы даютъ краткое резюме выводовъ, получающихся, благодаря новому расположенію матеріала, принятому въ настоящей всемірной исторіи, и новому матеріалу, вошедшему въ ея составъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій эпилогъ имѣетъ цѣлью изобразить на основаніи подвергнутаго обработкѣ матеріала или хотя бы только набросать нѣсколькими штрихами перспективу будущаго **современной исторической науки**, дать очеркъ того, что называлось раньше философіей исторіи.

1. Выводы.

Въ расположеніи матеріала рѣшающее значеніе придавалось исключительно **географической** точкѣ зрѣнія, связывающейся безъ натяжки съ этнографической. Обычно примѣняемыя основанія дѣленія исторіи въ родѣ ребяческаго хронологическаго дѣленія на древніе, средніе и новые вѣка (которое развивается и дополняется и понынѣ), равно какъ и соціологическія и культурно-историческія схемы съ различными подраздѣленіями были отброшены, какъ искусственныя попытки, не соотвѣтствующія дѣйствительному теченію исторической жизни, какіе бы прекрасные результаты ни давали подобныя спеціальныя изысканія въ частныхъ случаяхъ и въ рѣзкоограниченныхъ областяхъ. Что въ настоящемъ сочиненіи необходимо было оставить въ сторонѣ споры о прогрессѣ въ исторіи и въ болѣе широкомъ смыслѣ о щекотливой теоріи цѣлесообразности, споры, въ которыхъ замѣчается больше риторики и страстности, чѣмъ научнаго безпристрастія и трезвости, — это подразумѣвалось само собой, хотя при разсмотрѣніи частныхъ вопросовъ здѣсь тоже наблюдались эти процессы развитія; мы подчеркиваемъ это еще разъ, такъ какъ наше отрицательное отношеніе къ нимъ имѣетъ значеніе для нашихъ дальнѣйшихъ психологическихъ разсужденій. Географическая точка зрѣнія вкладывается безъ всякой натяжки, какъ справедливо указываетъ Гельмольтъ (см. т. I, введеніе), въ рамки „**ойкумены**“ (какъ выражается Ратцель), т. е. уже готоваго зданія нашей земли, поскольку она преобразована рукой человѣка, и намъ незачѣмъ придумывать искусственной системы, которой приходится еще отстаивать съ большимъ трудомъ свое право на существованіе. Мы начали съ Америки исключительно изъ практическихъ соображеній, а не потому, что, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, въ этой части свѣта слѣдуетъ искать такъ называемаго первобытнаго фокуса культуры: это была бы опять-таки праздная спекуляція, неумѣстная на страницахъ строго-научной всемірной исторіи. Какія руководящія точки соприкосновенія обрисовываются въ такой географической перспективѣ, ведущей насъ широкой дугой отъ Новаго Свѣта къ Старому, это выяснится изъ нижеизложеннаго изслѣдованія. Для предупрежденія слишкомъ поспѣшныхъ надеждъ и разочарованій оговоримся заранѣе, что мы будемъ отмѣчать такія культурныя воздѣйствія лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ ихъ очевидность напрашивается сама собой, держась въ сторонѣ отъ

всякихъ фикцій, всякихъ искусственныхъ построеній, искажающихъ факты. Это относится, въ особенности, къ такъ называемымъ начаткамъ историческаго развитія, во многихъ случаяхъ видимымъ лишь въ мерцающемъ свѣтѣ миѳа и устнаго преданія. Напротивъ того, мы попадаемъ сразу на твердую почву дѣйствительности, когда мы желаемъ показать, какъ плодотворно воздѣйствовали одна на другую рѣзко опредѣленныя культуры, по общему признанію, вступавшія между собою въ обоюдный обмѣнъ (укажемъ для примѣра на эллинизмъ и іудаизмъ, Византію, какъ точку соприкосновенія между Востокомъ и Западомъ, исламъ и христіанство въ Испаніи до 1492 г.). Тутъ культурно-историческое психологическое изслѣдованіе основывается на прочныхъ данныхъ. Обращая свои взоры къ общей картинѣ всей исторіи, мы встрѣтимъ предъ собою нерѣдко удручающіе пробѣлы: всемірная исторія выглядитъ, по выраженію Шиллера, собраніемъ черепковъ — нужно примириться съ этимъ; но въ отдѣльныхъ случаяхъ предъ нами обрисуются съ полной отчетливостью тѣ, можно сказать, органическія ступени культурнаго процесса, пережитаго самыми различными народными организмами, которыя дадутъ намъ основаніе надѣяться, что въ концѣ нашего изслѣдованія мы найдемъ нѣкоторыя общія руководящія точки зрѣнія на историческое развитіе (часто съ излишней поспѣшностью называемыя законами). Вдобавокъ ко всему сказанному отмѣтимъ, что изложеніе исторіи каждаго материка начинается съ начатковъ исторической жизни (принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, а не ограничиваясь только рамками письменныхъ памятниковъ) и заканчивается настоящимъ временемъ; поэтому исторія Америки заканчивается присоединеніемъ Кубы, — моментомъ, съ котораго Соединенные Штаты начали заниматься всемірной политикой въ крупномъ стилѣ и выступили, такимъ образомъ, изъ своихъ прежнихъ узкихъ рамокъ.

Что касается Новаго Свѣта, то по отношенію къ нему научно доказано, что все его сильно расчлененное развитіе вплоть до эпохи открытія Америки связано непрерывной связью, отмѣченной самыми разнообразными періодами подъема и катастрофами, въ которыхъ удается различить грубые первобытные народы рядомъ съ сравнительно гораздо болѣе развитыми государственными организаціями, причемъ не удается подмѣтить никакого вліянія, которое свидѣтельствовало бы о соприкосновеніи съ народами другихъ частей свѣта. Но, какъ бы ясно ни обрисовывалась самостоятельность исторіи Америки, этимъ еще не рѣшается вопросъ о древнѣйшемъ мѣстопребываніи человѣческаго рода, хотя и можно охотно признать, что именно въ Америкѣ изслѣдователи доисторической жизни человѣка и геологи нашли, повидимому, самые древніе слѣды его существованія. Не менѣе важно признаніе другого факта, нерѣдко неистово оспариваемаго. Принято думать, что испанцы разрушили посредствомъ грубой силы культуру, распускавшуюся пышнымъ цвѣтомъ и подававшую самыя блестящія надежды; но такое мнѣніе основывается на романтическихъ мечтаніяхъ и незнакомствѣ съ фактическимъ матеріаломъ. Нисколько не прикрашивая поведенія бѣлаго человѣка, можно доказать, что какъ царство ацтековъ, такъ и царство инковъ страдали внутренней гнилью и были близки къ гибели. Въ противномъ случаѣ не удалось бы завоевать ихъ кучкѣ искателей приключеній съ нѣсколькими энергичными предводителями во главѣ. А что болѣе слабые племена покоряются воинственными представителями болѣе сильнаго племени, въ особенности снабженнаго лучшими техническими вспомогательными средствами, это одинъ изъ немногихъ общихъ законовъ исторіи культуры, который находитъ себѣ подтвержденіе при каждомъ подобномъ столкновеніи. Детальное изложеніе этого процесса, этого физическаго и психическаго вымиранія краснокожихъ, опять-таки окруженнаго романтическимъ ореоломъ, выходитъ изъ рамокъ настоящаго очерка.

Испанцы, португальцы, голландцы, французы, англичане боролись за первенство въ Америкѣ, пока, наконецъ, руководящая роль не досталась сплоченному союзу государствъ, Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Тутъ совершился отчасти на нашихъ глазахъ интересный культурный процессъ, значеніе котораго для будущаго нельзя изобразить даже приблизительно. Этнографъ сможетъ только установить, что тутъ образовалась новая раса съ рѣшительнымъ преобладаніемъ германскихъ элементовъ, которая составитъ, по всей вѣроятности, весьма сильную конкуренцію своей старой родинѣ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ экономическомъ и политическомъ, такъ и въ умственномъ. И здѣсь мы хотимъ отдѣлить факты отъ гипотезы, которую мы отмѣтили мимоходомъ, такъ какъ она навязывается намъ самымъ положеніемъ вещей. Факты заключаются въ колонизаціи Новаго Свѣта, продолжающейся нѣсколько столѣтій и наложившей на него совершенно новую печать, и въ обусловленномъ этимъ явленіемъ постепенномъ отдѣленіи его отъ метрополіи, въ свою очередь давшемъ толчекъ ко все болѣе мощному расширенію его собственной сферы. Какъ на особую главу американской исторіи, опять-таки имѣющую наибольшую привлекательность для этнографа, слѣдуетъ указать на ту проблему, насколько мѣшаютъ или способствуютъ этому быстрому упроченію молодой энергичной американской бѣлой расы посторонія негритянскія примѣси. До настоящаго времени онѣ оказывали задерживающее вліяніе, но и въ этомъ случаѣ останавливаться на безпочвенныхъ пророчествахъ было бы напрасной потерей времени.

Такимъ образомъ Америка ясно связывается съ Европой (замѣтимъ, между прочимъ, что въ настоящемъ сочиненіи доколумбовскій періодъ впервые излагается достаточно подробно), и отсюда открывается интересная культурно-историческая перспектива, основанная исключительно на эмпирическихъ данныхъ и не имѣющая въ себѣ ничего спекулятивнаго. Второй томъ ведетъ насъ въ Восточную Азію и Океанію. Для глаза, свыкшагося съ географическими вопросами, пробѣлъ здѣсь только кажущійся. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что, какъ указалъ редакторъ, изъ Америки черезъ Тихій океанъ, которымъ заканчивается I томъ, ведутъ три указанныхъ самой природой большихъ пути: сѣверный — изъ Аляски черезъ Берингов проливъ въ Восточную Сибирь, далѣе — путь черезъ водную пустыню, намѣчаемый пароходной линіей Санъ-Франциско — Іокагама, ведущій въ Британію Тихаго океана, наконецъ, южный путь, ведущій черезъ разсѣянные острова Полинезіи въ Австралію и Индонезію. Такъ какъ самобытная историческая жизнь крайняго сѣвера весьма скудна, а достовѣрная исторія Австраліи, при всей ея многосторонности, весьма юна, то мы избрали, не задумываясь, средній путь, т. е. начали II томъ съ исторіи Японіи, а затѣмъ перешли къ ея естественнымъ сосѣдямъ. Китаю и Кореѣ. Отъ нихъ естественнѣе всего переходъ къ средне-азіатской возвышенности и Сибири, а за ними удобнѣе всего было помѣстить относящуюся почти исключительно къ самымъ послѣднимъ столѣтіямъ исторію пятой части свѣта съ ея многочисленными придатками. Состоящая изъ трехъ отдѣловъ вторая половина этого тома заполнена индійской культурной сферой во всей ея совокупности. Передняя и Задняя Индія, Малайскій архипелагъ и Индѣйскій океанъ составляютъ во всемъ своемъ историческомъ прошломъ замкнутое цѣлое, котораго нельзя было разрывать (см. предисловіе къ I т.). Такимъ образомъ получается руководящая географическая связь и, что еще важнѣе, въ искусной обработкѣ эта связь превращается во внутреннюю историческую. Въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе имѣетъ еще одна точка зрѣнія, тоже отмѣченная Гельмольтомъ, — все ярче выступающее значеніе Востока для Запада. Изреченіе: „Съ Востока идетъ свѣтъ“ (Ex oriente fit lux) постепенно подтверждается фактами въ тѣмъ большей мѣрѣ, чѣмъ глубже проникаетъ

въ таинственныя взаимныя отношенія между обѣими культурными сферами историческое и въ особенности археологическое изслѣдованіе; стоитъ только вспомнить объ эллинизмѣ, переселеніи народовъ и крестовыхъ походахъ! Тутъ мы можемъ изучать наглядно интересный культурный процессъ, оказывающій самое прочное вліяніе во всѣхъ областяхъ, не только въ области философіи и искусства, но и въ области религіи, не говоря уже о матеріальныхъ благахъ. Выдающіеся, высоко образованные китайскіе императоры пользовались дарами европейской культуры; многія изображенія Будды явно напоминаютъ черты греческаго бога свѣта Аполлона. И въ этой части всемірной исторіи разыгрывается типическій процессъ; на фонѣ первоначально изолированнаго и покрытаго густымъ туманомъ положенія страны и народа вырисовывается постепенно увлекательная картина широко развѣтвленнаго историческаго развитія, раньше или позже приходящаго въ соприкосновеніе съ задающей тонъ европейской культурой. Эти начатки, восходящіе отчасти почти къ палеонтологическимъ періодамъ, служатъ повсюду исходной точкой изложенія; затѣмъ слѣдуетъ изложеніе достовѣрной части мѣстной исторіи до ея слiянія съ нашей современной эволюціей.

Изъ этого богатаго запаса духовной жизни мы выдѣляемъ имѣющую для насъ такое большое значеніе исторію Передней Индіи. Первобытный періодъ ея заполняется истребительными войнами между туземной расой и свѣтлой расой завоевателей, между дравидами и арійцами. Образовавшійся изъ смѣшенія обѣихъ этихъ расъ индусскій народъ опять лишь съ трудомъ защищается отъ вражескихъ нападеній вторгающихся съ сѣверо-запада семито-турано-монгольскихъ племенъ; исламъ неоднократно подчиняетъ своей власти эту страну, пока, наконецъ, короткій, продолжающійся всего полтораста лѣтъ новый историческій періодъ не приводитъ къ побѣдѣ надъ магометанами и индусами выше стоящихъ въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ европейцевъ. Первобытное населеніе обладало уже извѣстной культурой, на что указываютъ уже филологическія данныя; все же имѣло оправданіе ясно выраженное въ великихъ эпическихъ твореніяхъ арійцевъ сознаніе ими своего достоинства; у этихъ арійцевъ совершался постепенный переходъ политической власти и вліянія отъ аристократіи къ жреческому сословію. За этимъ арійскимъ вторженіемъ послѣдовали еще многія другія, отчасти разукрашенныя впослѣдствіи легендой, какъ, напримѣръ, вторженіе ассирійскихъ и персидскихъ царей; самое знаменитое изъ нихъ — походъ Александра Великаго, который дошелъ до рѣки Гифазиса и затѣмъ вынужденъ былъ вернуться, причемъ свое войско ему пришлось вести обратно отчасти чрезъ страшную пустыню Гедрозію. Мегастену, греческому намѣстнику царя Александра, Западъ обязанъ первыми достовѣрными свѣдѣніями о чудесной странѣ Индіи. Къ этому періоду относится также возникновеніе и распространеніе буддизма, впослѣдствіи вытѣсненнаго и извращеннаго браманизмомъ. Это ученіе, впослѣдствіи окаменѣвшее и превратившееся въ мертвыя формулы, получило свое наиболѣе яркое выраженіе въ фигурѣ великаго идеальнаго царя Асоки (269—232 г. до Р. Х.), который говорилъ: „Всѣ люди для меня — какъ бы мои дѣти. Какъ я своимъ дѣтямъ желаю всякаго счастья на этомъ и на томъ свѣтѣ, такъ желаю его и всѣмъ людямъ“. Ни одинъ царь, говоритъ Эмиль Шмидтъ, не пользуется такимъ глубокимъ почитаніемъ черезъ тысячи лѣтъ послѣ своей смерти, какъ Асока, имя котораго и теперь еще произносится съ величайшимъ благоговѣніемъ милліонами людей отъ береговъ Чернаго моря до самыхъ крайнихъ острововъ Восточной Азіи и отъ полярнаго круга до экватора. Онъ обязанъ своей славой не своему громадному политическому могуществу, а своему евангелію любви къ ближнему, съ которымъ онъ выступилъ въ защиту ученія Гаутамы. Въ XVI столѣтіи по-

явился достойный его двойникъ въ лицѣ монгольскаго царя Анбара, величайшаго изъ государей, сидѣвшихъ на индѣйскомъ престолѣ. Правовѣрный магометанинъ, онъ часто пускался въ длинныя бесѣды о религіозныхъ проблемахъ съ браминскими жрецами и католическими миссіонерами и былъ образцомъ истиннаго просвѣщенія и вѣротерпимости. Магометанскій періодъ (1001—1740 гг.), въ началѣ ознаменованный дикой борьбой между исламомъ и индуизмомъ, привелъ мало-по-малу — до извѣстной степени — къ внутреннему соглашенію, такъ что власть по долгу могла оставаться въ рукахъ одной и той же династіи. Послѣдній отдѣлъ заполняется покореніемъ Индіи Англіей, обусловленнымъ экономическими и политическими причинами. Постановленіемъ Великобританскаго парламента отъ 29 апрѣля 1876 г. Индія была провозглашена имперіей и такимъ образомъ вошла въ составъ гигантскаго зданія англійскаго всемірнаго государства, являясь одной изъ самыхъ драгоцѣнныхъ его составныхъ частей. Индѣйскій океанъ пріобрѣтаетъ историческое значеніе посредника, и въ этомъ обнаруживается опять-таки громадное значеніе торговыхъ интересовъ въ современной политической жизни. Жизненнымъ вопросомъ является для Англіи обезпеченіе своей гегемоніи отъ всякихъ посягательствъ посредствомъ удержанія въ своихъ рукахъ этого пути, ведущаго какъ въ Индію, такъ и въ Австралію. Станціей на этомъ пути является Южная Африка, захваченная поэтому дальновидными англичанами раньше, чѣмъ Наполеонъ успѣлъ осуществить свои планы. И тутъ повторяется та же драма, на которую мы уже указывали: въ началѣ обособленное развитіе, по большей части, на тѣсномъ пространствѣ, затѣмъ упорная борьба между чуждыми другъ другу племенами, выработка благодаря этимъ взаимнымъ соприкосновеніямъ и вліяніямъ новой культуры, и наконецъ, вовлеченіе новой области благодаря европейскимъ арійцамъ въ сферу всемірной исторіи, въ силу чего создаются совершенно новыя историческія констелляціи. Британія подчинила себѣ Индію, вслѣдъ за чѣмъ отсюда потекли къ европейской духовной жизни широкіе оплодотворяющіе потоки; подобнымъ же образомъ Россія шагъ за шагомъ расширяла свое могущество въ Средней Азіи и на Средне-азіатской возвышенности, производя переворотъ въ исторіи населяющихъ эти области народовъ, втягивая ихъ въ сферу жгучихъ вопросовъ современной политики. Еще болѣе яркой иллюстраціей той связи, которая можетъ создаться между совершенно уединенными, защищенными почти непроходимыми горами и безплодными пустынями уголками земли съ одной стороны и широкими цѣлями и задачами нашей современной государственной жизни съ другой стороны, можетъ служить британская экспедиція въ Тибетъ 1904 г. Именно это болѣе глубокое пониманіе историческихъ соотношеній принадлежитъ къ числу самыхъ отрадныхъ пріобрѣтеній, связываемыхъ нами теперь съ понятіемъ о „всемірной“ исторіи.

Параллель съ Восточной Азіей составляетъ болѣе близкая къ намъ въ географическомъ, а поэтому также и въ историческомъ отношеніи Западная Азія, заполняющая третій томъ вмѣстѣ съ Африкой (со включеніемъ рѣзко обособленнаго на первый взглядъ сѣверо-восточнаго ея члена, Египта). И здѣсь также для безпристрастнаго взора отчетливо выступаетъ связь между настоящимъ и прошлымъ. Какъ бы ни истолковывались вліянія на греческую культуру, исходившія изъ передней Азіи и Египта, отрицать ихъ можетъ только тотъ, кто готовъ отрицать вообще всякую историческую дѣйствительность. Что греки, правда, гордые своими собственными культурными пріобрѣтеніями, но въ то же время надѣленные рѣдкимъ даромъ усвоенія и большіе охотники до путешествій, были застрахованы отъ всякаго иноземнаго вліянія, съ которымъ они сталкивались — это и само по себѣ невѣроятно, и опровергается безспорными археологическими находками и историческими извѣстіями. Авторъ соот-

вѣтствующаго отдѣла Гуго Винклеръ съ полнымъ основаніемъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Грандіозную картину безнадежнаго паденія старой и блестящей культуры представляетъ для наблюдателя западная Азія. Нужна громадная работа для того, чтобы возобновить разрушенное, снова заселить опустѣвшія нивы и сдѣлать возможнымъ духовный и экономическій прогрессъ населенія. Только Европа можетъ взять на себя руководство въ этомъ дѣлѣ и хоть отчасти уплатить долгъ благодарности за то неизмѣримо богатое наслѣдіе, которое она получила отъ древнихъ народовъ западной Азіи. Одно уже то обстоятельство, что только теперь взоры европейскихъ культурныхъ народовъ начинаютъ обращаться къ западной Азіи, показываетъ, какое ничтожное положеніе занимаетъ эта страна по отношенію къ странамъ активной культурной работы и какія препятствія ставшій неподвижнымъ исламъ ставитъ всѣмъ попыткамъ возвратить западной цивилизаціи хотя бы только приморскія страны. Но переворотъ уже начался. Суэцскій каналъ снова направилъ міровую торговлю по ея старому пути черезъ Красное море; европейскіе пароходы уже возятъ паломниковъ изъ Персіи и Индіи въ Мекку; но для западной Азіи безконечно важнѣе будетъ сооруженіе желѣзнодорожной линіи, которое откроетъ опять старый несравненный торговый путь отъ Персидскаго залива къ гаванямъ Сиріи, особенно, если въ то же время пройдетъ рельсовый путь изъ Константинополя черезъ Малую Азію къ Евфрату. Тогда откроется новая страница въ исторіи западной Азіи и, какъ нѣкогда, земледѣлецъ снова одержитъ побѣду надъ кочевникомъ и духъ созиданія надъ духомъ разрушенія“. (Ср. томъ III). Современные изслѣдователи усердно трудятся надъ раскрытіемъ, можетъ быть, сомнительныхъ въ отдѣльныхъ деталяхъ, но въ общемъ уже безспорныхъ нитей, которыя тянутся изъ вавилонскаго центра черезъ греческій архипелагъ къ европейской культурѣ. Даже подъ знаменемъ ислама въ средней Азіи процвѣтала богатая, даже блестящая культура, затмевавшая современную ей христіанскую средневѣковую культуру. Въ Багдадѣ, этомъ центрѣ оживленнаго общенія самыхъ различныхъ этническихъ элементовъ, въ которомъ скрещивались большіе торговые пути изъ Индіи и Византіи, изъ Китая и Аравіи, возникла достойная удивленія культура, къ какой исламъ обыкновенно считается неспособнымъ, какъ религія, враждебная просвѣщенію и искусству. Самыя различныя религіозныя и философскія направленія мирно уживались здѣсь другъ съ другомъ. Трезвый, острый умъ араба работалъ бокъ-о-бокъ съ живой фантазіей иранца, но больше всего процвѣтало подъ вліяніемъ эллинизма изученіе сочиненій Аристотеля, который сталъ оракуломъ мусульманскаго міра, по выраженію Генриха Шульца; что арабы занимались также грамматикой, риторикой и, въ особенности, своей излюбленной астрономіей — это разумѣется само собою. Сношенія Багдадскаго халифата съ Западной Европой, именно, съ Карломъ Великимъ, общеизвѣстны, но практическое значеніе ихъ не велико.

А ф р и к а, до недавняго времени остававшаяся „темнымъ материкомъ“, сохраняетъ по прежнему свою нерасчлененность и замкнутость. Безъ сомнѣнія, всякій пойметъ колебанія осторожнаго составителя соотвѣтствующей главы, который говоритъ: кто могъ бы отважиться написать въ настоящее время настоящую „исторію“ Африки въ смыслѣ цеховой науки? Орудія историковъ ломаются объ эти скалы. Только культурные народы Европы, Америки и Азіи снабжаютъ понятными свѣдѣніями изслѣдователя, который спрашиваетъ у нихъ объ ихъ прошломъ; они обладаютъ въ изобиліи историческими документами и лѣтописями; при посредствѣ своихъ письменъ они оставили по себѣ неизгладимую память. Африканецъ могъ бы намъ разсказать лишь темныя, сомнительныя преданія, саги, а исторія въ нашемъ смыслѣ, начинающаяся со времени вмѣшательства европейцевъ, остается только жалкимъ отрывкомъ“ (т. III,

стр. 378). Несмотря на это, болѣе глубокое изслѣдованіе (конечно, въ ограниченныхъ областяхъ) открыло нѣкоторую историческую послѣдовательность (напримѣръ, въ отдѣльныхъ негритянскихъ царствахъ и династіяхъ) тамъ, гдѣ раньше не видѣли ничего кромѣ безсмысленныхъ убійствъ и попиранія всякой культуры; именно здѣсь (срав. стр. 326) прежнее узкое и довольно безотрадное пониманіе всемірной исторіи смѣнилось болѣе широкимъ, благодаря современному народовѣдѣнію, умѣющему подмѣчать своимъ опытнымъ взоромъ духовный ростъ человѣческаго рода. „Наша всемірная исторія", говоритъ поэтому издатель, „задается цѣлью подвинуть впередъ пониманіе всего историческаго развитія въ совокупности, содѣйствовать раскрытію причинъ жизни на землѣ. Она далека отъ какой бы то ни было догматической руководящей идеи; историческое познаніе является у нея самоцѣлью; но уже существованіе такой всемірной исторіи само по себѣ приводитъ къ подобной руководящей идеѣ. Одно уже описаніе такъ называемыхъ первобытныхъ, „не имѣющихъ исторіи", и нѣкоторыхъ полукультурныхъ народовъ даетъ намъ, безъ сомнѣнія, болѣе полное и надежное представленіе обо всемъ томъ, что толкало впередъ или, наоборотъ, задерживало процессъ развитія „историческихъ" народовъ во всѣ историческія эпохи, а также и въ нашу собственную, чѣмъ какое могли имѣть послѣдователи того болѣе стараго направленія, которое гордо проходило мимо этихъ отпрысковъ рода человѣческаго, какъ не представляющихъ собою ничего поучительнаго. Тотъ, кто будетъ внимательно читать „Народовѣдѣніе" Ратцеля, быстро убѣдится, какое громадное количество историческаго матеріала использовано въ этомъ сочиненіи. Подобно тому, какъ молодая частная наука народовѣдѣнія всегда будетъ нуждаться въ помощи своей болѣе опытной сосѣдки, исторіи, историческая наука, старающаяся расширить свои рамки, тоже не обойдется безъ народовѣдѣнія: по своему внутреннему существу обѣ эти науки — родныя сестры, разница между ихъ методами и основными идеями только количественная. Нужно, наконецъ, покончить съ укоренившимся предразсудкомъ, будто этнологическое изслѣдованіе не должно входить въ составъ историческаго (см. предисл. къ I тому). Въ краткихъ словахъ нельзя передать той массы фактовъ, которую дала намъ Африка, въ особенности въ области изученія религіи, для выясненія психологической стороны первобытныхъ воззрѣній. Но и помимо этого она заключаетъ въ себѣ множество цѣнныхъ историческихъ сокровищъ и остатковъ, не говоря уже о сѣверной ея окраинѣ, издревле находившейся подъ особенно плодотворнымъ культурнымъ вліяніемъ, какъ часть побережья Средиземнаго моря. Сказанное относится, напримѣръ, къ развалинамъ городовъ и каменныхъ сооруженій въ восточной Африкѣ, происхожденіе которыхъ и понынѣ еще не установлено съ полной достовѣрностью. Сюда же относится замкнутое военное государство зулусовъ, или на западномъ берегу Африки столица царства Лованго Банза Ловангири, или же прежнее царство Конго, столицу котораго Абассе посѣтилъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Бастіанъ, вывезшій оттуда много цѣнныхъ научныхъ свѣдѣній. Что касается Египта, то онъ входитъ въ составъ Африки въ географическомъ, но не въ культурномъ отношеніи; со всевозрастающей очевидностью выясняется культурное родство его съ Азіей и Средиземноморскимъ поясомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова, въ виду чего нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напримѣръ, этнографъ Фридрихъ Мюллеръ принимаютъ особую средиземную расу. Уже въ очень ранній историческій періодъ мы видимъ въ Египтѣ два народа различнаго типа, и можемъ установить здѣсь несомнѣнное азіатское вліяніе. Чудесная страна, которая вызывала къ себѣ живой интересъ уже у грековъ, находилась въ болѣе или менѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ богатымъ культурнымъ населеніемъ Средиземнаго моря и прилегающихъ къ нему странъ, поскольку вообще можетъ быть прослѣ-

жена историческая жизнь. Давно утратившая свое былое величіе, запустѣлая и заброшенная страна эта на нашихъ глазахъ снова стала ареной дѣятельности европейскихъ финансистовъ благодаря британской дѣловитости и британской энергіи; еще гораздо раньше неудачная экспедиція Наполеона имѣла своимъ результатомъ то, что лингвистика, миѳологія и археологія, антропологія и народовѣдѣніе принялись за расшифровку тѣхъ своеобразныхъ рунъ, которыя знакомятъ насъ съ исторіей этой страны.

IV томъ рисуетъ болѣе детально уже отмѣченное нами духовное одинство средиземноморскихъ народовъ, дающее намъ весьма яркую картину развитія безконечно развѣтвляющагося культурнаго процесса, а вступительная часть этого тома разбираетъ подробно роль каждаго народа въ отдѣльности. Возникновеніе „средиземнаго духа" — съ виду риторическая фраза — получаетъ при этомъ тщательномъ историко-культурно-этнографическомъ изслѣдованіи полное научное подтвержденіе. И въ этомъ случаѣ географическая основа, извѣстная сумма благопріятныхъ условій существованія, находитъ свое завершеніе въ высшей идеѣ обобщающаго духовнаго фактора всей исторіи, разыгрывающейся на побережьи Средиземнаго моря, такъ что можно подтвердить съ полнымъ основаніемъ то, что было сказано въ т. IV, стр. 5: „Это благопріятное вліяніе (естественныхъ условій) въ области бассейна Средиземнаго моря сказывается въ дѣйствительности съ древнѣйшихъ временъ; оно привело къ тому, что бассейнъ этотъ является единицей не только географической, но и исторической; онъ является фокусомъ, въ которомъ сосредоточились сознательно или безсознательно однородныя стремленія значительной части всего человѣчества. Поэтому-то Средиземное море даетъ наилучшія доказательства ученія объ общности всего человѣческаго рода".

Нисколько не отрицая этнографической самобытности различныхъ народовъ, относящихся къ разбираемой группѣ, авторъ сумѣлъ выдѣлить изъ этой пестрой смѣси нѣкоторыя типическія черты, обосновывающія указанное нами идейное единство духовной жизни, опираясь на идею гуманности, въ этой области впервые открывающейся во всемірной исторіи. Правда, это сознаніе внутренняго единства всего человѣчества и общихъ ему цѣлей возникло не сразу даже на берегахъ Средиземнаго моря. Но мы можемъ прослѣдить съ достаточной ясностью отдѣльные шаги по этому часто весьма запутанному пути, — всѣ они направляются по берегамъ Средиземнаго моря. Здѣсь мы встрѣчаемся съ первыми идеалами народной психологіи, изъ которыхъ и возникло постепенно понятіе человѣчества. Первое звено этой цѣпи — это привязанность отдѣльной личности къ болѣе тѣсному союзу индивидовъ, говорящихъ на одномъ съ нимъ языкѣ и населяющихъ ту же страну. Эта привязанность составляетъ важное альтруистическое чувство; она является основой любви къ отечеству. Патріотизмъ чуждъ великимъ народамъ Востока, ибо имъ доступно было только сознаніе принадлежности къ племени или семьѣ, особыя же культурныя условія Востока (кастовая организація, большая густота населенія и т. д.) воспрепятствовали развитію этого чувства въ болѣе высокое сознаніе принадлежности къ одному и тому же народу, воспрепятствовали возникновенію чувства патріотизма... Затѣмъ только народамъ Средиземнаго моря присуще было представленіе о существованіи личныхъ правъ, которое расширяетъ кругъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Изъ этого же представленія вытекаетъ дальше и установленіе законодательнымъ путемъ общественнаго и государственнаго строя. И это представленіе тоже было болѣе или менѣе чуждо великимъ народамъ Востока; при всей высокой культурѣ древняго Востока деспотизмъ не давалъ мѣста развитію истиннаго правового сознанія; онъ ставилъ высшимъ и единственнымъ закономъ волю государя, передъ которой безусловно должно было склониться благо отдѣльной личности. До извѣстной степени пассивность, такъ сказать, фатали-

стическая черта, свойственная многимъ восточнымъ народамъ, всегда уживалась, какъ нельзя лучше, съ неограниченной властью государя и съ олицетвореніемъ въ лицѣ его или въ лицѣ какой-либо одной правящей касты государственной идеи; что касается народовъ же средиземнаго побережья, то если только эта черта была имъ когда либо присуща, они во всякомъ случаѣ утратили ее во время своихъ странствованій. Наоборотъ, у народовъ Средиземнаго моря мы встрѣчаемся очень рано и очень часто съ стремленіемъ перенести болѣе свободную подвижность отдѣльной личности на совокупность членовъ, образующихъ цѣлое; это то, что мы называемъ политической свободой. Въ стремленіи къ самоопредѣленію мы видимъ одну изъ наиболѣе поразительныхъ чертъ средиземной культурной жизни, черту, подобную которой мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ такой первоначальной стадіи развитія народа. Національное же чувство, любовь къ отечеству, правовое сознаніе и стремленіе къ политической свободѣ — это тѣ основы, на которыхъ могло развиться общее понятіе человѣчества (стр. 13, 14). Къ этому можно прибавить, что средиземноморская культура оказывала очень сильное преобразовательное дѣйстіе еще тѣмъ, что она неудержимо втягивала въ свою сферу всѣ чуждые ей народы, съ которыми она сталкивалась. Въ качествѣ дальнѣйшихъ важныхъ этаповъ на томъ же пути слѣдуетъ отмѣтить: спасеніе западныхъ странъ отъ нашествія арабовъ благодаря побѣдѣ при Пуатье въ 732 г., всемірно-историческій фактъ первостепенной важности, затѣмъ крестовые походы, благодаря которымъ установились совершенно новыя культурыя связи и вліянія, и, наконецъ, возрожденіе классической древности на благопріятно подготовленной почвѣ Италіи и южной Франціи. Весьма важное звено этой цѣпи составляетъ христіанство, которому посвященъ поэтому болѣе подробный обзоръ. Въ рамки настоящаго труда, само собой разумѣется, не входятъ ни богословская, ни этическая оцѣнка христіанства. Для насъ важно исключительно его культурно-историческое значеніе, которое заключается, главнымъ образомъ, въ его рѣзко космополитическомъ характерѣ, исключающемъ всякую національную обособленность. Абстрактное римское понятіе человѣческаго рода (genus humanum) превратилось въ немъ въ конкретное понятіе единой семьи, всѣ члены которой имѣютъ одинаковыя права на участіе въ небесномъ царствѣ и загробной жизни. Космополитизму, вполнѣ развитую форму котораго представляетъ намъ уже Римская всемірная имперія, противопоставляется рѣзкій индивидуализмъ, ищущій опоры исключительно въ самомъ себѣ, отвѣтственный за свое собственное спасеніе при всей своей любви къ ближнему, доходящей до небывалой раньше силы и глубины и обнаруживающей небывалую готовность къ самопожертвованію. Эти могущественныя соціальныя побужденія пріобрѣтаютъ, само собою разумѣется, громадное значеніе для исторіи отдѣльныхъ народовъ и для процесса развитія исторіи. Затѣмъ идетъ обзоръ этихъ народовъ въ географическомъ порядкѣ, и каждому изъ нихъ удѣлено мѣсто, соразмѣрное его роли въ великой драмѣ, составляющей всемірную исторію въ особенности для насъ, европейцевъ: здѣсь излагается исторія малоазіатскихъ народовъ и государствъ, македонцевъ, промелькнувшихъ, какъ метеоръ, грековъ классическаго періода (поздѣйшая исторія Греціи перенесепа въ другой томъ исключительно изъ практическихъ соображеній), италиковъ, иллирійцевъ, иберійцевъ, кельтовъ, испанцевъ и т. д. Исторія Италіи прослѣжена здѣсь отъ самыхъ первыхъ ея начатковъ и по всѣмъ ступенямъ ея всемірнаго господства до первыхъ нападеній германцевъ („итальянскую“ исторію пришлось перенести въ шестой томъ); подобнымъ же образомъ проходятъ передъ нами судьбы Пиренейскаго полуострова отъ временъ финикіянъ и кельтовъ до полнаго распаденія великаго государства, обнимавшаго нѣкогда весь міръ, а теперь безсильнаго даже удержать за собою скудные остатки своихъ прежнихъ громадныхъ колоніальныхъ владѣній. Тутъ мы

стоимъ вездѣ, даже согласно ходячему, болѣе узкому взгляду, на исторической почвѣ, перелистываемъ лѣтописи, дающія намъ возможность заглянуть въ наше собственное прошлое, въ которыхъ судьбы Европы уже озаряются яркимъ свѣтомъ точнаго научнаго изслѣдованія, придерживающагося обычной хронологической руководящей нити.

Какъ уже было упомянуто, греческую исторію пришлось раздѣлить; эллинизмъ, Византія и новая Греція открываютъ собою пятый томъ, занимающійся восточной Европой; въ данномъ случаѣ опять-таки руководящее значеніе отдается географическому и этнографическому моментамъ. Именно эти области и историческіе періоды имѣютъ громадное культурно-историческое значеніе, такъ какъ тутъ мы наглядно наблюдаемъ смѣшеніе и перенесеніе различныхъ формъ культуры. Это относится прежде всего къ всемірному государству Александра Великаго, оказавшему самое глубокое и прочное вліяніе, несмотря на свое кратковременное существованіе. Греки являются здѣсь въ роли великихъ піонеровъ культуры, оплодотворившихъ на громадномъ пространствѣ восточный міръ своими идеями и создавшихъ такимъ образомъ духовное объединеніе, пережившее политическій распадъ. Съ основаніемъ царства Александра для Востока было связано такое распространеніе греческой культуры, такой обмѣнъ восточныхъ и западныхъ произведеній, такое смѣшеніе варварской и греческой крови, какого еще не зналъ древній міръ. Правда, и раньше уже находились подъ греческимъ вліяніемъ иберійскія племена Испаніи, и кельтскіе кланы въ южной Франціи, этрусскіе города, а также италійское искусство, египетское военное дѣло и египетскія сказанія, ликійская надгробная архитектура и карійскіе памятники, скиѳскія золотыя издѣлія и, наконецъ, зданія персидскихъ дворцовъ, такъ что греки добились всемірнаго значенія не столько благодаря своей внутренней борьбѣ, сколько въ качествѣ цивилизаторовъ странъ Средиземнаго моря. Но теперь прекратившаяся уже за два столѣтія передъ тѣмъ греческая колонизаціонная дѣятельность возобновляется въ обширномъ царствѣ, правитель котораго — грекъ, войско — греческое, политическая жизнь — греческая, а управленіе — персидское. Основаніе Александріи и возстановленіе Вавилона создали на Востокѣ міровые города, которые должны были сдѣлаться центрами новаго царства Александра благодаря своей высокой матеріальной и духовной культурѣ. Громадный потокъ богатствъ изливался на Западъ; давно накопленныя сокровища Ахеменидовъ вновь поступаютъ въ круговоротъ обращенія богатствъ, и халдейскія наблюденія и вычисленія за періодъ въ нѣсколько тысячелѣтій поступаютъ въ распоряженіе греческой астрономіи. Уже Пиѳей, а позднѣе Гиппархъ, пользовались вавилонскими мѣрами для опредѣленія звѣздныхъ разстояній. Даже политически-религіозныя преданія Вавилона, подчинившія себѣ уже и ассирійскихъ властителей, заставивъ ихъ смотрѣть на коронованіе въ Вавилонѣ, какъ на послѣднее необходимое посвященіе, даже эти преданія играли крупную роль въ міровомъ царствѣ Александра и прекрасно подходили къ его теодинастическимъ планамъ: въ числѣ плановъ Александра относительно будущаго рядомъ съ постройкой гаваней и верфей занималъ немаловажное мѣсто также планъ сооруженія храма Мардука Эзагги (стр. 10).

Для ближайшаго ознакомленія съ этимъ тѣснымъ взаимодѣйствіемъ различныхъ культуръ мы отсылаемъ читателя, желающаго составить себѣ болѣе или менѣе конкретное представленіе о міровой культурѣ той эпохи, къ первымъ главамъ V тома. Мы позволимъ себѣ только отмѣтить еще нѣсколько параллелей. Прежде всего искусство обнаруживаетъ несомнѣнные слѣды греческаго духа; таковы перенесеніе гомеровскихъ сюжетовъ въ индійскій эпосъ, басня изъ животнаго міра на индійской почвѣ, прямое подражаніе греческой сценѣ, чеканка монетъ по греческому образцу, греческія черты въ изображеніяхъ Будды (похожихъ на Аполлона); —

дельфинъ, служившій у грековъ эмблемой любви, перекочевалъ въ Индію. На далекомъ Востокѣ попадаются дорическія, іоническія и коринѳскія колонны; индо-бактрійское царство служитъ мостомъ между двумя дотолѣ чуждыми другъ другу культурными сферами, а Фергана связываетъ Западъ съ Китаемъ: въ результатѣ сложился взглядъ, приписывающій внезапный переворотъ въ китайскомъ искусствѣ, остававшемся такъ долго въ полномъ застоѣ, глубокому, оживляющему вліянію греческаго натурализма. Не менѣе глубокіе результаты дало чисто духовное оплодотвореніе Востока, обмѣнъ идей, поскольку о немъ возможна рѣчь; но съ особеннымъ удареніемъ слѣдуетъ указать на распространеніе греческаго **языка** въ качествѣ всемірнаго языка (*Κοινή*) тогдашняго культурнаго міра, что, въ свою очередь, имѣло столь важное значеніе для христіанства. Все это чрезвычайно увеличило и расширило культурныя владѣнія человѣчества. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать или оцѣнивать слишкомъ низко **обратное вліяніе Востока**, которое было благодѣтельно только отчасти; вмѣстѣ съ роскошью и расточительностью пріобрѣли себѣ доступъ на Западъ также и другіе пороки, а прежнія ясныя религіозныя миѳологическія представленія были, наконецъ, задушены подъ грудой суевѣрія и мистики, которыми Востокъ отличался издавна. Такой же богатый культурно-психологическій матеріалъ даетъ намъ **Византія**, эта естественная посредница между Западомъ и Востокомъ, въ политическомъ отношеніи настолько могущественная, что она всегда была въ силахъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе многихъ вѣковъ, охранять обмѣнъ культурныхъ цѣнностей отъ внѣшнихъ нападеній. Особенно искусными піонерами культуры какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ были сирійцы, и при томъ, культуры не только матеріальной, — тутъ дѣйствовало корыстолюбіе сирійскихъ купцовъ, сбывавшихъ, впрочемъ, какъ вино и шелкъ, такъ и папирусъ — но также и чисто духовной. Изъ ихъ среды вышли также тѣ апостолы новой вѣры, которые проповѣдывали евангеліе въ Гималайскихъ горахъ, на Цейлонѣ и въ далекомъ Китаѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ найденная въ 1625 г. китайская таблица съ параллельнымъ сирійскимъ текстомъ: „выдающіеся учителя не имѣютъ неизмѣннаго имени, святые мужи не имѣютъ неизмѣннаго мѣстожительства; наставленія преподаются примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и вездѣ имѣютъ цѣлью осчастливить народъ. Высокочтимый Алапенъ (Олопенъ) изъ царства Та-Цзинъ (азіатскихъ провинцій римской имперіи) принесъ къ намъ изъ этой далекой страны свои священныя книги и изображенія и подарилъ ихъ нашей столицѣ. Познакомившись съ ученіемъ этой религіи, мы находимъ ее прекрасной и естественной; она благодѣтельна для всѣхъ созданій, она превосходна для человѣчества". Характерно далѣе, что для возстановленія чистаго евангельскаго текста Карлъ Великій хотѣлъ обратиться какъ разъ къ сирійцамъ. Даже послѣ вторженія арабовъ измѣнившіяся условія долго еще сохраняли сирійско-греческія черты, тѣмъ болѣе, что побѣдители арабы приспособлялись въ общемъ къ византійскому образцу. Арменія, и въ особенности армянская христіанская церковь, тоже переняли отъ сирійцевъ вмѣстѣ съ ихъ языкомъ и культурой элементы древне-греческой цивилизаціи. Параллельно съ этимъ Византія оказываетъ глубокое вліяніе на Западную Европу. Уже заранѣе можно представить себѣ то могущественное давленіе, которое должна была оказывать эта древняя метрополія съ ея крѣпко укрѣпившейся древнѣйшей культурой на развивающіяся германскія народности, а отчасти также и на одичавшую Италію. Болѣе всего это сказалось въ области религіи и архитектуры вообще, въ особенности церковной: базилика проникаетъ вплоть до Бретани. Въ промышленности мы легко узнаемъ вліяніе византійскихъ образцовъ; византійскіе ковры и шелковыя издѣлія прокладываютъ себѣ путь ко двору Карла Великаго, вообще къ франкамъ; византійскія монеты проникаютъ даже на острова Готландъ и Борнгольмъ. Средневѣковое вооруженіе

и тактика, въ особенности кавалерійская, свидѣтельствуютъ о подражаніи византійскимъ образцамъ. Что и капиталъ такого богатаго торговаго города, какъ Византія, господствовалъ повсюду на всѣхъ рынкахъ благодаря ея политическому могуществу, — это само собой понятно. Даже послѣ завоеванія Константинополя турками все еще можно прослѣдить византійское вліяніе въ развитіи ленной системы, земельной собственности и въ позаимствованіи безчисленныхъ оборотовъ рѣчи и названій.

Намъ незачѣмъ останавливаться долго на Турціи, несмотря на то, что въ теченіе продолжительнаго времени она оказывала сильное вліяніе на исторію Европы. Хотя принадлежащіе къ монгольской расѣ турки не создали до настоящаго времени самобытной высшей культуры, тѣмъ не менѣе, и они пережили свою кратковременную эпоху духовнаго расцвѣта, совпавшую у нихъ съ моментомъ наивысшаго политическаго могущества, съ царствованіемъ Сулеймана II, имя котораго заставляло содрогаться всю Европу. Къ этому времени относятся самыя великолѣпныя постройки турецкой столицы; на сцену выступаютъ поэты, писатели, и ученые. Фирдевси Длинный сочиняетъ сборникъ восточныхъ преданій и легендъ, составляются законы и т. д., — однимъ словомъ, для мусульманъ занялась заря вѣка Августа. Но вслѣдъ за тѣмъ наступаетъ чрезвычайно быстрый и неудержимый упадокъ, ускоряемый моральнымъ застоемъ, безграничной роскошью и возрастающимъ отчужденіемъ отъ военной службы. Всѣмъ извѣстны послѣднія событія, какъ-то: отдѣленіе Крита отъ Турціи, армянскія волненія и погромы, непрерывныя попытки къ улучшенію разстроенныхъ финансовъ; безъ сомнѣнія, ничѣмъ не удастся остановить быстро прогрессирующаго разложенія. Замѣчательно все же, что турецкій простолюдинъ отличается многими хорошими моральными качествами, въ особенности вѣрностью данному слову. Такое же несущественное значеніе имѣетъ для общей исторической перспективы развитіе Чехіи, Моравіи и Силезіи, которое изложено въ томъ же пятомъ томѣ. Моравское царство погибло послѣ кратковременнаго расцвѣта при Святоплукѣ отъ свирѣпаго натиска мадьяръ (въ 906 г.). Судьбы Чехіи, превратившейся въ могущественную державу при династіи Пшемысловичей въ XIII столѣтіи, подвергались сильнымъ колебаніямъ въ періодъ царствованія чужеземныхъ династій, пока, наконецъ, она не была присоединена къ Габсбургской монархіи въ 1526 г.

Конецъ V тома посвященъ Россіи, Польшѣ, Сербіи, Румыніи и Кроаціи, и, такимъ образомъ, мы углубляемся мало-по-малу въ тотъ географическій и этнографическій контрастъ, который отдѣляетъ Западную Европу отъ Восточной не только въ географическомъ, но и въ культурно-историческомъ отношеніи. Тутъ обнаруживается снова неоднократно отмѣченная нами связь между экономической и духовной культурой, между расой и просвѣщеніемъ. Мы уже выяснили выше, что бассейнъ Средиземнаго моря представляетъ собою единое цѣлое въ отношеніи религіи, обычаевъ, права и искусства при всемъ этнографическомъ различіи населяющихъ этотъ бассейнъ народовъ. Впослѣдствіи Германія стала, по крайней мѣрѣ, на много столѣтій политическимъ, а Римъ религіознымъ центромъ, который оказался болѣе сильнымъ и одержалъ верхъ въ обоюдной борьбѣ между ними; надо отмѣтить, что та же тенденція обнаруживается роковымъ образомъ также и въ послѣднее время. Такое подраздѣленіе нашей части свѣта установлено самой природой, какъ указываетъ Владиміръ Мильковичъ (стр. 423). Въ самомъ дѣлѣ, именно тутъ обнаруживается всего яснѣе сильнѣйшая зависимость человѣка отъ окружающей его природы, обусловливающей также и его культурныя учрежденія. Дѣтище окружающей его природы, человѣкъ долженъ жить такъ, какъ она его заставляетъ, и мыслить такъ, какъ она его научаетъ. „Своеобразіемъ своей природы отличается громадная материковая масса, окаймленная съ востока Уральскими

горами, съ юга — Чернымъ моремъ, съ запада — Балтійскимъ. Если Западная Европа изборождена почти повсюду длинными, нерѣдко достигающими значительной высоты хребтами, то на Востокѣ природа оказалась, повидимому, не въ силахъ нагромоздить подобныя высоты. Какъ только мы спускаемся съ Карпатскихъ горъ, то предъ нами открывается необозримая низменность, медленно опускающаяся къ сѣверу и къ востоку. Предъ нами сплошная, нигдѣ не прерываемая моремъ материковая масса, длина которой отъ Карпатскихъ горъ до Уральскихъ составляетъ почти 3,000 километровъ, а ширина отъ Крымскаго полуострова до крайняго сѣвера тоже не меньше 3,000 километровъ, если не больше. На всемъ этомъ пространствѣ геологическіе пласты нигдѣ не имѣютъ складокъ, они вездѣ лежатъ одинъ на другомъ горизонтальными слоями и на необозримомъ пространствѣ даютъ одинаковую почву для одинаковой культуры". Въ Западной Европѣ на протяженіи нѣсколькихъ миль встрѣчается больше геологическихъ различій, чѣмъ между Бѣлымъ и Чернымъ морями; все поражаетъ своими громадными размѣрами, своимъ количествомъ, но не своимъ разнообразіемъ. Такимъ же характеромъ отличается исторія жившихъ здѣсь народовъ. Здѣсь все носитъ на себѣ печать массы, консервативности и неизмѣнности духа, неподвижности умственнаго кругозора. Въ то время, какъ на западѣ одна идея нагоняла другую, одна система смѣняла другую и люди проявляли дѣятельность въ различныхъ направленіяхъ, населеніе Востока жило въ теченіе многихъ столѣтій скуднымъ запасомъ идей, не замѣчая того, что и эти идеи давно уже стали разлагаться. При такомъ однообразіи умъ получаетъ мало толчковъ, такъ какъ это однообразіе распространяется здѣсь на флору и фауну. Кромѣ безконечной, однообразной степи, человѣкъ видѣлъ предъ собою только безконечный небесный сводъ; у него не оставалось другого исхода, какъ предаться своимъ собственнымъ, тоже безконечнымъ думамъ, углубиться въ свое собственное „я". Ни одинъ народъ на землѣ не создалъ такого рода произведеній поэтическаго творчества, какъ малорусскій, живущій въ степи. Такъ называемыя думы или былины, длинные, грустные, но хватающіе за душу монологи и разсказы, которыхъ нѣтъ ни у какого народа, кромѣ малорусскаго, могли зародиться только въ степи. Поэты жалуются на свою горькую судьбу вѣтру, звѣздамъ и птицамъ; собственно говоря, поэтомъ является природа, а человѣкъ только служитъ ея толмачемъ. Здѣшняя природа не отличалась суровостью и не вызывала человѣка на борьбу. Такъ какъ тутъ нѣтъ лѣса, то здѣсь не водились опасные дикіе звѣри, — такимъ образомъ, человѣкъ могъ предаваться своимъ думамъ, но эти безконечныя думы усыпляли его умъ. Человѣкъ, жившій здѣсь, былъ воленъ, какъ птица, но что могло его натолкнуть на различныя важныя проблемы человѣчества и могла-ли самобытная культура зародиться здѣсь, гдѣ нѣтъ ни камня, ни дерева? Другая важная типическая черта южно-русскихъ степей, стоящая въ связи съ ихъ природой, заключается въ томъ, что онѣ были, вѣроятнѣе всего, первобытной родиной лошади, и здѣсь же создалась извѣстная культурно-историческая физіономія кочевой жизни, въ которой сложился культъ лошади. Какое опредѣляющее вліяніе на ходъ историческаго развитія имѣли географическія условія, — это видно изъ того факта, что первая столица Руси, Кіевъ, расположена на Днѣпрѣ, единственномъ водномъ пути, который соединялъ ее съ далекимъ Западомъ. За Кіевомъ послѣдовала Москва, а только послѣ Москвы выступилъ на сцену Петербургъ. Эта послѣдняя столица послужила яркой иллюстраціей къ связи между Россіей и западноевропейской культурой, отъ которой Московское царство открещивалось всѣми силами до того времени. Пока центромъ Россійскаго государства оставалась Москва, до тѣхъ поръ судьбою Россіи управляла Волга. Этимъ опредѣляется громадное значеніе основанія Петербурга геніальнымъ, несмотря на всю свою жестокость и грубость, Петромъ Великимъ. Мы не

можемъ здѣсь прослѣдить снова отдѣльныя ступени развитія Россіи отъ ея первыхъ зачатковъ до ея настоящаго могущества и не можемъ останавливаться ни на татарскомъ игѣ, ни на ея отношеніяхъ къ Польшѣ; вмѣсто этого мы освѣтимъ въ нѣсколькихъ словахъ наиболѣе рѣзкія больныя мѣста этого могущественнаго государства, жизнь котораго страдаетъ отсутствіемъ органическаго роста и расчлененія.

Опять-таки мы начнемъ съ указанія на экономическія основы, этомъ единственномъ, настоящемъ и прочномъ фундаментѣ культуры, охватывающей и проникающей весь народъ, хотя бы съ извѣстной постепенностью. Развитію комерческихъ сношеній, промышленности, торговли и земледѣльческой культуры не удѣляется почти никакого вниманія, по крайней мѣрѣ, самими русскими. Отсюда зависитъ нищета народныхъ массъ, ихъ неподвижность и недостатокъ просвѣщенія. Печальное невѣжество русскаго народа умышленно поддерживается духовенствомъ. Мы можемъ присоединиться безъ оговорокъ къ печальному выводу нашего сотрудника: „Гигантская имперія, обнимающая $22^1/_2$ милліона кв. килом. съ населеніемъ въ 130 милліоновъ душъ, довольствуется 10 университетами и двумя-стами и даже меньше гимназіями въ то время, какъ Германія имѣетъ 460 гимназій и 21 университетъ; Швейцарія — 7 университетовъ, а Австрія — 8. Въ то время, какъ въ европейскихъ государствахъ съ разноязычнымъ населеніемъ различныя народности вырываютъ другъ у друга изъ рукъ каждую начальную или среднюю школу, такъ какъ всѣ онѣ сознаютъ громадное значеніе народнаго образованія и стремятся опередить другъ друга въ этомъ отношеніи, Россія, которой слѣдовало бы основать цѣлую сотню университетовъ, ничего не хочетъ дѣлать для самое себя и преднамѣренно держитъ свой народъ въ невѣжествѣ, которое считается необходимымъ устоемъ государства. Россія остается до сихъ поръ библейскимъ раемъ, въ которомъ запрещено вкушать отъ плодовъ древа познанія, въ которомъ сокрушаютъ главу лукавому змію, внушающему подобныя мысли, и въ которомъ Господь Богъ не требуетъ отъ человѣка ничего, кромѣ безграничной покорности. Каждый безпристрастный наблюдатель долженъ согласиться, что все это крайне зловѣщіе симптомы".

Мы не можемъ удѣлить много мѣста **остальнымъ народамъ Восточной Европы**, принадлежащимъ по большей части къ славянскому племени. Характерную особенность южныхъ славянъ составляетъ ихъ приверженность къ своей строго демократической общинѣ, задругѣ, которая дѣлаетъ ихъ неспособными къ болѣе широкой политической жизни. Роль основателей государствъ выпадала по большей части на долю чужеземныхъ завоевателей, какъ, напримѣръ, тюрковъ-аваровъ, или угровъ-болгаръ, по своему происхожденію тоже принадлежащихъ къ тюркскому племени. Большое значеніе имѣло для южныхъ славянъ обращеніе ихъ въ христіанство въ IX вѣкѣ, послѣ котораго они объединились въ духовномъ отношеніи съ греками посредствомъ общей литературы, церкви и культуры. При отсутствіи національныхъ связей такое объединеніе было создано общей литургіей. Самая печальная участь постигла племена, жившія къ сѣверу отъ рѣки Савы, словенцевъ, которые потонули въ массѣ другихъ племенъ, наводнившихъ ихъ территорію. Сербы и хорваты, въ теченіе долгаго времени находившіеся подъ турецкимъ игомъ, впослѣдствіи вернули себѣ свою независимость, но, собственно говоря, ихъ подчиненное, изолированное положеніе дало имъ возможность сохранить свои самобытныя черты въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ нѣкоторымъ другимъ народамъ, и они сохранили понынѣ свою первобытную поэзію, свои исконные нравы и обычаи, свидѣтельствующіе о неослабѣвающей живучести вѣковѣчнаго преданія. Болгары, исторія которыхъ полна превратностей и которые основывали дважды самостоятельныя государства, были поко-

рены турками въ 1393 г., и только послѣ пятисотлѣтняго рабства имъ удалось стряхнуть съ себя ненавистное турецкое иго въ 1878 г. благодаря вмѣшательству Россіи. Надо, однако, замѣтить, что нынѣшнее болгарское княжество далеко не совпадаетъ съ этнографическими границами болгарскаго языка. Для Румыніи, Молдавіи и Валахіи часъ освобожденія насталъ только въ 1866 г., въ которомъ Карлъ Гогенцолернъ, и нынѣ царствующій румынскій король, былъ признанъ султаномъ наслѣдственнымъ самостоятельнымъ государемъ. Наконецъ, мадьяры, степной народъ угро-финскаго племени, пріобрѣли свою независимость при королѣ Стефанѣ, вступившемъ на престолъ въ 997 г. Незадолго предъ тѣмъ къ нимъ проникло христіанство. Они пережили еще одну эпоху политическаго расцвѣта при королѣ Матвѣѣ Гуніади (1458—1490 г.), царствованіе котораго было украшено необыкновеннымъ поэтическимъ и ученымъ блескомъ. Несчастная битва при Могачѣ въ 1526 г. положила конецъ существованію объединеннаго Венгерскаго государства, и въ теченіе 200 лѣтъ эта страна служила кровавымъ театромъ столкновеній между арміями Востока и Запада, пока, наконецъ, власть надъ Венгріей не перешла въ руки лотарингско-тосканской династіи при Іосифѣ II въ 1780 г. Съ полнымъ основаніемъ нравственный подъемъ Венгріи приписывается преимущественно вліянію двухъ моментовъ: распространенію протестантизма, сыгравшаго большую роль также и въ умственномъ пробужденіи населенія Венгріи (вышли въ свѣтъ переводы библіи, грамматики, словари, историческія сочиненія и т. д.), и, во-вторыхъ, проникшей далеко въ глубь Венгріи нѣмецкой колонизаціи, превратившей пустыню въ плодородныя пашни, создавшей города, призвавшей къ жизни торговлю и промышленность, положившей прочное основаніе культурѣ. Въ заключеніе посвятимъ нѣсколько словъ окруженнымъ романтическимъ ореоломъ цыганамъ, которые происходятъ изъ сѣверо-западной части Индіи, какъ это выяснилось на основаніи лингвистическихъ данныхъ. Преслѣдуемые, и въ лучшемъ случаѣ, еле терпимые въ остальныхъ государствахъ, они пользовались въ Венгріи и Седьмиградіи относительнымъ благополучіемъ, которымъ они были обязаны въ немалой мѣрѣ своему выдающемуся музыкальному таланту. Здѣсь въ Венгріи ихъ лирика тоже распустилась необыкновенно пышнымъ цвѣтомъ.

Шестой томъ, занимающійся исторіей Средней Европы и Скандинавскихъ государствъ, начинается съ изслѣдованія объ историческомъ значеніи Балтійскаго моря, которое, конечно, не можетъ быть приравнено къ Средиземному морю, несравненному по своей исторической цѣнности въ качествѣ особаго культурнаго бассейна. Балтійское море служило, по преимуществу, проводникомъ для иностранныхъ культурныхъ вліяній. Только однажды во всей исторіи, въ эпоху господства шведовъ, это море носило характеръ единаго цѣлаго. Кромѣ того, на его долю выпала важная роль въ дѣлѣ слiянія различныхъ элементовъ, изъ которыхъ образовалась индогерманская раса, хотя нельзя согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые считаютъ Балтійское море первобытной родиной этой расы. Вторая глава ведетъ насъ отъ первобытной исторіи германцевъ къ срединѣ XIV столѣтія.

Эдуардъ Гейкъ возражаетъ противъ того извѣстнаго мнѣнія, что индогерманцы вышли изъ Скандинавіи, и склоненъ скорѣе искать ихъ первобытную родину въ югозападной Россіи. Этотъ вопросъ остался спорнымъ, какъ и многіе другіе. Гораздо болѣе ясное представленіе мы имѣемъ о разнообразныхъ культурныхъ вліяніяхъ и обоюдныхъ заимствованіяхъ, напримѣръ, между германцами и кельтами. Точно также удается разграничить безъ натяжки три группы германцевъ: восточную, среднюю и южную. Чѣмъ ближе мы подвигаемся къ такъ называемому первобытному періоду, тѣмъ больше возникаетъ спорныхъ вопросовъ. Весьма важнымъ и мѣткимъ кажется намъ то замѣчаніе Гейка, что германскія племена не обра-

зовались, какъ развѣтвленія одного общаго родословнаго дерева, а сложились по мѣрѣ развитія историческихъ событій, объединялись вмѣстѣ вслѣдствіе внѣшнихъ политическихъ условій и стремятся къ полному сліянію, благодаря внутреннему тяготѣнію и нивеллировкѣ. Происхожденіе общественнаго строя и государства, въ болѣе широкомъ смыслѣ, ведетъ свое начало отъ древняго индо-германскаго рода, основаннаго на кровномъ родствѣ, съ его замкнутой формой хозяйства, по мѣрѣ постепеннаго развитія соціальной дифференцировки, содѣйствовавшей возникновенію княжеской или королевской власти, стоявшей рядомъ съ народнымъ собраніемъ и даже надъ нимъ. Здѣсь было бы неумѣстно слѣдить за дальнѣйшими событіями, стоящими, по большей части, въ связи съ всемірнымъ римскимъ государствомъ, какъ, напримѣръ, великое переселеніе народовъ съ его политическими и этнографическими послѣдствіями. Точно также мы не можемъ останавливаться здѣсь на міровой монархіи Карла Великаго. Отмѣтимъ только одинъ фактъ — безусловное верховенство свѣтской власти надъ духовенствомъ: Карлъ былъ главою церкви, въ которой онъ назначалъ и смѣщалъ епископовъ по своему усмотрѣнію. Какъ быстро все это перемѣнилось!

Третій отдѣлъ посвященъ интересной **кельтской** проблемѣ, родству между кельтами, съ одной стороны, и иберами, италиками и германцами, съ другой стороны, первобытному характеру организаціи общественнаго строя кельтовъ, ихъ своеобразнымъ кланамъ, ихъ земельной общинѣ и пользовавшемуся такой громадной властью въ ихъ средѣ жреческому сословію друидовъ. Четвертый отдѣлъ заполненъ изслѣдованіемъ происхожденія романскихъ народовъ. Для разрѣшенія этого вопроса должны быть использованы какъ лингвистическіе, такъ этнографическіе и антропологическіе моменты. Въ данномъ случаѣ задача упрощается постольку, поскольку смѣшеніе различныхъ народовъ происходило при яркомъ свѣтѣ исторіи, такъ что едва ли тутъ могутъ возникнуть рискованныя гипотезы. Подъ именемъ романскихъ народовъ авторъ подразумѣваетъ всѣ тѣ народы, которые говорятъ на языкахъ, происходящихъ отъ латинскаго. Этотъ внѣшній объединяющій признакъ охватываетъ самые различные этническіе элементы, иберовъ, галловъ, иллирійцевъ и т. д., которые были вовлечены въ процессъ романизаціи ходомъ историческихъ событій. Это обнаруживается съ достаточной отчетливостью уже въ первоначальной исторіи Рима, а затѣмъ въ исторіи Италіи, — укажемъ, напримѣръ, на своеобразное положеніе, занятое съ самаго начала этрусками. Какъ извѣстно, римляне не останавливались ради упроченія однородности своего государства предъ суровымъ вмѣшательствомъ въ естественный ходъ вещей, предъ переселеніемъ или истребленіемъ чуждыхъ, слишкомъ самостоятельныхъ племенъ и другими подобными мѣрами, которыя предпринимались даже еще при Августѣ. Если не считать Италіи, то нигдѣ нивелировка эта не проникла такъ глубоко, какъ въ Галліи; Германія стояла на второмъ планѣ. Послѣдняя провинція, присоединенная къ римской имперіи, это была Дакія, населенная храбрымъ фракійскимъ народомъ; энергія Траяна добилась преслѣдуемой цѣли. Нынѣшніе румыны, по крайней мѣрѣ, та часть ихъ, которая живетъ къ сѣверу отъ Дуная — это потомки дако-римлянъ. Несмотря на этнографическія различія между ними и даже на большія лингвистическія различія, всѣ романскіе народы и понынѣ носятъ на себѣ въ культурно-историческомъ отношеніи печать, наложенную на нихъ римлянами.

Въ пятой главѣ предъ нами выводится опять на сцену могущественная **имперія Карла Великаго** въ слѣдующихъ рамкахъ: „Франція отъ возникновенія династіи Меровинговъ до гибели династіи настоящихъ Капетинговъ“. Тутъ мы имѣемъ предъ собой широкую культурно-историческую картину, обнимающую царствованіе Карла, внутреннее управленіе

его государства, возникновеніе духовной и свѣтской аристократіи, зачатки правового государства, а также тѣ элементы, изъ которыхъ слагалось французское общество между XI и XIII столѣтіями, династическую и міровую политику капетинговъ и, наконецъ, порабощеніе папства. Основное значеніе въ дѣлѣ укрѣпленія власти французскихъ королей имѣло ихъ единодушіе съ духовенствомъ, боровшимся противъ строптивости высшей аристократіи всѣми средствами своей широкой юрисдикціи. „Божій миръ" 1040 г. (treuga dei) положилъ начало новой эрѣ. Ко времени царствованія Людовика IX относится возникновеніе юрисдикціи Парижскаго Парламента (Etablissement de Saint-Louis), пользовавшагося большимъ престижемъ даже за предѣлами Франціи. Рука объ руку съ этимъ развилось подчиненное королю сословіе юристовъ (noblesse de robe), мало-по-малу захватившее въ свои руки высшіе государственные посты. Вообще обнаружился необыкновенно сильный подъемъ матеріальныхъ и идеальныхъ интересовъ. Въ торговлѣ и въ развитіи путей сообщенія замѣчался рѣзкій прогрессъ; денежный оборотъ развился; парижскій и тулузскій университеты всячески поощрялись королями. Поэзія любви развилась съ необыкновеннымъ блескомъ, въ особенности на югѣ Франціи; къ эротическимъ школамъ присоединились въ срединѣ XII столѣтія религіозныя преданія, заимствованныя изъ бретанскихъ легендъ; руководящая роль во всѣхъ областяхъ перешла въ руки рыцарства. Рядомъ съ этимъ шла умная, дальновидная политика; она достигла своей наивысшей точки въ царствованіе Филиппа II Августа, каждый разъ умѣвшаго отстаивать повсюду интересы Франціи во время европейскихъ и восточныхъ смутъ. Въ это же время папство было низведено до роли покорнаго раба королевской власти.

Въ IV томѣ изображается возникновеніе христіанства и его дальнѣйшее развитіе на Востокѣ; въ заключеніе разсматривается его культурное воздѣйствіе на Западную Европу. Развитіе средневѣковаго христіанства, возникновеніе папства, и въ противовѣсъ ему, пробужденіе чистаго религіознаго чувства, паденіе папской власти и провозвѣстники новыхъ общественныхъ учрежденій составляютъ руководящую нить этого изслѣдованія. Въ данномъ случаѣ мы тоже предполагаемъ извѣстными слѣдующія основныя черты этихъ историческихъ процессовъ: основаніе папства, его грандіозный ростъ и культурное значеніе (Григорій, Иннокентій, Латеранскій Соборъ 1215 г.), быстрое разложеніе и вырожденіе духовенства и рядомъ съ этимъ, развитіе свободнаго религіознаго теченія и т. д., пока, наконецъ, реформація, съ одной стороны, и гуманизмъ съ другой, не выступили на борьбу за умственное и нравственное достояніе человѣчества.

Начало VI тома и нѣкоторыя другія страницы его дополняются седьмымъ отдѣломъ этого тома: „Нѣмецкая колонизація Восточной Европы до средины XVI столѣтія", начиная отъ первыхъ военныхъ столкновеній въ Прибалтійскомъ краѣ, переходя черезъ періодъ расцвѣта Тевтонскаго ордена и кончая его гибелью, которая была запечатлѣна битвой при Танненбергѣ (1410 г.). Замѣчательно, что какъ разъ въ тотъ моментъ, когда всѣ прекрасныя завоеванія нѣмцевъ на востокѣ, повидимому, были отданы въ жертву неизбѣжной гибели, на сцену выступило Бранденбургское государство. Восьмая глава посвящена судьбамъ Италіи отъ VI до XIV вѣка, затрагиваетъ снова эпоху Карла Великаго, правда, только съ итальянской точки зрѣнія, затѣмъ изображаетъ исторію господства германскихъ императоровъ на Аппенинскомъ полуостровѣ до паденія династіи Гогенштауфеновъ, эпоху синьорій и иноземнаго господства, наконецъ, судьбы южной Италіи съ Неаполемъ и Сициліей. Во многихъ отношеніяхъ этотъ итальянскій отдѣлъ служитъ посредствующимъ звеномъ между древней исторіей, съ одной стороны, и седьмымъ и восьмымъ томами отъ періода Ренессанса до объединенія Италіи, съ другой стороны.

Въ высшей степени интересныя взаимныя вліянія Востока и Запада,

которымъ до сихъ поръ удѣлялось обыкновенно слишкомъ мало мѣста, разсматриваются въ IX отдѣлѣ, въ главѣ о крестовыхъ походахъ, которые тоже освѣщены въ общемъ яркимъ свѣтомъ исторіи. И въ данномъ случаѣ обнаруживается опять-таки, какъ сильно облегчается пониманіе великихъ всемірно-историческихъ эпохъ посредствомъ освѣщенія взаимодѣйствій между географическо-этнографическими и политико-соціальными факторами.

Значеніе Германскаго сѣвера (Скандинавскихъ странъ) вырисовывается въ X отдѣлѣ. Наиболѣе рѣшающее значеніе имѣли для исторіи германскихъ народовъ смѣлые походы викинговъ. Хотя исторія Даніи и Швеціи разсматривается только въ общихъ очертаніяхъ, предъ нашими глазами все же проносится цѣлый міръ, богатый жизнью и движеніемъ. Самую блестящую точку исторіи Швеціи составляетъ, конечно, царствованіе Густава Адольфа II, при которомъ она стала одной изъ первенствующихъ европейскихъ державъ. Въ самомъ сжатомъ видѣ значеніе этой эпохи можетъ быть высказано въ слѣдующихъ словахъ: „мало такихъ эпохъ, когда скандинавскія страны играли значительную политическую роль въ Европѣ; такое положеніе онѣ занимали въ норманнскій періодъ, когда они держали подъ страхомъ всю Европу своими морскими набѣгами, основывали новыя государства и оказывали сильное вліяніе на другіе народы какъ въ умственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, затѣмъ во времена крестовыхъ походовъ, когда шведы и датчане дѣйствовали на берегахъ Балтійскаго моря въ качествѣ миссіонеровъ, цивилизаторовъ и завоевателей и, наконецъ, въ XVII столѣтіи, когда на долю шведовъ выпала роль защитниковъ и спасителей протестантизма (стр. X). Скандинавы жили въ обособленномъ мірѣ, и хотя они получали много толчковъ извнѣ и перенимали много чужого, тѣмъ не менѣе они продѣлали свое самобытное развитіе. Хотя въ политическомъ отношеніи ихъ значеніе было невелико, тѣмъ не менѣе они оказали сильное вліяніе на умственную жизнь Европы. Въ наукѣ и искусствѣ они создали много цѣннаго въ XIX столѣтіи и внесли такимъ образомъ свою самостоятельную долю въ общую культурную работу,

Непрерывною нитью связаны между собою всѣ событія исторіи Великобританіи, начиная отъ царствованія умнаго и энергичнаго Вильгельма Завоевателя, при которомъ было положено начало англійскому народному государству. Мы переживаемъ исполненную драматическаго движенія борьбу между короной и церковью, разыгравшуюся при Генрихѣ II и Ѳомѣ Бекетѣ, вплоть до постепеннаго упроченія народныхъ правъ (посредствомъ Magna Charta и т. д.), которыя пошли на пользу также большимъ городамъ, вольности которыхъ были подтверждены особыми грамотами. Послѣ кровопролитныхъ войнъ между Алой и Бѣлой розами при Генрихѣ VII послѣдовалъ постепенно нѣкоторый подъемъ: земледѣліе снова подвинулось впередъ, населеніе стало гуще, численность городского населенія тоже увеличилась и т. д. Замѣтное значеніе въ дальнѣйшемъ развитіи англійской исторіи имѣлъ бракъ Маргариты, дочери англійскаго короля, съ Іаковомъ IV, королемъ Шотландскимъ. Въ концѣ XV столѣтія Британскіе острова были охвачены могущественнымъ умственнымъ движеніемъ, стремившимся къ наслажденію жизнію ренессансомъ, вызвавшимъ наружу грандіозный подъемъ чувствъ и умственной энергіи въ искусствѣ и наукѣ, но повлекшимъ за собою рѣзкую реакцію въ видѣ пуританизма. На первый планъ выдвинулся вопросъ объ обезпеченіи самостоятельности личнаго убѣжденія отъ всякаго гнета догмы: вѣротерпимость стала злободневнымъ лозунгомъ. Къ этому присоединилось событіе, неизмѣримое по своему политическому значенію, — основаніе англійской національной церкви при Генрихѣ VIII, отличавшемся самодержавными наклонностями: по просьбѣ самого духовенства онъ согласился принять мѣры для охраны

его отъ нѣкоторыхъ вольнодумныхъ теченій, такъ какъ это было на руку его собственному властолюбію. Почти такое же громадное значеніе имѣла конфискація имуществъ монастырей, увеличившая въ громадной степени національныя богатства, не говоря уже о другихъ послѣдствіяхъ этого событія. Въ 1540 г. въ Англіи былъ закрытъ послѣдній монастырь и, по выраженію Александра Тилле, была сокрушена твердыня средневѣковаго аскетизма, засыпанъ источникъ многихъ противоестественныхъ явленій и грубаго порока. Тысячи способныхъ людей были возвращены къ своей естественной задачѣ, какъ отцовъ будущаго поколѣнія. Королевѣ Елизаветѣ удѣляется вполнѣ основательно подробная характеристика, отличающаяся строгой объективностью и не уклоняющаяся ни въ сторону ненаучнаго преклоненія, ни въ сторону придирчиваго уничиженія. Нѣтъ сомнѣнія, что солнце счастья свѣтило этой королевѣ въ теченіе всего ея долгаго царствованія; тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ заключеніемъ автора этой характеристики: „Она надѣлала много политическихъ ошибокъ, но не провинилась ни разу въ слѣдующихъ двухъ: она никогда не переоцѣнивала силы того потока, по теченію котораго она неслась, и никогда не пыталась преградить этотъ потокъ своими руками (стр. 640)“. Послѣ ея смерти наступила кровавая борьба между Стюартами и пуританами, захватившими черезъ короткое время въ свои руки господствующую власть надъ государствомъ; при Кромвелѣ достигло своей наивысшей силы это теченіе, враждебное искусству, религіозный фанатизмъ котораго разрушилъ бы всякую цвѣтущую жизнь, если бы революція не повлекла за собою по извѣстному историческому закону абсолютистскую реакцію, во главѣ которой стояла вернувшаяся изъ изгнанія къ власти королевская династія. Начиная съ Вильгельма III водворяется королевская власть по милости парламента, т. е. ограниченная самой строгой, установленной народнымъ представительствомъ конституціей. Вильгельму пришлось преодолѣть безчисленное множество затрудненій, пока ему не удалось упрочить окончательно свой престижъ. Начиная съ этого времени, Англія двигается шагъ за шагомъ къ великой дальновидной міровой политикѣ, которую она преслѣдуетъ и понынѣ съ неумолимой послѣдовательностью. Само собой разумѣется, что ей пришлось пережить крайне тяжелые кризисы, представлявшіе грозную опасность для англійской промышленности, какъ, напримѣръ, паденіе цѣнъ въ 1815 г., и вытѣсненіе англійскаго экспорта изъ многихъ иностранныхъ государствъ, тяжелую соціальную борьбу и т. д.; но въ общемъ мы видимъ предъ собою отрадную картину борьбы за всемірное господство при крайнемъ напряженіи всѣхъ силъ. Послѣдняя часть этого изложенія исторіи Великобританіи отъ Вѣнскаго Конгресса и смерти Георга III до настоящаго времени, т. е. изображеніе англійской промышленности, охватившей весь міръ, и роста англійскаго имперіализма, перенесены въ послѣдній, дополнительный томъ.

Мы попадаемъ въ самый центръ исторической жизни, какъ только мы переходимъ отъ Восточной Европы черезъ Среднюю къ Западной, подробному изложенію исторіи которой посвящены оба послѣдніе тома (VII и VIII). И дѣйствительно, тутъ предъ нами открывается перспектива всей многообразной современной жизни. Уже первая глава заключаетъ въ себѣ обширное изслѣдованіе объ экономическомъ развитіи Западной Европы со времени крестовыхъ походовъ; затѣмъ слѣдуетъ спеціальная статья, посвященная соціальному вопросу. Непрерывно растущее раздѣленіе труда, не исключая и умственнаго, создаетъ все новыя цѣнности и проблемы; все тоньше развѣтвляются отношенія между матеріальной, тѣлесной, и интеллектуальной, духовной, жизнью. Мы слышимъ какъ бы отзвуки грохотанія того станка, на которомъ прядутся нити исторической жизни, и болѣе глубокое психологическое изученіе даетъ намъ возможность различать въ сцѣпленіи историческихъ событій частицы нашей собственной душевной жизни

только безконечно увеличенныя въ своихъ размѣрахъ и безконечно усиленныя въ своемъ напряженіи. Какъ разъ въ наше время подготовляется побѣдное шествіе высшей западно-европейской культуры, которое не обойдется, вѣроятно, безъ тяжелыхъ потрясеній (Китай, который долженъ служитъ пробнымъ камнемъ, еще не обнаружилъ своего дѣйствія); поэтому должно считаться умѣстнымъ болѣе рѣзкое культурно-психологическое расчлененіе важнѣйшихъ факторовъ этой культуры.

Терминъ „Западная Европа“ долженъ быть понимаемъ одновременно какъ въ географическомъ такъ и въ историческомъ смыслѣ, такъ что, напримѣръ, Швейцарія, Цислейтанская Австрія и Швеція съ Норвегіей должны быть отнесены къ Западной Европѣ; понятно безъ долгихъ объясненій, что, несмотря на охватывающее всю Европу культурное единство, существуютъ весьма рѣзкія различія между отдѣльными составными частями этого организма. Какъ объясняетъ Рихардъ Майеръ, въ этнографическомъ смыслѣ Западная Европа обнимаетъ народы, говорящіе на романскихъ и германскихъ языкахъ, а въ культурно-историческомъ — страны западно-христіанской (латинской) культурной сферы. Не всѣ эти страны были въ древности провинціями Римскаго государства, но всѣ онѣ находились въ теченіе многихъ столѣтій подъ властью той идеи, что Римская имперія продолжаетъ существовать, и подъ господствомъ римскихъ папъ. На почвѣ такихъ идей и фактовъ выросло культурное единство, которое продолжало существовать подъ видомъ „европейской культуры“, несмотря на то, что римская церковь лишилась своего единовластія, а римская всемірная монархія перестала существовать даже въ видѣ мечты. Эта-то европейская или, точнѣе сказать, западно-европейская культура стала распространяться непрерывно по всей землѣ со времени крестовыхъ походовъ и даже подчинила себѣ не только восточную Европу, но Новый Свѣтъ и пятую часть свѣта, а кромѣ того во многихъ направленіяхъ значительную часть Азіи и Африки. Западные европейцы распространили на громадномъ пространствѣ земли свои религіозныя вѣрованія, свое политическое господство, свои общественныя учрежденія, даже свою литературу и искусство, но только ихъ экономическое господство распространяется уже почти на всю землю, обитаемую и необитаемую, и вся она находится подъ гнетомъ ихъ экономическихъ интересовъ. Тѣ области, которыя остались недоступными и понынѣ для европейскаго вліянія, имѣютъ крайне ничтожное значеніе; но тѣмъ болѣе многознаменательны всѣ событія, имѣющія видъ первыхъ провозвѣстниковъ великой освободительной борьбы, въ которую вступаютъ для возвращенія своей экономической самостоятельности народы, порабощенные европейскимъ вліяніемъ. Борьба за экономическое освобожденіе началась уже въ то время, когда Западная Европа, противъ которой она направлена, не дошла еще до конца своего побѣдоноснаго пути. Эту борьбу ведутъ какъ Россія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, такъ и Японія. Эти событія, стоящія на перепутьи между настоящимъ и будущимъ, отбрасываютъ свой свѣтъ далеко въ глубь прошедшаго. Можно даже сказать, что эта борьба за экономическое освобожденіе даетъ окраску всей исторіи распространенія экономическаго вліянія Западной Европы (т. VII).

Какъ разъ въ этой области выступаетъ, какъ нельзя ярче, лежащая въ основаніи всего настоящаго труда связь между географическимъ, этнографическимъ и чисто историческимъ элементами; всѣ событія и факты жизни народовъ приходятъ въ непосредственную связь съ матеріальными условіями ихъ существованія. Однимъ этимъ уже объясняется громадное значеніе морей. На Средиземномъ морѣ христіанская Западная Европа подчинила себѣ всѣхъ остальныхъ своихъ конкурентовъ, на Нѣмецкомъ морѣ восторжествовала германская Ганза, которая была по временамъ весьма дѣеспособной политической организаціей. Ея распаденіе было вызвано,

главнымъ образомъ, усиленіемъ покоренныхъ ею народовъ, растущимъ равнодушіемъ нѣмцевъ къ своимъ экономическимъ интересамъ и совершившимся въ теченіе вѣка великихъ географическихъ открытій кореннымъ переворотомъ въ торговлѣ и направленіи большихъ торговыхъ путей. Къ этому присоединилось характерное для государствъ новыхъ вѣковъ могущество крупнаго капитала, который, впрочемъ, пережилъ свой первый кризисъ въ Испаніи уже въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія. Затѣмъ слѣдуетъ вѣкъ меркантилизма, характеризовавшійся ростомъ европейскихъ потребностей, вызванныхъ непрерывнымъ расширеніемъ размѣровъ всемірной торговли и единоборствомъ между различными европейскими народами, пока, наконецъ, Англія не вышла побѣдителемъ изъ этой борьбы, точно говоря, только въ началѣ XIX вѣка. Такого исхода не предупредила также, между прочимъ, и знаменитая меркантильная система Кольбера. Только новѣйшая эпоха разорвала путы меркантильной системы и создала всемірную торговлю благодаря техническому усовершенствованію средствъ передвиженія. Чѣмъ дальше подвигаются впередъ по пути европейской культуры страны, служащія рынками для сбыта, тѣмъ болѣе сильными конкурентами становятся эти страны — таковъ роковой ходъ событій. Картина будущаго, рисуемая Майеромъ, не очень утѣшительна: „сельское хозяйство находится подъ гнетомъ безвыходныхъ затрудненій и становится рабомъ своей всерастущей задолженности; промышленность и торговля тоже не успѣваютъ выбраться изъ одного кризиса, какъ попадаютъ въ новый и могутъ преуспѣвать только при особо благопріятныхъ коньюнктурахъ; свободное міровое хозяйство не обезпечиваетъ за ними даже отечественнаго рынка, котораго они не цѣнятъ, такъ какъ ихъ взоры направлены исключительно на міровой рынокъ. Полуазіатская Россія уже развила у себя такую промышленность, что она зависитъ въ меньшей степени отъ западно-европейской промышленности, чѣмъ голодный западъ отъ русскаго хлѣба; она довела свои рельсовые пути до Тихаго Океана и собирается пріобрѣсти господство на Востокѣ, на которомъ кипитъ борьба за преобладаніе. Подобно Россіи и Сѣверной Америкѣ, Индія тоже начинаетъ освобождаться, а Японія уже освободилась отъ гнета западно-европейской торговли. Когда населеніе юго-восточной Азіи, насчитывающее 700—800 милліоновъ людей, отличающихся воспріимчивостью къ просвѣщенію и крайне ограниченными потребностями, усвоитъ матеріальную культуру Западной Европы, то оно раздавитъ также промышленность этой маленькой части свѣта; а въ отношеніи коммерческихъ способностей азіатъ издавна не уступаетъ европейцу“.

Къ сказанному мы присоединимъ краткую характеристику подробно разобраннаго въ этомъ томѣ соціальнаго вопроса, который составляетъ кардинальную проблему нашихъ дней. Характерной особенностью современной эпохи является постепенное уничтоженіе мелкой промышленности и ростъ капиталистическаго производства, со всѣми его печальными послѣдствіями, угрожающими нашей общественной жизни. Этихъ явленій никакъ нельзя отрицать, хотя агитаторская риторика пускала въ ходъ слишкомъ много яркихъ лозунговъ; но все же безспорнымъ остается тотъ фактъ, что въ настоящее время экономическое благосостояніе рабочаго гораздо лучше, чѣмъ въ прошлыя эпохи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочіе страдаютъ безвинно (отъ внезапнаго уменьшенія заработной платы вслѣдствіе экономическихъ кризисовъ и т. д.), возможно и необходимо вмѣшательство государства для смягченія бѣдствія по мѣрѣ возможности. Свобода союзовъ для рабочихъ, какъ необходимое дополненіе къ свободѣ передвиженія и свободѣ промысловъ — это самый вѣрный оплотъ противъ всякой недобросовѣстной эксплоатаціи человѣческой силы, поскольку она не можетъ быть устранена законодательствомъ, но въ окончательномъ результатѣ прочный миръ созданъ будетъ этическими моментами, стремящи-

мися къ матеріальному и духовно-нравственному подъему низшихъ слоевъ населенія. Такъ какъ съ теченіемъ времени обнаруживается открытое сочувствіе къ подъему рабочаго класса со стороны все болѣе широкихъ слоевъ имущихъ классовъ, то въ недалекомъ будущемъ всѣ примирятся съ тѣмъ фактомъ, что рабочіе пользуются для осуществленія своихъ стремленій свободой слова, союзовъ, печати подобно другимъ классовымъ организаціямъ. Такимъ образомъ совершится, наконецъ, полное включеніе рабочаго класса въ государственную и общественную жизнь. Онъ пріобрѣтетъ существенное участіе въ общей политикѣ и во внутреннемъ государственномъ управленіи, конечно, подъ тѣмъ условіемъ, что онъ окончательно откажется отъ своихъ революціонныхъ мечтаній и станетъ на почву существующаго соціальнаго строя и дѣйствующей конституціи. Это историческое развитіе соціальнаго вопроса прослѣжено подробно въ исторіи всѣхъ соотвѣтствующихъ государствъ, Англіи, Германіи, Франціи, Австріи, Венгріи, Швейцаріи и Даніи и т. д.

Экономическіе вопросы, торговля и усовершенствованныя средства передвиженія придаютъ современной жизни ея спеціальный отпечатокъ; но всемірная исторія, само собой разумѣется, не можетъ обойтись безъ изложенія чисто историческихъ событій. Въ этомъ отношеніи наибольшее значеніе имѣютъ слѣдующія явленія: возрожденіе изученія древнеклассическаго міра въ эпоху ренессанса, реформація съ ея широкими нравственными, умственными, политическими и соціальными послѣдствіями и, съ другой стороны, постепенный ростъ великихъ державъ, имѣвшій рѣшающее значеніе въ историческомъ развитіи послѣднихъ столѣтій. И въ данномъ случаѣ намъ опять таки приходится ограничиться краткими замѣчаніями, выхватывающими только самое существенное и иллюстрирующими руководящую связь между событіями. По отношенію къ ренессансу — мы не будемъ измѣнять этого общепринятаго термина — слѣдуетъ отмѣтить, что тутъ рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о толчкѣ, данномъ изученіемъ древнеклассическаго міра и произведшемъ нѣчто новое, именно свободу личности, которая была неизвѣстна среднимъ вѣкамъ. Во имя свободы личности гуманизмъ выступилъ на борьбу съ преклоненіемъ предъ авторитетами, воплощеніемъ котораго служила схоластика, а реформація, которая стремилась исключительно къ нравственно-религіозному возрожденію человѣчества, перенесла эту борьбу на религіозную почву.

Изложеніе начинается съ производившихся, по большей части ощупью, попытокъ реформы въ области государства и церкви въ теченіе переходного періода, предшествовавшаго **реформаціи**, а затѣмъ изображается самая реформація со всей ея неудержимой стихійной силой. Въ ней заключаются зародыши современной государственной жизни, и по этой причинѣ это событіе пріобрѣтаетъ громадное политическое значеніе. Совершенно основательно разсуждаетъ Арминъ Тилле: „Какъ ни безотрадно сложилась политическая и національная жизнь Европы, и въ особенности Германіи въ XV столѣтіи, какъ сильна ни была политическая раздробленность германскаго народа, какъ бы мрачно ни представлялась его будущность, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ тѣхъ немногихъ, которые считали нужнымъ задумываться о ней, тѣмъ не менѣе, безспорно, что именно въ теченіе этого столѣтія наблюдается множество явленій, которыя должны быть признаны начатками того, что называется современной культурой. Культура вѣка возрожденія не можетъ быть охвачена, какъ нѣчто единое: она двуглава и бокъ-о-бокъ со старыми условіями въ деревнѣ, не только не прогрессирующими, но становящимися все болѣе невозможными, мы видимъ идущую впередъ городскую буржуазію, которая старается удовлетворить требованіямъ времени во всѣхъ отношеніяхъ“ (т. VII). Затѣмъ послѣдовала проведенная съ крайней энергіей и послѣдовательностью **противореформація**, послужившая источникомъ неисчислимыхъ бѣд-

ствій для Германіи, основаніе іезуитскаго ордена и Collegium Germanicum въ Римѣ, задача котораго состояла въ томъ, чтобы дать германскимъ богословамъ образованіе въ іезуитскомъ духѣ. Историческое изложеніе обнимаетъ вкратцѣ всѣ событія отъ побѣдоносной войны за освобожденіе Нидерландовъ до Тридцатилѣтней войны, приведшей Германію на край экономической и духовной нищеты, и заключенія Вестфальскаго міра. При разборѣ религіознаго вопроса обнаружилась сама собою необходимость въ спеціальномъ разсмотрѣніи этого момента, имѣвшаго рѣшающее значеніе для исторіи Германіи, и ему посвящена особая глава „Западно-европейское христіанство и его миссіонерская дѣятельность со времени реформаціи“. Мы слѣдимъ за распаденіемъ церкви на различныя вѣроисповѣданія, за развитіемъ различныхъ, часто враждебныхъ между собой направленій (ортодоксія, піетизмъ, свободомысліе и т. д.), затѣмъ переходимъ къ „культурной борьбѣ“ и заканчиваемъ эту статью изображеніемъ весьма неодинаковой по своимъ послѣдствіямъ миссіонерской дѣятельности различныхъ вѣроисповѣданій, культурно-историческое значеніе которой часто забывается. Сколько ошибокъ не было сдѣлано на этомъ пути, но цѣль миссіонерской дѣятельности стоитъ выше всякаго упрека и благотворное нравственное вліяніе проповѣди евангелія не подлежитъ никакому спору. Хотя, съ одной стороны, замѣчается рѣзкое отпаденіе отъ церкви и даже вообще отъ христіанства и наряду съ этимъ весьма распространенный скептицизмъ, ииндифферентизмъ, но, съ другой стороны, эти стремленія свидѣтельствуютъ о свѣжей силѣ и оживленной дѣятельности, такъ что Вильгельмъ Вальтеръ совершенно основательно могъ выразиться въ слѣдующихъ словахъ даже относительно нѣкоторыхъ не совсѣмъ свободныхъ отъ упрека явленій, какъ, напримѣръ, исцѣленій посредствомъ молитвы: „и эти явленія тоже подтверждаютъ, что въ нашъ вѣкъ, окрещенный матеріалистическимъ вѣкомъ, еще нисколько не погасло стремленіе къ сверхчувственному. Если рядомъ съ этимъ обнаруживается болѣе сильная вражда къ христіанству, то христіанская церковь должна считать и эту вражду признакомъ прогресса, поскольку она не является послѣдствіемъ непониманія христіанства, такъ какъ Христосъ сказалъ: „я пришелъ для того, чтобы возбудить людей“ (т. VII).

Конецъ тома посвященъ изображенію **возникновенія великихъ державъ**, какъ непосредственному продолженію исторіи реформаціи. Въ этой главѣ обнаруживается снова тѣсная связь между экономическими и политическими факторами культуры. Разобранная уже раньше меркантильная система, создавшая совершенно новую основу государственнаго хозяйства, погибла, какъ только выработалась неизвѣстная до того времени идея суверенитета, характеризующая собою начало и въ еще большей степени дальнѣйшее развитіе новѣйшей исторической эпохи. Измѣненіе системы государственной обороны, учрежденіе постоянныхъ армій, организація сложной бюрократической системы и т. п. служатъ яркими иллюстраціями этого радикальнаго переворота во всѣхъ условіяхъ государственной жизни. „Невольно приходишь къ тому убѣжденію, что возникновеніе тѣхъ необычайно сложныхъ политическихъ организмовъ, которые мы называемъ великими державами, оказало громаднѣйшее вліяніе на историческую жизнь не только Европы, но и всего свѣта. Націонализмъ съ его скуднымъ духовнымъ содержаніемъ не только не наложилъ новаго отпечатка на политическія учрежденія, но до настоящаго времени даже способствовалъ упроченію великихъ державъ. Въ настоящее время получается такое впечатлѣніе, что къ великимъ задачамъ, разрѣшеніе которыхъ предстоитъ человѣчеству въ ближайшемъ будущемъ, можетъ быть приступлено только съ помощью такихъ орудій, какъ великія державы“ (см. т. III). Такъ какъ развитіе великихъ державъ переплетается непосредственно съ ходомъ новѣйшей исторіи и развитіемъ современныхъ народовъ, то мы отступимъ

отъ принятаго порядка и отмѣтимъ вкратцѣ отдѣльные этапы этого пути: французскую королевскую власть, такъ какъ эта новѣйшая централизація администраціи создала во Франціи громадную политическую силу, Англію и Генеральные Штаты до успѣшной высадки Вильгельма III въ Англію. Германскую имперію послѣ Вестфальскаго мира, политическія измѣненія въ Прибалтійскомъ краѣ, усиленіе могущества Франціи при Людовикѣ XIV, упадокъ Испанской великой державы, первые шаги Россіи, какъ великой державы, государство Германскихъ Габсбурговъ, развитіе Прусскаго королевства. При всевозрастающемъ раздробленіи Германіи, поддерживаемомъ враждебными къ ней сосѣдями, вся будущность Германіи зависѣла отъ Пруссіи съ ея крѣпкой внутренней сплоченностью, несмотря на безпримѣрно неблагопріятныя географическія условія, тѣмъ болѣе, что Габсбурги все рѣзче обнаруживали свою неспособность къ разрѣшенію великихъ національныхъ задачъ. „Въ сѣверной Германіи“, — такъ пишетъ скончавшійся 22 ноября 1905 г. авторъ соотвѣтствующаго отдѣла нашего сочиненія, — „выросли и укрѣпились новая великая держава, сполотившаяся въ благоустроенное государство, и объединенный безпримѣрно долгой героической борьбой протестантскій народъ, который чувствовалъ въ себѣ призваніе къ подчиненію германскихъ племенъ своему главенству и сплоченію ихъ вокругъ своего побѣдоноснаго знамени. Прусскій король Фридрихъ сталъ германскимъ національнымъ героемъ, хотя онъ не задавался такой цѣлью. Онъ не научился вѣровать въ будущность той націи, которая преклонялась предъ нимъ, поэты которой воспѣвали его; но его энергія была сосредоточена на той задачѣ, чтобы отъ Балтійскаго моря до Альпъ ничто не совершалось безъ его воли. Миссія Гогенцоллерновъ еще не была выполнена. Прошло цѣлое столѣтіе, пока воля народа не сдѣлала ихъ стражами его чести и могущества, и ихъ судьба не соединилась неразрывно съ судьбой народа“.

Въ предисловіи къ восьмому тому самъ издатель всемірной исторіи отмѣтилъ съ особымъ удареніемъ непрерывную связь, тѣсно соединяющую между собою обѣ послѣднія части. Въ самомъ дѣлѣ, непрерывное теченіе событій не допускаетъ никакого произвольнаго дѣленія на части. Повсюду мы сталкиваемся съ органическими или, лучше сказать, необходимыми послѣдствіями прежнихъ начатковъ и зародышей. Рѣзче всего это замѣтно въ первой большой главѣ восьмого тома подъ заголовкомъ: „Западная Европа въ періодъ революціи, Наполеона I и реакціи“. Французская революція, послужившая сигналомъ къ всеобщему европейскому перевороту, была законнымъ дѣтищемъ стараго режима, а Наполеонъ, съ своей стороны, былъ естественнымъ наслѣдникомъ революціи, а послѣ его паденія такъ же неизбѣжно должна была распространить свое невыносимое господство по всей культурной Европѣ еще гораздо раньше подготовленная реакція. Верховныя права народной воли, исполнителемъ которой называлъ себя Наполеонъ, были вытѣснены окончательно догматомъ „королевской власти по милости Божьей“, и вмѣстѣ съ тѣмъ началось подавленіе либеральныхъ движеній во всѣхъ европейскихъ странахъ, естественнымъ образомъ повлекшее за собой цѣлый рядъ революціонныхъ движеній. Эти движенія разсматриваются во второй главѣ: „Государственныя и общественныя новообразованія въ Европѣ между 1830 и 1859 гг.“. Среди всѣхъ этихъ смутъ, многообѣщающихъ зачатковъ, горькихъ разочарованій, кровопролитныхъ столкновеній между борцами за свободу и правительственными войсками и т. д., мерцаетъ только одна звѣздочка, указывающая путь къ спасенію, которая, въ самомъ дѣлѣ, привела Германію къ расцвѣту, превзошедшему всѣ ожиданія — это основаніе германскаго таможеннаго союза въ 1833 г., на которое сразу было обращено мало вниманія и къ которому впослѣдствіи относились съ пренебреженіемъ, но которое было въ дѣйствительности первоклассныымъ національнымъ подвигомъ.

Политическія перемѣны, совершившіяся подъ французскимъ вліяніемъ до 1859 г., служатъ переходомъ къ третьей главѣ, изображающей объединеніе Италіи и Германіи (1859—1866 г.) и переносящей насъ въ самый центръ тѣхъ событій, въ развитіи которыхъ уже принимало участіе современное поколѣніе. На сцену выступаютъ великіе государственные люди, рядомъ съ Кавуромъ стоящая головою выше всѣхъ другихъ фигура Бисмарка, обнаружившаго самые широкіе планы, хотя, правда, только для болѣе проницательныхъ людей, уже при первыхъ своихъ столкновеніяхъ съ палатой депутатовъ. Послѣ Шлезвигъ-Гольштейнской прелюдіи послѣдовала Австро-Прусская война, отдавшая въ руки Пруссіи главенство надъ Германіей и вытѣснившая изъ германскаго союза окаменѣвшую и погрязшую въ эгоистической и династической политикѣ Австрію. Несравненное дипломатическое искусство великаго германскаго государственнаго дѣятеля оцѣнено по достоинству Генрихомъ Фридъюнгомъ. Такой благопріятный результатъ австро-прусской войны былъ достигнутъ, главнымъ образомъ, благодаря тому, что Наполеонъ III по легкомыслію упустилъ благопріятный моментъ и протянулъ свою руку къ Германской территоріи только по окончаніи австро-прусской войны. Съ необычайно тонкимъ дипломатическимъ лукавствомъ Бисмаркъ сдерживалъ французскаго императора до конца этой войны. Теперь Наполеонъ потребовалъ уплаты за свой нейтралитетъ. Его посланникъ Бенедетти потребовалъ отъ Бисмарка 5 августа уступки Рейнскаго Пфальца вмѣстѣ съ Майнцемъ, а также области по рѣкѣ Заалѣ. Бисмаркъ съ гордостью отвергъ его домогательства. Онъ сталъ угрожать, что если Франція не откажется отъ своихъ требованій, то онъ немедленно заключитъ миръ съ южно-германскими государствами цѣною какихъ бы то ни было уступокъ и въ союзѣ съ ними выступитъ на борьбу для завоеванія Эльзаса и Лотарингіи. Наполеонъ испугался, такъ какъ его военныя силы рѣзко уступали громаднымъ соединеннымъ силамъ Германіи. Одна Пруссія держала подъ знаменами около 660 тысячъ человѣкъ. Бисмаркъ позаботился о томъ, чтобы требованія Франціи были опубликованы въ одной парижской газетѣ, что вызвало сильное возбужденіе національнаго чувства въ Германіи, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ему удалось заключить союзъ съ южно-германскими государствами. Теперь Германія была настолько сильна, что она могла отстоять каждую пядь своей національной территоріи отъ нападенія какъ съ востока, такъ и съ запада. Прусская дипломатія перехитрила Наполеона III еще раньше, чѣмъ онъ былъ разбитъ на полѣ битвы. Такъ какъ императоръ упорно открещивался отъ воинственной политики Друэнъ-де-Луиса, то послѣдній подалъ въ отставку и сказалъ: „Я видѣлъ появленіе и исчезновеніе трехъ династій. Я замѣчаю признаки близкаго паденія, и удаляюсь“ (см. томъ VIII). Что конецъ этой политической картины, т. е. исторія 1866—1902 гг., тоже связанъ непосредственно съ предшествовавшими крупными политическими успѣхами Германіи, какъ это было разъяснено по отношенію къ предшествующимъ событіямъ — это понятно безъ дальнѣйшихъ поясненій. Хотя въ этомъ изложеніи удѣлено должное вниманіе другимъ европейскимъ государствамъ, какъ, напримѣръ, Франціи, Австро-Венгріи, Италіи и Швейцаріи, но по нѣкоторымъ соображеніямъ Германіи отводится центральное и первенствующее мѣсто. Съ особенной подробностью излагается не только франко-прусская война, но и развитіе Германской имперіи, печальный культуркампфъ (борьба съ католиками-ультрамонтонами), роковыя послѣдствія котораго ощущаются и понынѣ, грозный соціальный вопросъ и, наконецъ, тернистая колоніальная политика Германіи, безвыходно навязанная ей ея положеніемъ великой державы. Относительно, больше всего мѣста удѣлено культурно-психологическому анализу науки, искусства и народнаго просвѣщенія, отъ XII столѣтія и до настоящаго времени; это задача настолько громадная и сложная, что во многихъ случа-

яхъ направленіе внутренняго развитія могло быть обозначено только общими штрихами. Пусть, напримѣръ, читатель вспомнитъ, какой громадный путь лежитъ между схоластикой, съ одной стороны, и гуманизмомъ и вновь поблекшимъ натурализмомъ, съ другой! а между тѣмъ, приходилось обнять всю духовную жизнь во всей ея совокупности, не только науку и литературу, но и искусства, между которыми музыка занимаетъ не послѣднее мѣсто. Мы обращаемъ вниманіе читателя, въ особенности, на изображеніе народнаго просвѣщенія на его различныхъ ступеняхъ, превосходно иллюстрирующихъ духовный ростъ народа, и на развитіе новѣйшей великой державы, періодической печати, а вмѣстѣ съ ней и цензуры. Первый Index librorum prohibitorum (списокъ запрещенныхъ книгъ), который былъ обнародованъ между 1557 и 1559 гг., уже черезъ короткое время вызвалъ слишкомъ много подражаній. Что всѣ эти разнообразныя духовныя стремленія подчасъ приходили между собой въ рѣзкое столкновеніе, что исконныя противорѣчія между религіей и наукой снова обострились — это вполнѣ естественно. „Но эти противорѣчія и духовная борьба, разыгравшаяся на ихъ почвѣ, — это не единственное противорѣчіе и не единственная борьба, которыя заслуживаютъ вниманія историка. Они служатъ только для него самыми осязательными признаками того, что и въ новѣйшіе вѣка исконная западно-европейская культурная общность продолжаетъ существовать, несмотря на вѣроисповѣдный, національный, политическій и соціальный расколъ. Наряду съ національными различіями слѣдуетъ отмѣтить съ особымъ ударенiемъ общеевропейскія гармоніи, такъ какъ всѣ члены семьи народовъ нашей части свѣта связаны между собою издревле не только узами кровнаго родства, но и двойнымъ духовнымъ наслѣдіемъ: сокровищами древне-классическаго міра и романтизмомъ" (т. VIII).

Заключительнымъ отдѣломъ этого тома служитъ статья объ экономическомъ и культурно-историческомъ значеніи Антлатическаго океана, этого моста между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, и такимъ образомъ, конецъ связывается съ началомъ. Подобно тому, какъ Средиземное море сыграло значительную роль въ исторіи человѣчества, не исчерпанную окончательно и понынѣ, — такимъ же образомъ съ расширеніемъ нашего горизонта въ вѣкъ великихъ географическихъ открытій эта роль перешла по наслѣдству къ Атлантическому океану съ тѣмъ отличіемъ, что подъ созвѣздіемъ международнаго обмѣна и связанной съ нимъ міровой политики всѣ историческія явленія приняли гораздо болѣе грандіозные размѣры. Эта перспектива, охватывающая весь земной шаръ, открылась для насъ только благодаря Атлантическому океану, подготовившему европейскіе народы къ захвату всемірнаго господства, и такимъ образомъ, былъ покрытъ тотъ недостатокъ Средиземнаго моря, что оно не дало обитателямъ своего побережья такого воспитанія, какъ Атлантическій океанъ. „Ни Средиземное, ни Балтійское моря не развили у своихъ жителей способности къ немедленному захвату господствующей роли на морѣ, какъ только путешестіе на востокѣ Васко-де-Гамы и кругосвѣтное путешествіе Магеллана открыли къ этому возможность. Отказались служить человѣчеству тѣ моря, которыя были всегда до наступленія этихъ великихъ десятилѣтій если не носителями культуры и исторіи вообще, то носителями извѣстной культуры и извѣстной исторіи; Венеція и Генуя не прошли черезъ Гибралтарскій проливъ, а Ганза черезъ Скаггеракъ и Ламаншъ для того, чтобы, съ своей стороны, принять участіе въ начавшейся борьбѣ за господство надъ морями. Къ господству надъ своей замкнутой сферой эти государства были вполнѣ подготовлены; но для выступленія на открытый и охватывающій весь міръ океанъ ихъ знанія и способности оказались недостаточными" (т. VIII). Въ данномъ случаѣ мы опять-таки видимъ, какъ меркантильные и экономическіе интересы переплетаются съ широкими политическими задачами;

коммерческое господство — это есть первая ступень къ всемірному политическому господству. Вотъ почему въ этой послѣдней и рѣшительной борьбѣ были опережены и вытѣснены тѣ народы, которые не обладаютъ достаточными военными силами для господства на морѣ. Таковъ болѣе глубокій смыслъ извѣстной фразы императора Вильгельма: „наша будущность лежитъ на водѣ", и лѣстница смѣнявшихъ другъ друга народовъ (испанцы, португальцы, французы, англичане) какъ нельзя яснѣе иллюстрируетъ значеніе этихъ словъ въ глазахъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Поэтому-то такъ многозначительно присоединеніе къ числу этихъ соперниковъ еще одного Сѣверо-Американскаго Союза, которое служитъ предзнаменованіемъ новой эпохи, чреватой такими послѣдствіями, о которыхъ пока невозможно догадываться. Съ этимъ новымъ обстоятельствомъ придется считаться преимущественно морскому могуществу Англіи, господство которой на морѣ не только подвергается опасности, но и приближается къ своему неизбѣжному концу. „Неустранимая опасность для Англіи заключается, главнымъ образомъ, въ современномъ строѣ нынѣшнихъ великихъ державъ, обладающихъ значительнымъ могуществомъ также и на морѣ, а затѣмъ въ грозномъ сосѣдствѣ Сѣверно-Американскаго союза. Первое выступленіе Соединенныхъ Штатовъ на морѣ, подготовленное блестящимъ развитіемъ ихъ силъ, отняло у Атлантическаго океана значеніе краевого воднаго бассейна, окаймляющаго весь міръ, и превратило его въ Средиземное море между Старымъ Свѣтомъ и Новымъ. Подобно тому, какъ малый бассейнъ европейско-африканскаго Средиземнаго моря, внѣдренный въ глубинѣ Стараго Свѣта, привлекалъ нѣкогда къ своимъ берегамъ матеріальныя и духовныя сокровища древнихъ вѣковъ, подобно тому, какъ онъ играло роль посредника, носителя и оберегателя самобытной культуры, такимъ же образомъ Атлантическій океанъ скопляетъ на своемъ сѣверномъ побережьи главнѣйшія богатства охватывающей весь земной шаръ европейской культуры и служитъ неразрывнымъ связующимъ звеномъ между обоими главными очагами этой культуры, носителемъ ея и посредникомъ въ ея развитіи и распространеніи" (т. VIII).

2. Къ психологіи „Всемірной исторіи".

Отдѣльный человѣкъ воленъ заниматься тѣмъ, что привлекаетъ его, доставляетъ ему удовольствіе, бываетъ ему полезнымъ; но объектомъ изученія человѣчества служитъ человѣкъ. Эти слова Александра Попа, воспроизведенныя Гете, открываютъ предъ нами вѣрную перспективу той вѣковѣчной темы, которая непрерывно привлекала къ себѣ человѣческую мысль отъ первыхъ зачатковъ исторической жизни вплоть до настоящаго дня. Каждый разъ, какъ взоръ человѣка переносился обратно отъ природы съ ея загадочными явленіями къ человѣческой жизни, и опять подымался вопросъ о цѣнности и смыслѣ нашего существованія, совершался крупный переворотъ въ міровоззрѣніи человѣчества, послѣдствіемъ котораго бывало всегда расширеніе умственнаго кругозора и болѣе глубокій интересъ къ тѣмъ проблемамъ, которымъ посвящено наше изслѣдованіе. Для западной исторіи типическимъ примѣромъ можетъ служить замѣчательная фигура мудраго Сократа, который признается поэтому съ полнымъ основаніемъ основателемъ истинной философіи человѣчества. Какъ ни печальна антропоцентрическая узость его точки зрѣнія по сравненію съ болѣе широкой народно-психологической основой, тѣмъ не менѣе приходится преклониться предъ его энергической попыткой привлечь своихъ современниковъ къ сотрудничеству въ разрѣшеніи поставленной имъ ребромъ загадки существованія человѣка и стряхнуть съ нихъ духовную лѣнь, удовлетворяющуюся жизнью ради удовольствія. Если мы переберемъ разно-

образныя попытки человѣческой мысли къ опредѣленію положенія и значенія человѣческаго рода, то предъ нами раскроется психологическое развитіе идеи всемірной исторіи, которое совпадаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ послѣдовательною цѣпью историческихъ явленій. Такъ какъ въ настоящемъ трудѣ сдѣлана первая серьезная попытка примѣненія великой идеи развитія, господствующей надъ всей современной наукой, такъ какъ въ немъ географія и этнографія входятъ непосредственно въ рамки непрерывно сцѣпляющихся историческихъ явленій, а первобытные народы поставлены бокъ-о-бокъ съ культурными, то мы начнемъ съ представленій, господствующихъ на первыхъ ступеняхъ развитія культуры, въ которыхъ понятіе „человѣчество" покрывается понятіемъ о племени. Такой взглядъ былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того естественнаго кровнаго родства, на которомъ основываются первобытныя общины, разрастающіяся впослѣдствіи въ болѣе многочисленныя орды. Мы встрѣчаемъ его у первобытныхъ народовъ, по той же причинѣ называющихъ всѣхъ чужаковъ безъязычными, а также у китайцевъ и у грековъ съ ихъ рѣзкимъ противопоставленіемъ своихъ соплеменниковъ варварамъ. По этой же причинѣ всякій иноплеменникъ, не пользующійся особымъ покровительствомъ, можетъ быть безнаказанно убитъ, въ то время какъ убійца соплеменника наказывался кровной местью. „Первымъ лучемъ свѣта, падающимъ на это варварство, признающее рабомъ всякаго иноплеменника", говоритъ Адольфъ Бастіанъ: „является гостепріимство (которое влечетъ за собою заключеніе обоюдныхъ браковъ) и покровительство, оказываемое гостю по обычному праву кочевниковъ". Начинаетъ замѣчаться нѣкоторое, на нашъ взглядъ незначительное расширеніе узкаго кругозора: зарождается участіе къ судьбѣ родственныхъ по крови племенъ (кромѣ своего собственнаго), и такимъ образомъ, въ общественной организаціи начинается соціально политическій переворотъ, неизбѣжно пріобрѣвшій значеніе также въ развитіи идеи о всемірной исторіи.

Въ предѣлахъ настоящаго труда достаточно будетъ сослаться въ подтвержденіе сказаннаго на примѣръ Рима, ближе всего интересующій нашу историческую мысль, такъ какъ въ римскомъ государствѣ мы можемъ прослѣдить постепенный непрерывный прогрессъ отъ мелкихъ, скромныхъ зачатковъ до идей, достигшихъ поражающей высоты и широты. Римскій „Кругъ Земной", orbis terrarum, повлекъ за собою съ логической необходимостью соотвѣтствующую идею о человѣческомъ родѣ, genus humanum, которая получила свою научную формулировку въ сферѣ эллинизма и среди стоиковъ. Когда римлянинъ временъ Адріана или Траяна охватывалъ въ своемъ воображеніи громадное пространство всемірнаго государства, на окраинахъ котораго бушевали дикіе, но въ то время еще успѣшно обуздываемые народы, то его сердце преисполнялось гордымъ сознаніемъ того, что его народъ объединилъ однимъ общимъ прочнымъ общественнымъ строемъ, одной универсальной государственной организаціей весь міръ, весь кругъ земной, поскольку этотъ послѣдній былъ для него опредѣленнымъ географическо-историческимъ понятіемъ. Характерно то явленіе, что въ этомъ единомъ государствѣ возникли мало-по-малу различные культурные центры. Византія играла впослѣдствіи важную роль посредника между Востокомъ и Западомъ, и благодаря этому, она пріобрѣла значеніе первостепеннаго историческаго фактора, вліяніе котораго простиралось далеко вглубь Германіи. Контуры картины всемірной исторіи стали болѣе широкими и грандіозными.

Уже стоическая философія стремилась къ сглаживанію національныхъ особенностей и противорѣчій и къ выработкѣ космополитическаго, болѣе или менѣе абстрактно-философскаго идеала. Однако настоящій рѣшительный переворотъ въ этомъ направленіи былъ созданъ только христіанствомъ, придавшимъ этому космополитизму религіозную окраску, какъ

это развиваетъ болѣе подробно Германъ Лотце: „Только христіанская культура развила съ пылкой ясностью идею общности всѣхъ народовъ и превратила понятіе о человѣческомъ родѣ въ идею человѣчества, которая въ нашемъ умѣ не ассоціируется съ параллельной идеей о „звѣрствѣ". Терминъ „человѣчество" выражаетъ собою, что отдѣльные индивидуумы являются не только безразличными экземплярами одной общей породы, но и опредѣленными частями единаго цѣлаго, что превратности историческихъ судебъ, переживаемыя отдѣльными народами, не только служатъ иллюстраціями однородности послѣдствій, возникающихъ при сходныхъ условіяхъ, и разнородности послѣдствій, возникающихъ при несходныхъ условіяхъ, на основаніи общихъ естественныхъ законовъ жизни, но составляютъ частицы одного грандіознаго всемірнаго руководящаго пути Провидѣнія, не оставляющаго внѣ единой совокупности своихъ предначертаній ни одной частицы изъ всего совершающагося на всемъ протяженіи вѣковъ отъ сотворенія міра до страшнаго суда" (Mikrokosmos III). Читатель можетъ разобрать съ полной отчетливостью, какъ религіозно-этическая идея даетъ ростъ теологической тенденціи, впослѣдствіи пріобрѣвшей такое роковое значеніе. Уже отцы церкви поддерживали такой взглядъ, поскольку они вообще интересовались задачами философіи исторіи, а впослѣдствіи онъ снова всплылъ на поверхность, въ особенности въ вѣкъ просвѣщенія. Понятно, однако, что онъ не внесъ ничего, стоющаго вниманія, въ трезвую науку, хотя мы признаемъ вмѣстѣ съ Карломъ Вейле, что всѣми своими скудными успѣхами въ области географіи средніе вѣка обязаны именно этому взгляду (Geschichte der Erderkentniss). Къ этому присоединяются труды арабовъ и христіанскихъ миссіонеровъ, при всей своей догматической односторонности открывшихъ громадныя пространства неизвѣстныхъ территорій (terra incognita); въ видѣ примѣра назовемъ такихъ людей, какъ Лафито, Добрицгоферъ и др.

Впрочемъ, мы не имѣемъ возможности слѣдить здѣсь дальше за постепеннымъ расширеніемъ географическаго кругозора благодаря географическимъ и этнографическимъ изслѣдованіямъ, торговлѣ, усовершенствованію путей сообщенія, связанной съ ними колонизаціи и, наконецъ, дѣятельности миссіонеровъ; мы отмѣтимъ здѣсь только необычайное культурно-историческое значеніе такихъ событій, какъ открытіе Америки и Южнаго океана въ XVIII столѣтіи. Послѣднее открытіе дало богатые результаты по той причинѣ, что оно послѣдовало въ эпоху, проникнутую преклоненіемъ предъ жизнью первобытныхъ народовъ. При всей сантиментальности этого своеобразнаго періода, точка зрѣнія котораго далеко не соотвѣтствовала дѣйствительности, въ это время была расчищена почва для изслѣдованій позднѣйшаго времени, и для нихъ былъ, если не собранъ, то, по крайней мѣрѣ, намѣченъ необходимый матеріалъ. Послѣднимъ звеномъ, замкнувшимъ цѣпь географическихъ изслѣдованій, было изслѣдованіе Африки, совершившееся на нашихъ глазахъ и носившее съ первыхъ же шаговъ болѣе научный объективный характеръ, такъ что въ настоящее время основныя черты географическаго и этнографическаго всемірнаго кругозора могутъ считаться вполнѣ установленными, за исключеніемъ небольшихъ пространствъ.

Съ этимъ постепеннымъ расширеніемъ нашего горизонта, благодаря которому первоначальная, ограниченная узкими рамками исторія племени разрослась въ всеобъемлющую исторію человѣчества, тѣсно связано вызванное имъ же рѣзкое измѣненіе въ пониманіи самой этой перспективы всемірной исторіи. Для иллюстраціи этого процесса развитія мы сошлемся на замѣчаніе Шиллера въ его извѣстной вступительной лекціи, прочитанной въ Іенѣ, которая не потеряла своего значенія и въ настоящее время. Отмѣтивъ противоположность направленій между дѣйствительнымъ ходомъ событій и изученіемъ развитія всемірной исторіи, которую

мы вынуждены изучать въ обратномъ порядкѣ, восходя отъ настоящаго времени къ ея темнымъ зачаткамъ и указавъ на громадные пробѣлы въ имѣющемся матеріалѣ, этотъ мыслитель продолжаетъ слѣдующими словами: „такимъ образомъ наша всемірная исторія осталась бы навѣки кучей обломковъ и не заслуживала бы названія науки, но къ ней спѣшитъ на выручку философскій разумъ, соединяющій эти обломки посредствомъ искусно вставленныхъ связующихъ звеньевъ и превращающій эту кучу въ систему, въ единое цѣлое, объединенное разумной связью. Свое право на такую переработку матеріала разумъ основываетъ на постоянствѣ и неизмѣнномъ единствѣ законовъ природы и человѣческаго духа, на томъ единствѣ, благодаря которому событія самой глубокой древности повторяются снова въ теченіе новѣйшихъ историческихъ періодовъ при стеченіи одинаковыхъ внѣшнихъ условій, такъ что на основаніи событій самаго послѣдняго времени, находящихся въ сферѣ нашихъ наблюденій, можетъ быть пролитъ свѣтъ и могутъ быть дѣлаемы выводы относительно событій, теряющихся во мракѣ доисторическихъ временъ; методъ заключенія по аналогіи является могучимъ вспомогательнымъ средствомъ въ исторіи, какъ и въ другихъ областяхъ, но онъ долженъ оправдываться важностью преслѣдуемой цѣли и примѣняться съ осторожностью“. „Философскій разумъ“ Шиллера это есть не что иное, какъ неискоренимая склонность человѣческаго ума къ отысканію причинной связи между явленіями; онъ не удовлетворяется нанизываніемъ отдѣльныхъ фактовъ, а стремится къ отысканію внутренней связи между этими фактами. Что методъ обратнаго заключенія оправдалъ себя самымъ блестящимъ образомъ въ народной психологіи, это мы отмѣтимъ только мимоходомъ. Мы не можемъ заниматься здѣсь болѣе подробнымъ развитіемъ и изложеніемъ различныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ разсматривалась связь между всемірно-историческими событіями, а мы намѣтимъ только вкратцѣ важнѣйшія формы изученія всемірной исторіи.

Простой хронологическій перечень событій составляетъ повсюду первую стадію развитія всемірной исторіи; такъ было у всѣхъ некультурныхъ народовъ, какъ, напримѣръ, у китайцевъ, японцевъ, мексиканцевъ, грековъ и римлянъ. На послѣдующей ступени вырабатываются обыкновенно извѣстныя господствующія даты, которыя служатъ руководящими точками всего изложенія, такъ что на основаніи ихъ опредѣляются хронологическія цифры и зависящій отъ нихъ порядокъ изложенія. Такими руководящими линіями служатъ, напримѣръ, Рождество Христово, Геджра Магомета, Будда, Конфуцій и т. д. Еще высшую ступень составляетъ прагматическое, причинное пониманіе исторіи, отыскивающее въ послѣдовательномъ хронологическомъ развертываніи событій причинный моментъ, обосновываемый изслѣдователемъ по мѣрѣ возможности. Типическимъ примѣромъ могутъ служить изъ греческихъ историковъ Геродотъ, и въ еще большей степени, Ѳукидидъ, тщательно устраняющійся отъ религіозной односторонности, еще замѣтной у его предшественника. Само собою разумѣется, что эта же самая руководящая нить сохранила свое первенствующее значеніе и въ наше время съ тѣмъ только отличіемъ, что матеріалъ разросся въ гигантскихъ размѣрахъ. Однимъ изъ памятниковъ этого рода, создавшихъ эру въ наукѣ, слѣдуетъ считать, несмотря на всю односторонность точки зрѣнія этого труда, сочиненіе Генри Томаса Бокля, основывающееся на обширномъ сравнительномъ матеріалѣ и на всей совокупности новѣйшаго естествознанія, сочиненіе, которое никогда не могло быть закончено по самому своему плану. Что касается телеологической перспективы, удержавшейся вплоть до настоящаго времени, отчасти какъ рѣзкая противоположность чисто причинному пониманію исторіи и во всякомъ случаѣ, какъ нѣчто непримиримое съ нимъ, то она была доведена до своей наивысшей точки въ XVIII вѣкѣ

писателями просвѣтительнаго направленія и въ особенности геніальнымъ трудомъ Гердера „Идеи изъ философіи исторіи человѣчества". Какъ должна относиться къ подобной программѣ строго объективная историческая наука, не считающаяся на первомъ планѣ съ чувствами, какъ бы благородны они ни были, это было разобрано съ достаточной подробностью редакторомъ настоящаго сочиненія (срав. т. I, стр. 7); даже осторожная, какъ ее называютъ, опирающаяся исключительно на логику фактовъ телеологическая точка зрѣнія очень легко сбиваетъ съ пути и приводитъ къ безсознательному извращенію фактовъ, а въ лучшемъ случаѣ мѣшаетъ безпристрастному изложенію ихъ. Мы предполагаемъ, что нашимъ читателямъ извѣстна та неожиданная, суровая, но вполнѣ заслуженная критика, которой подвергся трудъ Гердера со стороны Канта; этотъ геніальный учитель напутствовалъ автора къ продолженію его труда слѣдующимъ пожеланіемъ: „чтобы ему помогла довести до конца предпринятый трудъ философія, задача которой состоитъ въ срѣзываніи, а не въ выгонкѣ безпорядочныхъ побѣговъ, и чтобъ она помогала ему не намеками, а опредѣленными понятіями, не догадками, а законами, основанными на наблюденіи, не при посредствѣ фантазіи, окрашенной метафизикой или чувствами, а при посредствѣ разума, смѣлаго въ замыслахъ, но осторожнаго въ выводахъ!" Кантъ указываетъ, что въ обнародованной части труда Гердера не выяснена даже самая задача философіи исторіи: „то, что Гердеръ называетъ философіей исторіи, есть вовсе не то, что обыкновенно подразумѣвается подъ этимъ именемъ; философія исторіи Гердера не состоитъ въ логической точности, т. е. въ опредѣленіи понятій и въ тщательномъ различеніи и подтвержденіи основныхъ положеній, — это ни на чемъ не останавливающійся, перескакивающій обзоръ, остроумное выискиваніе аналогій, которыя пускаются въ ходъ смѣлой фантазіей, соединенной съ умѣньемъ заинтересовать читателя на почвѣ чувства объектомъ, который всегда остается въ туманномъ отдаленіи; эти чувства кажутся отзвуками необъятнаго богатства идей или намеками на глубокія мысли, какихъ не найдетъ холодный разсудокъ". Поразительно, однако, что суровый критикъ самъ сбился съ пути и попалъ въ тѣ же дебри телеологіи; объ этомъ свидѣтельствуетъ съ полной очевидностью собственное сочиненіе Канта „Идея общей исторіи въ космополитическомъ направленіи": „философская попытка обработки всеобщей исторіи на основаніи плана природы, стремящейся къ полному гражданскому объединенію человѣческаго рода, — это должно считаться задачей возможной и даже содѣйствующей выполненію этого плана природы. Съ виду такая затѣя излагать исторію на основѣ той идеи, какъ бы должно было идти все теченіе міровыхъ событій, если бы оно соотвѣтствовало извѣстнымъ разумнымъ цѣлямъ, должна казаться странной и несообразной; повидимому, съ такой готовой тенденціей можно написать романъ, но не исторію. Но разъ мы допускаемъ, что природа дѣйствуетъ не безъ плана и конечной цѣли даже среди капризной игры человѣческой свободы, то такая идея должна казаться удобопримѣнимой и хотя при нашей близорукости мы не можемъ разобрать полнаго механизма ея дѣйствій, но все же эта идея можетъ служить для насъ руководящей нитью для того, чтобы придать видъ системы, хотя бы въ общихъ контурахъ, безпорядочному аггрегату человѣческихъ дѣйствій... Подобное *оправданіе природы*, или, вѣрнѣе сказать, Провидѣнія — это достаточно важный мотивъ для избранія особой точки зрѣнія для нашего міропониманія. Что пользы въ томъ, что мы прославляемъ великолѣпіе и мудрость творенія въ неразумномъ царствѣ природы и рекомендуемъ ихъ, какъ объектъ для размышленія, если та часть великаго театра дѣйствій высшей мудрости, въ которой заключается цѣль всего этого великолѣпія, исторія человѣческаго рода, будетъ оставаться вѣчнымъ упрекомъ Провидѣнію, видъ котораго заста-

вляетъ насъ отворачивать отъ него глаза съ отвращеніемъ и доводитъ насъ до отчаянія въ томъ, что мы откроемъ когда-нибудь въ этой области явленій разумную и нравственно совершенную цѣль, и приводитъ насъ къ исканію такой цѣли въ другомъ, загробномъ мірѣ?“ Если всѣ эти мысли не проникнуты осужденной Кантомъ теоріей цѣлесообразности, то приходится отречься отъ законовъ логики. Такъ дѣло обстоитъ до настоящаго дня, какъ въ этомъ можно убѣдиться при самомъ бѣгломъ прочтеніи большинства руководствъ; этотъ телеологическій взглядъ принадлежитъ, повидимому, къ числу тѣхъ общечеловѣческихъ предпосылокъ, подъ угломъ которыхъ мы разсматриваемъ все происходящее.

Къ этому присоединяется другое обстоятельство, тоже отмѣченное Гельмольтомъ, неизбѣжное отсутствіе истинной объективности, обусловливаемое предвзятой и, можно сказать, риторически окрашенной телеологической тенденціей (ср. т. I, стр. 9). Незачѣмъ повторять, что всякое сужденіе, въ концѣ концовъ, проникнуто индивидуализмомъ; но это не исключаетъ полнѣйшей научной точности и изъ этого не вытекаетъ, что всякое сужденіе должно быть предубѣжденнымъ, догматическимъ. Отъ безпристрастнаго изложенія, отъ точной обработки существующаго матеріала требуется прежде всего устраненіе личныхъ симпатій и настроеній. Это относится не только къ отдѣльнымъ личностямъ, съ которыми связывается часто сбивающійся съ пути культъ героевъ, но также къ цѣлымъ эпохамъ, народамъ и учрежденіямъ. Безусловно вполнѣ основательно слѣдующее замѣчаніе Альберта Германа Поста: „индивидуальная оцѣнка — это рѣзко колеблющійся факторъ, дѣлающій невозможной строго научную обработку этнологическихъ вопросовъ. Нравственное омерзеніе этнологовъ предъ такими явленіями, что такой или иной народъ живетъ безъ брака, предается людоѣдству, что онъ приноситъ человѣческія жертвы, что онъ сажаетъ на колъ или колесуетъ своихъ преступниковъ или сжигаетъ колдуновъ и вѣдьмъ, вовсе не способствуетъ разрѣшенію этнологическихъ проблемъ; оно только спутываетъ причинную связь между этническими явленіями, которую этнологъ долженъ выслѣживать съ хладнокровіемъ анатома. Тотъ, кто можетъ говорить о безсмысленныхъ обычаяхъ и безсмысленныхъ народныхъ взглядахъ, тотъ еще не созрѣлъ для этнологическихъ изслѣдованій“. То, что говорится здѣсь въ частности о народовѣдѣніи, являющемся, между прочимъ, весьма важнымъ вспомогательнымъ средствомъ историческаго, въ особенности культурно-историческаго изслѣдованія — это относится въ той же мѣрѣ къ методу изложенія всемірной исторіи, которая, безспорно, слишкомъ легко принимаетъ индивидуальную окраску уже по одной той причинѣ, что неизбѣжно вліяніе собственнаго міросозерцанія, собственнаго опыта и субъективной вѣроисповѣдной точки зрѣнія автора.

Въ особенности такія ошибки возможны при оптимистической или пессимистической точкѣ зрѣнія, какъ это увидимъ ниже. Но мы должны отмѣтить тутъ же тѣ роковыя ошибки, которыя связаны съ вопросомъ о значеніи и цѣнности исторіи и стоятъ часто въ непосредственной зависимости отъ телеологическихъ тенденцій либо потому, что смысла исторіи ищутъ въ воспитаніи человѣчества, по большей части, недоступномъ ограниченному человѣческому взгляду и потому оставляющемъ поле для всевозможныхъ догадокъ, или же потому, что берутся за попытку развить идею подобнаго воспитанія въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется углубившемуся въ себя человѣческому духу и вообще въ какомъ бы духѣ ни истолковывалась эта задача. Во всякомъ случаѣ и тутъ все дѣлалось подъ диктовку чувства, и нерѣдко крайне страстнаго чувства, какъ это мы сейчасъ увидимъ, а не спокойной, хладнокровно взвѣшивающей логики. Лотце, который былъ перворазряднымъ спекулятивнымъ умомъ, но подчинялся страстнымъ чувствамъ, не знаетъ мѣры въ протестѣ противъ гегелевскаго самооткровенія божественныхъ идей въ исторіи, послѣднимъ мудрымъ ре-

зультатомъ которыхъ должно считаться все совершающееся. „То, что должно почитаться благомъ“, восклицаетъ онъ, „можетъ обрѣтаться только въ живомъ чувствѣ духовнаго существа; все то, что лежитъ внѣ духовныхъ существъ, между ними, впереди нихъ или позади нихъ, все то, что составляетъ фактъ, вещь, свойство, отношеніе или событіе — все это относится къ царству вещественности, которое подготовляетъ блага, но само не есть благо. Покуда я дышу, я буду бороться противъ этого трезваго, но тѣмъ не менѣе страшнаго суевѣрія, которое погружено въ преклоненіе предъ фактами и формами, не постигаетъ больше глубоко разумныхъ цѣлей дѣйствительной жизни, пропитанной душевною теплотою, и съ непонятнымъ хладнокровіемъ переноситъ свой взоръ черезъ нее и ищетъ глубочайшаго смысла мірозданія въ соблюденіи тайнаго этикета развитія. Когда предъ ними раскрываются въ исторіи сіяющіе тысячами красокъ пылъ и страсть человѣческой жизни, глубокая оригинальность отдѣльныхъ душъ, потрясающія сцѣпленія судебъ, сходныхъ по своимъ общимъ очертаніямъ, но безконечно различныхъ въ ихъ оригинальномъ развитіи, — когда эта великая картина раскрывается передъ ними, они поднимаются и спрашиваютъ: „Неужели нѣтъ способа разложить обратно это великое на мелкія и жалкія частицы? Да, конечно, мы подвинемся въ обратномъ направленіи, назадъ, а не впередъ, если мы навяжемъ себѣ, подъ видомъ послѣдняго смысла и цѣли мірозданія, тоскливую, однообразную пустыню логически необходимаго развитія. Поэтому мы, не переставая, будемъ бороться противъ подобныхъ представленій, стремящихся къ изученію только одной, менѣе значительной половины мірозданія, движенія отъ фактовъ къ новымъ фактамъ, отъ формы къ новымъ формамъ, а не непрерывнаго претворенія всѣхъ этихъ внѣшнихъ явленій въ единое истинное цѣнное, въ счастье и отчаяніе, въ преклоненіе и омерзеніе, любовь и ненависть, въ ликующую самоувѣренность и тоску отчаянія, во все то безконечное трепетаніе, въ которомъ протекаетъ жизнь, и которое одно только заслуживаетъ названія жизни“. Это страстное изліяніе проникнуто религіознымъ пыломъ, но научной доказательности оно не имѣетъ. Этого не отрицаетъ и самъ Лотце, который говоритъ: „въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣческій духъ призываетъ на помощь духи предковъ или пальму будущности, прошедшее и будущее представляются ему не метафорическими выраженіями, а безусловными реальностями. Безсмысленно призывать на помощь несуществующее. Каждый разъ, какъ человѣчество пытается дать себѣ отчетъ въ смыслѣ своего существованія со всей силой непосредственнаго чувства, не ослабленнаго научной разсудочностью, въ немъ заговариваетъ съ громадной силой идея подобнаго неумиранія и возстановленія всѣхъ предметовъ, находившихъ себѣ выраженіе въ самыхъ различныхъ формахъ. Чтобы эта идея давала намъ ключъ къ пониманію всемірной исторіи, этого мы не можемъ утверждать“. А для насъ, людей науки, въ этомъ заключается весь узелъ вопроса. Наконецъ, есть еще одинъ моментъ, который способствовалъ извращенію телеологическаго міровоззрѣнія, опасная переоцѣнка личности и недооцѣнка соціальныхъ факторовъ. Кто считаетъ вмѣстѣ съ Карлейлемъ исторію біографіей великихъ людей, или готовъ слѣдовать за Ницще, по мнѣнію котораго народъ — это окольный путь для того, чтобы создать нѣсколько великихъ людей, тотъ становится неспособнымъ къ трезвому взвѣшиванію вслѣдствіе опьяненія культомъ героевъ, тотъ теряетъ чутье и разумѣніе человѣческой жизни, въ особенности имѣющей наиболѣе рѣшающее значеніе непрерывности соціальнаго развитія. Такъ какъ рѣчь идетъ о принципіальномъ соціальномъ вопросѣ, то эти замѣчанія нуждаются въ подробномъ обоснованіи, тѣмъ болѣе что этотъ вопросъ касается непосредственно нашей эпохи.

Наиболѣе яркими выразителями индивидуализма въ XVIII вѣкѣ были Фихте и Руссо, первый со своимъ метафизическимъ представленіемъ о самовластномъ, производящемъ міръ личномъ „я“, а второй со своимъ

культурно-историческимъ тезисомъ о первоначально свободномъ и затѣмъ порабощенномъ жалкой цивилизаціей человѣкѣ, назначеніе котораго состоитъ въ освобожденіи отъ этихъ позорныхъ цѣпей. Отсюда вытекало извѣстное обоснованіе права, общества и государства и т. д. опредѣленными договорами, все болѣе ограничивавшими самостоятельное развитіе личности, представленіе, отстаиваемое еще и понынѣ въ нѣкоторыхъ руководствахъ государственнаго права. Такой взглядъ несовмѣстимъ ни съ фактами, ни съ психологіей. Поскольку нашему взгляду доступны зачатки первобытной культуры, мы нигдѣ не замѣчаемъ той независимости первобытнаго человѣка, которая была такъ ярко разрисована Руссо и его легковѣрными современниками. Почти можно сказать наоборотъ, что на низшихъ ступеняхъ культуры личность подвержена большимъ стѣсненіямъ, чѣмъ на высшихъ. Обычаи, привычки, вообще соціальная жизнь, религія, право обусловливаютъ такую рѣзкую однородность чувствъ и поступковъ на низшихъ ступеняхъ культуры, что почти не замѣтно никакихъ индивидуальныхъ отклоненій. Единичная личность совершенно растворяется въ охватывающей ее совокупности племени и орды, такъ что господствуютъ главнымъ образомъ коллективныя права и обязанности, а индивидуальная личность почти не проявляется. Изъ этого состоянія первобытной подчиненности человѣкъ развивается мало-по-малу, переходя черезъ различныя ступени развитія, въ болѣе или менѣе рѣзко очерченную личность, которая, съ своей стороны, совпадаетъ съ нравственнымъ идеаломъ только съ извѣстной степенью приближенія. Къ такому отрицательному результату мы приходимъ путемъ основательнаго психологическаго анализа. Въ началѣ нашей душевной жизни стоитъ не готовое „я“ съ вполнѣ развернувшимися силами, а состояніе безсознательной душевной дѣятельности, весьма медленно приближающееся къ окончательному процессу сознательнаго „я“. Всѣ чувства и желанія не поднимаются до порога сознанія, инстинктивны, но по этому самому тѣмъ болѣе важны.

Къ такому заключенію приводитъ насъ въ особенности изученіе народовѣдѣнія, какъ это развиваетъ Альбертъ Германъ Постъ: „На какую область соціальной жизни мы ни направимъ своего взгляда, вездѣ проявляется дѣйствіе неизмѣнныхъ соціальныхъ законовъ; повсюду предъ нами открывается исторія развитія, неуклонно стремящаяся къ опредѣленнымъ цѣлямъ, которая простирается на протяженіи многихъ столѣтій и тысячелѣтій и о цѣляхъ которой не имѣютъ никакого представленія личности, захваченныя этимъ процессомъ развитія. Стоитъ только обратить вниманіе на исторію развитія языковъ, божествъ, художественныхъ формъ, правовыхъ институтовъ, даже модъ или отдѣльныхъ предметовъ утвари. Они рождаются, растутъ и умираютъ, какъ живыя существа. Весьма мало создается преднамѣренно отдѣльными личностями, почти все растетъ органически. Личность подчиняется смутнымъ порывамъ и господствующимъ надъ нею соціальнымъ отношеніямъ; безконечно часто ея желанія противоположны тому, что она создаетъ своею дѣятельностью, а все то, что создается ею, но не соотвѣтствуетъ органическому процессу развитія, погибаетъ черезъ самое короткое время. Эта истина была выдвинута настойчиво современнымъ народовѣдѣніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соціологіей, къ сожалѣнію, съ одностороннимъ преувеличеніемъ и полнымъ пренебреженіемъ къ взаимоотношенію между личностью и окружающей ее средой. Всякая соціальная жизнь, а тѣмъ болѣе ея высшія духовныя формы основываются въ окончательномъ результатѣ на самобытной личности, безъ которой не можетъ возникнуть никакой соціальной жизни. Соціальная группа, составляющая исходную точку этихъ теоретиковъ (сюда относится также коллективизмъ Карла Лампрехта), можетъ имѣть значеніе историческаго фактора только въ томъ случаѣ, если въ ней заключается, въ качествѣ первичной двигательной силы, личность — это драгоцѣннѣйшее со-

кровище человѣческаго рода. Съ этимъ согласенъ также и Лампрехтъ, разъ онъ признаетъ, что творчество — это удѣлъ генія. А характерной особенностью генія является способность къ созданію новой среды, не абсолютно новой (объ этомъ не можетъ быть и рѣчи), но заключающей въ себѣ новые типы и нормы, которые начинаютъ служить руководящей нитью для послѣдующихъ поколѣній путемъ самобытной комбинаціи историческихъ идей и элементовъ. Только этимъ путемъ можетъ быть сужена до незначительнаго минимума средняя зависимость личности отъ ея культурной среды. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Лампрехтомъ: мы являемся частицами соціальной души нашего времени, но именно души, т. е. въ индивидуально-психологическомъ и соціально-психологическомъ смыслѣ совокупнаго организма, живущаго своей особой замкнутой жизнью и никогда не проявляющаго безпрепятственной дѣятельности. Это не есть пустая фраза. Для подтвержденія этого заключенія мы не будемъ ссылаться на элементарныя идеи Бастіана, тѣ общія типическія формы и идеи въ религіи, обычаяхъ, правѣ, искусствѣ и т. д., которыя характерны для извѣстной группы народовъ, а съ нѣкоторыми уклоненіями встрѣчаются повсюду во всемъ человѣчествѣ. Какъ извѣстно, Бастіанъ основывалъ на этомъ свою, отчасти еще сильно оспариваемую теорію народныхъ идей, которыя должны дать намъ истинныя основныя черты общечеловѣской души. Но во всякомъ случаѣ великіе продукты творчества народнаго духа: языкъ, религія, право, обычаи, искусство и т. д., не составляютъ индивидуальныхъ пріобрѣтеній, какъ увѣряли Руссо и его послѣдователи, и не возникли путемъ опредѣленныхъ соглашеній и предвзятыхъ рѣшеній; это безсмертные памятники непрерывной духовной дѣятельности отдѣльныхъ народовъ, которые должны быть признаны поэтому неоспоримой реальностью. Какъ говоритъ Вильгельмъ Вундтъ, „эти продукты творчества не только потребовали для своего созданія участія многихъ отдѣльныхъ личностей, но вообще необходимымъ условіемъ для ихъ осуществленія было существованіе общества, въ которомъ сливаются всѣ индивидуальныя жизни. Безспорно, не существуетъ общаго духа, стоящаго внѣ личности и живущаго независимо отъ нея; но вовсе нѣтъ необходимости въ подобномъ мистическомъ существѣ для осуществленія реальности общей духовной жизни, не уступающей реальности индивидуальной жизни. Для этой цѣли достаточно установить, что фактически отдѣльный индивидуумъ не можетъ существовать раньше, чѣмъ общество, а возможенъ только внутри общества, вмѣстѣ съ обществомъ въ качествѣ самосознательной духовной личности. Всѣ тѣ продукты творчества, на которыхъ основывается духовное развитіе, не могутъ быть созданы безъ дѣятельности отдѣльной личности; но въ такой же степени онѣ неосуществимы безъ духовной общей среды. Такимъ образомъ реальность общественной жизни также первобытна и также прочно обоснована во всѣхъ отношеніяхъ, какъ и реальность индивидуальной жизни, но общественная жизнь стоитъ выше личной по своей объективной и всеобщей цѣнности постольку, поскольку она болѣе долговѣчна и болѣе обширна. Это воспринималось отчетливо естественнымъ нравственнымъ чувствомъ во всѣ времена, наперекоръ всѣмъ теоріямъ философовъ, такъ какъ обязанности по отношенію къ обществу ставятся имъ выше, чѣмъ обязанности по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ“.

Плодотворное научное изслѣдованіе, а тѣмъ болѣе изслѣдованіе во всемірно-исторической перспективѣ должно стремиться къ соединенію соціально-психологическаго начала съ индивидуально-психологическимъ; всякая крайность была бы равносильна печальному регрессу. По нашему мнѣнію, было бы безцѣльно браться за попытки слѣдить еще дальше вглубь прошлаго за зарожденіемъ индивидуальнаго сознанія — это завело бы насъ въ лабиринтъ метафизики — трезвое изслѣдованіе должно

считаться, съ одной стороны, съ отдѣльными личностями въ готовомъ видѣ, а съ другой стороны, съ данной организаціей (соціальной группой): изъ непрерывнаго взаимодѣйствія обоихъ этихъ элементовъ проистекаетъ вся духовная жизнь, вся исторія. Первый долгъ строго научной работы долженъ состоять въ однородной систематизаціи этого почти необозримаго разнообразія взаимоотношеній съ цѣлью создать прочную основу всеобъемлющей психологіи культуры, какъ бы ни казалось труднымъ пріобрѣтеніе этого матеріала. Вотъ что говоритъ Лоренцъ Штейнъ о громадности этого матеріала: „мы стоимъ здѣсь предъ такимъ подавляющимъ матеріаломъ взаимоотношеній между личностью и обществомъ, т. е. многочисленными общественными кругами и интересами, въ которыхъ принимаетъ участіе эта личность, взаимныхъ отношеній ихъ между собою, между ними и государствомъ, между ними и личностью, наконецъ, еще болѣе сложныхъ взаимоотношеній между государствомъ, обществомъ и личностью или взаимныхъ противорѣчій между ними, что приходишь почти въ отчаяніе, удастся ли вообще когда-нибудь классифицировать въ исчерпывающемъ законченномъ видѣ эту необъятную громаду взаимныхъ отношеній, раскрывающихся въ современномъ, необычайно сложномъ, оперирующемъ рѣзко дифференцированными индивидуальностями общественномъ организмѣ. Единичныя попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи до настоящаго времени, оказывались нерѣдко сизифовымъ трудомъ. Однако не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это есть единственный путь къ дѣйствительно обоснованному всемірно-историческому міровоззрѣнію, которое могло бы положить конецъ всѣмъ спорамъ.

Это заключеніе приводитъ насъ прямо къ много обсуждавшемуся и вызывавшему горячіе споры вопросу о томъ, могутъ ли быть выработаны во всемірной исторіи опредѣленные законы подобно естествознанію? Само собой разумѣется, что мы не станемъ воскрешать эфирныхъ историко-философскихъ гипотезъ Гегеля, прямо несовмѣстимыхъ съ суровой дѣйствительностью. Но не случайно же предъявляетъ нижеизложенное требованіе цитированный уже нами Лотце, который искалъ гармоническаго сочетанія осторожной спекулятивной мысли съ выводами, основанными на богатомъ фактическомъ матеріалѣ: „мы нуждаемся въ механикѣ общества, которая расширила бы психологію за предѣлы личности и изучила бы ходъ, условія и послѣдствія взаимодѣйствій, которыя должны происходить между душевными состояніями многихъ личностей, связанныхъ между собою природными и общественными условіями. Такимъ путемъ мы получили бы не иллюстраціи внѣшняго вида отдѣльныхъ ступеней развитія и ихъ послѣдовательности, а правила, дающія возможность дѣлать выводы о будущемъ на основаніи условій настоящаго“. Какъ извѣстно, въ новѣйшее время пытались заполнить этотъ пробѣлъ самыя различныя соціологическія науки (статистика, политическая экономія, демографія, а отчасти также этнографія и др.). При внимательномъ отношеніи дѣло сводится, въ большинствѣ случаевъ, къ обобщенію нѣкоторыхъ аналогій, обладающихъ большей или меньшей степенью вѣроятности, но не абсолютной достовѣрностью, какъ это понятно безъ дальнѣйшихъ объясненій съ нашей стороны. Правда, на основаніи постепенно накопляющагося все болѣе богатаго и все болѣе разнообразнаго матеріала становится безспорнымъ, что нѣкоторыя человѣческія воззрѣнія и учрежденія встрѣчаются на опредѣленныхъ ступеняхъ развитія повсюду, далеко за предѣлами всякихъ отдѣльныхъ этнографическихъ и топографическихъ группъ; но въ какой мѣрѣ возможно установить для соціальной жизни законы, отличающіеся такой же всеобщностью и неизмѣнностью, какъ законы природы, это другой вопросъ, какъ это признаетъ и самъ Лотце. Куртъ Брейзигъ упускаетъ изъ виду коренное различіе между естественными и такъ называемыми историческими законами, когда онъ утверждаетъ, что опытъ служитъ для подтвержденія

законовъ, но не является необходимой составной частью ихъ. Въ томъ-то заключается роковой камень преткновенія, что по существу дѣла мы никогда не будемъ въ состояніи подтвердить, посредствомъ обставленныхъ по нашему желанію наблюденій, достовѣрность нашихъ заключеній о соціальной жизни, выведенныхъ исключительно путемъ сравненія. Если въ томъ матеріалѣ, которымъ мы располагаемъ и который долженъ быть какъ можно болѣе обширнымъ и непрерывнымъ во времени и пространствѣ, не имѣется ни одного случая, противорѣчащаго нашему выводу, то добытый результатъ можетъ считаться почти безспорнымъ, но все же не можетъ имѣть значенія непогрѣшимаго и неопровержимаго естественнаго закона. Все, что мы можемъ констатировать, сводится къ извѣстному періодическому постоянству явленій, ритмикѣ, какъ выражается Штейнъ, характеризующей всю соціальную область. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ правилами, выведенными изъ теченія всемірной исторіи, а не съ естественными законами въ настоящемъ значеніи этого слова. Такіе законы, какъ извѣстная метафора о расцвѣтѣ и увяданіи народовъ, которой такъ много злоупотребляли, должны быть устранены мало-по-малу изъ научнаго изложенія. Гораздо болѣе плодотворнымъ кажется намъ соединеніе географіи (или этнографіи) съ исторіей, иниціаторомъ котораго былъ Карлъ Риттеръ и которое было развито съ такимъ блестящимъ успѣхомъ Фридрихомъ Ратцелемъ, такъ какъ основныя данныя, на которыхъ строятся въ этомъ случаѣ выводы, гораздо болѣе наглядны. „Всемірная исторія“, говоритъ Ратцель съ полнымъ основаніемъ: „должна охватывать всю землю. Она не должна замыкаться въ тѣсныхъ географическихъ рамкахъ, почти не выходящихъ за предѣлы Европы и береговъ Средиземнаго моря, въ которыхъ она обыкновенно излагается. Общая исторія культуры и теперь уже не можетъ оставлять безъ вниманія мексиканцевъ, перуанцевъ, японцевъ и малайцевъ, или же она не будетъ заслуживать названія всеобщей, а всякая исторія Соединенныхъ Штатовъ должна удѣлить большое мѣсто бытовымъ условіямъ и жизненной дѣятельности тамошнихъ первобытныхъ народовъ“. Несмотря на все это, и при такомъ болѣе широкомъ обоснованіи всемірной исторіи, составляющемъ важнѣйшій отличительный признакъ настоящаго труда, все же остаются въ полной силѣ высказанныя нами раньше сомнѣнія: мы не можемъ уйти дальше эмпирическихъ обобщеній; всѣ попытки созданія законченной философіи исторіи съ непреложными, недопускающими исключеній законами осуждены на неудачу.

Со всѣмъ, только что сказаннымъ, тѣсно связана также проблема историческаго прогресса. Мы отклоняемъ заранѣе, какъ неосновательное, всякое оптимистическое и пессимистическое освѣщеніе этого вопроса: настроенія, хотя бы вытекающія изъ самыхъ благоугодныхъ побужденій, не могутъ служить научной основой. Тотъ, кто вѣритъ заранѣе въ нравственное совершенствованіе человѣческаго рода, того никакія противорѣчащіе этому предвзятому мнѣнію факты не заставятъ отказаться отъ своего идеалистическаго взгляда; тотъ, кто убѣжденъ съ такой непреклонностью, какъ Шопенгауэръ, въ природной низменности человѣческаго характера, того не тронутъ самыя убѣдительныя доказательства человѣческаго благородства. Мы должны стать безусловно на почву опыта и попытаться найти на ней обоснованіе общаго міросозерцанія. Главная роковая ошибка заключается въ томъ, что весьма часто, если не всегда, соціальный прогрессъ смѣшивается съ индивидуальнымъ благополучіемъ, не говоря уже о томъ, что послѣднее не допускаетъ никакого научнаго доказательства и не можетъ быть сравниваемо съ состояніемъ другихъ существъ. Для насъ, конечно, имѣетъ значеніе только соціальный прогрессъ. Нѣтъ никакого смысла вдаваться въ глубокомысленныя разсужденія о томъ, былъ ли подданный Кира, либо современникъ Перикла или Траяна,

болѣе или менѣе счастливъ, чѣмъ состоятельный гражданинъ западно-европейскаго культурнаго государства. Совершенно другую окраску пріобрѣтаетъ этотъ вопросъ, если мы будемъ смотрѣть на вещи съ соціально-психологической точки зрѣнія и станемъ разыскивать, въ какой мѣрѣ можетъ быть рѣчь о медленномъ развитіи высшаго типа человѣка, какія основанія даются подобной гипотезѣ современнымъ положеніемъ естественныхъ наукъ и въ особенности теоріей развитія. Въ послѣдней инстанціи приходится прибѣгнуть къ умозаключенію отъ тѣлеснаго къ духовному и нравственному для того, чтобы понять этотъ процессъ совершенствованія, имѣвшійся въ виду уже Лейбницомъ.

Безспорно, что въ этомъ отношеніи пока еще не достигнуто ни согласія во взглядахъ, ни ясности ихъ. „Какъ вообще мало безспорныхъ общихъ идей, такъ и въ вопросѣ о культурномъ прогрессѣ и культурѣ вообще пока еще достигнуто мало согласія. Одни видятъ сущность культурнаго прогресса въ возрастающей власти человѣка надъ природой (Бэконъ), другіе въ развитіи гуманности (Гердеръ), или же въ интеллектуальномъ и моральномъ совершенствованіи (Лейбницъ и нѣмецкая философія вѣка просвѣщенія), или же въ окончательной побѣдѣ альтруизма надъ эгоизмомъ (Контъ), либо, наконецъ, въ непрерывномъ прогрессивномъ развитіи, какъ самодовлѣющей цѣли (Спенсеръ). Какъ бываетъ со всѣми подобными опредѣленіями, оправдывается то, которое соединяетъ въ себѣ главныя идеи всѣхъ другихъ. Ближе всего къ такому эклектическому типу стоитъ опредѣленіе Рудольфа Эйкена, по которому послѣдняя задача какъ индивидуальной, такъ и общественной жизни состоитъ въ полномъ развитіи и безконечномъ ростѣ всѣхъ присущихъ человѣчеству силъ для достиженія наивозможно большей власти надъ природой, человѣческой жизнью и міромъ и для увеличенія обусловливаемаго такимъ ростомъ наслажденія жизнью“ (Лоренцъ Штейнъ). Такимъ же образомъ выражается и Густавъ Теодоръ Фехнеръ, признающій долгомъ каждаго человѣка произвести на свѣтъ какъ можно больше радостей. Только узкіе односторонніе скептики могутъ утверждать, что въ настоящую эпоху не замѣчается культурнаго прогресса сравнительно съ прежнею и что значеніе этого факта уничтожается нѣкоторыми печальными явленіями регресса. Безпристрастная соціальная перспектива убѣждаетъ въ справедливости сказаннаго, хотя бы на основаніи положенія рабочаго класса и другихъ экономическихъ соотношеній. Сюда же относится такъ интенсивно развившаяся въ послѣднее время благотворительность, не говоря уже объ уменьшеніи числа войнъ и битвъ и объ отмѣнѣ жестокихъ наказаній. Рука объ руку съ этимъ идетъ, само собой разумѣется, возрастающая утонченность нашихъ нравственныхъ воззрѣній и требованій — опять-таки этическій процессъ, значенія котораго, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ умалять. Не слѣдуетъ, однако, отваживаться на рискованныя пророчества о будущемъ, которыя опять-таки были бы отзвукомъ сбивающихъ съ пути телеологическихъ теорій, а пока слѣдуетъ удовлетвориться индуктивной психологіей культуры. Подвигается этотъ имманентный, т. е., обусловленный внутреннимъ развитіемъ прогрессъ по спирали или по другой какой-либо линіи — это имѣетъ мало значенія по сравненію съ основнымъ принципомъ соціально-исторической непрерывности, — выражающимся во всей исторической жизни. „Вырождаться могутъ носители какой-нибудь культуры“, говоритъ Штейнъ, „какъ это доказывается вполнѣ убѣдительно на примѣрахъ китайцевъ, грековъ, египтянъ, арабовъ и римлянъ, но самая культура не погибаетъ. Всѣ драгоцѣнные продукты человѣческаго духа и всѣ полезныя соціальныя учрежденія составляютъ желѣзный остовъ культуры, переходящій не только отъ одного поколѣнія къ другому, но при извѣстныхъ условіяхъ также отъ одного народа къ другому. Если какой-нибудь народъ вырождается, то наслѣдникомъ его культуры становится его побѣдитель.

Восходящій народъ заступаетъ мѣсто нисходящаго, оказавшагося неспособнымъ вынести на своихъ плечахъ высокую культуру“. Къ сожалѣнію, все это совершается не безъ перерывовъ и скачковъ; мало того, во время такихъ кризисовъ могутъ погибнуть драгоцѣнныя культурныя сокровища, которымъ приходится ждать въ такомъ случаѣ въ позднѣйшемъ періодѣ своего вторичнаго открытія и возрожденія. Но такіе кризисы всегда преодолѣвались, и послѣ нихъ зарождалась тѣмъ болѣе богатая и разносторонняя историческая жизнь. Такимъ образомъ взятая во всей своей совокупности всемірная исторія обнаруживаетъ восходящую тенденцію, поскольку въ нее можетъ проникнуть нашъ ограниченный человѣческій взоръ. Вѣра въ идеалы не есть безумная мечта, ребяческая дѣтская иллюзія, недостойная зрѣлаго человѣка, не говоря уже о громадной цѣнности этихъ иллюзій. Къ тому же при всемъ индивидуальномъ и національномъ разнообразіи и относительности всѣхъ нравственныхъ идеаловъ постепенно вырабатывается скрытое единогласіе относительно болѣе существенныхъ факторовъ и элементовъ этихъ идеаловъ, а это, въ свою очередь, оказываетъ сильное вліяніе на самый ходъ историческаго развитія. Основы подобной всеобъемлющей науки о культурѣ допускали бы непосредственное примѣненіе ко всемірной исторіи, въ чемъ мы убѣдимся ниже съ еще большей ясностью; мало того, историческій матеріалъ послужитъ для ихъ индуктивной провѣрки.

При безпристрастномъ изслѣдованіи развитія человѣческой культуры отъ ея скудныхъ доисторическихъ зачатковъ вплоть до ея высокаго уровня въ современную эпоху, въ которой на первомъ планѣ стоятъ естественныя науки и техника, нужно стать прежде всего на относительную точку зрѣнія для того, чтобы избѣгнуть поспѣшныхъ сужденій о чуждыхъ намъ явленіяхъ, и такая относительная точка зрѣнія становится тѣмъ болѣе необходимой, чѣмъ шире примѣняется къ историческому матеріалу сравнительный психологическій методъ. Только такимъ путемъ можетъ развиться болѣе или менѣе удовлетворительная объективная критика, наперекоръ обычному закорепѣлому, неисправимому фанатизму средняго человѣка, той прямолинейности, съ которой онъ судитъ обо всемъ на основаніи своего личнаго вкуса или, въ лучшемъ случаѣ, на основаніи національныхъ взглядовъ. Это относится въ наибольшей мѣрѣ къ религіознымъ представленіямъ, нравственнымъ убѣжденіямъ, обычаямъ и общественнымъ учрежденіямъ. Такая строго-научная позиція необходима, напримѣръ, при изслѣдованіи развитія брака со всѣми его дальнѣйшими развѣтвленіями, если только изслѣдователь желаетъ обезпечить безпристрастность своихъ сужденій. Тѣмъ не менѣе послѣдовательно проведенная относительная точка зрѣнія сама по себѣ недостаточна для полученія законченнаго результата. Въ противномъ случаѣ мы выпустили бы изъ рукъ всякій, болѣе общій критерій и были бы подавлены безмѣрнымъ нагроможденіемъ деталей. Какъ мы уже указали, невозможно уклониться отъ того вопроса, не существуетъ ли, несмотря на всѣ топографическія и этнографическія различія, нѣкоторыхъ общихъ элементовъ и идей, признаваемыхъ всѣми народами. Такъ дѣло обстоитъ въ дѣйствительности. Сюда относятся, прежде всего, чувства преклоненія и благоговѣнія, служащія повсюду связующимъ элементомъ всякой, хотя бы самой слабой организаціи. Естественнымъ образомъ они являются также основой нравственности, неразрывно связанной съ соціальнымъ развитіемъ; только прилагая къ отдѣльнымъ народамъ этотъ рѣшающій масштабъ, мы пріобрѣтаемъ право дать имъ этическую характеристику въ зависимости отъ стадіи ихъ развитія. Но не слѣдуетъ забывать, что во всемірно-исторической перспективѣ всегда имѣетъ значеніе не отдѣльная личность съ ея счастьемъ и ея добродѣтелями, а цѣлые народы; тутъ производится широкая соціально-психологическая оцѣнка, причемъ, какъ мы уже раньше убѣдились, въ

исторической средѣ предполагаются дѣйствующими реальныя личности. Нелѣпо было бы, однако, отвергать всякое взаимодѣйствіе въ данномъ духовномъ союзѣ личностей, и становиться, такимъ образомъ, въ прямое противорѣчіе съ фактами историческаго развитія. Нѣтъ сомнѣнія, что это общее плодотворное вліяніе затрагиваетъ также и индивидуальную личность. Накопленное, такимъ образомъ, культурное наслѣдіе передается отъ одного поколѣнія къ другому, слѣдующему, съ своей стороны пріумножающему этотъ полученный капиталъ, и далеко охватывающій взоръ открываетъ въ непрерывномъ ходѣ историческаго развитія, достовѣрность и общность котораго не опровергается отдѣльными печальными случаями регресса, идею прогресса, которой придерживаются неуклонно и съ полнымъ основаніемъ разсудительные мыслители всѣхъ временъ. Яркимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить хотя бы тотъ фактъ, что цѣнность человѣческой жизни постепенно возрастаетъ въ сравненіи съ прошлыми столѣтіями. Этого не станетъ оспаривать даже самый ярый, озлобленный пессимистъ.

Въ нравственной жизни заключаются преимущественно, говоритъ Вундтъ, общія нормы, на основаніи которыхъ должно быть опредѣляемо понятіе объ объективной цѣнности, имѣющее рѣшающее значеніе въ нашемъ пониманіи жизненныхъ элементовъ исторической жизни. Что касается интеллектуальнаго прогресса, то ни одинъ человѣкъ не выражалъ въ немъ сомнѣнія, о какой бы области человѣческаго изслѣдованія ни шла рѣчь; поэтому намъ незачѣмъ останавливаться на этомъ пунктѣ.

Итакъ, мы понимаемъ всемірную исторію, какъ безконечный культурный процессъ, начало и конецъ котораго теряются въ глубокомъ мракѣ, но смыслъ и значеніе котораго мы въ состояніи оцѣнить. Если мы будемъ руководствоваться распространеніемъ человѣческаго рода въ пространствѣ для того, чтобы имѣть въ рукахъ надежную нить, то на первый планъ выступитъ, какъ это развито съ необычайною ясностью въ настоящемъ сочиненіи (ср. т. I), отношеніе человѣка къ почвѣ. Преодолѣніе человѣкомъ пространственныхъ преградъ, возрастаніе густоты населенія и связанное съ этимъ необычайное развитіе самыхъ различныхъ соціальныхъ отношеній между отдѣльными общинами или цѣлыми народами служатъ яркой иллюстраціей этого восходящаго развитія. Если мы будемъ разсматривать человѣчество въ этомъ смыслѣ, какъ „явленіе жизни на землѣ," то отсюда само собой вытекаетъ примѣненіе къ жизни народовъ біологическаго закона борьбы за существованіе; физически болѣе сильныя племена всегда одерживаютъ верхъ надъ болѣе слабыми, хотя иногда послѣ упорной борьбы, а выше стоящіе въ духовномъ отношеніи побѣждаютъ менѣе развитые, отсталые, а часто вмѣстѣ съ тѣмъ вырождающіеся нравственно народы. Если мы окинемъ своимъ взглядомъ все прошлое теченіе всемірной исторіи, то предъ нами раскроется измѣнчивая картина непрерывной борьбы между отдѣльными набрасывающимися другъ на друга народами. Конечно, уже древняя исторія знала великія, обнимающія большую территорію государства, служившія въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени ареной мирнаго сожительства для различныхъ племенъ и расъ, но размѣры этихъ государствъ оказываются весьма жалкими въ сравненіи, напримѣръ, съ Великобританіей съ ея огромными колоніальными владѣніями. Ростъ культуры, способствующій, между прочимъ, непрерывному смѣшенію различныхъ расъ, конечно, привелъ до извѣстной степени къ такому значительному духовному сближенію между отдѣльными народами, о которомъ нельзя было и думать въ предшествующія эпохи: вотъ еще одно доказательство непрерывнаго прогресса гуманности. Весьма важную роль играютъ при этомъ воспріятіе и медленное усвоеніе чужой культуры, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ древніе вѣка у римлянъ по отношенію къ грекамъ (срав. т. I). Въ правовой жизни

самымъ плодотворнымъ по своимъ послѣдствіямъ явленіемъ этого рода было усвоеніе мусульманскаго права всѣми тѣми народами, которые были покорены арабами.

Большое значеніе имѣетъ при этомъ отношеніе между расой и націей, расой и государствомъ, — отношенія, какъ извѣстно, не однозначащія другъ съ другомъ. Въ то время, какъ на первобытныхъ ступеняхъ культуры въ первоначальной, связанной родствомъ по матери родовой общинѣ расы сохранялись въ наибольшей чистотѣ, высшая культура стремится явно къ болѣе или менѣе значительному смѣшенію расъ, такъ что въ настоящее время едва ли существуютъ чистыя расы, удовлетворяющія строго антропологическимъ требованіямъ. Правда, въ наше время возникло снова обратное теченіе, выдвигающее на первый планъ этническое различіе и создающее такимъ путемъ самое запутанное политическое положеніе. Самое тяжелое положеніе создалось въ Соединенныхъ Штатахъ; тутъ замѣчается опасная напряженность между различными расами (бѣлой, черной, желтой), въ сравненіи съ которой довольно непріятное положеніе дѣлъ въ Австрійской имперіи принимаетъ видъ маловажнаго осложненія. Несмотря на указанное нами непрерывное соперничество и борьбу за господство, которыя оттѣсняютъ на задній планъ болѣе слабые и менѣе способные народы, все же развивается преимущественно подъ объединяющимъ вліяніемъ христіанства извѣстная культурная однородность, основательно признаваемая въ настоящемъ сочиненіи (срав. т. VIII) продуктомъ западно-европейской культуры. Но нашъ горизонтъ расширился; мы познакомились съ культурами глубочайшей древности, совершенно отличными отъ нашей по своей основѣ и по ходу своего развитія, какъ, напримѣръ, съ китайской, которая оставалась въ теченіе долгаго времени очень невосприимчивой къ европейскому вліянію. О всемірной культурѣ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова еще не можетъ быть рѣчи, пока не разрѣшенъ этотъ вопросъ, т. е. вопросъ объ обособленности китайской культуры, который еле вступилъ въ свою первую стадію, несмотря на импозантное тріумфальное шествіе арійско-европейской культуры по всему земному шару. Но и помимо этого послѣдняго вопроса, космополипизмъ страдаетъ другими внутренними пороками и противорѣчіями. Онъ упускаетъ изъ виду, прежде всего, неизгладимыя этнографическія различія между отдѣльными народами, которыя вовсе не исчезаютъ съ развитіемъ культуры, какъ таковой, какъ воображаетъ маркизъ Поза и его нынѣшніе единомышленники. Какъ ни цѣлесообразны нѣкоторыя международныя соглашенія и договоры, весьма неутѣшительнымъ и нездоровымъ было бы безпорядочное смѣшеніе различныхъ народовъ и націй, объединенныхъ одной всеобъемлющей организаціей благодаря болѣе или менѣе значительной ихъ интеллектуальной однородности. Незачѣмъ останавливаться долго на томъ, что необходимымъ предварительнымъ условіемъ всякой духовной жизни, слѣдовательно, также мощнаго политическаго развитія, является національность, стало быть, въ окончательномъ выводѣ — даровитая раса.

Итакъ, если мы будетъ разсматривать всемірную исторію, какъ великій культурный процессъ, продѣлываемый человѣческимъ родомъ, то предъ нами откроется путь къ примиренію вышеуказанныхъ методическихъ противорѣчій между индивидуально-психологической и соціально-психологической точками зрѣнія. Этотъ путь очерчивается весьма ясно благодаря новѣйшей теоріи эволюціи въ томъ видѣ, въ какомъ она перенесена въ соціальную жизнь изъ первоначально узкопонимаемой области естествознанія (наилучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Гербертъ Спенсеръ). Какъ это развито вполнѣ ясно А. Г. Постомъ, „одно изъ величайшихъ и самыхъ плодотворныхъ научныхъ открытій современной эпохи состоитъ въ томъ, что всякое космическое образованіе продолжаетъ

носить въ себѣ всѣ фазы своего развитія, и во всемъ существующемъ можетъ быть открыта въ ея основныхъ чертахъ безконечная исторія его созданія. Подобно тому, какъ въ структурѣ современнаго звѣзднаго неба открывается его историческое зарожденіе подобно тому, какъ пласты земной поверхности развертываютъ предъ нами исторію нашей планеты, морфологія учитъ насъ, какъ судить на основаніи ихъ современнаго органическаго строенія о ступеняхъ развитія, пройденныхъ растеніемъ или животнымъ, раньше, чѣмъ оно не достигло своего современнаго развитія, подобно тому, какъ мы открываемъ въ послѣдовательныхъ фазахъ зародышевой жизни главнѣйшія фазы расовой жизни..., такимъ же образомъ общія картины человѣческой расы и состояніе каждаго отдѣльнаго организма, съ которымъ мы сталкиваемся въ человѣческой родовой жизни, даютъ намъ надежный матеріалъ для обратныхъ выводовъ объ исторіи организаціи человѣческой расы и индивидуальнаго человѣческаго организма. На основѣ подобнаго матеріала возможно возстановить важнѣйшія основныя черты исторіи каждаго отдѣльнаго родового организма, если только преданіе сохранило для насъ хотя бы только фазы этой исторіи или даже отдѣльныя бѣглыя замѣтки“. Это относится, вполнѣ естественно, ко всѣмъ областямъ духовной жизни: къ религіи, миѳологіи, праву, обычаямъ и искусству, такъ что во всѣхъ ихъ мы можемъ раскрыть съ полной увѣренностью развитіе проявляющихся въ нихъ идей и воззрѣній. Но, какъ было выше указано, это положеніе примѣнимо и въ обратную сторону: жизнь индивидуума представляетъ собою сокращенную исторію племени, втиснутую въ минимальный промежутокъ времени. Въ жизни и въ представленіяхъ отдѣльнаго человѣка отражается съ непреложностью естественнаго закона въ видѣ отпечатка міровая картина соотвѣтствующей эпохи съ нѣкоторыми чисто индивидуальными отступленіями. Такимъ образомъ опять-таки выясняется еще съ одной стороны неизбѣжное непрерывное взаимодѣйствіе между личностью и обществомъ, изъ котораго вытекаютъ только въ окончательномъ результатѣ историческія, т. е. приводящія въ движеніе цѣлые народы событія и явленія.

Съ этой точки зрѣнія намъ, наконецъ, становится понятнымъ одинъ моментъ, къ которому всемірная исторія относилась въ теченіе долгаго времени съ пренебреженіемъ, — общечеловѣческій характеръ, превратившійся отчасти въ безсодержательную фразу. Въ большинствѣ случаевъ за общечеловѣческій характеръ выдавалось слишкомъ поспѣшное обобщеніе національныхъ чертъ и особенностей одного какого-либо народа и распространеніе ихъ на все человѣчество, о которомъ имѣлись къ тому же весьма скудныя представленія. Этотъ печальный пробѣлъ былъ заполненъ только новѣйшимъ народовѣдѣніемъ и въ союзѣ съ нимъ новѣйшей исторіей культуры. Только теперь мы въ состояніи установить на основаніи конкретныхъ фактовъ типическія черты человѣка, т. е. тѣ, которыя повторяются всегда и повсюду у всѣхъ расъ и во всѣ эпохи, выдѣливши всѣ историческія и топографическія отступленія; теперь мы уже не имѣемъ дѣла исключительно съ спекулятивными эстетическими сужденіями, весьма ненадежными по своей сущности и по своему происхожденію, какъ это было раньше, а оперируемъ выводами, непосредственно вытекающими изъ сравнительнаго матеріала. Въ виду этого вѣрно понимаемая всемірная исторія составляетъ необыкновенно богатый источникъ для народно-психологическаго изслѣдованія, не ограничивающагося, конечно, одной фактической стороной событій, династіями и т. д.; на такое значеніе всемірной исторіи до сихъ поръ не было обращено достаточно вниманія.

Для того, чтобы выработать такую психологію культуры и такую науку о культурѣ, необходимы изслѣдованія отдѣльныхъ формъ духовной жизни съ непрерывнымъ сопоставленіемъ и сравненіемъ ихъ. Только такимъ путемъ возможно достигнуть дѣйствительно плодотворнаго расчле-

ненія сложныхъ культурно-историческихъ явленій и ихъ сведенія къ отдѣльнымъ мотивамъ и движущимъ факторамъ. Голландскій этнологъ Штейнмецъ называетъ эту зарождающуюся дисциплину характерологіей и даетъ ей слѣдующее опредѣленіе: „Она заслуживаетъ исключительнаго вниманія не только какъ наука о сложеніи и функціи характеровъ, тѣмъ болѣе, что она является единственной положительной основой педагогики, соціологіи и политики, но и потому, что только она открываетъ путь къ разъясненію сложныхъ явленій душевной жизни какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ группъ. Всѣ эти области, всѣ эти проявленія бастіановскихъ народныхъ идей (въ философіи, міровоззрѣніяхъ, религіи, направленіяхъ въ искусствѣ, правовыхъ институтахъ, морали, модахъ и т. д.) дѣлаются доступными научному объясненію только при посредствѣ характерологіи, такъ какъ всѣ онѣ въ концѣ концовъ заимствуютъ свой матеріалъ изъ жизненныхъ проявленій опредѣленныхъ индивидуальныхъ характеровъ, а эти проявленія въ свою очередь составляютъ равнодѣйствующія тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составились эти характеры. Такимъ образомъ оправдываются снова уже цитированныя нами по другому поводу слѣдующія слова Гёте: „Настоящимъ объектомъ изученія человѣчества является человѣкъ“. Шиллеръ выражается слѣдующимъ образомъ тоже въ цититированной нами уже статьѣ: „Такъ какъ всемірная исторія пріучаетъ человѣка къ сліянію самого себя со всѣмъ человѣчествомъ и къ заглядыванію въ своихъ заключеніяхъ въ далекое будущее, то она сглаживаетъ границы, такъ сильно сдавливающія человѣческую жизнь между рожденіемъ и смертью, растягиваетъ его мимолетное существованіе на безконечное протяженіе благодаря оптической иллюзіи и незамѣтно осуществляетъ переходъ отъ индивидуума къ роду“. Понятно, что это болѣе или менѣе отдаленный идеалъ, но важно уже и то, чтобы предъ нашими глазами ясно носилась эта цѣль, эта задача всемірной исторіи, — достигнуть научнаго пониманія человѣка въ типическомъ значеніи этого слова.

[illegible]

Указатель къ IX тому.

Общій указатель для I—IX томовъ.

Римскія цифры обозначают томъ, арабскія — страницу.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

X.

Ц.

Ч.

Ш, Щ. Ѣ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.